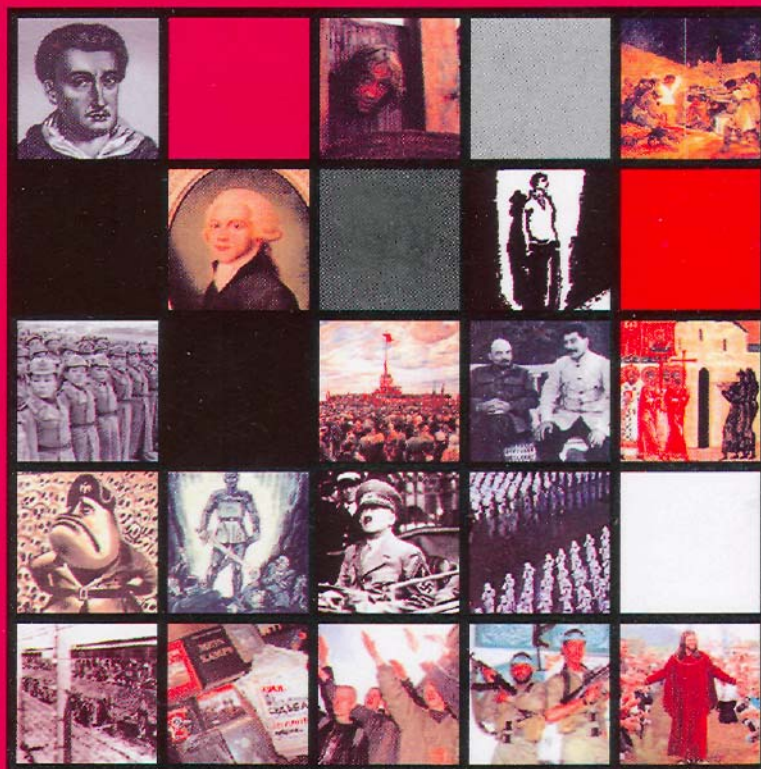

Серия

Дмитрий Поспеловский

Тоталитаризм и вероисповедание

Краткое изложение замысла и структуры книги

«Тоталитаризм и вероисповедание»

Читая лекции по истории Русской церкви в семинариях и гражданских вузах России с 1990 года, имея дело с современным русским студенчеством, я пришел к заключению, что если опасности возрождения советско-коммунистического строя в современной России нет, то угроза фашизма, тоталитаризма фашистского типа вполне реальна. Особенно беспокоит, что настроения фашистско-тоталитаристского типа встречаются довольно часто среди выпускников

новоявленных православных школ и студентов духовных учебных заведений. Поэтому я приступил к разработке нового курса, условно назвав его «Тоталитаризм и христианство». Этот курс я читаю в православных учебных заведениях России вот уже года три, все расширяя и углубляя его по мере расширения самой темы. Года два назад я решил постепенно превратить курс в книгу — учебное пособие для вузов и семинарий. И тут я столкнулся с проблемой: как назвать эту книгу? «Тоталитаризм и религия» не подойдет, потому что тоталитаризм и есть религия, религия идолопоклонства. Остановился на названии «Тоталитаризм и единобожие». Но как насчет Японии, тоталитарно-фашистские тенденции которой в межвоенное время входят целой главой в данную книгу, — там же многобожие, а не единобожие? Это заставило меня остановиться на одном из следующих двух возможных заглавий: «Тоталитаризм и теизм» или «Тоталитаризм и вероисповедание».

Дмитрий Поспеловский

Тоталитаризм и вероисповедание

БИБДЕЙСКО-БОГОСЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ

Москва

ISBN 5-89647-074-6

Серия «История Церкви»

Дмитрий Поспеловский **Тоталитаризм и вероисповедание**

Корректор *Наталья Алешина* Дизайн *Антон Бизяев*

Данное издание выпущено при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)-Россия. Тоталитаризм — это одна из самых страшных и опасных духовных болезней XX века, стоившая человечеству миллионов жертв. В книге Д.Поспеловского дается анализ природы тоталитарных режимов на примерах истории СССР, Китая, Северной Кореи, других стран. Свою задачу автор видит не только в беспристрастном взгляде историка, он смотрит глазами христианина, который понимает, что тоталитаризм — это не только античеловеческий соблазн, но и богоборческий. Эта болезнь, к сожалению, может проявляться даже в церкви, особенно в странах, недавно освободившихся от коммунистического ига.

Христианство тоже претендует на всецелое, тотальное овладение человеком, его всеобщее преображение. Но Евангелие проповедует Царство не от мира сего, которое нельзя завоевать при помощи земной власти. «Познайте истину, и истина сделает вас свободными», — сказал Христос. Однако вслед за Пилатом многие продолжают вопрошать: «Что есть истина?» И от того, как мы отвечаем на этот вопрос, зависит не только наше спасение, но и наша позиция в этом мире, в том числе и по отношению к власти, к государству, к другим людям, к свободе совести и т. д.

© Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003 ул. Иерусалимская, д. 3, Москва, 109316, Россия standrews@standrews.ru, www.standrews.ru

Содержание

Общее предисловие.....	9
Часть I. Теории и идеи	
Глава 1	
Введение в тему.....	19
Роль идеологии в тоталитаризме.....	28
Террор и единомыслие.....	30
Тоталитаризм и религия.....	32
Глава 2	
Попытки установления тоталитарных режимов от древности до Великой французской революции.....	37
Глава 3	
Корпоративизм.....	53
Социальный католицизм или католический «социализм»/солидаризм.....	58
Монархический социализм.....	61
Глава 4	

Тоталитаризм как продукт современного государства и урбанизации.....	70
Часть II Протототалитарная культура	
Глава 5	
Предреволюционное столетие в России.....	91
Глава 6	
Революционное брожение, государство, церковь и интеллигенция.....	122
Глава 7	
Первая мировая война как катализатор тоталитаризма.....	130
Глава 8	
Большевистский переворот и Гражданская война.....	146
Часть III	
От мечты о тоталитаризме до ее реализации в межвоенной Европе	
Глава 9	
Провал идеи классовой революции и фашистская трансформация марксизма.....	171
Глава 10	
Природа и зарождение германского нацизма.....	173
Глава 11	
Муссолини и его власть.....	198
Мечта о власти.....	198
Вхождение во власть.....	200
Муссолини у руля власти.....	206
Глава 12	
Нацизму власти.....	215
Гитлер-вождь.....	219
Социальная и экономическая политика.....	227
Внешняя политика и дипломатия.....	232
Гитлер и церковь.....	237
Гитлер, армия и оппозиция.....	240
Часть IV Распространение фашизма в довоенном мире	
Глава 13	
Вместо предисловия.....	251
Глава 14	
Межвоенная Япония и тоталитаризм.....	256
Глава 15	
Восточная Европа.....	270
Австрия.....	271
Венгрия.....	274
Румыния.....	276
Заключение.....	281
Глава 16	
Западная Европа.....	285
Франция.....	286
Пиренейский полуостров.....	290
Глава 17	
Партия тоталитаризма.....	305
Смерть Ленина и спор «наследников» об индустриализации.....	316
Советская религиозная политика (церковь и государство) — от Гражданской войны до конца НЭПа.....	323
Глава 18	
СССР — тоталитарное государство.....	334

Глава 19	
Советский марксистско-ленинский тоталитаризм и религия.....	350
Глава 20	
Коминтерн и внешняя политика Советского Союза до вступления во Вторую мировую войну.....	374
Глава 21	
«Дружба» великих и установление коммунистических режимов в послевоенной Европе.....	402
Глава 22	
Холодная война как идеология.....	427
Часть V	
Послевоенные национал-коммунизмы, их характер и природа Введение.....	447
Глава 23	
Югославия.....	449
Итоги.....	463
Глава 24	
Китай и его версия коммунистического тоталитаризма.....	468
Исторический очерк революционности и коммунизма в Китае.....	468
Марксизм—маоизм как идеология и система власти.....	483
Глава 25	
Кубинский национал-коммунизм.....	501
Переворот Кастро и ранний период его власти.....	503
Сталинизм с человеческим лицом.....	516
Часть VI Тоталитаризм в мусульманском мире	
Глава 26	
Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму.....	529
Глава 27	
Ислам и тоталитаризм.....	543
Ислам в историческом разрезе.....	555
Антизападнический фундаментализм: его зарождение, развитие, стратегия, цели.....	558
Глава 28	
Шиизм и тоталитаризм.....	577
Шииты и политика: шииты, современный мир и Хомейни.....	584
Глава 29	
Мусульманский тоталитаризм афганского Талибана..... *	596
Предшественник Талибана.....	601
Восстановление династии.....	602
Афганская республика.....	605
Исламизм, моджахеды и коммунизм в Афганистане.....	608
Талибы.....	616
Часть VII Вместо заключения	
Глава 30	
Постсоветская Россия: трагедия несвободного мышления — соблазны тоталитаризма в Церкви и в миру.....	625
Предметно-именной указатель.....	653

Общее предисловие

Задача книги обозначена в подзаголовке. Замысел же ее исходит из двух источников. Это, во-

первых, курс лекций по тоталитаризму, который я читал в канадском университете в течение почти 25 лет в контексте строго секулярной системы образования, что меня не совсем удовлетворяло, ибо параллели между политическим тоталитаризмом и тотальностью (полнотой) отдачи глубоко верующим человеком себя Богу видны невооруженным глазом. Да они и в словах Христа, например: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16:24). Но коренная разница между этими словами Христа и политико-идеологическими системами тоталитаризма в том, что Христос обращается не к коллективам, а к личности и к **свободному** решению каждой личности, до какой степени она готова служить Богу и в какой форме, например, в форме служения ближнему, что тоже полностью соответствует словам Христа: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». А тоталитаризм — это та или иная модель создания государства полного подчинения себе и своим планам целых наций, лишая граждан права на личный выбор. Наследие тоталитаризма — абсолютизм в мышлении и поведении и отношение к людям не как к отдельным неповторимым и своеобразным личностям, а как к безличному коллективу. Даже в Церкви мы часто видим заимствование коллективистско-тоталитаристских моделей, особенно в странах, недавно освободившихся от тоталитарных государственных систем, в частности, в современной России и ее Православной церкви. Нередко священнослужители, иерархи и особенно монашеские старцы (вернее, псевдостарцы) требуют от своих пасомых полного и беспрекословного подчинения и исполнения любого своего распоряжения, считая себя обладателями истины в последней инстанции, забывая, что

к)

— **Общее предисловие** —

полнота истины открыта только Господу Богу. Человеку же доступно лишь относительное познание истины. Затем следует помнить, что авторитет Христа был авторитетом любви, а не указа, приказа. Так и дисциплина Церкви должна быть дисциплиной любви и терпимости.

Но вернемся к теме книги. Выше я назвал один из источников решения взяться за написание этой книги. Вторым источником явилось личное наблюдение процессов, идущих в российском обществе со времени падения «железного занавеса». С 1990 года мне посчастливилось проводить ежегодно от трех до шести месяцев на моей исторической родине — в России, где я читаю лекции по истории Русской православной церкви в разных церковных, а иногда и гражданских, учебных заведениях, а в последние три года — также и лекции по тоталитаризму и его угрозе современной России.

К сожалению, встреча с Россией оказалась не такой радостной, о какой мечталось долгие десятилетия зарубежной жизни. Иначе, конечно, и быть не могло после 70 лет тоталитарного режима, режима лжи и ненависти, режима идеологии не признающей свободу личности, не признающей человека, какой он есть на самом деле, требующей превращения личности в колесико тоталитарной машины. Яд тоталитаризма не мог миновать и Церкви, на которую так надеялись, как на оздоровительницу народа!

В постсоветский мир религиозной свободы Церковь вошла неподготовленной — почти без богословских школ, с мизерным количеством духовенства и храмов. Из гонимой Церковь вдруг стала «модной», принадлежать к Церкви «вдруг» стало почетно, удобно и даже «выгодно». Если для думающего и ищущего человека обращение к вере, а тем более к определенно структурированной Церкви, такой как православие, — процесс очень нелегкий, то для конформиста — а ведь советская власть создавала миллионы конформистов все 70 лет! —

Да и те, что были, как, впрочем, и большинство новосозданных не отвечают сегодняшнему дню. «питаются» книгами и учебниками более чем столетней давности, которые не спасли Россию от роста безбожья и тогда, а что уж говорить об их «нерелевантности» в отношении сегодняшнего дня и его запросов?

— **Общее предисловие** —

11

это дело простое'. И так, вчерашние комсомольцы запросто сделались «православными». Из-за острой нехватки священников тысячи таких скороспелок православия были рукоположены в священники без соответствующего богословского образования. Другие заполнили богословские школы, создавая в них особый болезненный климат нетерпимости к людям думающим, сомневающимся, ищущим, в частности, ищущим подход к воцерковлению современного человека. Будучи конформистами по натуре и воспитанию, ожидая во всем готовых формул, которые они находят в дореволюционных богословских учебниках и памфлетах вроде «Троицких листков», восприняли их догматически и набросились на тех священников, которые понимают, что вчерашний день не действует сегодня, да и в свое время он не очень действовал, а то не было бы революции. Все это создает атмосферу злобы, нетерпимости, далеких от Христова призыва к любви и прощению друг друга.

К тому же больно людям, воспитанным на «величии и непобедимости Советского Союза», признать, что система развалилась, как картонный домик, потому что прогнила изнутри¹¹. А еще труднее смириться с тем, что один из самых преступных режимов в истории человечества зародился и «процветал» на «святой» Руси

и что твой народ был не только жертвой, но и палачом. Гораздо легче жить, свалив вину на «козла отпущения» — евреев, жидо-масонский или американский заговоры.

- Один российский православный священник, имеющий свой «сайт» в Интернете, приравнивает психологию большинства его «новоиспеченных» собратий к психологии чиновников, привыкших делать то, что прикажет начальство. По его словам, самое замечательное то, что, превратившись в одночасье из коммунистических бюрократов в демократических, они сделали это вполне искренне, как и бывшие советские комсомольцы, превратившиеся в священников. Слово «комсомольцы» здесь употреблено в нарицательном, а не буквальном смысле.

¹ Распад СССР напоминает распад Российской империи в 1917 году. Это судьбы сверхцентрализованных государств, которые кажутся монолитно-мощными, но рушатся, коль скоро неудачным оказывается главный администратор страны и его аппарат.

1

12

— Общее предисловие —

Вот эти наблюдения состояния сегодняшней России и убедили меня в необходимости предлагаемого труда — книги, которая, надеюсь, поможет разобраться в истоках тоталитаризма, в подлинных истоках бед России и ряда других стран в XX—XXI столетиях. Хочется верить, что этот далеко не совершенный труд кому-то поможет взять на себя смелость и признать: «Да, я, каждый из нас, россиянин, повинен и в прошлом, и в настоящем моей страны». Все мы виноваты во всем, как говорил Достоевский. И все мы должны каяться в содеянном. Только, осознав свою вину и духовно очистившись от нее покаянием, мы получаем право надеяться на Божью помощь в воссоздании свободной России.

* *

Историческая Вселенская церковь, понимая, что не может быть сосредоточена вся истина в одном человеке — будь он мирянин или патриарх, — выработала структуру периодических соборов на всех «этажах» церковной жизни — от приходских собраний до епархиальных съездов, поместных соборов и наконец соборов вселенских (которые в Православной церкви в отличие от Римско-католической не собирались уже 13 столетий!¹), веря, что соборный разум, укрепляемый совместной молитвой (по словам Христа: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди вас»), может скорее принять богоугодные решения, чем отдельный иерарх. Но где эта соборность в сегодняшней Церкви в России. Не было ее и за весь послепетровский период истории России. Возродился в 1917 году замечательным Великим московским поместным собором, в связи с которым возлагалось

¹ Соборность Римско-католической церкви весьма относительна, поскольку окончательное и абсолютное решение остается за папой Римским, официальные решения которого признаются Католической церковью непогрешимыми. Именно эти папские претензии и явились источником раскола христианства на Восточно-православную и Римско-католическую церкви. Протестанты, как известно, — это уже отколы от католичества по тому же принципу непризнания обладания папой абсолютной истины.

М1а1мшмав«Ш1йм«№^

— Общее предисловие —

13

столько надежд на оздоровление Русской церкви, и вполне обоснованно. Но советский террор задушил начинания собора и его «Определений» в колыбели. А теперь его и вспоминать забыли...

* * *

Задача книги — углубленно проанализировать, что такое тоталитаризм, в чем его опасность, и история анализируемых стран дается только постольку, поскольку это необходимо, чтобы представить логику появления и развития данного типа тоталитаризма. Не все тоталитарные режимы здесь рассматриваются. Критерий включения в книгу тоталитаризма той или иной страны либо в своеобразии тоталитарного режима данной страны, либо в историческом значении данного типа тоталитаризма в мировом масштабе. К примеру, мы не рассматриваем коммунистические режимы Вьетнама или Лаоса, поскольку это простая имитация Китая и СССР. Жуткий режим Северной Кореи — это сталинизм 1930-х годов. Всех перещеголял доктор философии Парижского университета Пол-Пот¹ заявивший, что в отличие от советской и прочих моделей построения коммунизма у него не будет промежуточных стадий постепенного развития к построению социализма. Он же немедленно, минуя все этапы, сразу обратит всю нацию в коммунистов. В результате за 3 года пребывания у власти Пол-Пот физически уничтожил более 25% населения.

Вот и весь опыт! Нам показалось, что посвящать целую главу этой мясорубке не стоит. Читатель может предъявить претензию автору: ведь о религии, а конкретнее о христианстве, говорится более-менее соотносительно и противопоставляемо тоталитаризму только в первой части книги. А в дальнейшем религия в основном упоминается лишь как жертва гонений со стороны

³ Что в корне разрушает теории Платона и Ж.-Ж. Руссо об идеальном государстве, управляемом правителем-философом.

14

— **Общее предисловие** —

тоталитарных режимов. И только в главах о мусульманском тоталитаризме снова появляется сопоставление идеологии и религии. Все это так, но внимательный читатель, знакомый с реальной жизнью Церкви, в частности, с монашеством, сам легко почувствует аналогии между тоталитаризмом, являющимся по сути секулярной религией утопизма, и Церковью, не идеальной Церковью Христа, а реальной, как ее толкуют многие священнослужители и особенно монашеские старцы (вернее, псевдостарцы).

Правда, Христос сказал: «Познайте истину, и она сделает вас свободными». Но даже на суде Пилата, когда последний задал Христу вопрос: «А что есть истина», Христос промолчал. Неужели Христос сам не знал, что есть Истина? Нет, конечно: сам Христос и Его учение суть Истина. Но такое понимание постигается только личным духовным опытом и верой. И Христос, по-видимому, решил: не стоит метать бисер перед свиньями; чуждый религиозного опыта, гордый Пилат все равно ничего не поймет.

Автор надеется, что его труд поможет читателю противопоставить тоталитаризму Церковь Христову, понять, что любое проявление тоталитаризма в жизни Церкви есть ее искажение, искажение Христова учения любви уже хотя бы потому, что тоталитаризм зиждется на ненависти и подходе к человеческой личности лишь как к средству для достижения каких-то неосуществимых утопий в отличие от **подлинного** христианства, для которого каждая личность единственна и неповторима, ибо она создана по образу и подобию Бога.

* * *

В заключение хочу поблагодарить всех причастных к завершению этого труда. Это, во-первых, моя жена, библиограф Мирьяна Петровна Добрович-Поспеловская — очень строгий критик моих писаний. Она внимательно прочитала всю рукопись, дав ряд полезных критических замечаний. Затем я обязан благодарностью моему доброму другу инженеру Михаилу Васильевичу Петренко. Без его помощи я бы просто не справился с компьютером — моим «личным врагом», которым все же приходится пользоваться. Каждый

1

— **Общее предисловие** —

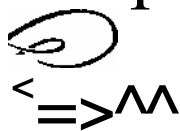
15

раз, когда война моя с компьютером обещала окончиться моим поражением, Михаил Васильевич меня спасал, и я мог праздновать очередную победу! Наконец я искренне признателен директору Библиотеки иностранной литературы и Института «Открытое общество» Екатерине Юрьевне Гени-евой, которая первой откликнулась положительно на мою инициативу, ее сотруднику А. Ливерганту и первому рецензенту тогда еще неоконченной рукописи Л. А. Резниченко, главному редактору «Российского бюллетеня по правам человека». Наконец книга вряд ли бы увидела свет без материальной поддержки упомянутого института. Также приношу благодарность издательству Библейско-богословского института св. апостола Андрея, его директору А. Э. Бодрову и его сотрудникам, берущимся за почти героический — учитывая непростые условия в современной России — труд издания моих скромных работ. И наконец, но далеко не в последнюю очередь, я должен поблагодарить о. Георгия Чистякова, с энтузиазмом поддержавшего мой проект и «пробивавшего его» сквозь всевозможные преграды. Всем им выражаю искреннюю признательность и благодарность.

Д. Поспеловский

Часть I

Теории и идеи

Т

Глава 1 Введение в тему

Даже если залить весь земной шар бетоном, жизнь природы прорвет в нем трещину, через которую пробьется зеленая травка жизни. Такой травкой явился Александр Солженицын наперекор всему советскому террору.

Английский религиозный мыслитель Малком Маггеридж (цитата по памяти).

Разрабатывая тему «тоталитаризм», труднее всего оказалось найти такое название книги, которое отражало бы связь и противостояние между тоталитаризмом и учениями о Боге. «Тоталитаризм и христианство», ну а как тогда быть с мусульманством, где налицо и тоталитарные структуры, и давно уже существует тоталитаристское движение «Братьев-мусульман»? А японский националистический синтоизм — религия языческая, на базе которого (а не вопреки, как в случае с христианством) была попытка создания особого имперского тоталитаризма? Пришлось остановиться на несколько неуклюжем, но наиболее отвечающем содержанию нашей книги названию — «Тоталитаризм и вероучение». Претендуя быть некой универсальной доктриной, стремясь тотально охватить все области общественной и личной жизни, не только внешние проявления человека, но и его внутренний мир, тоталитаризм является своеобразной религией, с заменой трансцендентного Бога земным божком — будь это Ленин, Гитлер или Пол-Пот, — наделяемым богоподобными качествами: всевидением и всеведением, непогрешимостью внедряемых или олицетворяемых им идеологических и экономических доктрин. Поэтому тоталитаризм неизбежно входит в конфликт с теистическими вероучениями.

— 1. Введение в тему —

К

! 1

ми, особенно с христианством, которое, с одной стороны, осуждает всякий культ личности и совершенство признает только за Богом, отрицает возможность построения идеального общества на земле и учит о зависимости качества общества от духовного качества личности его составляющих, то есть поскольку люди несовершенны, не может быть и совершенного общества. Иными словами, в основе христианства стоит познающая Бога личность каждого отдельного человека; личность первична, общество, община, государство — вторичны.

Тоталитаризм же всегда коллективистичен: человек — часть коллектива, слуга государства; человек для государства, а не государство для человека. До недавнего прошлого иод тоталитаризмом имелись в виду в основном три его классических прототипа XX века — коммунизм, нацизм и фашизм. Но вот появились Хомейни в Иране, та-либанская диктатура в

Афганистане. Тоталитаризм, оказывается, тире и многообразнее, чем названные выше три классических прототипа. Затем возникает вопрос, ограничивается ли тоталитаризм только XX веком. Начнем поэтому с попытки определения того, что такое, собственно говоря, тоталитаризм.

Его часто путают с авторитаризмом традиционных деспотизмов или военных диктатур, а то и с абсолютными монархиями. На самом деле это совершенно разные категории.

Абсолютистские режимы и военно-полицейские диктатуры вводят ограничения отрицательного характера в виде запретов — обычно это запреты на оппозиционную политическую деятельность, критику режима; в абсолютистских монархиях обычно существуют государственная религия и те или иные ограничения на деятельность других религий. Иными словами, ограничения и запреты относятся к политическо-гражданским свободам. Но личная жизнь гражданина авторитарное государство не интересуется. Он может заниматься любой экономической деятельностью в рамках закона, жить, где хочет, владеть любым имуществом, учиться или учить своих детей, где хочет — в своей стране или за рубежом. Иными словами, в авторитарных государствах гражданин лишается большинства или всех **политических** свобод, по режим не покушается на **личную** свободу человека.

— 1. Введение в тему —

21

Тоталитарные же режимы вводят не только запреты, но и требования, диктуют гражданину, что он должен делать, как думать, где жить (ограничительная прописка), где работать, где учиться, что писать и говорить, как воспитывать своих детей. Для этого существуют всякие кодексы коммунизма, семейный кодекс, приказывающий родителям воспитывать детей в духе коммунизма или нацизма. Тоталитарные ограничения на свободу человека носят положительный характер — не ограничение от, а диктат, что, где, когда и как — таким образом лишая его не только политической, но и личной свободы. Кроме того, авторитарные режимы патерналистичны: царь — отец народа, «помазанник Божий», а диктатор обычно выступает как спаситель страны от антинародных сил, временно управляющий страной, пока не будет наведен порядок и можно будет вернуться к исторической традиции власти в данной стране. Иными словами, их легитимизация либо религиозно-мистическая, либо традиционно-историческая, либо смесь того и другого, а в случае отсутствия таковой оправдывается экстремальными условиями. Так что места утопическим построениям в авторитаризме нет. Хотя термин *тоталитаризм* изобретен немецким политологом XX века Карлом Шмиттом, первое предвидение тоталитаризма принадлежит русскому революционному мыслителю XIX века Александру Герцену, который предрекал, что деспотизм будущего будет гораздо страшнее деспотизма прошлого, ибо это будет «Чингизхан плюс телеграф», то есть, выражаясь современным нам языком, тоталитаризм — это Сталин плюс компьютер. Правда, как все, изобретенное человеком, и компьютер «диалектичен». Он может быть не только «пособником» тоталитаризма, но и противоядием ему. Так, в современном коммунистическом Китае Интернет является единственным неподконтрольным органом свободной мысли, свободного слова, органом связи оппозиции.

Но вернемся к нашей теме тоталитаризма. Поскольку компьютеров, то есть технологии, позволяющей нанизывать на нитку и как рентгеном просвечивать нутро каждого человека, до недавнего времени не существовало, значит, тоталитаризма в смысле тотальности контроля за населением

22

— 1. Введение в тему —

до XX века быть не могло, да и в XX веке был он только приблизительным до появления компьютеров.

Другим характерным фактором тоталитаризма, как мы заметили, является обожествление вождя, идолопоклонство в той или иной форме. Затем можно указать на коллективизм, как следующую характеристику тоталитаризма, подчинение личности коллективу и подавление ее им. И еще одной характерной чертой, как мы видели, оказывается стремление к утопии — идеальному обществу при коллективистской вере в то, что совершенство общества зависит не от несовершенства личностей, его составляющих, а, наоборот, «совершенное» общество силой своей власти преобразует людей в некую новую природу.

Но чем же нехороша утопия? Ведь это стремление к самому лучшему, к идеалу! Вот, что говорит по этому поводу наш замечательный религиозный философ Семен Людвигович Франк в превосходном эссе «Ересь утопизма»:

«Всякое дерзновенное своеволие, в силу которого человек нарушает естественный порядок вещей и притязает на место и значение, ему не свойственные, — карается, как только оно перестает считаться с предустановленной божественно-космическими законами ограниченностью человеческих возможностей...

Под утопизмом мы разумеем специфический замысел, согласно которому совершенство жизни должно быть обеспечено неким общественным порядком. Это замысел спасения мира самочинной волей человека ... никакие злодеи не натворили в мире столько зла, не пролили столько человеческой крови, как люди, хотевшие быть спасителями человечества.

Утопические движения всегда начинаются людьми самоотверженными, горящими любовью к людям, готовыми отдать свою жизнь за благо ближних... однако, по мере приближения к практическому осуществлению своей заветной цели они либо сами превращаются в людей, одержимых дьявольской силой зла, либо уступают свое место злодеям и развращенным властолюбцам ... По середине этого пути от святости к садизму стоит ... загадочный тип аскетического ... кровопийцы вроде Робеспьера и Дзержинского».

— 1. Введение в тему —

23

Итак, еще одно решительное различие между религией тоталитаризма и, если не всеми религиями, то во всяком случае иудейством и христианством, состоит в отрицании возможности построения утопии на земле. Ведь христианство учит, что общество не может быть лучше личностей, его составляющих, то есть, пока человек грешен, совершенное общественное устройство невозможно. Ученые, занимавшиеся анализом тоталитаризма, выработали несколько его определений.

Наиболее известное — Карла Фридриха и Збигнева Бжезинского, — изложенное в их книге «Тоталитарная диктатура и автократия». Характерными и обязательными чертами тоталитаризма авторы считают следующие факторы:

1. Всеохватывающая идеология.
2. Однопартийность, причем правящая партия преимущественно возглавляется единым вождем.
3. Террористическая полиция, партийно-государственная монополия в области
- 3.1 коммуникаций и
- 3.2 экономики¹.

Затем авторы анализируют содержание этих факторов в контексте тоталитаризма:

1. Идеология тоталитарных систем обычно детально разработана, охватывает все стороны человеческого бытия. От каждого гражданина требуется полное принятие этой идеологии (по крайней мере, на словах и в официальном поведении). Эта идеология, как правило, нацелена на построение совершенного общества конца исторического развития, иными словами, идеология тоталитаризмов хилиастична. При радикальном отрицании существующих общественных систем она стремится к покорению всего мира, как поется в «Интернационале»: ⁵ «До основания мы старый мир разрушим, чтобы построить новый мир, иной».

2. Единая партия (что касается стран Восточной Европы, то в большинстве из них при коммунистах продолжали

¹ Friedrich, Carl & Brzezinski, Zbigniew *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. N. Y., Praeger, 1965, с. 22.

24

1. Введение в тему —

формально существовать другие партии, но это была бутафория. — Д.П.), преимущественно возглавляемая единым вождем.

Тут уместно внести поправку в тезис Фридриха—Бжезинского о единоличном диктаторе в тоталитарном государстве. Ведь после смерти Сталина, а тем более после отставки Хрущева, страной правила в основном верхушка партийной олигархии, по в СМИ и в выступлениях партийных бонз сохранялась видимость существования вождя наряду с «коллективным руководством». Эту поправку внес покойный профессор социологии Парижского университета Реймон Арон, который в своей превосходной монографии «Демократия и тоталитаризм», учитывая то, что в ряде стран коммунистические режимы пережили своих диктаторов и превратились в диктатуры партийных комитетов, указывает на то, что монополия власти в тоталитарных режимах сосредотачивается в правящей партии. Однако практика показала, что без единого вождя система буксует и впадает в застой, ибо в ко-

мандной структуре отсутствует регулярно работающая обратная связь, а командовать может только один командир, признанный непогрешимым вождем; без такового каждый член коллектива боится взять ответственность на себя за какие-либо решения; принципом их поведения становится лозунг «не высовывайся», и государственная машина застопоривается, требуя решительной перестройки, введения саморегулирующейся рыночной экономики и прочих атрибутов открытого общества, высвобождающего инициативу снизу. Членов правящей партии в тоталитарном государстве, как правило, сравнительно немного — до 10% населения, но все они беспрекословно подчиняются руководству, демонстрируя подлинный или фальшивый энтузиазм. Партия по структуре иерархическая и олигархическая. Она стоит над государственным аппаратом или, во всяком случае, тесно переплетена с таковым.

3. Система террора, будь то физического или психического характера, а скорее и того и другого, осуществляется комбинацией партийной дисциплины и тайной полиции, которая, с одной стороны, является прочной опорой партии, но с другой, терроризирует и партийные кадры, служа партий-

— 1. Введение в тему —
25

ному руководству. Этот террор направлен не только против явных врагов режима, но и против целых категорий (классов) населения, весьма произвольно избираемых в качестве объекта террора. Террор, будь то непосредственно полицейский или более опосредованный, социально-партийный, пользуется последними достижениями науки, особенно методами научно-психологическими.

4. Предельно полная монополия в руках правящей партии и тоталитарного государства в области средств массовой информации: печать, радио, кино, а теперь еще и кибернетика, которые при тотальной монополии и централизации власти могут только способствовать усовершенствованию контроля за гражданами и их деятельностью.

Б. Полное подчинение народного хозяйства бюрократическому централизованному планированию.

6. К этим пяти характеристикам следует добавить еще демократическую подоплеку тоталитаризма, о чем наши авторы говорят в тексте, по почему-то не вводят в свое шестичленное определение тоталитаризма. Под демократической подоплекой имеется ввиду, что тоталитарные режимы приходят к власти демократическим волеизъявлением (Гитлер, получивший относительное большинство голосов на выборах 1932 года) или подделкой такового (Ленин и вообще коммунистические режимы во всех случаях, кроме Чехословакии, где компартия получила относительное большинство голосов на выборах 1947 года); после чего они утверждают, что являются народными избранниками. С этой целью проводятся регулярно псевдовыборы, псевдореферендумы, массовые демонстрации лояльности и патриотизма и прочие внешние признаки демократии. Поэтому по своей природе тоталитаризм — это псевдодемократия или, как ее называет Тальмон, тоталитарная демократия, а не модернизированный классический авторитаризм, как думают люди, ошибочно считающие тоталитаризм продолжением традиционных абсолютных монархий или классических диктатур.

По вернемся к Фридриху и Бжезинскому. Они правильно отмечают «псевдорелигиозное качество» тоталитарных учений и режимов ввиду их утопизма и хилизма. «На место рас-судка тоталитаризм ставит веру, на место познания и крити-

26

— 1. Введение в тему —

цизма — магические заклинания... Идеология интерпализиру-ется, то есть граждане настолько «пропитываются» ею, что многие произвольно, сами этого не сознавая, начинают думать, говорить и действовать в рамках официальной идеологии»².

Легитимизация тоталитарного лидера всегда народническая или псевдопародническая, непременно с элементами мифотворчества. Миф Мао и его легитимизация основаны на его руководстве так называемым «Великим походом» остатков компартии после шанхайского разгрома и затем многолетнем его руководстве этой партией и ее борьбой с Чан Кайши.

Совсем мифична народноизбранность Кастро, который свалил диктатора Батисту с американской помощью, не имея никакого отношения к компартии, но всеми силами стремясь

к распространению культа своей личности. Вскоре он понял, что для укрепления тоталитарного режима ему необходима тоталитарная партийная структура. В результате он прибрал к рукам кубинскую компартию, став ее генсеком. Следует заметить, что, если фашистский и нацистский режимы во всех известных случаях просуществовали только на протяжении жизни их основателей, коммунизм продолжает существовать и после смерти своих первых диктаторов, например, в СССР, Китае, Северной Корее, Вьетнаме, Югославии, — что свидетельствует о более прочной институционализации партийной системы и ее бюрократической структуры, как указывают наши авторы. Фашизм и нацизм, будучи идеологически весьма бедными, требуют харизматического лидера для своего существования. История коммунистических режимов показала, что это не так обязательно — главное, чтобы был прочный партаппарат, подчиняющийся лидеру и создающий мифы о нем. Так, ни Ленин, ни Сталин, ни, тем более, Хрущев, Брежнев и прочие не были харизматическими фигурами, но были сделаны таковыми партийными мифотворцами, успешно в отношении первых двух и совсем неуспешно в отношении Брежнева, создание культа которого обернулось издевательскими анекдотами о нем. Что касается Хрущева, то он хитро выехал на Милош, Чеслав Указ, соч., с. 33.

— 1. Введение в тему —

антисталинизме и контрасте себя — пария в доску, своего — неприступному, отчужденному Сталину. Мао, по-видимому, был харизматичен, но уже его преемники — никак нет, зато есть аппарат и полицейский террор, умно совмещаемый с экономическими реформами, дающими среднему китайцу надежду разбогатеть или по крайней мере достигнуть минимального достатка на условиях политической благонадежности.

Различие между, с одной стороны, нацистской и фашистской партиями, а с другой — коммунистической, авторы видят в том, что, хотя первоначально национал-социализм и фашизм называли себя всенародными движениями, включающими в себя разнородные элементы (*Samlungspartei*), на практике они приобрели элитарный характер, чему свидетельство — изменения в тексте гитлеровской книги «Моя борьба». В издании 1928 года он говорит: «... на всех уровнях [упас] принцип германской демократии: [всенародное] избрание лидера, но власть лидера абсолютна» (с. 364). А в издании 1933 года уже иначе: «На всех уровнях движение за принцип абсолютной власти вождя, совмещаемой с высочайшей ответственностью» (с. 378). В отличие от открытого признания нацистами внутренней авторитарности партии коммунистическая партия своей формальной структурой создает ложное впечатление внутрипартийной демократии: комедия выборов руководящего состава и формальное право члена партии критиковать свое руководство согласно партийной программе.

Общее у коммунистических и нацистско-фашистских партий — это нацеленность на молодежь. Гитлерюгенд, пионеры, комсомол... Особый упор на партийное воспитание детей и молодежи вне семьи. Характерны следующие слова Гитлера, произнесенные им в 1935 году: «Германская молодежь должна быть тверда, как сталь с заводов Крупна. Развитие умственных способностей второстепенно».

В 1939 году членство в гитлерюгенде стало обязательным для всех немецких детей. В Италии такой закон вошел в силу двумя годами раньше, но на практике его невозможно было соблюдать, так как по Латеранскому соглашению Католическая церковь тоже обладала правом иметь свое молодежное движение, и протест папы Римского по поводу закона 1937 года фактически его аннулировал.

28

1. Введение в тему —

Роль идеологии в тоталитаризме

Идеология, — как писал Джилас, — основа основ компартии, ибо она заставляет членов партии исповедовать единое мировоззрение и единый взгляд на развитие общества*. Фридрих и Блэзинский определяют идеологию как «систему идей действия, типичным атрибутом которой являются программы и стратегии реализации таковых. Их основным назначением является объединение организаций, опирающихся на данную идеологию».

Характерной чертой идеологии является наглядная символика — флаги, символические знаки. По

ним можно определить и характер партии, например, итальянские фаши символизируют возрождение прошлого — Римской империи, древнего Рима, латинизма как нации; к мистико-язычес-кому прошлому зовет и нацистская свастика. Совсем другое значение имеет серп и молот или звезда, символизирующие построение будущего, труд и свет (звезда-заря). У всех тоталитаризмов обязательны и отрицательные символы, развивающие чувство врага, борьбы. У коммунистов это враждебные классы и капиталистические государства, у нацистов — евреи, у фашистов — «слабый, дегенеративный» буржуй. После провала попыток мировой революции и принятия вынужденной теории социализма в одной стране, «коммунизм, — по словам наших авторов, — стал весьма успешно оправдывать необходимость национальной базы во имя вненациональных целей».

В тоталитарных системах идеология фактически заменяет право, вернее, подчиняет его идеологии и вытекающей из нее политике. Так, Андрей Вышинский, профессор права МГУ и верховный прокурор времен ежовщины, писал (вполне в соответствии со словами Маркса о том, что право есть понятие классовое и исчезнет с исчезновением классового общества):

«Закон есть комбинация правил поведения, выражающих волю правящего класса, который устанавливается за-

³ Djilas, Milovan *The New Class*. Особенно глава «The Party State» (« Партийное государство»).

— 1. Введение в тему —

29

конодательной процедурой, а также из обычаев и правил общественной жизни, утвержденных государственной властью, применение которых обеспечивается принудительной властью государства с целью защиты, укрепления и развития отношений и процедур, выгодных и удобных правящему классу».

«Советское государственное право».

Вот пример практического применения Вышинским его же принципа аналогии. Допрос на процессе 1937 года.

Вышинский: Вы были сторонником поражения в 1934 году?

Радек: В 1934 году я считал поражение неизбежным.

В.: Были ли Вы сторонником поражения?

Р.: Если бы я мог предотвратить поражение, я был бы против него.

В.: Вы считаете, что Вы не могли бы его предотвратить?

Р.: Я считал поражение неизбежным фактом.

В.: Вы принимали всю линию Троцкого, известную Вам в 1934 году?

Р.: Я принимал всю линию Троцкого в 1934 году.

В.: Было поражение частью этой линии?

Р.: Да, это была пораженческая позиция.

В.: Позиция Троцкого включала в себя поражение?

Р.: Да.

В.: Вы с ней соглашались?

Р.: Да.

В.: Следовательно, если Вы соглашались, значит, Вы были сторонником поражения?

Р.: С точки зрения ...

В.: Вы шли к поражению?

Р.: Да, конечно...

В.: То есть, Вы были сторонником поражения?

Р.: Конечно, если я говорю «да», значит, мы шли к поражению.

В.: Кто же из нас правильно формулирует вопрос?

Р.: Я думаю, Вы неправильно ставите вопрос.

В.: В 1934 году Вы были не против поражения, а сторонником такового.

Р.: Да, я так сказал.

— 1. Введение в тему —

— 1. Введение в тему -

1

Так события, которые подсудимый предполагал, превращаются в события, которых подсудимый желал по системе аналогии в редакции Вышинского. Подсудимый становится преступником, «работавшим» на разрушение государства. Сравни это с нацистским определением права: «Закон — оформленный план вождя, а потому он является выражением народного образа жизни

(*voelkische Leben-sordming*). Сформулированный план вождя есть высший авторитет закона». «Таким образом, — пишут Фридрих и Бжезипский, — в фашистском понимании закон отождествляется с: такими идеями романтиков и исторической школы юриспруденции, как *Volksgeist*». К этой теме мы вернемся, рассматривая историко-философские источники тоталитаризма.

Террор и единомыслие

Тоталитаризм всегда устремлен в будущее, причем с типично тоталитаристской убежденностью в своей правоте, в научности и неизбежности «законов» марксизма-ленинизма, а у нацистов — в правильности и неопровержимости интуиции вождя. Тоталитаризм отвергает современность и ее проблемы во имя величественных схем социальных перестроек и преобразования человека. Перемены, особенно резкие перемены, обычно вызывают сопротивление человека, общества. Поэтому резкие перемены невозможны в демократическом обществе, они вызвали бы столь же резкий и массовый отпор. В тоталитарных обществах сопротивление подавляется организованным террором, поэтому террор неизбежен в тоталитарном государстве. Сначала он избирателен, направлен против тех или иных категорий общества, но в конце концов становится всеохватывающим, ибо социальные группы взаимонеплетены в обществе, их невозможно полностью изолировать друг от друга. Поэтому террор против одной общественной категории вызывает сопротивление или, во всяком случае, недовольство другой, и он в конце концов охватывает всю страну. Из профилактического террор превращается в основополагающий метод достижения целей, поставленных государством, и обеспечения атмосферы перманентной революции, без которой режим теряет свою динамику, а в конце концов и власть над обществом. У Фридриха и Бжезипского в книге, написанной в 1956 году (пересмотренное и исправленное издание 1965 года), высказано лишь предположение о возможности потерять власть; мы же теперь можем изменить предположение в утверждение.

В такой системе любое разногласие равносильно святотатству, и поэтому оно не должно даже допускаться, для чего и существует превентивный террор. Что касается народовластия, то и тут есть подходящая формула: накануне плебисцита 1929 года Муссолини сказал, что фашисты не сойдут со сцены, даже если большинство народа проголосует против. «Плебисцит может освятить, но не свергнуть революцию» (с. 164).

Нацистский *Fuehrprinzip*, то есть принцип вождя (вождизм как идеология) выразился в виде *Gleichschaltung'a*, то есть координации и подчинения всех организаций, отраслей промышленности и пр. — каждая из них получала своего вождя (или «вожденка»), назначенного правительством. Так, например, вождем всей стальной промышленности был назначен Крупп, вождем и координатором химической промышленности — концерн I. G. Farben и его руководство. Эти отраслевые вожди обладали такой же абсолютной властью над иерархически подопечными предприятиями, как верховный вождь по отношению ко всей Германии, которому безоговорочно подчинялись и отраслевые вожди. Это и было осуществлением программы немецкой версии корпоративизма, к рассмотрению которого мы еще вернемся.

Аналогичной была иерархическая структура Италии, где все организации, деловые корпорации и профсоюзы были органической частью иерархической структуры, во главе которой стоял Муссолини—вождь—дуче. Фридрих и Бжезипский указывают, что в плане этой всеобщей бюрократизации право, а по отношению к центральной бюрократии бесправие, директора завода в нацистской Германии мало отличалось от положения директора советского завода. В обеих системах профессионализм подменяется критерием партийной лояль-

— 1. Введение в тему —

пости, а двойственность государственно-хозяйственных и партийных структур (гауляйтеры в Германии, секретари обкомов — в СССР) создавала неразбериху, параллелизм и неэффективность в народном хозяйстве.

Хотя на практике итальянский фашизм вряд ли можно назвать тоталитаризмом, по своей формальной структуре и по следующим самоопределяющим словам Муссолини он, несомненно, был тоталитарной структурой: в своей статье в «Итальянской энциклопедии» Муссолини писал: «Все в государстве, нет ничего человеческого или духовного, а тем более цепного, за пределами государства. В этом смысле фашизм тоталитарен, и фашистское государство — синтез и единство всех ценностей — толкует, развивает всю жизнь нации и вливает в нее силу. Вне государства нет ни индивидов, ни групп (политических партий, ассоциаций, синдикатов, классов)».

Бюрократизация — это вообще проблема нашего времени, но в демократических странах выборы, свобода критики в печати и строго соблюдаемый принцип профессиональной компетенции

обеспечивают ответственность бюрократии перед нацией в целом, в то время как бюрократия тоталитарных государств безответственна — единственный критерий сохранения бюрократом своего места является услужливость и максимальная лояльность по отношению к его начальству, особенно политическому начальству (по партийной иерархии).

Тоталитаризм и религия

Воинствующий атеизм марксизма и гонения на религию в СССР и других коммунистических странах достаточно хорошо известны в России, чтобы нам па них тут останавливаться. Что касается фашизма и нацизма, то, по сути дела, эти языческие доктрины глубоко враждебны христианству: внешне Гитлер и, особенно Муссолини, выступа⁵¹ в качестве антиподов марксистов и коммунистов, выдавали себя за защитников христианства. Более откровенным Гитлер был в «Моей борьбе»:

«Для меня лично и для всех национал-социалистов существуют только ... нация и отечество. Мы должны бороться ... за сохранение и распространение нашей расы и нации ...

— 1. Введение в тему —

сохранять в чистоте нашу кровь, свободу и независимость... Каждая мысль, идея, учение и все виды познания должны служить этой цели».

Еще более откровенным Гитлер был в так называемых застольных беседах, например:

«Думаете, что массы снова станут христианскими? Никогда! ... а духовенство предаст своего Бога нам ... и сменит крест на свастику. Они будут славить чистую кровь нашей нации, вместо крови Христа...».

К концу 1939 года в Германии было арестовано около 5700 католических священнослужителей, то есть примерно 20% всего германского католического духовенства, половина из них была посажена в концлагеря¹. Сопротивление германского католического духовенства нацизму наиболее сильно было выражено в декларации съезда баварского католического епископата 22 марта 1942 года в Фульде, которое было широко распечатано и распространено, несмотря на правительственный запрет. В декларации говорилось:

«Годами уже идет в нашем отечестве борьба против христианства и Церкви ... Мы выступаем не только за права непосредственно религии и духовенства, но и вообще за права человека, данные ему Богом... Мы требуем юридических доказательств вины всех приговоров и освобождения тех, кто содержится в заключении без таковых. ...Нацисты хотят уничтожить христианство...».

Известно также лютеранское движение сопротивления нацизму. Это так называемая

Конфессиональная или Исповедни-ческая церковь, правда, небольшого меньшинства лютеран, олицетворявшаяся такими личностями, как пасторы I Тимеллер и Боннхейфер — оба были заключены в концлагеря: Боннхейфер там и погиб, а I Тимеллер пережил войну и был активным религиозным и миротворческим деятелем послевоенной Германии.

Итальянское католическое духовенство было «куплено» Латеранскими соглашениями 1929 года, признавшими Като-

Правда, это почти ничто по сравнению с теми колоссальными потерями, которое понесли духовенство и открыто верующие миряне в Советском Союзе!

34

— 1. Введение в тему —

лическую церковь государственной, позволившими ей получать дотации от государства, включавшими обязательное преподавание закона Божьего в программы всех государственных школ и давшими право Католической церкви иметь свое молодежное движение параллельно с фашистской *Балл-ле*. Муссолини в своей «Доктрине фашизма» писал:

«Фашизм является религиозным мировоззрением ... Фашист это индивид, отождествляющий собой нацию и отечество. Это нравственный закон, связывающий индивидов и поколения единой традицией и миссией ... нация создается государством, которое вооружает людей, сознающих свое нравственное единство волей, а следовательно, и осмысленностью бытия Иными словами, фашизм не только законодатель и учредитель институций, но еще и просветитель, и вдохновитель духовной жизни».

Ясно, что в этих доктринах и претензиях места христианству и Богу нет. Тоталитаризм не может быть невраждебным вере в Бога, ибо сам является неким новоязыческим культом идола-государства, идола-нации, идола-расы, наконец идола-вождя. Как любая религия, тоталитаризм охватывает всего человека, требует от человека полной самоотдачи себе, наподобие того, как глубоко верующий человек посвящает себя Богу. Разница в том, что Христос ожидает от нас добровольной жертвы, по образу и подобию той жертвы, которую Он принес за нас, пойдя на

крест. Христос обращается к свободной личности и говорит: «Познайте истину, и истина сделает вас свободными»; и в другом месте: «Бремя мое легко», потому что оно основывается на любви, любви человека к Богу и, возлюбив Бога, — любви к человеку. А тоталитаризм ведет с противоположного конца: творит свою утопию на основании насильственного подчинения себе личности государственной или партийной системой, лишение человека своего «я». Да, на протяжении истории государства использовали религии для своих политических целей, применяли насилие через религии, в конце концов нельзя забывать и об инквизиции, но все это было искажением христианства, в то время как террор и порабощение народов тоталитарными идеологиями логически следуют из этих идеологий и являются органической их частью. Как черные мессы сатанистов и

— 1. Введение в тему —

35

вся их символика являются оборотнем христианской литургии: крест вверх ногами, ненависть вместо любви, реальная кровь в чаше вместо бескровной жертвы христиан в евхаристии, так и тоталитаризм является оборотнем христианства.

Аннотированная библиография

Cobban, Alfred *Dictatorship: Its History and Theory*. N. Y., Haskell House, 1971. Обзор деспотических режимов — от монархического легитимизма, основанного на «священном праве» помазанничества до современных тоталитарных диктатур (автор не боится термина *тоталитаризм*). Первым современным диктатором автор считает Наполеона, который все-таки искал легитимизации через брачный союз с династической монархией и надеялся стать основоположником новой династии. Только диктатуры, порожденные социалистическими доктринами XIX века, положили основание диктатурам, опирающимся на демократическую легитимность, узурпируя народный выбор и претендуя быть избранниками масс. Именно на этом строится тоталитаризм.

C. J. Friedrich & Z. K. Brzezinski *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. N. Y., Praeger, 1969.

Классическая работа о тоталитаризме, впервые систематизировавшая это понятие.

Распространяться о ней здесь не будем, так как ее основы изложены в этой вступительной главе.

Milosz, Czeslaw *The Captive Mind* (перевод с польского). N. Y., Vintage Books, 1990 (первое изд. 1953 года). Книга бежавшего на Запад при Сталине польского дипломата, затем профессора польской и русской литературы Калифорнийского университета и Нобелевского лауреата о порабощении души человека тоталитарной системой.

Ортега-и-Гассет, Хрсе «Восстание масс». Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1952. Книга известного праволиберального испанского политического философа, анализирующая политическое поведение масс и опасность массовой демократии. В этом смысле она близка идеям покойного профессора Тальмона (см. ниже).

Paul, Ellen E, ed. *Totalitarianism at the Crossroads*. London, Transaction Books, 1990. Сборник очерков и эссе о тоталитаризме известных ученых, а также известного правозащитника и

— 1. Введение в тему •

узнака брежневских лет Владимира Буковского. Его статья чисто публицистическая, основанная на личном опыте. Среди эссе остальных авторов следует особенно выделить статью польского социолога и историка русской мысли, профессора Анджея Валицкого. Это работа глубокого мыслителя, анализирующая наличном опыте процесс «промывки мозгов» и постепенное «программирование» человека тоталитарной системой. Очерки написаны накануне распада европейского коммунистического блока и в какой-то степени являются полемикой против левых ревизионистов на Западе, отрицавших само понятие тоталитаризма.

Д. В. Поспеловский «Православная церковь в истории Руси, России и СССР». М., изд-во Библийско-богословского института св. апостола Андрея, 1996.

Schapiro, Leonard *Totalitarianism*. London, 1972. Книжечка небольшая, и не является лучшей из публикаций этого выдающегося ученого. В ней он поддался вдруг влиянию левых ревизионистов и заговорил о

возможности эволюции тоталитаризма к либерализму и возможности существования какого-то либерального тоталитаризма.

J.L.Talmon *The Origins of Totalitarian Democracy*. London, Mercury Books, 1961. Историческими истоками тоталитаризма Тальмон считает Платона, Ж.-Ж. Руссо и французских якобинцев. Термин тоталитарная демократия он вводит не случайно, считая, что диктатура масс является прямой угрозой современному обществу и она может быть не менее репрессивной, чем диктатура одного лица. От тоталитарной демократии он решительно отличает демократию либеральную, и все дело именно в этом прилагательном, в том, что оно ставит личность, а не коллектив как основу свобод.

«Тоталитаризм: что это такое?» (исследования зарубежных политологов). 2 т. М., РАН, Ин-т научной информатики по общественным наукам, 1993. Очень полезный сборник отрывков и пересказов работ о тоталитаризме и о соприкасающихся темах виднейших западных ученых. Книга полезна как введение в тему, ознакомление читателя с проблемой и только...

Франк, Семен Л. «Ересь утопизма». Буэнос-Айрес, Русь (б/г). Критика идейных основ религиозного, политического и социального утопизма. Автор — один из крупнейших русских религиозных философов.

Глава 2

Попытки установления тоталитарных режимов от древности до Французской революции

«Любой деспотизм обладает особо острым инстинктом вражды ко всему, что поддерживает достоинство и независимость человека».

Дневники Анри-Фредерика Амиеля (London, Macmillan, 1921).

Итак, режимы, максимально приближающиеся к полному, тотальному контролю за обществом и за каждым человеком в отдельности, стали реальностью только в XX веке, но это не значит, что до этого не было тоталитарных тенденций, а тем более правителей, мыслителей и вождей крайних религиозных сект, мечтавших о тотальном контроле и пытавшихся его осуществить. В качестве примеров тоталитарно-стремительных обществ можно привести ветхозаветный Египет, империю инков в Южной Америке, разные антииерархические секты Средневековья, диктатуру Кальвина в Женеве в XVI столетии, да и наш Петр Великий задумывал не что иное, как тоталитарное государство.

В ветхозаветном повествовании об Иосифе речь идет о крайне регламентированном обществе. Иосиф собирает все зерно со всей страны в государственные закрома и вводит жесточайшую систему централизованного распределения пищи. Частная собственность отсутствует или, во всяком случае, отменяется фараоном, индивидуальных прав никаких. Иосиф — абсолютный диктатор разработанного им госплана, выражаясь современным языком. Это то, что немецко-

2. Попытки установления тоталитарных режимов —

американский историк Карл Виттфогель называет гидравлическими деспотиями, развившимися в засушливых государствах Азии и Северной Африки. До тоталитаризма, однако, они не дотягивают не только отсутствием техники XX века, но и отсутствием утопической идеи.

Гораздо ближе к осуществлению тоталитаризма подступают многие крайние секты прошлого и настоящего. Так, итальянские «Апостольские братья» XIII столетия, развязав крайне кровавую трехлетнюю гражданскую войну, проповедовали (и в значительной степени осуществляли) избивание всех епископов, священников, монахов и пап. Любые средства в деле уничтожения «врагов правой веры» морально оправдывались. Свое движение они называли обществом любви, в котором все общее — и имущество, и жены. Близким им по духу были табориты — крайнее ответвление чешского движения гуситов — последователей Яна Гуса, религиозного учителя XV века, предшественника Лютера и Кальвина, порвавшего с Римом и сожженного на Константском римско-католическом соборе. Табориты провозгласили приближение тысячелетнего рая па земле, для чего требовалась отмена брака и частной собственности, свободная любовь, физическая ликвидация всех храмов и духовенства, всех обладающих властью и силой в мире сем.

Десятилетняя диктатура Кальвина в Женеве отличалась жесточайшим регулированием частной жизни, нравственности и религиозных взглядов граждан, проводились фальсифицированные выборы в стиле коммунистических и нацистско-фашистских государств. Поскольку республика Кальвина ограничивалась пределами одного города и пригородов, то тоталитаризм мог бы быть осуществлен достаточно основательно. Однако это была

республика торговой буржуазии, купечества, сама природа которой требует свободы передвижения и торговых связей с зарубежьем, что работало органически против тоталитаризма. Хотя Кальвин сжигал еретиков, он вряд ли верил в осуществление утопии на земле, ибо в отличие от ортодоксального христианства проповедовал божественное предопределение загробной судьбы человека. Согласно его учению сам человек фактически не мог изменить свою судьбу на том свете. Избранность же Богом отмечается

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

39

успехом избранника в этой жизни. Богатство согласно Кальвину является признаком Божьего благоволения и обещания блаженства на том свете. (Отсюда теории Макса Вебера и английского ученого Тоуни о роли протестантизма — особенно кальвинизма — в развитии капитализма в Европе.)

Когда речь заходит о Петре I, то классическим образцом его тоталитарных наклонностей и устремлений является ликвидация им последних следов автономии церкви в государстве. Он превратил церковь в бюрократическое государственное ведомство не потому, что он был врагом церкви, а тем более атеистом. Нет, он был по-своему верующим человеком, в церковь ходил, любил петь на клиросе. Дело тут было именно в том, что все его реформы диктовались тоталитарным мышлением — недопущением какого-либо двоевластия, непризнанием ничего в обществе, помимо государства. Как правильно замечают о. Георгий Флоровский и профессор Карташев, дело не в том, что Петр был западником, а в том, что он был тоталитаристом. И европеизация его была весьма выборочной: перенимал он военно-полицейскую муштру Пруссии, а не республиканские традиции Нидерландов или парламентскую систему Англии. Правда, утопическими настроениями он не страдал, что лишает его государственный замысел завершенной картины тоталитаризма.

Давайте теперь взглянем на то, что говорят выдающиеся ученые о тоталитаризме. Некоторые ученые, как мы уже говорили, придерживаются того мнения, что тоталитаризм — явление исключительно XX века, другие склонны рассматривать тоталитаризм «как имя прилагательное»: попытки тотального регулирования жизни граждан, экономики, идей и т. д. При таком толковании тоталитаризма черты его можно найти в диктатурах любой эпохи человеческого развития, вопрос лишь в том, насколько этот «идеал» был осуществлен в разных авторитарных режимах разных времен и не приблизился ли он к «идеалу» только в наше время благодаря усо-

¹ Западниками были и его старший брат, царь Федор Алексеевич, и его сестра Софья, и их отец, царь Алексей Михайлович — европеизация и реформы начались до него и продолжались бы без него.

вершенствованию технологии слежения за каждым гражданином — компьютеризации. Любопытна и вряд ли оспорима точка зрения известного американского историка Джорджа Кеннана, считающего, что тоталитаризм познаваем гораздо лучше через беллетристику, например, в произведениях Оруэлла и Кафки. А мы сюда добавили бы «Мы» Замятина, произведения Солженицына и «Счастливый новый мир» Хаксли. Сюда же можно отнести утопическую литературу, такие произведения, как: «Утопия» Томаса Мура (XVI век), «Город солнца» итальянского монаха Кампанеллы (начало XVII века), «Кодекс природы» француза Морелли (XVIII век) и многие другие. Кстати, все эти утопии рисуют совершенное общество как чистейшей воды коммунистический концлагерь, в котором все люди одеваются одинаково, не обладают никакой собственностью, города строятся одинаково, чтобы не было у граждан любопытства путешествовать. У Кампанеллы даже женщины и мужчины одеваются в абсолютно одинаковые униформы, а женщины за употребление помады и прочих украшений подлежат смертной казни! Интересно, что «Город солнца» пользовался особой популярностью у коммунистов XX века, и в СССР книга выдержала много переизданий. Однако вернемся к нашему изложению взглядов ученых на тоталитаризм. Русско-

американский социолог Николай Сергеевич Тимашев, анализируя разные исторические государственные системы, находит сильные элементы тоталитаризма в древнем Египте, Римской империи и империи инков в Южной Америке, о чем мы уже говорили выше, и дает следующие определения политических систем:

1. Государство является деспотией, если оно присваивает себе все права, а на граждан возлагает только обязательства по отношению к государству.
2. Государство становится тоталитарным, если функции, исполняемые им, столь разнообразны и всеохватывающи, что почти все стороны деятельности граждан подпадают под государственное управление.
3. Либеральным мы называем такое государство, в котором функции его столь ограничены, что сфера прямой государственной деятельности в жизни общества сведена к логическому минимуму.

Сознавая неудовлетворительность своих определений, ибо не ясно, что значит минимум и максимум, Тимашев подкрепляет их историческими иллюстрациями. Так, Россию эпохи Николая I он называет традиционной деспотией, агрессивной, склонной к тоталитаризму, аналогичной западным государствам XVIII века (и начала XIX, если речь идет о наполеоновской Франции). Россия Николая I традиционна, но с уступками демократии ближе к правовому государству, чем деспотии, агрессивна, но ближе к либерализму, чем тоталитаризму. Латиноамериканские деспотии в большинстве случаев далеки от тоталитаризма, ограничивая деятельность граждан только в тех областях, которые могут представлять угрозу государственной власти. Но вот Парагвай под властью иезуитов был близок к тоталитаризму, а авторитарный и псевдо-идеологический режим Перона в Аргентине 1940 — 1950-х годов Тимашев ставит где-то на полпути между либерализмом и тоталитаризмом (с. 15-16).

Карл Поппер, покойный профессор философии Лондонской школы экономических и политических наук, в своей замечательной книге «Открытое общество и его враги» считает первым идеологом тоталитаризма Платона. Характеристики Платонова тоталитаризма таковы: не допускать никаких политических перемен в однажды установленном по рецепту Платона обществе; назад к природе, к состоянию наших праотцев; власть кучки мудрецов над невежественными массами; строгое классовое разделение; отождествление судеб государства с судьбами правящей элиты; правящий класс владеет монополией права ношения оружия и получения любого образования, но лишен права хозяйственной деятельности и владения деньгами; цензурирование интеллектуальной деятельности правящего класса и использование постоянной пропаганды на предмет формирования и унификации его мышления; экономическая автаркия, чтобы избежать зависимости правящего класса от торговли, что покорвет его власть, а тем более, участие в торговле, что нарушит его единство и стабильность государства.

Поппер отменяет аргументы защитников Платона о том, что, мол, он хотел, чтобы общество было справедливым и все были счастливы, указывая, что платоновское понимание

42

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

справедливости является синонимом «того, что максимально служит интересам [этого] лучшего из государств». Поппер считает, что Платон, создавая теорию «совершенной республики» с предоставлением монополии власти «лучшим» и «умнейшим» людям, профессионалам, создавая постоянные категории правителей и их подчиненных, искажил идеи Сократа, который проповедовал идею ответственной власти, где политик должен быть искателем истины и любителем мудрости, знающим свои слабости. Платоновский «государь-философ» должен проводить чистки, изгонять неугодных ему и убивать таковых. Это доктрина бескомпромиссного эстетствующего радикализма, то есть рецепт чистейшего тоталитаризма.

Упомянувшийся в предыдущей главе профессор Тальмон в своей книге «Истоки тоталитарной демократии» подчеркивает преемственность тоталитаризма от демократии. Греческое слово демократия, как мы знаем, обозначает всего лишь народоправство, то есть каков народ, такова и будет его демократия. Такие понятия, как права личности, подлинные свободы, защищенность личности законом — это уже этика. Мы, христиане, не без основания считаем, что источник этой этики — учение Христа о любви к человеку, его неповторимости как

образа и подобия Божьего. А в секулярном мире эти ценности ассоциируются с либерализмом. Следовательно, сносность или несносность жизни в том или ином обществе зависит не так оттого, демократично ли оно, ибо демократией может быть и жестокая власть толпы (охлократия), а от того, либеральна ли наша демократия или тоталитарна.

Принцип демократии: народ является источником государственной власти в отличие от монархий и прочих патерналистических систем, где источником власти является либо мистическое помазание Божье, либо историческая преемственность, *либо* комбинация обоих. Основная посылка либерализма в том, что политика это система проб и ошибок и что политические системы являются прагматическими изобретениями человеческого гения и стихийной самодеятельности граждан. В отличие от этого тоталитарная демократия предполагает априорное существо-

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

43

вание единственной и исключительной истины в политике. «Ее, — пишет Тальмон, — можно назвать политическим мессианизмом в том смысле, что она постулирует предопределенную, гармоническую и совершенную систему, к которой человечество неотразимо движется и должно в конце концов прийти».

Корни современного тоталитаризма Тальмон видит в учениях французских энциклопедистов XVIII века, а именно в учении Просвещения о естественном устройстве вещей, которое на самом деле является антитезой подлинного индивидуализма, ибо во главе всего стоит законодатель, который должен преобразовать человека так, чтобы он соответствовал определенной модели. Прямым праотцем тоталитаризма он считает Руссо, человека исключительно эгоцентрического, неуживчивого. Еще тремя классическими представителями тоталитарного темперамента среди мыслителей XVIII века Тальмон считает Робеспьера, Сен-Жюста и Бабёфа. Вообще он видит прямую связь между «нестыковкой» человека с окружающим его миром и тоталитарной идеологией. Эти люди ищут спасение от собственной неспособности к нормальным отношениям с людьми в одиноком превосходстве диктаторства. Такой тип, добравшись до власти, отождествляет себя с воспринятой им абсолютистской доктриной, и отказ иных людей подчиниться этой идее он воспринимает не как различие во взглядах, а как преступление.

Противоречия в учении Руссо начинаются с его утверждения, с одной стороны, что человек подчиняется только своей воле, с другой стороны, Руссо говорит о подчинении индивида какому-то объективному критерию, который является его лучшей, высшей самостью, его внутренним голосом. Таким образом, даже подчиняясь каким-то внешним эталонам, он остается свободным, ибо свобода — это торжество духа над природно-элементарным инстинктом, это принятие нравственного обязательства и дисциплинирование иррациональных и эгоистических порывов разумом и чувством долга. Так, каждое применение общей воли является подтверждением свободы человека. В этой схеме воля индивида всегда под подозрением: отрицающий общую волю отказывается от своей человечности. Свобода согласно Руссо требу-

44

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

I

ет отказа от всяких личных и даже групповых предпочтений, интересов, влечений.

Людей следует заставлять предпочитать свободу, а если этого требует необходимость, то и заставить быть свободными.

Общая воля постигается, с одной стороны, только общим усилием всего народа, а не отдельных групп, а с другой, при условии изъявления этой воли отдельными индивидами, а ни в коем случае не группами. Оба условия опираются на предпосылку, что в самом гражданстве содержится некая единая субстанция, коль скоро каждый гражданин отделается от своих личных или групповых интересов и привязанностей. При этом и Руссо, и другие «отцы демократии XVIII века» совершенно игнорировали разнообразие взглядов. Их отправной

точкой были единство и единодушие. Руссо прямо считает групповые интересы злейшим врагом общественной гармонии. Недопущение групповых интересов явно несовместимо с классовым, а тем более многопартийным обществом; подавление того и другого возможно только насилием. Вряд ли следует добавлять, что и всеобщее единодушие может быть достигнуто только насилием. Якобинцы, во всяком случае, так «прочитали» рецепты Руссо. Среди французских просветителей XVIII века последовательным коммунистом Тальмон считает только Морелли, автора утопического романа «Кодекс природы» («Code de la nature»). Путая свободу с социальной защищенностью, Морелли всерьез думает, что коммунизм можно построить без насилия, стоит только человека вернуть в подлинное состояние его природы. Его видение совершенного общества предполагает духовный тоталитаризм, соединенный с совершенным или абсолютным планированием. Все, необходимое человеку, будет распределяться по общественным складам, откуда каждый гражданин будет получать «по потребностям».

Сторонником коммунизма был и Мабли, но, если Морелли был оптимистом и материалистом, Мабли был пессимистом и католиком. Он считал человеческую природу слишком испорченной, человека слишком жадным и скупым, чтобы построить коммунизм. Если мы так испорчены, писал он, то мы достойны того, что имеем и должны терпеть это без ропота.

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов •

45

Тальмон называет его «пророком коммунистического мессианства». Человека надо сделать счастливым, а это, считает Мабли, наступит с приходом всеобщего равенства. Чтобы не было различия в интересах и устремлениях людей, дети должны отбираться у родителей и воспитываться в интернатах (как у Платона). До тех пор, пока люди не обретут полной сознательности, опасно допускать свободу печати и религии. Свободу слова и мысли можно допустить только среди ученых, чьи ошибки не опасны для общества. Он считал ошибкой допущение свободы слова американской конституцией. В экономике он был крайним аскетом, частную собственность считал злом, но не верил в возможность ее полной ликвидации, поэтому предлагал как минимум ее жесточайшее регулирование.

Все эти утописты коммунистической наклонности — от Руссо и Хольбаха до Мабли — были против развития промышленности и ремесел, считая их источником жадности, желания разбогатеть; они предлагают исключить из участия в национальном суверенитете (то есть фактически лишить гражданства) ремесленников и промышленных рабочих. Как указывает Тальмон, Французская революция следовала за Мабли, но в обратном порядке: начав с утопизма и террора, кончила термидорианской реакцией.

Сен-Жюст, один из якобинских, вождей и теоретиков, утверждал, что, поскольку к власти пришел парод, все, кто вне народного суверенитета, — враги, достойные уничтожения мечом. «Поскольку страна стала свободной, теперь может речь идти лишь о долге по отношению к государству, о долге быть гражданином».

Далее он утверждал, что при народовластии не может быть партий — они самым ужасным образом отравляют политику. Считая себя народом, якобинцы себя партией не считали! Якобизм за первый год своего существования превратился в братство верных, долженствовавших отречься от своего «я» в полном подчинении «генеральной линии».

«Подчинение, — пишет Тальмон, — обозначало высвобождение, подчинение называлось свободой, членство в якобинских клубах обозна-

46

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов

чало принадлежность к избранным и чистым, участие в якобинских празднествах и патриотических ритуалах обрело религиозную окраску. В самих клубах шел процесс самокритики, чисток, доносов, раскаяний, отлучений и изгнаний», — все признаки того, что называется гражданской религией. Диктатура *Комитета общественной безопасности* проникала во все углы страны: всюду приказы центра как решения просвещенной и непогрешимой элиты выполнялись с религиозным рвением. В 1794 году Комитет объявил глобальную войну не для завоевания страны, по во имя распространения «свободы», однако, объявив освободительную войну против аристократии и феодализма, он неизбежно должен был вмешиваться в жизнь других стран, свергать существующие структуры. И вот в декабре Комитет объявил, что те народы, которые не установят учреждений свободы и народоправления, являются друзьями тирании и врагами Франции. Так были похоронены остатки свободы, ибо основа

основ свободы — это право быть в оппозиции. К этому следует добавить, что хотя частная собственность не была отменена, она была объявлена зависимой от политической лояльности владельца.

Единственным коммунистом эпохи Французской революции, оставившим по себе след и учеников, был Грахх Бабёф, который говори¹!, что продолжает дело своих предшественников. Его программа включала государственное владение всеми ресурсами и государственную организацию всех производственных, распределительных и потребительских процессов. Национализируется вся промышленность, а коммерция отменяется вообще. Свою веру в эффективность национализированного хозяйства он обосновывал опытом революционной войны, когда снабжалась государством армия в 1,2 миллиона штыков на 12 фронтах. Индивид, учил Бабёф, обязан отдавать государству все свои силы, труд и ресурсы. Принцип абсолютного равенства распространяется не только на преимущества и удовольствия, но и на обязанности и вклад в общее достояние. Человек, способный работать за нескольких людей, является бичом общества и должен быть уничтожен как угроза обществу. Когда на смену якобинскому террору пришла буржуазная республика, Бабёф решил, что французский народ слишком пассивен. Поэтому «Республику

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

47

добродетели» надо устанавливать посредством переворота для масс, а не силами масс. Переворот должен быть совершен небольшим заговорщическим революционным авангардом. Для этого был создан *Тайный директивный комитет*, задачей которого было:

1. Уничтожение всех институтов угнетения, чтобы «голова летела, как град»;
2. Ликвидация частной собственности;
3. Тотальный контроль печати и учебных заведений, чтобы очистить общество от старых предрассудков.

Заговор был раскрыт, и в 1797 году Бабёф был казнен.

После смерти учителя его учение продолжали и развивали его ученики, прежде всего Буонаротти.

Образование по их программе должно было даваться только социально-полезным элементам.

Богословие и юриспруденция исключались из учебного процесса, последняя из-за ненужности после ликвидации частной собственности (сравни с утверждением Маркса, что право — классовое понятие, которое исчезнет с устранением классового общества). Для служения государству и его защиты нужны только естественные науки и искусства. Пауки и искусства должны стать функцией и инструментами, развивающими коллективизм. Они утратят характер индивидуального самовыражения художника или ученого. Они приобретут значение и влияние как средства поднятия духа в служении республике (чем не соцреализм?!).

Буонаротти, как и Руссо и Робеспьер, признавали Высшее Существо, бессмертие души, гражданскую религию, вознаграждение и наказание после смерти в качестве основ гражданского общества. Признать Евангелие им мешал Ветхий Завет, который они считали книгой глупостей и нелепиц. Взамен Буонаротти предлагал «естественную религию», основанную на двух принципах: на всемогущей воле, руководящей вселенной, и вере в загробную жизнь.

Говоря о французских мыслителях XVIII века, чьи идеи повлияли на тоталитаристские доктрины века XX, нельзя пройти мимо фигуры Сен-Симона, старшего современника Иегеля, философа и социолога-самоучки, принадлежавшего уже к поколению французских «кающихся дворян». Идеи его родственны всем тоталитарным учениям нашего века. Это он

48

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

был пионером идеи о том, что общественные науки могут стать столь же точными, что и науки естественные (а точные ли они? Сегодня любой серьезный ученый в этом сомневается). Все, что требуется, писал Сен-Симон, это открыть законы обществоведения, аналогично тому, как ученые открывают законы естествоведения. Его писания начала XIX века полны веры в естественные науки, профессионализм, прогресс, промышленность и индустриализацию, создающие, якобы, условия для профессиональной демократии, которая стоит несравнимо выше обычной демократии. Король будущего будет главным промышленником. Некий институт духовных дел создаст национальный катехизис нравственных принципов промышленного общества братской любви. Все преподавание в учебных заведениях должно проводиться по этому катехизису, поскольку тождественность принципов и знаний лучше всего сплачивает общество.

Очевидно, он исключал изящные искусства из этого прокрустова ложа единообразия, ибо в своих писаниях он очень высоко ценит искусства, особенно древней Греции, называя их промышленными (?!), превознося свободу художника в Афинах и сравнивая это

художественное богатство с убожеством искусства регламентированной Спарты, не в пользу последней. Его труд «Новое христианство» должен утвердить общечеловеческое братство путем предоставления руководства науками, искусством и промышленностью. Церковь должна служить прославлению и пропагандированию технического прогресса.

Его идеи, повлиявшие по-разному на тоталитарные учения как коммунистического, так и фашистско-национал-социалистического направления, можно свести к следующим пунктам:

1. Подчинение личности коллективу (это мы обнаруживаем у всех тоталитаристов).
2. Естественное состояние человека — неравенство, и назначение истории — установить иерархию, основанную на естественном порядке, а не на неравенстве, изобретенном человеком (тут прямыми преемниками являются фашисты и нацисты, да и марксистское учение о классовой борьбе тоже на практике приводит к иерархичности).

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов •

49

3. Направляющей силой истории является человеческая потребность в порядке (это близко сердцу каждого тоталитариста).

4. Сен-Симон и его последователи отвергали идею того, что в основе государственного устройства лежит общественный договор, ибо он основывается на первенстве личности, в то время как сен-симонисты верили в изначальность коллектива (и тут линии родства ведут и к нацистам, и к коммунистам).

В чем сен-симонисты решительно отличались от будущих марксистов, это в утверждении, что борьба — фактор разрушительный, а не созидательный, и история движется к увеличению гармонии и сокращению борьбы, а не наоборот. Сен-Симон и его ученики верили, что Венский конгресс 1815 года был признаком этого движения к миру и гармонии. Революция, по их учению, является результатом дисгармонии, но результат революции — очередной скачок к гармонии (это весьма спорно, конечно). И прямым путем к тоталитаризму вела вера сен-симонистов в то, что, когда будут открыты все законы органического общественного устройства, любая оппозиция такому обществу станет невозможной, ибо будет признаком антинаучности, невежества. Эта установка полностью усвоена марксизмом с его претензией на научность. Этим же аргументом обосновывалась отправка противников режима в психушки в СССР.

Итак, непосредственные зерна тоталитаризма XX века можно найти в идеях Французской революции с ее теориями и практикой тоталитарной демократии. В основе тоталитарной демократии лежит идея естественного порядка вещей или общей воли, что вылилось в якобинскую диктатуру, стремившуюся построить власть добродетели, и в Бабёфову схему эгалитарного коммунистического общества, которые согласно Тальмону составляют две ранние версии мессианских тоталитаризмов нашего времени.

Чтобы освободить человека от уз, они считали необходимым разрушить все традиционные структуры, традиции и исторические общественные связи. Так, этическая идея прав человека превратилась в идеал социального равенства и полного конформизма при неизбежном приведении всех к низ-

50

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

тему общему знаменателю. Никакого разнообразия, так как оно сопровождается неравенством. Таким образом, кажущийся ультрадемократический идеал неограниченного народного суверенитета очень быстро выродился в систему насилия. Радикальная мысль XIX века взяла практику французской тоталитарной демократии в качестве уже своей теоретической базы, подменив индивидуалистическую посылку откровенным коллективизмом. «Совершив такую подмену, — пишет Тальмон, — ничего не могло уже быть проще, чем оформить якобинскую концепцию о неизбежности общественного конфликта между добродетелью и эгоизмом в марксистскую теорию борьбы классов. И Маркс, и якобинцы исповедуют аналогичную утопию о конце истории и о пути к нему: достижение полной гармонии путем неограниченных диктатуры и насилия». В заключение Тальмон пишет: «Самым главным уроком этого исследования является несовместимость идеи всеобъемлющей и всеобщей веры (в любой идеал и насильственного ее внедрения. Отсюда несбыточность и тираничность теократии. — Д. П.) со свободой. Оба идеала свойственны двум инстинктам,

наиболее глубоко укорененным в человеческой природе: мечте о спасении и любви к свободе. Любая попытка удовлетворить оба стремления одновременно неизбежно приводит если не к неограниченному тирании и рабству, то к колоссальному лицемерию и самообману, которые являются обязательными спутниками тоталитарной демократии».²

Несколько необычное, но этимологически верное использование Тальмоном термина «демократия» в контексте тоталитаризма заставляет нас насторожиться и не забывать, что демократия сама по себе, без духовных ценностей и гражданского общества не является гарантом от тоталитаризма. И в заключение этой главы уместно процитировать весьма четкое противопоставление тоталитаризма и демократии (он имеет в виду, естественно, демократию либеральную) современным французским политологом Жаном-Люсьеном Раде-лем. Он выделяет следующие элементы как характерные отличия тоталитаризма от демократии:

² J. L. Talmon *The Origins of Totalitarian Democracy*. С. 253.

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

51

«Если у демократии возможности введения политических и социальных изменений конституционно ограничены, требуют согласия народного представительства, не смеют нарушать благополучие индивида, и силовые методы недопустимы, даже если цель правительства — благо народа и укрепление демократических структур, то тоталитаризм допускает применение любых средств, поскольку они идут на пользу государству, служат государственным (скорее партийным) интересам и целям. Индивид здесь приносится в жертву коллективу, олицетворяемому государством (или партией)».

Если демократия допускает и поддерживает свободное обсуждение обществом государственной политики и общественных проблем, и для ее нормального функционирования необходима наличность мнений большинства и меньшинства, которые являются результатом неограниченной гласности для любых высказываний, сколь абсурдными бы они ни были, то тоталитаризм требует от общества и индивида полного послушания и дисциплины. А право на знание истины в последней инстанции и правильного решения всех проблем признается только за вождем, любое сопротивление которому приравнивается к государственной измене.

Аннотированная библиография

Iggers, Georg G. *The Cult of Authority. The Political Philosophy of Saint-Simonians: a Chapter in the Intellectual History of Totalitarianism*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1958. Сен-симонизм следует считать самой прямой основой тоталитаризма нашего времени. Идеи самого Сен-Симона, собранные в 47 томах, слишком сумбурны и противоречивы, чтобы связывать его непосредственно с сенсимонистами, которые лишь вдохновились его религией планирования, организации промышленности и «точных» наук, его веру в то, что обществоведение и организация общества могут быть так же планируемы и управляемы, как промышленное производство и лабораторные опыты. Сен-симонисты разработали грезы своего вдохновителя в систему для построения современного «тоталитарного массового государства» — того, что Тальмон называет *тоталитарной демократией*.

52

— 2. Попытки установления тоталитарных режимов —

Popper, Karl *The Open Society and Its Enemies*. London, 1945. Основной тезис этой книги всемирно известного, ныне покойного, профессора Лондонской школы экономических, социальных и политических наук, — это опасность всякого закрытого общества. Чем больше тайн у государства, тем оно опаснее для человеческой личности и тем более оно коррумпировано. Залог свободы человека и свободного развития общества в его открытости, прозрачности, гласности.

Weber, Max *Essays in Economic Sociology*. Princeton University Press, 1999. Основатель теории зависимости развития капитализма в Европе от появления протестантских сект, особенно от кальвинизма с его доктриной предопределения и оправдания богатства, логическим выводом чего было учение о том, что профессиональный и материальный успехи в земной жизни свидетельствуют о богоизбранности и уготовании Царства Небесного для виновника успеха.

Известно, что традиционное христианство — как западное, так и восточное — относилось скорее отрицательно к материальному обогащению, опираясь на слова Христа, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай*. Протестанты предпочитают, однако, Христову притчу о талантах. Тезис Вебера оспаривается теперь, например, экономическими историками России, например, покойным профессором Блекуэллом, на том основании, что в России зачинателями частного промышленного капитализма были старообрядцы, никакого отношения к протестантам не имевшие. Тут были условия гонимого меньшинства, которому нужны были деньги, чтобы откупаться от полиции, и внутренняя спайка и солидарность, чтобы

выжить. Книгу Вебера мы привели, поскольку предопределение, детерминизм лежат в основе доктрин, тоталитарного типа — от Сен-Симона и Маркса до Ленина и Гитлера.

³ Есть два толкования этой притчи. Согласно первому игольным ушком называлась одна очень узкая калитка в городских стенах Иерусалима; согласно второму, арамейскому толкованию, спорное слово имеет два значения в арамейском языке, отличаясь друг от друга лишь более и менее гортанной буквой «х». Одно произношение обозначает на самом деле игольное ушко, другое — петлю корабельного троса, которая может быть любого размера.

Глава 3 Корпоративизм

«Материализм — это вспомогательная доктрина любой тирании, тирании одного [диктатора] или тирании масс. [Он] подавляет все духовное, моральное, гуманное ... в человеке, превращая его в специалиста, в шестеренку великой социальной машины...».

Из «Дневников» Амиеля.

Продолжая наше исследование корней тоталитаризма, перейдем теперь от французских утопистов к немецкой философии — недаром Маркс говорил, что марксизм произошел от английской политэкономии, французского утопического социализма и немецкой философии. Правда, Маркс все эти учения поставил с ног на голову, особенно английскую политэкономия, которая проповедовала неограниченную свободу рынка, опирающегося на незыблемость частной собственности и частного предпринимательства. Что же касается остальных двух факторов, то, конечно, связь между ними и тоталитаризмом XX века неоспорима, хотя немецкие философы XVIII и XIX столетий ужаснулись бы, увидев прямые или косвенные плоды своих размышлений в исполнении диктаторов XX века.

Итак, рассмотрим теперь немецкую философскую мысль и ее связь с тоталитаризмом в изложении Ральфа Боуэна. В своей книге «Немецкие теории корпоративного государства» он пишет, что органическое мировоззрение, воспринятое нацистами от ряда немецких философов и упрощенное, приравнивало организацию общества к человеческому организму, утверждая аналогичное неравенство членов общества или нации: одни, мол, люди выполняют функции руки, глаза, а то и пальца, без которого человек может жить, а другие — голо-

вы или сердца, без которого человек погибает, так и в отношении государства. Без государства в целом, как без сердца или головы, граждане существовать не могут.

Следовательно, органическое мышление государство-центрично и, естественно, ведет к первичности служения государству. Боуэн видит тут 3 донацистских корпоративных течения:

1. Социальный католицизм (особенно в энциклике папы Льва XIII 1891 года *Rerum novarum*);
2. Монархический социализм (проявившийся на практике в эпоху Бисмарка);
3. Германская коллективная экономика (то, что Ленин назовет государственным капитализмом), ограниченная годами Первой и Второй мировых войн и эпохой гражданской войны 1918—1920 годов в Германии.

Первым корпоративистом Ральф Боуэн считает философа **Иоганна Готлиба Фихте** (1762-1814). Свое государство Фихте называет закрытым коммерческим государством, которое должно нести ответственность за правильное распределение государственного пирога каждому в соответствии с его значением для государства — каждому свое (*jedem das Seinige*). Не отсюда ли марксово «от каждого по способностям, каждому по потребностям»? (Кстати, как мы знаем, и этот принцип коммунизма Маркс, взял у французских якобинцев!) Тут и зародыш планового государства: право вхождения человека в то или иное ремесло или профессию невозможно без разрешения определенного государственного органа, который определяет квоты на каждую профессию, и в случае заполнения таковой отказывает просителю в праве практиковать ее. Ценообразование тоже в руках властей, а не рынка, которые устанавливают цены, обеспечивающие заслуженную долю пирога каждому, на поддержание такого уровня жизни, который соответствовал бы его положению в обществе.

Например: «Философ, занятый глубоким умственным трудом, не может ограничиваться диетой землереба».

Праотцем австрийского клерико-фашизма можно считать **Адама Мюллера** (1779—1829), который, считая, что протестантизм разрушил средневековые германские духовные традиции, перешел в католичество и из-за своих нападок на немецкую государственную, то есть протестантскую, религию

— 3. Корпоративизм

вынужден был перебраться в Австрию, где его очень чтил Меттерних, давший Мюллеру потомственное дворянство. Это Мюллер развил аналогию между организмом и государством и между государством и семьей: «государство — это семья семей», писал он, а сословия соответствуют элементам семьи. Высшим сословием он считал духовенство, которое, по его мнению, является посредником между остальными двумя сословиями; оно должно своим нравственным авторитетом поддерживать единство и гармонию общества, а в международной политике духовенство должно быть посредником в спорах между государствами. Духовенство обязано также внедрять уважение к законам государств. Следующим по значению сословием он считал землевладельцев-дворян. Нравственная основа его — самопожертвование на благо общества и государства; иными словами, Мюллер рассматривал дворянство как служилое сословие (подобно русскому). «Дворянство должно олицетворять собою нравственную и духовную силу государства», — писал он. Мюллер, однако, сохраняет полное молчание по поводу политических функций третьего сословия — «простых смертных», оставляя им только экономическую роль в государстве. В его структуре сословием может считаться только такая категория граждан, у которой есть свои ведущие надматериальные ценности. Так, третье сословие определяется профессионализмом и трудом на благо отечества. Именно поэтому он сожалеет, что «пока» купцы и торговцы не могут составлять сословия, ибо их жизнедеятельность ограничивается чисто материальными ценностями.

Сделал свой значительный вклад в корпоративизм и **Фридрих Гегель** (1770-1831).

Гегелевские три сословия это:

1. Люди, живущие от земли (по-видимому, юнкерство и крестьяне), руководствующиеся традиционной естественной нравственностью, укорененной в патриархальной семье;
2. Промышленное сословие — от купцов до ремесленников и промышленных рабочих;
3. «Общее сословие» — это профессиональные городские элементы, служащие общественным интересам и государству, — чиновники, ученые и пр. Гегель впервые употребил термин «корпорации» (*Staende*), в составе которых «совокупность частных интересов превращается в универсальное де-

56

— 3. Корпоративизм

I

ление, служение стране и обществу». Это сродни славянофильским «соборности» и «хоровому началу». Известно, что славянофилы, во всяком случае, вначале, находились под большим влиянием гегельянства.

По словам Боуэна, Гегеля очень беспокоил в принципе антиобщественный дух индивидуализма, который, по его мнению, доведенный до крайности, станет разрушительной силой. «Его корпоративистский идеал выражал стремление достигнуть гармонии между требованиями индивида и принципом общественной взаимосвязанности.TM... в результате гегелевское "гражданское общество" стало отправной точкой как для индивидуалистов, так и коллективистов».

В области экономических идей корпоративизм выразился, во-первых, в христианском гуманизме (особенно у католиков), озабоченном отрицательными последствиями индустриализма в области общественной и личной нравственности, и, во-вторых, в распространении в Германии французских социалистических идей начала XIX века.

Идеи и попытки конкретных социальных реформ в духе корпоративизма принадлежат Францу

Баадеру (1765—1841) — баварскому католику и горному инженеру по профессии, который получил антилиберальную закалку во время своей учебы в Англии и Шотландии (1784—1795), где наблюдал ужасы раннего капитализма и индустриализации, что привело его к полному отвержению Адама Смита. Общественное развитие он видел в 3-х стадиях:

1. «Гражданское общество», в котором оформился закон как выразитель общественного единства;
2. «Политическое общество» монархической власти;
3. «Естественное общество», теократическое по духу, руководимое любовью, что станет возможно, когда в обществе восторжествуют милосердие, терпимость, братство и когда в управлении этим обществом возобладает «божественный» принцип авторитета, иерархичности и соподчинения в соответствии со статусом в обществе.

Это и есть баадеровский органический *Staendestaal*, то есть сословное государство; кстати, этот термин будет официально утвержден в 25 пункте нацистской программы 1920 года.

— 3. Корпоративизм —

57

Баадер требовал распределительного вмешательства государства в общественную и экономическую жизнь страны, «чтобы защитить имущество и жизнь каждого сословия и каждого гражданина». Он был предшественником Маркса (и делал ту же ошибку, что Маркс) в утверждении, что в то время, как рабочий производит материальные ценности, работодатель их присваивает, в результате чего все больше богатства концентрируется у все меньшего круга людей, и нищета прогрессирует. Но выход он видел в духовно-нравственном возрождении, в том, чтобы государство повысило ценность земли и труда и чтобы духовенство взяло на себя нравственное руководство и восстановило социальную диаконию ранней Церкви — заботу о нищих и бедных. Сословные ассамблеи должны стать буфером между верховной властью и гражданином, и духовенство в этих ассамблеях должно быть представителем и защитником обездоленных.

Демократическая струя в немецком корпоративизме связана с именем **Карла Винкельблеха** (1810—1865), известного под псевдонимом **Карла Марло**. Центральным пунктом его учения было неотчуждаемое право человека на труд, и это право он связывал с независимыми ремесленниками и их артелями-гильдиями. Марло стремился к их возрождению, переживал их упадок. В этом он был близок русским народникам, мечтавшим избежать промышленный переворот развитием отхожих промыслов, надомных ремесел и кооперативного движения крестьян.

Эрнст фон Герлах (1795—1877) был одним из основателей прусской консервативной партии, идеализировал феодальную структуру сословий, стремился к плюралистическому обществу, в котором помещики были бы высшим сословием в иерархии закрытых сословий и корпораций. Ассамблея сословий (земский собор) должна была ограничивать монарха, обеспечивая этим «вечную и историческую законность в Церкви и государстве в противовес всевозможным тираниям». Хотя представительство в рейхстаге Бисмарковской империи моделировалось по традиционным либерально-демократическим парламентам, мелкие партийные склоны в парламенте и в выборах и рост социал-демократии привели к восстановлению популярности идеи представительства от

58

• 3. Корпоративизм —

профессий и профессиональных групп вместо системы подушных выборов и представительства. Сторонником корпоративизма был и **Вальтер Ратенау** — министр иностранных дел Веймарской республики, убитый нацистами в 1922 году.

Социальный католицизм или католический «социализм»/солидаризм

Пионером католических социальных доктрин нового времени был барон **Вильгельм фон Кеттелер** (1811-1877), епископ Майнцский, чьи идеи непосредственно повлияли на энциклику папы Льва XIII «*Rerum novarum*». Кеттелер резко критиковал Манчестерскую школу за ее атомизацию и мер-кантилизацию общества, обвинял ее в том, что она расщепит рабочий класс на атомы, превратит в крупы пыли. Только обращение к подлинной политической и социальной мудрости христианства может прекратить разрушающую деятельность правительств. Освобождающей силой в истории является только христианство,

провозгласившее абсолютную ценность человеческого достоинства — понятия, которое полностью отсутствовало в религиях и философии античности.

Очень интересно и справедливо его замечание о несовместимости христианства с любой формой государственного абсолютизма (по словам Христа, кесарево — кесарю, Божье — Богу). Подтверждение несовместимости он видел в феодальном корпоративизме теоцентристского Средневековья, с одной стороны, и в росте абсолютизма секулярного нового времени, с другой. Кеттелер считал, что остановить процесс атомизации общества либеральными режимами могут только трудовые организации. В основе их будут профессиональные корпорации, которые, руководствуясь принципами христианского братства, будут стремиться не к борьбе против работодателей, но к миру на справедливых условиях. «Будущее профсоюзного движения, — писал он, — принадлежит христианству». Реализатором идей Кеттелера в рабочей среде стал его последователь, перешедший из протестантизма в католичество священник Адольф **Кольпинг**. Создаваемое им рабочее движение не приветствовало экономическую борьбу, делая

— **3. Корпоративизм** —

59

главный упор на взаимопомощь, нравственность и просвещение рабочих (что сравнимо с Зубатовско-Гапоновскими организациями 1898-1905 годов). Рост колышинговских профсоюзов был очень незначителен, и к 1879 году в германских католических рабочих организациях было менее 965 тысяч членов, что не шло ни в какое сравнение с размерами социал-демократических союзов.

Более классический корпоративизм сохранялся в Австрии. Это были последователи барона **Фогельзанга** и др. От них пошли австрийский солидаризм и клерико-фашизм.

Самым видным лево-католическим корпоративистом был **Франц Хитце** (1851—1921), католический священник, автор программы «Корпоративной перестройки». Его книга «Капитал и труд» (1880) резко осуждала индустриализм *laissez-faire* и индивидуалистическую философию. Перекликаясь с марксовской теорией об отчуждении труда, он осуждает механистический труд индустриального капитализма, единственным смыслом которого является заработок, чем уничтожается понятие труда как призвания (*Beruf*). «Наша жизнь должна снова стать корпоративной/сословной... Тогда мы достигаем формы социализма, опирающегося на подлинную солидарность, без революций и деспотизма», — пишет Хитце. К 1889 году он признал, что социальная борьба существует, но введенная в рамки организованности она более гуманна и скорее приведет к общественному миру, чем партизанские вылазки. Он призывал и к формированию крестьянских союзов, считая, что земля так священна, что она не может быть абсолютной собственностью отдельного индивида. Кустарей Хитце предлагал объединить принудительно в ремесленное сословие. В будущем корпоративном государстве профсоюзы, считал он, приобретут новое лицо, став интегральной частью общинного, нестяжательского корпоративного хозяйства, в котором производство и распределение будут находиться под общественным контролем. Цены тоже будут устанавливаться гильдиями: «солидаристическому труду будут соответствовать солидаристические цены и наоборот». (Чем не марксистская утопия?)

В это же время появляется более умеренное крыло корпоративизма — солидаризм, который видит эволюцию к луч-

60

3. Корпоративизм —

тему внутри существующей системы. Старый корпоративизм сохраняется только в Австрии.

Небольшое число корпоративистов в XX веке (например, иезуит Пеш) создают доктрину солидаризма. Наиболее видным солидаристом был **фон Херлинг**, отвергавший всякое насилие в проведении корпоративности. В 1880 году Хитце принял установку Херлинга, проповедовавшего приоритет правового государства, основанного на правах личности.

Херлинг упрекал Хитце, который до конца отстаивал право и долг государства принудительно проводить в жизнь нравственные постулаты христианства в госсocialизме, и считал всякое усиление государственной власти опасным для личной свободы.

Идеи корпоративизма снова всплывают после революции 1918 года. Связаны они с именем кельнского католического священника д-ра **Обердёрфера**, который требует, чтобы вся

структура нового государства опиралась на профессиональные сословия с парламентом, представляющим профессиональные сословия/гильдии. Его программа получила устное одобрение папы как осуществляющая постулаты «*Rerum novarum*».

В XX веке разработкой христианского солидаризма занимался упомянутый выше иезуит-экономист д-р Пеш. Согласно его доктрине годность любой схемы общественного устройства заключается в том, до какой степени она добилась всеобщего благополучия граждан данной страны. Беспредельная конкуренция, дробящая общество, этого экзамена, по мнению Пеша, не выдерживает, ибо она чревата резкими экономическими колебаниями, не обеспечивает экономической стабильности, а следовательно, и благополучия. Поэтому он придерживался необходимости некоторого общественного регулирования производственного процесса (предшественник Кейнса?!). Общие цели и пределы такого регулирования определяются специальным органом центрального правительства, но исполнителями регулирования должны быть корпоративные организации, каждая из которых имела бы непосредственную юрисдикцию над непосредственно относящейся к ней производственной сферой. Что идеи Пеша не были гласом вопиющего в пустыне, свидетельствует оживление интереса к корпоративизму в католических кругах 1918—1933 годов.

— 3. Корпоративизм —

61

Монархический социализм

Наиболее видными представителями этого течения, направленного на ослабление влияния марксизма путем преодоления вреда, нанесенного обществу индивидуалистическим либерализмом, были **Альберт Шеффле** (1831—1903), и **Адольф Штекер**. Самоучка, бросивший Тюбингенский университет на первом курсе, Шеффле сумел написать докторскую диссертацию, защитить ее, преподавать некоторое время в университетах Германии и Австрии и даже был краткое время министром торговли Австрийской империи, пытаясь решить национальные проблемы империи путем предоставления чехам равных прав с немцами и венграми, намереваясь превратить двойственную империю в тройственную. Это ему не удалось, и он остальную часть жизни провел в качестве свободного деятеля, живя на министерскую пенсию. Он исповедовал органическое мировоззрение, считая — не без влияния Герберта Спенсера, — что жизнь общества и организма подчинена тем же самым законам биологии. И та, и другая требуют центрального управляющего аппарата. Учитывая рост, с одной стороны, профсоюзов, с другой — синдикатов предпринимателей, он рассматривал те и другие как корпорации, договаривающиеся между собой на пользу и труду, и капиталу. Он же выдвигал идею соучастия представителей рабочих союзов в управлении предприятием — то, что широко используется в современной Германии. В этом его видение дальнейшего развития промышленного общества и роста благополучия рабочих было гораздо проницательнее «пророчеств» Карла Маркса. Одновременно Шеффле выступал за то, чтобы по меньшей мере одна треть членов парламента избиралась не простым всеобщим голосованием, а являлась бы представителями профессиональных, предпринимательских и прочих корпораций. По крайней мере половина корпоративных представителей должна представлять местные органы управления (земства по-русски). В этом он видел постоянство и оплот монархическо-аристократическому государственному устройству.

Штекер был выдающимся лютеранским пастором. Его карьера включала преподавание в богатых семьях балтийских

62

— 3. Корпоративизм —

аристократов, военное и придворное капелланство. Свое социальное учение он назвал христианским социализмом, который он находил наиболее отвечающим «социальной монархии Гогенцоллернов», стремящейся к социальной гармонии. В 1878 году он создает *Христианско-социальную рабочую партию*, провозгласившую себя борцом за христианскую веру и любовь к императору и отчизне (ср.: «За веру, царя и отечество!»). Цель партии — сужение пропасти между богатыми и бедными, достижение большей материальной обеспеченности рабочих. Конкретными требованиями партии объявлены:

1. Государственное содействие организации трудящихся, социальной защитой труда, созданием государственных предприятий и налогами;

2. Помощь со стороны духовенства;
3. Помощь со стороны имущих классов;
4. Самопомощь рабочих и наконец
5. Принудительное создание профессиональных ассоциаций, охватывающих всю империю.

Однако его партия не шла ни в какое сравнение с популярностью социемократических марксистских организаций. Поэтому с 1879 года он начал превращать ее в партию в основном среднего класса, одновременно начав выступать с антисемитских позиций, утверждая существование в Германии «еврейской проблемы». К 1890 году в его партии было всего 34 тысячи членов, из них только несколько сотен рабочих. В 1895 году более радикальная группа под руководством молодого пастора **Фридриха Науманна** вышла из партии Штекера и создала свою под многообещающим названием *Национально-социальный союз*. Призывы Штекера к корпоративному устройству государства нашли некоторый отклик Бисмарка, пытавшегося было создать параллельно парламенту I Гациональный экономический совет, который состоял бы из представителей корпораций и решал бы все экономические задачи; но рейхстаг провалил этот план, отказавшись выделить бюджет под такое учреждение. С молодости Бисмарк увлекался теориями сословного государства. Либерализм и индивидуализм средних классов ему

— 3. Корпоративизм —

63

не нравились, и в 1848 году Бисмарк пришел к заключению о необходимости ввести представителей неимущих классов в парламент как противовес среднему классу. Его идеалом была монархия, ограничиваемая представительным учреждением сословно-профессионального характера. Но попытка создать такое учреждение удалась только в составе прусского правительства. Прусский Экономический совет имел отношение к созданию прусского трудового законодательства между 1882 и 1887 годами. После этого совет не собирался — Бисмарк потерял к нему интерес, поскольку ему не удалось добиться его учреждения на общеимперском уровне. С концом рецессии и началом бурного экономического роста в 1896 году экономическое положение рабочих стало быстро улучшаться, и интерес к корпоративным структурам начал увядать. Сам Вильгельм II никогда христианским социализмом не интересовался, назвав эту идею «бессмыслицей».

В Германии интерес к корпоративизму снова появился после 1918 года в условиях национально-психологического и экономического кризиса. Самым выдающимся теоретиком нового корпоративизма, известного под именем коллективной экономики, был **Вальтер Ратенау** (1867—1922), создавший эту самую коллективную экономику во время Первой мировой войны в виде всеобщей мобилизации германской промышленности. Не отбирая промышленность у ее собственников, он создал военно-промышленные отраслевые компании; каждая была ответственна за снабжение фабрик и заводов ее отрасли по государственно-контролируемым ценам согласно приоритетам, установленным центральной администрацией. Операции этих бездоходных компаний находились под тщательным наблюдением чиновников или членов Торговой палаты. Государство держало контрольный пакет акций, и представитель правительства имел право абсолютного вето, перекрывавшего решения акционеров. Так, фактически вся немецкая промышленность была превращена на время войны в интегрированную структуру «самоуправляемых» картелей, над которыми господствовало государство, имевшее последнее слово в вопросах производства и распределения.

Вот эту систему с модификациями Ратенау видел как отправную точку корпоративного государства, теоретиком ко-

64

— 3. Корпоративизм

торого он и стал после войны. Сам богатый промышленник, фактический диктатор всей германской промышленности в военные годы и министр иностранных дел во время заключения Версальского мира, еврей Ратенау был горячим немецким националистом-идеалистом, считавшим, что в корпоративной структуре промышленность и вообще экономика будут служить общему благу, а не материальному обогащению отдельных лиц. «Собственность, доход и потребление, — писал он, — не частное дело: в них заинтересован весь национальный коллектив». Он вводит понятие условной или функциональной собственности, считая, что таким условным владельцем является любой человек, накопивший богатство, значительно превышающее то, что необходимо человеку для нормальной

культурной жизни. «Государство имеет право в таком случае освободить его от такого богатства». Вместо материальных стимулов новая экономика будет награждать свободного пролетария солидарностью и трудовой гордостью, а ответственный предприниматель будет удовлетворен чувствами власти и творчества.

В промышленной цивилизации он видел слишком много «механичности» (того, что Маркс называет отчуждением труда от трудящегося) и считал, что это можно перебороть заменой центрального, бюрократического, парламентского государства органической иерархией функциональных структур или местных самоуправлений. Парламент должен формироваться целиком или хотя бы частично функциональным представительством. В либерально-материалистической структуре он видел дробление и потерю чувства целостности страны, национальной почвы — государство дробится на как бы изолированно существующие друг от друга экономическое, политическое, юридическое, церковное, военное «государства».

За исключением подписания мирного договора, за который нацисты считали его национальным предателем и в 1922 году убили его, Ратенау отошел от непосредственной политики: у послевоенного правительства он был на подозрении за его роль в создании немецкой военной экономики. По его последователь **Меллендорф** провел в парламенте в 1919 году «основной закон социализации», на основании которого,

— **3. Корпоративизм** —

65

например, угольная промышленность была превращена в полугосударственный картель под названием «профессиональное сообщество». К каждому из таких обществ придавался национальный совет, состоявший из представителей служащих, рабочих, снабженцев, потребителей и одного комиссара от правительства. Проповедование корпоративизма, особенно Ратенау, автаркии показывает, сколь устарелыми были их политэкономические взгляды. Однако идеи Ратенау—Меллендорфа поддерживались юными католическими «христиан-солидаристами». Но реальные воплощения этих идей более-менее ограничились выше перечисленным. Парадокс в том, что в гораздо большей степени идеями Ратенау воспользовались так ненавидевшие его нацисты. Они ввели принудительную картелизацию промышленности с представительством рабочих, предпринимателей и служащих. Представительство рабочих и правительства, в значительно измененном по сравнению с эпохой Ратенау виде, действует, и весьма успешно, в немецком предпринимательстве по сей день. Так что не всему в корпоративизме место на помойке, кое-что оказалось жизненным и прогрессивным.

В связи с этим английский ученый **Алан Коусон** в книге «Корпоративизм и политическая теория» указывает, что разные авторы толкуют корпоративизм по-разному. Согласно наиболее враждебным к нему авторам при корпоративизме на место свободы частного капитала приходит государственное руководство, вполне соответствующее ленинской концепции госкапитализма. Иные авторы говорят о корпоративизме как третьей силе — некапиталистической и несоциалистической. Иные видят в нем особый путь, при котором частные интересы организуются и взаимодействуют с государством. По их мнению при корпоративизме государство не является инструментом господствующего класса, а олицетворяет собой некую общую волю, направляя преимущественно частное предпринимательство, исходя из 4-х принципов: **единство, порядок, национализм и успех**. Корпоративизм в отличие от социализма не проводит широкую национализацию народного хозяйства, сохраняет принцип частного предпринимательства, но в отличие от капитализма корпоративное государство обладает широкими правами

66

— **3. Корпоративизм** —

в отношении народного хозяйства, и на место саморегулирующегося рынка приходит олигополия.

Положение корпоративизма где-то между свободно-рыночной и бюрократическо-монополистской политикой Коусон поясняет следующими примерами.

1. Свободный рынок. При нем безработные и обездоленные получают какие-то трущобы для жизни по заниженным ценам; ничего лучшего им не дожидаться.

2. Бюрократическое решение проблемы. Правительство непосредственно строит жилье,

используя нанимаемых им рабочих.

3. Корпоративное решение. Правительство заключает договор с частными строительными фирмами или профсоюзами на строительство ими жилья, о количестве зданий, их типе и пр. принимается обоюдодоприемлемое решение на основании договоренностей между правительством и заинтересованными сторонами.

Корпоративизм, таким образом, указывает автор, может быть диктаторским, монополистическим или демократическим. Идеальным примером демократического корпоративизма автор считает современную Австрию (где в свое время и зародился *солидаризм* как политическая партия). В области производительности промышленного труда Австрия (во всяком случае, в начале 1980-х годов) входит в тройку самых передовых стран, зарплата там одна из самых высоких в Европе, инфляция одна из самых низких, социальная защищенность одна из самых высоких в мире, а забастовки наиболее редки (в 1970-е годы) из всех капиталистических стран. Одна из особенностей Австрии — две параллельные системы представительства интересов: камерная система, организованная по принципу принудительного членства, и система добровольных объединений, охватывающая в основном те же интересы, но работающая по принципу свободной ассоциативности. В некоторой степени обе системы конкурируют друг с другом, но в основном между ними действует распределение функций и имеется некоторая иерархичность, причем государство оказывает некоторую финансовую поддержку добровольным группам, обязывая одновременно принудительные организации соблюдать внутридемократический процесс.

— 3. Корпоративизм —

67

В меньшей степени, чем в Австрии, но тоже значительно, макрокорпоративизм развит в Швеции, Норвегии и Голландии. На этом Коусон оканчивает свой обзор вопросом, случайно ли то, что все эти страны невелики — с населением менее 15 миллионов? По-видимому, все еще не случайно. Не случайно, наверное, и то, что в таких странах, как нацистская Германия, фашистская Италия да и имперская Япония корпоративизм оказался очень удобной системой для укрепления тоталитарного режима. Из этого можно сделать заключение о корпоративизме подобное тому, какое сделал Тальмон в отношении демократии: если демократия может быть тоталитарной или либеральной, то и корпоративизм может быть тоталитарным или демократическим, и тогда при условии, что речь идет о либеральной демократии, он может работать без вырождения в полицейский террор, как в выше приведенных малых странах. Дело в том, что демократии, либерально-демократический строй вообще, работают лучше в малых странах, чем в больших, а лучше всего, вероятно, в городах-республиках наподобие древних Афин или современного Сан-Марино, например. Большие же, и особенно многонациональные государства, вообще чреваты вырождением в полицейские. Им приходится держать большие армии и сложные полицейские структуры, которые сами по себе расположены к диктатуре, командное™. Если такое государство отстраивать по принципу корпоративности, при котором голос отдельного гражданина, становится гораздо менее эффективным, чем в условиях классической либеральной демократии, опасность его вырождения в тоталитаризм становится гораздо реальнее, чем в малых государствах, в которых отдельный гражданин всегда более слышим, чем в империях.

Аннотированная библиография

Н.Н.Алексеев «Идея государства. Очерки по истории политической мысли». Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1955. Автор — правовед-эрудит дореволюционной русской школы — излагает историю появления и развития понятий и теорий го-

68

— 3. Корпоративизм —

сударственного права и политических систем от мыслителей древней Греции до конституционалистов XIX века. Излагает материал автор систематически и четко. В частности, аристократическое государство Платона с его евгеническим отбором потомства стражей оказывается предшественником и гитлеровского расизма, и крайнего коммунистического утопизма, например, в редакции Пол-Пота.

Beilharz, Peter, Robinson, Gillian and Rundell, John, eds. *Between Totalitarianism and Postmodernity*. Cambridge, Mass., The MIT Press, 1992. Взгляд на корпоративизм, социализм и проблемы демократии в постфашистском и посткоммунистическом мире. Серия статей и эссе разных авторов.

Bowen, Ralf T. *German Theories of the Corporative State*. N. Y., Russel & Russel, 1971. Читатель третьей главы

нашего труда уже знаком с этим автором. Книга подробно и критически исследует идеи германских корпоративистов, особенно эпохи Германской империи (1870—1919). На первых 74 страницах, однако, дается вполне адекватное изложение истоков корпоративизма от Фихте, Гегеля до корпоратистских идей 1848—1870 годов, явившихся откликом на революции 1848 года.

С.А.Левицкий «Основы органического мировоззрения». Изд-во «Посев», 1947. Попытка разработки философской базы органического мировоззрения российского солидаризма (НТС) зарубежным русским философом, учеником одного из виднейших русских философов Н.О.Лосского. Он рассматривает в свете солидаристической идеологии такие вопросы, как взаимоотношение личности и общества, примат личности и ее роль в общем деле и т.д. Однако время грандиозных идеологических построений миновало. Он же «Трагедия свободы». Франкфурт-на-Майне, Посев, 1984. Если в вышеназванной книге автор еще полон оптимизма, предполагая возвращение человечества от утилитарного материализма к духовному; в «Трагедии свободы» гораздо больше пессимизма. Трагедия свободы в том, что она нейтральна по отношению к добру и злу, и в обществе духовного оскудения превалирует бесценностная отрицательная свобода к злу.

Niemeyer, Gerhart *Between Nothingness and Paradise*. Louisiana State University Press, 1971. Автор — христианский мыслитель, политолог и историк рассматривает тоталитаристскую тенденцию сначала в мысли, а в XX столетии в реализации этой

— 3. Корпоративизм —

69

мысли: и отрицание человека, человеческой личности, в бунте против культуры и всего, созданного человеком за тысячелетия, против всего Божьего мироздания. В этом плане он помещает в единую категорию Бабёфа, Маркса, Бакунина, Нечаева, Ленина, Троцкого, Гитлера, Сталина, Маркузе (неомарксиста и идеолога марксистско-анархических студенческих бунтов конца 1960-х годов) и Кона-Банди (французского организатора и непосредственного вдохновителя этих бунтов). При всех между ними различиях, что их объединяет, — это «профессия» тотальной революции не против каких-то определенных идей или политики, а вообще против человечества, против общества как такового. В этой книге под многозначным заголовком «Между ничто и Раем» рассматривается радикальная мысль — революционно-нигилистическая, национал- и интернационал-социалистическая и корпоратистская.

И.Р.Шафаревич «Социализм как явление мировой истории». YMCA-Press, 1977. Автор, известный математик, академик отвергает марксистскую и гегельянскую цикличность экономической истории, а тем более предопределенность, доказывая, что экономические различия не следовали один за другим, а существовали одновременно. Так, торговый капитализм, рабовладельчество и прочие виды хозяйственной деятельности существовали параллельно. Социализм тоже существовал как в древности, так и в Средние века — всевозможные крайние секты, отрицавшие частную собственность и даже семью — и в современном мире. Социализм Шафаревич рассматривает весьма расширительно, с чем многие его критики не соглашались.

Глава 4

Тоталитаризм как продукт современного государства и урбанизации

«Триумфальный марш дарвинизма, то есть материализма или власти силы грозит [человечеству] потерей понятия права».

Амиель («*Journal intime*»).

Теперь взглянем на те общеисторические процессы, которые способствовали появлению тоталитарных режимов в наше время. Но и тут мы не обойдемся без ссылок на теории и теоретиков, которые по-своему обобщали исторический опыт и подталкивали его в определенное русло.

Процессы мысли, а если говорить о Франции, то и действия, начавшиеся в XVIII веке, в XIX выплеснулись за пределы стран своего зарождения, зажигая своими идеями умы и движения по всей Европе. Речь идет равно как о промыш-ленно-экономическом (прежде всего в Великобритании), так и интеллектуально-идеологическом (в основном французском и германском) развитиях. С распространением промышленного переворота, урбанизации, осложнялась общественная жизнь, структуры государственного управления, организация народного хозяйства; и к концу XIX века большинство мыслителей склонялись к той или иной форме органического мышления, понимая, что все эти процессы взаимосвязаны, и неразрывно связанными с ними становится жизнь, образ жизни человека. Именно в это время классический английский либерализм Джона Милла и Бентама, проповедовавших полную автономию индивида, независи-

мость его от государства, ограничение государственной власти ролью всего лишь «ночного сторожа», подпадает под влияние гегельянства. Влиятельный английский мыслитель **Томас Грин** со своей «Оксфордской школой» произвел в 1880-х годах коренной гегельянский ревизионизм либерализма, введя гегельянские понятия, чуждые классическому либерализму. Совсем в духе Гегеля государство им рассматривается как положительный активный фактор с правом законодательного вмешательства в жизнь общества в тех случаях, когда такое вмешательство способствует «положительной свободе», под которой он (как и Гегель) понимает всеобщее благополучие, с одной оговоркой: вмешательство оправдано там, «где оно не вносит большего зла, чем то, которое оно ликвидирует...» Это последнее ограничение было единственным остатком классического либерализма, указывает американский политолог Джордж Сабайн в своей «Истории политической теории»¹. Такое определение, конечно, весьма растяжимо своей неопределенностью: кто определит зло и добро в сугубо секулярном государстве, на основании каких критериев? Если бы речь шла о вреде, то в рамках гегельянства это определение было бы довольно ясным. Государство и общество у Гегеля первичны, максимальная свобода личности достигается в служении государству, следовательно, речь шла бы в первую очередь о пользе или вреде нации, государству, коллективу. Но в том-то и дело, что Грин использует слово «зло», которое определимо только в религиозном контексте, требующим признания абсолюта, как отправной точки иерархии ценностей, то есть Бога.

За исключением этого сомнительного по своим критериям ограничения Грин предоставлял государству почти неограниченную посредническую власть в области достижения и реализации общественной справедливости и благополучия, введения и реализации принудительного общего образования и решения вопроса о его оплате. Иными словами, государство по Грину должно обеспечивать не свободу вообще, а именно положительную свободу. «После Грина, — отмечает Сабайн, — в принципе исчезает различие между либе- Сабайн, Джордж *Указ, соч.*, с. 704—705 и слл.

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

между либерализмом и либеральной формой социализма», и задает риторический вопрос: что понимать под положительной свободой? В гегельянском контексте положительная свобода это такое поведение, которое служит общему делу, олицетворяемому государством. В толковании Руссо «положительная свобода» — вне зависимости от того, употреблял ли он этот конкретный термин или нет — подразумевает принуждение нежелающих «быть свободными» подчиниться Общей воле, то есть подчинить Общей воле тех, кто не желает вести себя в соответствии с тем, что мудрые люди считают наибольшей пользой для общего дела. Неудивительно, что гриновский ревизионизм привел к распаду либеральной партии в Великобритании, ее фактическому слиянию с британской *Рабочей партией*, являющейся коалицией социалистов разных мастей с либералами гриновского образца. После гриновского «пересмотра» от классического либерализма оставалась только либералистическая «религия прогресса», которая весьма гармонировала с промышленным прогрессом.

Тут следует отметить, что в связи с ростом промышленных предприятий, на смену почти совершенной рыночной конкуренции небольших мануфактур, фабрик и ремесленных заведений эпохи Адама Смита приходят огромные производства, нередко монополизируя местный рынок труда, становясь в городах-фабриках чуть ли не единственными работодателями. Приток населения из сел в города создает проблемы безработицы, чрезмерной эксплуатации труда монополистами. Рост производства и малая покупательная способность значительных слоев населения создают проблемы перепроизводства, экономических циклов, депрессий. Все это подрывает оптимистическую веру либералов в саморегулирующуюся способность рынка, его способность обеспечивать непрерывный прогресс и «максимальное счастье максимальной численности людей».

На разочарование в саморегулируемости рынка и в благе бесконтрольного индивидуализма государство отвечает постепенным введением законов, регулирующих трудовые отношения и еще более постепенным признанием профсоюзов, обладающих оружием стачек. Иными

словами, государство

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

73

начинает признавать и узаконивать коллективные действия рабочих организаций, подчинения индивидуальных рабочих коллективной дисциплине воинствующей организации, что, конечно, никак не вяжется с либерализмом. Параллельно, во второй половине XIX и начале XX столетия происходит эволюция политических партий: из клубов единомышленников они, как и профсоюзы, становятся авторитарными коллективами, заставляющими своих членов «быть свободными» по принципу Руссо согласно с общей волей партийного или профсоюзного руководства.

Государство, вводя все больше законов, регулирующих отношения труда и капитала равно как страхующих рабочих и служащих на случай потери трудоспособности, становится в глазах трудящихся их защитником, что настраивает широкие массы народа к готовности отказаться от значительной доли своей независимости в пользу государства, предоставить государству право все возрастающего вмешательства в общественные и межличностные отношения.

Этому процессу способствовали и следующие факторы:

1. Растущая индустриализация со все более осложняющимися технологиями требует не только грамотных рабочих, но и стандартизации образования, особенно профессионального и ремесленного, чтобы в условиях все возрастающей мобильности не было проблем со сменой трудовых кадров. Иными словами, на государство возлагается функция не только введения массового образования, но и разработки стандартизованных программ обучения, чтобы, скажем, диплом чертежника был свидетельством определенного пакета знаний, будь он из саратовского или тульского технического училища. Это развивает не только единообразие, уравниловку и государственный контроль в области воспитания граждан, но ведет и к росту налогообложения тем же государством для финансирования, в частности, образования. Роль государства и его вмешательства в жизнь человека растет. Индивидуальность личности ограничивается той же стандартизированной-стью образования «под одну гребенку».

2. Если в первые десятилетия промышленного переворота у подавляющего большинства рабочих еще не обрывались их деревенские корни, и рабочий всегда мог вернуться к сель-

74

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

скому очагу, будь то по болезни, инвалидности или старости, и заканчивать свою жизнь в кругу близких родственников, то дальнейший рост урбанизации, переселение сельских масс в города ведет к постепенному разрыву между городскими трудящимися и селом. Функции, которые раньше обеспечивали сельские родственники, теперь должно выполнять по отношению к урбанизированным массам государство, чем все увеличивается зависимость гражданина от государства.

3. Растущая урбанизация заставила государство взяться за такие службы, как городское планирование, коммуникации, канализация и прочие коммунальные услуги. Особенное значение приобретает прямая или косвенная роль правительства в планировании, развитии и регулировании транспорта как городского, так и междугородного, в основном железнодорожного, который соединил с центром самые отдаленные и прежде изолированные углы страны, то есть опять же дал возможности государству более тщательно контролировать население страны, обладать большей осведомленностью о настроениях в стране, лучшей возможностью предотвращения и подавления восстаний, включая новую возможность оперативной переброски вооруженных сил из одной части страны в другую. Сгущенность, резкое социально-экономическое неравенство и — еще важнее — разношерстность, беспочвенность и разобщенность городских масс ведут к огромному росту преступности, что заставляет власть значительно увеличить, перестроить и вооружить полицию в тех странах, где она уже существовала, как в России и большинстве континентально-европейских стран, или создавать ее там, где до XIX века полиции не было, как, например, в Великобритании. Эта же полиция или ее особые части, как жандармерия в царской России, применяются и для политической слежки за населением, и для подавления любых беспорядков: от восстаний до забастовок там, где они запрещены законом, то есть в большинстве европейских стран до второй половины или даже конца XIX века, а в России — до 1906 года.

4. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, равно как и технический прогресс и новые виды оружия, заставляют государства переходить от системы небольших про-

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

75

фессиональных армий — в дореформенной России это был рекрутский набор — к демократическому принципу всеобщей военной обязанности с постоянными большими армиями, что, с одной стороны, увеличивает силу и возможности государственной власти, а с другой, ложится колоссальным бременем на государственные финансы, заставляя его увеличивать всевозможные налоги и подати.

5. Осложняются задачи государственного управления, требующие профессионалов, а не дилетантов прошлого. В демократических государствах XIX века, таких как Великобритания, Соединенные Штаты, Франция, например, по словам Реймона Арона, классическая формула: «власть народа, исполняемая народом для народа ... превращается в лучшем случае во власть для народа, но исполняемая не народом», а профессионалами. В монархической России, естественно, не было и претензий на то, что власть принадлежит народу, однако постепенное продвижение к профессионализации правительственного аппарата не только не миновало ее, но началось даже раньше многих западных стран: обязательность особых экзаменов для чиновников, не имевших высшего образования, была введена при Александре I. Это еще не профессионализация, но все же требование определенного ценза знаний, обладая которыми чиновник мог скорее достигнуть высокого уровня компетентности и профессионализма. В парламентских государствах, где назначения на высшие государственные должности продолжают носить политический характер, министры в основном остаются дилетантами, но вся «черная работа» за них делается их помощниками-профессионалами, которые нередко остаются при своих должностях и после прихода к власти иной политической партии, чем достигается спокойная преемственность власти.

Продолжая свои размышления, Арон пишет, что на сегодняшний день решающей силой в демократических государствах является непрочное равновесие и соперничество небольших политических элит: «...политические лидеры, — замечает Арон, — избираются методами, которые изолируют политические элиты от остальных общественных элит» и, во всяком случае, от массы избирателей. В этих условиях, учитывая все выше упомянутые инструменты в руках властных

76

— 4. Тоталитаризм как продукт государства •

структур современного государства, включая наличие больших постоянных вооруженных сил, государственной системе гораздо легче вырождаться в диктатуру, в то время как, в свою очередь, системы электронных средств связи и централизованной информации дают возможность современной диктатуре осуществить почти полный контроль за каждым жителем страны. Таким образом, современное государство, даже не превращаясь формально в полнокровную диктатуру, обладает несравнимо большими возможностями контроля за своими гражданами, чем самые суровые абсолютные монархии прошлого.

Взглянем теперь на, так сказать, умственные настроения человечества эпохи великих технических и научных открытий. Профессор французской истории Лондонского университета Альфред Коббан еще в 1939 году в своей книге «Диктатура: ее история и теория» поставил вопрос, почему рост образования в конце XIX и первой половине XX века привел не к либерализму, уважению свобод и прав человека, как должно было быть по предсказаниям просветителей XVIII и начала XIX века, а, наоборот, к росту авторитаризма, диктатур и тоталитаризма. Ответ Коббана напоминает слова Френсиса Бэкона, произнесенные по другому вопросу еще в XVII веке. Он писал, что поверхностные научные знания ведут к неверию, а глубокие научные познания подводят к порогу веры в Бога. Коббан говорит примерно то же в отношении культуры и мысли. А именно, что элементарная грамотность, а это все, что дает начальная и неполная средняя школа массам, — делает человека более восприимчивым к пропаганде и внушению, а следовательно, и подчинению демагогам и всевозможным вождям. К этому следует добавить некую магию науки, вернее, магическое воздействие ее и ее достижений на неграмотные и полуграмотные массы — ведь в XIX веке образование было достоянием лишь немногих избранных. Для остальных ученые,

гигантскими шагами двигавшие науку и особенно ее прикладное применение, выглядели в глазах масс какими-то волшебниками или исчадиями ада. Сами естествоиспытатели способствовали этому мифу в своей уверенности, что еще немного, и они найдут ответ на все вопросы, решат все проблемы. Этим поведением они только усугубляли

• 4. Тоталитаризм как продукт государства —

77

прямо-таки религиозную веру масс в себя, как богоподобных жрецов мироздания. Не случайно именно в XIX веке возникает религиозная секта под названием *Христианская наука*. В этом климате любое общественное учение, утверждавшее себя как наука и пользующееся наукообразными методологией и аргументами, захватывало воображение значительных слоев полуобразованных людей и получало их поддержку (вспомним Базарова в «Отцах и детях» Тургенева, с его одержимостью разрезанием лягушек). Именно на утверждении открытия научных законов общественного развития и истории, законов государственного управления, марксизм достиг высот популярности и широкого внедрения во все общественные науки к концу XIX столетия. Но поскольку тайны науки постигались только небольшим кругом людей, рост веры в науку вел к утверждению и оправданию элитизма.

Кровавые эксцессы Французской революции, а затем бессмысленные кровопролития наполеоновских войн основательно поколебали учения французских просветителей об изначальной рациональности всех людей и о том, что если дать человеку свободу, он будет руководствоваться разумом и построит чуть ли не идеальное государство. Рационалистическая вера сменяется верой элитарной, согласно которой разумом руководствуются только высоко образованное меньшинство, а подавляющее большинство людей живет эмоциями, инстинктами. Но если массы не способны руководствоваться разумом в своем поведении, значит, власть над ними должна принадлежать ученой элите. Так постепенно нарастали тенденции к оправданию деспотии, шедшие параллельно с переплетением народнических, демократических и эгалитарных движений того же XIX века.

Французский мыслитель **Амиель** в своей книге «Личный дневник» («Journal intime») писал еще в 1852 году:

«У всякого деспотизма особо острый инстинкт враждебности ко всему, что способствует человеческому достоинству и независимости. Любопытно наблюдать, как преподавание наук используется повсюду для подавления мертвым грузом фактов любой свободы в исследовании вопросов нравственности. Материализм — вспомогательная доктрина любой тирании, одного [диктатора] или масс. Господст-

78

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

вующая тенденция века — превратить людей из самостоятельных индивидов в винтики единой, огромной социальной машины; сделать общество, а не совесть, центром жизни; поработить душу вещами, обезличить человека...»

Это преклонение перед наукой, противореча либеральному индивидуализму, совпадает с другим элементом либерализма — религией прогресса, согласно которой прогресс непременно служит неминувшему благополучию общества и индивидов в будущем, то есть прогресс и наука должны служить гедонистическому принципу наслаждений и удовольствий, как цель и движущая сила жизни человека.

По мере признания различия между поведением кучки рационально мыслящих и руководимых инстинктами масс, мыслители XIX века начинают придавать все большее значение естественным инстинктам и сфере подсознательного в поведении человека. Самый большой вклад в области изучения иррационального и подсознательного принадлежит Достоевскому, затем немецкому философу Ницше и наконец Зигмунду Фрейду, отцу современной психологии — очень своеобразной науки, признающей, казалось бы, такие «антинаучные» понятия, как иррациональность, подсознательную и несознательную сферы в качестве очень мощных, а то и ведущих факторов и источников поведения человека, в то время как раньше рациональное считалось почти синонимом научности. В философии XX века это выразилось в школах интуитивизма (Николай Лосский, Анри Бергсон и др.) и экзистенциализма, который, правда, появился значительно раньше в философском учении датского протестантского пастора Сьорена Кьеркегора, конечно, Достоевского, но

философское признание экзистенциализм получил уже в XX столетии благодаря таким последователям и разработчикам этой системы мышления, как Хейдеггер, Ясперс, Сартр и др. Возвращаясь к XIX веку, следует коснуться и другой разновидности увлечения иррациональным, имеющей более прямое отношение к нашей основной теме. Речь идет о зарождении национализма, прежде всего германского, из Великой французской революции и как следствие наполеоновского разгрома Германии. Какое отношение имела Французская революция к национализму? Ну, во-первых, она была бунтом

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

79

против монархии во имя народа. Отныне страна отождествлялась с ее народом, а не с монархом, как прежде (знаменитые слова Людовика XIV: «Франция — это я»). Во-вторых, все многочисленные войны революционной Франции объявлялись во имя освобождения народов от их монархов. Народ — этимологический синоним слова «нация», а от нации произошел национализм, который обозначал как бы внеклассовое отношение к нации в целом, а впоследствии — и превозношение своей нации, как что-то особое, отличающееся от других наций особой культурой, историей, свойственной только данной нации, языком, общей религиозной принадлежностью. Тут много вариантов: с одной стороны, четырехязычная швейцарская нация, с другой — немецкий национализм, который считает всех немецкоговорящих членами германской нации, или Израиль, признающий евреем всякого, рожденного иудейкой, а каждого еврея израильтянином, коль скоро он вступил на землю Израиля. Но это все уже более позднее развитие национализма. Что касается национализма германского, от которого пошли другие европейские нацио-нализмы, то он в значительной степени был вызван чувством униженного достоинства наполеоновским разгромом, признанием того, что это произошло из-за разрозненности множества миниатюрных немецких государств и что немцам надо объединиться в единое мощное государство — образцом была та же Франция, которая благодаря своей централизованности и единству народа и его территории смогла разгромить всю континентальную Европу, кроме опять же единой России. Национализм, однако, будучи понятием субъективным, неопределенным и иррациональным, требует национальных мифов, чтобы воспламенить национальным чувством широкие слои населения. И вот германский националистический романтизм выдвинул термин *Volksgeist* (дословно — дух народа), выражающийся будто бы в особом национальном характере, народном искусстве, мифах и легендах, вплоть до языческих обычаев, традиций и обрядов. Кстати пришелся и Гегель со своей проповедью национального государства как выразителя и исполнителя нации в истории. Но, чтобы по-настоящему проявить себя в мире, нация должна быть мощной. Так физическая сила, мощь, агрессивность начали вытеснять индиви-

80

• 4. Тоталитаризм как продукт государства —

дуализм и личностные ценности в качестве высших проявлений нации и национального государства. Нагнетался культ силы, милитаризм в форме готовых к действию многочисленных постоянных армий, парады, демонстрирующие эту силу, массовые манифестации и наконец массы как таковые.

Наш современник, немецко-американский политолог Ханс Коон видит связь между грубостью языка и поведения, громкой и грубой музыкой, крикливыми командами вместо речи, культом силы и массовой культурой вообще. Чтобы сразить своего оппонента, обезвредить его в глазах массового слушателя, надо не выдвигать рациональные контраргументы, а ошарашить его оскорблениями, криком, всячески унижить. Этой техникой пользуются все диктаторы-демагоги нашего времени — от Ленина до Гитлера, от Сталина до Кастро... Одним из важных факторов роста авторитаризма и тоталитаризма в нашем веке Коон считает быстрое освобождение крестьянства от остатков крепостничества и предоставление им равных прав с остальными гражданами в XIX веке. Вторая половина XIX и начало XX столетий были свидетелями быстрого вливания в демократический процесс масс людей, не прошедших через многовековую постепенную интеллектуальную эволюцию, через которую прошли аристократия и средние классы, постепенно освобождаясь от феодального и абсолютистского мышления и ассимилируя идеи либерального индивидуализма и плюрализма. Эти примерно три столетия постепенной интеллектуальной эволюции, которой подверглись упомянутые элиты, не коснулись крестьянских масс, в основном неграмотных. Немного более осведомленными были и городские пролетарии, мастеровые,

ремесленники. В большинстве стран и случаев они даже не подлежали обычным судам, над ними висел произвол хозяина. Будучи приученными к произвольной власти местного помещика, местных властей, возглавлявшихся тем же помещиком, его собратьями или его ставленниками, эти массы «вдруг» обрели равенство перед законом. От кого? От правительства страны, то есть в их глазах государственная власть была освободителем-благодетелем. Но иной власти, кроме деспотической, они не знали. Поэтому теперь они хотели, чтобы власть, так их облагодетельствовавшая, была сильной, деспотической, чтоб она была

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

81

в состоянии защищать их от хозяев заводов и прочих «галстучников», которых они отождествляли со своими бывшими хозяевами-эксплуататорами. Более того, первым инстинктом бывшего раба или крепостного, все еще слишком бедного и плохо образованного, чтобы конкурировать с господами, является не равенство с ними перед законом, а месть: желание лишить бывших господ имущества и высокого положения, а то и жизни. Достижение такой цели, конечно, возможно только через революцию и гражданские войны или установления такой власти, которая готова удовлетворить самые низкие инстинкты толпы, с целью уничтожить исторические элиты страны, а с ними и национально-государственные традиции, законность и пр., чтобы добиться произвольной и тотальной власти над страной.

Иными словами, процесс эмансипации масс высвобождает колоссальный революционный потенциал, выразившийся в нашем веке в беспрецедентно кровавых революциях и постреволюционном геноциде буквально сотен миллионов людей. Эмансипированные массы стремятся к равенству за счет индивидуальной свободы, и наш век показал, что под предлогом равенства к власти приходят жесточайшие диктатуры, устанавливающие своеобразное равенство на уровне самого низкого общего знаменателя — равенство, при котором одни равны больше, чем другие, по меткому выражению Оруэлла, — и поддерживающие это «равенство» посредством кровавого террора. Иным способом, кроме террора, равенство удерживать невозможно, ибо люди не равны по способностям и устремлениям в жизни. Можно устанавливать равенство перед законом, но заставить человека «не высовываться» возможно, только запугав его до полусмерти, а держать его в таком страхе всю жизнь может только систематический террор. Следует добавить, что в демократических странах тяга масс к авторитаризму и крепкой руке удовлетворяется авторитарными профсоюзами. Воинственность профсоюзов поэтому особенно характерна для стран с хрупким равновесием власти либо там, где свежа еще память классового неравенства и где все еще существуют резкие классовые деления в обществе, как, например, в Великобритании эпохи 1940 — 1980-х годов.

82

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

Казалось бы, защитой от тоталитаризма должна быть интеллигенция, но, пишет упоминавшийся выше Коббан, переключаясь с Амьелем, затронувшим ту же проблему девятью десятками лет раньше, беда в том, что в связи с осложнением наук на место старой всесторонней и мыслящей интеллигенции приходят узкие специалисты, настолько погруженные в свою профессию, что глобально мыслить большинство из них уже не в состоянии или просто не интересуется этим. Этот духовный вакуум — благодатнейшая почва для размножения псевдопророков и вождей масс. Коббан видит угрозу обществу в исчезновении аристократии, необязательно родовой, но аристократии интеллекта и духа, широко и глубоко мыслящей. Образовывается пустота, заполняемая лжепророками и лжеучениями.

В наш мчащийся технологический век, к сожалению, интеллектуалов первой категории все меньше, а все больше специалистов, о которых мы уже слышали мнения Амиеля и Коббана: им не до общественных проблем, они заняты каждый своими экспериментами. Это, можно сказать, базаровы плюс высокий профессионализм, благодаря которому в отличие от тургеневского Базарова они не собираются переворачивать мир, но благодаря своей общественно-политической пассивности не мешают всяким Лениным, мао цзэдунам да гитлерам захватывать мир. Они даже готовы на них работать, лишь бы им дали условия развивать науку (феномен академика Сахарова — исключение из правила).

В следующей главе мы вернемся к особой проблеме русской интеллигенции и ее роли в обвале 1917 года. В заключение этой главы подчеркнем, что проанализированные нами, часто противоречивые, процессы, которые сопровождают глобальные сдвиги от патерналистического традиционализма к модернизму или следовали за ними, вызвали неизбежный дисбаланс в

обществе. Классическим примером такого дисбаланса, подвешенного состояния в условиях быстрых перемен была послереформенная Россия, особенно в последние два предреволюционных десятилетия. Великие реформы Александра II были временно заморожены его сыном, оставшись так и незаконченными. В отличие от западной Европы в России крестьян освободили с землей, но земля дана

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

83

была общинам крестьян, а не в абсолютную собственность каждому хозяину. В результате крестьянину не было смысла вкладывать силы и средства в обогащение своих участков, ибо не было гарантии, что через год-два мир не устроит передел и ему дадут иную землю. Провели замечательную судебную реформу, русский суд стал одним из самых передовых в мире, но крестьян оставили до 1905 года в юрисдикции допотопных сельских судов с порками и прочими «прелестями». Иными словами, до революции 1905-1906 годов крестьяне не обладали полными правами гражданства. Начали замечательную реформу местного самоуправления в виде земств, но не включили в них сельскую волость. А рядом с земствами сохранили авторитарную власть губернатора и не дали логического завершения земствам в виде хотя бы ограниченного их представительства парламентского образца в столице. К началу XX века в России было одно из самых передовых в мире фабрично-заводских законодательств, но права на забастовку у рабочих не было до 1906 года, да и после этого оно оставалось очень ограниченным. В результате расширения своих прав или повышения зарплаты рабочим нередко приходилось добиваться бунтами, создавая этим, естественно, очень нездоровую обстановку, чреватую социальным взрывом. К концу XIX века российская наука вышла на одно из первых мест в мире, но по переписи 1897 года более 80% населения страны было неграмотным. Правда, в XX веке школьная сеть распространялась очень энергично, и набор новобранцев в российскую армию 1914—1917 годов показал более чем 70-процентную грамотность среди них. Существовали Дума и конституция, но царь все еще считал себя самодержцем. За такими редкими исключениями, как Витте, Столыпин и несколько их последователей, правительство жило понятиями прошедшего века.

Дело в том, что Первая мировая война была первой тотальной войной в истории человечества, сделав немалый вклад своим примером в появление тоталитарных режимов после нее. Такой тип войны был подготовлен всей системой всеобщей воинской повинности, начатой Фридрихом Великим еще в XVIII веке и охватившей всю континентальную Европу ко второй половине века XIX. Призыв плюс запас не-

84

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

скольких черед превращал почти все мужское население в потенциальных солдат. Стоимость таких армий, необходимость обеспечения их железнодорожным транспортом, питанием, лошадьми — все это ложилось тяжелым бременем на население, превращая всю страну в участников войны. Этому же процессу сопутствовали рост грамотности масс и массовой прессы. Все это требовало от правительства разъяснения народу своей политики, в том числе и причин и целей войны. Иными словами, требовалась массовая пропаганда, чтобы нация приняла войну как что-то необходимое или неизбежное. В Германии и в странах наших западных союзников такая пропаганда велась массивно и интенсивно (см. об этом, например, в «Августе 1914» Александра Солженицына). В России же царь не замечал этих процессов. Народ, тем более солдат, Николай II считал своими верноподданными, исполняющими царские приказы беспрекословно. Никакой пропагандно-психологической подготовки к войне не было. Такая длительная дорогостоящая война требовала мобилизации всех ресурсов. В Германии на время войны, как мы уже говорили, Рате-нау ввел временную национализацию и централизованное управление всей экономикой, карточную систему распределения продуктов первой необходимости. Это и был первый опыт административно-экономического тоталитаризма и в экстремальных условиях, когда не учитывается долгосрочная стоимость производства в виде разрушения естественных ресурсов, экологии и требуется производство лишь ограниченного ассортимента товаров, необходимых для ведения войны, этот опыт оказался удачным, что и будет прецедентом для будущих тоталитарных режимов. Среди первых поклонников этой системы был Ленин, назвавший ее госкапитализмом и применивший ее в своем НЭПе, правда, как временное отступление от *Военного коммунизма*, приведшего народное хозяйство к полному развалу.

— 4. Тоталитаризм как продукт государства •

Аннотированная библиография

Б.П.Вышеславцев «Кризис индустриальной культуры». Изд-во им. Чехова, 1953. Книга исследует последствия промышленного переворота XIX века на духовную культуру и государственность. Порождением индустриализма он считает и марксизм, и капитализм. Причем вместо коммунизма, который оказался несбыточной утопией, на практике марксизм обернулся **государственным капитализмом** — самой бесчеловечной формой капитализма, ибо за ним стоит монополия тоталитарной власти в отличие от частнопромышленного капитализма с его множественностью соперничающих друг с другом общественных и профессиональных групп. Автор — философ права из среды ведущих предреволюционных правоведов, в эмиграции был более известен как религиозный философ, в частности, автор известной «Философской нищеты марксизма». Изначальную опасность индустриализма и его последствий он видит в подавлении человеческой личности коллективом, будь то государственным или корпоративным.

Ф.М.Достоевский «Бесы». Любое издание. Произведение, пророчески ниспровергшее культ революционеров и предсказавшее, к чему они приведут Россию и любое другое государство, которое попадет под их власть. Хотя термина «тоталитаризм» в его время не было, Достоевский предвидел весь ужас тоталитарной системы властвования.

Kohn, Hans *Political Ideologies of the Twentieth Century*. N. Y., Harper Torchbooks, 1966. Обзор распада идеологий, порожденных революциями 1848 года и политической мыслью дальнейшего столетия: «Национализм, культ силы, пренебрежение к разуму, прусский и германский романтизм, панславизм ... а в наши дни: мифы империализма, расизм, фашизм, национал-социализм и коммунизм ... являются воплощением угроз гуманному образу жизни, основанному на терпимости и [признании] достоинства личности ... блестящий анализ противостояния концепций нашего беспокойного века». (Из рецензии на книгу в «Анналах Американской академии политических и социальных наук».)

Mill, John Stuart *On Liberty*. N. Y., Gateway Editions (б/д, но может быть любое издание). «О свободе» — классическое произве-

86

— 4. Тоталитаризм как продукт государства —

дение одного из основоположников английского либерализма. Замечательно в ней то, что уже у истоков либерализма Милл предупреждал об опасности ограничения государственной власти ролью «ночного сторожа». Он предупреждает о возможности «тирании демократии» и допускает ограниченное применение государством насилия, но исключительно в рамках закона. Опасность демократии он видит в чрезмерном эгалитаризме, который убивает индивидуальность.

Он же «Размышления о представительном правлении». Benson, Vt., Chalidze Publications, 1988. Более глубокая разработка той же темы свободы и ее границ в применении к избирательно-парламентарной системе. Книга обсуждает и права меньшинств и возможности их представительства.

Sabine, George H. *A History of Political Theory*. N. Y., Henry Holt, 1951. Учебное пособие энциклопедических масштабов для политологических и философских факультетов. На 900 страницах убористого шрифта излагаются все основные европейские школы политической мысли, начиная с Древней Греции и кончая нацизмом, фашизмом и коммунизмом. Тоталитаризму он посвящает отдельную главку между нацизмом и коммунизмом, из чего можно вывести, что Сабайн допускает возможность нетоталитарных нацизма и коммунизма, хотя изложение этих доктрин приводит к выводу о противоположном. В послевоенные годы Сабайн более суров к нацизму, который он называет «продуктом оппортунизма ... цинизма и прямой интеллектуальной нечестности», в то время как за коммунизмом он признает некоторое благородство целей, но «жестокость методов». Но ниже он ставит знак равенства между нацизмом и коммунизмом в том смысле, что обе системы требуют от человека полной капитуляции перед партией и обе «претендуют на обладание правотой в последней инстанции, не требующей доказательств».

Соловьев, Владимир «Краткая повесть об Антихристе»// *Сочинения*, т. II, с. 736—759. М., Мысль, 1988. Это своего рода пророческая аллегория на целеустремленность нового времени на материальные богатства и общество всеобщего благополучия как на царство дьявола. Соблазн материальных благ переключается здесь с тем, как дьявол пытался соблазнить Христа в пустыне. А уход от соблазна малого стада верных во главе с папой Петром, лютеранским богословом Паули и рус-

— 4. Тоталитаризм как продукт государства •

87

ским старцем Иоанном — прообраз воссоединения христиан в последний час, о чем мечтал Соловьев.

Fronim, Erich *Escape from Freedom*. N. Y., Avon Books, 1965. Книга известного психолога Фромма, анализирующего в ней тягу человека к авторитаризму, даже тоталитаризму, страх свободы. Стремление «укрыться в толпе», бежать под такое начальство, которое тебя обеспечит и лишит тебя «тирании выбора», необходимость принимать решения самостоятельно, рассматривается в контексте авторитарных и тоталитарных идеологий. «Левизна» автора, а следовательно, и его ограниченность сказываются в том, что он рассматривает только демократию и нацизм, а коммунистическая диктатура в ней вообще не

рассматривается.

Часть II

•

Протототалитарная культура

Глава 5

Предреволюционное столетие в России

«Совершенно враждебна свободе философия Гегеля. Бог на стороне личности, а не миропорядка и всеединства».

Из книги И. Бердяева «О рабстве и свободе человека».

Вышеприведенные слова Бердяева мы избрали в качестве эпиграфа к этой главе не случайно, ибо Гегель философски «поработил» всю Европу на добрую сотню лет, в том числе и философскую мысль в России, в значительной степени и славянофилов, не говоря уже о Марксе и прочих социалистах. Противостояли гегельянскому историческому детерминизму и своеобразному коллективизму («усовершенствованному» Марксом и его преемниками) экзистенциалисты: сначала датский мыслитель Кьеркегор (забытый вскоре после смерти в XIX веке), Достоевский, особенно в лице Ивана Карамазова, возвращающего «билет в [гегелевский] рай», протестуя против покупки его через «слезинки младенца», затем «раскопавшие» Кьеркегора экзистенциалисты XX века: Бердяев, Ясперс, Хайдеггер и др. Как мы указывали выше, гегельянство это не только отвлеченная философия, но и некая программа подавления личности «железными законами» истории, логически не оставляющая места для свободы личности. Поскольку, как писал Бердяев, русские отличаются от западных европейцев тем, что, приняв ту или иную философскую школу, догматизируют и превращают ее в религию, гегельянство в марксистско-русской редакции обратилось семью десятилетиями тоталитарного большевистского террора и духовного порабощения. Взглянем теперь на некоторые факторы способствовавшие победе большевизма в России.

92

— 5. Предреволюционное столетие в России —

Американский политолог Пэйн в своей книге «Фашизм»¹ пользуется термином протофашистская или предфашистская культура. Под этим термином он имеет ввиду наличие в стране таких факторов как: национальная озлобленность или обида в связи с проигранной войной, несбывшихся надежд народа и обещаний правительства, с одной стороны, а с другой — рост в стране элементов, отрицающих приоритет гражданских прав в обществе, проповедующих единоличную диктатуру, якобы способную построить рай на земле, классовую или расовую борьбу, ненависть к тем или иным категориям населения. Наличие таких элементов и определяет путь страны к тоталитаризму (в его книге речь идет о фашизме и нацизме, но этот термин не менее применим к коммунизму и прочим видам тоталитаризма). Взглянем теперь с этой точки зрения на Россию накануне победы большевиков.

В беспокойный XX век Россия вступила в состоянии глубокого внутреннего кризиса, противоречия между происходившими коренными экономическими переменами, почти столь же быстрыми сдвигами в общественном мышлении и настроениях, с одной стороны, а с другой — отсталостью деревни, массовой неграмотностью и консервативно-патерналистским менталитетом властьпридержащих кругов: бюрократии и монархов, которые смотрели на страну и ее население чуть ли не как на свое личное хозяйство.

Проблемы России уходят и в далекое историческое прошлое, и в ее геополитику.

Малозаселенность ее необъятных просторов, незащищенность и неопределенность ее границ из-за отсутствия таких естественных рубежей как горы и моря — характерные, например, для

большинства западноевропейских стран — как бы подсказывали структуру сильного централизованного государства с почти безграничной властью ее правителя. Опять нее безграничность и малозаселенность российских равнин как бы звала русского человека к бродяжничеству, уходу подальше от жесткой власти князя, подальше от тягот, повинностей и налогов. Это способствовало, с одной стороны, колонизации новых территорий — S.G. Payne *Fascism: a Comparative Approach Toward a Definition*. University of Wisconsin Press, 1980.

— 5. Предреволюционное столетие в России —

93

донские и кубанские степи, волжско-уральские земли, а оттуда и бескрайняя Сибирь открывалась нашим землепроходцам. С другой стороны, эта ненадежность «человеческого материала» (как сказали бы марксисты) заставляла правительство принимать все более крутые законы и меры против расползания его граждан, закрепощать крестьян, создавать служилое дворянство, которое по-своему тоже становилось крепостным по отношению к государю. Так, к XVII веку сформировалось служилое или общекрепостное государство.

Процесс становления русского государства между X и первой половиной XIX столетий был обратнопропорциональным западно-европейским странам. Так, Киевская Русь не знала крепостничества — было сравнительно небольшое количество рабов, в основном пленников, а также попавших в кабалу разорившихся крестьян, но основная масса крестьян-смердов состояла из свободных землепашцев.¹² Древнерусское государство было в основном государством торговым («из варяг в греки»), коммерческим, что видно и из статей «Русской правды». А торговля требует свободы передвижения, подвижности общества. В ту же эпоху в Западной Европе господствовал феодализм, то есть строгая вертикальная структура иерархии зависимостей с крепостным крестьянством. И наоборот, приход Нового времени (где-то с XVI века) на Западе отмечается началом процесса постепенного распада крепостничества и появления свободного крестьянства, в то время как Россия входит в новые времена, вводя и все ужесточая крепостничество, окончательно утвержденное «Соборным уложением» 1649 года. Эта противоположность процессов у нас и в Западной Европе диктовалась проблемой относительного перенаселения на Западе и «недонаселения» в России: закрепощение требовалось для удержания населения в центральной части страны, необходимого как для защиты границ, так и для уплаты налогов, возделывания земель служилого дворянства, занятого на государствен-

Л следовательно, не было и феодализма, придуманного в отношении России марксистами, чтобы подогнать русскую историю под историософскую схему Маркса, по которой капитализму должен непременно предшествовать феодализм, а если его не было, то надо придумать.

Г

94

— 5. Предреволюционное столетие в России —

— 5. Предреволюционное столетие в России •

95

ной службе, необходимой для существования и безопасности государства.

Как известно, освобождение крестьян от крепостной зависимости произошло в России в 1861 году — на 12—13 лет позже Австро-Венгрии, лет на 80 позже Франции и лет на 200–250 позже Англии и Голландии. Не случайна хронологическая связь между временем распада крепостничества и развития торгового, а затем и промышленного капитализма. Первыми ведущими торгово-промышленными обществами Европы в Новое время становятся те же Англия и Голландия, затем Франция и значительно позднее Пруссия и другие германские княжества. Параллельно идет и превращение этих стран из абсолютных в конституционные монархии (или республики): Англия и Голландия в XVI–XVII столетиях, Франция — менее удачно и большой кровью — в XVIII — начале XIX столетия и т. д. У нас же, как мы знаем, Петр насаждает фабрики, заводы и шахты на базе крепостного труда, закрепляя и ужесточая крепостничество, которое достигает своего апогея в смысле бесправия крестьян в эпоху Екатерины II, либерализм и мнимое свободолобие которой в

это время воспевают Вольтер и Дидро.

Окно в Европу Петр прорубил весьма выборочно. Увлекаясь Голландией, он, однако, перенес в Россию не английские и голландские зачатки демократии и даже не их рыночные системы, а прусскую муштру. Петр был классическим тоталитаристом. Главной чертой в реформах Петра, как пишет о. Георгий Флоренский, было не западничество, — западниками были и его отец, царь Алексей Михайлович, и брат его Федор, и сестра Софья, и все ведущие государственные мужи конца XVII века. Главная суть реформ была в их тоталитарном характере, в стремлении Петра поставить все и вся на службу государству, лишить человеческую личность и общественные структуры любых признаков автономии. Петр просто «усовершенствовал» Московское служилое государство да еще прибавил к этому всеобщему закреплению Церковь, превратив ее из партнера государства по образу византийской *симфонии*?, в слугу, по образу и подобию протестантской

Пруссии, создав из России то, что немцы называют *Polizeistaat*, то есть полицейское государство, серьезно подорванное впоследствии великими реформами Александра II и еще глубже «Манифестом 17 октября» 1905 года, но остатки этого полицейского государства просуществовали до февраля 1917 года, а затем расцвели таким бурным цветом под властью большевиков, о чем Петр мог только мечтать.

В какой-то степени можно говорить, что «революция» Петра Великого и ее непосредственные последствия были реакционными¹, задержали, а не ускорили некоторые процессы развития в русском обществе. Так, если крепостное право было юридически установлено в 1649 году, в самом начале царствования Алексея Михайловича, то к концу того же царствования было уже не менее двух проектов освобождения крестьян — Ордина-Нащокина и его ученика князя Василия Голицына, причем проект Голицына был очень близок к закону 1861 года, а в некоторых отношениях даже опережал его. Вместо того чтобы воспользоваться идеями Василия Голицына, которого иностранные послы считали одним из самых образованных и блестящих европейцев, Петр его сослал за близость к ненавистной ему Софье. Положение крепостных при Петре ухудшилось, а для поверхностно европеизированного петровского дворянства, как пишет Ключевский, русское крестьянство было более-менее тем, чем были индейцы для европейских колонистов в Америке. Тема несправедливости крепостничества поднимается лишь к концу века Радищевым.

Самонадеянный рационализм «Века просвещения» потонул в крови Французской революции, и ветрогонное наше дворянство, получив к тому же жестокий урок Пугачевщины,

Сколь бы эфемерно ни было это партнерство в эпоху Московского царства, нарушение партнерства государством в допет-

ровское время воспринималось именно как нарушение, а с ликвидацией патриаршества Петром то, что было нарушением, стало «нормальным» и законным порядком.

Как это бывает с большинством революций. Революция — это насилие меньшинства над большинством; по завершении революции революционеры могут сохранить власть только при помощи насилия, а то и массового террора (пример — большевики). Террор и насилие противопоказаны нормальному развитию общества, творческих его сил, культуры, политики, росту благосостояния и пр.

96

— 5. Предреволюционное столетие в России —

начало призадумываться над смыслом жизни. Блестящий век Екатерины II сменился мрачным мистицизмом ее сына Павла I и романтическим мистицизмом Александра I, сопровождавшимися появлением и ростом в высшем свете масонства, розенкрейцерства и различных видов сектантства — великосветского и народного. Воспитанники «Века просвещения», (•читали «Ведомство православного исповедания»¹ уделом безграмотных крестьян, а богоискатели из низших слоев не видели духовного защитника и выразителя своих чаяний в официальной Церкви, скованной государством и неизменно поддерживающей крепостническое государство, и шли в па-родные секты или независимое от государства старообрядчество. Как бы то ни было, по с конца XVIII века историческая национальная совесть начинает пробуждаться. Крепостное право как система осуждалось уже и ранее с высоты императорского престола — Петром как-то невзначай в записке Сенату было сказано, что крепостное право следовало бы когда-то отменить, как некое пожелание дальнего прицела. И Екатерина II в своем знаменитом «Наказе» (1767) осудила крепостничество, спутав его с рабством. Но только при Александре I делаются первые попытки — вводится «Закон о вольных хлебопашцах». Отмена крепостного права обещана и в программах декабристов. В

общественное сознание внедряется и распространяется понимание несправедливости лишения целой категории людей личной свободы и становится ясно, что отмена крепостного права лишь вопрос времени. Тут следует указать на некоторую закономерность стабильности, безопасности государства и свободы его граждан. Не случайно первые планы отмены крепостного права появляются во второй половине XVII века одновременно с некоторой стабилизацией и укреплением государства, когда, казалось бы, уже не стоял вопрос быть или не быть Российскому государству. Важным шагом к свободе была отмена Петром III в 1762 году обязательной государственной службы дворянства и связанный с ней манифест Екатерины II «О вольностях дворянских» (1785). В результате впервые в русской истории начинается

¹ Официальный термин Православной церкви на «канцелярите» XIX века.

— 5. Предреволюционное столетие в России —

97

формироваться прослойка людей досуга и вольных профессий — то, что позднее будет называться интеллигенцией, — без которой не может развиваться культура. Как пишет Ключевский, если бы не было этого манифеста, Пушкин был бы лишь каким-нибудь гвардейским офицером, который, покоря девиц, писал бы им стишки в дневниках.

Пока господствовала московско-петровская система всеобщей трудовой обязанности, крепостное положение крестьян имело свое нравственное оправдание: крестьянин был прикреплен к помещику, должен был своим трудом обеспечивать ему возможность служить государству. С отменой обязательной службы дворян эта структура рушилась, оправдания крепостному праву не было больше никакого. С другой стороны, и выше названный манифест свидетельствовал о достаточной прочности государства, могущего себе позволить роскошь существования свободных граждан. Все это и толкало общественное мнение на путь к свободам.

После ликвидации континентальной блокады с падением Наполеона открылась колоссальная пропасть между порожденной Петром I российской промышленностью, опиравшейся на крепостной труд, при минимальной оснащенности машинами, и фабриками и заводами Англии, оснащенными машинами на паровом ходу и пользовавшимися наемным, а не крепостным, трудом. В XVIII веке Россия была ведущим экспортером железа и угля, снабжая ими и Англию. Теперь же она оказалась неконкурентоспособной. Дворянско-крепостнические мануфактуры глохли.

Выдерживали конкуренцию и развивались только предприятия купцов из крестьян, в большинстве своем крепостных на оброке, занимавшихся отхожим промыслом. По мере роста предприниматели нанимали рабочих из оброчных же или свободных крестьян, а платный труд заставлял их оснащать свои предприятия машинами. Почти все эти предприниматели-купцы были старообрядцами". Коротко говоря, в XIX веке к нравственно-гума-

" Старообрядчество сыграло роль в индустриализации России, аналогичную роли кальвинизма на Западе в развитии там промышленного капитализма с той только разницей, что кальвинизм дал капитализму религиозное оправдание, уча, что при-

98

— 5. Предреволюционное столетие в России —

питарным аргументам против крепостничества прибавились и экономические — крепостническая экономика вела к стагнации и отставанию.

Мы уже говорили о волне романтического национализма, захлестнувшей Европу после Французской революции, и разочарования в рационализме. Национализм, в свою очередь, связан с народничеством, с идеализацией национальных традиций, особенностей, отличающих свою нацию от других. Пробуждение германского национализма, вызванного обидой на то, что разьединенные на мелкие государства немцы были запросто разгромлены Наполеоном, испугало западных славян, находившихся в составе германских земель, не без основания опасавшихся, что единая националистическая Германия сомнет и ассимилирует западное славянство. Так возникает панславистское движение, взиравшее с надеждой на Россию как на свою спасительницу, которая смогла бы стать во главе некой славянской федерации. Как мы знаем, ничего из этого не вышло. Вместо защиты славян Россия спасла Австрию в 1849 году, разгромив своими войсками восставших венгров, за что Австрия «отблагодарила» Россию враждебностью к ней во время Крымской войны с угрозой вступить в антироссийскую коалицию, если бы Россия не пошла на невыгодный для нее мир. Кроме того, Австрия вела активно антирусскую политику на Балканах во все последующее время вплоть до 1914 года.

Эхо европейских национализмов воплотилось в России эпохи от Николая I до Николая II в

нескольких «ипостасях».

обретение богатства и успех в земной жизни является знаком Божьего избранничества, предопределением обетования и раю. Ничему подобному православие (пи ново- пи старообрядческое) не учит, но старообрядцы были вне закона, и, чтобы выжить, должны были развить в своей среде традицию солидарности и взаимоподдержки. К тому же им были необходимы деньги для подкупа полиции, а то и местных священников, которые по долгу службы обязаны были подавать по начальству списки старообрядцев и вообще тех, кто не говееет в церкви. О роли старообрядчества в индустриализации России см.: Blackwell, William *The Beginnings of Russian Industrialization, 1800— 1860*. Princeton, Princeton University Press, 1968.

— 5. Предреволюционное столетие в России

99

Первой ипостасью был весьма искусственный государственный национализм времени Николая I, воплощенный в лозунге «Православие, самодержавие, народность», выдвинутый масоном Уваровым, который, кстати, писал свои доклады на французском языке, а что касается *народности*, с которой обычно отождествляется именно простой парод, крестьянство, как связанное с землей-почвой, то эта народность все еще пребывала в крепостной зависимости от тех же франко-говорящих уваровых! Православие именно в эпоху Николая I было окончательно взято в тиски обер-прокурорами — масо-пом Нечаевым и воспитанником иезуитов графом Протасовым — со своим бюрократическим аппаратом, весьма этими двумя обер-прокурорами расширенным и усиленным. Между прочим, денежные оклады этих бюрократов шли из церковного бюджета, во много раз превышали доходы духовенства и ложились тяжелым бременем па весьма скудные церковные ресурсы. Да и термин *самодержавие* со времени петровской секуляризации был неверен. Самодержавная государственность была теократической православно-центричной. Петровские реформы сменили самодержавие па абсолютизм, при котором предметом лояльности становится династия, классически выраженная французским королем Людовиком XIV: «Франция — это я». Беда России и в том, что перенял Петр этот самый монархо-центричный абсолютизм в момент, когда в Западной Европе он был уже па исходе: в Англии остатки абсолютизма были ликвидированы бескровной революцией 1688 года, Голландия была какой-то смесью конституционной монархии и республиканской федерации суверенных провинций, во Франции с абсолютной монархией разделалась Великая французская революция, хотя кратковременно она и была восстановлена Наполеоном. Как мы уже говорили, на смену монархо-центричности — в значительной степени как следствие Французской революции — пришла народо-центричность, а с этим и национализм, идеализация своей нации, как чего-то особенного и уникального. Вот Уваров — человек, несомненно, умный — почувствовал, что чистая монархо-центричность является уже анахронизмом, и выдвинул вышеупомянутый «треххвостый» лозунг, ставший официальной идеологией Российской империи вплоть до ее развала.

100

— 5. Предреволюционное столетие в России —

Лозунг был фальшивый своей лицемерностью как в связи с реальным статусом в стране православия и народности, так и в связи с тем, что на самом деле объектом лояльности оставался абсолютный монарх, правивший без представительств от остальных двух частей «треххвостки». Что касается национализма, то он начал проявлять себя раньше на западных рубежах страны, чем в Великороссии. Речь идет, конечно, о польских восстаниях 1830 и 1863 годов, о национализме финском, а также об украинском «Кирилло-Мефодиевском братстве», явлении Шевченко и появлении в австрийской Галиции двух украинских движений — русофильского и националистического. Несколько позднее появляются движения пантюркизма среди татар, грузинского и армянского национального автономизма. Надо сказать, что самому Николаю I какой бы то ни был народнический национализм был совершенно чужд. Заседания его Комитета министров проходили на французском языке, ибо некоторые министры не знали русского. Николай I был, наверное, единственным монархом в Европе, который все еще верил в идею *Священного союза*, учрежденного его старшим братом на Венском конгрессе 1815 года. Николай по своему мировоззрению был прежде всего царем служилого дворянства, национальность которого была ему безразлична, с единственным исключением — поляков после восстания. Национализм его был чисто государственным: необходимо мощное государство, чтобы наводить порядок в Европе, не допускать восстаний и революций. *Такому* национализму он содействовал, открыв первую в России кафедру русской истории в Московском университете специально для Погодина — националиста-государственника, преклонявшегося перед Петром Великим, как и сам Николай I, воображавший себя продолжателем дела Петра⁷.

Начало народническому национализму как движению положили в те годы славянофилы. Они были монархистами, по

⁷ Прекрасным анализом николаевского государственного национализма является монография профессора Николая Валентиновича Рязановского *Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855*. Berkeley: University of California Press, 1967.

— 5. Предреволюционное столетие в России —

101

это был не монархизм Николая I. Они осуждали Петра за его пренебрежение русской стариной, за превращение церкви в государственное ведомство, за уничтожение последних элементов соборности, ликвидацию как земских, так и церковных соборов и наконец за вмешательство России в ненужные, но кровопролитные европейские династические войны. Вообще они осуждали политическую и военную агрессивность, внешнее расползание страны, благодаря чему слишком мало внимания обращалось российскими правительствами на внутреннее благоустройство, на уровень жизни, просвещение, культуру народа. Они осуждали крепостное право (вернее, бесправие)⁸. Славянофилы считали, что царь должен быть глашатаем народных чаяний, а для этого должно быть какое-то народное представительство, чтобы нужды народные доходили до царя, чтобы царь советовался с народом. Славянофилы по этой же причине были сторонниками свободы слова, собраний и печати. Наконец они требовали восстановления независимости и соборной структуры церкви. Все это было чуждо Николаю I. Журналы славянофилов преследовались и закрывались цензурой. Свои произведения Хомяков и другие славянофилы были вынуждены публиковать за рубежом.

Как бы ни был Николай I чужд классического национализма, сделав на него ставку (руками и мозгами своего министра просвещения Уварова), надо было идти дальше. В национальном государстве должен быть только один государственный язык. Какой? Естественно, язык главной нации, то есть русский. Значит, служить царю на немецком или французском, а тем более татарском или грузинском языке становится невозможным. С утверждением обязательности русского языка, Правда, и Николай I был сторонником отмены крепостного права. При нем работал ряд тайных комитетов по подготовке тех самых реформ, которые осуществит Александр II, но существование которых он скрывал от общественности, которая поэтому неверно считала, что ничего не делается, что в стране застой и потеря времени. Однако Николай I не решился ни на одну из реформ, подготовленных комитетами, провести в жизнь, кроме радикальной реформы государственных крестьян, которая послужит моделью александровскому освобождению частновладельческих крепостных.

102

— 5. Предреволюционное столетие в России —

естественно, начинают ущемляться права других языков. Возьмем пример Галиции, где русофильское крыло — а это была галицийская версия панславизма — предлагало официально принять в качестве государственных две разновидности русского языка — северно-русский и южно-русский (тот, что теперь называется украинским). Вполне возможно, что, если бы российское правительство пошло навстречу этому предложению, украинское самостийничество, которое интенсивно культивировало австрийское правительство, чтобы оторвать украинцев и от России, и от Польши, не играло бы той роли, которую оно играет сегодня, а возможно, его бы и вовсе не было. Вместо этого уже во времена Александра II, относившегося гораздо более положительно к славянофильству, а в своей внешней политике (Балканская война) склонявшегося к панславизму, его министром внутренних дел П. Валевым был выпущен бестактный и глупый так называемый (по немецкому курорту, где он в это время отдыхал) *Бад-Эмский указ*, запрещающий печатание на украинском языке книг «учебных и вообще предназначенных для начального чтения народа». Разрешалось печатать только сказки, народные песни, фольклор. Это положило конец надеждам галицийских русофилов, дало карты в руки австрийской антирусской пропаганде и радикально продвинуло самостийническое движение среди украинской интеллигенции как в Австро-Венгрии, так и в Российской империи.

Последствием установки на отождествление империи с Великороссией и ее языком, естественно, стала политика интенсивной русификации меньшинств, что было весьма близоруко в государстве, где меньшинства составляли более 50 % населения. Эта политика не могла не вызвать отрицательной реакции и роста среди меньшинств оппозиционных, а то и сепаратистских движений. С годами и ростом национализма во всей Европе, политика русификации становилась все более интенсивной.

Александра III часто называют первым русским националистом на троне. В качестве одного из главных инструментов русификации он использовал Православную церковь. При нем усилилось преследование старообрядцев и сектантов. Детей от смешанных браков, в которых один из родите-

— 5. Предреволюционное столетие в России —

103

лей был православным, обязаны были крестить в православие. Всем религиям, кроме православия, запрещались проповедь и миссионерство. Политика русификации проводилась даже в районах сплошного проживания других народов, например, в русской Польше, Армении, Грузии и даже в автономной Финляндии. Ужесточились ограничения в правах евреев. В 1887 году были установлены ограничительные квоты приема евреев в высшие учебные заведения: до 10% в черте оседлости, 5% в остальных частях империи, кроме высших учебных заведений Петербурга и Москвы, где предел был 3%. Учитывая, что во всей империи евреи составляли примерно 3,5% населения, такая квота может показаться весьма либеральной (если закрыть глаза на унижительность такого рода квот в принципе). Но следует учесть, что если по переписи 1897 года грамотных в империи было всего 19%, а еврейство было почти сплошь грамотным, то станет ясным и количественная несправедливость вышеуказанных квот по отношению к евреям. Жестким проводником юдофобской политики при двух последних императорах был обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев, которому приписывают слова о том, что одна треть евреев должна быть крещена, одна треть выслана из страны и одна треть уничтожена.⁰ Политика русификации и юдофобства достигла своего апогея при Николае II, при котором у Армянно-григорианской церкви были отобраны земельные имущества и фонды, на которые содержались армянские школы и благотворительные учреждения. В 1901-1903 годах Николай II приступил к политике интенсивной русификации Финляндии: введение русского языка в качестве государственного, замена финских судей и чиновников русскими. Абсурдность этой политики не заставила себя ждать: в 1904 году был убит генерал-губернатор

'•' См. напр.: Николай Валентинович Рязановский. *A History of Russia*. Oxford University Press, 1993, 395. Если это так, то хорватский нацистский диктатор времен Второй мировой войны Павелич был неоригинален, когда ввел полигику «окончательного решения сербского вопроса», по которой одна треть хорватских сербов должна была быть уничтожена, одна треть — переведена насильно в католичество и одна треть изгнана в Сербию.

104

5. Предреволюционное столетие в России —

Финляндии Бибииков. До того совершенно лояльные финны и армяне пошли в революционные партии. Что касается остальных сторон развития в последние предреволюционные десятилетия, то Россия представляла собой типичную страну в состоянии перехода от отсталости в современность, сопровождаемого элементами внутреннего дисбаланса: выход «на передовые позиции» в одних областях и отсталости, несовместимости в других. Одним из самых больных вопросов было земледелие и крестьянство. Весьма запоздавший процесс отмены крепостного права дал землю в собственность крестьянским общинам (миру), а уже мир распределял землю в индивидуальное пользование, однако сохраняя за собой право передела земельных участков в случае изменения состава семьи или во имя «справедливости». Например, если крестьянин «А» получал гораздо более богатые урожаи со своих угодий, чем крестьянин «Б», предполагалось, что земля распределена несправедливо, и у первого земля лучшего качества, чем у второго (хотя все дело могло быть в различных уровнях трудолюбия и таланта), и земля перераспределялась. Это лишало крестьянина стимулов улучшать свою землю. Кроме того, государственные повинности и налоги возлагались на общину в целом, следовательно, последняя не была заинтересована в сокращении сельского населения, в отходе крестьян в города, в промышленность. Между тем введение земств, земских больниц и прочих элементов здравоохранения в ходе реформ Александра II привело к бурному росту населения, в основном сельского. Так, к концу века возникла проблема сельского перенаселения при существовании колоссальных территорий необрабатываемой земли на востоке. Перепись 1897 года показала, что в среднем материальный уровень русского крестьянства понизился по сравнению с 1860-ми годами. Другим трагическим недостатком Великих реформ было непредоставление крестьянам полных прав гражданина. Крестьяне были выделены в особое сословие со своими судами, почти все наказания в которых состояли из порки, в то время как в государственном судопроизводстве телесные наказания были запрещены. Только в 1905 году крестьяне были в судебном отношении уравнены со всеми остальными сословиями.

доведена до уровня крестьянской волости — этому решительно сопротивлялся Государственный совет. Волостное земство было бы отличной школой развития в крестьянах понятий гражданственности и гражданской ответственности. Точно также как, цитируя Столыпина, крестьянину необходимо было стать абсолютным владельцем своего надела земли, чтобы научиться уважать и чужую собственность. Рачительный хозяин не пойдет жечь и грабить хозяйства соседей, будь они даже помещики. Все это пришло слишком поздно. Столыпинская реформа начала проводиться с большим скрипом только в 1906 году, и ею удалось воспользоваться до развала империи лишь 20% крестьян, а волостные земства наконец были введены лишь в 1920 году на территории, управляемой генералом Врангелем. Было это, конечно, слишком поздно¹⁰.

Бурное развитие промышленности, самый высокий в мире экономический рост, значительные сдвиги в законодательстве трудовых отношений и социальной защищенности рабочих (к 1912 году Россия в этой области уступала только Германии), после переписи 1897 года гигантскими шагами развивается школьное дело — среди солдат, мобилизованных во время Первой мировой войны, грамотными оказалось уже более 70%, не говоря уже о науке и высокой культуре: к концу XIX века в области научных исследований Россия вошла в число пяти наиболее научно развитых стран мира (Германия, Франция, Англия, Россия и США), а русские театр, балет, музыка, литература буквально покоряли весь мир в последние предвоенные годы. Естественно, что такое общество созрело для демократических свобод. Однако правительство и царь продолжали относиться к подданным как к детям, которые готовы или, во всяком случае, должны выполнять любые распоряжения царя. Вынужденный революцией 1905 года дать стране весьма ограниченную конституцию, психологически

¹⁰ Проблемы русского пореформенного крестьянства и земледелия см. в: С.Г.Пушкарев «Россия в XIX веке». Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1956, с. 349—379; Volin, Lazar *A Century of Russian Agriculture: from Alexander II to Khrushchev*. Harvard University Press, 1970, p. 40—139; Macey, David A. *Government and Peasant Russia, 1861-1906*. DeKalb, 111., Northern Illinois University Press, 1987.

106

— 5. Предреволюционное столетие в России —

ни царь, ни значительное большинство его бюрократии ее не приняли, и Николай II настоял на том, чтобы в Основном законе он все еще носил титул самодержца, что фактически противоречило всей сути Основного закона. Известно, что в бытность Столыпина премьер-министром Николай II как-то спросил его, а нельзя ли отменить конституцию, что свидетельствует о полном непонимании царем принципов правового государства или, во всяком случае, неприятия их. Отсюда и его пренебрежение общественным мнением, нежелание иметь умных и сильных министров, в результате чего к концу своего царствования правительство состояло из совершенно некомпетентных бюрократов, в то время как царь игнорировал все просьбы как Думы и ее председателя Родзянко, так и своего родного брата Михаила создать министерство, ответственное перед Думой или по крайней мере состоящее из общественных деятелей, пользующихся уважением и доверием общества.

Известно, что вступление в войну в 1914 году встретило широкую поддержку российской общественности. Славянофильски настроенные круги, в том числе и Церковь, приветствовали вступление в войну на стороне маленькой Сербии как рыцарский акт защиты слабых братьев по вере от австро-германской и католической агрессий, либералы и умеренные социалисты видели в союзе России с двумя главными демократиями Европы против авторитарно-милитаристической Германии залог будущей дальнейшей либерализации России. Мы уже говорили, что Первая мировая война была первой тотальной войной в новейшей истории, требовавшей мобилизации всей нации — мобилизации не только для непосредственного участия в военных действиях, но и психологической мобилизации (необходимость эффективной и всеобъемлющей пропаганды), равно как и целенаправленной милитаризации и мобилизации экономики и промышленности. Важными составными этой мобилизации должны были быть политпросвещение солдат, чтобы они понимали, за что и почему воюют, и привлечение той самой общественности, которая в первые дни войны проявила столько энтузиазма и была готова запрятать в долгий ящик свою оппозиционность власти. Иными словами, у царя по-

5. Предреволюционное столетие в России —

107

явился редкий шанс восстановить единение широкой общественности с властью и таким образом в дальнейшем разделить ответственность за войну, ее жертвы и неудачи. Вместо

этого царь полностью пренебрег общественным энтузиазмом и, наоборот, в годы войны еще более изолировался, подставляя себя и свое правительство всем обвинениям в неудачах войны со стороны российского общества, оставшегося волею царя как бы сторонним наблюдателем, не несшим никакой ответственности за то, что происходило в стране и на фронте. Только после неудач, глубокого отступления и снарядного голода 1915 года представители общественности и промышленности были допущены в новосозданные военно-промышленные комитеты и прочие вспомогательные учреждения, но никак не к государственным делам. Еще одним просчетом было то, что проправительственные и провоенные демонстрации в городах были приняты как свидетельство поддержки войны народом. Но основная масса народа — крестьянство, составлявшее около 80% населения и чуть ли не 90 % солдат, так как значительная часть горожан получала броню в связи с работой в тылу, необходимой для фронта, молчала. Никто не позаботился о политическом просвещении крестьян и солдат, многие из которых знали немцев по многочисленным в России немецким крестьянским колониям, как честных, трудолюбивых людей, не питая к ним никакой враждебности, не понимая, почему теперь их гнали на фронт убивать единоплеменников своих добрых соседей. А ведь если бы царь привлек к себе и вовлек в ведение войны представителей просвещенного общества, то их можно было использовать и на ниве просвещения народа и солдат в отношении войны. А так все шишки за военные неудачи посыпались на царя и его правительство, а также на церковь и ее местных представителей — деревенских священников — за поддержку войны. Растущая усталость от войны, бесперспективность, непонятность ее давали прекрасную почву для пацифистской пропаганды радикалов и увеличивало ряды их сторонников. На завершительном этапе развала, как мы знаем, были немецкие деньги, которые ничего сделать не могли бы, если бы не было для переворота благодарной и плодотворной почвы. В дополнение к упомянутым

108

— 5. Предреволюционное столетие в России —

выше факторам, создававшим эту самую плодотворную почву для социального взрыва, следует добавить и обратную сторону последствий столыпинских реформ, повлекших развал крестьянской общины. Этот процесс процентно опережал поступь самих реформ, ибо если в селе из общины выходило 30-40% крестьян, консолидировавших в один хутор свои разрозненные наделы — а собственниками становились самые просвещенные и деловитые крестьяне, — то община разваливалась. Если более отстаые, ленивые, а то и просто пьянчужки могли кое-как существовать при поддержке общины, то, став единоличниками поневоле, они продавали за бесценок свои наделы новым земельным собственникам, а сами либо батрачили, превращаясь в сельский пролетариат, либо уходили на заработки в города. Ясно, что, если они не смогли удержаться на плаву в привычной им сельской обстановке, в городе они становились самым низом рабочего класса, перебиваясь случайными заработками. Естественно, этот новый люмпен-пролетариат был недоволен своим существованием и становился легкой добычей всевозможных демагогов. Он-то и станет основной ленинской «гвардией». Накануне Первой мировой войны города и больше всего столицы кишели этим элементом, что отражено, кстати, большим ростом забастовок примерно с 1911-1912 годов. В условиях внешнего мира и того бурного экономического развития, которое Россия переживала накануне войны, она, несомненно, справилась бы с этим социальным напряжением. Но к этому прибавилась тяжелейшая война и все прочие вышеупомянутые факторы, связанные с нею.

Избранная библиография

Vucinich, Wayne, ed. *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford University Press, 1968. Сборник научных исследований выдающихся западных историков по крестьянскому вопросу в России XIX столетия. Среди авторов такие величины, как наш соотечественник Николай В.Рязановский, специалист по вопросам освобождения крестьян и по либеральному движению в России начала XX века, Теренс Эммонс и др.

— 5. Предреволюционное столетие в России —

109

П.А.Зайончковский «Российское самодержавие в конце XIX столетия». М., Мысль, 1970.

Детальнейшая разработка и анализ эпохи Александра III одним из крупнейших русских историков

советского времени, который, несмотря на требовавшиеся идеологические штампы, умел донести подлинные исторические сведения до разумного читателя, способного отличать эти штампы от исторической истины. Рассмотрению указанного периода, который роковым образом заморозил реформы Александра II. Чем способствовал развитию революционной ситуации, предшествует аналитический обзор эпох Николая I и Александра II.

Карташев, Антон В. «Очерки по истории Русской церкви», 2т. Париж, YMCA-Press, 1959 и 1964. Несмотря на небрежную редактуру, не заметившую несколько неточностей и ошибок, в том числе хронологических, это лучшая история Русской церкви допетровского периода. Особенно ценны оценки и анализ покойного Карташева — блистательного и глубокого историка церкви всех периодов (и не только русской) и бо-гослова-гипотезиста. Что касается послепетровской эпохи, то тут с ним «конкурирует» Смолич, а поскольку Карташев кончает свою историю царствованием Павла I, то по XIX веку у Смолича полная «монополия». Как и Флоровский, Карташев называет Петра тоталитаристом, тем не менее он полуоправдывает Синодальную систему, не крайности ее, не превращение церкви в «Ведомство православного исповедания», отдавая должное Петру, чьи реформы привели в конце концов к появлению академического богословия и высокообразованного духовенства. Очень критически Карташев относится к состоянию церкви и ее руководства в XVI-XVII столетиях. В.О.Ключевский «Курс русской истории» т. IV и V. М., Соцэк-гиз, 1958. Тома по XVIII веку. Представлять автора русскому читателю не надо. Но следует сказать, что Ключевский концентрируется на социальной истории и дает прекрасную картину быта и психологии русских людей этого революционно-переломного века. Ключевский еще и блестящий писатель, сыплющий тонкими замечаниями и афоризмами, например, сравнением отношения русского дворянина XVIII века к крестьянству с отношением европейских колонистов Америки к местным индейцам. Леонтьев, Константин «Избранные статьи. Цветущая сложность». М., Молодая гвардия, 1992 (и другие его произведе-

ПО

— 5. Предреволюционное столетие в России —

ния, как политическо-идеологического характера, так и его беллетристика). Очень своеобразный мыслитель, близкий по духу и некоторому политическому цинизму к панславизму Данилевского. Эстет, решительный противник демократии из-за ее эгалитаризма и смешения пародов и культур, что — по его предвидению — лишит человечество многоцветия и разнообразия, превратит все в однообразную серую массу. Допускает насилие и войны, чтобы предотвратить наступление демократии и либерализма. Но тоталитаристом его назвать нельзя, ибо тоталитаризм тоже ведет к «эгалитаризму» масс, сводя всех к равенству в бесправии.

С. В. Римский «Российская церковь в эпоху Великих реформ». М., Крутицкое подворье, 1999. Казалось бы, после почти 1600 страниц пижеупомимаемого труда профессора Игоря Смолича уже нечего добавить к истории РПЦ в XIX веке. На самом деле не совсем так. Во-первых, эмигранту Смоличу были недоступны архивные документы в СССР. Этот пробел восполняет подробнейший труд профессора Ростовского Гуманитарного университета Сергея Викторовича Римского. Книга ограничена эпохой Александра II. Поэтому в ней нет такого «размаха», как у Смолича, но зато Римский «копает» глубже. Читатель найдет у Римского подробнейшие материалы по финансам церкви, по материальному и духовному состоянию епархий, приходов и духовенства, отношениям между церковными деятелями и обер-прокурорами — такому скрупулезному исследованию всех этих вопросов в русской историко-церковной историографии нет прецедента. Из этой книги читатель узнает, сколь ложной была советская пропаганда, представлявшая Православную русскую церковь дореволюционного периода богатой и мощной.

Славянофильство. По этому важному течению религиозно-политической и философской мысли в России XIX века рекомендуется ознакомиться с трудами Ивана и Константина Аксаковых, Ивана Киреевского, Юрия Самарина и Алексея Хомякова. Эти славянофилы первого поколения были энтузиастами свободы слова и печати, освобождения крестьян и народного образования. Однако их учение о соборности, отраженное в лозунге «Полнота мнения народу, полнота власти царю» при отрицании писанных конституций и узаконенных гарантий против узурпации власти, упиралась фактически в надежду на появление доброго и разумного

— 5. Предреволюционное столетие в России —

111

царя. Такой царь так и не появился. В результате конституцию пришлось вводить силой при отсутствии в народных массах да и среди значительной части интеллигенции четкого понимания ее необходимости и необходимости ее соблюдения и правителями, и управляемыми, в чем отчасти вина тех же славянофилов.

Смолич, Игорь К. «История Русской Церкви». М., изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1996. VIII том в двух книгах Истории РПЦ, первые 7 томов которой написаны митрополитом Макарием. Труд покойного профессора Берлинского университета, белоэмигранта, охватывает всю историю Церкви, ее положения и отношений с государством с царствования Петра I до конца императорской России. Это, несомненно, самое полное историческое исследование этой темы. Написано оно блестяще и совершенно (справедливо) безжалостно по отношению к царской церковной политике. Структура изложения систематическая, а не хронологическая. Так, исследование определенной темы может начинаться в XVIII веке и продолжаться вплоть до конца XIX, после чего, переходя к другой теме, автор может вернуться снова лет на 100 назад, что, возможно, несколько осложняет чтение, но зато дает развернутую и полную картину рассматриваемой темы.

Глава 6

Революционное брожение, государство, церковь и интеллигенция

«Что делать? — спросил нетерпеливый петербургский юноша. — Как что делать: если это лето — чистить ягоды и варить варенье; если зима — пить с этим вареньем чай».

Василий Розанов «Эмбрионы».

К концу XIX века так называемый «научный социализм», — как говорит один из крупнейших русских религиозных философов XX века, сам бывший марксист, Семен Людвигович Франк, исповедывался «огромным большинством русской интеллигенции». Пришел он на смену народничеству 1860—1870 годов, которое, в свою очередь, как указывает профессор протоиерей Георгий Флоровский, эволюционировало от позитивизма и нигилизма 1860-х годов к некой неосознанной религиозности, выражавшейся в аскетизме, вплоть до взятия на себя обязательства воздержания от грехов плоти. Социализм, который проповедовали русские народники, был сентиментально-эмоциональным, глубоко моралистическим. Недаром Сергей Булгаков назвал русского радикала-интеллигента «атеистическим монахом», а Франк даже дал ему такое противоречивое определение: «воинствующий монах нигилистической религии земного благополучия».

Бурное индустриально-капиталистическое развитие конца XIX века, нанесшее удар по народническим иллюзиям о построении в России аграрного социализма, минуя капитализм, и было одной из причин перехода большинства интеллигенции к марксизму. По словам Флоровского,

— 6. Революционное брожение, государство —

113

«Марксизм в 90-е годы был пережит у нас, как мировоззрение, как философская система. Тогдашний спор «марксистов» и «народников» ... был ... восстанием новой метафизики против засилия морализма [у народников]... Марксизм был возвращением к действительности, к «бытию»... Возникал вопрос о свободе и необходимости в общественном процессе, и это неизбежно уводило в метафизику. От Маркса к Гегелю переход был очень естественным... [затем] стали возвращаться к Канту ... от марксизма переходить к идеализму. В марксизме были крипторелигиозные мотивы. Утопическое мессианство ... и чувство общественной солидарности ... именно марксизм повлиял на поворот религиозных исканий у нас в сторону православия... начинается душевный ледоход в русской культуре... ренессанс русской поэзии. Русский символизм начинается бунтом... обличением старого и скучного мира. Для всего движения характерно стремление перейти ... «по ту сторону добра и зла» ... преодолеть этику эстетикой... это было ... ниспровержение всех ценностей.... Открывается бессмыслица и призрачность мира ... все больше начинают читать и переживать Достоевского. ...Это был особый путь возврата к вере, через эстетизм и через Ницше. Раньше возвращались к вере через философию или мораль. Путь [к вере] через искусство был новым».

В искусстве того, «Серебрянного», века было ощущение конца эпохи, конца истории. В подтверждение того, что этот настрой и путь были характерны не только для искусства, но и для вхождения в Церковь богоискательской интеллигенции, Флоровский цитирует Дмитрия Мережковского: «Дальше идти некуда: исторический путь пройден, дальше обрыв и бездна, падение или полет — **путь сверхисторический: религия**» (выд. в оригинале).

Но ведь и Гегель, и Маркс (а в конце концов любое утопическое тоталитарное учение) предвкушают конец истории: первый — после создания национального государства с корпоративным устройством, второй — после построения коммунизма. Так, противоположности встречаются, и тут можно говорить о некоем мистическом предопределении, но только мистическом, а никак не экономическом,

классовом, «научном»...

Вышеописанный путь к вере и в Церковь прошли, например, философы Семен Франк, Николай Бердяев, Сергей Бул-

114

— 6. Революционное брожение, государство —

гаков (будущий профессор, протоирей Сергей), публицист и историк Петр Бернгардович Струве и другие из круга авторов сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918). Поворот Булгакова от марксизма к христианству обозначился еще в 1902 году томом «От марксизма к идеализму»; затем был сборник «Проблемы идеализма».

Авторами сборника «Вехи» были семь выдающихся русских мыслителей: Бердяев, Булгаков, Гершензон, Изгоев, Кистяковский, Струве и Франк. Все это были неохристиане из бывших марксистов. Большинство были участниками знаменитых петербургских религиозно-философских собраний 1901—1903 годов под председательством блестящего юного ректора Санкт-Петербургской духовной академии, епископа Финляндского Сергия (Страгородского), будущего патриарха. На этих собраниях впервые произошел серьезный и весьма плодотворный диалог между представителями Церкви и богоискательской, — тогда еще весьма левой, полумарксистской, — интеллигенцией. Первые толчки, подтолкнувшие интеллигентские круги к Церкви, исходили от ее знакомства с богословствованием славянофилов и религиозно-философской мыслью Достоевского и Соловьева. Хотя, как говорит Флоровский в своей книге «Пути русского богословия», по своему характеру «этот новый религиозный возврат окрашен в западнические тона».

И вот на этом фоне в 1909 году появляется удивительно трезвый по тону и по историчности мышления его авторов сборник «Вехи» с подзаголовком, говорившим сам за себя: «Сборник статей о русской интеллигенции». Его безжалостная критика интеллигенции, неисторичности ее мышления, оторванности от жизни страны и беспочвенности явилась разорвавшейся бомбой для левой российской интеллигенции (а иной в то время не было — только разные оттенки левизны). Веховцы близки славянофилам тем, что принимают почву, то есть российскую действительность, историческую и современную им, как она есть, и тем, что авторы не составляют какой-то единопрограммный кружок. Авторы не знали содержания статей друг друга до опубликования сборника. Они даже не сговорились между собой, что подразумевать под термином «интеллигенция». Было только негласное призна-

— 6. Революционное брожение, государство —

115

ние обществом интеллигента как более-менее образованного человека, настроенного оппозиционно к существующему государственному строю и озабоченного общественными проблемами. Но вот Булгаков говорит, что интеллигенция вышла из окна, прорубленного Петром I в Европу, что, казалось бы, включает весь по-европейски образованный элемент России. Струве же относит появление в России интеллигенции «в русской исторической жизни лишь в эпоху реформ [Александра II]» и говорит, что она «окончательно обнаружила себя в революцию 1905—1907 годов», то есть определенно ограничивает эту «прослойку» революционным радикализмом.

Но познакомимся ближе с мыслями авторов. Открывается сборник статьей философа-экзистенциалиста Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда», в которой он разносит русскую интеллигенцию за ее философский утилитаризм, — недаром его статья имеет такое название. Критерием этой «правды» является польза, а не истина того или иного мыслителя, той или иной теории. Кстати, сам Бердяев был в то время да и до конца своей жизни христианским социалистом, во многом близким марксизму, как философии действия, активности. Но русских марксистов он обвиняет в человекопоклонстве, превращении марксизма в религию: «В России философия экономического материализма превратилась в классовую пролетарскую мистику. Интересы распределения и уравнивания в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества», подчеркивает Бердяев и продолжает: «Интеллигенцию не интересует вопрос, истинна или ложна [та или иная] теория, ее интересует лишь то, благоприятна или нет эта теория идее социализма, послужит ли она благу и интересам пролетариата...». Заниматься подлинной философией, пишет Бердяев, народнику «запрещала ложная любовь к кре-

стынству, марксистам — ложная любовь к пролетариату». Такое редуцирование человека к классу, обезличивание его, указывает Бердяев, унижает человека, «абсолютное значение [которого] основано на Божеском, а не на человеческом, на истине, а не на интересе ... [а] опровергать философские теории на том основании, что они не соответствуют народничеству или социал-демократии, — значит презирать истину».

116

— 6. Революционное брожение, государство —

Указывая на появление в России, наконец, таких подлинных философов, как В.Соловьев, С.Трубецкой, профессор Лопатин, Н. Лосский, которых «прогрессивная» интеллигенция игнорирует и, называя этих философов гораздо лучшими европейцами, чем русские марксистские псевдофилософы вроде Богданова и Луначарского, Бердяев в заключение выражает надежду на «радостное возрождение», которое, однако, «требует не только политического освобождения, но и освобождения от гнетущей власти политики». Под политическим освобождением имеется ввиду, конечно, относительная гражданская свобода думского периода, а под властью политики — общественный и радикально-партийный диктат.

Следующее эссе, «Героизм и подвижничество», принадлежит перу Сергея Булгакова. Не сговариваясь с Бердяевым, говорившим о человекопоклонстве русской интеллигенции, Булгаков обвиняет ее в том же, пользуясь термином человекобожество, основным догматом которого «является вера в совершенство человека, в бесконечный прогресс, совершаемый силами человека». Булгаков обвиняет интеллигенцию также в безответственности ее радикализма, максимализма, ибо максимализм цели требует и максимализма средств, то есть, выражаясь языком Достоевского, без Бога все становится дозволенным. Атеизм русской интеллигенции, почерпнутый из наследия западноевропейского просветительства — от деизма к скептицизму, а затем атеизму — отличается от последнего своим крайним догматизмом. Русский атеизм превращается в веру, «в которую крещаются вступающие в лоно интеллигентски-гуманистической церкви». В европейской цивилизации, имеющей много плодов, яд атеистического плода обезвреживается «своими здоровыми соками». Русская интеллигенция облюбовала только атеистический плод и, пересадив в девственную русскую почву, притязает сделать его «единственным фундаментом русского просвещения и цивилизации. На таком фундаменте не была построена еще ни одна культура», предупреждает Булгаков и напоминает: «Западноевропейская культура... по крайней мере наполовину построена на религиозном фундаменте, заложенном Средневековьем и Реформацией ... Поэтому в борьбе за русскую культуру надо бороться и за более углубленное, исторически сознательное западничество».

— 6. Революционное брожение, государство —

117

Другим догматом интеллигенции является **героизм** (*выд. в ориг.*), выработанный в ходе сопротивления полицейскому режиму. При всех привлекательных чертах героизма, он мешает интеллигенту стать творческой единицей общества, делать положительный вклад в его развитие кропотливым и внешне незаметным трудом. «Мечта [интеллигента] быть спасителем человечества или по крайней мере русского народа. Героическое "все позволено" незаметно подменяется беспринципностью во всем, что касается личной жизни». Образец этого можно найти в статье другого автора, А. С. Изгоева, который приводит пример известного провокатора, в прошлом главы боевой организации эсеров Азефа, начавшего свой партийный путь с кражи нескольких сот рублей. Но «общество» прощало это, пока не вскрылась его политическая провокаторская деятельность. Только тут припомнили, что Азеф к тому же и вор.

Все это разные проявления нравственных релятивизма и безответственности, по поводу которых авторы «Вех» бьют тревогу. Булгаков подчеркивает, что ответственность начинается с ответственности перед собственной семьей, с ответственности в быту:

«Безбытная ... интеллигенция со своим атеизмом, прямолинейным рационализмом и общей развинченностью и беспринципностью в обыденной жизни передает эти качества и своим детям. ... Боюсь, что черты вырождения должны проступать при этом с растущей быстротой».

Под «безбытностью» он имеет ввиду не только отсутствие у интеллигенции бытовой культуры, которую она отменяет как «мещанство», но и ее беспочвенность в такой же степени, как можно говорить о беспочвенности Петра Великого, порождением которого, как мы уже сказали, он интеллигенцию и относит:

«Ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности и просвещения в России

... и если Россия не может обойтись без этого просвещения под угрозой политической и национальной смерти, то как высоко и значительно это историческое призвание интеллигенции, сколь угрожающе огромна ее историческая ответственность перед будущим нашей страны, как ближайшим, так и отдаленным!

118

— 6. Революционное брожение, государство —

Вот почему для патриота ... нет более захватывающей темы для размышления, чем о том, получит ли Россия столь нужный ей образованный класс с русской душой, просвещенным разумом, твердой волею, ибо, в противном случае, интеллигенция в союзе с татарщиной, которой еще так много в нашей государственности и общественности, погубит Россию Обновиться же Россия не может, не обновив, прежде всего, и свою интеллигенцию». Читатель может удивиться: причем здесь «Вехи», если речь в книге идет о тоталитаризме. На это недоумение отвечает тот же Булгаков:

«Христианство ревниво, как, впрочем, и всякая религия; оно сильно в человеке лишь тогда, когда берет его целиком, всю душу, сердце, волю».

Чем не тоталитаризм? На самом деле между социально-политическим тотализмом и тотальностью отдачи верующим себя Богу есть коренные различия как в средствах, так и в целях. Что касается разницы в целях и их осуществлении, то, как говорит Булгаков, атеистическое «прогрессивное» будущее обещает «счастье последних поколений, торжествующих на костях и крови своих предков...» В христианстве же — «вера во всеобщее воскресение, новую землю и новое небо, когда будет Бог все во всем». Изначальная разница между ними в том, что вере человек отдает себя добровольно, а человеческие тоталитарные системы захватывают человека насильно, подчиняют полностью коллективу. А Изгоев указывает еще на различие между подвижниками революции и христианства в их отношении к жизни и смерти. «Русская интеллигенция, — пишет он, — являла собой своеобразный монашеский орден людей, обрекших себя на смерть». Среди мучеников революции подавляющее большинство — молодежь, не успевшая жизни дать ничего, не обладающая достаточными знаниями и опытом — особенно внутренним опытом, ибо вся их жизнь, как мы уже говорили выше, была направлена вовне — у них «не было времени» сосредоточиться на внутреннем мире, на углублении в себя, на разработку для себя иерархии ценностей. В христианстве же преобладает призыв к жизни, не только на этой земле, но и жизни вечной.

— 6. Революционное брожение, государство —

119

Большинство христианских подвижников — умудренные жизненным опытом старцы.

Цитируя слова ап. Павла (2 Кор 5): «Когда земной дом разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный», Изгоев указывает на осмысленность жизни и смерти в христианстве, чего нет в самопожертвовании атеиста. Поэтому христианство учит «человека спокойно, с достоинством встречать смерть» (*цит. по А. И.*), а не искать ее. «У отцов Церкви, — пишет Изгоев, — мы встречаем даже обличения в высокомерии людей, ищущих смерти».

Лейтмотивом статей сборника является призыв к интеллигенции вернуться к христианским ценностям, религиозной целостности. Булгаков предупреждает против выбора социалистического максимализма, ужасы, которого еще за 8 лет до прихода к власти российско-марксистского социализма предвкусывают Булгаков и другие авторы пророческого сборника. Статья М.О.Гершензона — он же и редактор сборника «Творческое самосознание» — продолжает тему беспочвенности русской интеллигенции. Гершензон говорит, что всю жизнь интеллигент живет «вне себя». Его интересы — это «народ, общество, государство» и общественное мнение диктует ему, что «думать о своей личности — эгоизм, непристойность». Он упрекает интеллигенцию в том, что она «толчется на площади», а дома — грязь, нищета, но интеллигенту до этого дела нет, он «спасает народ».

Результатом этого «толчения» на площади является распад интеллигентской семьи, на чем останавливается Изгоев, приводя данные статистических опросов относительно роли семьи в воспитании детей. Более половины студентов «удостоверили отсутствие всякой духовной связи с семьей». 56% студентов отрицают какое-либо влияние семьи «на выработку этических идеалов, эстетических вкусов, товарищества»... 58 % студентов заявили, что семья никак не

воздействовала на выработку их мировоззрения. «У русской интеллигенции семьи нет», пишет Изгоев и, противопоставляя ее семьям славянофилов, например, Аксаковых, Хомяковых и пр., замечает: «...крепкие идейные семьи в России были только среди славянофильского дворянства. Там ... были традиции, .. положительные ценности. Продолжая дальше свой отрица-

120

6. Революционное брожение, государство —

тельный анализ интеллигенции, Изгоев показывает — тоже на основании опросов, — что подавляющее большинство студентов отрицает какую-либо духовную близость в годы своего пребывания в средней школе с педагогами, то есть с теми же интеллигентами. Все это отражается на, так сказать, духовной беспризорности молодежи, выражающейся в ранней половой развращенности и студенческих попойках, которые так часто кончаются публичным домом. Тлетворное влияние интеллигентщины он видит на примере выходцев из духовной среды: «Самая крепкая часть нации, духовенство, пройдя через интеллигенцию, мельчает и вырождается, дает хилое ... потомство. «Из-за политиканства весь строй студенческой жизни проникнут отрицанием внутренней свободы» и твердых нравственных устоев.

Но вернемся к Гершензону. Он говорит, что русский народ, который интеллигенция собирается «спасать», отвечает интеллигенции ненавистью! Гершензон поясняет: «Народ нас не понимает и ненавидит, мы для него человекоподобные чудовища, люди без Бога в душе.

Мы были твердо уверены, что народ разнится от нас только степенью образованности. ... Это была страшная ошибка. Славянофилы пробовали вразумить нас, но их голос прозвучал в пустыне. Сами бездушные, мы не могли понять, что душа народа — вовсе не *tabula rasa*, на которой без труда можно написать письма нашей образованности... народ ищет знания исключительно практического: ... 1) низшего технического, включая грамоту и 2) высшего, метафизического, уясняющего смысл жизни и дающего силу жить».

Ни того, ни другого радикальная интеллигенция дать не могла, не имея ни технических прикладных знаний (те, кто имели, в большинстве случаев занимались делом, а не политической демагогией), ни веры в Бога. Гершензон считает, что как бы антагонистически не относился западный пролетарий к богатому рантье, различия между ними только в степени образования, культуры, материального благополучия. Что касается России, то вражда простолюдина к русскому интеллигенту совсем иного характера, не похожа она и на вражду бедняка к деревенскому кулаку — это свой брат, хотя и скотина. Русский простолюдин «видит наше ... русское об-

— 6. Революционное брожение, государство —

121

личье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно, ... тем глубже ненавидит, что мы свои».

От мести народной русскую интеллигенцию спасает государство, пишет Гершензон. Парадокс в том, что народ, за который интеллигенция боролась, «ненавидит ее, а власть, против которой она боролась, оказывается ее защитой». Он упрекает интеллигенцию в том, что кумиры ее сплошь иностранцы: Гегель, Шеллинг, Фурье, Маркс, Ницше, Мах, Авенариус, в то время как своих мыслителей — славянофилов, Чаадаева, Достоевского, Соловьева, Бориса Чичерина — она не замечает. Даже в национальном смысле ей чуждо свое, она вовне и по отношению к России. Он призывает интеллигенцию к самоанализу и самосознанию, к уходу вглубь, а не вовне, к осознанию того, что без прочного государственного организма она не только не сможет творить культуру, но будет сметена с лица земли вместе со своей культурой.

Правовед Б.А. Кистяковский к бедам и изъясам русской интеллигенции добавляет еще и отсутствие правового самосознания, что, кстати, вполне логично в духе всего вышесказанного: если интеллигенция смешивает понятия правды и выгоды, как говорит Бердяев, ее не истина интересует, а вопрос, приносит ли то-то и то-то пользу делу, социализму или еще чему-либо политически положительному в глазах интеллигента данного политического направления, то места праву, непоколебимости и политической нейтральности законов в таком мышлении не может быть. Кистяковский указывает на отсутствие в России чего-либо подобного правовым трудам Хоббса, Локка, Монтескье. Даже такой выдающийся ум и

правовед, как Кавелин, уделивший много внимания человеческой личности в своих трудах, сокрушавшийся по поводу того, что в русской традиции личность заслонена семьей, общиной, государством, проявил «невероятное равнодушие к гарантиям личных прав». Был он против введения конституции, считая, что в парламенте будет гегемония дворян. На этих же основаниях противниками конституционализма были славянофилы, которые к этому аргументу еще прибавляли абсурдное отрицание гарантий, в том числе и гарантий прав человека, утверждая: «Гарантия есть зло. Где нужна га-

122

— 6. Революционное брожение, государство —

рантия, там нет добра». Кистяковский отмечает эти народнические аргументы, указывая, что до избирательной реформы 1832 года английский парламент состоял из дворян и высшей буржуазии, тем не менее Англия была самым свободным государством, и суды ее защищали права человека.

Противником конституционализма и политической свободы был и народник Михайловский на том основании, что это может замедлить переход страны к социализму. А правительство всеми силами старается подчинить правосудие себе. Отсюда и постепенное урезывание юрисдикции и независимости судов, которое началось после дела Веры Засулич и продолжалось до 1905 года. Так, каждый «тянул одеяло на себя», не заботясь об объективно правовом государстве для всех. В результате революция 1905 года захлебнулась, что Кистяковский считает важным уроком, после которого интеллигенция «должна уйти в себя... В процессе этой внутренней работы должно пробудиться и истинное правосознание русской интеллигенции». Но урок, как мы знаем, не был понят. Отсюда и поражение либералов в 1917 году.

Некий исторический генезис интеллигенции пытается дать Струве в статье «Интеллигенция и революция». Он решительно не согласен с теми, кто ставит знак равенства между интеллигенцией и образованным классом. Он видит гораздо больше общего между интеллигенцией и казаками XVII-XVIII веков, когда казачество было «социальным слоем, всего более далеким от государства и всего более ему враждебным». Как и у тогдашнего казачества, — пишет Струве, — идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему. Русская интеллигенция ... есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только образованный класс.

Из ее отщепенства, атеизма и приверженности социализму исходит внутреннее противоречие: интеллигенция «отрицает мир во имя мира и тем самым не служит ни миру, ни Богу», — пишет Струве. Впервые, по мнению Струве, интеллигенция вышла из своего отщепенства во время революции

— 6. Революционное брожение, государство —

123

1905 года, когда ее «мысль впервые соприкоснулась с народной» в форме революционных действий, народных восстаний под лозунгами, выдвинутыми революционной интеллигенцией. Можно тут также привести первое революционное выступление в Кровавое воскресенье: обращение к царю от имени петербургских рабочих было написано интеллигентами. Интеллигенты из среды левых кадетов, эсэров и социал-демократов обучали гапоновских рабочих обычной и полит-экономической грамоте задолго до Кровавого воскресенья. Причину провала первоначальной победы интеллигенции в революции 1905 года Струве видит в ее политической безграмотности, ибо «вне ... воспитания в политике есть только две возможности, — пишет Струве, — деспотизм или охлократия». Служа, как она считает, народу, интеллигенция не позаботилась ни о собственном правильном политобразовании, ни о политическом и правовом образовании народа, без которых все ее усилия «лишены принципиального морального значения и воспитательной силы. ... Просочившись в народную среду ... народническая, не говоря уже о марксистской, проповедь... превращалась в разнуздание и деморализацию». Не остановившись на победах в первую фазу революции, породившей «Манифест 17 октября», законы о веротерпимости и о рабочих союзах и пр., интеллигенция, не рассчитав ни своих сил, ни сроков готовности народа следовать за ней, ре-

шила терроризировать правительство, веря, что сможет его смести. «Власть была действительно терроризирована, — пишет Струве, — но не так, как хотела радикальная интеллигенция: власть ответила полевыми судами, военными расправами и смертными казнями, а затем и изменением избирательного закона...» .

Струве видит «кризис и разложение социализма» на Западе, а в России «обуржуазивание» интеллигенции по мере индустриализации страны. Кризис социализма на Западе проходит не так болезненно, как он может проехаться по России, пророчески размышляет Струве, ибо на Западе «нет того чувствилища, которое представляет интеллигенция. Поэтому по России кризис социализма ... должен ударить с большей силой, чем по другим странам». Последней попыткой спасения социализма он видит синдикализм.

124

— 6. Революционное брожение, государство —

В России же идеи синдикализма выдвигали покающийся бывший народнический террорист, ставший монархистом, Лев Тихомиров и создатель первых в России неподпольных профсоюзов, начальник московского Охранного отделения Сергей Васильевич Зубатов. Характерно, свою доктрину народной монархии он называл «прогрессирующим социализмом», согласно которому при монархии у рабочих гораздо больше шансов добиться социальной справедливости, ибо царь вне классовых интересов. Стоит лишь (силой рабочих?) убрать с дороги «посредников» между царем и народом, довести нужды и чаяния рабочих до царя, установить как бы обратную связь от рабочих к царю, помочь ему приструнить эксплуататоров — и все будет прекрасно. Под влиянием идей Тихомирова, который, кстати, был одним из лекторов, читавших лекции зубатовским рабочим, выдвигалась идея узаконить промышленных рабочих в качестве особого самоуправляющегося сословия, и всем сословиям расширить права самоуправления. Эти идеи вполне соответствовали тому, что в Германии называли монархическим социализмом.

После 1905 года тихомировские идеи стали идеологией *Союза русского народа* (СРН), который некоторые западные политологи и историки считают русским фашизмом или даже нацизмом, ибо Союз призывал власти насильственно выдворить всех российских иудеев в Палестину. СРН был основан 22 октября 1905 года в качестве массовой контрреволюционной партии или движения, в противовес революционно-радикальным левым партиям с использованием той же тактики, которой пользовались эсеры, анархисты и пр., включая террор. В числе их жертв были думские депутаты от Кадетской партии Йоллос и Герценштейн, трудовик Караваев, были неудачные попытки убийства кадетов Милукова и Гессена и бывшего премьера Витте за его инициативу «Манифеста 17 октября». Подобно будущим фашистским партиям западной Европы СРН называл себя стихийным массовым народным движением защиты царя, Церкви и отечества. Однако, — подчеркивает американский специалист по русской политической истории Ханс Роггер, — идея его создания исходила не от правительства, а от крайне правых общественных группировок. В основание СРН вошли такие крайне правые груп-

— 6. Революционное брожение, государство —

125

пировки, как *Московское общество хоругвеносцев*. *Московская добровольная охрана*, *Санкт-Петербургское русское собрание*. Определенно известно о субсидировании СРН правительством по крайней мере после выборов в Первую Думу, положивших конец иллюзиям о монархизме крестьян. Правда, правительство субсидировало и *Союз 17 октября*, против которого боролся СРН. Столыпин и его сотрудники относились к СРН с большим недоверием и антипатией, убедившись в социально-экономическом радикализме Союза. Подобно эсерам пропаганда СРН осуждала социальные и имущественные привилегии, богатство, помещиков, а иногда и церковную иерархию, выступала против государственных чиновников и даже царских сановников, обещала наделение земель беднейших крестьян за счет помещичьих имений, улучшение условий и оплаты труда промышленных рабочих. Наиболее активными были отделения СРН, находившиеся в районах со смешанным населением, где они выступали защитниками русских национальных интересов против польских помещиков, еврейских торговцев, армян. Тут они нередко применяли насилие, бойкот, забастовки, штрейхбрехерство, а то и погромы. В Одессе у СРН были даже тайные боевые дружины, вроде будущих итальянских боевых фашей. Однако растущее хулиганство СРН вызывало все более отрицательную реакцию как правящих кругов царской России, так и влиятельного местного дворянства. Например, крайне правый антисемит В. Шульгин порвал с Союзом и писал по этому поводу, что «еврейский погром — это начало анархии ... бунта черни. Начнут с евреев, а кончат уничтожением всего культурного, разрушением всего, что нам удалось с таким трудом создать». СРН в действительности стал антигосударственной организацией: его депутаты пытались срывать сессии Думы, выступали против «Основного закона 17 октября», то есть против государственного строя

России. Не была ли эта деятельность попыткой выполнения зубатовско-тихомировской сословной программы народной монархии в изуродованном люмпенами виде? СРН не вырос в фашистскую или нацистскую угрозу стране, оставаясь громкой, хулиганской, но небольшой фракцией в Думе. Однако он показал, сколь опасными могут быть игры с

126

— 6. Революционное брожение, государство —

охлократией, будь она слева или справа; сколь реальны были предостережения одиннадцатого часа в «Вехах», особенно призыв Франка к интеллигенции: «От непроизводительного нигилистического морализма мы должны перейти к творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму».

Суммируя суть «Вех», можно сказать, что она заключалась в призыве к интеллигенции отказаться от радикализма, пойти на сотрудничество с властью, что в условиях думской монархии морально оправдано, чтобы избежать революции, когда с разнужданными массами интеллигенция справиться не сможет из-за своей чуждости этим массам. Призыв услышан не был!

Что Ленин, большевики и эсеры набросились на «Вехи», — это само собой разумеется. Но набросились и кадеты, к которым принадлежало большинство авторов «Вех». Вождь Конституционно-демократической партии Милюков нашел нужным предпринять длительную поездку по всей России и произнести более сотни речей, обвиняя авторов «Вех» в измене интеллигентской традиции, предательстве. В 1918 году об этом напомнил сборник «Из глубины» (того же направления, что «Вехи»), но было уже поздно...

Аннотированная библиография

В. А. Буков «От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма». М., изд. Министерства юстиции РФ, Российской правовой академии и Международного юридического института. Автор рассматривает истоки, как правового сознания с понятиями разделения властей, идущего от великой судебной реформы Александра II, а истоками уходящей к Монтескье, Локку и Беккарии (но впоследствии урезанной), так и тоталитаристского (или соборного по-славянофильски), смешивающего воедино власть административную с судебной, как повелось у нас изначально от древней Руси. Буков правильно указывает здесь близость мышления крайних монархистов, разных черносотенцев и большевиков. То же тотальное мышление автор видит в «Определении» 1917 года о созыве церковного по-

— 6. Революционное брожение, государство

127

местного собора: «В Православной российской церкви власть законодательная, административная и судебная и контролирующая принадлежит Поместному собору». Правда, в рекомендациях реформ таких виднейших руководителей церкви тех лет, как митрополиты Тихон и Сергей (оба будущие патриархи), предлагалось сделать церковный суд независимым от церковной администрации и гласный по типу гражданских судов присяжных, но это другой разговор. Главная мысль автора в том, что правовое сознание было делом очень небольшого меньшинства в России, суд присяжных еще был слишком молод, чтобы его необходимость и ценность были осознаны всей грамотной Россией, что облегчило и приход большевиков к власти, и торжество тоталитаризма во всей общественной и государственной системе СССР.

С. Булгаков «От марксизма к идеал-реализму». Сборник статей (1896-1903). СПб, 1903 (переиздание: «Посев», 1968). Как признается сам автор, этот сборник — зеркало интеллектуальной и духовной его эволюции от марксизма к христианству. Марксизм, по его словам, «после томительного удушья 80-х годов ... явился источником бодрости и деятельного оптимизма ... им нанесен был смертельный ... удар по экономическому славянофильству русского народничества». Однако далее он говорит о догматичности марксизма, требующего «полной верности раз принятым философским и методологическим принципам, отрицающего роль и значение личности в истории, игнорирующего этическую проблему». Далее он называет марксизм «суррогатом религии». Поэтому неслучайно, что наиболее самостоятельно мыслящие и интеллектуально одаренные марксисты конца XIX века превращаются в христиан и религиозных мыслителей в следующее десятилетие. Ведь фактически все мыслители русского религиозно-философского ренессанса — бывшие марксисты.

«Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909 (переиздание: «Посев», 1967). В 1990-х годах переиздан в России. Дополнительные комментарии после вышеизложенного текста излишни.

«Из глубины». Сборник статей о русской революции. Париж: YMCA-Press, 1967. Из 11 авторов

этого сборника пятеро участвовали в сборнике «Вехи». Остальные авторы принадле-

128

— 6. Революционное брожение, государство —

жали к тому же идейному кругу. Сборник был сверстан в 1918 году, но был остановлен советской цензурой. Работники типографии, однако, выпустили его самовольно в 1921 году. Но тут лее весь тиранизм был уничтожен по распоряжению ЧК. В предисловии к парижскому переизданию племянник редактора и составителя сборника профессор Парижского университета Никита Струве пишет: «Авторы ... исследуют русскую революцию в ... ее прошлом, настоящем и будущем. Нигде с такой ясностью и остротой не были вскрыты ... свойства русской души и условия русской истории, приведшие к взрыву 1917 года».

«Из-под глыб». Сборник статей авторов почвенническо-христианского направления о советско-русской интеллигенции и ее духовных исканиях. Составители: Александр Солженицын и Игорь Шафаревич, при участии еще пятерых авторов. В СССР он появился в Самиздате, затем опубликован в Париже YMCA-Press в 1974 году. Участники считали свой сборник продолжением диалога, начатого «Вехами», считая себя учениками «веховцев». Здесь, как и в «Вехах», семь авторов. Большинство материалов по глубине мысли и анализа уступают своему прототипу. Пожалуй, главная ошибка авторов в том, что единомышленников «Вех» они принимают за эталон дореволюционной интеллигенции, не учитывая того, что «веховцы» были небольшим меньшинством, а не типичным настроением интеллигенции последнего предреволюционного десятилетия.

Е.Н.Трубецкой «Энциклопедия права». Киев, 1901 (репринт: N.Y, Chalidze Publications, 1982). В «Вехах», как мы видели, высказывается острое беспокойство по поводу бедности традиции права в русском общественном сознании, об отсутствии в России значительных работ по философии права в духе Монтескье и других западных великих философов-юристов. В небольшой книге покойного профессора юридических факультетов Киевского и Московского университетов делается попытка хотя бы частично заполнить этот пробел. Глубоко верующий философ права (соединение редкое в русской традиции) рассматривает такие вопросы, как право и нравственность, определение права, право и личность, право и общество, право и государство и пр. Уже в 1918 году Трубецкой предупреждал против всякого максимализма: «Кто хочет, чтобы жизнь человеческая ... превратилась в рай, тот дол-

— 6. Революционное брожение, государство —

129

жен благословлять ту силу ...которая ... мешает миру превратиться в ад» и «Тот ложный максимализм, который с мнимо религиозной точки зрения отрицает низшие ... ступени ... во имя христианского идеала отрицает христианский путь: **это максимализм не христианский, а беспутный**».¹ С.Л.Франк «Духовные основы общества». Нью-Йорк: «Посев», 1988. Здесь автор видит человеческое общество как неантагонистическое соединение равенства и иерархичности. Равенство существует только как равенство перед Богом и как равенство внутри иерархических структур. Примером чего он видит, например, корпорацию офицеров или дворянства, где все равны внутри как члены единой корпорации, но при этом внутри ее есть иерархия управления и подчинения. «Демократия, — пишет Франк, — есть не **власть всех, а служение всех**». Иными словами, прочная демократия возможна лишь на основании общепризнанной иерархии ценностей, которая, в свою очередь, опирается на Абсолют, то есть на Бога, без которого исчезает логическое обоснование иерархии да и самой демократии, грозящей в противном случае дегенерировать во власть толпы и анархию.

Цит. по: В. А. Буков *Указ, соч.*, с. 18.

Глава 7

Первая мировая война как катализатор тоталитаризма

«В настоящее время не много найдется историков, которые верили бы во всеобщие законы развития народов».

Георгий Федотов «Росам и свобода».

П

Первая мировая война была первой в истории человечества тотальной войной. С военной точки зрения она была конечным результатом военных реформ, начатых прусским королем Фридрихом Великим в XVIII веке и завершенных во всей континентальной Европе ко второй половине XIX века. Это была одновременно и первая демократическая война такого масштаба в Новое время. Речь идет о создании огромных постоянных армий, основанных на поголовном наборе среди всех трудоспособных молодых мужчин на определенный срок несения службы, за отбытием которой вчерашний солдат числился в запасе. Затем было несколько категорий запаса, в зависимости от возраста, состояния здоровья и семейного положения резервиста. В случае войны, помимо приведения в полную боевую готовность солдат и офицеров действительной службы, по мере надобности призывались и резервисты — первой категории, затем второй и т. д. Чтобы резервисты не теряли боеспособности, их и в мирное время призывали время от времени на военные сборы. Таким образом, фактически все трудоспособное мужское население было вовлечено в военную машину в той или иной степени. Эту армию мы называем демократической в том смысле, что военной обязанности подлежали все классы: какой-нибудь юный князь Голицын служил солдатом рядом с крестьянским сыном. Правда, в по-

— 7. Первая мировая война как катализатор

131

реформенной России срок военной службы в мирное время зависел от уровня образования новобранца — от 6-годовой службы для неграмотных — в мирное время офицеры были обязаны вести школы грамотности для неграмотных солдат — до 6 месяцев для студентов высших учебных заведений и для получивших высшее образование. В военное время, однако, таких привилегий не было, военнотруженики отличались друг от друга только чинами вне зависимости от полученного образования. Естественно, на практике образованного юношу скорее отправляли на ускоренные офицерские курсы или давали поручения, требующие какого-то образования.

Рост грамотности, сопутствуемый ростом массовой печати, равно как и наличие парламентов, вовлекавших массового избирателя в государственно-политический процесс в той или иной степени, — все эти свойства новой государственной системы требовали от властей разъяснять свою политику народу, оправдывать ее в глазах избирателя и, таким образом, достигать того, чтобы народ ответил правительству своей поддержкой. Иными словами, в этих новых условиях начинать войну без интенсивной и экстенсивной пропагандистской обработки населения и особенно вооруженных сил, без психологической мобилизации всей нации было безумием. Грозным предупреждением была уже Русско-японская война 1904-1905 годов, окончившаяся в России революцией.

Война, вовлекавшая такие массовые армии, требовала также мобилизации народного хозяйства, путей сообщения и средств связи и транспорта. Полностью в руках определенных государственных органов должны были быть возможности оперативной переброски огромных контингентов вооруженных сил с одного театра войны на другой, обеспечение их питанием, обмундированием и оружием. Государству должны были быть предоставлены права на время войны приказывать фабрикантам производить нужную для войны продукцию в соответствующем количестве и соответствующих типов. Вызываемое этими потребностями сокращение производства или наличия в продаже для гражданского населения товаров широкого потребления — питание, одежда и пр. — требовало введения карточной системы в той или иной форме, что вводило в жизнь некий уравнилельно-социалистический эле-

132

— 7. Первая мировая война как катализатор —

мент и давало правительству беспрецедентную власть над народом, контроля за населением, перераспределения.

Как мы уже говорили, самую тотальную мобилизацию всех национальных ресурсов — естественных, промышленных и людских — провели немцы. Не менее важно было поддерживать дух готовности нации продолжать многолетнюю тяжелую войну, несмотря на все возрастающие человеческие потери и физические страдания, недоедание и прочие жертвы. Самым эффективным средством в этом направлении является пропаганда ненависти к врагу. Чтобы народ был готов поддерживать войну, надо, чтобы он ненавидел и панически боялся

противника. Для этого требовалась массивная пропаганда лжи, изображающая противника каким-то кровавым чудовищем и насильником. Причем если в прошлых войнах достаточно было настроить армии против монарха противника, скажем Вильгельма II, то теперь надо было настроить всю страну против всего народа противоположной стороны, надо было, чтобы немцы ненавидели весь русский народ, а русские — всех немцев. Ведь в дело войны теперь вовлечены были не только армии, а все население! И в этом направлении немецкая пропагандистская машина работала вовсю.

Все выше перечисленные факторы будут составными частями тоталитарных режимов. По кроме того, определенные тенденции Первой мировой войны тяготели к тоталитаризму националистических окрасок, то есть к фашизму и нацизму в противовес Марксу, Энгельсу и Ленину, которые утверждали, что рабочий класс интернационален, свободен от национализма, придумашного-де буржуазией. Поэтому, утверждали они, армии всеобщей мобилизации, в которых при развитом капитализме количественно будет преобладать пролетариат, за своих «классовых врагов» — буржуазию и аристократию — воевать не будут. Первая же большая война обернется восстанием солдат против своих офицеров, международным пролетарским братанием через линию фронта, мировой революцией. В результате Ленин обозвал Первую мировую войну «империалистической» и повел агитацию за то, чтобы она переросла в международную гражданскую войну. Но этого не произошло, и, поскольку социалистические партии Германии, Австро-Венгрии и Франции проголосова-

— 7. Первая мировая война как катализатор —

133

ли в парламентах своих стран за военные кредиты, то есть заняли патриотическо-оборонительные позиции, революционно-интернационалистический клич провалился. Карты национализма от этого только выиграли. В результате война только укрепила и гипертрофировала национализм, особенно в побежденных странах, таких как Германия, которая болезненно переживала свое унижение на мирных переговорах в Версале и затаила мечты о реваншизме. Хотя Италия была в союзе с победителями, она так плохо воевала, что ее бывшие союзники не нашли нужным удовлетворить ее территориальные аппетиты. Так психологически Италия попала в лагерь побежденных, и в этом смысле ее фашизм имел те же психологические корни, что и германский нацизм.

Мы еще вернемся к этим двум странам и их проблемам, а пока взглянем на положение в лагере России и ее союзников к концу войны.

В 1917 году мы видим, с одной стороны, революцию в России и фактически постепенный ее выход из войны — сначала из-за развала военной дисциплины после Февральской революции и принятия Временным правительством Керенского платформы оборонительной войны без контрибуций, за которым последовал уже сознательный саботаж войны большевиками после их прихода к власти. С другой стороны, в войну вступают Соединенные Штаты Америки, что в конце концов приведет Америку к прекращению ее традиционной политики изоляционизма и невмешательства в дела Европы и коренному изменению политической карты мира, мирового баланса сил.

22 января 1917 года президент Соединенных Штатов Вуд-ро Вильсон, готовясь вступить в войну, произнес речь в Конгрессе США, — это его так называемые 14 пунктов, — о том, как он понимает цели войны со своей демократической точки зрения. Вот отрывки из этой речи: «Во-первых, мир должен быть утвержден без победы ... Утверждение победы означает подчинение побежденного воле победителя, заключения мира на условиях, диктуемых победителем. Такой мир является унижением побежденного и обычно принуждает побежденную сторону к тяжелым материальным страданиям. Такой мир устанавливается це-

134

— 7. Первая мировая война как катализатор —

ной национальной боли, обиды, горькой памяти. Он не будет долговечным, ибо построен на песке...

Человечество сегодня жаждет свободы, а не силовых методов решения вопросов. Не может и не должен быть прочным мир, не основанный на принципе признания народного волеизъявления в качестве источника власти и не признающий, что никто не имеет право перебрасывать народы от одной власти к другой, будто речь идет о предметах, а не людях... Вот те принципы человеческого

общежития, которые должны восторжествовать».

Теперь проанализируем эти слова. С одной стороны, призыв к войне без репараций и контрибуций, отвергающий навязывание побежденной стороне каких-либо условий победителем. Следуя этой рыцарской логике, после окончания войны, в которую Соединенные Штаты готовятся вступить, никто не смеет заставлять Австрию отпустить ее негерманское большинство — славян, венгров, румын, итальянцев — а тем более изменить свою монархическую систему власти; последнее также относится и к Германской империи. Но ведь далее Вильсон требует, чтобы государства строились на основе суверенитета своих граждан и с их согласия. В таком случае победителям очень даже придется вмешаться во внутренние дела побежденных государств: ликвидировать тамошние авторитарные монархические режимы, заменить их демократическим устройством и заставить их предоставить независимость инородным национальностям, находящимся под властью Австрии, Германии, Турции. Кстати, в Париже существовали во время Первой мировой войны национальные комитеты чехов, словаков, хорватов, словенцев. Их активно поддерживал профессор Ситон-Уотсон, британский советник по национальным вопросам Восточной Европы, которому легко удалось склонить на свою сторону и Вильсона, ставшего затем пылким сторонником раздела Австрии на независимые национальные государства. Соединенные Штаты вступили в войну в апреле 1917 года. Для этого было 3 предлога: во-первых, немецкие подлодки топили суда американского торгового флота, направлявшиеся в Англию, Францию или Россию, и при этом официально заявляли американскому правительству, что будут делать это

— **7. Первая мировая война как катализатор —**

135

и впредь. В результате американцы прервали дипломатические отношения с Германией. Непосредственными предлогами вступления США в войну были, однако, следующие факторы:

а) перехваченное британской разведкой распоряжение своему послу в Мексике вовлечь эту страну в войну против США обещанием в случае победы вернуть Мексике Калифорнию, Аризону, Неваду и Техас, в случае, если Соединенные Штаты вступят в войну против Германии; и

б) падение монархии в России — Вильсон никак не хотел стать союзником авторитарной России. Уже это предстало, что в мирных переговорах Вильсон будет руководствоваться второй частью своей речи, игнорируя первую часть.

Так оно и будет. Следует заметить, что все воюющие стороны ко времени вступления США в войну были вконец истощены и утомлены. В результате США, присоединившиеся к войне лишь за полтора года до ее окончания и своим вступлением ускорившие ее конец и обеспечившие победу Антанте, оказались самой могущественной державой в момент окончания войны, и Вильсон фактически определял ход мирных переговоров, диктовал условия заключения мира.

В конце сентября германское главнокомандование, считая положение Германии катастрофическим, начало искать пути к перемирию, думая, что, поскольку германские войска все еще оккупировали кусок Франции, Германии удастся выйти из войны, не полностью потеряв лицо. Но Вильсон, стремившийся во что бы то ни стало сохранить свою демократическую девственность, отказался вести переговоры с Германией и Австрией, пока во главе их стоят императоры. В ответ Вильгельм II объявил о введении конституционной монархии, передаче суверенитета народу и 4 октября назначил премьер-министром князя Максимилиана Баденского, который вскоре представил новую конституцию, вводившую либерально-демократическую политическую систему, в которой власть императора была ненамного шире власти английского короля. Но американский президент уперся, заявив, что, пока у власти остается император, он отказывается вести мирные переговоры с Германией и примет от Германии только безусловную капитуляцию.

136

7. Первая мировая война как катализатор —

Сведения о вильсоновском требовании привели в движение левые силы Германии — начались восстания. Симптоматически 7 ноября 1918 года началась революция немецких большевиков (так называемых *спартаковцев*) и левых социалистов в Мюнхене. Баварский король был свергнут с престола.

Надо сказать, что в результате беспрецедентной по тем временам кровавости войны, впервые общественное мнение многих европейских стран начало склоняться к тому, чтобы войну рассматривать как преступление. Росло и ширилось требование предать Вильгельма и его главных генералов международному суду. Под прямым давлением германского генералитета Вильгельм наконец согласился отречься от престола и в ночь с 9 на 10 ноября бежал в нейтральную Голландию, где получил политическое убежище. Тем временем восстания переросли в гражданскую войну. Завершилась она победой умеренных социал-демократов. Большевистское крыло социализма проиграло по крайней мере отчасти благодаря опыту, приобретенному германской армией за время оккупации ею части России, где она наблюдала, как разброд и раскол в антибольшевистском лагере дал возможность большевикам захватить страну (к этой теме мы еще вернемся). В Германии умеренные социалисты понимали, что без помощи армии, возглавлявшейся ненавидимыми им правыми монархистами, большевиков не одолеть, а немецкому генералитету, ненавидевшему всех социалистов, было件нятно, что их эра прошла и без популярной политической программы в гражданской войне победить невозможно. И вот сменивший ушедшего в отставку Людендорфа на посту начальника генштаба, генерал Тренер предоставил в распоряжение главы демократических социалистов Эберта свои войска, убедив Гинденбург-га согласиться на такое сотрудничество и остаться на посту главнокомандующего. Так возникла Веймарская республика из крайне непрочного союза двух ненавидевших друг друга сил: социал-демократов и архиконсервативной военной верхушки. С самого начала была ясна ненормальность и непрочность этого государства, буквально построенного на песке благодаря демократическому утописту — Вильсону. Тут следует указать, что, во-первых, демократии и республики в политической истории мира — исключение. Гораздо

— 7. Первая мировая война как катализатор —

137

более характерны авторитарные режимы разного типа и разной степени деспотичности. Так что «демократическая девственность» президента Вильсона вряд ли бы пострадала от признания германской монархии, особенно в редакции Ба-деновской конституции, тем более, что среди союзников США в Первой мировой войне была и авторитарная Япония, не вызывая никаких с его стороны протестов. У каждой страны, у каждого народа есть какие-то свои традиции государственного или племенного общежития. Они могут нравиться или не нравиться, но перемены бывают здоровыми и прочными, только если они хоть частично опираются на национальные традиции. Могут привноситься влияния и идеи, культурные и политические, извне, но эти привнесения бывают успешны только, если они как-то органически сливаются с существующими традициями данной страны, как прививка нового растения или породы к дереву. Германия была традиционно монархическим, авторитарным обществом высокой дисциплины. Она могла демократизироваться. Именно такой путь обещала Баденовская конституция, но неожиданное установление республики в пораженной и униженной стране монархической традиции было настолько «непочвен-по», что с самого начала ей грозил обвал, наступивший наконец, как мы знаем, с приходом к власти Гитлера в 1933 году. Не имея опыта установившихся демократических государств, опирающихся на реалистический компромисс между принципом свободы и необходимыми ее ограничениями на практике, Веймарская конституция новоиспеченной Германской республики ввела принцип абсолютной пропорциональности в выборах, в результате которой в парламент попадали представители всевозможных микроскопических партий, делая невозможным создание хоть сколько-нибудь прочного коалиционного правительства. Фактически со дня принятия этой конституции до прихода к власти Гитлера власть пребывала почти в постоянном кризисе, с бесконечными внеочередными выборами из-за провала правительств. При слабом и нетрадиционном для Германии республиканском правительстве единственной авторитетной и стабильной силой оставалась армия, отождествлявшаяся народом с героизмом, патриотизмом и жертвенностью — все ценности глубоко си-

138

— 7. Первая мировая война как катализатор —

девшие в германской душе. Отсутствие стабильности и слабость демократии, с одной стороны, и авторитет армии, то есть в конечном счете авторитаризма, с другой, и составляли

один из важнейших факторов разочарования немцев в демократии и избрания ими блока национал-социалистов с национал-монархистами в 1933 году.

Возвращаясь к 1918-1919 годам, следует заметить, что в результате германской гражданской войны, во-первых, на внутреннем фронте создался прецедент вмешательства генералитета в политическую жизнь республики, что в конце концов приведет к избранию президентом фельдмаршала Гинденбурга, монархиста по убеждениям, который в своем завещании предлагал восстановить монархию. Во-вторых, во внешнем мире благодаря решающей роли генералитета в спасении Германии — а то и всей Европы — от большевиков почти смолкли голоса, требовавшие предать немецких генералов международному трибуналу. Что касается мирных переговоров, то у союзников было три альтернативы:

1. Следовать первой части вышеприведенной речи Вильсона (его так называемых «14 пунктов») — вести переговоры с существовавшим на данный момент германским правительством, заключить мир на условиях, которые не унижали бы достоинства германской нации, и не вмешиваться во внутренний немецкий вопрос о форме правительства.
2. Заставить Германию отказаться от монархии, ввести демократическую государственную систему, что соответствовало второй части речи Вильсона, но в таком случае не возлагать вину за войну на это новое правительство, тем более, что оно в основном состояло из социалистов, которые еще в начале 1917 года требовали выхода Германии из войны. Это Вильсон и сделал. В переговорах он дал четко понять, что вина за войну возлагается не на весь германский народ и на новое правительство, а лишь на исчезнувшее старое имперское правительство. Такой подход требовал бы мирного договора, основанного на равенстве и взаимном уважении между обеими сторонами, а затем возвращения Германии в нормальную международную жизнь.

3. Принять французское предложение, а именно расчленить всю Германию на мелкие государства, существовавшие

— **7. Первая мировая война как катализатор** —
139

до создания Германской империи в 1871 году, ввести полуоккупационный режим контроля в Пруссии и отдать земли между Рейном и Францией под французский протекторат, чтобы Германия больше никому не угрожала.

Американцы и англичане категорически отвергли проект Франции, обязуясь, в случае германской угрозы Франции, совместно предоставить свои вооруженные силы в ее защиту. Это обязательство отпало само по себе после того, как инициатор Лиги Наций, президент Вильсон, не смог убедить американский Конгресс вступить в Лигу и вообще принимать участие в европейских делах. Америка после Версаля вернулась к своей изоляционистской политике, а Англия без Америки не чувствовала себя обязанной выполнять обязательства по отношению к Франции, ибо по Версальскому миру и по уставу Лиги Наций она обязана была это делать только совместно с Соединенными Штатами.

Вообще Вильсон и его союзники избрали самую худшую смесь из всех этих вариантов. Несмотря на его обещание вести переговоры о мире с представителями республиканского правительства Германии фактически никаких переговоров не было — немецкую делегацию в Версале к столу переговоров не допустили. Ей просто продиктовали принятые правительствами Антанты условия мира и велели их подписать, кстати, с прочерком в статье о сумме репараций, которые со временем будут потребованы с Германии. Реакция немцев на оскорбление национального достоинства была столь остра, что чуть было не привела к возобновлению войны. Но в конце концов кратковременный министр иностранных дел Веймарской республики Ратенау (о котором мы уже говорили выше) был вынужден принять все условия, ибо, хотя ни пяди германской территории не было оккупировано, и в момент прекращения огня германские войска стояли на территориях всех, воевавших против них, континентально-европейских государств, экономически Германия была истощена настолько, что воевать больше не могла. Однако солдату и офицеру такая сдача всех позиций германской делегацией в Версале казалась предательством, так как в военном смысле он считал себя победителем или по крайней мере равноправным с союзниками партнером, а не побежденным. В результате

— 7. Первая мировая война как катализатор —

по стране пронесся клич националистов: в Версале евреи предали Германию — евреем был Ратенау, и вообще евреев было много в правящей социал-демократической партии. Ратенау вскоре был убит агентами Национал-социалистической германской рабочей партии, среди ведущих пропагандистов которой был юный ефрейтор Адольф Гитлер. Это дало толчок росту и национал-социалистической партии, и антисемитизма.

Несмотря на лишение ее колоний и некоторое урезывание ее окраин — Эльзаса-Лотарингии, присоединенной к Франции, восточных окраин, населенных преимущественно поляками, присоединенных к Польше, и микроскопического северо-западного кусочка, присоединенного к Бельгии, Германия снова оказалась потенциально самой мощной, самой многочисленной и промышленно наиболее развитой страной Европы (не считая СССР, который в начале 1920-х годов был очень слаб). Но к тому же страной обиженной, затаившей злобу и дух реваншизма против победителей.

По Версальскому миру вооруженные силы Германии ограничивались 100 тысячами.

Германии к тому же запрещалось иметь военно-воздушные силы, и к 1922 году ей определили сумму репараций (в основном по отношению к Франции) в 33 миллиарда долларов золотом.

По подсчетам некоторых историков эта сумма примерно соответствовала из расчета на душу населения тем 5 миллиардам франков, которые Франция должна была уплатить победоносной Германии по Франкфуртскому мирному договору 1871 года и уплатила полностью в отличие от немцев, которые стонали и протестовали, что эта сумма им не под силу. В оправдание немцев, которые стонали и протестовали, что эта сумма им не под силу. В оправдание немцев жалоб, однако, надо помнить, что франко-прусская война длилась всего год, а Первая мировая — четыре с половиной.

Уплатив первый взнос остатками своего золотого запаса, в 1923 году она фактически прекратила платить репарации, после чего французский премьер-министр Пуанкаре объявил Германию банкротом и послал французские и бельгийские войска оккупировать Рурскую область, главный промышленный район Германии, из которого в основном и шли бы репарации. Берлин, будучи не в силах ответить Франции военным противодействием, призвал рабочих Рура к саботажу и заба-

— 7. Первая мировая война как катализатор —

141

стовке. За редкими исключениями рабочие Рура последовали призыву Берлина, так что французы были вынуждены отправить своих солдат работать на фабрики и в шахты. Труд их оказался малопродуктивным. Паралич главного промышленного центра Германии парализовал почти всю германскую экономику. Пострадала и Франция, ибо теперь уже ни о каких репарациях не могло быть и речи, пока не восстановится германская экономика. Германское правительство поддерживало саботаж французской оккупации печатанием денег для выплаты рабочим Рура. Началась гиперинфляция, которая к осени 1923 года достигла невиданных масштабов: коробок спичек стоил несколько миллионов марок. Страна распадалась, начались снова местные восстания — крайне правых и крайне левых. Выход из инфляции пришел как из решительных действий нового канцлера Штресемана и финансиста Хьямара Шахта, так и извне. Штресеман прекратил рабочий бойкот в Руре и выдвинул тезис о сближении с Францией и вообще Западом. Шахт провел экономическую реформу с обменом одного триллиона старых марок на одну новую. От этого пострадали широкие слои населения, что привело к росту крайних партий — коммунистической, нацистской и народно-националистической. Но реформа внушила доверие к Западу. На помощь пришли США с так называемым планом Доуса (Dawes) 1924 года, который предоставил Германии кредит в 8 миллиардов долларов. Одновременно ежегодная квота германских репараций была снижена: за 1924-1929 годы Германия выплатила 2 миллиарда долларов репарациями, а получила 8 миллиардов, так что на восстановление экономики оставалось 6 миллиардов. Начался быстрый экономический подъем. О нацистской партии между 1924—1929 годами говорили главным образом в прошедшем времени. Но тут, в конце 1929 года, наступил финансовый кризис, рухнули мировые рынки, полностью безработных к 1932 году было 43% трудоспособного населения и еще 20% было частично безработных. Снова в гору пошли крайние партии — коммунисты и нацисты, — но нацисты росли быстрее: в момент национального хозяйственного кризиса вспомнились обиды Версаля, проснулось чувство задетого и

оскорбленного патриотизма, на чем, равно как и на антисемитизме, отождествляя его с

142

— 7. Первая мировая война как катализатор —

коммерческим капиталом в момент обнищания масс, — так удачно играл Гитлер.

Возвращаясь ко времени Версальского решения судеб Европы, следует напомнить, что для Вильсона одной из главных целей победы было предоставление независимости национальностям, инородным тем империям, которым они были подчинены до Первой мировой войны, то есть создание независимых национальных государств на месте разбитых многоплеменных империй. Он не учел, что в многонациональных империях столетиями шло смешение национальностей, передвижение их и переселение в разные части империи, так что создать мононациональные государства оказалось невозможным. Так, в Чехословакии оказалось 7,5 миллионов чехов, 3,5 миллиона немцев, 2,3 миллиона словаков, 750 тысяч венгров, 0,5 миллиона карпатороссов и несколько сот тысяч евреев, поляков, цыган и прочих меньшинств; в Польше этнических поляков оказалось чуть больше 60%, около 20% украинцев, примерно 15% евреев, 5% белорусов, несколько сот тысяч немцев, литовцев, татар, цыган, чехов и словаков; огромные русские и немецкие меньшинства в республиках Прибалтики; примерно 7 миллионов меньшинств на 16-миллионное население Румынии, выросшей вдвое после войны передачей ей Трансильвании и Буковины и присоединением Бесарабии/Молдавии, и целый лабиринт национальностей и религий в новообразованном Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, вскоре переименованном в Югославию. Как вскоре показала практика, эти новообразованные государства не обладали той долей терпимости, которая сложилась за столетия в бывших империях, особенно в Австрии. Будучи значительно слабее бывших империй, неуверенные в своих возможностях постепенно переварить все это этническое многоцветие, новые государства ограничивали права меньшинств как национальных, так и религиозных, прибегали к насильственной ассимиляции. Особенно нетерпимой и неудачной была национальная политика Польши, Румынии и Югославии. В Польше все это осложнялось еще попытками полупринудительного обращения многомиллионных православных меньшинств в католичество. Многие меньшинства принадлежали к национальностям,

— 7. Первая мировая война как катализатор —

143

которые либо исторически враждовали с теми странами, в которые они теперь попали, либо по крайней мере были по другую сторону фронта в минувшей войне. По отношению к этим национальностям правительства новых государств вели особенно притеснительную политику. В результате почти во всех новых государствах меньшинства были враждебны по отношению к «своим» новым правительствам, чем пользовались диктаторы СССР, Германии и Италии, поддерживая их подпольные организации. СССР, естественно, поддерживал и подталкивал на подрывную деятельность Западно-украинскую и Западно-белорусскую компартии Польши, равно как и еврейский Бунд; Гитлер поддерживал национал-социалистическую немецкую организацию Чехословакии, равно как и словацких сепаратистов; Муссолини поддерживал хорватских фашистов. Все это взорвется в 1939 году.

Кроме того, увлеченные новообретенной независимостью, новые молодые государства сразу же поспешили создать у себя жесткий визовый режим, но еще губительнее — окружили свои страны запретительными таможенными тарифами и квотами. Например, в довоенной Австро-Венгрии центром тяжелой промышленности на всю империю была Чехия, легкая промышленность была сосредоточена в Вене и частично в австрийской Польше, Венгрия и Словакия были в основном сельскохозяйственными районами. Теперь тарифы крайне затрудняли торговый обмен, промышленность Чехии и Австрии не имела сбыта. Таможенная полублокада распространилась в течение 1920-х годов и по остальной Европе, став одним из главных факторов экономического спада, начавшегося в 1929 году, и известного под названием «Великой депрессии».

Что касается условий Версальского договора, ограничивших германскую армию 100 тысячами пехотинцев и запрещавших Германии иметь военную авиацию, то эти ограничения были легко обойдены. Во-первых, из демобилизованных войск сформировались частные армии националистических партий, самой значительной из которых был так называемый «стальной

шлем», у нацистов к началу 1930-х годов была армия СД. А военно-воздушные силы Германии создавались тайно на территории СССР. Тесное военное сотрудничество СССР и Германии было результатом ряда тайных перегово-

144

— 7. Первая мировая война как катализатор —

рои и соглашений между генштабами обеих стран, что, в свою очередь, было следствием советско-германского договора в Рапалло весной 1922 года, по которому оба государства отказывались от каких-либо взаимных претензий, связанных с Первой мировой войной 1914-1918 годов.

Аннотированная библиография

Fontaine, Andre *History of the Cold War*. N. Y., Vintage Books, 1970. Перевод с французского. Два тома: первый начинается с большевистского переворота в ноябре 1917 года и доходит до Корейской войны; второй том охватывает период с Корейской войны по 1968 год. Необычно в этом труде то, что холодную войну он отсчитывает с первого дня власти Ленина, в то время, как обычно этим термином называется послевоенный период с 1947 года. Однако аргументы и данные Фонтена достаточно убедительны, что, поскольку официальной целью советской власти была мировая революция или захват мира посредством войн, и при этом с 1919 года существовал Коминтерн, функцией которого был экспорт коммунистической революции, нормальные мирные отношения с СССР были политическим и дипломатическим самообманом, и речь могла идти только о горячей или холодной войне. Труд Фонтена основателен, с массой данных, может служить прекрасным справочником по теме.

Menze, Ernest, ed. *Totalitarianism Reconsidered*. Port Washington, N.Y., Kennikat Press, 1981. Сборник докладов с научной конференции *Американской исторической ассоциации* в Далласе по теме «Переосмысление тоталитаризма как концепции». Книга отразила споры о приемлемости этого термина и о его определении. Противниками этого понятия являются левомарксистские ученые, например, Стивен Коэн из Принстонского университета. Горячим защитником концепции тоталитаризма на конференции выступил немецкий ученый, профессор Карл Брахер. Он его определил как «явление века индустриализма и масс. ... Развитие фашизма, национал-социализма и коммунизма тесно связано с политическими и социально-экономическими последствиями Первой мировой войны и идеологическими противостояниями, вызванными и обостренными [этой войной]».

— 7. Первая мировая война как катализатор —

145

Palmer, Alan *The Lands Between. A History of East-Central Europe since the Congress of Vienna*. London, Weidenfeld&Nicolson, 1970. История Центральной Европы от Венского конгресса (1815) до разгрома «Пражской весны» войсками Варшавского договора в 1968 году. Подробно рассматривается создание независимых стран в Центральной и Восточной Европе, «вырезанных» из распавшихся Российской, Австро-Венгерской и Германской империй, проблемы новых стран, особенно проблемы меньшинств, провал иллюзий о новых демократиях, оказавшихся диктатурами фашистского типа, соблазн нацизма и гибель молодых суверенитетов во Второй мировой войне и в результате их оккупации Советским Союзом. Rodes, John *The Quest for Unity. Modern Germany, 1848-1970*. N. Y., Holt, Rinehart&Winston, 1971. Отличный справочник по новейшей истории Германии. Тщательно анализируются обстоятельства Первой мировой войны и ее последствий в Германии, психология народа, лишенного традиционной системы власти, привыкшего к авторитаризму и потерявшего ориентиры в почти анархическом беспорядке Веймарской республики, готовому пойти за любым демагогом, обещающим восстановление престижа и мощи страны и материальное благополучие. (Обстановка очень похожая на постсоветскую Россию.)

Глава 8

Большевистский переворот и Гражданская война

«Спектакль окончился, занавес опустился — железный. Публика кинулась в гардероб, но шуб уже не было». Василий Розанов (1918).

Американский политолог С.Г.Пэйн, изучая фашизм и нацизм, пришел к выводу о прямом соотношении между интенсивностью этих режимов и значительностью протофашистских культур в данных странах.¹ Если мы заменим слово *протофашистская* на *прото-тоталитарная*, то сможем применять эту категорию к коммунистическим и прочим тоталитарным системам и их предистории.

Так, в Германии, где в последних свободных выборах 1932 года тоталитарные партии в общей сложности получили более 65 % (нацисты получили более 38 % голосов, а в союзе с крайними националистами — почти 45%, коммунисты — почти 20%) нацистская диктатура была наиболее тотальной. В Италии фашистская партия в блоке с крайними националистами набрала всего 15% голосов в последних свободных выборах. Если к этому добавить свежее испеченную компартию, отколовшуюся по требованию ленинского Коминтерна от самой большой партии в Италии в то время — социалистической, и при таком подсчете протототалитарный голос никак не превышал 30%. И действительно на практике итальянский фашизм был далек от нацистской модели тоталитариз-

S.G.Payne *Fascism: A comparative Approach Toward a Definition*. Madison, University of Wisconsin Press, 1980.

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война •

ма. В Испании, в которой к началу Гражданской войны 1936 года было всего 3 тысячи членов компартии и не более 25 тысяч членов фашистской *Фаланги* при общем населении более 35 миллионов, вместо тоталитаризма существовал под руководством Франко классический режим военного авторитаризма типа латиноамериканских диктатур.

Возникает вопрос: а имеет ли эта гипотеза Пэйпа какое-либо отношение к России? Возьмем в качестве отправной точки выборы осени 1917 года в Учредительное собрание. Большевики в этих первых относительно свободных и всеобщих выборах получили всего 24% голосов. Но абсолютное большинство получила *Партия социалистов-революционеров* (ПСР). Тоталитарной ее программу назвать никак нельзя. Но вспомним ее «биографию»: полное пренебрежение правопорядком, индивидуальный террор и провокации, осуществлявшиеся ее *Боевой организацией* (БО), в распоряжении которой был почти весь бюджет партии, практически партия стала придатком БО. Можно еще прибавить партии анархистов. Все эти партии разваливали страну, разрушали уважение к закону. Как говорил покойный профессор политологии Лондонской школы экономических и политических наук Леонид Максимович Шапиро, эти партии создали климат для тоталитаризма, подали страну большевикам на блюде, можно сказать. Нельзя игнорировать и не менее разрушительную деятельность таких люмпенских движений как *Союзы русского народа и Михаила Архангела* (то есть черносотенцев), которых некоторые западные ученые считают наряду с *Action française* (Французское действие) Шарля Мор-раса (Maurras) первыми фашистскими партиями Европы.² Не следует забывать и того факта, что ко времени созыва Учредительного собрания в едином блоке с большевиками выступала и партия *Левых эсеров*, отколовшаяся от основной партии именно по вопросу признания большевистского захвата власти. Так что тоталитаристское крыло в российском обществе 1917-1918 годов на самом деле намного превышало

- См., напр.: *Hans Rogger Was There a Russian Fascism?*, в Turner, Henry A., jr., ed. *Reappraisal of Fascism*. N. Y., Franklin Watts Inc., 1975.

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

те 24% голосов, что были поданы непосредственно за большевиков. Иными словами, гипотеза Пэйна оправдывает себя и в российском случае.

Изложение истории Гражданской войны в России не входит в задачу нашей книги. Здесь нас занимает другой вопрос: почему в Гражданской войне победили силы тоталитаризма, а не белые. Если исходить из пэйновской гипотезы о прото-тоталитарной культуре (или климате), то установленное нами ее наличие работает в пользу тоталитарных сил, а не их противников. Однако мы не верим в историческое предопределение, а тем более в законы истории*. Но в определенные исторические эпохи существуют и складываются условия, способствующие тому или иному ходу событий, той или иной из противоборствующих сил, которые могут быть преодолены, но только при наличии особых политических, административных и прочих способностей у руководства движения, находящегося в менее выгодных условиях. Речь идет, конечно, о большевиках как самой агрессивной и идеологически наиболее оформленной силе и их разрозненных противников, начиная с Временного правительства.

Тут надо иметь в виду, что в 1917—1921 годах в России шло две параллельных революции: политическая революция левой интеллигенции и их партий и социальная революция крестьянства. Рабочий класс был где-то между теми и други-

Сама история, особенно XX века, их опровергает. Например, если бы Ленину не удалось в 1917 году проехать в Россию или если бы его сразу арестовало Временное правительство (для чего было достаточно причин). Уже факт беспрепятственного проезда через страну врага во время войны был для военного времени достаточной причиной для посадки Ленина за решетку как агента вражеской страны. Так, только потому, что выступал против войны, Троцкий в 1917 году был посажен в Канаде в концентрационный лагерь, и там бы он и остался, если бы не ходатайство Временного правительства о его освобождении. А Троцкий по прибытии в Россию был вначале единственным членом ЦК, поддержавшим требование Ленина захватить власть.

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

ми: более образованные рабочие примыкали скорее к политической революции, поддерживая в своем большинстве такие партии, как леволиберальные конституционные демократы (сокращенно: кадеты или *Партия народной свободы*, как они называли себя официально), меньшевики, эсеры. Рабочие низы, то есть вчерашние крестьяне-бедняки, скорее тоже примыкали в первую очередь к крестьянской социальной революции. И для них, как и для крестьян, такие цели как Учредительное собрание, какие-то права человека *были* абстракцией.

Все, чего они ждали от революции — это земли. Тут в головах крестьян была путаница, посеянная радикальными партиями, особенно ПСР, пропаганда которой *была* направлена главным образом в крестьянство. Вот они да и кадеты внушали крестьянам, что все их беды окончатся, коль скоро у помещиков будет отобрана большая часть их земель и разделена между малоземельными крестьянами. Пропаганда эта была безответственной демагогией, ибо проблема была не в малоземелье — русский крестьянин обрабатывал для себя в среднем почти в два раза больше земли, чем его французский коллега и чуть ли не в пять раз больше, чем бельгийский крестьянин. Проблема была, как мы уже говорили, в общинной системе, лишавшей крестьянина стимулов к вложению сил и средств в повышение плодородия, и в нерентабельной общинной же системе наделения крестьян множеством участков вместо одного большого участка — все во имя справедливости, — чтобы у всех крестьян были одинаковые наделы хорошей, средней и плохой земель. Другой проблемой сельского хозяйства был недостаток государственных капиталовложений и финансовой поддержки крестьян из-за упора на интенсивную индустриализацию и предельный экспорт сельхозпродукции для оплаты закупки за рубежом машин и прочих средств индустриализации.¹ Надо заметить, что, хотя в крестьянском пользовании накануне Первой мировой войны было около 80% всех сельхозугодий страны, экспорт сельхозпродукции шел по-
'Пресловутый лозунг министра финансов Вышнеградского «Не доедим, но вывезем!» обернулся голодом 1891—1892 годов и концом его министерской карьеры.

150

• 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

что исключительно из крупных имений (как дворянских и дворцовых, так и тех, что принадлежали богатым крестьянам-единоличникам).⁵ Именно на них ставил ставку Столыпин в своих реформах, отвергая установку кадетов на отчуждение имений, что дало бы крестьянам примерно по полтора гектара добавочной земли, незначительно повысив их диету до рождения следующего ребенка, но решительно подорвало бы экспортные возможности России, а следовательно, и ее индустриализацию.

Леволберальная и социалистическая общественность и печать, не понимая или не желая понять реалистических экономических раскладок столыпинских экономистов, обвиняли их в бессердечии и реакционности и продолжали внушать крестьянам, что все их проблемы решатся ликвидацией имений, и обещали это сделать, как только они придут к власти. И вот пришли. Министром земледелия во Временном правительстве стал Виктор Чернов — председатель партии эсеров, ее основатель и автор ее программы. В Петроград к Чернову повалили крестьянские ходоки с вопросом, когда же начнется передел земли. Но одно дело находиться в оппозиции, другое — быть у власти. Ходокам отвечали, что вопросы эти будут рассмотрены специальными комиссиями и пр. Но слишком долго Чернов и его партия настраивали крестьян на захват власти, чтобы теперь с падением того строя, который тот же Чернов обвинял во всех грехах, крестьяне спокойно ждали милостей со стороны нового правительства. А тут явился Ленин с его лозунгами: «Земля крестьянам, фабрики рабочим!», «Грабь награбленное!» и «Конец войне!». В это время у Временного правительства был шанс вырвать инициативу у Ленина, приступить к сепаратным мирным переговорам с Германией. Весной и летом 1917 года Российская армия была еще силой, с которой немцы считались, и мирные переговоры в те месяцы могли окончиться вполне выгодными условиями для России и даже какими-то

См., напр.: «Август 1914» Александра Солженицына, где дан прекрасный портрет его деда — крестьянина-миллионера, начавшего свой трудовой путь простым пастухом. Другой образ у Чехова в «Вишневом саде».

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

151

уступками Сербии, ибо Германия находилась на последнем издыхании, если не в военном смысле, то в экономическом, жаждала мира почти любой ценой. Но Временное правительство выдвигало лишь чуждые народным массам политические и юридические решения: верность союзникам, война до победного конца, — но при этом (бессмысленно) без какого-либо вознаграждения за пролитую кровь (никаких контрибуций!) — конституцию, равенство перед законом. А распропагандированный и озлобленный войной народ во внешней политике хотел мира и готов был пойти за любой партией, его обещающей, а во внутренней желал не

равенства, а мести, чтобы тому, кто был никем, стать всем, как поется в «Интернационале» — вполне в соответствии со словами Ханса Кона, приведенными в главе IV, о том, что крестьянин, только что освобожденный правительством от зависимости от своего бывшего хозяина, стремится не к равенству с последним, а к мести, и потому будет поддерживать не либеральное правительство, проповедующее равенство, а то, которое расправится с этими бывшими хозяевами, то есть то, которое будет управлять диктаторски, не будет считаться с законами и частной собственностью. При таком состоянии умов — а именно к этому призывали крестьян народники всех мастей — естественно, у большевиков, перехвативших эти лозунги, было гораздо больше шансов захватить и удержать власть, чем у либералов. Временное правительство было обезоружено собственным народничеством, традиционным для русской интеллигенции и дворянства. Народниками были славянофилы, своей идеализацией крестьянского мира (или общины), оказавшими медвежью услугу и крестьянству, и всему экономическому — да в значительной степени и политическому — развитию страны. Все это народничество как консерваторов, так и либералов и социалистов, сводилось к вере в то, что народ (в глазах славянофилов — народ-богоносец) благодаря своим страданиям, придя к власти, будет соболезновать всем обездоленным, будет добрым и справедливым. Первым трезвым голосом в этом отношении были уже упомянутые «Вехи», предупреждавшие об опасности того, что с падением власти на поверхность выйдет не богоносное, а зве-

152

— 8. Большевицкий переворот и Гражданская война —

риное начало. Но, как мы знаем, либеральный, а тем более социалистический, лагерь не прислушался к предупреждениям авторов «Вех». И Временное правительство было пропитано теми же иллюзиями о гласе народа — гласе Божьем. Оно оказалось психологически безоружным против той анархии, самосудов, убийств офицеров, что начало принимать масштабы национальной эпидемии в условиях безвластия. Примерами беспомощности Временного правительства были Приказ № 1, давший право солдатам не подчиняться своим офицерам, создавать солдатские комитеты, подчинявшие себе и оружие, и офицеров. Правда, этот приказ исходил не от Временного правительства, а от Совета солдатских и рабочих депутатов, фактически от большевиков, но Временное правительство не решилось его отменить, принять против него и его авторов решительных мер. Естественно, продолжение военных операций при действии Приказа № 1 было невозможным — началось массовое разложение армии, дезертирство. Толпы вооруженных дезертиров захватывали поезда, отправлялись в тыл и захватывали реальную власть на местах, поскольку старая полиция и губернаторы были отменены Временным правительством в одночасье, с предоставлением права губерниям и городам выбирать местную власть и вводить выборную же милицию — людей без административного опыта, но с теми же иллюзиями о народе.

Всем этим воспользовался Ленин, никакими иллюзиями и идеализацией народа не страдавший, но он понимал (и писал об этом), что без владения деревней большевикам удержаться у власти не удастся. У большевиков же своей партийной организации среди крестьян не было и почти до самого своего прихода к власти большевики «работой среди крестьянства совершенно не занимались».⁶ Как покажут выборы в Учредительное собрание, крестьяне в своей массе голосовали за ПСР. Однако уже с III съезда ПСР в мае—июне 1917 года в партии назревает раскол. Но крестьяне не разбираются в том, что в ПСР образовалось крыло левых эсеров, которые обви-

⁶ Слова Свердлова. Цит. по: Ю.Г. Фельштинский «Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918». Париж, YMCA-Press, 1985, с. 11.

— 8. Большевицкий переворот и Гражданская война —

153

няли руководство партии, ставшее одной из партий власти, в измене социализму.⁷ И вот Ленин сближается с левыми эсерами, использует марку эсеров для проникновения в деревню и одновременно присваивает эсеровскую аграрную программу. Надо, пишет Ленин, «чтобы в каждой агитаторской группе для деревни было не менее двух человек: один от большевиков, один от левых эсеров. В деревне фирма эсеров пока царит, и надо [этим] пользоваться, чтобы во имя этой фирмы провести в деревне блок большевиков с левыми эсерами ...».⁸ Казалось бы, ударом для Ленина явился Первый съезд Крестьянских советов. Во-первых, из 1115 делегатов

не было ни одного большевика. Хотя 650 делегатов были членами социалистических партий — 537 эсеров, 103 меньшевика, 4 народных социалиста и 6 трудовиков — 136 были беспартийными и 329 принадлежали к партиям правее даже умеренных энесов и трудовиков. И резолюции съезда были значительно более умеренными, чем этого хотелось бы, выступившему на съезде, Ленину. Съезд выступил «за уравнительный раздел помещичьих земель», но не за сохранение крестьянской трудовой собственности на землю (столько земли, сколько крестьянин может обработать со своей семьей).⁹ Такие настроения крестьянства Ленина явно не устраивали, и он начинает умышленно искажать их: в своих выступлениях якобы по материалам съезда Ленин низводит результаты крестьянского съезда к «крестьянской бедноте», изображая ее как подлинный голос крестьянства, хотя на самом деле

к тому времени (в значительной степени благодаря столыпинским рефор-

⁷ Формально левые эсеры образуют особую партию (ПЛСР) после захвата большевиками власти, когда основная ПСР покидает II Съезд Советов 25 октября (7 ноября), отказавшись признать законность захвата власти большевиками, а левые раскольники признают переворот и власть Ленина.

⁸ Ю.Г.Фельштинский. *Указ.соч.*, с. 12.

' Там же, с. 13. Интересно, что в числе земель, подлежащих переделу, не были упомянуты монастырские и церковно-приход-ские земли. Съезд *Левых союз духовенства*, принявший программу, аналогичную ПСР, также оставил церковные земли в ведении Церкви.

154

— 8. Большевицкий переворот и Гражданская война —

мам) более 30% крестьян принадлежало к середнякам и кулакам, и с ликвидацией помещичьих имений основой российской экономики становились именно эти категории крестьян, а не бесхозяйственные бедняки. Но Ленина заботила не экономика, а политическая власть, тотальное владение страной. Самостоятельные крепкие хозяйства стояли на пути. Известны слова Ленина о том, что большевики не укрепятся у власти до тех пор, пока им не удастся посеять на селе классовую борьбу. Именно с этой целью вскоре после прихода к власти в селах организуются вооруженные комитеты бедноты (комбеды), которым предоставляется абсолютная власть над зажиточным крестьянством. Комбеды состоят из отбросов деревенского общества — алкоголиков, воришек. Это тот же контингент, который Сталин использует в процессе принудительной коллективизации 1928-1933 годов."¹

В эмиграции за несколько лет до своей смерти Керенский как-то сказал (цитирую не дословно, по памяти): «Ленин был человек неприятный, сварливый, но если бы мне и моему кругу кто-либо сказал летом 1917 года о том кровавом терроре, который Ленин развяжет, мы бы все дружно рассмеялись. Лично он нам был очень несимпатичен, но все мы считали его товарищем по оружию, борцом за свободу и благополучие народа». Беспрецедентность ленинского цинизма и террора — не говоря уж о сталинском — один из важных ключей к загадке победы Ленина. В бытность мою профессором канадского университета я не раз говорил студентам, что если бы большевики установили свою власть в Люксембурге, то вряд ли они победили бы в России — был бы прецедент, урок. Насколько большевицкая затея была еще неизвестна и не понята в России в 1917 году, свидетельствует безуспешность попытки Керенского и генерала Краснова 26 октября (8 ноября) уговорить в Пскове генерала Черемисова, главнокомандующего Северным фронтом, уступить небольшую часть своих войск для похода на захваченный большевиками Петроград. Генерал отказал, заявив, что его дело защищать страну от внешнего врага, а не вмешиваться во внутренние политические распри. Ведь и Ленин, и Керенский считались социали-
См. описание этого процесса в «Канунах» В.Белова.

— 8. Большевицкий переворот и Гражданская война —

155

стами, и какое дело было этому вояке, воспитанному в русских офицерских традициях полного невмешательства в политику, до ссор между двумя социалистами? Кроме того, после ареста Керенским генерала Корнилова и его сподвижников русское офицерство отвернулось от Керенского и уже не собиралось его спасать, как спасло в дни июльских беспорядков — своего рода ленинской генеральной репетиции будущего захвата власти. Генерал Краснов с гордостью рассказывает, как на псковском вокзале некий поручик Карташов отказался пожать протянутую ему Керенским руку: «Я не могу подать Вам руки, — сказал он, — я корниловец».¹¹ Как известно, Краснов все же двинулся на Петроград с неполным полком каза-

ков — «всего 700 всадников», — пишет Краснов, — плюс две пушки и броневик. В бою у Пулковских высот казаки одержали победу над красногвардейским сбродом, общей численностью около 16 тысяч штыков. В бою погибло 400 красных, а у казаков 3 убитых и 28 раненых. Но из-за количественного превосходства, казаки оказались пленниками своих пленных. Это была пиррова победа, после которой, считал Краснов, идти на Петроград с его 200-тысячным гарнизоном было бы безумием. Остальное довольно хорошо известно. К Краснову явился Троцкий и «пригласил» его на переговоры в Петроград. Пришлось согласиться. Согласно договору казаки должны были вернуться на Дон со всем своим обозом — денежным и оружейным запасом и т. д. Им было обещано территориальное невмешательство красных при соблюдении казаками нейтралитета. Обещания красными сразу же нарушались, но казаки все же многое с собой увезли. Краснов фактически находился под домашним арестом в Петрограде, но сумел бежать на Дон.¹² Большевики тем не менее в январе 1918 года вторглись в земли Войска Донского. Правящий Доном атаман Каледин застрелился, а скопившиеся на Дону белые генералы и около 5 тысяч собравшихся вокруг них военных плюс их семьи двинулись в легендарный *Ледяной поход* — в северо-кавказские степи. Так началась эпопея Белой армии юга России.

¹¹ П.Н.Краснов «Па внутреннем фронте», в *Архив русской революции (АРР)*, № 1, с. 154. Берлин, 1922.

¹² Там же, с. 155-190.

156

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

Следует заметить, что в те несколько дней продвижения казаков Краснова к Петрограду в самом городе ходили слухи, что Краснов идет на Петроград с армией в 5 тысяч штыков, что вызвало панику у большевистского правительства, и оно начало паковать, готовясь к побегу в Москву. Так что будь у Краснова не 700, а, скажем, 7 тысяч бойцов, большевики были бы выбиты из Петрограда, и весь дальнейший ход истории мог бы быть совершенно иным. К сожалению, в тот момент между Балтикой и Петроградом Краснов оказался единственным политически мыслящим генералом, понимавшим, что большевики гораздо хуже Керенского. План восстания юнкеров в Петрограде провалился благодаря перехвату большевиками документов предстоявшего восстания. Большевики ответили массовой резней в Петрограде нескольких десятков тысяч юнкеров и офицеров. Если к этому прибавить расправу с восставшими юнкерами в Москве, то красный террор можно отсчитывать с ноября—декабря 1917 года, а не с июля 1918 года, как официально отсчитывают большевики, то есть со времени подавления левоэсеровского восстания. Эти три попытки противостояния большевикам — красновское и два юнкерских, окончившиеся поражением, можно считать первым этапом Гражданской войны.

* * *

После этого еще оставалась маленькая надежда на Учредительное собрание и на то, что большевики выполнят обещание Ленина о подчинении его решениям.¹³ Учредительное собрание собралось 6 (19) января 1918 года. Блок большевиков и левых эсеров насчитывал 38,5% и то благодаря тому, что из избранных в Учредительное собрание 715 депутатов явиться смогло лишь 410. Явно это были преимущественно депутаты из не слишком отдаленных от Петрограда районов.

¹ На II съезде Советов Ленин заявил, что даже если крестьяне изберут в УС эсеровское большинство, «мы подчинимся... Мы должны сохранить за народными массами полную творческую свободу». (Обратный пер. с англ.): Schapiro, Leonard *The Origin of the Communist Autocracy*. Harvard University Press, 1977, p. 80.

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

157

в Петрограде же 45% голосов было подано за большевиков¹⁴. Главной опорой ПСР были крестьяне Поволжья, Сибири и Украины, откуда добираться до Петербурга в условиях разрухи было гораздо труднее, к тому же большевики чинили затруднения небольшевистским депутатам, вплоть до арестов, особенно кадетов и правых. Тем не менее члены основной ПСР составляли абсолютное большинство, и председателем Учредительного собрания был избран глава ПСР Чернов. Явившиеся Ленин и Свердлов потребовали от Учредительного собрания признания советской власти и всех ее постановлений-декретов. Учредительное собрание абсолютным большинством проголосовало против, после чего Ленин и Свердлов покинули

зал. Заседание продолжалось до глубокой ночи, когда Ленин принял Декрет «О роспуске Учредительного собрания»; декрет был выполнен на рассвете 7 (20) января вооруженным до зубов отрядом матросов под командой Железняк. Надо сказать, что, предвидя провал большевиков в Учредительном собрании, Ленин, чтобы придать какую-то форму легитимности своей власти, созвал сразу же после Учредительного собрания III съезд Совдепов, который, естественно, одобрил ленинский декрет, тем более, что около половины депутатов съезда представляли советы обеих столиц, состоявших к тому времени почти полностью из большевиков и левых эсеров.

Явившиеся к Таврическому дворцу — зданию, в котором заседало Учредительное собрание, — делегаты на следующий день нашли его запертым и окруженным пулеметами Красной гвардии. Небольшая демонстрация протеста против разгона Учредительного собрания была расстреляна большевиками (это было второе Кровавое воскресенье). Ленин правильно рассчитал, что уставшие от войны и революционных эксцессов народные массы не будут жертвовать жизнью за какую-то «учредилку».

Разогнанные депутаты-эсеры отправились в Самару — центр наиболее надежного проэсеровского большинства — и установили там Временное правительство Учредительного " «Учредительное собрание», в *Советская историческая энциклопедия* (ИТ*), т. XIV, с. 918-919.

158

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

собрания. С этого начинается волжско-сибирская Белая эпопея. Зарождение и состав Самарского правительства, как мы видим, решительно отличался от природы состава власти всех остальных Белых фронтов, за исключением первого этапа сопротивления большевикам на Архангельском фронте, когда правительство там возглавлял старый социалист-народник Чайковский. Трагедией белого движения в целом была политическая безграмотность, в том числе и его вождей. Как мы уже говорили, российское офицерство традиционно (во всяком случае, после декабристов) было аполитичным. И вот ему досталась роль володы политической войны, каковой всегда является Гражданская война. Они воевали с большевиками как с врагом внешним. Даже официально упор делался на то, что, поскольку большевики являются ставленниками немцев, война с ними является продолжением войны с Германией. В ответ на ленинские лозунги, отвечавшие чаяниям социальной революции, на знаменах белых стояло обещание созыва Учредительного собрания. Правда, при генерале Деникине существовал некий Национальный центр, разрабатывавший весьма левое трудовое и земельное законодательство для будущей России, предусматривавшее отчуждение земель от больших имений (с допущением сохранения имений в размере от 150 до 400 или 500 десятин в зависимости от местных экономических условий, густоты населения и плодородия почв) в пользу малоземельных крестьян и пр., но, во-первых, как пишет Деникин, радикальные реформы, одобряемые им, наткнулись на прагматические контраргументы *Совета государственного объединения*, во главе которого стоял столыпинский министр земледелия Кривошеин,¹⁵ и на решительное сопротивление правых, стремившихся к реставрации, которые к

¹⁵ Его аргументы — те же, что выдвигались в 1905—1906 годах столыпинской комиссией под председательством того же Кривошеина, — были вполне рациональными, но они не могли бы привлечь на сторону белых распропагандированные революционерами массы. А ни Кривошейку, ни Деникину, людям абсолютно честным, и в голову не могла прийти мысль, что можно сегодня наобещать с три короба, а придя к власти, ничего такого не выполнить, как делал Ленин.

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

159

тому же двигались на север по стопам наступавшей Белой армии и нередко на местах отбирали свои бывшие земли у крестьян да еще и наказывали крестьян, пороли их.¹⁶ Во-вторых, сам Деникин решил не публиковать никаких проектов социальных реформ, пока не будет взята Москва, — реформы, мол, должны прозвучать из столицы. Так что в народе никто и не подозревал, что у белых есть социальная программа. Возможно, что откладывание обнародования проектов реформ до взятия Москвы было только отговоркой и неразумной к тому же, ибо только опубликованием проектов популярных реформ можно было бы разрушить большевистскую пропаганду, представлявшую белых реакционерами-реставраторами. Деникин вообще был против создания при нем законодательного органа на том основании, что общественность разделена на партии. Он заявил генералу Лукомскому: «Добровольческая армия отнюдь не может стать орудием политической партии».¹⁷ Тут-то и была его ошибка: в Гражданской войне может

победить только идеологизированная сторона

Политическая безграмотность Деникина сказалась и на его лозунге «Единой и неделимой», чем оттолкнуты были и меньшинства, и такие соседи России, как новообразованные Польша, Финляндия и прибалтийские республики. Вместо сотрудничества с гетманом Скоропадским и поддержки его Деникин отказывался иметь с ним дело. Скоропадский жаловался Краснову: «Я ... генерал свиты Его Величества, не могу быть щирым украинцем ... но ... мне пришлось делать выбор — или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. Предоставьте народу жить, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давить, давить все — это невозможно. Для этого у Деникина нет сил и это не нужно...».

То же самое в отношении казаков. Деникин упрямо оставался верен союзникам, до конца Гражданской войны считал немцев чуть ли не самым главным своим врагом. И не мог

"А.И.Деникин «Национальная диктатура и ее политика» (из книги «Очерки русской смуты»).

С.А.Алексеев, сост. «Деникин, Юденич, Врангель». М., Отечество, 1991, с. 9—39.

¹⁷ Из воспоминаний ген. Лукомского. *APP*, т. VI, 1922, с. 81—160.

160

— 8. Большевицкий переворот и Гражданская война —

простить Краснову того, что он реалистически понял, что, пока немцы стоят на российской территории, только от них можно получать оружие для борьбы с большевиками и опираться на немцев, как на надежный тыл, что он и делал и даже писал императору Вильгельму о помощи. От немцев он получал оружие, которым делился с Белой армией. Деникинцы же называли казаков проститутками за получение оружия от врага. Деникин всячески подавлял признаки самостоятельности донских и кубанских казаков и их войск и в конце концов подчинил казачьи войска полностью белому командованию, вынудив Краснова уйти в отставку.¹⁸ А осенью 1919 года он даже повесил председателя Кубанской Рады и ближайших его сотрудников за сепаратистские тенденции. После ликвидации автономии Донского войска, — пишет Краснов, — война против большевиков из национальной превратилась в классовую «и как таковая, не могла иметь успеха в беднейшем классе. Казаки и крестьяне отпали от Добрармии, и она погибла». Что касается расправы с кубанскими сепаратистами, то бывший кубанский атаман Филимонов считает, что она сыграла «значительную роль в общем ходе борьбы с большевиками на юге России и была одним из существенных поводов к катастрофическому отходу вооруженных сил юга России от Орла до Новороссийска».¹⁹ Тесно связанным с отсутствием четких и ясных программ был провал тыла. Именно из-за отсутствия тыла, отсутствия четких и прилично действующих органов власти и местной администрации в тылу у белых такое явление, как проигранная белыми битва между Тулой и Орлом осенью 1919 года превратилась в катастрофическое бегство почти без остановок до самого Черного моря.

Трагедия Белой борьбы была в том, что политически безграмотным военным пришлось вести политическую борьбу

¹⁸ П.Н.Краснов «Всевеликое войско донское», в *APP*, т. V,

1922, с. 190-321. '•' Филимонов, генерал «Разгром Кубанской рады», с. 322—329.

— 8. Большевицкий переворот и Гражданская война —

161

(каковой всегда является Гражданская война) не только без поддержки партии, пользовавшейся наибольшей популярностью в народе, но еще в условиях взаимной вражды. Логически борьбу против большевиков должна была бы возглавить ПСР как партия русского крестьянства и значительной части интеллигенции. Но ПСР по «старой» народническо-социалистической традиции в офицерском мундире видела классового врага, реакционера и реставратора *par excellence*, хотя это было далеко не так. К тому же в ходе Первой мировой войны более половины офицеров погибли или стали инвалидами. Наибольшие потери были в пехоте, где в отличие от остальных армий русские офицеры первые поднимались в атаку и вели солдат за собой — первыми и падали. К 1917 году более 70% пехотных офицеров были вчерашние солдаты, отправлявшиеся прямо с поля боя (обычно отличившиеся особыми способностями) на кратковременные курсы и затем производившиеся в офицеры. Это были плоть от плоти остальных солдат. Не были они связаны со старым режимом ни сантиментами, ни офицерской традицией, что и отразилось в том, что на первый призыв белых генералов

зимой 1917—1918 года откликнулось лишь 5 тысяч офицеров. В свою очередь, традиционные (классические) офицеры и, конечно, белое командование, видело в ПСР тех же большевиков, чуть «побледневших социалистов». Таким образом, «бракосочетания» между ПСР и белым командованием не произошло, а оно могло бы привести к победе, как это произошло в Германии, где ненавидевшие друг друга фельдмаршал Гинденбург и социалист Эберт заключили союз во имя спасения Германии от большевизма и совместными усилиями подавили большевистский мятеж спартаковцев в ноябре 1918 года.

Казалось бы, на Волге в январе 1918 года был шанс аналогичного союза в России, поскольку во главе тамошнего временного правительства стояла партия, имевшая одну из самых прочных крестьянских поддержек именно в Поволжье. Но с самого начала эсеровское правительство столкнулось с проблемами, преодолеть которые оно не сумело. Во-первых, у него не было армии, а попытка создать добровольческие отряды из местных рабочих и крестьян провалилась. При всей своей политической «грамотности» в обращениях к народу

162

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

они клеймили большевиков немецкими агентами и оправдывали борьбу с ними именно этим аргументом. Очевидно, общность социализма не позволяла построить свою антибольшевистскую пропаганду на идейных основах. При всей их нелюбви к офицерству эсерам пришлось призывать последних для создания регулярной армии. Офицерство не желало воевать под красным флагом, называло эсеровское правительство полубольшевистским. Обе стороны друг другу не доверяли. Но тут появился кстати Чехословацкий корпус. Это были пленные чехи и словаки, которые в течение войны охотно сдавались в русский плен, не желая воевать за немцев. В России они добивались права воевать бок о бок с русскими. Таким образом были сформированы Чехословацкий корпус, но царское правительство тянуло с отправкой его на фронт как «изменников» своего государства — Австро-Венгрии. Когда под властью большевиков рухнул Восточный фронт, западные союзники приказали корпусу двигаться на Владивосток, чтобы там погрузиться на суда и прибыть на Западный фронт. Советское правительство согласилось беспрепятственно пропустить корпус с полным комплектом его оружия по железной дороге. И вот на вокзале Челябинска встретились два эшелона — пленных венгров-коммунистов, двигавшихся на запад для вступления в Красную гвардию, и чешского корпуса. Это были традиционные враги. Произошла ссора, несколько венгров было убито чехословаками, после чего Троцкий приказал разоружить корпус и дальше его не пускать. Но корпус отказался разоружаться и захватил Челябинск. Командование корпуса, будучи социалистами, находились в контакте с русскими эсерами и согласилось, с разрешения союзников стать первой временной армией Самарского правительства, вплоть до создания собственно русской армии.

Вместо налаживания добрых отношений и взаимодоверия с русскими офицерами и отказа от левацко-классовых установок, трения между правительством и русским офицерством достигли предела после того, как весной 1918 года в Уфе (куда к тому времени пришлось отступить эсеровскому правительству) появился Виктор Чернов, бежавший из своей квартиры в Москве (?) в момент появления чекистов с целью его ареста. Возглавив летом 1918 года *Комитет членов Учредитель-*

- 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

163

ного собрания, он осудил своих собратьев по партии за сотрудничество с «золотопогонниками», пытался безуспешно вступать в переговоры с большевиками и призывал эсеров прекратить вооруженное сопротивление большевикам. Он утверждал, что, поскольку деревня, крестьянство относятся к большевикам отрицательно и села вооружены до зубов оружием, принесенным с фронта вернувшимися дезертирами, каждая деревня станет антибольшевистским бастионом, и большевики не смогут удержаться у власти. Естественно, такая позиция была неприемлема антибольшевистскому офицерству и западным союзникам, которые уговорили адмирала Колчака отправиться из США (куда он попал благодаря спасшим его от расстрела матросам) в Сибирь и возглавить там антибольшевистское правительство и борьбу, что Колчак и сделал. В начале ноября 1918 года Колчак с группой офицеров произвел переворот в Омске, провозгласил диктатуру, и был признан всеми белыми фронтами Верховным Правителем. Чернов и его деятели были арестованы, а затем отправлены за границу. Так печально закончился опыт сотрудничества эсеров и офицеров.

Колчак лично был честнейшим человеком весьма умеренных политических взглядов и блестящим

адмиралом. Но оказался весьма невежественным военачальником на суше. Кроме того, это не был человек масс, не умел перед ними выступать, а тем более обещать народу «золотые горы». Оказался он и негодным гражданским администратором. Не разбирался в людях. Его окружали блюдолизы и проходимцы-циники. Вокруг него царила коррупция, и был весьма жестокий режим, который в конце концов настроил крестьянские массы против него.²⁰ Трагический конец Колчака широко известен: Чехословацкий корпус, захвативший и охранявший всю Транссибирскую железную дорогу, предательски охранял ее

²¹¹ Трагедия сибирского крестьянства, уходившего в партизанские отряды против Колчака, но не признававшего и коммунистов, пытаясь формировать какие-то свои местные республики с советами, но без коммунистов, отлично и убедительно отражена в двух романах сибирских авторов: «Соленая падь» Сергея Залыгина и «Третья правда» Леонида Бородина.

164

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

и от отступавших белых и наконец в январе 1920 года на иркутском вокзале захватил Колчака и его окружение и передал их местному меньшевистско-эсеровскому «Политическому центру», но практическая власть была в руках большевистского ревкома, который и расстрелял Колчака 7 февраля.

Вероятно, самым убедительным свидетельством политического провала Белой армии был тот факт, что в начале 1921 года, сразу после эвакуации последних белых частей начались крестьянские бунты буквально по всей стране, а также Кронштадтское восстание. Это подтверждает отчуждение крестьян и от белых, и от красных. Ведь, казалось бы, так естественны были бы эти бунты в конце 1919 и 1920 году, чтобы открыть путь наступлению белых. Но такие восстания мы видим только в начале белой эпопеи (донские и кубанские казаки, Северный Урал и Поморье), когда восставшие еще видели в белых своих освободителей. К 1920 году ряды этих потенциальных союзников явно и катастрофически поредели. А восстания крестьян против большевиков в начале 1920-х годов были слишком стихийны, без связи между собой, изолированы расстоянием друг от друга. Большевики их уничтожали поодиночке, соединив террор с пряником — НЭПом, с его восстановлением частного земледелия и на практике землевладения.

Аннотированная библиография

Д. Анин «Революция 1917 года глазами ее руководителей». Рим, Edizioni Aurora, 1971. Этот сборник под редакцией и со вступительной статьей известного в эмиграции публициста Ани-на (трагически покончившего с собой в Израиле в 1970-х годах) говорит сам за себя. В нем собраны отрывки из писаний в основном левых участников событий — от эсеров до Троцкого.

Либеральный и правый лагеря представлены только Шульгиным, Набоковым и генералами Лукомским и Деникиным.

«Архив русской революции» издавался в Берлине между 1922 и 1926 годами. Очень ценное независимое издание воспоминаний участников Временного правительства и Белого дви-

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

165

жения и документов эпохи революции и Гражданской войны. Особенно ценны следующие материалы:

П.Н.Краснов «На внутреннем фронте», в АРР, т. I. Воспоминания участника Белой борьбы, генерала и верховного атамана донских казаков после самоубийства Каледина. Один из немногих белых генералов, обладавший политическим мышлением. На старости лет во время Второй мировой войны включился в антибольшевистскую борьбу на стороне немцев, возглавив казачьи части. После войны был предательски передан Великобританией советским властям и казнен в Москве.

Он же «Все великое войско Донское», в АРР, т. V.

Он же «Из воспоминаний 1917—1920 годов», в АРР, тт. VIII и XI.

А. С. Лукомский «Из воспоминаний». Тт. II, V, VI. Автор — генерал, участник Корниловского «заговора», при генерале Деникине был председателем «Особого совещания, исполнявшего функции правительства», как сам пишет. Личность противоречивая. Многие обвиняли его в том, что правительственная власть (невоенная) фактически отсутствовала у Белой армии.

С.П. Мельгунов «Золотой немецкий ключ большевиков». Нью-Йорк, Телекс, 1989. Автор — известный историк, до революции один из руководителей партии Народных социалистов (самое правое крыло социал-демократов, которых в сегодняшней России поместили бы где-то между Явлинским и Немцовым). Книга была впервые издана в 1940 году в Париже и была, пожалуй,

первым околным доказательством немецкого финансирования Ленина, что теперь доказано документами Германского генерального штаба, захваченными американцами в 1945 году. Он же «Как большевики захватили власть». Париж, La Renaissance, 1953. Он же «Красный террор в России». Нью-Йорк, Brandy, 1979. Он же «Мартовские дни 1917 года». Париж, 1961. Он же «На путях к дворцовому перевороту». Париж, «Лев», 1979. Все названия книг говорят за себя. Все они являются очень добросовестными исследованиями с использованием тех ограниченных архивных материалов, которые были автору доступны, а также изданий — советских и зарубежных, — подкрепленных личными воспоминаниями автора — участника

166

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

тех событий. Мелунов пишет несколько сухо, и его книги являются скорее изложением фактов, чем анализом и обобщениями. Мелунов скорее «летописец», чем историк-исследователь.

Набоков, Владимир Дм. «Временное правительство», в *APP*, т. I. Записки кадетского политического деятеля, отца известного писателя, сделанные им «по свежим следам» в 1918 году.

М. В. Родзянко «Государственная дума и Февральская революция», в *APP*, т. VI.

Он же «Крушение Империи», в *APP*, т. XVII. Автор — председатель последней Государственной думы, напрасно предупреждавший неудачливого царя о надвигающейся революции, а затем о ее начале. Записки его весьма субъективны, возможно, несколько преувеличивающие значение своей персоны, но ценные непосредственным свидетельством.

Интересны и многие другие материалы и документы эпохи, опубликованные в «Архиве русской революции».

«Белый север». Двухтомник документов и мемуаров Белой борьбы на Крайнем Севере России. Архангельск, 1993.

А. И. Деникин «Очерки русской смуты». 4 т. Париж—Берлин, 1920—1925. Автор — главнокомандующий Белой армии юга России с 1918 до начала 1920 года. Книга, конечно, субъективна, но написана талантливо и честно, открывает читателю весь мир трагического российского междоусобия 1917—1920 годов.

Пайпс, Ричард «Русская революция», 2 т. М., Росспэн, 1994. Перевод с английского блестящего труда американского профессора. Это, несомненно, одна из лучших работ по данной теме, завершающая весьма неровный творческий путь автора. По глубине анализа ее можно сравнить с ниженазванной книгой Шапиро, но с той разницей, что труд Шапиро философско-политологический, сосредоточенный на исследовании компартии, а работа Пайпса историческая, исследующая путь страны и общества в целом.

«Русское прошлое». Историко-документальный альманах, кн. 3. СПб, 1992. Этот выпуск под редакцией эмигрантского историка и архивиста Н. Рутыча, выпускника Ленинградского университета, весь состоит из воспоминаний участников белой борьбы и документов той эпохи, собранных и аннотированных составителем сборника.

— 8. Большевистский переворот и Гражданская война —

167

L. Schapiro *The Origin of the Communist Autocracy*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1977.

Блестящий по богатству материала, логической доказательности и стилю изложения анализ ленинизма и раскольнической деятельности Ленина по созданию партии тоталитаризма.

Ullman, Richard *Anglo-Soviet Relations, 1917-1921*. Princeton University Press, 1961—1978. Трехтомное самое полное и наиболее документально обоснованное исследование так называемой «интервенции» западных союзников во время Гражданской войны. Автор доказывает, что она была настолько нелепой и пассивной и состояла из таких ненадежных солдат, что, за исключением японцев на дальнем Востоке, она принесла Белой армии больше вреда, чем пользы, а большевикам — колоссальный пропагандистский козырь.

Ю. Г. Фельштинский «Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918». Париж: YMCA-Press, 1985. Автор — русский историк, закончивший свое историческое образование уже в США. Книга вызвала споры среди историков, особенно резко его критиковали некоторые советские историки. Самое интересное в книге — анализ поведения крестьянских советов в 1917 году — их решительное сопротивление большевикам и изложение того, как Ленину с помощью левых эсеров удалось сломать Совет крестьянских депутатов.

Это далеко не исчерпывающий список работ по периоду, рассматриваемому в этой главе.

Часть III

•

От мечты о тоталитаризме до ее реализации в межвоенной Европе

Глава 9

Провал идеи классовой революции и фашистская трансформация марксизма

«Для нас насилие ... это тяжелая необходимость, которой мы все подчинились».

Муссолини, июнь 1921.

В свое время Карл Маркс утверждал, что национализм — изобретение буржуазии, чуждое рабочему классу, который-де по образу своего труда и быта является интернационалистом *par excellence*. Согласно Марксу солидарность рабочего класса одной страны распространяется на рабочие классы других стран, а не на свою по национальности буржуазию. Поэтому Маркс «пророчил», что при наличии огромных постоянных армий, основанных на всеобщей воинской повинности, с ростом индустриализации и превращением рабочего класса в численно самую многочисленную группу населения, любая большая война превратится в войну гражданскую, поскольку одетые в военную форму промышленные рабочие будут лояльны по отношению к таким же рабочим в военной форме противоположной армии, а не по отношению к «своим» офицерам — представителям «эксплуататорских классов». Рабочие-солдаты согласно Марксу повернут штыки против своих офицеров, произойдет братание солдат через линию фронта, «эксплуататорские классы» будут свергнуты общими усилиями, и к власти придет пролетариат. Ни одно из этих предсказаний Маркса не сбылось. Во-первых, провалилась основная гипотеза марксизма о прогрес-

172

— 9. Провал идеи классовой революции —

сирующем обнищании рабочего класса по мере развития капитализма. Уже в последней трети XIX века в Западной и Средней Европе начались заметные сдвиги в материальном положении рабочего класса. В России, индустриализация которой началась по-серьезному в начале 80-х годов XIX века, улучшение положения рабочего класса стало заметно на пороге XX столетия, набирая все большие темпы вплоть до Первой мировой войны.¹ Но, как известно, и накануне войны около 80% населения страны составляли крестьяне, а не рабочие, да и большинство русского промышленного пролетариата еще не порвало связей с деревней, так что предсказание Маркса о превращении пролетарских армий в революционные к российскому случаю отношения не имели. Впрочем, и в России произошло все не по Марксу: революция началась в столице, а не в окопах, и не с армии, а с забастовок и хлебных «бабьих бунтов», бездеятельностью и некомпетентностью местных властей превратившихся в переворот.

¹ Темпы введения законов, защищавших права рабочих, регулирующих условия труда и вознаграждение за труд, компенсации за увечья, пенсии по инвалидности в России были одними из самых передовых среди промышленных стран того времени. Но из-за позднего начала реформ и некачественности подавляющего большинства рабочих — вчерашних крестьян, а следовательно,

и низкой производительности их труда, доходы их были значительно ниже западноевропейских. На этом играли агитаторы-революционеры в то время, как справедливость требовала сравнивать положение рабочих в России с положением западно-европейских рабочих на аналогичном этапе промышленного развития этих стран, скажем, положение российских рабочих в 1910 году с положением английских рабочих в 1840-х годах. Такое сравнение было бы полностью в пользу России. См.: Д.В. Поспеловский «На путях к рабочему праву: профсоюзы в России». С. 26—32.

Глава 10

Природа и зарождение германского нацизма

«Центром внимания закона должна быть нация, а не отдельная личность».

Из речей Гитлера («Hitler: Reden und Prohlamationen». Mtindien, 1962).

Как мы уже указывали в наших первых вступительных главах, существует несколько школ по исследованию и определению нацизма и фашизма. Их можно свести к основным двум посылкам — одни не видят большой разницы между ними и третируют их как два варианта одного фашизма: собственно фашизм и нацизм, как немецкий его вариант. Одним из самых видных представителей этой школы является немецкий ученый Эрнст Нольте, автор трехтомника «Der Fascismus in seiner Epoche». Другая школа считает, что это разные политические течения. Более того, классик разработки темы *тоталитаризм* Анна Арендт не без основания сомневается даже в применимости термина тоталитаризм к итальянскому фашизму, хотя Муссолини сам с гордостью называл свою систему тоталитаризмом. С Нольте решительно не соглашается и цитированный нами уже израильский ученый Штернхелль. Он указывает, что источниками фашизма были французский право-революционный интегральный национализм, бунт марксистов против диамата и сорелевский синдикализм¹.

Иными словами, в

¹ Удивительно, что Штернхелль ни разу не упоминает энциклики Льва XIII, как один из источников органического синдикализма и солидаризма, использованных итальянским фашизмом. Возможно, что как еврейю ему неудобно задевать

174

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

основе фашизма стоит бунт против детерминизма, в то время как критерием германского нацизма является **биологический детерминизм**.

«Основой германского национал-социализма был расизм в самом крайнем своем проявлении, и борьба против евреев, против «низших» рас играла в нем гораздо большую роль, чем против коммунизма. Марксистов можно было обратить в национал-социалистов, что и имело место в Германии в очень значительном числе; с коммунистами можно было подписывать договоры, обмениваться дипломатами. Ничего подобного не могло быть в отношении евреев ... их можно было только уничтожить».²

Хотя антисемитизм был частью многих идеологических и политических движений, — продолжает наш автор, — нигде он не стал учением поголовного уничтожения всех евреев, как у нацистов. В фашизме отношение к евреям не занимало центрального программного места. Так, если в крайнем фашистском французском движении антисемитизм интерпретировался почти так же радикально, как у нацистов, в другом французском движении — *фэссо* Жоржа Валюа — антисемитизмом и не пахло. В итальянской фашистской партии было очень много евреев, значительно больше, чем их пропорция в общем населении Италии, во всяком случае, до тех пор, пока под влиянием немецких нацистов в 1938 году Муссолини не утвердил расовое законодательство. Однако и после этого евреи в Италии оставались в относительной безопасности.

Поскольку расизм не был обязательной частью фашизма и его программ, отождествление фашизма с нацизмом недопустимо, по мнению Штернхелля. Однако он признает, что в остальном обе доктрины весьма близки друг к другу и, во всяком случае, их объединяет тоталитарный характер обоих мировоззрений.

Католическую церковь в таком отрицательном контексте или, что скорее, он считает, что идеи папы были настолько искажены Муссолини, что здесь можно говорить скорее об извращении этих идей фашизмом. - Sternhell *Указ, ист.*, с. 4-5.

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

175

Хотя Италия и Германия были в противоположных лагерях во время Первой мировой войны, состояние общества, государственности и народного хозяйства после окончания войны в обеих странах было аналогичным. Следует напомнить, что согласно Версальскому миру Германия получила право на вооруженные силы всего лишь в размере 100 тысяч военнослужащих. Ей было запрещено воссоздавать военно-воздушные силы и военно-морской флот за исключением судов охраны германских морских границ. Она потеряла в пользу Франции Эльзас-Лоттарингию, небольшие клочки земли в пользу Дании и Бельгии и ту часть Польши, которая досталась Пруссии по русско-германо-австрийским разделениям Польши в XVIII веке, а также небольшие ее колонии в Африке и Океании. Рейнская область, примыкающая к Франции, была демилитаризована как компромисс в пользу Франции, которая, обеспокоенная тем, что, несмотря на все эти ограничения, Германия все еще оставалась потенциально самым многочисленным и мощным государством Европы³, предлагала разделить Германию на отдельные независимые государства, как было до 1870 года, а Рейнскую область сделать протекторатом Франции. На это Великобритания и США не согласились, но внесли в мирный договор параграф, согласно которому, в случае угрозы безопасности Франции со стороны Германии, оба государства придут Франции на помощь. Но, поскольку США «ушли из Европы», приняв политику изоляционизма, Великобритания формально в одиночку не обязана была выполнять обещание; наоборот, она отговорила Францию от введения своей армии в Рейнскую землю, хотя на Нюрнбергском процессе 1945—1946 годов немецкий генералитет подтвердил, что в 1936 году Германская армия была в столь зачаточном состоянии, что любая даже ограниченная военная акция со стороны Франции привела бы Германию к немедленному поражению.¹ Ослабленная голодом, красным террором и Гражданской войной Советская Россия была в те годы не в счет.

Rhodes, John E. *The Quest for Unity. Modern Germany, 1848-1970*. N. Y., Holt, Rinehart and Winston, 1971, p. 231.

176

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

Но что касается конца Первой мировой войны и Версальского мира, то тут Германия была умышленно и нелогично унижена и оскорблена союзниками. Дело в том, что, как мы указывали выше, президент США Вильсон отказался вести мирные переговоры с императорским немецким правительством, несмотря на новую либеральную конституцию, и фактически навязал Германии революцию и приход к власти социал-демократов. Казалось бы, уж с последними Антанта может разговаривать. Эта партия не несла прямой вины за войну и еще с начала 1917 года требовала выхода Германии из войны и переговоров о мире. Однако германская делегация, прибыв в Версаль, не была допущена до стола переговоров, переговоров с ней не велось никаких, а были лишь ультимативно представлены союзнические условия прекращения войны с требованием подписать их. Причем от делегации требовалось подписать эти условия мира с неизвестной суммой репараций, требуемых от Германии, которая будет вычислена позднее. Никаких альтернатив, кроме возобновления войны, у немецких дипломатов не оказалось, и, скрепя сердце, документ был подписан. И когда наконец в 1921 году Германии был преподнесен счет репараций в размере 33 миллиардов долларов (из них 52% в пользу Франции), по Германии разнесся клич: это предательство социал-демократов — еврейский заговор против Германии! Глава делегации, министр иностранных дел Германии, как мы указывали выше, еврей Ратенау, германский националист-кор-поративист, был в 1922 году убит нацистами. Дело в том, что на момент окончания войны немецкие войска находились на территориях всех стран, противостоящих им, и не было ни одного иностранного солдата, кроме пленных, на территории Германии. Рядовой солдат и младший офицер — особенно те, что были в окопах, — не знали того, что знали хозяйственники и высшее командование: все ресурсы и средства Германии были истощены, в тылу начинался голод, продолжать войну Германия была не в состоянии. Не сознавая глубины кризиса, фронтовики были в недоумении, почему страна признала себя побежденной и почему она согласилась на столь жесткие условия мира. Вот это и была та питательная среда, которая рождала гитлеров и им подобных.

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

Сумма была огромной, но на выплату ее отводилось Германии 30 лет, а в пересчете на константную валюту и на душу населения, эта сумма была примерно равна тем репарациям, которые Франция должна была выплатить Германии в результате поражения в войне 1870–1871 годов, и Франция их выплатила в срок, поскольку германские войска оккупировали Париж и условием своего оставления французской территории поставили окончательную выплату репараций. Можно спорить, что война 1914—1918 годов была почти в 4 раза дольше и ввиду новых военных технологий была экономически гораздо более истощающей для всех воевавших сторон. Факт тот, что Германия считала себя обиженной и репарации платила не в срок и не полностью. К 1922 году она их платить почти перестала, за что французы оккупировали ее индустриальный центр — Рурскую область, о чем говорилось выше. Великобритания понимала, что без такой промышленно важной страны, как Германия, послевоенной Европе на ноги не встать и поэтому даже предлагала простить ей все долги и отменить репарационные выплаты. Это отвергли и Франция, и Америка. Однако гиперинфляция не была никому на руку, а в самой Германии вызывала рост и активизацию крайних партий, в том числе и нацистов. В 1923 году правительство Штресмапа отменяет пассивное сопротивление рабочих Рура, а гениальный финансист Хьямар Шахт проводит очень болезненную, но необходимую денежную реформу с обменом валюты из расчета одного триллиона старых марок на одну новую. В 1924 году на помощь приходит американский *План Доуса* (Dawes), который, не указывая конкретно новых сроков выплаты репараций, значительно уменьшает размер ежегодных выплат. Кроме того, Германии предоставлялся льготный кредит в 200 миллионов долларов. За этим следуют огромные американские капиталовложения в восстановление немецкой промышленности; решающие пакеты акций многих фирм скупаются американцами. В общей сложности между 1924 и 1929 годами Германии были предоставлены льготные кредиты на сумму 8 миллиардов долларов. В стране наступает относительное материальное благополучие и политическая стабилизация. Ободренная помощью Запада, Германия наконец поворачивается лицом к

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

западным демократиям после пяти лет колебаний между Востоком и Западом. Дело в том, что у истоков Веймарской республики, как мы знаем, стояли две несовместимые силы: правомонархическое офицерство (а оно было политически именно таким, в отличие от русского аполитичного офицерства) и левodemократическое правительство. Эти силы не доверяли друг другу, но и не могли обойтись без друг друга, как показало сотрудничество социал-демократа Эберта с фельдмаршалом Гинденбургом, совместными усилиями подавившее восстание немецких большевиков в 1918 году. Эта противоречивость отразилась и в Веймарской конституции. С одной стороны, она ввела совершенно пропорциональную избирательную систему, при которой даже партия, получившая менее 1% голосов, попадала в парламент. В результате в стране появилось более 100 мелких партий, правительства были нестабильными коалициями таковых, оставаясь правительствами парламентского меньшинства. Эти правительства сметались вотумом недоверия. Выборы происходили нередко по несколько раз в год. У немцев, привыкших к авторитаризму, дисциплине и порядку, такой парламент и такое правительство по меньше мере не внушали ни доверия, ни уважения к Веймарской конституции и республике. Гораздо дороже германскому сердцу была армия. Это были герои минувшей войны, создатели Германской империи, а в условиях политической нестабильности, олицетворяемой социал-демократами и либералами, армия оставалась единственным фактором стабильности и преемником исторической Германии и ее традиций. Несомненно, не без нажима армии в Веймарской конституции имелась статья 48, согласно которой президент имел право по своему усмотрению объявить в стране чрезвычайное положение, мобилизовать войска для наведения порядка и применять меры, нарушающие конституционные права личности, в случае опасности государственному строю. Этой статьей в свое время воспользуется Гитлер. Эти две силы тянули страну в противоположные стороны. Веймарские политики льнули к Западу, к западным демократиям. Военные же, оскорбленные Версалем, глядели на Восток, надеялись на сближение с Советской Россией. Так,

главнокомандующий генерал Зээкт открыто заявил о необходимости договориться с Советской Россией, совместными усилиями ликвидировать Польшу и восстановить русско-германские границы 1914 года. Эта линия генералитета восторжествовала на Генуэзской конференции в апреле-мае 1922 года. Это была первая конференция западных союзников с участием 29 стран, в том числе впервые Советской России и Германии. Германскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Ратенау, который стремился к сближению с западными демократиями и надеялся, что на этом форуме ему удастся восстановить какие-то отношения с западными союзниками. Но Ллойд-Джордж, возглавлявший британскую делегацию, как и его французский коллега, полностью игнорировали немцев и Советы. Ратенау несколько раз пытался связаться по телефону с Ллойд-Джорджем, но тот отказывался разговаривать с ним. Между тем советская делегация пустила слух, что западные союзники соглашаются выдать стране Советов ту часть германских репараций, адресат которой не был назван в версальских документах, поскольку в то время еще шла в России Гражданская война и предполагалось, что эта часть репараций будет предназначена России в случае победы белых. По тем слухам, которые советская делегация распространяла, чтобы привлечь к себе немцев, получив эти дополнительные репарационные фонды от Германии, Советы возместят ими часть потерь западных предпринимателей в связи с национализацией их имуществ в России советской властью. Эти слухи и полное игнорирование немцев со стороны Запада заставило Ратенау нехотя согласиться на предложение Советов начать немецко-советские переговоры на соседнем курорте Рапалло. Там оба изгоя заключили соглашение не предъявлять ни-каких счетов за войну друг другу, никаких репараций. Одновременно там же начались тайные переговоры между генеральными штабами обеих стран, положившие начало военному сотрудничеству и фактически тайному созданию немецких военно-воздушных сил на территории СССР, вопреки запрету, наложенному на Германию Версалем. И вот только с началом с 1924 года более положительной политики Запада по отношению к Германии и реальной ей

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

экономической помощи, прозападная линия немецких либералов и демократов побеждает и не только в официальной внешней политике, но и в настроениях германского общества, что наглядно показывают результаты выборов, которые можно суммировать следующим образом:

Партии и политические блоки

Годы	Коммунисты и демократы	Либералы блок ⁵	Антивеймарский
1920	3%		
1924	13%		
1928	12%		
1930	13%		
1932	18%		
80%	52%	58%	47%
17%	35%	31%	40%
			38%
			46%

Из этой таблицы видно, насколько упрочились позиции демократов к 1928 году. Ясно, что если бы не экономическая депрессия, которая в Германии началась на год раньше, чем в остальных странах Европы (1929 вместо 1930) и ударила по стране особенно больно, поскольку оздоровление германской экономики началось всего четырьмя годами раньше, люди только начали расправлять крылья, и вот снова удар. Депрессия воспринималась как провал экономики свободного рынка, как конец эры либерализма и как свидетельство того, что выход только в государственном управлении экономикой, дирижизме. Иными словами, экономическая депрессия 1930-х годов дала все козыри в руки крайним и антилиберальным движениям — коммунизму и нацизму/фашизму. В условиях крайнего национализма, взбудораженного Первой мировой войной и страхами коммунистического интер-национализма, ясно что коллапс, как тогда считалось, либерализма дал гораздо более мощный рост фашизма и близких ему течений, чем коммунизма.

" Под этим блоком имеются ввиду все партии крайне правого крыла: монархисты, национально-народная партия и нацисты.

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

181

* * *

Но вернемся к внутреннему состоянию Германии после войны и зарождению нацистской партии.

В Германии проблема безработных военных, не имеющих никакой профессии для применения в мирных условиях, стояла еще острее, чем в Италии, из-за ограничения размера германских вооруженных сил Версалем до 100 тысяч человек. Так начали появляться частные армии, ассоциированные с той или иной партией. Первой такой частной «армией» был *Свободный корпус (Freikor)* — это был добровольческий отряд кадровых военных, воевавший в Польше в 1919 году против Красной армии. Вернувшись с польского фронта, они явно были недовольны социал-демократическим правительством в Германии. Другой и более «долгожительной» крайне правой частной «армией» был так называемый *Штальхельм (Стальной шлем)*, состоявший из профессиональных офицеров. Потом и этот союз офицеров сыграет свою роль в приходе к власти Гитлера и нацизма.

В марте 1920 года Вольфганг Капп, еще в 1917 году организовавший *Партию Отчизны*, выступавшую против мирных переговоров, поднял мятеж против социалистического правительства в Берлине. Город он захватил, но у власти продержаться не смог из-за того, что по призыву правительства социалистические, католические и независимые профсоюзы, объединившись, оказали пассивное сопротивление вместе со всеобщей забастовкой. Капп был арестован, правительство восстановлено. Но путч Каппа, поддержанный значительной частью генералитета, показал, насколько хрупок союз консервативной армии с леводемократическим правительством.

* * *

А теперь взглянем на «карьеру» Гитлера до прихода к власти.

Известно, что австриец Адольф Гитлер, мечтавший когда-то стать либо художником, либо архитектором, возненавидел Вену из-за засилья там евреев, которых он почему-то считал виновниками своих неудач. В 1913 году Гитлер переселился в Мюнхен, а с началом войны поступил в немецкую

182

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

армию, в которой дослужился лишь до чина ефрейтора, но за храбрость имел самую высокую награду в немецкой армии — Железный крест, который очень редко давался низшим чинам. Конец войны застал его в военном госпитале лечавшимся от временной слепоты, вызванной газовым отравлением. Версальский мир он считал предательством.

Когда он вышел из госпиталя и прибыл в Мюнхен, Бавария уже не была монархией: после отречения от престола императора Вильгельма, под нажимом республиканцев отрекся и король Баварии, а за ним и остальные германские монархи, однако Мюнхен оставался центром правой оппозиции левому правительству в Берлине. В одной из многих мюнхенских военизированных группировок, мечтавших о реванше против Версальского мира, был и герой минувшей войны капитан Эрнст Рем, организатор и глава *СА* (отряды штурмовиков), которая с 1921 года стала частной армией нацистов. Однако в апреле 1919 года власть в Баварии захватили коммунисты, объявившие ее Советской республикой. Но в мае власть коммунистов была свергнута. Гитлер был одним из свидетелей, дававших показания в комиссии по расследованию преступлений арестованных коммунистов, приговоренных затем к расстрелу. С этого момента начинается восхождение его звезды. Он начинает работать в политотделе армии. В сентябре 1919 года ему поручается изучить небольшую *Германскую рабочую партию*, руководимую слесарем Антоном Дрекслером. Гитлеру партия сразу понравилась: правым ее программа обещала националистический союз всех германцев, но без евреев, и реванш Версалю; левым — национализацию торговли и промышленности. Через несколько дней Гитлер стал членом ЦК партии. Там он встретил Рема. К 1921 году Гитлер вытесняет Дрекслера с поста главы партии, занимает его место и добивается согласия этой миниатюрной партии на предоставление ему неограниченных диктаторских полномочий. Гитлер переименовывает партию в *Национал-социалистическую немецкую рабочую партию* (НСДАП в немецком сокращении). В это время в Германии было множество родственных нацизму партий¹¹, но,

¹¹ Еще до появления НСДАП существовало несколько немецких партий, аналогичных по духу и задачам, с названиями, подоб-

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

183

одержимый стремлением к абсолютной власти, Гитлер ни с одной из этих партий не объединялся. Просто на фоне успехов его партии другие мелкие национал-социалистические партии глохли — вероятно, большинство их членов переходили в партию Гитлера, которая

уже в 1920 году приняла «Программу» из 25 статей, составленную Готтфридом Феде-ром, которого можно назвать экономическим идеологом национал-социализма. Вот она в нашем сокращении:

- «1. Мы требуем ... соединения всех германцев в единой Великой Германии.
2. Мы требуем равноправия германскому народу в его отношениях с другими нациями и отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.
3. Мы требуем территорий и колоний для прокормления нашего народа и для расселения части его из перенаселенных районов.
4. Гражданами и членами государства могут быть только германцы по крови, вне зависимости от их религии. Евреи не могут быть членами (германской) нации.
5. Кто угодно может проживать в Германии в качестве гостей, подпадающих под особые законы, касающиеся чужестранцев.
6. Право определять руководителей и законы страны принадлежит исключительно гражданам государства...
7. Мы требуем, чтобы государство считало одним из своих приоритетов предоставление собственным гражданам средств существования. Если государство не в состоянии обеспечивать всех лиц, проживающих в его пределах, иностранцы (не граждане) лишаются обеспечения (изгоняются из страны).
8. Дальнейшая иммиграция в Германию лиц не германской национальности должна быть запрещена. Мы требуем, чтобы все негерманцы, прибывшие в страну после 2 августа 1914 года, были немедленно выдворены из Германии.
- ными этому. Еще до войны в Австрийской империи, а именно в чешских Судетах была *Германская социально-трудовая партия*, переименованная позднее в *Германскую национал-социалистическую рабочую партию со свастикой* в качестве своего партийного символа.

184

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

9. Все граждане государства равны в своих правах и обязанностях.
10. Все граждане государства обязаны трудиться, физически или умственно. Деятельность индивидов не смеет противоречить интересам общества. Она должна служить всеобщему благу и не выходить за рамки национальных интересов.
11. Поэтому мы требуем отмены нетрудовых доходов и освобождения от рабства процентных ставок (или процентов от капитала. — *Д.П.*).
12. Личное обогащение от войн должно рассматриваться как государственное преступление. Мы требуем поэтому конфискации всех военных прибылей.
- IS. Мы требуем национализации всех деловых фирм (трестов).
14. Мы требуем введения в крупных предприятиях принципа соучастия в доходах их рабочих и служащих.
15. Мы требуем развития материального обеспечения старости.
16. Мы требуем создания здорового среднего класса; lie-медленного обобществления больших универмагов, разделения их на мелкие магазины с перепродажей последних по доступным ценам мелким предпринимателям, снабжающим товарами государство и муниципалитеты.
17. Мы требуем ... введения закона, разрешающего конфискацию без компенсации частных земель для общественных нужд, отмены земельной ренты и запрещения земельной спекуляции.
18. Мы требуем безжалостного преследования тех, чья деятельность вредна общественным интересам. Угнетатели нации, ростовщики, спекулянты должны предаваться смерти, вне зависимости от их расы и религии.
19. Должно быть заменено системой германского обычного права.
20. Государство обязано ... давать возможность любому способному и трудолюбивому немцу получать высшее образование и пополнять ряды ведущего слоя нации. Программы всех вузов страны должны соответствовать потребностям практической жизни. Школы с первого же класса обязаны привить ребенку понимание назначения государства.

10. Природа и зарождение германского нацизма •

Мы требуем предоставления соответствующего образования за счет государства одаренным детям бедных родителей, вне зависимости от их классового происхождения и образа труда».

21. В этом пункте речь идет о защите государством материнства и детства, запрещения детского труда, физического развития детей и молодежи.

«22. Мы требуем отмены армий платных наемников и создания национальной армии.

2Н. Мы требуем мер против предумышленного распространения лжи в печати и создания подлинно германской национальной печати при помощи следующих мер: а) редактора и сотрудники всех СМИ, выходящих на немецком языке, должны быть членами германской нации; б) негерманские СМИ могут издаваться лишь с разрешения правительства и не смеют пользоваться немецким языком (речь идет о еврейских журналистах в немецкой прессе. — *Д.П.*) в) пегерманцам должно быть категорически

запрещено финансировать немецкоязычные издания и оказывать на них какое-либо влияние.

Нарушением этого закона должно быть закрытие соответствующего органа печати и высылка виновного немца из страны.

24. Мы требуем свободы вероисповедания всем религиям, поскольку они не угрожают государству и не выступают против нравственных устоев германской расы. Партия стоит за **положительное** христианство (выделено мною. — Д. П.). Она решительно против еврейского материалистического духа внутри и вне партии и убеждена, что наша нация сможет добиться постоянного благополучия, ставя общий интерес выше личного.

25. Для выполнения всех вышеупомянутых требований мы требуем создания сильной централизованной власти, распространения безусловного авторитета центрального парламента по всей стране ... Руководители партии клянутся бороться за осуществление всех требований программы вне зависимости от последствий, вплоть до принесения в жертву своих жизней».

С социально-экономической точки зрения это программа мелкобуржуазного социализма, под которой подписался бы любой левый социал-демократ. Но и национально-политичес-

186

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

ком отношении это программа чистейшего расизма, государственного тоталитаризма. Государству предоставляются не только права, но вменяется в обязанность следить за чистотой расы, то есть вмешиваться даже в самые интимные стороны человеческой жизни. Национальность определяется кровью, расой. В плане экономики упор на территории и сельское хозяйство свидетельствует об архаичности экономических взглядов теоретиков нацизма. Современная экономика, во-первых, опирается на промышленность и торговлю. И, как мы знаем, сегодня среди самых богатых стран мира с самым высоким образом жизни густонаселенные страны Западной Европы и Япония — почти все они бедны естественными ресурсами. Да и сельское хозяйство стало интенсивной промышленной областью, благодаря чему те же европейские страны не только не нуждаются в импорте зерна, но даже вывозят его в другие, преимущественно крестьянские страны.

Непосредственными источниками идеологии германского национал-социализма были следующие книги:

1) «Третий рейх» (1923) Артура Мюллера Ван деп Брука, в которой новой германской идеологией провозглашался «корпоративизм в государственной организации и в экономике», который в ходе своего становления будет революционным, но, утвердившись в обществе, станет консервативным. Эта система требует такого вождя, который сумеет вытеснить интернациональный социализм германским национал-социализмом, сердцевиной которого является **принцип вождя** (*Fuehrerprinzip* — «вождизм»). Этот принцип, как мы увидим, заключается в превосходстве вождя над всеми законами и государственными структурами. Вождь определяет, что лучше для страны, и его воля prevыше всего.

2) Второй «библией» нацизма была, конечно, «Моя борьба» Адольфа Гитлера, написанная им в тюрьме между 1923 и 1924 годами. Это книга явного графомана, полная противоречий и непоследовательности, лейтмотив которой — ненависть. Ненависть к евреям — при полном доверии к другой бредовой книге — «Протоколам сионских мудрецов», антисемитской фальшивке о мифическом «жидо-масонском» заговоре, составленной фантазером Нилусом. Беда в том, что «Моя борьба» настолько бредовая книга, что никто ее не

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

187

принимал всерьез и, когда Гитлер пришел к власти, никто не ожидал, что он будет пытаться проводить ее идеи в жизнь. Так, немало германских евреев голосовали в 1932 году за Гитлера, надеясь, что он твердой рукой наведет порядок после веймарского хаоса.

3) Расистская идеология была изложена в третьей нацистской «библии» — «Мифе XX столетия» (1930) Альфреда Ро-зенберга. Тут стоит коротенько остановиться на авторе книги. Розенберг был остзейский немец из Эстонии, подданный российского императора. Будучи студентом архитектуры не то в Москве, не то в Киеве, Розенберг с началом Первой мировой войны пошел добровольцем в русскую армию и провоевал вплоть до развала армии большевиками. Вероятно, жуткое зверство революции в России, вернее, ее последствия произвели такое отвратительное впечатление на юного русско-немецкого мальчика, что он в ужасе оттолкнулся от России и всего славянского. А поскольку в революции и большевистской партии такую большую роль играли евреи, то возненавидел он и их. Вернувшись в родную Эстонию, он решил впервые в жизни посетить родину предков, там встретил Гитлера и, увлекшись нацизмом, сочинил основополагающую расистскую книгу, в которой утверждал, что славяне — «недочеловеки», достойные быть

только слугами или рабами немцев. Следуя за такими «авторитетами» расизма, как французский граф Гобино, английский расист, зять композитора Вагнера Чемберлен и другие, Розенберг утверждал превосходство арийской, или тевтонской, расы над всеми остальными народами мира, которой поэтому принадлежит господство в мире⁷. В нацистской расистской иерархии за тевтонцами как граждане второго класса шли латино-романские народы, затем славяне, достойные только рабского состояния, и наконец евреи, которым нацизм вообще не находил места па земле, ибо, с одной стороны, они были низшей расой, паразитами на теле арийских народов, но, с другой стороны, Гитлер и Розенберг признавали, что евреи — народ одаренный, хитрее самих арийцев и потому эксплуатирует их. К этому, вероятно, примешивался и опыт самого Розен-

⁷ Арийцев нацистская литература называла сверхчеловеками.

188

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

берга, видевшего евреев на многих руководящих постах у большевиков. Отсюда, по-видимому, и шло нацистское представление о евреях как об особо зловещем элементе, и в результате — смешение коммунизма и еврейства, еврейства со славянством, отождествление славянства с коммунизмом-большевизмом. Это говорит не о высоком уме и аналитических способностях «классиков» нацизма — над разумом у нацистских вождей и их последователей превалировали отрицательные эмоции: обида, комплекс неполноценности, злоба, ненависть... Во всей послевоенной Европе с концом войны и демобилизацией появились миллионы безработных ветеранов да и не только ветеранов — ведь сократилось до минимума производство оружия и всевозможных припасов, необходимых в военное время. Как мы уже сказали, особенно болезненно этот процесс отразился на Германии, где фактический запрет на производство оружия и военных самолетов, с одной стороны, и демобилизация нескольких миллионов молодых людей, не имеющих профессий, применимых в мирное время, выбросило всю эту массу на улицу и на, так сказать, политический рынок. Это был готовый «товар» для частных армий и для любых демагогов — стоило только бросить спичку, чтобы он воспламенился. Такой спичкой была отмена федеральным канцлером Штресеманом пассивного сопротивления французам в Руре. В ответ баварское правительство в сентябре объявило особое положение, предоставив своему премьеру фон Каару диктаторские права. Федеральное правительство попыталось закрыть мюнхенскую газету нацистов «Народный обозреватель» («Фёлькишер Беобахтер»), но баварские власти, в том числе главнокомандующий баварским военным округом генерал фон Лоссов, отказались выполнить приказ Берлина. Берлин потребовал от баварского правительства отправить Лоссова в отставку. Гитлер и его союзники настаивали на походе на Берлин. Правительство Каара колебалось. Козыри, казалось, были вырваны из рук конспираторов после того, как федеральное правительство успешно подавило пробольшевистские мятежи в Тюрингии и Саксонии. Но Гитлера и некоторых радикально-правых генералов, в том числе Людендорфа, национального героя и начальника

10. Природа и зарождение германского нацизма —

189

Генштаба в минувшую войну, уже было не остановить. На 8 ноября был назначен митинг правых националистов во главе с премьером Баварии Кааром в пивной «Бюргербройкел-лер», в которой собрались и нацисты. Тут впервые в таком масштабе были задействованы отряды СА, окружившие здание пивной. Гитлер вошел внутрь и провозгласил начало национальной революции. Присутствующие Каар, Лоссов и другие националистические деятели были временно задержаны, отведены в соседнюю комнату, где Гитлер сначала безуспешно пытался их уговорить войти в заговор. Это ему удалось только после того, как подъехал Людендорф и объявил о своей поддержке Гитлера. Сообщение об этом боевом союзе было встречено овациями зала. Гитлер объявил массовую демонстрацию на следующий день, посредством которой должен был быть произведен политический переворот. Поверив Каару и Лоссову, Гитлер их отпустил по домам. Но Лоссов передумал и вызвал военные подкрепления в Мюнхен. Каар тоже передумал. На следующий день демонстрация 2 тысяч нацистов во главе с генералом Людендорфом и Гитлером была расстреляна войсками. Гитлер был арестован, судим. Теоретически ему грозила смертная казнь за измену родине. Но он сумел вызвать сочувствие правой общественности и судей заявлением, что он не изменник, а патриот, и что

цель его была покончить с марксизмом. В результате он был приговорен всего к 5 годам тюремного заключения с правом в дальнейшем пересмотра срока в сторону его сокращения. И действительно, он вышел на свободу уже в рождественский сочельник 24 декабря 1924 года, успев за время своего заключения написать «Мою борьбу».

Выйдя на свободу, он застал уже совсем иную Германию: гиперинфляция окончилась, благодаря облегчению репараций и кредитам заработала промышленность. Германия, так сказать, была прощена Англией и Америкой и воспринималась уже как одна из западных демократий. Умеренно, но определенно рос уровень жизни, резко сокращалась безработица. Никто не хотел новых потрясений. Гитлер понял, что бунты и теракты в этих условиях сочувствия общественности не вызовут. Единственный путь к власти в этих условиях — это не нарушать конституции, пробиваться вверх законным пу-

190

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

тем, пользуясь демократическими методами и предпочтениями избирателей, дожидаясь момента, когда в силу каких-то обстоятельств его партия получит шанс массовой поддержки. Между 1924 и 1929 годами о нацистской партии говорили в прошедшем времени.

По вот долгожданный Гитлером момент настал — так называемая *Великая депрессия*, то есть колоссальный экономический спад, о чем мы уже говорили выше. О Гитлере у власти и его политике мы будем говорить в отдельной главе. Скажем только, что нацизм, фашизм и фашизоидные симпатии в Европе между двух войн (да и за пределами Европы) не ограничивались Германией и Италией.

* * *

Какие же факторы в фашистских и фашизоидных движениях усыпляли европейцев, притупляли чувства беспокойства по поводу наступления этих диктатур при гораздо большем страхе в отношении коммунизма?

Как мы говорили в начале нашей книги, еще до Первой мировой войны начался упадок либерализма. В Германии этот процесс начался значительно раньше — с созданием Бисмарком Германской империи. Ведь создавалась она голой военной агрессией, что противоречило всем принципам либерализма. Однако национализм возобладали, и либералы в парламенте одобрили дело Бисмарка. Этим германский либерализм был полностью скомпрометирован. Следующий удар по классическому либерализму был нанесен гегельянским его пересмотром Оксфордской школой Грина. Затем российское Временное правительство 1917 года, не сумев опознать смертельную опасность слева и предотвратить захват власти большевиками, еще более основательно подорвало доверие европейской общественности к тому, что либерализм и демократия в состоянии предотвратить распространение коммунизма. С другой стороны, послевоенная обстановка нестабильности и неопределенности, отсутствие прочной власти, безработица и прочие экономические проблемы давали повод думать, что только сильная, централизованная власть, а то и просто диктатура способны восстановить по-

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

191

рядок, вернуть обывателю веру в завтрашний день. Естественно, решительным толчком в пользу диктатуры явился международный финансовый крах 1929-1930 годов, повлекший длительный экономический спад и колоссальный взлет безработицы, в связи с чем недоверие к политическому либерализму усугубилось компрометацией либеральной экономики, экономических доктрин либерализма. В Германии, где стабилизация и экономический прогресс были еще очень хрупкими и на памяти у всех был кризис 1920—1923 годов, новый кризис ударил еще более чувствительно, чем по другим промышленным странам мира. Валовой доход Германии сократился между 1929-1932 годами на 40%. По данным профсоюзов в 1932 году 40 % их членов были полностью безработными, 20% — частично безработными. Масла в огонь тоталитаристов прибавил так называемый *План Инга*. Дело в том, что План Доуса 1924 года был временной мерой облегчения репарационных выплат и он должен был быть скорректирован постоянным планом, который Янг и разработал к началу 1929 года, когда никто и не подозревал назревающей экономической катастрофы. Этот план сократил германские долги до 8 миллиардов долларов, но ввел строгий график регулярных выплат, которые окончились бы лишь в 1988 году. А тут подкатилась депрессия, и нацисты сразу этим воспользовались, демагогически и лживо обвиняя Запад в желании загнать Германию в кабалу, напоминали населению, до чего довели репарации страну в 1922—1923 годах."

Среднему обывателю да и любому патриоту импонировало обращение националистов всех мастей к нации в целом, а не отдельным классам, раскалывая страну на враждующие между собой классы. К тому же нацистско-фашистские партии вообще избегали слова *партии*, как этимологически означающее **часть** населения. Они предпочитали называть себя фронтом или движением, движением всего народа, фронтом, отстаивающим честь всей нации, принимая политический бой на себя!

В рядах интегрально-националистических партий очень значительную часть членов составляли ветераны войны, осо-

¹⁸ См.: Кассельс *Указ, соч.*, с. 116—118.

192

— 10. Природа и зарождение германского нацизма

бешю молодые офицеры и продвинувшиеся по службе солдаты. Эти элементы тесно переплетались с такими традиционно-консервативными классами, как дворянство, помещики, высшая буржуазия и крестьянство. Однако наряду с ветеранами войны, как пишет Мартин Китчеп, массовым явлением в фашистских и нацистских партиях были «наборы из среды политизированной, запуганной, неуверенной в завтрашнем дне мелкой буржуазии, мещанства, мастеровых, хозяйчиков мелких предприятий, крестьян, запуганных процессами монополизации, очень болезненно пострадавших от экономического спада и доверчиво вслушивавшихся в пропагандную риторику нацистов»¹, которая обещала поддержку и неотчуждаемость частной собственности, романтически прославляла землю и кровь, сохранение и возрождение древних национальных традиций, защиту патриархальной семьи и авторитета ее главы. Та же пропаганда осуждала монополистический капитализм, обещала покончить с коммерческими концернами универмагов, решить проблему безработицы, обеспечить постоянство рабочего места и поддержку трудолюбивому ремесленнику, квалифицированному рабочему, крестьянину. Таким образом, к фашистам и нацистам шли мелкие государственные служащие и вообще «белые воротнички», студенты и неустроенные юные выпускники высших учебных заведений и часто верхняя прослойка промышленных рабочих, раскалывая этим ряды «пролетариата».

Очень точно суммировал один немецкий ветеран Первой мировой войны настроение большинства тех, кто шли к нацистам и фашистам, а нередко и становились их руководителями: «Мы не знали, чего мы хотели, но мы не хотели того, что знали».¹¹¹ Под нежеланием знакомого имелись ввиду как память о довоенном прошлом, так и опыт послевоенных лет. Кассельс не без основания относит к этому элементу, недовольному и прошлым и настоящим, в основном лиц из социальных низов (разночинцев), пришедших па смену довоенной аристократии, у которой почти не осталось смены,

¹ Kitchen, Martin *Fascism*. London, Macmillan Press, 1976, p. 84-85.

¹¹¹ Cassels, Alan *Fascism*. N. Y., 1975.

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

193

поскольку по традиции сыновья дворян и породнившейся с ними высшей буржуазии становились либо кадровыми офицерами, либо из традиционного в этих классах патриотизма шли добровольцами на фронт. Большинство из них либо погибло на фронтах Первой мировой войны, либо вернулось с войны инвалидами. Их места заняли гитлеры, Муссолини — коротко говоря, деклассированные элементы, своего рода люмпены без рода и племени. В довоенном иерархическом и стратифицированном обществе большинству из них было бы не подняться до тех высот, которые им удалось захватить в 1920 — 1930-х годах. Поэтому они классово ненавидели довоенный мир, смыкаясь в этом с левосоциалистическими партиями, особенно с коммунистами. Левое крыло нацистской партии — те, кто догматически верил в нацистскую программу 1920 года, — обладали обостренным классовым сознанием, но их социализм был сорелевско-утопической мечтой о возврате к докапиталистическому миру ремесленных артелей и крестьянских общин. К нацистам переходили те левые радикалы, которым опротивели национальная беспочвенность и интернационализм коммунистов и социал-демократов.

Тут возникает вопрос, почему при такой левой программе борьбу Гитлера за власть финансировали консервативные немецкие капиталисты? Это не были идеалисты с угрызениями совести за свое благополучие вроде русских кающихся дворян или купцов типа Морозова,

финансировавшего большевиков. Нет, мотивация немецких капиталистов была вполне прагматичной — они выбирали из двух зол меньшее. Левое крыло национал-социалистов было слишком утопично-архаическим, чтобы опасаться его победы. Тем более, что внутри партии к 1926 году Гитлер одержал победу над братьями Штрассерами, которые возглавляли именно левое крыло. Штрассеры были за тот социализм, который изложен в «Программе» 1920 года. После тюремного заключения Гитлеру были запрещены публичные выступления. Он добился снятия этого запрета при условии, что обуздает радикалов Северной Германии, возглавляемых Штрассерами, и будет бороться с марксистскими тенденциями в партии. В феврале 1926 года он созвал съезд партийного руководства в баварском городе Бамберг, что затруднило приезд туда радикаль-

194

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

ных деятелей Севера, приехал лишь Грегор Штрассер, которого Гитлеру удалось победить, получив поддержку почти всех присутствующих под предлогом того, что, если партия будет придерживаться левого радикализма, ее запретят власти. Победа «умеренного крыла» Гитлера явилась лишним доводом в глазах консервативных националистов в пользу дотирования его борьбы за власть. Он ведь теперь выглядел вполне респектабельным политиком, признававшим только конституционный путь к власти и обещающим твердую и стабильную власть, на смену всем надоевшей нестабильности веймарской системы. Чтобы не раздражать немецких капиталистов, Гитлер теперь выступал не против капитализма, а против **еврейского** капитализма, не против трестов, а против **еврейских** трестов, не против биржи, а против **еврейской** биржи и т. д.

Физические нападения СА на коммунистов и социал-демократов пользовались молчаливой поддержкой консерваторов, особенно когда с началом депрессии ряды коммунистов начали расти, — правда, не в такой степени, как нацистов, — и они стали агрессивнее. Немецкие капиталисты, привыкшие к сотрудничеству с довоенным авторитарным режимом и пользовавшиеся его защитой от рабочих беспорядков, надеялись, что Гитлер спасет их от рабочих беспорядков и забастовок, поддерживаемых социал-демократами и коммунистами. Они понимали, что с приходом Гитлера к власти они потеряют политическую власть, но по крайней мере Гитлер обеспечит им беспрепятственную экономическую деятельность.

Еще одно казавшееся преимущество гитлеризма по сравнению с коммунизмом было в том, что нацисты в отличие от коммунистов не ставили своей целью уничтожение германской государственной машины, намереваясь использовать ее для своих целей и приспособляясь к ее внутренней логике. Это показное уважение к буржуазному государству ввело многих в заблуждение, что, придя к власти, нацисты будут уважать конституционную структуру и будут готовы покинуть власть таким же законным путем, каким к ней придут. Следует, однако, признать, что благодаря тому, что и Муссолини, и Гитлер унаследовали государственные структуры, не ими созданные, и должны были приспособливаться к ним, равно как и к традиционно-иерархическим вооруженными силами, они

— 10. Природа и зарождение германского нацизма •

195

в отличие большевиков, разрушавших все до основания, так и не смогли довести до конца тоталитарную перестройку государственной и правовой системы.

Германия двигалась определенно к какой-то форме авторитаризма. Последним президентом до Гитлера был избран фельдмаршал Гинденбург, мечтавший о восстановлении монархии. Когда начался экономический обвал 1929 года, Гинденбург воспользовался 48 статьей Веймарской конституции и ввел президентское правление с ограничением гражданских свобод. Одновременно начала резко расти нацистская партия — к 1932 году она насчитывала 450 тысяч членов плюс 400 тысяч штурмовиков СА, более чем в 4 раза превышая регулярную армию. Если в 1928 году за нацистов голосовало всего 800 тысяч, или 18% избирателей, то в июле 1932 года нацисты получили 37% голосов. Впервые в избирательной кампании применялась авиация: Гитлер как бы сваливался прямо с неба на избирательные митинги. Находившийся у власти с 1925 года президент Гинденбург, которому в 1932 году исполнилось 84 года, не хотел выставлять свою кандидатуру, но, чтобы не допустить к власти Гитлера, которого он терпеть не мог, он все же пошел на выборы и получил 49 % голосов против

гитлеровских 30. Поскольку никто не получил абсолютного большинства, состоялись перевыборы при этих последних двух кандидатах. Гитлер метил в президенты, но он все еще был австрийским гражданином. Земля Брауншвейг, где у власти были нацисты, быстро избрала его статским советником, что автоматически делало его гражданином Германии. В последовавшем «поединке» Гиндебург набрал 53%, а Гитлер — 37%. В результате Гитлер стал канцлером при президенте Гинденбурге, который скончался в 1933 году, оставив завещание с пожеланием восстановления монархии. Гитлер и его «ребята» сфальсифицировали завещание, вставив имя Гитлера вместо монарха. На конец 1932 года нацисты и коммунисты вместе составляли 52 % депутатов Рейхстага, а если к этому прибавить мелкие крайне правые партии, входившие в единый блок с нацистами, то можно смело сказать, что более 60% германских избирателей проголосовали в 1932 году против демократии, за тоталитаризм.

196

— 10. Природа и зарождение германского нацизма -

Аннотированная библиография

Groth, Alexander J. *Major Ideologies: an Interpretive Survey of Democracy, Socialism and Nationalism*. N. Y., John Wiley, 1971. Не фокусируясь специально на нацизме или фашизме, автор пытается разобраться в основных идеологиях XX века — их взаимосвязанности, влиянии друг на друга и происхождении.

Herring, Ruth *Versailles and After*. London, Methuen, 1984. Краткий исторический справочник.

Обрисовывает картину нравственно-политического состояния страны от Версаля до прихода к власти Гитлера. Тем, кто хочет ознакомиться с материалом по первоисточникам, рекомендуется просмотреть труды графа Гобино (Gobineau) — французского родоначальника теорий об арийцах как о высшей расе, и его английского последователя Хьюстона Чемберлена (Houston Stewart Chamberlain) и, конечно, с «Мифом XX века» Розенберга, а также с «Моей борьбой» Гитлера.

Lubasz, Heinz, ed. *The Nazi Revolution*. N.Y. John Wiley, 1973. Сборник состоит из трех авторских эссе. Особенно рекомендуется эссе британского историка Geoffrey Barraclough, анализирующее природу и идеологию нацизма.

Mitchell, Allan, ed. *The Nazi Revolution*. Toronto, Heath&Co., 1990. Это сборник статей известных специалистов и отрывков из работ таких ученых с мировым именем как Нольте, Буллок и пр.

Mosse, George L. *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. N.Y., 1964. Анализ истоков нацизма в германской политической мысли прошлого. Автор — один из крупнейших историков нашего времени.

Rodes, John E. *The Quest for Unity. Modern Germany: 1848-1970*. N. Y., Holt, Rinehart & Winston, 1971. Общая история Германии новейшего времени, объясняющая многое из того, что и почему постигло Германию в XX веке.

Spielvogel, Jackson J. *Hitler and Nazi Germany*. Englewood Cliffs, N. J., Prentice Hall, 1992. В первых четырех главах рассматривается период до прихода Гитлера к власти и нацизм как идеология.

S.J. Woolf, ed. *Fascism in Europe*. London, Methuen, 1981. В книге излагается и кратко анализируется происхождение и судьбы фашизма и родственных ему течений в разных странах Ев-

— 10. Природа и зарождение германского нацизма —

197

ропы. Авторы всех очерков поименованы. Сборник аналогичен по своим структуре, задачам и охвату следующему сборнику авторских статей: Turner, Henry, ed. *Reappraisal of Fascism*. N. Y., New Viewpoints, 1975.

Глава 11 Муссолини и его власть

«Только Бог в сила покорить волю фашиста».

Муссолини, декабрь 1934 г.

Мечта о власти

Как личность Муссолини не представлял собой убежденного и последовательного идеолога. Он прежде всего стремился к власти, к всеобъемлющей власти. Недаром он так любил этот новый термин — тоталитаризм. Этой одержимостью властью он напоминает человека, перед которым он приклонялся в свои социалистические годы, — Ленина, если мы вспомним, как весной 1917 года Ленин грозил своему Центральному комитету, что если тот не одобрит его и Троцкого идею захвата власти, то он уйдет из партии большевиков к кронштадтским матросам-анархистам и с ними придет к власти. Так и Муссолини. Он понимает, что для захвата власти ему нужно создать некий героический культ, мифы, связанные с его персоной.

Но пока что он занят другим: как избежать воинской повинности. В 1901 году он бежит в

Швейцарию. Там, не имея постоянной работы, он часто недоедает. В одном из писем домой он сообщает, что не ел 26 часов; позднее в печати это превращается в 48 часов, усиливая образ героя, готового умереть за идею. В это время он выступает как убежденный антимонархист, антимилитарист и воинствующий безбожник. В Швейцарии ему явно не повезло. Приходилось тяжело физически работать за мизерную плату, несколько раз попадал в тюрьму — то за бродяжничество, то за революционные призывы. В 1905 году решил он воспользоваться королевской

— 11. Муссолини и его власть —

199

амнистией дезертирам, вернуться в Италию и отбыть военную службу. Тут, чтобы угодить начальству, он становится патриотом — раньше в редактировавшейся им социалистической газетке «Борьба классов» (*Lotto, di Classe*) он называл «национальный флаг тряпкой, которой место только в навозной куче». Получив отпуск на похороны своей матери, он пишет своему капитану, что в отличие от множества писем соболезнования, которые отправились в печку, только письмо этого капитана он будет беречь, «как одно из самых дорогих воспоминаний моей жизни»¹. Далее идут патриотические излияния и обещания расправиться однажды «с варварами Севера», то есть тевтонцами.

Отслужив свои два года в армии, он снова становится социалистом, пацифистом, а затем редактором главного органа ПСИ² «Вперед!» (*Avanti*). Превращение его в националиста и милитариста мы уже обсуждали. При всем при том воевать он не спешил и стал солдатом только, когда его призвали (хотя в последующих официальных биографиях писалось, что на фронт он пошел добровольцем). Солдатом он был исполнительным, смелым и окончил войну ефрейтором, как Гитлер. Был тяжело ранен. Выздоровливал в тыловом госпитале он долго. Вылечившись полностью, в действующую армию, однако, не вернулся в отличие от поэта-патриота и вождя крайних националистов летчика Аннунцио, который, потеряв глаз при падении своего подбитого самолета, продолжал совершать налеты не только на прифронтовые австрийские города, но даже на Вену.

После вступления Америки в войну Муссолини стал поклонником президента Вильсона. Особенно Муссолини понравилось, что в мае 1918 года Вильсон добился принятия закона, предоставившего ему особые полномочия. Муссолини с энтузиазмом, хотя и ошибочно, истолковал это как превращение президента в диктатора. Историк Ферми указывает, что именно с этого момента Муссолини уделяет в своих статьях много положительного внимания диктатуре. А

о

¹ Fermi, Laura *Mussolini*. The University of Chicago Press, 1961,

p. 47.

² PSI — Партия социалистов Италии.

200

— 11. Муссолини и его власть —

Вильсоне он пишет, что это «величайший из императоров... ибо он правит не землями, а душами людей...». Муссолини был обнадежен тем, что Вильсон забыл о своем лозунге восстановления национальных суверенитетов, об обещании положить конец тому, чтобы одни народы правили над другими, что он предоставил немецкоговорящие Эльзас и Лотарингию Франции и опять же немецкоговорящий Южный Тироль — Италии.

Вхождение во власть

На массовом митинге по поводу конца войны в Милане 10 ноября 1918 года присутствовала еще неизвестная публике группа в черных формах, вооруженная до зубов. Назывались они *ардити* (ребята «сорви голова») и использовались в качестве штурмовиков-смертников в бою, а тем более они годились для беспощадного подавления уличных демонстраций и прочих беспорядков. С ними был Муссолини. Это и было начало военизированной фашистской милиции (скудадристи). Их символом был череп с перекрещенными костями, как у будущего гитлеровского СС. Образование самой фашистской партии, однако, принадлежит уже к 1919 году — году разочарования Муссолини в Вильсоне и в неполучении всех тех территорий, на которые Италия претендовала, и часть которых была ей обещана Лондонским договором. Это был и год голодных бунтов в Италии, о которых бывший коминтерновец и специалист по Коминтерну Боркенау говорит, что, если в то время была где-либо страна, события и состояние в которой больше всего приближались к событиям в России 1917— 1921 годов, то

это была Италия.³

23 марта в миланском Клубе промышленных и коммерческих интересов (что весьма симптоматично!) был образован союз Фашей борьбы.¹ В это время Муссолини колебался еще между прямой связью с капиталом и социализмом. Чтобы не

³ Borkenau, Franz *World Communism*. The* University of Michigan Press, 1971, p. 169-170, 208-213, 223, 227, 271.

¹ Фаши — это пучки палок, связанные лентой, — бывший дисциплинарный символ римских легионов.

— 11. Муссолини и его власть —

201

порвать окончательно связи с массами, он даже устроил несколько забастовок.

Летом 1919 года стачки, требующие понижения цен или повышения зарплат, захватили всю страну, превратившись в так называемые *Итальянские забастовки*, то есть в захват заводов и фабрик рабочими. Но либеральное правительство Джьёлотти силы против стачек не применяло, предполагая, что они постепенно сами угаснут, что в конце концов и произошло. Молодая фашистская партия полностью провалилась на первых послевоенных выборах в ноябре 1919 года, получив в Милане неполных 5 тысяч голосов из 270 тысяч, — прошел в парламент лишь один Муссолини. Большинство голосов по всей стране досталось Социалистической партии Италии (ПСИ). Муссолини не унывал: он заявил, что ему нужнее 5ты-сяч бунтарей, чем 5 миллионов голосов. Что касается ПСИ, то умеренное крыло партии предлагало создать коалиционное правительство с католиками (вторая по размеру партия) или либералами. Но радикальное большинство в руководстве партии решительно отказалось входить в коалицию с «буржуазными» партиями. А тут московский Коминтерн на II конгрессе в 1920 году принял ленинский устав из 21 пункта, который обязывал каждого коммуниста в мире служить базе мирового коммунизма, то есть Советской России, и исполнять любые поручения главного штаба Коминтерна. Иными словами, каждый коммунист становился потенциальным шпионом в пользу Советской России (с 1922 года — СССР) и не мог быть лояльным гражданином своей страны. Коминтерн предъявил итальянским социалистам (как, впрочем, и всем социалистическим партиям мира) ультиматум подчиниться немедленно ленинской программе Коминтерна. В результате в партии произошел раскол, одна треть приняла требование, порвала с ПСИ и образовала Коммунистическую партию Италии (ПКИ). Этим Ленин сделал огромную услугу Муссолини, который принялся пугать угрозой большевизма и так напуганную беспорядками и стачками буржуазию. В 1920-1921 годах по всей стране распространились подлинные бои между фашистскими скуадристами и социалистами — в пропагандистских це-

202

— 11. Муссолини и его власть —

лях фашисты всех социалистов называли большевиками, а публику запугивали коминтерновскими постановлениями, призывавшими к мировой революции и ликвидации частной собственности. Эти постановления на самом деле к основной части ПСИ отношения уже не имели. ПСИ была настолько осторожной, что подавляющее большинство забастовок устраивалось католическими, а не социалистическими профсоюзами. Однако фашисты, пытавшиеся привлечь па свою сторону тот же электорат, что голосовал за социалистов, видя в них своих главных конкурентов, вели борьбу с социалистами и коммунистами. В вооруженных стычках побеждали обычно фашисты, поддерживаемые капиталом и неофициально получавшие оружие от армии. Полиция, как правило, тоже была на стороне фашистов или сохраняла «нейтралитет», не принимая мер против фашистских боевиков. Муссолини превращался в глазах все более широких слоев в защитника прав собственности и спасителя от большевистского террора.

В этой ситуации единственной конструктивной альтернативой фашистам или возможной попытке большевистской революции было бы правительство коалиции двух самых популярных партий страны — Католической и Социалистической, и на уровне социалистических профсоюзов и рядовых социалистов большинство было за такую коалицию. Но она оказалась невозможной из-за запрета папы римского па союз с атеистическими партиями (каковыми считались социалисты) и, как мы уже сказали, из-за отказа большинства в руководстве ПСИ от союза с буржуазными партиями.

Из-за невозможности создать коалиционное правительство премьер-министр Джьёлотти распустил парламент в апреле 1921 года и пригласил фашистов выступить в избирательной

кампании в правительственном блоке.⁵ Так, несмотря на то, что на этих последних свободных выборах фашисты получили всего 15% голосов как члены правительственного блока, в парламент попало 35 фашистов, в том числе и Муссолини. ПСИ получила 156 мест в парламенте из 530, а като-

⁵ В Италии правительство имело право создавать свою правительственную партию, которая в выборах выступала наравне с общественными политическими партиями.

— 11. Муссолини и его власть —

203

лическая *Народная партия* («Пополари» или ПП) — 104. Джьёлотти надеялся таким образом «приручить» фашистов, заставить их работать в коалиционном правительстве и как часть государственного аппарата приручить скуадристов. Джьёлотти ошибся: гражданская война продолжалась. В каждом городке, где были социалисты и отставные офицеры, последние образовывали местное фаше, вооружали и тренировали его и вступали в бои с местной секцией ПСИ или коммунистов. Наконец, по предложению Муссолини, забывшему о своих прежних утверждениях, что фашисты не партия, а движение, в ноябре 1921 года была сформирована фашистская партия. Фашей в это время по всей Италии было 2200 с общим числом членов 320 тысяч, но фашистской партии как таковой еще не было. Началось подчинение разрозненных фашей единому центру.

В 1922 году Муссолини воспользовался провалом всеобщей забастовки, неудачно объявленной ПСИ. Пренебрежение со стороны рабочих приказами партии и страх средних классов перед забастовкой и тем, что недавно появившаяся ПКИ превратит ее в большевистский террор, развязали руки фашистским скуадристам, которые штурмом отобрали у социалистов Миланский городской совет под аплодисменты миланских капиталистов и средних классов. Муссолини теперь как член парламента выступал с заявлениями, что только он и его партия в состоянии остановить гражданскую войну и хаос, развязываемые коммунистами. В глазах общественности Муссолини вырастал как единственный сильный вождь, способный наладить мирную жизнь в стране, хотя бы и силовыми методами.

Главой правительства в это время был добрый и наивный Луиджи Факта, преданный королю и доверчивый. Он не принял никаких мер против создания Муссолини в 1922 году уже единой централизованной фашистской военной милиции (собственно частной армии). Алиби этого незаконного формирования была ее присяга: «... во имя Бога и Италии, во имя тех, кто пал во имя величия Италии, посвящая себя полностью служению Италии». Фашизм в ней не упоминался. И вот 24 октября на фашистском съезде в Неаполе, принимая парад вооруженных до зубов фашистских военизированных

204

— 11. Муссолини и его власть —

частей, Муссолини объявил о предстоящем через четверо суток походе на Рим, чтобы взять власть в свои руки. Что касается «идеологии» или программы будущей фашистской власти, то тут Муссолини был откровенен до полного цинизма: «Наша программа проста, — заявил он. — Мы хотим управлять Италией». Накануне похода, 27 октября, появилась прокламация об этом фашистского Квадрумвирата, в которой были и следующие слова:

«Фашисты! Итальянцы!

Наступил час решительной битвы. ... Сегодня армия чернорубашечников, взяв в свои руки эстафету преданной победы [в минувшей войне], восстановит ее во славу Капитолия. ... Военный закон фашизма вступает в силу. По приказу дуче (вождя) ... вся исполнительная власть партии вручается тайному Квадрумвирату с диктаторскими правами. Фашизм воздает высочайшую честь армии; и не против полиции выступает фашизм, но против политического класса кретин и идиотов, которые все эти четыре послевоенные года не сумели дать стране подлинное правительство ... Фашизм хочет всего лишь восстановить национальную дисциплину и содействовать всем, чья деятельность способствует экономическому развитию и благополучию народа. Тем, кто трудится, нечего опасаться мощи фашизма. Их права будут лояльно защищены. Мы будем великодушны и к невооруженным противникам. Но [к сопротивляющимся] мы будем неумолимы. Мы призываем Всемогущего Бога" и дух полумиллиона наших погибших в свидетели того, что мы руководствуемся лишь ... страстью ... дать нашей Отчизне безопасность и величие».⁷

Состав этого «тайного» Квадрумвирата интересен тем, что он свидетельствует о разношерстности итальянского фашиз-

¹¹ Это атеист-то Муссолини! Не напоминает ли это читателю нынешнего главу КПрФ Зюганова с его обращением к Православной церкви накануне парламентских выборов 1999 года, в котором сей

главный атеист страны изготовил некий салат из Сталина с Сергием Радонежским и Нилом Сорским! См.: Ситников, Михаил «Из истории коммунистического богословия», в *Русская мысль*, № 4288, с. 19.
⁷ Ферми, Лаура *Указ, соч.*, с. 190.

— 11. Муссолини и его власть —

205

ма. «Вторым воплощением» Муссолини был генсек партии Микеле Бьянки. Однолетка и сподвижник Муссолини с первых шагов газеты «Народ Италии», журналист, синдикалист плебейского происхождения, как и его вождь. Самым старшим по возрасту был 58-летний генерал Эмилио де Боно. Во время Первой мировой войны он занимал высокие посты в армии. Примкнув к фашизму, он возглавил его милицию, все еще будучи кадровым офицером регулярной армии. Тот факт, что он не был наказан за такое нарушение дисциплины, свидетельствует, что армия сочувствовала фашизму. Капитан Чезаре де Векки — пьемонтанский помещик, герой войны и кавалер многих орденов, организатор фашистского движения в Пьемонте (подножье Альп). По убеждениям это был монархист с почти средневековыми феодальными взглядами. Четвертым был 26-летний типичный представитель молодых ветеранов войны Итало Бальбо, возненавидевший социализм зато, что социалисты после войны оскорбляли военных: дело в том, что ПСИ была единственной социалистической партией воюющей Европы (за исключением русских большевиков), которая последовательно и бесповоротно придерживалась пацифизма и была против участия Италии в войне. Бальбо был типичным представителем тех, кто ненавидел то, что знал, и не знал, чего хотел,⁸ и потому пошел за вождем, обещавшим новую Италию. Это был своего рода партизан. Провозгласив себя фашистским генералом и возглавив «армию» из 60 с лишним тысяч боевиков, он совершил перевороты в родной Ферраре и Болонье. Именно Бальбо настоял на неучастии Муссолини в походе на Рим. Муссолини был мифом, «сверхчеловеком», необходимым для сохранения единства такой разношерстной партии, но он был ни к чему в конкретных действиях и руководстве ими. По словам Ферми, «без аудитории Муссолини был такой же пустышкой, как и его слова без его голоса».¹ Поход на Рим 20 тысяч чернорубашечников проходил без него: Муссолини в это время отсиживался в Милане, поближе к швейцарской границе, на случай неудачи похода. В Милане он вел переговоры о совместном

* См. главу 10.

•' Ферми, Лаура *Указ, соч.*, с. 193

206

— 11. Муссолини и его власть —

коалиционном правительстве. В Риме преувеличивали силы чернорубашечников, не зная о приказе Муссолини не оказывать вооруженное сопротивление армии, если она выступит против фашистов. Король, опасаясь Гражданской войны и пролития крови, отменил чрезвычайное положение, объявленное было премьер-министром с разрешения того же короля. Новоназначенный премьер Саландра первоначально предложил Муссолини вступить в коалиционное правительство одним из министров. Но тот самый Муссолини, который всего пятью сутками раньше в Неаполе говорил лишь о своем и других фашистов участии в коалиционном правительстве, теперь категорически потребовал премьерство для себя. 30 октября он прибыл в Рим, явился к королю и получил из рук последнего пост премьер-министра. Так началась фашистская эра Италии, хотя в первом кабинете Муссолини из 14 министров только трое помимо Муссолини были членами фашистской партии.

Муссолини у руля власти

Что же все-таки представлял собой итальянский фашизм? Начнем с сокращенного текста Программы 23 марта 1919 года, когда фашистам надо было завоевать популярность и выглядеть в глазах общества вполне уважаемой и цивилизованной партией.

1. Национальное учредительное собрание — итальянское отделение международного учредительного собрания, которое приступит к перестройке политических и хозяйственных основ общественной жизни.
2. Провозглашение итальянской республики на основах автономии и самоуправления областей и муниципалитетов. Суверенитет граждан, осуществляемый всеобщим правом голоса, референдумов и вето.
3. Отмена политической полиции. Выборные муниципальные советы независимы от исполнительных органов.
4. Отмена всех дворянских степеней и титулов.
5. Отмена всеобщей обязательной воинской повинности.
6. Свобода убеждений, вероисповедания, совести, собраний и печати.

7. Доступная всем система образования — всеобщего и профессионального.
8. Доступное для всех медицинское обслуживание.
9. Ликвидация компаний ограниченной ответственности, акционерных обществ, спекуляции, банков и бирж.
10. Учет и налогообложение частных богатств. Конфискация непроизводственных доходов.
11. Запрет на детский труд до 16 лет; 8-часовой рабочий день.
12. Предприятия реорганизуются в кооперативы при участии всех трудящихся в доходах.
13. Запрет на тайную дипломатию.
14. Внешняя политика вдохновляется международной солидарностью и независимостью стран, входящих в конфедерацию государств.

Вряд ли стоит говорить, что реальный фашизм в действии не имел почти ничего общего с этой программой. В этом смысле германские нацисты были честнее: придя к власти, они выполняли (а позднее и перевыполняли, в отношении евреев, во всяком случае) свою Программу.

Значительно позднее Муссолини, а скорее всего за него писал фашистский философ Джентиле, гораздо ближе к истине охарактеризовал свою партию в «Итальянской энциклопедии»:

«Для фашиста государство всеобъемлюще; вне государства не существует никаких человеческих или духовных ценностей... В этом смысле фашизм тоталитарен, а фашистское государство, являющееся синтезом всех ценностей, разъясняет, развивает и оснащает мощью всю жизнь народа ... ни личности, ни коллективы (политические партии, культурные ассоциации, хозяйственные союзы, общественные классы) не существуют вне государства».¹⁰

¹ Итальянский политолог Alberto Aquarone писал по поводу этого фашистского самоопределения: «Фашистское государство постоянно провозглашало себя ... тоталитарным, но на самом деле до конца своих дней оно оставалось династическим и католическим государством, а не тоталитарным, согласно определению этого термина фашистами». См.: Cassels, Alan *Fascism*. N.Y., Thomas Crowell, 1975, p. 67.

Затем следует утверждение, что отрицание фашизмом социализма, демократии и либерализма не является попыткой вернуться к тому, что было до 1789 года (то есть до Великой французской революции). «Фашизм, — пишет Муссолини или Джентиле, — использует для строительства своего общества те элементы из либеральных, демократических и социалистических доктрин, которые представляют собой еще жизнеспособные ценности».

Вообще в революционных движениях, которые провозглашают национальную государственность, основанную на тех или иных исторических традициях, изначально заложено противоречие, ибо социально-политическая революция ни что иное, как разрушение исторически сложившегося государства, разрыв с историей и традициями. Революции справа, если фашизм, весьма условно, считать правым радикализмом, чтобы претендовать на легитимность должны хоть в какой-то степени считаться с историко-политической преемственностью, пользоваться или злоупотреблять конституционным процессом для обретения власти.

Но с идеологической точки зрения итальянский фашизм, как и германский нацизм, был весьма неразборчивой смесью, например:

1. При всей вражде между ним и социалистами Муссолини пытался в 1921 году восстановить сотрудничество с ПСИ и надеялся, что после откола большевиков-ленинцев ПСИ станет менее радикальной и согласится на блок с фашистами. Эти демарши не нравились фашистским скуадристам (которые в партии шли характерно под кличкой ЧК) и в 1924 году они убили Маттеотти — вождя социалистических профсоюзов и депутата парламента от социалистов. После этого всякое сближение и сотрудничество между фашистами и социалистами было исключено.
2. Как мы уже говорили, фашистский корпоративизм основывался частично на католическом солидаризме, порожденном энцикликой папы Льва XIII 1891 года «*Rerum novarum*», а

частично на синдикализме Сореля, в частности, на той идее, что представительство в законодательной палате образовывается не простой избирательной кампанией и голосованием большинства, а представительством от производственных и профессиональных объединений.

11. Муссолини и его власть —

209

3. Первоначально фашисты объявляли себя антиклерикалами, однако, придя к власти, они впервые со времени объединения Италии помирились с Католической церковью и в так называемом Латеранском соглашении с папой 1929 года признали Ватикан суверенным государством, а Католическую церковь единственной государственной религией с обязательным преподаванием Закона Божьего в государственных школах. Даже признали право Католической церкви иметь свое молодежное движение. Правда, позднее Муссолини пытался отобрать молодежь у Католической церкви, проведя закон об обязательном членстве всех школьников в фашистской организации *Баллиле*, но католики в составе фашистской партии (так называемые клерико-фашисты) поддержали право католиков отправлять своих детей в католические вместо фашистских организации, и Муссолини был вынужден уступить католикам. Существование католического молодежного движения уберегло значительную часть итальянской молодежи от фашистской индоктринации и создало кадры будущих деятелей итальянской демократии.

4. И именно, отдавая дань истории и традиции, Муссолини пришел к власти, хоть и с большими натяжками, но вполне легитимно.

Став премьер-министром, Муссолини перекрасился еще раз — объявил себя преданным монархистом. Но сам факт сохранения монархии — причем с гораздо большими правами, чем у английских королей, — был фактором ограничения того тоталитаризма, о котором мечтал Муссолини. В течение всего своего правления он должен был считаться, с одной стороны, с королем и историческим аристократическим истеблишментом, с другой, после подписания Латеранских соглашений — с Ватиканом. Таким образом, на практике итальянский фашизм стоял где-то посередине между тоталитаризмом и традиционным авторитаризмом. Как мы увидим, такие же, а то и более мощные ограничения имели место во всех иных странах, заигрывавших с фашизмом или нацизмом.

Даже после формального создания партии она оставалась некой федерацией автономных фашей — при каждом была своя единица вооруженных скуадристов, причем местные фашистские вожди, как правило, были значительно радикальнее и левее Муссолини. Как и левые нацисты, они ожидали,

210

— 11. Муссолини и его власть —

что, придя к власти, Муссолини перевернет всю государственную машину, а не пойдет на компромисс с истеблишментом. Опасаясь бунта «атаманов», Муссолини созвал *Большой совет фашизма* в Риме, на котором добился согласия делегатов преобразить скуадристов в единую централизованную *Добровольную милицию национальной безопасности* (ДМНБ), что, с одной стороны, дало этим единицам государственный статус, но, с другой, лишило местных «атаманов» своей вооруженной силы: члены ДМНБ присягали Муссолини как главе правительства (а не как главе фашистов). В последний раз Муссолини дал фашистским «атаманам» волю во время выборов 1924 года, предоставив им возможность терроризировать избирателей, чтобы заручиться большинством голосов в пользу фашистов, однако даже в таких условиях правительственный фашистский блок получил всего 65% голосов. В 1924—1925 годы в парламенте увеличивалась оппозиция фашистскому режиму. Чтобы успокоить либералов, Муссолини отставил радикала Бальбо с поста начальника ДМНБ, члены которой отныне приносили присягу не Муссолини, а королю. Однако какие-либо формы сотрудничества с либералами и социалистами стали невозможными после упомянутого убийства Маттеотти, что, по-видимому, было совершено фашистскими радикалами, недовольными реверансами Муссолини в адрес либералов, а тем более социалистов. Назревал внутрипартийный бунт против умеренной политики вождя. Предполагая, что такая политика — результат давления антифашистских сил на Муссолини, фашистская партия потребовала от Муссолини ввести личную диктатуру в стране, чтобы начать наконец проводить в жизнь фашистский порядок. Этого-то Муссолини только и надо было! В 1925 году СБ провела всегосударственную акцию

против антифашистских элементов: нефашисты были исключены из состава Кабинета министров, была отменена ответственность правительства перед парламентом, после чего последний стал простой декорацией. Законодательная власть была передана фактически Совету фашизма (СФ), хотя формально он получил эти права только в 1928 году.

Антифашистские партии были объявлены вне закона и учреждена особая тайная полиция (*Сигурецца*), главной функцией которой стало преследование ан-

— 11. Муссолини и его власть —

211

тифашистских элементов. Во главе Сигуреццы стоял Особый трибунал защиты государства (ОТЗГ), состоявший из представителей фашистской милиции и деятелей партии, а не юристов (сравни с тройками НКВД — ОСО). В 1925 году заложены основы корпоративной государственной структуры: запрещены католические и социалистические профсоюзы, замененные Конфедерацией фашистских синдикатов, параллельно было создано корпоративное промышленное объединение под названием *Конфиндустрия*. В 1926 году запрещены забастовки и созданы совместные отраслевые конфедерации служащих и рабочих, разделенные на 7 отраслей народного хозяйства: промышленность, земледелие, банки, коммерция, внутренний транспорт, торговый флот и умственный труд. Естественно, что, лишившись рычага забастовок, рабочий класс потерял возможность законной эффективной борьбы за свои права и повышение уровня жизни. А в 1928 году под давлением Конфиндустрии были ликвидированы и фашистские профсоюзы. Вместо этого в 1934 году только что созданное Министерство корпораций ввело систему смешанных корпораций работодателей, служащих и рабочих, которая охватила всю экономику страны, а в 1938 году Палата депутатов итальянского парламента была заменена Палатой фашей и корпораций. Некоторые ее члены избирались корпорациями, других назначал Большой фашистский совет. Сама палата стала просто учреждением, априорно одобрявшим любые решения правительства. Что касается корпораций, то их представители обладали влиятельными голосами, но это были исключительно голоса предпринимателей, а не служащих, а тем более не рабочих, потому что к тому времени все представители социалистических и католических профсоюзов были «вне игры».

Успехи фашизма в области народного хозяйства были тоже по меньшей мере весьма сомнительны. Коррупция и взяточничество, характеризовавшие старую Италию, не только не сократились, но и возросли благодаря фактической юридической неприкосновенности верных фашистов. Как все диктаторы (Сталин, Гитлер, Хрущев), Муссолини вмешивался в экономические вопросы, ничего в них не смысля. В целях политического престижа был неоправданно завышен курс

212

— 11. Муссолини и его власть —

— 11. Муссолини и его власть —

213

итальянской лиры, что сильно ударило по экспортным возможностям страны. Следуя устаревшим экономическим теориям автаркизма, сеялась пшеница на почвах, где ее выращивание неоправданно дорого (вроде хрущевских посадок кукурузы в северных районах страны) и где до этого дешево и выгодно для страны выращивались южные фрукты и овощи. Пожалуй, единственным положительным хозяйственно-социальным достижением режима Муссолини было осушение болот в районе Рима и заселение их безземельными крестьянами, однако проблема мелиорации земель южной Италии была полностью проигнорирована.

Комбинация экономического спада 1930-х годов и типично диктаторской неэффективности ответственны за то, что между 1925 и 1938 годами валовой доход повысился только на 15%; но вот падение за этот же срок реальных доходов населения на 11 % ложится полностью виной на режим Муссолини, на его финансовое расточительство, прежде всего на наращивание военного потенциала, нужного для ненужной войны с Эфиопией и ее покорения в 1935—1936 годах, а затем для бездумного вступления на стороне Гитлера во Вторую мировую войну.

Муссолини терпеть не мог немцев и презирал Гитлера. По обстоятельства заставили его идти на сближение с Гитлером. Из-за итальянского нападения на Эфиопию Лига наций объявила экономическую блокаду Италии. И тут Гитлер пришел Муссолини на помощь. Нужные для Италии товары и сырье закупала Германия и посуху переправляла их из своих портов в Италию. За это Муссолини вступил в 1937 году в созданный Германией Антикоминтерновский пакт. Под влиянием этого же союза в 1938 году Муссолини начал вводить расистские законы против евреев, хотя никакого еврейского геноцида в Италии не было. И во время войны евреи были в лучшем положении и в большей безопасности в оккупированной Италией Ницце, чем в формально независимой части Франции, управляемой Петэном. Вообще в идеологии фашизма не было расизма, а лишь государственно-националистический, а не этнический национализм. В 1930-х годах Муссолини выдвинул как цель фашизма воссоздание Римской империи, которая уже сама по себе исключала расизм, ибо Римская империя была многонациональна и многорасова. Эта утопия стала официальной идеологической целью фашистской Италии.

В заключение коснемся политического террора в фашистской Италии, который кажется просто смешным по сравнению с нацистской Германией и даже франкистской Испанией, не говоря уж об СССР и всех без исключения коммунистических странах: за 5 лет работы Особого трибунала было казнено 9 противников фашизма. Кроме того, было 2 тысячи политических заключенных и несколько тысяч антифашистов были лишены работы. Многие из них были отправлены в ссылку под надзор полиции в основном на небольшие острова в итальянском морском пространстве.

Что касается идеологии, то, поскольку в ней не было элементов расизма в отличие от нацизма, применимого лишь к «арийцам», фашизм был вполне «экспортабелен» и в условиях депрессии 1930-х годов (которая широко воспринималась как катастрофа и конец либерализма) выглядел в глазах многих как единственный идеологический ответ на коммунистические интернационализм, террор, борьбу классов. Поэтому фашистские идеи, во всяком случае, в 1930-е годы привлекали многих. И, как мы увидим, элементы фашизма в той или иной степени проникли почти во все государственные системы межвоенной Европы, а также таких стран, как Япония, отчасти националистический режим Чан Кайши в Китае, перонистская Аргентина и некоторые другие страны Латинской Америки. Но предпринятая Муссолини попытка создать фашистский интернационал, созвав для этого специальную конференцию в швейцарском городе Монтрё в 1934 году, полностью провалилась, поскольку на ней открылись непреодолимые различия в толковании фашизма различными деятелями и государствами, что свидетельствует о недоработанности самой доктрины.

Библиографический очерк

Blinkhorn, Martin *Mussolini and Fascist Italy*. London, Methuen, 1984. Брошюра в 45 страниц, но предельно насыщенная фактическим материалом.

Borkenau, Franz *World Communism*. The University of Michigan Press, 1971. История Коминтерна с изложением роли Ленина и Коминтерна в расколе западных социал-демократических

214

— 11. Муссолини и его власть —

партий и косвенно в укреплении фашистских и прочих праворадикальных движений.

Cassels, Alan *Fascism*. N. Y., Thomas Y. Crowell, 1975, chapter 2: «One Fascist Prototype — Mussolini's

Italy». Добросовестное университетское учебное пособие с изложением различных школ по фашизму и нацизму. Сам автор не видит принципиальной разницы между этими идеологиями, но считает, что фашизм характерен для более отсталых стран, стремившихся при помощи фашистской диктатуры выйти в ряды передовых промышленных стран, а нацизм — это скорее ностальгия по мифологизированному доиндустриальному прошлому и уходящим традициям гомогенного народа, протест против космополитизма, приводящего к потере народом своего «я».

Он же *Fascist Italy*. Wheeling, 111., 1985. Добросовестная аналитическая работа.

Fermi, Laura *Mussolini*. The University of Chicago Press, 1961. Увлекательно написанная личная и политическая биография Муссолини. Автор — серьезный историк, только в отношении России есть неточности, например, борьба Керенского за власть отнесена к 1919 году вместо 1917.

Kitchen, Martin *Fascism*. London, Macmillan, 1976. Тошная, но весьма насыщенная материалом книжонка. Автор анализирует книгу Эрнста Нольте и поддерживает его теорию отождествления фашизма с нацизмом.

Pauley, Bruce F. *Hitler, Stalin and Mussolini*. Wheeling, 111., Harlan Davidson Inc., 1997. Сравнительное исследование личностей, методов захвата власти, пропаганды и правления названных трех тоталитарных диктаторов. В каждой главе сравнительный анализ всех трех в контексте тех или иных демаршей.

Sarti, Roland *The Ax Within: Italian Fascism in Action*. N. Y., 1974. Доскональная антология итальянского фашизма.

Sternhell, Zeev *The Birth of Fascist Ideology*. Princeton University Press, 1994, chapters 3—5. Одно из лучших исследований темы синдикализма, фашизма и нацизма. Автор решительно против смешения этих понятий и категорически относит нацизм и фашизм к разным философиям и разным источникам мысли в истории.

S.J. Woolf, ed. *Fascism in Europe*. London, Methuen, 1981. Сборник работ ряда ведущих историков и политологов. К этой главе относится статья редактора сборника «Italy».

Глава 12 Нацизм у власти

«Вождь, ты — мой вождь, ты мне послан от Бога. Защити, сохрани ты в жизни меня. Нашу родину спас ты в час тяжкий ее Хлеб насущный ты дал мне — спасибо тебе! Будь вождем моим в жизни — Гитлеру слава!»

Заклинание, которое каждое утро произносили воспитанники детских садов.

Как Ленин помог прийти к власти Муссолини, так Сталин косвенно содействовал победе Гитлера. VI съезд Коминтерна в 1928 году отменил политику единых фронтов с иными социалистическими и рабочими партиями. И вот, когда назрела победа нацистов и германские социал-демократы хотели действовать и выступать на выборах единым фронтом с коммунистами, немецким коммунистам было отвечено от имени Коминтерна через советское посольство в Берлине, что о сотрудничестве коммунистов с «социал-фашистами», как Москва обзывала социал-демократов, не может быть и речи. А Сталин изрек «гениальные» слова: «Путь к коммунизму в Германии лежит через Гитлера». Более того, коммунисты участвовали на стороне нацистов в большой прусской забастовке, которая способствовала провалу и отставке тамошнего социал-демократического правительства, незадолго до прихода Гитлера к власти, а на нарукавном знаке забастовщиков была изображена связка серпа и молота со свастикой!

После провала мюнхенской попытки путча 1922 года, Гитлер решил прийти к власти «строго легитимным» путем, применяя некие натяжки, допускаемые конституцией. 31 января 1933 года, на другой день после того, как дряхлеющий Гин-

216

— 12. Нацизм у власти —

денбург назначил его канцлером, Гитлер обратился с воззванием к германскому народу, в котором он отзывался о Веймарской республике как о национальной катастрофе. И вот он и германские патриотические деятели, объединившись под главенством Гинденбурга, формируют национальное правительство, назначение которого — национальная революция, которая объединит весь германский народ и его национальную волю для восстановления народного хозяйства и подлинной национальной свободы. Интересно отметить, что бывший канцлер, а в первом гитлеровском правительстве заместитель канцлера, националист, но не нацист, фон Па-пен и другие ненацисты гитлеровского кабинета согласились на мартовские выборы при условии, «что это будут последние выборы и что они не должны привести к восстановлению парламентской системы». ¹ Таковы были настроения германской элиты!

Приемлемость Гитлера элите да и германской общественности в целом придавало, во-первых, то, что Гитлер свой первый кабинет наполнил представителями традиционно консервативных кругов — только трое из одиннадцати были нацистами — и, таким образом, правительство выглядело «национально-представительным» и респектабельным, а, во-вторых, поджог здания Рейхстага (федерального парламента) якобы неким психопатом — голландским коммунистом Ван дэр Люббе². Пользуясь поджогом как предлогом, Гитлер убедил Гинденбурга применить 48-ю статью конституции — ввести в действие Закон «О защите нации и государства», что заложило основы для превращения Германии в полицейское государство и дало Гитлеру возможность, распустив парламент, в течение 5 недель управлять страной фактически в качестве диктатора.

В этой обстановке Геринг — бывший летчик-герой Первой мировой войны, затем ближайший сотрудник Гитлера — стал министром внутренних дел Пруссии. Это дало ему власть над

¹ J. Spielvogel *Hitler and Nazi Germany*, p. 69.

- Он был обнаружен на месте преступления, но до сих пор неизвестно, был ли он поджигателем или его подставили, чтобы получить алиби для запрета компартии.

— 12. Нацизм у власти —

217

двумя третями германских полицейских сил. В феврале 1933 года он «очистил» прусский аппарат госслужащих от ненацистов, затем соединил военизированную националистическую организацию ветеранов «Стальной шлем» со штурмовиками СА и приказал прусской полиции не мешать действиям этой организации, которая приступила к терроризированию антинацистов накануне предстоявших в марте выборов, во время которых они же терроризировали избирателей, нападали на избирательные участки и т.д. Неудивительно, что выборы в марте 1933 года, проходившие в такой обстановке, увенчались окончательной победой Гитлера в коалиции с Германской национально-народной партией — 52 % голосов, из коих 44 % голосов отдано нацизму, 8 % — ГННП. Учитывая, однако, условия, в которых проходили выборы, можно смело сказать, что результаты свидетельствуют о реальном уменьшении пронацистских голосов по сравнению с выборами предыдущего года. Под предлогом угрозы коммунистического переворота, используя упомянутый закон, Гитлер запретил коммунистическую печать и узаконил полицейское преследование и насильственный разгон коммунистических собраний.

Первый гитлеровский парламент был открыт в храме берлинского гарнизона. Возложены были венки президентом Гинденбургом и канцлером Гитлером на королевские могилы. Затем, стоя рядом на трибуне, они принимали парад войск, военизированных частей и полиции. Гитлер был во фраке и цилиндре. Весь этот маскарад имел целью еще раз убедить нацию в традиционализме и консерватизме нового правительства, которого, мол, нечего опасаться.

Пользуясь все тем же поджогом, в марте 1932 года Гитлер изгнал из парламента коммунистов и запретил партию. В том же марте был создан в Дахау первый концлагерь для политзаключенных. Благодаря достигнутому абсолютному большинству голосов в парламенте Гитлер 22 июня 1933 года запретил социал-демократическую партию и исключил ее депутатов из Рейхстага под предлогом того, что часть руководителей партии эмигрировала и из-за границы вела пропаганду против Германского государства. Запрету социал-демократов аплодировали в Рейхстаге националисты, но 26 июня Гитлер

218

— 12. Нацизм у власти —

ликвидировал и их партию. За этим последовала ликвидация еще двух партий, — либеральной и католической; после чего 14 июля был утвержден Закон об однопартийности Германского национал-социалистического государства. После этого уже без всяких проблем Гитлер «провернул» некий «Допускающий закон», который предоставлял ему неограниченные диктаторские полномочия на 4 года, ввиду «чрезвычайного положения», оправдание которого было «пришито» к поджогу Рейхстага. Закон этот прошел 441 голосом против 94 благодаря поддержке партии католических центристов, которые считали, что стране необходимо сильное правительство. Как пишет Шпильфогель, «парламентская демократия была разрушена парламентским путем». ^a Через 4 года «Допускающий закон» был продлен еще на 4 года без всяких проблем поскольку к тому времени все оппоненты были либо за рубежом, либо в концлагерях, либо «пущены в расход». Так, в дураках остались очень неглупые консервативные политические деятели, которые рассчитывали, что управлять будут они, а Гитлер как демагог-народник будет их марионеткой, необходимой для получения поддержки масс. Эту победу Гитлера Шпильфогель верно объясняет тем, что «Гитлер был исключительно лукавым политиком, который точно знал, к чему стремиться, и обладал при этом неограниченной жестокостью». ¹ У русского читателя при

этом должен возникнуть по ассоциации образ Ленина: лукавство, обман, нравственный нигилизм и неограниченная жестокость — именно этими качествами Ленин победил и белых, и зеленых, и крестьянские восстания 1922 года. Ыо вернемся к Гитлеру.

Подобно Муссолини, но гораздо быстрее и решительнее, уже в первый год своей диктатуры Гитлер ликвидировал независимые профсоюзы: провозгласив Первой государственным праздником и проведя в этот день по стране совместные парады-демонстрации рабочих, СА и СС, на следующий же день СА и СС разгромили присутственные места профсоюзов по всей Германии, избив и отправив в концлагеря их деятелей. Вместо профсоюзов был создан *Трудовой фронт* под J. Spielvogel *Hitler and Nazi Germany*, p. 73. Там же, с. 69.

— 12. Нацизм у власти —

219

руководством нацистского «интеллектуала»-алкоголика д-ра Лея. Разочарованные неспособностью старых профсоюзов защитить их права во время Великой депрессии, рабочие отнеслись вполне спокойно к этой ликвидации. Раньше вопросы труда и трудящихся находились в компетенции вождя левого крыла партии — Штрассера. Ликвидация профсоюзов и передача социально-трудовых вопросов Лею была почти смертельным ударом по Штрассеру и вообще идеологически-ортодоксальному крылу партии.

Со смертью Гинденбурга в 1934 году в лице Гитлера уже формально объединились функции президента и премьера. Чтобы придать этому акту законообразность, были проведены еще одни «выборы», уже совершенно подложные — по образу и подобию Советского Союза, — на которых Гитлер получил 90 % голосов. Гитлер предпочел титул фюрера, то есть вождя вместо уж очень «канцеляристского» президента.

Гитлер-вождь

То, что Сталин сделал с компартией между 1934 и 1938 годами, Гитлеру удалось проделать в одну ночь — 30 июня 1934 года.⁵

Как мы видели уже в ударе Гитлера по Штрассеру, в партии назревал конфликт между прагматиком-Гитлером и ортодоксальными нацистами, принимавшими всерьез левосоциали-⁵ Существует вполне правдоподобное предположение, что сталинская кировская чистка 1934 года (и дальнейшее ее развитие в 1937-1938 годах) была «вдохновлена» гитлеровской «ночью длинных ножей». На Сталина, мол, произвело колоссальное впечатление то, как быстро и решительно Гитлер расправился со своей внутривластной оппозицией. Это внушило ему и уважение к Гитлеру, что сказалось на будущем их союзе 1939—1941 годов и том, что нападение нацистов на СССР было названо Сталиным вероломным — значит, была вера в Гитлера! Естественно, Сталин видел в Гитлере своего двойника, с которым можно договориться и «разделить мир». Это не то, что всякие там президенты, которые должны считаться с избирателями, и поэтому сотрудничество с ними ненадежно, невозможно. Именно так скорее всего размышлял Сталин.

220

— 12. Нацизм у власти —

стическую программу нацистской партии. Эти левые считали, что теперь, после окончательного укрепления нацистов у власти, настала пора покончить с реверансами в сторону капиталистов и правых консерваторов и приступить к подлинной национальной революции — ударить по капиталистам, большим универсам и помещикам, передать часть земель последним в пользу бедных крестьян, оказать поддержку малым предприятиям и ремесленникам за счет сокращения капиталистических концернов. Гитлер же уже в июле 1933 года, выступая перед государственными служащими, заявил, что революция окончена. Наступило время эволюции, время образования и воспитания нации в духе национал-социализма.

К числу левых, не желавших складывать оружие на достигнутом, были и кадры СА, численность которых к 1934 году превысила полтора миллиона (против 100 тысяч регулярных войск), особенно руководство, в том числе и глава СА Эрнст Рем. В классовом отношении с этим течением связано трение СА с регулярными войсками. Не без основания СА считало, что оно своими террористическими действиями обеспечило Гитлеру победу, в то время как регулярная армия соблюдала нейтралитет; теперь же в почете армия, а не СА. Назревала опасность восстания СА. Рем предлагал Гитлеру одно из двух: либо вторую революцию во имя выполнения первоначальной программы, либо зачисления СА в регулярную армию и введения в СА той же системы чинов, что и в армии. Последнее было невозможно: армия презирала СА как свору хулиганов и категорически отказывалась признать ее чины

равноправными армейским.

Трения достигли такой остроты, что Рем заявил командирам СА, что Гитлер — свинья, которая предаст их в любой момент. Но очевидно это было воспринято как обыкновенная риторика, ибо никаких мер собственной безопасности СА не предприняла. И вот Гитлер нашел «гениальное» решение: начальство СА было создано в баварский альпийский курорт. Кроме всего прочего, такое расширение армии нарушало условия Версальского мира, разрешавшие Германии армию в объеме не более 100 тысяч штыков. В 1933-1934 годах Гитлер не мог еще позволить себе так дерзко нарушить Версальское соглашение.

— 12. Нацизм у власти —

221

Висзэ. Там оно кутило и развратничало. Под утро 30 июня 1934 года на эту публику напали вооруженные до зубов части СС во главе с самим Гитлером, который лично ворвался в номер Рема, набросился на спящего и начал его душить.⁷ Все видные вожди СА, в том числе и Рем, были расстреляны в эту ночь. Заодно были убиты Грегор Штрассер, которому Гитлер не простил выход из партии в 1932 году в знак протеста против гитлеровской измены идеологической программе, а также генерал фон Шлейхер с супругой и бывший баварский комиссар фон Каар, которые подавили мюнхенский мятеж Гитлера в 1922 году, и еще несколько консервативных деятелей. Официально было заявлено, что убито 100 человек, но, вероятно, это число сильно приуменьшено. В Рейхстаге Гитлер заявил, что радикалы готовили государственный переворот, от которого Гитлер и его СС спасли Германию. Это не только сошло с рук безнаказанно, но главнокомандующий германской армией генерал Бломберг и даже президент Гинденбург публично поблагодарили Гитлера от имени вооруженных сил и германского народа за спасение Германии от предателей. Несомненно, признательны Гитлеру были и его новые гвардейцы — СС. В отличие от анархистских и распущенных СА СС были высоко-дисциплинированными преторианцами, присягавшими на верность лично Гитлеру. Правда, после смерти Гинденбурга в августе 1934 года все государственные чиновники и военнослужащие должны были присягать на верность Гитлеру как «фюреру германского рейха и народа».

Сформировал СС Генрих Гиммлер первоначально как вооруженных телохранителей Гитлера. В апреле 1934 года Гитлер назначил Гиммлера рейхсфюрером СС и начальником всех полицейских служб Германии, в том числе и гестапо — тайной или политической полиции (сравни с НКВД). Личность Гиммлера интересна тем, что, исходя из строго католической баварской семьи среднего класса, Гиммлер не только отрекся от христианства, но в 1920-х годах примкнул к неоязыческому культу, учившему, что крестьянство является священной закваской германского народа, для которого

⁷ Согласно дневнику Розенберга. См.: Шпильфогель *Указ, соч.*, с. 79.

222

— 12. Нацизм у власти —

должны быть отвоеваны и колонизованы немцами земли на востоке Европы. Помешанный на расизме, Гиммлер не только подбирал в СС «чистых» арийцев — голубоглазых блондинов, но уже в 1931 году разработал правила брака для эсэсовцев с обязательной проверкой расовой чистоты и физического здоровья невесты. Он же был автором системы *Лебеисборн* («Источник жизни»). Это были дома замужних и незамужних матерей, родивших детей от эсэсовцев и иных «расово чистых» германцев. В октябре 1939 года он обнародовал особый указ для всех эсэсовцев о долге физически и расово здоровых германских женщин зачинать детей от военнослужащих, отправляющихся на фронт.

В замке Вевельсбург в Вестфалии он создал что-то вроде эсэсовского монастыря с Круглым столом⁸ и 13 стульями для него и 12 его ближайших эсэсовских сотрудников — как бы его «апостолов». Все это он окружил ритуалом прославления саксонского короля Генриха-Птицелова, считая себя перевоплощением этого короля, призванного, как и последний, совершить завоевания на Востоке. Наряду с этим фантазированием он был помешан на расизме, считал необходимым ликвидацию евреев как изначальных врагов и смесителей германской крови. До «Ночи длинных ножей», как стало называться кровавое действо 30 июня, СС было автономным подразделением СА. После этой ночи они были выделены в отдельное отборное и особо преданное Гитлеру военное подразделение, носившее черную форму и череп с костями, изображенный на околыше. Численность их возросла от тысячи в 1927 году до 100 тысяч к концу 1933 года. Гитлер называл

Гиммлера нацистским Игнатием Лойолой (основатель ордена иезуитов) и назначил его начальником всех органов безопасности страны, прежде всего гестапо и СС.

Придя к власти под видом возрождения и утверждения подлинно германских традиций и при помощи традиционных националистов-консерваторов — в отличие от коммунистов, которые, только появившись на свет, обещали «до ос-

* Легендарного короля Артура. Тут интересна связь антихристианского мистицизма с тоталитаризмом — образ тоталитаризма как антицеркви, то есть сатанинского культа.

— 12. Нацизм у власти —

223

нования старый мир разрушить», — Гитлер был вынужден хотя бы внешне оказывать уважение германским государственным учреждениям и структурам, но, чтобы обходить их и иметь предельно абсолютную власть, он параллельно с ними создал сеть своих партийных учреждений. Эта нацификация Германии шла под названием *Gleichschaltung*, что можно перевести как согласование, то есть согласование всех сторон жизни с нацизмом. Так, параллельно старой системе местных властных управлений еще в 1920-е годы началась отстройка местных органов партийной власти под названием *гауэ* во главе с гауляйтером. После прихода нацистов к власти эти гауэ стали параллельными структурами областной и краевой власти на подобие того, как в СССР параллельно областным советам существовали обкомы, с двумя различиями, однако: во-первых, в СССР и советы, и обкомы были большевистским новообразованием, поэтому партруководство могло командовать советами так же, как обкомами, и советы самостоятельной власти фактически не имели; в Германии, во-первых, нацистам приходилось все же считаться с традиционными властными структурами, укорененными в истории и сознании народа, во-вторых, в отличие от СССР, где географические границы Советов и обкомов совпадали, у нацистов это было необязательно. В некоторых случаях один гауэ мог охватывать более одной области и, наоборот, что только усложняло систему управления, вводило бюрократический хаос. А во главе, так сказать, краев (бывших автономных княжеств и королевств Германской империи) с апреля 1933 года были назначены губернаторы (*Reichstaathaelter* в мн. числе), которыми во многих случаях по совместительству были те же гауляйтеры, по партийной линии подчинявшиеся непосредственно Гитлеру через его ближайших сотрудников — Гес-са, Бормана и Лея — хотя официально, по государственно-административной линии, начальством гауляйтеров были так называемые рейхсляйтеры. В непосредственном подчинении у гауляйтеров были районные партначальники — крайсляйтеры, а под их началом были партийные волостные старосты — целленляйтеры и еще ниже — «квартильные» партнадзиратели — блокляйтеры, главной функцией которых было следить за политическим поведением и разговорами подопеч-

224

— ii. лицизм у власти —

ных им 40—60 семей и писать соответствующие отчеты и доносы по начальству.

Параллельно старым судебным структурам было создано два типа нацистских судов, специализировавшихся на политических преступлениях. Это, во-первых, так называемые Особые суды, рассматривавшие политические преступления, подпадавшие под Закон против злобной клеветы на государство и партию, принятый в декабре 1934 года. Судьями в этих судах были проверенные нацисты, и их приговоры не подлежали обжалованию. Несмотря на зловещее название, напоминающее ОСО НКВД, приговоры этих судов покажутся человеку, жившему при советской власти, до смешного мягкими: так, мюнхенский Особый суд рассмотрел между 1933 и 1939 годами 5400 дел, по которым 1900 человек было привлечено к судебной ответственности, из них 1,5 тысячи были приговорены к срокам от 1 до 6 месяцев. Типичными причинами наказания были такие высказывания, как: «В концлагере Да-хау избивают заключенных», «Гитлерьюгенд калечит детей», «Гитлер — негодяй»⁹. Гораздо более зловещим был так называемый Народный суд. Созданный в апреле 1933 года, этот суд изъял из-под юрисдикции Верховного суда дела, связанные с изменой родине. Этот суд уже непосредственно напоминал «тройки» ОСО НКВД: судьями в них были два профессиональных юриста и три деятеля нацистской партии без каких-либо юридических квалификаций. Его приговоры мотивировались политикой, а не правом, не подлежали обжалованию и в большинстве случаев оканчивались расстрелом или отправкой в концлагерь на длительный срок или пожизненно. Этот суд, кстати, судил участников заговора против Гитлера в июле 1944 года, приговорив к расстрелу или повешению несколько тысяч человек (в основном офицеров). Поскольку нацисты в отличие от большевиков не меняли германского

уголовного и процессуального кодексов, «судьи» в этих особых судах должны были действовать не согласно закону, а в соответствии с партийными директивами, аналогично пресловутому советскому «телефонному праву» (к сожалению, все еще действующему в России). Параллелизм разных

⁹ Шпильфогель *Указ, соч.*, с. 109-110.

— 12. лацизм у власти —

225

категорий судов был неэффективен и дорог, но он давал возможность иногда и лицам, преследуемым по политическим мотивам, избежать нацистского судилища и, сумев попасть в руки традиционного суда и получив какой-то символический срок или даже условный, выскочить из еще незащелкнувшегося капкана гестапо и замести свой след.

Что касается расовых вопросов, то тут политика Гитлера не только совпадала с тем, что он писал в «Моей борьбе» и что теоретически «обосновывал» Розенберг в «Мифе XX века», но и значительно их превзошел. По Розенбергу источником расы является почва; соединение почвы и крови рождает душу народа — *Volksseele* по-немецки. Поэтому расово смешанные браки не должны допускаться. И уже в июле 1933 года были опубликованы «Евгенические законы», по которым немцам были запрещены браки без тщательного расового исследования жениха и невесты. Как мы видели, это правило соблюдалось особенно строго в отношении членов корпуса СС. Затем был учрежден особый Суд по наследственности, с правами присуждения насильственной стерилизации умственно и физически неполноценных, особенно, если медицинская экспертиза признавала, что эти недостатки и недуги могут передаваться по наследству. И наоборот, как уже говорилось, всячески поощрялось рождение детей здоровыми родителями. Многодетным предоставлялись всевозможные субсидии и льготы, а рожденный одной матерью 12-й ребенок становился крестником фюрера¹⁰.

Германия считалась естественной родиной для гражданина любой страны, если он был немецкого происхождения, и таковых призывали «вернуться» на их историческую родину. Для этого были созданы специальные организации, которые не только оказывали помощь немцам, переселявшимся в Германию, но и агитировали в нацистском духе немецкие меньшинства, особенно в таких странах, как: Польша, Чехословакия, Югославия, Венгрия и Румыния, где эти меньшинства становились нацистскими филиалами.

В «Моей борьбе» Гитлер, с одной стороны, называет евреев «вечными паразитами», а с другой, говорит, что массы мож-

¹⁰ Что сравнимо со званием «Мать-героиня» в СССР, — женщина, родившая 10 детей.

226

— 12. Нацизм у власти —

но держать в состоянии национальной мобилизации и подчинении вождю только если их внимание сосредоточить на одном определенном враге. Именно для этого ему нужны были евреи, которых он упрекал во всех смертных грехах: евреи (в лице Ратенау) нанесли Германии в 1918 году удар в спину (подписание Версальского договора, когда немцы, якобы, могли продолжать войну); революция в Германии 1918 года — дело рук евреев; евреи верховодят советским коммунизмом; власть посредством демократического большинства, либерализм и масонство — еврейские затеи; евреи манипулируют биржей...

Улсе в апреле 1933 года начался неофициальный бойкот еврейских предприятий и учреждений. Началась проверка на расовую чистоту всего коренного населения Германии, и те, у кого были обнаружены еврейские дедушка или бабушка, превращались из граждан в жителей Германии, им запрещались браки с расово «чистыми» гражданами Германии. Эти немцы с еврейской «четвертушкой» не могли быть государственными чиновниками, работать юристами, состоять в *Трудовом фронте* и любых других официальных организациях согласно Нюрнбергским евгеническим законам и Национальным актам 1935 года. Эмиграция евреев из страны осложнялась особым налогом, который вначале был небольшим, но к концу 1930-х годов достиг 100% стоимости имущества эмигранта. Это заставило многих евреев остаться в Германии, ибо при всем гитлеровском антисемитизме никто не предвидел массового геноцида, хотя так называемая «Хрустальная ночь»¹¹ осенью 1938 года могла бы послужить предупреждением о будущем поголовном уничтожении евреев. Речь идет об убийстве в Париже чиновника немецкого посольства евреем — эмигрантом из Германии. В наказание евреи в Германии должны были уплатить германскому правительству один миллиард марок, и с благословения нацистского

руководства по всей стране прокатились погромы синагог и еврейских деловых заведений с избиениями и убийствами евреев. Последо-
Ироническое название в связи с количеством разбитого стекла на улицах из подвергшихся погрому еврейских домов и магазинов.

— 12. Нацизм у власти —

227

вавшее за этим законодательство запретило евреям посещать театры, концерты, кино и прочие общественные представления. Евреев заставляли продавать свои предприятия и акции по смехотворно низким ценам, им запрещали покупать золото и драгоценные камни, появляться па некоторых улицах, они должны были переменить свои немецкие имена на библейско-иудейские, носить на одежде желтую 6-конечную звезду Давида. Им были выданы особые паспорта, а в некоторых городах еще до начала войны евреев переселяли в особые гетто. Что касается отправки евреев в концлагеря, то это началось лишь с завоеванием «восточных областей», то есть с 1941 года.

Социальная и экономическая политика

Достаточно успешной политика согласования оказалась в рабочем вопросе, хотя, составляя более 50% населения страны, «пролетарская прослойка» в нацистской партии была всего лишь чуть больше 30%. Но и это было большим достижением, учитывая, что до прихода к власти Гитлера подавляющее большинство рабочих примыкало к социал-демократам или коммунистам — непосредственно или через посредство профсоюзов. Ухаживая за рабочими, помимо уже упомянутого Первомая, Гитлер увеличил число платных выходных дней до 12 в году. Гитлеровская Германия впервые создала систему предоплаченных дешевых групповых путешествий для сравнительно малообеспеченных слоев трудящихся — дешевые плавания в Скандинавию или по Средиземному морю, а для более бедных — недлинные экскурсии внутри страны. По требованию Гитлера был создан «Фольксваген», то есть народный автомобиль, который должен был стать доступным каждой немецкой семье. Первые машины были выпущены в 1938 году. Рабочим предлагалось записываться на очередь, с вычетом небольшой суммы из их зарплаты до тех пор, пока уплаченная сумма не будет равняться стоимости автомобиля. Но через год началась война, и вычитаемые деньги пошли на строительство танков, а не народного автомобиля.

К ликвидации «своей» социал-демократической партии и традиционных профсоюзов рабочий класс отнесся весьма

228

— 12. Нацизм у власти —

спокойно. Как мы уже говорили, ввиду Великой депрессии и катастрофической безработицы немецкий рабочий класс потерял доверие к профсоюзам. Дело в том, что приход Гитлера к власти, с одной стороны, совпал с началом некоторого экономического оживления, и безработица к 1932 году сократилась по сравнению с 1930 на 2 миллиона. С другой, Гитлер с первого же года нахождения у власти начал готовиться к войне: заработали сталелитейные и прочие концерны тяжелой промышленности, началось массированное строительство дорог, производство оружия. Безработица резко сокращалась. Если в 1933 году было еще более 6 миллионов безработных, то через год их оставалось всего 2,6 миллиона, а к 1938 году уже была достигнута полная занятость. Национал-социалистическая секция социальной защиты бесплатно кормила безработных немцев еще и до прихода к власти. Наконец система *Трудового фронта* (ТФ), построенная не по профессиональному принципу, а по отраслевому, дала впервые немецкому рабочему чувство некоего демократического равенства с начальством и вышестоящими профессионалами. Германия по традиции была весьма стратифицированным обществом. Формально обращаются в Германии не по имени, даже не по фамилии, а по его/ее профессии или рангу. Так сказать, «каждый сверчок знал свой шесток». А тут, в «Трудовом фронте», все стали товарищами — инженер и директор завода пьют пиво вместе с разнорабочими, вместе песни поют, вместе отправляются на однодневную маевку... Всем слоям населения внушается, что они — единая германская семья. Трудовой фронт создал две внутренних организации: *Красота труда* и *Сила в радости*. Через первую ТФ убеждал работодателей улучшать условия труда, украшать рабочие места музыкой и цветами, обеспечивать их чистыми туалетами и душами, хорошим освещением, спортплощадками, а то и плавательными бассейнами. «Сила в радости» заботилась о здоровом и приятном досуге рабочих, о чем мы говорили выше. Все это имело колоссальное психологически положительное значение для немецкого рабочего. И он с готовностью прощал нацистский запрет

на забастовки, мирился с тем, что «Трудовой фронт» вместо борьбы за облегчение труда и по-

— 12. Нацизм у власти —

229

вышения зарплат взял на себя дисциплинарные функции, подстегивает рабочих более интенсивно работать и больше производить не только без соответствующего повышения ставок зарплаты, но при реальном их понижении, во всяком случае, в пропорции к национальному доходу. Так, если фонд зарплаты в 1932 году, несмотря на колоссальную безработицу, составлял 57% от национального дохода, в 1938 году при почти полной занятости он не превышал 54 % национального дохода. Новая психология труда и упор на патриотизм, на единство всех немцев вне зависимости от классов и состояния, очевидно, ободрял и возмещал такие «мелочи», как уменьшение доходов и отсутствие прав на коллективный протест. Ведь все теперь делалось во имя величия Германии после унижения 1918-1923 годов!

Гитлеризм не был бы системой тоталитарной, если бы его щупальца не охватывали и внутреннюю жизнь семьи. Сразу же началась нацификация школы и школьных учебников. Как и в СССР, больше всего пострадала историография, которая переписывалась под нацизм. Вводились такие предметы, как геополитика. Физкультура превратилась в уроки военного искусства (сравни с ДОСААФ в СССР). Как и в СССР, скаутизм (юное разведчество), построенный на воспитании в духе христианских ценностей и международного братства, был запрещен и заменен *гитлеръюгендом* для мальчиков и *Союзом немецких девушек* (СНД) для девочек, через которые проводилась программа интенсивной нацификации молодежи и фанатичной преданности фюреру. В качестве добровольной юношеской организации гитлеръюгенд существовал с 1926 года. Его руководителем с 1931 года и до падения нацизма был юный баварский аристократ Бальдур фон Ширах. До 1932 года гитлеръюгенд был юношеской частью СА. Затем он был подчинен МВД, но в 1936 году по рекомендации Шираха, гитлеръюгенд стал самостоятельной организацией, официально подчинявшейся непосредственно Гитлеру. Тогда же были запрещены любые иные детские и юношеские организации, в том числе и католические, чем Гитлер нарушил конкордат с Ватиканом (см. ниже), и чего не смог себе позволить Муссолини. На 1936 год в гитлеръюгенде и в СНД состояло 63 % всей немецкой молодежи в возрасте 10—18 лет¹². А с 1939 года

230

— 12. Нацизм у власти —

членство в гитлеръюгенде стало принудительным. Эта организация воспитывала фанатиков нацизма (если не было противоядия этому в семье).

Гляйхшальтунг, конечно, опирался на другого «слона» нацизма — *Fuehrerprinzip* — Принцип вождя, то есть все и вся выравнивалось, согласовывалось под вождем — все германцы равны перед лицом фюрера. А отсюда отстраивалось все общество иерархически по принципу вождя. Иными словами, под Гитлером в каждой области общественной, культурной, экономической жизни и даже религиозной жизни ставились вожди на данном уровне. Так, был вождь всех театров Германии. Вождем тяжелой промышленности, например, был Крупп, владелец самых больших сталелитейных заводов Рурской области. Что касается народного хозяйства, то нацизм не замахнулся на большой капитал и, противореча полностью своей программе, шел навстречу именно большим предприятиям, нередко заставляя малые фирмы сливаться с большими концернами и растворяться в них. В 1939 году правительство начало принудительно закрывать мелкие и малопроизводительные предприятия, то есть фактически восстанавливалась система государственного капитализма, введенная Ратенау во время Первой мировой войны, того самого еврея Ратенау, которого в 1922 году убили нацисты. В 1935 году были созданы большие отраслевые промышленные картели, и все предприятия должны были входить в соответствующие картели, которые получили фактически диктаторские права: они давали разрешения или запрещали создавать новые предприятия. До введения в 1934 году 4-летних планов экономического развития картели диктовали и цены на продукцию. Новый закон об акционерстве предоставлял исключительные права советам директоров картелей и решительно сократил права индивидуальных держателей акций. В принципе сохранялись рынок, биржа, конкуренция, но при иерархическом вождизме, конечно, не могло быть по-настоящему свободного рынка — ведь вождь каждой области народного хозяйства диктовал правила игры другим пред-

¹² Spielvogel, Jackson J. *Hitler and Nazi Germany. A History*. P. 167—169.

— 12. Нацизм у власти —

231

приятным в его юрисдикции. Это и была гитлеровская версия корпоративизма. По германские капиталисты привыкли работать в условиях государственного дирижизма со времен Бисмарка, и система работала. А вождь всей экономики Хьямар Шахт оказался гениальным финансистом и экономистом-прагматиком. Он разработал систему развития в рамках 4-годовых планов, вывел Германию из кризиса раньше и полнее ее соседей, восстановил военное производство по последнему слову техники, вернул Германии ведущую роль в Европе в качестве промышленной державы, несмотря на официальную нацистскую экономическую доктрину, которая явно им не соблюдалась. Как мы уже упоминали, нацистские экономические теории были взяты из доиндустриального прошлого. Экономическое благополучие определялось обилием производства сельскохозяйственной продукции и экономической независимостью от внешнего мира (автаркия) — последнее, конечно, объяснялось гитлеровской направленностью всего хозяйства и общества на будущую войну. В условиях войны автаркия необходима, если она достижима. Что касается сельского хозяйства как определителя национальной экономики, то XX век показал всю несостоятельность этой теории. Из принципов нацистской экономики, естественно, следовал вывод, что Германия перенаселена и нуждается в завоевании плодородных земель у восточных соседей для заселения их «избыточным» немецким населением, так и для предоставления площадей для экстенсивного земледелия. Одержимый устарелыми автаркическими теориями и готовя свою страну к войне, Гитлер дал задание ученым и промышленникам разработать синтетические материалы, в том числе синтетические бензин и резину, поскольку на территории Германии этих видов сырья не было. Задание выполнялось, но ценой варварского уничтожения природных ресурсов страны. Гитлер с этим не считался, рассчитывая на компенсацию через завоевание территорий с залежами нефти и прочих минералов и плодородными почвами. Шахт не стерпел такого варварского пренебрежения Гитлером и его окружением законами экономики и в 1937 году ушел в отставку, после чего система 4-годовых планов стала почти столь

232

— 12. Нацизм у власти —

же дутый, как советские пятилетки¹³. История с Шахтом является одним из наглядных контраргументов против ошибочного, но широко распространенного мифа об эффективности диктаторских экономических систем. Всюду в гитлеровской администрации царил дорогостоящее дублирование, бюрократическая волокита и коррупция, подхлестываемая нарастающим террором. Просто то тут, то там проявляли себя выдающиеся хозяйственники, созданные еще свободным обществом, такие как Шахт в экономике и финансах, Шпеер в деле вооружения.

Они своими достижениями создавали миф эффективности системы. Быстрый выход Германии из депрессии — ведь народу в целом не было известно, какой ценой это было достигнуто и что весь подъем вызван производством на войну, — придавал Гитлеру такую популярность, что плебисцит 1935 года в Заарской области — главном угольном бассейне континентальной Западной Европы, — которым, по Версальскому миру, должен был решиться вопрос о принадлежности ее Германии или Франции — дал 90% голосов в пользу Германии. Это воодушевило немцев, популярность Гитлера возрастала.

Внешняя политика и дипломатия

Гитлеровская внешняя политика отличалась авантюризмом, наглыми нарушениями договоров, после чего следовали успокаивающие заявления, вроде того, что вот теперь все претензии Германии удовлетворены и наступил вечный мир. Европейские демократии были истощены и утомлены как Первой мировой войной, так и Депрессией, и поэтому

¹³ Это было строго научное планирование с точными расчетами и их выполнением, а не сталинские пятилетки, которые были пропагандистским трюком, а не планированием: ни одна из пятилеток не была выполнена — первоначальные произвольные показатели снижались в ходе пятилетки по нескольку раз и окончательные показатели выполнения к тому же строились на дутой отчетности на всех уровнях. У Шахта при наличии частной промышленности и, следовательно, личной заинтересованности и ответственности производителей такой туфты не могло быть.

— 12. Нацизм у власти —

233

рады были слышать каждое обещание Гитлера, лишь бы не война...

Первой зарубежной вылазкой Гитлера можно считать попытку захвата власти в Австрии в 1934 году руководимыми Берлином австрийскими нацистами. При этом ими был убит мягко-авторитарный диктатор Австрии Дольфус. Попытка не удалась — к власти пришел католический клирико-фашист Курт фон Шушнигг, запретивший нацистскую партию и установивший довольно жесткий режим в стране. Гитлер не решился на прямое вмешательство, поскольку Австрия входила в оборонный союз с Италией. Муссолини, опасаясь, что Гитлер посягнет на Южный Тироль, двинул свои войска к австрийской границе, а Гитлер, имея всего 100 тысяч штыков, не решился на войну с Италией. Когда в 1935 году Гитлер объявил о восстановлении воинской повинности и многократном увеличении армии, Италия, Великобритания и Франция собрались в итальянском городе Стреза и договорились о совместном противодействии любым нарушениям существующих договоров, угрожающих миру в Европе. Этот договор стал известен под именем Фронт Стрезы. Он же подтвердил решения конференции 1925 года в Локарно, которые, однако, были значительной уступкой Германии по сравнению с первоначальным Версальским миром. В Локарно от Германии добились лишь гарантий неприкосновенности западных границ, — о восточных было умолчано. Одновременно в Локарно было признано право консолидации всех немцев в едином суверенном государстве. Такую установку можно толковать и как разрешение Германии присоединять к себе территории компактного проживания немцев за пределами Германии, например, в Польше, Чехословакии, Венгрии и пр. Более того, конференция объявила впредь считать агрессором любую страну, начавшую военные действия. Таким образом, поскольку странам на восток от Германии территориальных гарантий дано не было, а у Франции были оборонные союзы с этими странами, следовательно, если в ответ на нападение Германии на Чехословакию Франция вступила бы в войну на стороне последней, то агрессором считалась бы Франция, а не Германия. Как бы там ни было, Фронт Стрезы оказался пустышкой после нападения Италии на Эфиопию.

234

— 12. Нацизм у власти —

Хотя логически ни соглашения в Локарно, ни соглашения в Стрезе этим действием нарушены не были, Италия была исключена из Лиги Наций и подверглась экономической блокаде. В 1936 году Гитлер официально признал итальянскую империю в Африке. В том же году обе страны оказывали помощь Франко в гражданской войне в Испании. Затем последовало создание оси Берлин—Токио—Рим. В 1937 году Муссолини предал Австрию, признал право Германии на ее присоединение в ответ на гарантию Гитлера, что Южный Тироль останется за Италией. Фронт Стрезы был ответом на нарушение Гитлером Версальского договора, когда он объявил о введении обязательной воинской повинности и увеличении вооруженных сил в несколько раз.

Поскольку единственным реальным последствием этого нарушения было заключение Францией оборонного союза с Советским Союзом, Гитлер решил, что у него «зеленая улица». В 1936 году он нарушил требование Версальского договора о демилитаризации Рейнской области — ввел туда войска. То, что это не встретило вооруженного противодействия Франции, еще больше увеличило авторитет Гитлера в глазах германского народа. На словесные протесты союзников Гитлер ответил заверением, что теперь национальные интересы Германии полностью удовлетворены, что он признает за Францией право владеть Эльзасом-Лотарингией и гарантирует вечный мир. Англия, испытывая, с одной стороны, «угрызения совести» в отношении Германии в связи с чрезмерно жесткими версальскими условиями, а с другой, — неуверенность в том, кто является большей угрозой миру, — Советский Союз или Германия, — уговорила Францию поверить Гитлеру.

По Версальскому миру гарантами демилитаризации Рейнской области были Соединенные Штаты и Великобритания, следовательно, нарушение этого условия Гитлером должно было вызвать англо-франко-американское вооруженное противодействие, но, поскольку Америка в Лигу Наций не вступила и приняла политику изоляционизма, Англия полагала, что этим отменялся соответствующий пункт Версальского договора, и отговорила Францию от каких-либо действий, хотя до 1939 года германские вооруженные силы были еще

— 12. Нацизм у власти —

настолько слабы, что Франция запросто бы их одолела." Вообще тут интересен некий двойной стандарт, который повторно характеризовал политику западных союзников в XX веке.

Например, когда в начале Депрессии в 1929 году более-менее демократические правительства Австрии и Германии запросили у Лиги Наций разрешения на германо-австрийский таможенный союз, чтобы облегчить тяжелое экономическое состояние обеих стран, им в этом было отказано: западные союзники усмотрели в этом угрозу возрождения мощной реваншистской Германии. Когда же Гитлер в 1935 году заявил об аннулировании им версальских ограничений германских вооруженных сил, а в 1936 году, не спрашивая ничего разрешения, ввел войска в Рейнскую область, затем через 2 года присоединил к Германии Австрию, — западные союзники все это проглотили. В глазах же немцев и австрийцев Гитлер от этого только значительно выиграл в популярности. Тем временем Гитлер подписал 10-летний союзный договор с Польшей, признающий нерушимость границ друг друга. Это усыпило бдительность Польши и привело ее к совершенной неготовности к немецкой агрессии в 1939 году.

В отношении СССР Гитлер показал себя полным оппортунистом: жестоко преследуя коммунистов в Германии, он продолжал торговать с СССР также активно, как во времена Веймарской республики. В 1936 году он даже заявил в Рейхстаге, что он борется с коммунистической агрессией, но ничуть не против сотрудничества с Советским Союзом. Одновременно он обращается к Великобритании и иным западным странам поддержать его усилия по сохранению европейской культуры «от проникновения разрушительной азиатской идеологии».

Тактика присоединения Австрии в 1938 году явилась генеральной репетицией для дальнейших агрессивных действий Гитлера, как и установления коммунистических режимов Советским Союзом в 1945—1947 годах в Восточной Европе. Во-первых, он заставил австрийское правительство предоставить несколько министерских постов нацистам, в том числе

Свидетельство германских военачальников на Нюрнбергском процессе.

— 12. Нацизм у власти —

и портфель министра внутренних дел. Затем австрийские нацисты под командой немецких товарищей начинают псевдогражданскую войну; нацистский министр внутренних дел обращается за помощью в Берлин, который не заставляет себя долго ждать.

Аналогичная история происходит Чехословакией. Началось с того, что нацистские вожди судетских немцев, инструктируемые Гитлером, потребовали от чешского правительства предоставить Судетам полную автономию и прекратить антигерманскую политику, то есть разорвать договор с Францией. При этом Гитлер предупредил вождя судетских немцев Хенляйна не подписывать никаких договоров с чехословацким правительством, в то время как Хенляйн саботировал все предложения компромисса. Между тем Геббельс повел громкую пропагандистскую кампанию, лживо обвиняя чехов в гонениях на судетских немцев, а Гитлер объявил, что он не потерпит сдачу немцев под продиктованную Версалем иностранную власть, и если Судеты не могут сами защититься, то эту задачу за них выполнит он. Чемберлен предлагал Гитлеру провести плебисцит в Судетах, а президента Бенеша уговаривал уступить Германии те районы Судет, где немцы составляли более 50 % населения. Гитлер отказался от плебисцита, требуя немедленного присоединения Судет к Германии с изгнанием оттуда всех чехов и конфискацией их имущества в пользу немецкого населения. Бенеш отказался и начал мобилизацию. Франция делала то же. Советский Союз предложил помощь Чехословакии, но Польша и Румыния отказались пропустить советские войска через свою территорию. Начало военных действий было предотвращено созывом в Мюнхене конференции четырех стран — Англии, Франции, Италии и Германии — по инициативе Муссолини, которая закончилась союзническим ультиматумом чехословацкому правительству отдать Германии Судетские земли на условиях, выставленных Гитлером. Иначе, если возникнет война, виновником будет считаться Чехословакия, и Запад ей не поможет, ибо Гитлер гарантирует мир и неприкосновенность остальной Чехословакии. Бенеш согласился. Но уже в марте 1939 года немецкие войска вступали в Прагу под предлогом того, что к Гитлеру за помощью обратились словаки и карпа-

— 12. Нацизм у власти —

торосы, желающие независимости от Чехии. Запад возмущался, но и пальцем не пошевелил в защиту Чехословакии. А Польша даже воспользовалась предложением Гитлера и присоединила к себе Тешин с окраинами в Чешской Силезии.

Шестью сутками позже Гитлер присоединил к Восточной Пруссии литовский порт Клайпеду с окрестностями. Затем Гитлер начал требовать, чтобы Польша отдала Германии Гданьск и так называемый Польский коридор, соединяющий Восточную Пруссию с остальной Германией; в то время как Геббельс завел свою пропагандистскую катушку, обвиняя поляков в зверствах по отношению к немецкому меньшинству. Заранее заключив с советским правительством тайный договор о разделе Польши, 1 сентября Германия напала на Польшу. Через два дня Великобритания и Франция объявили Гитлеру войну. Так началась Вторая мировая война. Неожиданно для Гитлера. Он рвал и метал из-за вступления в войну Великобритании и Франции, он не мог понять, почему западные союзники, так спокойно перенося оккупацию Австрии и Чехословакии, вдруг вступились за Польшу. Ведь стратегически Чехословакия гораздо более лакомый кусок, чем Польша. В 1939 году новая мировая война не входила в его планы — он знал, что Германия к этому не готова. Но и тут союзники ему услужили: Советский Союз в течение последующих 20 месяцев снабжал Германию стратегически необходимым сырьем, а западные союзники сидели за линией Ма-жино, предоставляя Гитлеру инициативу первому на них напасть тогда, когда его войска и военная техника будут к этому готовы!

Гитлер и Церковь

По сути, фашизм и нацизм, как и любая форма тоталитаризма, являются своего рода языческими культами. Язычество это прежде всего обожествление преходящих ценностей, будь это золотой телец у евреев, введомых из Египта Моисеем, либо марксистское обожествление материи, либо обожествление вождей: идолопоклонство перед византийским императором, Сталиным, Мао или Гитлером. Однако Гитлер и Муссолини, выступая в качестве антиподов безбожному марк-

288 — 12. Нацизм у власти —

сизму и коммунизму, должны были выдавать себя за защитников христианства, хотя в «Моей борьбе» Гитлер пишет:

«Для меня лично и для всех национал-социалистов существует только ... нация и отечество. Мы должны бороться за сохранение и распространение нашей расы и нации ... сохранять в чистоте нашу кровь, свободу и независимость... Каждые мысль, идея, учение и все виды познания должны служить этой цели».

Еще более откровенным Гитлер был в личных беседах, например:

«Думаете, что массы снова станут христианскими? Никогда! ... а духовенство предаст своего Бога нам ... и сменит крест на свастику. Они будут славить чистую кровь нашей нации, вместо крови Христа...».

В гитлеровской религиозной политике можно определить несколько направлений, например:

1. Стремление подчинить протестантизм и римско-католичество государственному контролю.
 2. Вести идеологическую борьбу против христианства с целью заменить его нацистским культом (в это входили и прямые попытки возрождения германских дохристианских языческих культов).
 3. Развернуть кампанию вытеснения Церкви на задворки общественной жизни, одновременно отпугивая население от религий путем ужесточения гонений на духовенство и видных верующих.
- Фюрерпринцип Гитлер пытался навязать и христианским религиям. Так, на пост вождя всех протестантов Германии под прямым давлением Гитлера был избран военный духовник из Восточной Пруссии — нацист Людвиг Мюллер. В Германской евангелическо-лютеранской церкви были сильны национально-патриотические консервативные круги, которые сначала сочувствовали Гитлеру за восстановление им национального достоинства. Мюллер возглавлял пронацистское движение так называемых *Германских христиан*, которое и захватило руководство Церковью. В ответ на это образовалась *Пасторская чрезвычайная лига*, из которой позднее возникло движе-

— 12. Нацизм у власти —

ние *Исповеднической церкви*, которая решительно боролась против пачификации Церкви. Из 17 тысяч немецких лютеранских пасторов к этому движению присоединилось 4 тысячи. Его возглавляли пастор Мартин Нимёллер, в прошлом офицер и герой Первой мировой войны, патриот, первоначально сочувствовавший национал-социалистам. Среди других деятелей этого движения был знаменитый лютеранский богослов Карл Барт, пастор Боннхёфер, погибший в кон-

цлагере. В концлагерь Бухенвальд в 1937 году было отправлено 700 лютеранских пасторов, в том числе и Нимёллер, но он войну пережил и после ее окончания был выдающимся проповедником и пацифистом.

Католическая церковь резко критиковала нацизм до 1933 года, когда, следуя примеру Муссолини, Гитлер заключил с Ватиканом конкордат, по которому Церковь согласилась признать законной власть Гитлера и ликвидировать все свои политические и общественные организации на территории Германии. За это Гитлер обещал Ватикану свободу религии, защиту церковных учреждений, признавал за Ватиканом право распространения в Германии посланий и булл папы Римского и неприкосновенность католических учебных заведений всех уровней.

Нацисты не сдержали своего обещания. Как мы уже говорили, в 1936 году были запрещены католические детские и молодежные организации. К концу 1939 года было арестовано около 5700 католических священнослужителей — более 20 % всего католического духовенства Германии. Половина из них попала в концлагеря. В 1937 году на нацистские притеснения ответил папа Римский энцикликой *Mil brennender Sorge* («С горящей заботой»), которая решительно осудила нарушение нацистами конкордата и обожествление ими государства и расы. В энциклике избегалось прямое осуждение реальной политики Гитлера. Эта осторожность, однако, не остановила, а лишь ужесточила и активизировала гитлеровскую антихристианскую политику. Ватикан более-менее умолк, но заговорили сами немецкие католики. Соппротивление немецкого католического духовенства нацизму было наиболее сильно выражено в декларации съезда в городе Фульда баварского католического епископата 22 марта 1942 года, которое, не-

240
— 12. Нацизм у власти —

смотря на правительственный запрет, было распечатано и широко распространено. Вот выдержки из нее:

«Годами уже идет в нашем отечестве борьба против христианства и Церкви... Мы выступаем не только за права непосредственно религии и духовенства, но и вообще за права человека, данные ему Богом ... Мы требуем юридических доказательств вины всех осужденных и освобождения тех, кто содержится в заключении без приговоров... Нацисты хотят уничтожить христианство...»¹³.

Духовенство, особенно католическое в Баварии, выступало против убийства нацистами психически больных и умственно неполноценных. В той же Баварии в оппозиционном нацизму движении было не только духовенство, но и королевская семья Виттельсбахов, за что часть ее отсидела в концлагерях до конца войны. В Мюнхенском университете было антинацистское студенческое движение Белая роза, возглавлявшееся двумя студентами — Хансом Шоллем и его сестрой Софией. В 1942 году они и несколько их друзей, а также один из молодых университетских профессоров, начали распространять антигитлеровские листовки, сначала в стенах университета, а к 1943 году и на улице — прохожим. В листовках нацизм назывался духовным рабством, война — безумием. Осуждалась антихристианская суть нацизма, население призывалось к пассивному неповиновению. Заговорщики развили сотрудничество с единомышленниками в университетах Гамбурга, Берлина и Вены. В 1943 году брат и сестра и несколько их соратников-студентов были казнены, еще 14 арестованы. Этим все и окончилось¹⁴.

Гитлер, армия и оппозиция

Торжество офицерства по поводу чистки и укрощения СА было недолгим. Пришла пора распространения Глейхшаль-

¹⁵ Можно ли такое представить себе в СССР, да еще во время войны! А тут никого из авторов послания не расстреляли, а в концлагерях все-таки большинство священников дожило до освобождения.

¹⁶ Cassels, Alan *Fascism*, p. 321.

— 12. Нацизм у власти —

241

тунга и в регулярные войска. Во-первых, на место гегемонии СА пришла гегемония высокодисциплинированных СС, фанатично преданных Гитлеру и выдрессированных быть готовыми как к самопожертвованию, так и к безжалостному уничтожению любого противника нацизма. В отличие от толпы обмякших ветеранов и просто хулиганов СА, к которым армия могла себе позволить относиться с презрением, СС было нацистской элитой не только в дисциплинарно-полицейском отношении в духе войск НКВД, но с началом войны — и в во-

енном, когда были созданы элитарные войсковые подразделения Ваффен-СС (вооруженные СС). Регулярная армия чувствовала себя униженной.

Гитлер помнил, что в его борьбе за власть армия сохраняла нейтралитет. Он не доверял и ее монархическо-консервативному национализму с офицерско-аристократическими традициями и прямой связью офицерского корпуса с помещиками и высшим слоем промышленников.

Гитлер понимал, что группа генералов поддержала его лишь с целью использовать в качестве марионетки — массового демагога. В свою очередь, военным очень быстро стало ясно, что они просчитались и что Гитлер не марионетка, а единоличный диктатор. Это военным не нравилось.

Трения начались уже в 1935 году, когда Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности. Во-первых, будучи воспитанным в традициях, чуждых Гитлеру, генералитет придавал значение международным договорам и считал такое нарушение Версальского договора чреватым неблагоприятными для Германии последствиями. Во-вторых, военное командование было оскорблено тем, что оно узнало об этом постановлении Гитлера, так сказать, из газет — Гитлер не консультировался с генералами об этом. В-третьих, они считали, что увеличение армии сразу с 8 до 36 дивизий нереально из-за недостатка обученных офицеров — их было всего 4 тысячи. Сопrotивление генералитета вызвало и единоличное решение Гитлера ввести войска в Рейнскую область. Генералы предполагали, что Франция ответит контрударом, а немецкие вооруженные силы в 1936 году были не чета не только французским, но даже чехословацким. А поскольку Франция состояла в оборонительном союзе с восточными соседями Ге-

242

— 12. Нацизм у власти —

рмании, немецкий генералитет ожидал удара с двух сторон — из Франции и Чехии, — что перерезало бы Германию надвое по ее центру. Именно тогда, в преддверии похода за Рейн, образовывается в армии первый антигитлеровский заговор. Предполагалось арестовать Гитлера, как только на Германию двинутся французы или чехи, и объявить его предателем германского народа, свергающим страну в новую катастрофу. Но поскольку Запад ограничился лишь устным осуждением 1ер-мании, а Гитлер тут же успокоил его, подтвердив признание им законности и нерушимости границ Франции и принадлежности ей Эльзаса-Лотарингии, все успокоилось. Итак, поскольку и тут Гитлер одержал полную победу над военными скептиками и этим актом поднял свой национальный авторитет еще выше, замысел его свержения был отменен. Заговорщики считали, что переворот может иметь успех в народе только после какого-то серьезного провала политики Гитлера, когда народу станет очевидно, что страна зависла над пропастью.

Не был доволен генералитет и союзом с Муссолини, будучи очень низкого мнения о боевых качествах итальянцев из опыта Первой мировой войны. Высокого мнения немецкие генералы *были о* боевых качествах и военных традициях французов и поэтому хотели сближения с ними, в то время как Гитлер тайно готовился к конфликту с Францией. В результате советско-германских договоренностей в Рапалло и последовавшего тесного сотрудничества между главнокомандованием обеих стран, включавшего тайное создание германских военно-воздушных сил на территории СССР, а также на основании исторически-традиционного германско-русского союза, нарушенного лишь Первой мировой войной, немецкий генералитет хотел сохранения этого союза. А Гитлер в 1934 году подписал договор о взаимном ненападении с резко антисоветской Польшей. Генералам было невдомек, что Гитлеру плевать было на договора и что он готов нарушить любой из них, как только это ему будет выгодно. Дело в том, что на международной конференции в Локарно в 1925 году Германия обязалась не нарушать западных границ, в то время как в отношении ее восточных границ вопрос остался открытым. Правда, Франция заключила оборонительные догово-

— 12. Нацизм у власти —

243

ра почти со всеми восточными и юго-восточными странами Европы. Реваншистски настроенные немецкие генералы лелеяли надежду о расширении Германии за счет Польши и, принимаемые ими всерьез польско-немецкие договора разрушали их планы. Кроме того, они опасались, что заключение антибольшевистского союза с Польшей приведет опять к

самоубийственной войне на два фронта. Бессмысленным им казался и союз с далекой Японией.

Но больше всего армию возмущало, что, окружив себя СС и гестапо, Гитлер почувствовал себя настолько прочно, что с мнением главнокомандования уже не считался и не советовался. В 1937 году произошел бурный спор между Гитлером и военным министром Бломбергом, который ранее был сторонником Гитлера и в свое время поддержал его кандидатуру на пост канцлера. Но в данном случае он предупреждал Гитлера, что присоединение Австрии вызовет войну с западными державами, к которой Германия не готова. Как мы знаем, и эта акция сошла Гитлеру с рук, еще больше увеличив его популярность как в Германии, так и в Австрии. Кстати, экзамен похода в Австрию не выдержала немецкая военная техника: более 50% немецких танков, бронетранспортеров и грузовиков сломались на австрийских горных дорогах, что взбесило Гитлера. Так что, если бы в тот момент на Германию двинулись войска хотя бы только Франции и Чехословакии, ее взяли бы почти голыми руками. Но в отличие от сказки Чуковского воробышка, чтобы скушать «таракана-тараканища», не нашлось, а Гитлер не прощал тех, кто смел с ним не соглашаться. И вскоре представился случай избавиться от Блом-берга, который решил жениться на молодой девице, и Гитлер был шафером на свадьбе. Но затем Гиммлер раскопал полицейский документ о том, что юная жена была ранее проституткой. Произошел скандал. Бломберг должен был уйти в отставку. Естественным кандидатом на пост военного министра стал популярный в армии антинацист генерал Фритч, которого Гитлер ненавидел. И вот, чтобы скомпрометировать генерала, были представлены фальшивые документы о том, что Фритч, якобы, гомосексуалист. Несмотря на его, позже доказанную, невиновность Фритч подал в отставку. Гитлер этим воспользовался, чтобы отменить пост военного министра,

244

— 12. Нацизм у власти —

приняв на себя пост главнокомандующего и назначив исполнителем (со званием «Начальник высшего командования вооруженными силами») преданного себе нацистского генерала Кейтеля. Одновременно была проведена чистка немецкой дипломатической структуры с заменой беспартийного профессионального министра иностранных дел фон Нойрата рейнским винным торговцем, преданным нацистом, Риббентропом. Так, в течение 1937 года все три главные ветви государственной службы — финансы и хозяйство, вооруженные силы и дипломатия — были пацифицированы, вернее, подчинены лично и непосредственно Гитлеру. Выше мы говорили о ненужном дублировании и неэффективности гитлеровской административной системы. По как же тогда Германия сумела вооружиться за такой короткий срок и продержаться так долго в самой кровавой войне нашего века, к тому же воюя на два фронта против превосходящих ее сил?

Тут, во-первых, нельзя сбрасывать с весов психологический фактор — националистический энтузиазм, который Гитлер умело подогревал в народе, желание отомстить за Версаль, восстановить величие Германии и перспектива «молочных рек и кисельных берегов» в случае победы. Во-вторых, еще до начала войны Германия получила подпитку ее экстенсивной экономики оккупацией Австрии и Чехословакии. Если в первой было некоторое количество нефти и других естественных ресурсов, то во второй была, быть может, самая передовая в Европе тяжелая промышленность — и в Австро-Венгрии Чехия была ее кузницей. Был в Чехословакии и уголь, и другие минералы. Затем в течение 1939-1940 годов Гитлер навязал Румынии, Болгарии и Венгрии договора, которые, не лишая их формальной независимости, превратили эти страны в сырьевые придатки Германии на очень невыгодных условиях для этих стран, но крайне выгодных для Германии. Румыния, кстати, стала главным источником нефти для Германии. Затем была присоединена Польша, куда были перевезены прибалтийские немцы, выпущенные Советским Союзом по договору с Гитлером. В Польше немецким переселенцам передавались имения бывших польских помещиков, таким образом Польша стала важным источником сельскохозяй-

— 12. Нацизм у власти —

245

ственной продукции для немцев. А к концу 1940 года на германскую армию работали заводы Франции и Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. И все это было «под рукой» в отличие от

его противников, которых разделяли колоссальные территории. Так что стратегически Германия была в гораздо более выгодном геополитическом положении и этим компенсировала количественное преимущество своих противников.

Что касается антинацистских настроений в вооруженных силах, то, во всяком случае, с 1936 года офицерский кружок заговорщиков уже не прекращал своего существования до самого покушения в 1944 году. Но он ждал того момента, когда ликвидацию Гитлера можно будет оправдать перед народом его безответственной политикой. Пока его деятельность увенчивалась успехами, это было невозможно. Между 1939 и 1944 годами покушений на Гитлера было несколько, но все были безуспешны. То бомба, отправленная в виде посылки в самолете, в котором Гитлер летел с Восточного фронта в Германию, не взорвалась, и пакет дошел благополучно до адресата в Берлине — участника заговора. То происходила осечка, потому что Гитлер в последний момент менял свой график. Наконец самое серьезное покушение взял на себя весь израненный инвалид Африканского фронта граф фон Штауфенберг: он доставил бомбу в своем портфеле на военное совещание с Гитлером в его бункере в Восточной Пруссии, поставил портфель под стол с чертежами фронта, у которого стоял Гитлер, но за полсекунды до взрыва Гитлер отошел от массивного дубового стола, и эффект взрыва получился слабее. Это было 20 июля 1944 года. Штауфенберг успел до взрыва выйти из бункера. Увидев и услышав взрыв, он решил, что Гитлер убит, дал знать своим в Берлин, и те выдали себя поспешными действиями, думая, что Гитлера уже нет. В результате все они были повешены после жутких пыток. В общей сложности было арестовано более 7 тысяч, в основном офицеров, из них около 5 тысяч было казнено¹⁷.

Многие, в том числе Шпильфогель, преуменьшают значение этих заговоров и попыток сопротивления. Они не учитывают полное одиночество и практическую бессмыслен-

Cassels, Alan *Fascism*, p. 319—322

246

12. Нацизм у власти —

ность, в которых, по воле противоположной воюющей стороны оказались антигитлеровские силы Германии. Дело в том, что были тайные встречи представителей заговорщиков с представителями Англии и Америки в нейтральных Швейцарии и Швеции, которые успехом не увенчались: западные союзники дали немцам понять, что их война не только против нацизма, но против Германии как таковой, и даже если немцы уберут Гитлера, война будет продолжаться до победного конца. А в январе 1943 года на встрече Рузвельта и Черчилля в Касабланке было окончательно постановлено, что цель войны — полная и безусловная капитуляция Германии. После этого сопротивление Гитлеру лишилось реальных стимулов и стало деянием исключительно нравственного порядка.¹⁸

Аннотированная библиография

(См. также библиографию к гл. 10)

Borkenau, Franz *World Communism*. University of Michigan Press, 1971. Главы XX—XXII. Автор — бывший немецкий деятель Коминтерна.

Bullock, Alan *Hitler: A Study in Tyranny*. Несомненно, лучшая личная и политическая биография Гитлера. Написана профессором Оксфордского университета. London: Harper&Row. 1964.

Cassels, Alan *Fascism*. N. Y., Thomas Crowell, 1971. Главы 3 и 5. Очень толковое университетское пособие по тоталитаризму фашистско-нацистского типа в контексте европейской истории после Версаля. Недооценивает нравственное значение антигитлеровского заговора немецкого офицерства. Чрезмерно критичен в отношении «мягкой» критики гитлеризма Ватиканом, осторожность которого в критике Гитлера была связана с опасением за жизнь подгитлеровских католиков.

Kleine-Ahlbrandt, Laird W., ed. *Appeasement of the Dictators: Crisis Diplomacy?* London, Holt, Rinehart, 1970. Сборник эссе и от-

Cassels, Alan *Fascism*, p. 318-321; Spielvogel, Jackson J. *Hitler and Nazi Germany. A History*, p. 256—264.

— 12. Нацизм у власти —

247

рывков из работ западных ученых, критически рассматривающих политику «умиротворения диктаторов», которую западные демократии практиковали по отношению к Гитлеру и Муссолини с такими провальными результатами. Вскользь книга касается и такой же политики по отношению к Сталину сразу после Второй мировой войны, со столь же плачевными результатами.

Luhasz, Heinz, ed. *Fascism: Three Major Regimes*. N. Y., John Wiley, 1973. 4. 2. Очень толковая подборка анализов нацизма разными авторами — историками и политологами Англии, Франции, США и

Германии. Содержит также ряд нацистских документов.

Mitchell, Allan, ed. *The Nazi Revolution: Hitler's Dictatorship and the German Nation*. Toronto, Heath&Co., 1990. Многоавторный сборник статей и отрывков из книг авторитетных ученых, рассматривающих феномен нацизма в таких контекстах как: история Германии, личность Гитлера и ее роль, промышленность, Церковь и армия в контексте нацизма, общественное значение нацизма.

Pauley, Bruce F. *Hitler, Stalin, and Mussolini: Totalitarianism in the Twentieth Century*. Wheeling, 111., Harlan Davidson, Inc., 1997. Одна из немногих на Западе книг, которая под понятием тоталитаризм понимает не только фашизм, но и коммунизм, хотя ограничивает последний только личностью Сталина и его режимом. Каждая глава состоит из сравнений определенного рода действий Гитлера, Сталина и Муссолини, например, первая глава рассматривает в сравнении идеологические основы каждого, четвертая рассматривает их экономические системы и т.д.

Speer, Albert *Erinnerungen*. Английский перевод: *Inside the Third Reich: Memoirs*. London: Macmillan, 1976. Блестяще написанные мемуары гитлеровского министра военной промышленности, отсидевшего по приговору Нюрнбергского суда 20 лет в тюрьме в Шпандау. Автор критически анализирует нацизм, довольно безжалостно критикует себя и пытается разобраться, как он, типичный представитель традиционной германской интеллигенции, мог попасть в сети гитлеровской демагогии. Книга интересна прежде всего с точки зрения магического воздействия тоталитаризма. См. также: Он же *Deutscher Ruestung im zweiten Weltkrieg: Hitlers Konferenzen mit Albert* 248

— 12. Нацизм у власти •

Speer, 1942-1945; *Der Sklavenstaat: meine Auseinandersetzungen mit derSS; Spandauer Tagebuecher, Technik undMacht*. Все публикации Шпеера представляют колоссальный интерес для понимания тоталитаризма.

Spielvogel, Jackson J. *Hitler and Nazi Germany. A History*. Englewood Cliffs, N. J, Prentice Hall, 1992.

Книга соответствует своему названию: это именно аналитическая история нацизма, см. особенно гл. 4—10: от прихода нацизма к власти до его падения. В нашей гл. 12 больше всего ссылок на эту книгу. Это не значит, что мы механически скатывали материал из нее. Просто у автора прекрасные и точные формулировки, которые так и просятся в цитаты.

Sternhell, Zeev *The Birth of Fascist Ideology*. См. гл. 11.

Часть IV

Распространение фашизма в довоенном мире

с^

Глава 13 Вместо предисловия

«Эволюция мировой культуры монархии, авторитаризма и теократии к демократии, плюрализму и секуляризму несет в себе также потенциал провала реакционного тоталитаризма».

Переложение слов Джей Тэйлора
в «*The Rise and Fall of Totalitarianism
in the Twentieth Century*».

Мы уже говорили о протототалитарной культуре, предшествующей победе тоталитаризма. Точно так же можно говорить о фашистской культуре, способствующей приходу к власти фашизма. Мы видели корни фашизма в доктринах немецких и австрийских корпоративистов, в писаниях Сореля. Но тему эту можно расширить вообще на политическую культуру XIX века. Речь идет о культе силы в империалистической политике великих держав, их пренебрежении малыми и отсталыми нациями. У немцев это было гордое культуртрегерство. У французов — великодержавный национализм, направленный на ассимилирование, галлизацию колониальных народов, превращение алжирцев, вьетнамцев и прочих в заморских

французов. У британцев отношение к колониальным народам носило явный и подчеркиваемый характер собственного расового превосходства. Великобритания готова была передать колониям опыт и принципы гражданской администрации, согласна была предоставить некоторым их представителям возможность получить образование в Англии, но об ассимиляции индийцев, арабов, а тем более африканцев не могло быть и речи. В России последовательной колониальной политики так и не было выработано, поскольку она рассматривала присоединенные народы в качестве интегральной части своей

252

13. Вместо предисловия —

континентальной империи. Но в то же время сохранялись элементы национальной обособленности и религиозного неравенства. Многие зависело от политики местного генерал-губернатора. Так вот все эти чувства имперскости, собственного превосходства, произвольного права расчленять Китай и Персию, например, на сферы влияний России, Великобритании и прочих колониальных империй (не спросив мнения у национальных правительств разделяемых стран), будто речь идет о каких-то безлюдных территориях — вот это все и составляло фашистскую культуру межгосударственных отношений и политики великих держав, взорвавшихся в конце концов двумя мировыми войнами и тоталитарными режимами, появившимися между обеими войнами.

Переходя к «конкретике» в определении различных форм тоталитаризма, мы придерживаемся точки зрения, упоминавшегося уже не раз профессора Кассельса, согласно которому распространение фашизма (преимущественно, но не исключительно¹) в довоенной Европе было характерно для сравнительно отсталых стран, которые надеялись при помощи жесткой фашистской диктатуры и централизованной направляемости экономики ускоренными темпами достигнуть современного уровня индустриализации. Иными словами, они представляли себе фашизм как мост или скоростной поезд в XX век.

Нацизм же был скорее романтической реакцией на недостатки и последствия промышленного переворота, а также на потерю национальных особенностей и традиций в процессе урбанизации и космополитизма «смещения племен», и потому был характерен для высокоразвитых промышленных стран. Расизм свойственен именно этому реакционному романтизму как мечта о «старой доброй» Англии, «сладкой» Франции, «рыцарской, честной» Германии да даже и «святой» Руси, когда люди не задыхались в чадуге фабричных труб, на-

¹ Так, например, разновидностью фашизма был режим Перона в Аргентине в 1940—1950-х годах, иронически величавший себя системой *Justiciamento*, то есть «система справедливости» (или законопорядка). Но всех фашистских и фашиствующих режимов не перечесть в одной книге.

— 13. Вместо предисловия —

253

ции, якобы, были гомогенными, и потому человеческие отношения были патриархально-братскими. Все это было нарушено коммерческим и промышленным капитализмом, международной торговлей, а отсюда и смешением культур и крови. Отсюда и утопические грезы нацизма или «интегрального национализма» о необходимости очистки своих стран от иноплеменного и инокультурного элемента. Ясно, что такая «философия» вела к особенно нетерпимому отношению к инородцам, особенно к тем, которые не имели своей государственности и представляли собой межгосударственную диаспору, с одной стороны, внешне ассимилированную, в значительной степени воспринимающую культуру (особенно светскую ее часть) страны своего проживания, но в чем-то остающуюся обособленной, например, к евреям и цыганам, а поскольку евреи играли (и играют) по ряду исторических причин такую видную роль в коммерческом капитале и притом связаны между собой поверх государственных границ деловыми связями и религиозной культурой, не близкой народам, среди которых они живут, то рождаются мифы о международном еврейском или «жидо-масонском» заговоре.

Распространение этих мифов особенно характерно для закрытых обществ, недоверчиво, подозрительно и враждебно относящихся к соседним государствам, находящимся в состоянии национального или глубокого экономического кризиса, когда очень соблазнительно обвинять других в собственных невзгодах. Так расистско-нацистские настроения характерны для стран, недавно освободившихся от коммунизма и находящихся в состоянии не только экономическо-

го кризиса, но и духовного кризиса идентичности. Этот кризис переживали сразу по окончании Второй мировой войны Япония и Германия, а теперь Германия Восточная, где опасно активизировались неонацистские элементы, особенно среди молодежи. Наблюдается неприятное неонацистское оживление и среди постсоветской молодежи в России и в других странах бывшего СССР. В России наблюдается опасная тенденция фашиствующих и неонацистских элементов прикрываться православием, активизироваться в церковной среде, вливая в нее дух озлобления, нетерпимости, чуждый Церкви, которую они пытаются идеологизировать, тем

254

— 13. Вместо предисловия —

самым подрывая нравственный авторитет православия, а следовательно, и возможности его благотворного влияния на народ.

Мы уже говорили о причинах распространения фашизма в межвоенной Европе и о том, что из двух родственных учений — фашизма и нацизма — первый гораздо более «экспор-табелен», чем второй, в силу расистской заикленности нацизма. Оставаясь верным этой категоризации, Кассельс указывает на появление именно партий нацистского типа во Франции, Великобритании, Бельгии, Голландии, Люксембурге и Скандинавии, а фашизма на Балканах и вообще в Восточной Европе, а также в Испании и Португалии. Из этих государств фашизм или нацизм был ближе всего к осуществлению во Франции (и, собственно, был осуществлен в зоне правительства Виши в военные годы) и Испании. Большинство этих стран мы кратко коснемся в своем месте.

Фашизм и нацизм как доктрины весьма примитивны. Это скорее направления, настроения, пучки эмоций, чем серьезно разработанные теории. Все замыкается на вожде, которому предоставляется неограниченное право толкования программных установок.

Что касается марксистского коммунизма, то тут теоретическая база гораздо сложнее. Кроме того, всеми коммунистами мира практический марксизм осуществляется в ленинской «редакции». В реальной политике отдельных коммунистических государств существуют различия, диктуемые историческими или сиюминутными особенностями данной страны или данного исторического момента, основы и принципы государственности, экономики, отношения между коллективом и личностью во всех коммунистических государствах те же. Для них прототипом является Советский Союз. Кроме всего прочего, на наших глазах происходит распад коммунистических систем и там, где на смену им не пришла демократия, наблюдается простое перерождение коммунистического интернационализма в национал-социализм. Национал-социалистическими по существу являются сегодня и неправящие коммунистические партии в бывших коммунистических странах, равно как и коммунистическая партия Китая.

— 13. Вместо предисловия —

255

После окончания Второй мировой войны и разоблачения нацистского террора казалось, что нацизм и фашизм до того скомпрометированы, что возрождение их уже никому не грозит. А вот коммунизм остается угрозой всему человечеству, он гораздо более долговечен, ибо опирается на прочный партийный аппарат, и поэтому в отличие от фашизма и нацизма переживает своих вождей-основателей. Но эти прогнозы оказались не совсем точными. Коммунизм в своем первоначальном виде рухнул, но под личиной марксизма переживает свое второе рождение в виде национал-социализма во многих африканских странах-диктатурах (бывших колониях) и в мусульманских в виде фундаментализма и неофундаментализма. А поскольку фашизм и нацизм, в силу своей идеологической неразработанности и незавершенности, весьма многолик, изучать его приходится на примерах отдельных государств, имевших или имеющих к нему прямое отношение.

Глава 14 Межвоенная Япония и тоталитаризм

«Милитаризм необязательно сводится лишь к состоянию вооружений. В не меньшей степени он может отражаться в состоянии ума и мышления».

Айичиро Фудзияма,

бывший министр

иностраннных дел Японии, 1971 г.

«В надежде на международный мир, основанный на праве и порядке, японский народ навечно отвергает суверенное право нации на войну и право угрожать применением оружия как средства разрешения международных споров».

Ст. 9 конституции Японии 1947 года.

В сборнике под редакцией профессора Любаша «Фашизм: три главных режима»¹ речь идет о Германии, Италии и Японии. Вот на Японии мы остановимся подробнее, поскольку, если и считать радикально-милитаристическую диктатуру в Японии 1930—1940-х годов нацизмом или фашизмом, как ее называют марксисты, то исторический путь к ее «торжеству» и ее особенности в значительной степени отличают ее от европейских прототипов, хотя режим, установившийся в Японии в 1930-х годах, во многом напоминает нацистскую Германию и итальянский корпоративизм, да и называли японские идеологи себя национал-социалистами, а расовая исключительность и замкнутость были (а частично являются и сегодня) чертами традиционной японской культуры, хотя в отличие от герман-

¹ Lubasz, Heinz, ed. *Fascism: Three Major Regimes*. Toronto, John Wiley, 1973.

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

257

ского нацизма она не включала в себя программы уничтожения тех или иных рас.

Общим у Японии и Германии было то, что демократическая структура с политическими партиями, выборами и сменяемостью правительств, была новшеством, не имевшим традиции в национальной истории. К тому же оба государства были традиционно милитаристическими, в которых военные пользовались большим почетом. И величие обеих стран было основано на недавних военных победах: в Германии войнами Бисмарка была создана империя, Япония же почувствовала себя великой державой после побед над Китаем в 1895 году и Россией в 1905.

Переживая проблемы, несколько напоминавшие послевоенные проблемы Италии, Япония, бывшая союзником Антанты, тоже считала себя обиженной Версальским миром. В качестве компенсации она получила лишь три архипелага мелких островов в южной части Тихого океана, ранее принадлежавшие Германии, и германские активы в китайской провинции Шаньдун в юго-восточном углу Манчжурии, часть которой была германской концессией до Первой мировой войны. Японские дипломаты не сумели добиться от союзников в Версале постановления о расовом равенстве, что было большой обидой для японцев, считавших себя чуть ли не высшей расой. Оккупировав почти всю провинцию Шаньдун во время войны, японцы попытались оставить там свою армию и сохранить за Японией монопольное право торговли с Китаем и гегемонии в Тихоокеанском бассейне. Вашингтонская конференция 1921 года, однако, сильно ударила по японским амбициям: их заставили вывести Квантунскую армию из Шаньдуна и подписать договор об открытых дверях в торговле с Китаем, а также об ограничении своего военно-морского флота: если пропорция США и Великобритании в совокупности равнялась 10, то пропорция Японии равнялась всего 3,5. Японские политики, военные и идеологи, взирая на колониальные империи Великобритании и Франции и территориальный и экономический размах США, называли свою страну пролетарием по отношению к этим трем и считали, что после побед над Россией в 1905 году и над Германией в Первой мировой войне, Япония является мировой державой

258

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

и имеет право на гегемонию в Тихоокеанском бассейне. Не без основания, считая себя передовой страной Азии, японцы писали о своем «долге» (сравни с германским культуртрегерством!) взять Китай под свой протекторат. Диктат Вашингтона и Великобритании Японии в 1921 году привел к бойкоту американских продуктов в 1924 году, на что Америка ответила запретом на иммиграцию японцев в Америку. В 1927 году японцы снова оккупировали Шаньдун.

Вот на этих «дрожжах» возрастал японский национал-социализм. И как и европейские разновидности фашизма и национал-социализма, у истоков его стоит комбинация традиционного национализма с марксистским ревизионизмом. Это сотрудничество левого социалиста — переводчика марксово-го «Капитала» Татабакатэ Мотоюки, опубликованного им с собственными и не всегда положительными комментариями, написанными с позиций национализма, и профессора-правоведа Уэсуги Синкичи — крайнего консерватора, националиста, образовавшего в 1913 году в токийском Императорском университете группу борьбы против любых форм либерализма. Что объединило этих, казалось бы, антиподов — это антилиберализм, отрицание примата личности над коллективом.

С новой силой национал-социалистические идеи всплывают на поверхность после окончания Первой мировой войны под названием *Нипон исин* или *Соуа исин*. Это националистическое и антикапиталистическое движение с ностальгией по Реставрации *Меиджи* 1868 года — эры национального равенства и подъема, очищения от коррупции и деспотии шогунов. Возрождение духа *Меиджи* это движение видело в корпоративной структуре внутренней политики и японском руководстве Китаем в политике внешней. Американский японолог Сторри считает основателем того, что он так неточно называет японским фашизмом, Кита Икки, агента японской разведки в Китае во время войны. В 1919 году он публикует книгу «Основы реконструкции Японии», о которой писали, что в ней под одним зонтиком соединились марксистская интерпретация истории и оправдание японского

империализма.²

² Storry, Richard *The Double Patriots: a Study of Japanese Nationalism*. Westport, Conn., Greenwood Press, 1973, p. 37. Достаточно

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

259

Кита назвал Японию пролетарием среди колониальных держав и на этом основании призывал ее к войне, критикуя непоследовательность марксистских социалистов, которые, с одной стороны, призывают к классовым войнам пролетариата, а с другой — выступают против интернациональных войн. Для него международная война была той же борьбой пролетариата против капитала, но на международной арене. В основе этих идей, несомненно, был ленинский «Империализм, как высшая стадия капитализма» с его теорией о народах Востока, как наций-пролетариев против колониальных держав, как наций-капиталистов. Кита выступал за национализацию земли, крупных предприятий, горно-обогатительных концернов, банков и судоходных компаний.

Ученые до сего дня не могут договориться о том, был ли ново-японский воинствующий национализм фашизмом, нацизмом или просто радикально-националистическим милитаризмом. В нем были свои черты, присущие только Японии. Так, японский нацизм был тесно связан с вооруженными силами, а через них с землей, так как подавляющее большинство офицеров были либо из помещиков, либо из крестьян. Несмотря на свое значение в качестве самой индустриально развитой страны Азии, население Японии в середине 1930-х годов было более чем на 50% сельским. Если до войны большинство офицеров были из дворянской среды, то ввиду многократного увеличения армии во время Первой мировой войны к концу ее более 30% офицерства были из крестьян. А психология младшего офицерства, не успевшего закрепить свое социально-экономическое положение до войны, мало чем отличалась от психологии их однолеток в Германии и Италии: им не было к чему возвращаться после демобилизации, и научены они были только военному делу. Разочарование в результатах войны, усугубленное экономическими кри-

вспомнить слова Энгельса 1848 года об оправдании немецкого насилия над «отсталыми» славянами в Австрийской империи и марксовы антирусские и антиславянские писания, чтобы убедиться в возможности слияния марксизма с нацизмом. См., напр.: J. A. Doerig, ed. *Marx vs. Russia*. N. Y., Frederik Ungar, 1962. Также менее удачную и сокращенную: Н. Н. «Карл Маркс о России». Канада, Заря, 1972.

260

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

зисами 1920 и 1927 годов, а тем более болезненным мировым экономическим кризисом, ударившим по Японии в 1930 году (в 1934 году в некоторых областях страны был настоящий голод), усугубляли радикальные настроения.

Вот тут мы замечаем различие между генезисами европейских тоталитаризмов и японского. В Европе, как мы видели, «кашу заваривают» политики, радикальные политические партии и политиканы, имеющие в большинстве случаев лишь косвенное отношение к армии, но затем использующие ее — в случаях Муссолини и Гитлера уже после прихода к власти. В Японии же партии играли второстепенную роль, а армия была крайне политизирована. По конституции вооруженные силы вообще не были подчинены правительству. Они подчинялись только лично императору, который в синтоистской религии является воплощением божества. Он был вознесен так высоко и находился так далеко от политики, что фактически был фигурой символической. Военачальники и премьер-министры действовали от имени императора, правда, отчитываясь перед ним, но далеко не всегда и не во всем.

Так, знаменитый Манчжурский инцидент произошел вопреки воле императора. А именно: в сентябре 1931 года группа заговорщиков среднего офицерского состава Квантунской армии взорвала ночью юго-восточный конец Китайско-Восточной железной дороги. Объявив это актом китайского саботажа, Квантунская армия начала военные действия по захвату Манчжурии. Через год японцы превратили ее в марионеточное государство Манчжуго под своим контролем, официальным «императором» которого стал сын последнего китайского императора. Но на этом военные заговорщики не успокоились. Они стремились покончить с политическими партиями и парламентом и всю власть подчинить военной диктатуре. Тут, собственно, было два параллельных офицерских движения национал-социалистического типа: *Кодо-ха* и *Тосеи-ха*. Первые были крайними радикалами среди национал-социалистов, сравнимые с левым крылом германских нацистов. Они были непримиримыми врагами частного капитала, требовали плановой экономики и почти полного уничтожения частного предпринимательства. Сторри видит их разновидностью национал-коммунистов, хотя во

внешней

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

261

политике они стояли за войну против СССР и завоевание для Японии земель российского Дальнего Востока. Тосеи-ха были более умеренными социалистами в своей программе, а во внешней политике видели будущее расширение Японии за счет Китая. При всем своем радикализме обе фракции оставались преданными монархистами — император был вне критики. Тем не менее и те, и другие занимались террором, убивая старых консерваторов в японских правительственных и капиталистических кругах. 1932 год был годом наибольшей интенсификации политических убийств. Всемирный экономический кризис, или Великая депрессия, как ее обычно называют на Западе, особенно больно ударил по крестьянам и землевладельцам в 1931—1934 годах — рухнули мировые цены на рис и шелк. Японский политолог Маруяма считает, что ре-волюционизация и взлет терроризма японских национал-социалистов³ были прямым следствием крестьянских беспорядков, ибо крестьяне считались сердцевинной армии, и военные им подыгрывали.⁴

В конце 1931 года образовалась небольшая группа военных фанатиков-террористов, возглавляемая бывшим военным шпионом, ставшим буддистским шаманом. Эта группа с марта по 15 мая 1932 года убила около десятка виднейших государственных деятелей, лидеров центристских партий, представителей делового мира и советников императора, включая двух премьер-министров подряд. Судебный процесс этих террористов напоминал суд над Гитлером в 1922 году. Судьи разрешали подсудимым выпускать политические декларации и предавать их гласности, пресса изображала террористов героями, боровшимися за права и благосостояние крестьянства. Между началом процесса и декабрем 1933 года в суд поступило более миллиона подписей под прошениями в защиту подсудимых. В результате подсудимым были вынесены поразительно легкие приговоры.

Почвой для японского национал-социализма был традиционный коллективизм, чуждость традиций индивидуали-

¹ Маруяма называет их фашистами по марксистской терминологии, которая всех правых радикалов считает фашистами.

¹ Сторри *Указ, соч.*, с. 99.

262

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

стического либерализма. Как и в русской славянофильско-монархической традиции, государство воспринималось как семья, главой которой был «государь-батюшка», а в японском варианте земной бог-император. Корни этой традиции были, конечно, в деревне, в сельском образе жизни, поэтому военные японские национал-радикалы так «ухаживали» за селом. Стремясь к уничтожению парламентско-партийной системы, они в 1930-е годы начали выделять средства и кадры для улучшения медицинского обслуживания села, сельского школьного дела и социальной защиты беднейших крестьян.⁵

В 1936 году был новый взрыв терроризма, вернее, террористы Кода-ха совершили попытку государственного переворота. 26 февраля почти полторы тысячи солдат под командой офицера захватили ряд государственных зданий, в том числе Военное министерство и главный штаб полиции, находившийся рядом с императорским дворцом. Затем они отправились на поиски национально-консервативных государственных деятелей — противников революционных действий. Тут же убили троих из них. Затем было убито еще несколько человек. При всем при том к императорскому дворцу не было приведено никаких дополнительных войск — бунтовщики действовали не против священной особы императора, а против его «злых советников». Наоборот, их идеей было «восстановить власть императора». Члены правительства, особенно военный министр, тайно сочувствовали бунтовщикам или просто боялись их. Во всяком случае, не было официального заявления правительства с осуждением убийц. Тогда вмешался непосредственно император. Он приказал в течение часа подавить бунт, арестовать участников и предать их строгому суду. По требованию императора было объявлено военное положение. Бунт был подавлен, и после недолгого судебного процесса 17 зачинщиков бунта были расстреляны. Этим был положен конец попытке установления национал-социалистической диктатуры снизу. К власти пришли деятели Тосеи-ха: фашизм, или национал-социализм, был введен сверху новы-

⁵ R. P. Dore & Tsutomu, *Ouchi Rural Origins of Japanese Fascism*. Morley, James William, ed. *Dilemmas of Growth in Prewar Japan*. Princeton University Press, 1971, p. 181-209.

ми властями. 26-27 февраля 1932 года можно сравнить с гитлеровской «ночью длинных ножей» 1934 года, но с той существенной разницей, что зачинщики резни в Японии были осуждены, и никто в парламенте их не благодарил за содеянное в отличие от немецкого Рейхстага.

Более того, позднее в том же 1936 году на парламентских выборах победил избирательный единый блок двух центристских партий, получив 354 из 466 мест. Это говорит кое-что о подлинных настроениях японских избирателей. Национал-социалистическому правительству, нехотя и сопротивляясь, пришлось уйти в отставку. Но хрен редьки не слаще: к власти пришел князь Коноэ, политическая обстановка стабилизировалась, но в сторону крайне националистического военно-бюрократического строя, который можно назвать фашистско-милитаристическим с элементами корпоративизма. В 1937 году Япония окончательно ввязалась в необъявленную войну против Китая, что противоречило идеям старых консерваторов, таких как Нагаи, мечтавший о сближении с Китаем и о роли Японии в качестве защитника Китая и вообще Дальнего Востока от белого империализма. Правда, идеологи Соуа-исин называли это не войной, а процессом освобождения Китая от власти западного империализма. Миссией японского кооперативизма (разновидность корпоративизма. — Д.П.) является создание «новой восточно-азиатской культуры всемирного значения... Философия кооперативизма спасет Японию, Восточную Азию, а быть может, и весь мир. Классы ... превратятся в функционально-профессиональный порядок», индивидуальные права будут принесены в жертву благополучию высшего целого — всей Японии. В ноябре 1937 года премьер-министр Коноэ заявил по радио, что военной целью Японии является установление нового порядка мира на Дальнем Востоке, что Япония стремится к сотрудничеству, а не к завоеванию Китая, к защите его от коммунизма. Япония готова сотрудничать с правительством Чан Кайши в перестройке Китая. «Япония вступила в новую стадию творчества во всех областях человеческой жизни».¹¹

¹¹ William, Miles Fletcher III. *The Search for New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan*. The University of North Carolina Press, 1982, p. 111-112, 115.

В 1936 году Япония заключила антикоминтерновский пакт с нацистской Германией. В 1937 году была фактически ликвидирована многопартийная система, а в 1940 году было ликвидировано движение Соуа-исин, а также фактически был отменен и парламент. А через год был Пирл Харбор — Япония вступила во Вторую мировую войну. Как указывает американский историк Патерсон, по сравнению с Америкой и передовыми странами Европы Япония была отсталой и нищей страной. Промышленность и заводы были отсталыми, малопродуктивными, квалифицированных рабочих было очень мало. Даже потребление населением продуктов питания лишь на 6 % превышало норму, необходимую для элементарного поддержания жизни (выживания) человека. Может, из-за этого — в надежде на заморские богатства — в народных массах вступление Японии в войну было встречено с беспрецедентным энтузиазмом. Япония, как ни парадоксально, вступила в войну не в условиях изобилия запасов, необходимых для ведения войны с такими мощными странами как США и Великобритания, а из-за нехватки самых необходимых стратегических материалов — нефти, стали, угля и даже риса, 20 % которого Япония вынуждена была импортировать — и из-за неспособности конкурировать с Америкой в наращивании самолетов, кораблей и боеприпасов. Логика сторонников войны была от обратного: через год, два разрыв между нами и Америкой будет еще большим — рассуждали они — а тут есть хоть надежда прорваться в Индокитай, Филиппины и Индонезию для получения сырья. Незадолго до начала войны бывший японский посол в Италии Тосио Сиратори с гордостью писал: «Волны либерализма и демократии, которые не так давно наводняли нашу страну, теперь отступили. Широко принимавшаяся недавно теория государственного управления, которая считала парламент подлинным центром власти, теперь полностью отброшена, и наша страна быстро движется к тоталитаризму, как основному принципу японской национальной жизни последних тридцати столетий. Для восточных народов речь идет ... о возвращении к древней вере ... сердце согревается от ...того, что идеи, ко-

торыми питались наши народы веками, ... воплощаются в системах современных государств Европы».⁷ Торжествовать Сиратори оставалось всего 7 лет. Да и в эти 7 лет увидеть подлинный тоталитаризм Сиратори не удалось. Не было в Японии массовой единой партии, как в коммунистических странах, нацистской Германии и фашистской Италии. Власть была военно-бюрократической. Да, в 1937 и 1938 годах были арестованы ученые и профессора, связанные с коммунистами, *Рабоче-крестьянской*

фракцией (те же коммунисты). Арестованы также руководители *Национального союза профсоюзов и члены Японской пролетарской партии*. В 1940 году официально закрыты и запрещены все политические партии. Вместо них были созданы *Ассоциация содействия императорской власти* и *Ассоциация «Службы великой Японии через промышленность»*. Коноэ понял, что политическая нестабильность Японии происходит от отсутствия стабильного народного движения-партии, на которой могло бы основываться правительство. И он попытался создать некое *Движение за новый порядок*. Само название напоминает нацизм. Но движение натолкнулось на «глыбу» имперской власти и превратилось в некую группировку политико-нравственного характера. Ничего не вышло и из попытки создания *Молодежного корпуса* на подобие гитлеръюгенда. Наконец в 1942 году единственной легальной общественно-политической организацией оказалась вышеназванная Ассоциация содействия, которая массовым движением так и не стала. Провал попыток создания массовой единой правительственной партии, а также отсутствие концлагерей и массового государственного террора в имперской Японии, даже в военные годы, показывает, сколь велика была пропасть между германским нацизмом и даже итальянским фашизмом, с одной стороны, и их японским вариантом, с другой.

Да, вариантом германского национал-социализма или итальянского фашизма Японию 1930—1940 годов назвать можно, по вот был ли этот режим тоталитарным, как утверждали сами

' Цит. по: Borton, *Hugh Japan Since 1931*. Westport, Con., Greenwood Press, 1973, p. 54-55.

266

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

японские радикалы, остается под вопросом. И уж, во всяком случае, тоталитаризм не мог существовать в Японии 30 столетий, как пишет Сиратори, ибо, как мы уже говорили, для достижения тотального или почти тотального контроля за населением необходима техника и электроника XX века.

Но вспомним, чем определяется наличие тоталитаризма и отсутствие одного в довоенной и военной Японии — идеологией, охватывающей все стороны человеческого бытия. Было ли это в Японии?

На самом деле попытка создания такой всеохватывающей идеологии не удалась в значительной степени благодаря отсутствию единой диктаторской партии (это уже второй фактор тоталитаризма). В Японии, как мы видели, существовали кружки заговорщического и даже террористического характера, но единой массовой партии не было. Была политиканствующая армия, путавшая политику, государственное управление и военное дело. Террор был, но он не был всеохватывающим и последовательным, и его целью не было уничтожение тех или иных классов, наций, рас (были распространены убийства корейцев, на которые правительство смотрело сквозь пальцы, но это не было государственной акцией⁸).

Тотальная централизованная монополия средств информации осуществлена не была, во всяком случае, до 1940 года. Централизованное бюрократическое планирование вызывало симпатии и сочувствие японских радикалов всех мастей, но полностью осуществлено не было. Частные концерны, заводы, землевладение и банки сохранялись до конца. Последними и очень важными чертами тоталитаризма, как мы знаем, должны быть: 1) пародия на демократию, то есть претензия на то, что власть исходит от воли народа, от народного суверенитета; и 2) обещание утопии.

⁸ Некоторые японские государственные деятели открыто выступали против этих убийств и требовали более решительной государственной защиты корейского меньшинства в Японии и наказаний убийцам. В расовой политике даже были некоторые прогрессивные подвижки в отличие от нацистской Германии. Так браки с корейцами и кореянками не лишали их отпрысков полноправного японского гражданства; а в двадцатых годах были сняты и все ограничения на японо-тайваньские браки.

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

267

Первого фактора вообще не было: источником власти была священная персона императора, а не народный суверенитет. Мечту японских национал-социалистов стать вождем и освободителем Дальнего Востока от западного империализма и колониализма утопией назвать трудно, так как в принципе это могло стать реальностью при более деликатной и не открыто захватнической политике. В конце концов отчасти эта мечта осуществилась в современной Японии. Но даже если назвать ее утопией, она ничего не имела общего с античеловеческими утопиями коммунистов и немецких нацистов — и те и другие собирались создавать нового человека, уничтожая человека реального, не подходящего под мерку их утопий. Наконец, хотя японские националисты жаловались, что Запад принес им чуждые японской культуре учения: с одной стороны, марксизм, с другой, христианство, и призывали к возрождению традиционного японского язычества (смесь синтоизма с буддизмом) — в японской модели национал-социализма отсутствует характерная для

тоталитарных доктрин религиозная нетерпимость. Даже в условиях крайнего обострения национализма накануне Второй мировой войны и во время ее, все, что японское правительство предприняло по отношению к занесенным западными миссионерами христианским религиям, — это введение законодательства по «японизации» этих религий. Закон 1939 года объявил христианство, синтоизм и буддизм официальными религиями Японии, подлежащими государственному контролю. В связи с этим руководство всех этих религий должно было состоять из японцев. Так, Русская православная миссионерская епархия Японии была в 1940 году переименована в Японскую православную церковь. Возглавлявший ее архиепископ Сергей должен был уйти на покой, и на его место был избран японский православный священник Иоанн Оно. В 1941 году супруга его постриглась в монахини в русском монастыре в Манчжурии, а о. Иоанн был пострижен в монахи под именем Николая и хиротонисан в Епископа всея Японии.

Итак, японскую систему 1930—1940-х годов можно назвать (с некоторыми оговорками) национал-социализмом, но ско-

268

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм —

рее авторитарного, чем тоталитарного типа, хотя были в нем и явные черты тоталитаризма, такие как утопическая мечта объединить всю Восточную Азию и создать некое идеальное государство. Наконец если и не современный тоталитаризм нацистского или коммунистического типа, то, во всяком случае, тотализм присутствует в самой политической культуре Японии с ее жесткой дисциплиной самураев (своеобразный корпоративизм) и обожествлением главы государства — императора.

Аннотированная библиография

Borton, Hugh *Japan since 1931. Its Political and Social Developments*. Westport, Con., Greenwood Press, 1973 (первое издание 1940 года). Беспристрастно-научная книга, последовательно излагающая курс Японии с 1931 года к фашизму и анализирующая исторические и психологические предпосылки к таковому. Поскольку книга написана в начале 1940 года, выводы ее несколько устарели.

Iritani, Toshio *Group Psychology of the Japanese in Wartime*. London, Kegan Paul International, 1991.

Попытка разобраться в роли национальной психологии 1920—1930-х годов как в факторе фашизации Японии.

Lubash, Heinz, ed. *Fascism: Three Major Regimes*. London, John Wiley, 1973, с. 133—183. Отличная подборка статей ведущих западных и японских специалистов — от левых до правых. Лучшей следует считать заключительную Джона Фербенка и других (с. 177—183), решительно отвергающую марксистское наклеивание ярлыка «фашизм» японскому милитаризму

Minichiello, Sharon *Retreat from Reform: Patterns of Political Behavior in Interwar Japan*, Honolulu:

University of Hawaii Press. Автор обоснованно считает, что с 1937 года Япония окончательно вступила на путь к тоталитаризму, однако, не определяя этот термин, осторожно лишь говоря о пути к нему.

Книга снабжена исчерпывающей библиографией.

Morley, James William, ed. *Dilemmas of Growth in Prewar Japan*. Princeton University Press, 1971.

Сборник статей и эссе ведущих японистов — от марксистов до либералов и правых.

— 14. Межвоенная Япония и тоталитаризм •

269

Peterson, Edward *An Analytical History of World War II*, vol. 2. N. Y., Peter Lang, 1995. Книга состоит из конкретных фактологических анализов экономического, военного и политического состояния каждой из стран, участвовавших во Второй мировой войне, поочередно и по годам.

Статья «Япония», в *Советская историческая энциклопедия*. М., 1976, с. 903—976. Крайне идеологически тенденциозная статья с типично марксистской упрощенной терминологией, наклейкой ярлыка «фашизм» на любое правое политическое или философское течение, не входящее в категории социализм — буржуазный либерализм.

Storry, Richard *The Double Patriots: a Study of Japanese Nationalism*. Westport, Con., Greenwood Press, 1973. Работа серьезного американского японоведа несколько промарксистского уклона.

О. Танин, Е.Йоган «Милитаризм и фашизм в Японии». Нам был недоступен русский оригинал; в английском переводе — издание Greenwood Press, 1973, перепечатка с издания 1934 года. Чисто марксистская интерпретация с упрощенно-распространительным использованием термина «фашизм», подводя под него всех антикоммунистов, стоящих правее социал-демократии. В 1934 году книга вышла с предисловием Карла Радека, расстрелянного Сталиным четырьмя годами позднее.

Fletcher, William Miles III *The Search for a New Order: Intellectuals and Fascism in Prewar Japan*. The University of North Carolina Press, 1982. Одна из наиболее серьезных аналитических работ по теме.

Можно только пожалеть, что автор пользуется расширительно термином «фашизм», а национал-

социализм относит лишь к одной из партий, в то время как, по нашему мнению, тоталитарно-направленные движения и партии Японии были гораздо ближе к национал-социализму, чем к фашизму.

Глава 15 Восточная Европа

«Многие государства усердно занимаются мучительным и истощающим трудом превращения своих государств в нации».

Евгений Каменка *«Nationalism, the Nature and Evolution of an Idea»*.

Положение в Восточной Европе осложнялось целым рядом факторов, которых или не было в Европе Западной, или они там не играли такой большой роли. Во-первых, большинство восточноевропейских стран были полностью или частично выкроены из бывших империй — Российской, Австро-Венгерской и Германской. Они либо не имели никакого опыта самостоятельного существования (Словакия, Латвия, Эстония и Финляндия) в качестве независимых государств, либо их исторический опыт независимости окончился от полутора столетий (Польша) до полутысячи лет назад (Сербия, Болгария). Будучи выкроенными из империй с этнически перемешанным населением, у каждого из этих новых или обновленных государств были колоссальные нацменьшинства, многие из которых были совсем недовольны своим новым статусом, не испытывая никаких родственных чувств к тем государствам, в составе которых они оказались не по своей воле, а по воле президента Вильсона и его советников. Новые государства не обладали тем опытом управления многонациональным населением, которым обладали рухнувшие империи. Кроме того, новообетенная независимость вскружила титульным национальностям этих государств головы. Большинство из них начало проводить узконационалистическую внутреннюю политику, будто они состояли лишь из титульной национальности, а в отношении меньшинств они вели поли-

— 15. Восточная Европа —

271

тику полупринудительной ассимиляции: официальными и неофициальными ограничениями прав меньшинств и их религий и всевозможными подачками тем представителям меньшинств, которые соглашались менять свою религию на веру правящего большинства, соглашались в графе национальность писать «поляк», вместо «украинец», например. Естественно, такая национальная политика раздражала меньшинства, нередко толкала в подпольные партии террористического направления, как то КП Западной Украины и Западной Беларуси, петлюровцы-бендеровцы в Польше, хорватские нацисты — усташи в Югославии и т. д. В экономической политике новые государства вводили жесткие тарифы на международную торговлю как знак своей независимости и в надежде сиюминутного развития собственных производств в целях экономически неоправданной автаркии. Не лишены были острого национализма и стремления к автаркии и западно-европейские государства, которые, в частности, боялись дешевого восточно-европейского сырья. Эти автаркические замашки сыграли не последнюю роль в обвале 1929—1930 годов и наступлении Великой депрессии. Полностью фашистская диктатура, хотя и в относительно мягкой форме, установилась в Австрии. Близкими к фашизму были режимы Венгрии и Румынии. Об остальных странах Восточной Европы, кроме Чехословакии, где демократический строй просуществовал до гитлеровского нашествия, можно лишь говорить о большей или меньшей степени влияния фашистских идей или тенденций на их режимы, которые в 1930-х годах обрели определенные черты традиционного национального авторитаризма. Не больше того. Поэтому, говоря о фашизме в Восточной Европе, мы остановимся подробнее только на Австрии, Венгрии и Румынии.

Австрия

Капитуляция Австро-Венгрии закончилась мирным договором в Сен-Жермене в 1920 году, расколовшим империю на ряд независимых государств, самым маленьким из которых оказалась Австрия, которая была обречена на независимость

272

— 15. Восточная Европа —

благодаря тому, что Сен-Жерменский мир запретил ей присоединиться к Германии. А ведь Австрия была местом рождения германского объединительного движения начала XIX века, но также и первой партии, назвавшей себя национал-социалистической (в 1904 году), части которой после развала империи стали главными партиями германских национальных меньшинств в Чехословакии, Австрии, Польше, Румынии, Венгрии и Югославии, став в последствии «пятыми колоннами» Гитлера. Появление партий крайнего национализма именно в Австро-Венгрии характерно для ситуации, в которой германский элемент был меньшинством, угрожаям со

стороны возрастающего агрессивного национализма венгерского и славянского большинства. Свежеиспеченная Австрийская республика была преимущественно страной традиционных католиков, по темпераменту напоминающих скорее Балканы, чем Германию. Поэтому австрийский корпоративный клерико-фашизм диктатора Дольфуса был ближе к фашистским течениям Испании, чем к режиму Муссолини, а тем более Гитлера.

В 1926 году самостоятельная австрийская национал-социалистическая партия перестала существовать, слившись с нацистами Германии, после чего несогласные с этим — в основном члены националистической организации ветеранов *Хеймвер* («Защита Родины») — создали свою австрийскую клерико-фашистскую партию.

Австрия была неким аграрным придатком к высокоиндустриальной Вене, в которой проживало 25% населения страны. В столице был сосредоточен пролетариат страны и преобладали социал-демократы и коммунисты, распространения которых так боялась остальная Австрия, бывшая глубоко консервативной и традиционно-католической. Промышленность Вены, которая раньше работала на всю империю, в 1920—1930-е годы находилась в состоянии застоя, не имея рынка сбыта из-за тарифных барьеров окружавших ее государств — бывших частей Австро-Венгрии. Значение «Хеймвера» выросло с 1927 года, когда правительство использовало его для вооруженного подавления социалистической забастовки в Вене. Муссолини тоже дотировал Хеймвер оружием и деньгами, за обещание защиты итальянской границы от немец-

— 15. Восточная Европа —

273

кой угрозы и за признание Южного Тироля итальянской территорией. В 1930 году «Хеймвер» принес присягу фашизму и был переименован в *Государственно-политическую организацию* (ГПО). Искусственность австрийского национализма подтвердилась в 1930 году, когда часть «Хеймвера» присоединилась к *Нацистской партии*. Это уже было время Депрессии, ударившей очень больно по Австрии и Германии, особенно когда им было отказано Англией и Францией в праве заключить между собой таможенный союз. Все это вызвало значительный рост нацистов в Австрии с 1932 года.

В 1932 году канцлер Дольфус — богомольный католик крестьянского происхождения — попытался спасти Австрию как от нацизма, так и от марксистского социализма, разогнав парламент, введя цензуру и провозгласив единственной законной партией страны Отечественный фронт, сформированный из слияния «Хеймвера» и *Социал-христианской партии*. После четырехдневной гражданской войны в 1934 году, вызванной неудачной попыткой социал-демократического переворота, Дольфус провозгласил корпоративистскую конституцию. Не будучи фашистом, Дольфус утверждал, что его конституция является реализацией римско-католических социальных концепций социально-экономической справедливости без классовой борьбы. Тремя месяцами позднее австрийские нацисты убили Дольфуса. Их переворот провалился, однако, из-за отсутствия прямой поддержки со стороны Гитлера, испуганного, по-видимому, частичной мобилизацией итальянских вооруженных сил и подхода их к австрийской границе в исполнение итало-австрийских соглашений о защите Австрии от внешнего агрессора. Корпоративное австрийское государство возглавил доктор Шушнигг, продержавшийся до германской аннексии Австрии в марте 1938 года, затем одобренной подавляющим большинством голосов в общевосточном плебисците. Интересно, что Римско-католическая церковь Австрии призвала тогда австрийцев поддержать в плебисците соединение Австрии с Германией в единый германский народ (*Volk*).

274

— 15. Восточная Европа —

Венгрия

В Венгрии появление фашизма было прямой реакцией на коммунизм. В марте 1919 года местные большевики — в основном бывшие военнопленные в России, распропагандированные военнопленным венгерским коммунистом Бела Куном, — провозгласили Венгрию советской республикой. Освобожденный ими из тюрьмы еврей Бела Кун был фактически вождем этого коммунистического правительства, сразу же приступившего к ликвидации имущих классов и вообще к красному террору по образу и подобию «Военного коммунизма» в РСФСР. Террор Бела Куна, который позднее залет кровью Крым после ухода оттуда Белой армии, как происходивший почти в центре Европы, произвел шоковое впечатление на европейцев. Румынские войска по распоряжению союзников вступили в Венгрию, выгнали коммунистов и дали возможность венграм организовать национальное правительство в Сегете — первом венгерском городе,

освобожденном от коммунистов. Однако на большевистскую резню правые ответили тем же. Не говоря уж о венгерских коммунистах, вырезаны были тысячи венгерских либералов и евреев, поскольку Бела Кун и большинство в его окружении были евреями.

Первым и весьма кровавым вождем этого временного правительства был венгерский генерал немецкого происхождения, ярый антисемит Юлий Гёмбош, называвший себя венгерским нацистом. Городская буржуазия в Венгрии была весьма малочисленна и в основном состояла из немцев и евреев. Поэтому режим Гёмбоша должен был опереться на традиционные венгерские правящие классы — преимущественно помещиков, — которым радикализм Гёмбоша был не по вкусу, и этот вождь вскоре стушеввался. Страна формально оставалась королевством, но наследника Габсбургов к себе не пустила. Уже в 1920 году правителем ее стал адмирал Хорти¹, покончивший с эксцессами Гёмбоша и установивший умеренно-авторитарный режим, опиравшийся на консервативное дворянство. Премьер-министром у Хорти был граф Бетлен, глава правительственной консервативной *Объединенной партии*.

¹ Аномалия тогдашней Венгрии — монархия без монарха, управляемая адмиралом в стране без выхода к морю.

— 15. Восточная Европа —

275

Фашистом он не был, но из опасения традиционно-враждебного славяно-румынского окружения Венгрии Бетлен заключил оборонительный союз с фашистскими Италией и Австрией. При нем был ручной парламент, в котором абсолютное большинство составляли члены правящей партии. Таково было положение до начала в 1929 года Великой депрессии, когда рухнувшие цены на зерно — основной экспорт Венгрии — заставили Бетлена уйти в отставку. К власти вернулся Гёмбош сначала в качестве министра обороны, а с 1932 года и до своей смерти в 1936 году он был премьер-министром. В эти годы он был значительно умереннее, чем в начале своей карьеры, в 1919 году, и его симпатии были на стороне Муссолини, а не Гитлера: он провозгласил корпоративистские принципы и не преследовал евреев. Однако под давлением нацистской пропаганды против правительства Хорти—Гёмбоша последний был вынужден, скрывая это от Хорти, подписать тайное соглашение с Герингом о поддержке национал-социалистической пропаганды в Венгрии. На практике это соглашение оставалось мертвой буквой до тех пор, пока у власти был Хорти. Мудро и осторожно сдерживая растущий поток фашистских группировок в стране, — речь идет особенно о воинственно антисемитском *Стрельчатом кресте* Салаши, который успешно привлекал в партию, с одной стороны, молодых офицеров, с другой — рабочий класс, делая им небольшие уступки в области социальных реформ, Хорти сдерживал их влияние тем, что содержал самого Салаши в тюрьме до 1940 года. Благодаря этим полумерам Хорти удавалось сдерживать расовые эксцессы при помощи исторически традиционных консервативных классов, которые оставались реальной опорой режима умеренного авторитаризма. Не будучи по характеру естественным вождем масс, адмирал Хорти, понимая роль масс в XX веке, использовал для их мобилизации существовавшие в Венгрии фашистские и нацистские группировки, подыгрывая им и держа их под контролем на достаточно безопасном расстоянии от реальной власти.

Что касается «Стрельчатого креста», то это была чисто нацистская партия туранского расизма и животного антисемитизма, что как бы опровергает теорию Кассельса о распространении фашизма, а не нацизма в странах, находящихся-

276

— 15. Восточная Европа —

ся на ранней стадии промышленного развития фашизма. Венгрия была особым случаем. Во-первых, как равноправная половина Австро-Венгрии, Венгрия разделила с нею и Германией национальное унижение поражения. Во-вторых, исторически Венгрия была чужеродным угрозфинским вкраплением в район проживания славян и валахов и в течение тысячелетия находилась с ними во враждебных отношениях. Владея некоторыми из них — Словакией, Трансильванией, Хорватией и частью Сербии, — она проводила там политику принудительно-агрессивной мадьяризации. Для оправдания такой политики в век расово-националистического романтизма появилась доктрина о венграх-туранцах как высшей расе Ближнего Востока, с утверждением, что Христос в земной жизни был не евреем, а туранцем. Это развязывало руки антисемитизму, подкрепление которому давал непропорционально большой процент евреев в левых партиях, особенно в коммунистической. Салаши сам был фигурой харизматической. Программа его была не только антисемитской, но,

как и программа немецких нацистов, обещала многочисленные реформы социалистического типа: национализацию банков и части промышленности, замену парламента Советом корпораций... Характерно, что подпольная компартия призывала своих членов голосовать за партию Салаши как идеологически наиболее близкую коммунистам. Однако даже после того, как Германия заставила Хорти выпустить Салаши из тюрьмы в 1940 году, он сумел держать Салаши на достаточно безопасном расстоянии от государственной политики до тех пор, пока немецкая армия не оккупировала Венгрию в 1944 году и не арестовала Хорти, поставив на его место Салаши, который оставался на этом посту чуть меньше года, до конца войны. За это время он сумел уничтожить полмиллиона евреев, то есть 70% всего еврейского населения Венгрии.

Румыния

Положение Румынии решительно отличалось от Венгрии уже тем, что она как союзница Антанты была среди победителей, хотя вступила в войну только в 1916 году и воевала из

— 15. Восточная Европа —

277

рук вон плохо. Только русский Экспедиционный корпус спас ее от полного разгрома в 1917 году, даже заставив австрийцев несколько отступить. Тем не менее ее территория была более чем удвоена за счет Венгрии (Трансильвания), Австрии (Буковина) и России (Бессарабия и северная часть Молдавии). В результате Румыния вдруг превратилась в многонациональное и многоконфессиональное государство: на 9 с лишним миллионов основного румынского населения приходилось 3 миллиона венгров, более миллиона немцев, около миллиона русских, украинцев, поляков, несколько сот тысяч греков, болгар, гагаузов, цыган, около миллиона иудеев и два миллиона бессарабов, которые, хотя и говорили на том же молдавском диалекте румынского языка, что и их южные собратья, были в значительной степени русифицированы или вообще ославянены. Кроме того, собственно бессарабы или молдаване составляли лишь небольшое большинство в конгломерате разноплеменных славян и греков, а по культуре Бессарабия была скорее русской, чем румынской. В религиозном отношении в увеличенной Румынии было 13 миллионов православных, 2 миллиона венгерских и германских протестантов и около 3 миллионов католиков и униатов.

Румыния буквально не знала, что с таким конгломератом наций и религий делать. Надо сказать, что на православное население в бывшей Австро-Венгрии оказывалось давление, чтобы они переходили в униатство или кальвинизм (религия значительной части восточных венгров), а в венгерской части империи к религиозному давлению примешивалась политика мадьяризации румын. Естественно, трансильванские румыны теперь были сторонниками крайнего румынского национализма и румынизации меньшинств и ожидали они именно такой политики от румынского правительства. В Бессарабии правительственная политика румынизации была направлена на вытравливание русской культуры, языка и влияния. К тому же подобно Испании накануне Гражданской войны правительство Румынии 1920-х годов отличалось неэффективной и совершенно коррумпированной парламентской системой. Не менее коррумпированной, но и до такой степени жестокой и безответственной была полиция, что в отношении ее без особого преувеличения можно говорить о по-

278

— 15. Восточная Европа —

лицейском терроре. Ответом на страх Советского Союза был рост национализма, нетерпимость по отношению к нацменьшинствам и фанатический антисемитизм, поскольку евреи ассоциировались с коммунизмом и с СССР, где в то время численность евреев в партийном и госаппарате была значительно выше пропорции еврейского населения.

В 1923 году права полного румынского гражданства получили евреи, хотя не менее половины из них составляли бессарабские и трансильванские евреи, не владевшие румынским языком.

Предоставление по крайней мере на бумаге евреям прав, равных правам коренного румынского населения, вызвало бурю протеста со стороны антисемитов. Тут-то и появляется на сцене *Союз архангела Михаила*, основанный Корнелием Кодреану, которому якобы в видениях является архангел Михаил. Скорее всего неслучайно было совпадение названия организации Кодреану с одноименной организацией русских черносотенцев под руководством почти земляка Кодреану — бессарабского помещика Пуришкевича¹¹. Вообще интересно, что вождями крайних шовинистов часто становятся «полукровки»: в Венгрии Гёмбош был немецкого, а Салаши — словацкого

происхождения, Кодреану был полуполяк, полунемец, чьи родители приняли православие и воспитали сына в духе крайнего румынского национализма, привили ему любовь к национальным легендам и традициям. В университете его националистическим воспитателем был грек, профессор Куза. Список «полукровок» среди фашистских и нацистских вождей можно продолжать. Назовем только еще одного, Гитлера — австрийца с чешской примесью, а возможно, и с еврейской. Характерно, крайними националистами становятся, так сказать, пограничные элементы, которые, чувствуя неполную принадлежность к коренной национальности страны своего проживания, пытаются быть «более католиками, чем папа Римский».

С развитием и ростом румынского фашизма «Союз архангела Михаила» стал некой интеллектуально-идеологической сердцевинкой массовой организации *Железная гвардия*, создан- Как указывалось выше, некоторые историки считают русских черносотенцев одним из ранних движений фашизма.

15. Восточная Европа —

279

ной Кодреану в 1930 году как его ответ на Великую депрессию. Деятельность «Железной гвардии» была смесью насилий и убийств, — особенно евреев, коммунистов и якобы сочувствующих коммунизму, — с неким спартанским пуританизмом. С другой стороны, отряды железногвардейцев оказывали бесплатную помощь крестьянам в полевых работах, строили и ремонтировали дороги, мосты и храмы. По вечерам они собирались с крестьянами у костров, пели с ними народные песни, рассказывали крестьянам народные былины и легенды, внушая им чувство национальной гордости. В результате на фоне государственной коррупции и ухудшавшихся экономических условий железногвардейцы пользовались все возрастающей популярностью у крестьян и бедняков.

Поскольку все правительства межвоенной Румынии были тесно связаны с помещиками и капиталистами, а национальная румынская городская буржуазия была лишь в зачаточном состоянии, румынские капиталисты были в основном евреями, которых терроризировали железногвардейцы, то, естественно, Кодреану и его партия подвергались преследованиям со стороны правительства, что, в свою очередь, вызывало к ним сочувствие низших классов и молодой радикальной интеллигенции.

Пожалуй, единственным корпоративистским экономистом, пользовавшимся международным уважением, был в то время румын — профессор Михаил Манолеску. Он считал, что в отсталых странах парламентаризм неизбежно становится коррумпированным и потому он не может быть проводником модернизации. Поэтому, писал Манолеску, только сильная диктатура с корпоративно-профессиональным и деловым представительством может вывести отсталую страну на путь модернизации и индустриализации. И вот движение Кодреану официально берет на вооружение идеи Манолеску, приобретая этим некую респектабельность. Тут и король Карл II, боровшийся с коррупцией, попав под влияние общеевропейского увлечения фашизмом, сменил гнев на милость по отношению к «Железной гвардии» в надежде на то, что удастся ее приручить и использовать для своих целей. Партия была легализована и на выборах 1937 года получила 16 % голосов, став третьей по размеру парламентской партии-

280

— 15. Восточная Европа —

ей. Королю это не понравилось: партия оказалась слишком большой и независимой, чтобы быть приводным ремнем в руках правительства. К тому же воинственный антисемитизм и призывы к союзу с нацистской Германией никак не входили в планы короля, который хотел сохранить добрые отношения с Францией и Великобританией. В результате в 1938 году он разогнал парламент и установил личную диктатуру. Кодреану был арестован и приговорен к 10-летнему заключению. «Железная гвардия» ответила убийствами евреев, социалистов и либералов; в числе убитых были университетские профессора и журналисты. По приказу короля Кодреану и ряд других арестованных железногвардейцев были казнены. Ответом последних была волна убийств государственных деятелей, в том числе премьер-министра. Король приказал за это казнить трех железногвардейцев в каждом районе страны. Затем он создал свою «домашнюю» партию — националистическую, с элементами фашизма, но без идеологического радикализма, — назвав ее *Фронт национального возрождения*, и при нем молодежное отделение под названием Дозор. Большинство инструкторов «Дозора» были тайными членами подпольной «Железной гвардии» или ее *Рабочего корпуса легионеров* — сектора кодреановских организаций для промышленных рабочих. Немецкие нацисты их защищали и поддерживали, — как тех, что были в румынском подполье, так и бежавших в Германию. В 1940 году СССР присоединил Бессарабию, превратив ее в союзную республику Молдавия. Немцы

заставили Румынию передать Венгрии половину Трансильвании, а Болгарии кусочек Добруджи. Карл II отрекся от престола в пользу сына Михаила. Новый премьер-министр Антонеску провозгласил Румынию корпоративным «легионерным» государством, надел на себя зеленую форму румынского фашиста, легализовал «Железную гвардию», но под своим непосредственным руководством, став ее главой. В душе Антонеску был не фашистом, а традиционным националистом-консерватором. Вскоре он рассорился с «Железной гвардией» и ее новым лидером — вернувшимся из Германии Хорией Сима — из-за учиненных им еврейских погромов. В результате в 1941 году произошла четырехдневная гражданская война. Легион был

— 15. Восточная Европа —

281

разгромлен, а Сима снова бежал в Германию. Гитлер, по-видимому, увидел в радикализме «Железной гвардии» аналог собственных радикалов, которых он уничтожил в 1934 году, и поддержал Антонеску. Надо отдать должное Антонеску, он делал все возможное, чтобы не допустить преследования евреев в Румынии. Однако ему не удалось предотвратить избиение 100 тысяч евреев в Бессарабии сразу после ее присоединения к Румынии в 1941 году. Погромщики оправдывали себя тем, что евреи были настроены просоветски, что частично соответствовало действительности.

В 1944 году король Михаил арестовал Антонеску и заключил мир с Советским Союзом, который превратился в советскую оккупацию страны. В 1946 году руками советского премьер-министра Молотова был совершен коммунистический переворот в Румынии, короля и его семью выслали в Западную Европу. Румыния стала одной из «народных демократий» советского блока с одним из наиболее жестоких режимов из всех коммунистических стран Европы, вплоть до развала коммунистического режима в результате кратковременной гражданской войны и убийства последнего румынского коммунистического диктатора Чаушеску в 1989 году.

Заключение

В двух последних главах мы кратко проанализировали те режимы в межвоенной Европе, которые ближе всего были к полному фашизму или нацизму. Остается без ответа, однако, вопрос: можно ли эти режимы называть тоталитарными? А если нет, то каких «ингредиентов» для этого в них не хватает?

Во-первых, как мы видели, во всех перечисленных странах сохранялось частное предпринимательство и частная собственность на землю и средства производства. Это уже настолько ограничивает государственные возможности тотального контроля граждан, что о тоталитаризме говорить не приходится. На примере Испании XX века и на примере кальвинистской Женевы XVI века мы показали, как частное предпринимательство и международная торговля (без которой торгово-промышленное развитие невозможно), разруша-

282

— 15. Восточная Европа —

ют барьеры и границы между странами и делают тотальный контроль невозможным.

Во-вторых, в каждом из них наблюдается широкая веротерпимость, во всяком случае, по отношению к традиционным религиям этих стран и даже относительная веротерпимость к «иностранным» религиям. Тоталитаризм, как мы уже говорили, это псевдорелигия, требующая признания за вождем или, во всяком случае, за руководящей партией, непогрешимости. При наличии веры в трансцендентного Бога уже идет раздвоение, и каждый верующий открыто признает непогрешимость и абсолютность во всех отношениях только за Богом. Если речь идет о христианстве, то оно вообще не допускает культа личности, существования земного «бога» и возможности построения земного рая, — утопии посредством какого-либо политического или историософского учения.

Собственно говоря, ни в одном из обсужденных в этих двух главах государств не давалось обещаний построить утопию. Последнее характерно только для марксизма и гитлеровского нацизма. Ближе всего к этому подходит венгерский нацизм, пытавшийся «приручить» Христа, сделав его своим «соплеменником» через мифических предков венгров, однако не забывая, что речь идет только о земной жизни Христа — это уже ограничение тоталитаризма. Без подмены веры в Бога верой в вождя и в земной рай тоталитаризм невозможен.

Итак, во всех вышеупомянутых странах был жесткий авторитаризм, который временами мог быть и весьма кровавым. Он был с потугами на тоталитаризм, власть имущие мечтали о достижении тоталитарности, тотального контроля, но все это были лишь дорогостоящие гражданам мечты, а не их осуществление.

Аннотированная библиография

Aron, Raymond *Progress and Disillusion: the Dialectics of Modern Society*. London, Pall Mall Press, 1968. Он же *History and the Dialectic of Violence*. Oxford, Blackwell, 1975. Обе работы посвящены со-

циально-философскому анализу доктрин насилия и их при-

— 15. Восточная Европа —

283

менения в XX веке — от Великой французской революции до коммунизма, нацизма и близких им системам тоталитаризма и стремления к таковому.

Groth, Alexander *Major Ideologies. ... Democracy, Socialism and Nationalism*. N. Y., John Wiley, 1971.

Изложение основных политических доктрин XX века в их историческом развитии и метода власти или борьбы за власть. Добросовестный справочник.

Cassels, Alan *Fascism*. N. Y., Crowell Co., 1975. Учебное пособие для вузов по нацизму и фашизму.

Подробно проанализированы и сопоставлены немецкий нацизм и итальянский фашизм. Оба рассматриваются в их историческом развитии от теорий до практики. Более кратко рассматривается распространение фашистских и нацистских идей в остальной части Европы поочередно — в каждой стране отдельно и в контексте их историко-социального состояния и развития. В конце книги исчерпывающая аннотированная библиография по теме книги.

Longworth, Philip *The Making of Eastern Europe*. London, Macmillan, 1992. Несколько необычное построение книги: автор начинает историю Восточной Европы (на запад от России) с 1989 года и идет вспять до IV века. Удивительно то колоссальное количество информации, изложенной аналитически, которое автор сумел втиснуть в 300 страниц текста. Книга написана прекрасно и очень добросовестно, читается легко и с интересом.

C. Macartney *October Fifteenth: a History of Modern Hungary, 1929-1945*. Edinburgh, 1957. Одна из лучших исторической работ по Венгрии XX века. Автор полностью оправдывает адмирала Хор-ти и его политику.

H. Roberts *Rumania: Political Problems of an Agrarian State*. New Haven, Yale Univ. Press, 1951.

Политический анализ румынского фашизма в контексте общей истории и проблем молодого аграрного государства в сложных условиях XX века.

Sugar, Peter & Lederer, Ivo, eds. *Nationalism in Eastern Europe*. Seattle: University of Washington Press, 1994. Сборник эссе известных западных историков восточно-европейского происхождения (за исключением статьи о Польше, написанной Питером Бруком, канадцем) о проблемах национализма в восточно-европейских странах в XX веке.

284

15. Восточная Европа —

S.J. Woolf, ed. *Fascism in Europe*. London, Methuen, 1981. Сборник с отдельными статьями по каждой европейской фашистской или нацистской партии.

Ф.Хайек «Дорога к рабству». Лондон: Нина Карсова, 1983. Книга Нобелевского лауреата по экономике, фактического создателя так называемой Чикагской школы экономики. Граф Хайек — решительный враг всех видов социализма, интернационального или национального, как отрицающих изначальную свободу личности, без которой человечество неминуемо приходит к рабству (отсутствию свободы) и нищете, не только духовной, но и материальной, ибо прогресс, развитие и изобретения совершаются свободной личностью, а не безличными коллективами.

Глава 16 Западная Европа

«Мир — дар Божий, но как и с другими дарами, он может плодоносить только, если о нем заботиться». Виктор де Мирабо (1756).

Всемирный экономический спад, начавшийся в 1929 году и известный под названием Великой депрессии, подорвал доверие к либерализму с почти полностью свободным рынком.

Поскольку в это же время в СССР и Италии были тоталитарные диктатуры и в основном благодаря дутой пропаганде большинство верило в сталинское чудо и якобы в успех фашизма в Италии, широко распространилось мнение, что либерализму пришел конец и надо выбирать лишь между разными формами централизованных диктатур. К тому же в 1933 году к власти приходит Гитлер, и катастрофическая безработица в Германии начинает резко сокращаться. (Мало, кто знал, что это достигалось тайным наращиванием военной промышленности, строительством стратегических дорог и развитием синтетики за счет варварского уничтожения естественных ресурсов страны.)

Все это привело к быстрому росту тоталитарных партий и в Восточной, и в Западной Европе. Во Франции, как мы сейчас увидим, фашистские партии появились задолго до 1929 года, но в 1930-е годы они растут и множатся. Небольшая, но активная фашистская партия появляется в Англии под руководством члена парламента Мосли, которая сначала имитирует Муссолини, но в 1930-е годы приближается к гитлеровскому нацизму, включая расизм, в частности, антисемитизм. Аналогичные партии появляются в Бельгии, Голландии, Люксембурге и

Скандинавии. Но рассматривать их мы не бу-

286

— 16. Западная Европа —

дем, к «власти» их приводит Гитлер, оккупировав эти страны. Не будь немецкой оккупации, их роль была бы не более значительной, чем роль нацистов в Англии. Другое дело Франция, о которой мы сейчас поговорим.

Франция

«Праматерью» европейского фашизма и нацизма следует считать Францию. В 1899 году влиятельный французский поэт радикал-националист и монархист Шарль Моррас (*Charles Maurras*) создал движение под названием *Французское действие*, при котором тут же образовалась частная «армия» под названием *Королевские охотники*. Это были предшественники нацистской СА, итальянских скуадристов и прочих тому подобных террористических военизированных формирований радикальных партий XX века. «Французское действие» было реакцией националистов на пресловутую коррумпированность правящих кругов *Третьей Французской Республики*, с одной стороны, и на дело Дрейфуса, с другой. Дрейфус был молодым французским офицером. Но его несчастьем было то, что он был евреем, да еще эльзасским, а Эльзас в результате войны 1870—1871 годов был присоединен к Германии. В результате жители Эльзаса не пользовались доверием ни Германии, подозревавшей в них тайных франкофилов, ни Франции, не доверявшей тем эльзасцам, которые предпочли Францию Германии. В 1894 году Дрейфус был ложно обвинен в шпионаже в пользу Германии и приговорен к пожизненной каторге. Под давлением либеральной интеллигенции и непосредственно писателя Золя в 1899 году Дрейфус был амнистирован после того, как был пойман подлинный шпион, передававший военные секреты немцам. А в 1906 году повторный суд полностью оправдал Дрейфуса, восстановив его во всех правах и чинах. Дело чуть не дошло до гражданской войны. Правые настаивали не на виновности офицера, а на том, что амнистия, а тем более полная реабилитация подрывала авторитет военного суда и вообще вооруженных сил страны; они обвиняли либералов и республиканцев в отсутствии патриотизма. Так страна разделилась на тех, кто отдавал приоритет правам человеческой личности, и тех, кто ставил государство, армию как символ нации выше личности. На этом фоне и

— 16. Западная Европа —

287

появилось «Французское действие». Дело Дрейфуса выдвинуло на передний план вопрос антисемитизма, всколыхнуло антисемитские эмоции в лагере националистов. Так, «Французское действие», обвинявшее революцию 1789 года в подрыве французских национальных устоев и традиций, утверждало, что выгадали от нее только евреи, так как она содействовала развитию городского капитализма, который наряду с урбанизацией и централизацией государственной структуры Моррас считал несчастьем для Франции.

Моррас мечтал о децентрализованном государстве, опирающемся на национальные традиции, церковь, аристократию и монархию, с широким местным самоуправлением и самостоятельными сельскими общинами. В сельской местности общины, а в городах гильдии или цеховые организации должны регулировать экономику. Он осуждал классовую борьбу и капиталистическую конкуренцию, предлагая взамен интегральный национализм (то есть нацизм), основанный на смеси социального элитизма и чувства общинности, гармонии и общественной стабильности. Осуждая анархию капиталистической демократии, Моррас сам использовал анархические идеи местных самоуправлений и предельной децентрализации.

За полной реабилитацией Дрейфуса последовала дикая кампания республиканцев против правых, особенно против офицерства. Под сурдинку в 1906 году был отменен наполеоновский конкордат 1802 года с Католической церковью, которая лишилась права преподавать Закон Божий в государственных школах и иметь богословские факультеты в государственных университетах, духовенство стало военнообязанным наряду со всеми гражданами и лишилось права занимать какие-либо должности на государственной службе, в том числе и права преподавать в университетах и прочих государственных учебных заведениях, даже если речь шла о предметах, никакого отношения к религии не имевших. Эти притеснения способствовали зарождению многочисленных протофашистских или просто крайне правых монархических и клерикальных группировок.

Оздоровила обстановку Первая мировая война: республиканская власть провозгласила национальный Священный со-

288

юз и заняла крайне националистическую позицию на мирных переговорах в Версале, чем обезоружила националистов.

«Французское действие» стало анахронизмом. Один из его главных деятелей, синдикалист Валуа, вышел из партии Морраса и создал в 1925 году партию *Фэссо*, то есть фашистов, по модели Муссолини. С этого и начинается история подлинного французского национал-социализма с вооруженными соединениями и терактами в стиле немецкого СА. Валуа был в прошлом радикальным революционером-социалистом, отсюда его относительный успех среди промышленных рабочих. Но самой многочисленной была возникшая в 1928 году партия полковника де ля Рока, которую финансировал знаменитый французский парфюмер Коти. Партия называлась *Огненный крест*, и к 1938 году в ней состояло якобы 3 миллиона человек (явное преувеличение). Фашизм или нацизм не восторжествовал во Франции прежде всего из-за французского индивидуализма: там, где у Гитлера и Муссолини было по одной партии, во Франции их были десятки, конкурирующих друг с другом. Другой причиной был тот факт, что нацизм отождествлялся с немцами — слишком недавними врагами. А фашизм ассоциировался с Муссолини, который в 1936 году вошел в союз с Германией и официально заявил о намерении присоединить к Италии часть Французской Ривьеры, Корсику и Тунис. Помимо общеевропейской болезни 1930-х годов — депрессии, — сильным толчком к росту нацистских и фашистских групп и их популярности был приход к власти во Франции в 1936 году правительства Народного фронта, которое возглавил еврей-социалист Леон Блюм. Несмотря на то, что коммунисты на время избирательной кампании вошли в коалицию с социалистами, в правительство, сформированное Блюмом, они войти отказались и в парламенте занялись обструкцией правительству, а вне парламента — организацией забастовок. Реакцией консерваторов и далеко не одних лишь фашистов стал лозунг «Лучше Гитлер, чем Сталин; лучше Гитлер, чем Блюм!». Бывший коммунист, рабочий-металлург, мэр рабочего пригорода Парижа Сен-Дени, Жак Дорио в 1934 году создал *Народную партию Франции* с фашистско-нацистской программой, две трети членов которой были промышленные рабочие. Но в 1939

году партия была уже в упадке из-за протеста рабочих против финансирования ее крупным бизнесом. Интересной и достаточно уникальной чертой Франции было то, что и в ее компартии, и в нацистско-фашистских партиях было много видных представителей творческой интеллигенции, благодаря чему французский нацизм и фашизм отдавали больше мечтательным романтизмом, чем деловым реализмом. Вероятно, это было одной из причин, почему к власти они пришли только после того, как Франция была оккупирована нацистской Германией.

Итак, французские фашисты пришли к власти только после поражения англо-французских войск в 1940 году и создания полунезависимого правительства Виши в южной Франции во главе с маршалом Петеном и премьер-министром Лавалем. Тут, несомненно, свою роль сыграла и надежда, что чем идеологически ближе будет французское правительство германскому нацизму, тем больше шансов, что немцы оставят его в покое (надежды эти не оправдались). Тем не менее, вероятно, с большой долей искренности речи Петена этого периода были очень близки программе Морраса: он говорил о национальной почве, духовных ценностях традиционной Франции, о разделении Франции на традиционные самоуправляющиеся провинции вместо республиканской централистской системы департаментов, о воссоздании средневековой корпоративной структуры. Таковую Францию он называл общинно-соборной (*societe communautaire*). По словам одного из ведущих интеллектуалов французского фашизма Дрио ла Рошеля, это было попыткой опрокинуть наследие рационализма XVIII века. От немецких нацистов и итальянских фашистов, равно как и от полуфашистской диктатуры Франко, французских фашистов и национал-социалистов отличало то, что они делали упор на местное и цеховое самоуправление, общины и корпорации. Осуществление этих идеалов французского фашизма породило бы умеренно-авторитарный, но не тоталитарный режим. Однако в первоначальных своих программах и нацизм, и итальянский фашизм говорили о возрождении самоуправляющихся общин и цехов.

Так что нельзя сравнивать теоретические намерения одних с практической политикой других.

290 — 16. Западная Европа —

Поскольку немцы не сдержали обещанного нейтралитета по отношению к «свободной» части Франции, Моррас и другие французские фашисты-патриоты быстро разочаровались в правительстве Петена и перестали с ним сотрудничать. С Петеном остались только чуждые ему французские нацисты-германофилы. Более идейные из них предполагали, что в той будущей единой Европе, мастером которой будет Гитлер, найдется место и для Франции, «очищенной» от евреев. Остальные, в том числе и сам Лаваль, были просто оппортунистами. Лишаясь искренних сторонников по мере все более полного подчинения немцам, режим Виши должен был все больше подражать немецкому полицейскому режиму. В 1944 году режим Петена—Лавала пал перед лицом наступающих союзников и сил *Свободной (Сражающейся) Франции* во главе с генералом де Голлем. Обоих руководителей Виши, как и многих их сотрудников, суд свободной Франции приговорил к смертной казни. В отношении Лавала она была приведена в исполнение, но Петену, — бывшему своему учителю и герою Первой мировой войны, — де Голль заменил смертную казнь пожизненным заключением. До сих пор во Франции идут споры о том, был Петен спасителем или предателем.

Пиренейский полуостров

Как мы уже сказали, тенденция к фашизму и тоталитаризму была характерна для всей Европы 1930-х годов. Что касается Западной Европы, то партии нацистского типа пришли к власти только в тех странах, которые были оккупированы Гитлером, и только после оккупации этих стран. Но Гитлер был слишком узко-фанатичным националистом, чтобы создать некий нацистский интернационал даже в расово близких Германии странах. Нацистских вождей Голландии, Бельгии, Норвегии¹ он использовал как простых проводников в жизнь приказов германских нацистов. В Норвегии это был печально известный Квислинг. Во время голода в СССР 1921-1922 годов он возглавлял норвежскую миссию помощи голодающим, женился на русской. Под впечатлением большевистского террора он стал не просто анти-

— 16. Западная Европа —

291

В Западной Европе единственными исключениями были Испания и Португалия, в которых режимы Франко и Салазара были смесью фашизма с консервативным авторитаризмом. Режим Салазара в Португалии отличался от режима Франко разве только тем, что был более реакционен, и те реформы, которые проводились в Испании еще при Франко, в Португалии должны были ждать смерти Салазара. Португальский крайне реакционный национализм, опиравшийся на традиционные правящие классы Португалии, назывался *Лузитанским интегрализмом*. Монархия в Португалии была свергнута в 1910 году, а в 1926 неким генералом Кармоной был совершен переворот и установлена обыкновенная военная диктатура. Кармона пригласил профессора экономики Салазара на пост министра финансов. Салазар потребовал для себя чрезвычайных полномочий, привел финансы в порядок. В 1932 году он стал премьер-министром, а в 1933 провозгласил первую корпоративную конституцию (на год раньше Италии). Кроме правильного бухгалтерского учета, Салазар никаких положительных реформ не проводил, но установил очень жесткий полицейский террор с пытками и прочими «прелестями». К моменту смерти Салазара Португалия отличалась самой высокой пропорцией неграмотных — более 60% и одним из самых низких уровней жизни в Европе.

Испания не принимала прямого участия в Первой мировой войне, но война все же ее коснулась. Она посеяла раскол в нации: ее вооруженные силы, аристократия, помещики и церковь симпатизировали Германии; либералы, интеллигенция, деловой мир, левые партии и король Альфонс XIII были на стороне Антанты. Англии участие Испании в войне было бы невыгодно, ибо в качестве компенсации она должна была бы вернуть ей Гибралтар. Германии участие Испании в войне на ее стороне было тоже нежелательно: из-за внутреннего разделения на про- и антигерманские лагеря вступление Испании в войну могло вызвать гражданскую войну, и Германия коммунистом, но явно и антиславянином, создав и возглавив нацистскую партию Норвегии. После войны был расстрелян по приговору норвежского суда, и его имя стало нарицательным, обозначающим прислуживание врагу.

292

— 16. Западная Европа —

нии пришлось бы распылять свои силы, «спасая» Испанию. Кроме того, Испания была в

промышленном смысле отсталой страной, поэтому она мало пользы принесла бы союзникам в качестве страны воюющей. Нейтральная же Испания была отличным полем для германского шпионажа, поскольку она была важной сырьевой базой, а в Барселоне находились оружейные заводы, снабжавшие Антанту. В связи с этим Испания стала полем интенсивного немецкого шпионажа и саботажа, чему содействовали ее консервативные прогерманские круги.

Не способствовал единству Испании и ее король — человек поверхностного воспитания в духе французских салонов, который говорил, что на стороне Антанты только он и каналий, имея ввиду капиталистов, буржуазию, либеральную интеллигенцию и их политические партии. Такие эпитеты вряд ли способствовали популярности короля и монархии среди названных кругов.

В отличие от своего северного соседа Испания не сумела интегрировать свои различные районы, каждый со своим говором. Речь идет не только о диалектах, среди которых некоторые ближе к португальскому, чем к кастильскому классическому языку, но и о таких совершенно отдельных языках, как баскский и каталонский. Конфликт между централистами и федералистами продолжался почти весь XIX и значительную часть XX столетий. К этому следует добавить огромные экономические контрасты, например, между бедной крестьянско-помещичьей Андалузией и промышленно-развитой и благополучной Каталонией. В XIX веке Испания прошла через две кровавые гражданские войны — 1833—1840 и 1870-1876 годов. Карлисты, названные так по имени своего претендента на престол, Дона Карлоса, оспаривали законность правящей королевской ветви и в своей борьбе были беспощадны: всех пленных убивали и использовали жен и дочерей противника в качестве живого щита. Их поддерживали Католическая церковь и крестьяне Северной Испании. Карлисты воевали за восстановление инквизиции, уничтожение либералов и масонов. В своей борьбе против века машин они разрушали железные дороги и газовые фонари, как Дон Кихот, боровшийся с ветряными мельницами. Свое движение они ха-

— 16. Западная Европа —

293

рактерно называли не партией, а коммунионом, труднопереводимое слово, которое можно перевести и как община, и как причастие, и как приобщение.

В самом конце XIX и начале XX столетий модернизированный карлизм выступал за децентрализацию и ограничение абсолютизма в стиле просвещенного деспотизма, но и с намеками на корпоративность. По их схеме власть короля должна быть ограничена Советом, состав которого назначается королем, но однажды, приняв его рекомендации, король обязан им следовать. Помимо Совета, который должен был исполнять как бы функцию верхней палаты, карлисты предлагали вместо парламента создать ассамблею сословий, деловых интересов и регионов, которые должны обсуждать законопроекты по корпорациям, втайне друг от друга, пока каждая корпоративная группа не вынесет своего решения, после чего, вероятно, должна была бы быть выбрана согласительная комиссия для выработки окончательного решения. Члены ассамблеи должны были предлагаться соответствующими местными учреждениями с соблюдением принципов федерализма и автономии.

«Руководящим принципом нации должно быть абсолютное подчинение папе Римскому и абсолютная преданность королю»². Эту идею можно назвать протофашистской, обогнавшей даже Муссолини, с той лишь разницей, что фашизм последнего был абсолютно секулярным. Клерикализм и проповедь широкого местного самоуправления отличают карлистов и от всех форм современного тоталитаризма.

Историки говорят, что Испания вступила в XX век прямо из позднего Средневековья, даже Ренессанс в Испании ограничился почти исключительно областью искусств. Коротко говоря, представьте себе Московию XVII века без Петра Великого, вошедшую прямо в век XX.

Именно так было с Испанией — у нее не было своего Петра, и она вошла в XX век прямо из XVI. Сравнения можно продолжить. Бердяев говорил, что в России политические идеи приобретают религиозно-догматический характер. То же самое английский историк Бренан, Gerald *The Spanish Labyrinth*. Cambridge U. Press, 1964, p. 213.

294

16. Западная Европа —

рик Бренан говорит об Испании первой половины XX века, которую он называет

модернизированным средневековым государством: каждое ее общественное и политическое движение приобретало религиозные черты, даже в виде непримиримой борьбы испанских анархистов против церкви (как антирелигиозный фронт в СССР). Не пройдя через петровскую секуляризацию, Испания развивалась как церковно-подчиненное в основном эгалитарное общество, которое относилось с пренебрежением к материальному богатству и личной карьере в жизни, с сильным чувством общности и очень слабыми понятиями об индивидуальных правах и неотчуждаемости частной собственности. Героика самопожертвования, смерти, популярность побежденных в борьбе с государством или с сильными мира сего, — характерные черты испанского общества. Например, в 1910—1917 годах популярность социалистов очень выросла, когда они проигрывали одни выборы за другими, ввиду того, что либералы, находившиеся у власти, фальсифицировали результаты выборов. В 1917 году кровавое подавление стачки, организованной социалистами, вызвало немедленно бурный рост рядов пострадавшей партии. Любое движение сопротивления властям, подавленное ими, превращает поражение в победу. Это черты христианского сочувствия гонимым и обижаемым.

Чувство неприкосновенности частной собственности в Испании было ненамного крепче, чем в России. Так, в XVII веке в Испании обсуждался вопрос национализации земли, а крестьянские общины дожили в Испании до XX века, как в России. Классический испанец, по словам Бренана, скорее будет тратить свои средства на кутежи и женщин, чем вкладывать их в акции, либо посвятит жизнь своим идеалам, ведя почти аскетический образ жизни. Религиозными по духу были, например, анархические профсоюзы, которые требовали от своих членов, особенно во время забастовок, воздержание от алкоголя и посещения всевозможных увеселительных мест. Во время Гражданской войны 1936-1939 годов анархисты, захватив Барселону, занялись нравственной очисткой города — закрытием борделей, перевоспитанием проституток — и ... физическим разрушением храмов, массовыми расстрелами духовенства и монашества обоих полов. Испанский

— 16. Западная Европа —

295

анархизм был религиозно-воинствующим атеистическо-пури-танским движением³. Одной из причин популярности и успеха анархических профсоюзов было то, что их руководители не получали зарплаты, у них не было стачечных фондов, и поэтому их забастовки были актом самопожертвования. Социалистические и католические профсоюзы платили зарплаты и материально поддерживали забастовщиков, зато популярностью они не пользовались. Наряду с этим недавняя испанская история полна жесто-костей, насилия, кровопролитий и террора как со стороны левых, так и правых движений. В абсолютистском мышлении испанца не было места диссидентству. Как и его далекий русский собрат, испанец считал, что существует только одна правда, и поэтому не может быть места человеку, исповедующему другие идеи. Такой человек рассматривался как еретик, опасность которого в том, что он может заразить своей ересью другого⁴. Поэтому он должен умереть, а быть убитым за идею — честь, а не позор. Во всем этом можно проследить диалектику, с одной стороны, тоталитаризма, а с другой, противоядия таковому, ибо если господствует своеобразное безразличие к смерти и популярность гонимых и побеждаемых, то захватившие власть изначально обречены. В этой национальной характеристике, возможно, и кроется главная причина иссякания диктатур в истории Испании, например диктатуры генерала Примо де Ривера (1923-1930) и даже генералиссимуса Франко, которая хотя и длилась 39 лет — с 1936 до 1975, — однако черты тоталитаризма в ней иссякли лет за 20 до физической смерти диктатора.

Итак, мы подошли к испанской Гражданской войне. Все началось, можно сказать, со сложения карлистами оружия в начале XX века, когда типично по-испански все жестокости гражданских войн были забыты, и карлистские офицеры

Сравни с «атеистическим монахом», как Булгаков называет русского интеллигента-радикала. Это сравнимо с писаниями, например, Иосифа Волоцкого (XVI век) о том, что если людей подвергают смертной казни за убийство тела, то тем более подлежат смерти еретики, убивающие душу.

296

— 16. Западная Европа —

были приняты в испанскую армию в сущем чине. В результате в 1922 году было по генералу на 100 солдат и по офицеру на 6 солдат. Насколько обременительно для государственной казны была такая масса офицеров, говорит то, что в 1936 году, когда началась Гражданская война, у Испании не было ни одного танка. Чтобы как-то существовать в век профсоюзов, испанское офицерство организовало собственный профсоюз и занялось частным предпринимательством: захватило монополию на строительство дорог, а затем брало плату с людей, пользующихся этими дорогами, продавало оружие марокканцам, против которых Испания вела войну. При всей нищете и коррупции испанский офицер помнил, что он принадлежит к благородному ордену, который не так давно распоряжался политиками и долг которого — защищать отечество от коррумпированных политиков и особенно от всевозможных интернационалистов-безбожников.

Последствия поляризации испанского общества в годы Первой мировой войны и экономический кризис, безработица, вызванные спадом спроса на продукцию испанской военной промышленности, привели к росту политического терроризма справа и слева. Так, в одной Барселоне между 1919 и 1923 годами было убито 700 человек. За 20-летний послевоенный период⁵ было убито три премьер-министра. В такой атмосфере под давлением армии король назначил в 1923 году генерал-губернатора Каталонии Мигеля Примо де Ривера диктатором страны. Первые 3 года его власть была популярна, но его непоследовательность, многословные декреты, противоречащие один другому, которые сам же не соблюдал, его длительные уединения в каком-нибудь деревенском особняке без телефона и какой-либо связи с центром, но с вином и женщинами, и наконец политика жесткой централизации, в том числе лишение Каталонии автономии, что настроило против него каталонцев, а подавление гражданских свобод повернуло против него либералов, — все это заставило его уйти в отставку в 1930 году.

Последней попыткой де Риверы удержаться у власти было создание им некоего *Патриотического союза* — имитации итальянской фашистской партии. Но

⁵ После Первой мировой войны.

— 16. Западная Европа —

297

из этого ничего не вышло: де Ривера был недостаточно жесток и последователен, чтобы эффективно подавить оппозицию. В результате почти каждая партия (а они были вне закона) обзавелась своими военизированными формированиями, и уйти в отставку его заставили все общественные силы — от либералов до генералов: первые — из-за подавления гражданских свобод, последние — из-за неэффективности его диктатуры.

В 1931 году король был вынужден допустить муниципальные выборы. Армия на этот раз не вмешивалась, поскольку была в оппозиции к королю и диктатуре генерала Беренгуэ-ра, сменившего де Ривера, и победа досталась республиканцам, которые заставили короля отречься от престола.

Правление республиканцев страдало от тех же недостатков, что и Веймарская Германия. Та же проблема с многочисленными миниатюрными партиями и пропорциональным представительством. У власти были центристы, положение которых было еще менее стабильно, чем в Германии, ибо средний класс, на который опиралось правительство, был незначительным количественно и мало влиятельным. Прагматизм и отсутствие определенных идеологических установок центристских партий были чужды идеологизированным испанцам. Не могли республиканцы улучшить и экономическую ситуацию, катастрофически пострадавшую от всемирной Великой депрессии. Чтобы как-то стабилизировать политическую ситуацию, правительство провело новый мажоритарный избирательный закон англо-американского образца, но, поскольку в Испании не было крупных партий, для выборов составлялись блоки, как в постсоветской России. В результате количество мест в парламенте у блока правых сил на выборах 1933 года значительно превосходило пропорцию голосов избирателей, поданных за него, благодаря тому, что социалисты отказались войти в общий блок с республиканцами. В результате правого засилия в парламенте центристское правительство вынуждено было предоставить ряд важных министерских портфелей крайне правым, в том числе клерико-фашисту Роблесу, главе католической партии *Народное действие*, который привлек ряд мелких католических партий, включая весьма многочисленную *Католическую молодежную организа-*

298

— 16. Западная Европа —

цию, переименовав возглавляемое им движение в *Конфедерацию автономных правых сил* — *СЭДА* в ее испанском акрониме. Как и прочие фашистские партии, у СЭДА была программа умеренных социальных реформ, но провести ее не удалось, поскольку финансировали ее в основном помещики. Более того, под давлением последних Роблесу пришлось вернуть помещикам земли, недавно у них отобранные в пользу крестьянских общин. Это вызвало взрыв терактов анархистов. В 1935 году правительство ответило отправкой в тюрьмы более 40 тысяч социалистов и рабочих активистов. По стране прокатился клич: «Долой республиканцев, они хуже диктатуры де Ривера!». Правительство

вынуждено было объявить новые выборы в 1936 году.

Тем временем VII и последний конгресс Коминтерна в 1934 году отменил постановление 1928 года, запрещавшее коммунистам входить в коалиции с другими партиями. На этой основе в Испании к выборам 1936 года был сформирован *Народный фронт*, состоявший из коммунистов, анархистов и социалистов разных мастей. Этот блок набрал всего на 700 тысяч голосов больше правых, центр же в условиях обостренной идеологизации рассыпался, набрав менее полумиллиона голосов. Если в прошлых выборах мажоритарная система подвела левых, то сейчас, наоборот, Народный фронт получил в два раза больше мест в парламенте, чем правые. Его главным избирательным козырем было обещание амнистии всем политическим заключенным. Анархисты, верные своей позиции неучастия в правительствах, проголосовав за Народный фронт, в коалицию не вошли. Таким образом, количественно незначительная компартия оказалась в коалиции единственной организованной и централизованной силой, устремленной к захвату власти. Получив 16 мест в парламенте, что примерно в 4 раза превосходило ее пропорцию в блоке партий Народного Фронта, она сразу стала играть роль в коалиции, совершенно не соответствовавшую даже этому количеству своих депутатов. Затем социалисты вручили компартии свое молодежное движение, численность которого увеличила компартию чуть ли не в 40 раз.

Ненамного крупнее коммунистической была и новорожденная фашистская партия, так называемая *Испанская Фаланга* —

16. Западная Европа —

299

га, созданная и возглавленная юным аристократом Хосе Ан-тонио Примо де Риверой, сыном покойного диктатора. Он провозгласил программу синдикалистского общества, очень близкую программе итальянских фашистов, но в отличие от последней, в ней была графа об уважении Католической церкви. Утопической целью Фаланги было воссоздание Испанской империи (возможно, и с присоединением Португалии). Ко времени выборов 1936 года в партии было всего 25 тысяч человек в основном моложе 21 года, многие из которых состояли в террористических военизированных соединениях партии, нередко привлекая для этого уголовников. На выборах за нее проголосовало всего 40 тысяч избирателей, и сам де Ривера потерял место в парламенте, которое занимал с 1933 года. Монархисты аплодировали действиям фалангистов против левых и в апреле передали Примо де Ривере молодежное движение СЭДА, так называемое *Народное движение молодежи*, чем, как и в вышеуказанном случае с компартией, многократно увеличили численность Фаланги. Укрепившись численно, Фаланга начала добивать остатки СЭДА: моторизованные банды фалангистов расстреливали на улицах журналистов, судей — всех, кто смел выступать против них.

А победившие социалисты начали расправляться с правыми. 13 июля 1936 года они убили лидера монархистов Кальво Сотэло. Через трое суток генерал Франко, главнокомандующий испанскими войсками в Марокко, поднял восстание против правительства Народного фронта. Гитлер и Муссолини предоставили самолеты для переброски испанских войск из Марокко в центр страны. 18 июля правительство начало вооружать население. Началась Гражданская война, длившаяся до 1939 года и унесшая около одного миллиона жизней. Победителем вышел Франко, что совсем не значило победы фашистов, как обычно утверждают советские источники дезинформации. Во-первых, в первые же дни арестованные социалистами де Ривера и все остальные руководители Фаланги, а также многие монархические деятели были расстреляны, но де Ривера накануне своей гибели сумел передать послание к Франко с заверением полной поддержки со стороны Фаланги правого восстания.

Уничтожение руководителей Фаланги создало ситуацию, в которой Фаланга стала партией без ру-

— 16. Западная Европа —

ководства, а Франко — вождем без партии. Франко, типичный военный с традиционными правыми взглядами, никогда не был фашистом или вообще каким-либо идеологом, но он понимал, что для победы в Гражданской войне необходима идеология. Вот он и приручил обезглавленную Фалангу. Генеральным секретарем ее он назначил своего шурина Района Серано Суньера, который тоже никогда фашистом не был. Причем к названию партии было прибавлено словечко «традиционная», этим как бы ликвидируя ее революционность, радикализм.

Франко умело использовал некоторые элементы программы Фаланги, например, провел реформу трудового права по этой программе, в значительной степени повторяя «реформы» Муссолини, с небольшой степенью успеха для рабочих. Победа Франко досталась не только благодаря помощи нацистской Германии и Италии, но в гораздо большей степени благодаря развернутому в лагере республиканцев большевистскому террору. В страну были ввезены кадры ГПУ-НКВД, которые боролись не столько с франкистами, сколько с троцкистами и

анархистами. По мере их действий все более широкие слои населения начали понимать, что на самом деле речь идет не о спасении республики, а об установлении коммунистической диктатуры. Что касается лагеря Франко, то самые большие потери в Гражданской войне понесла Фаланга, что неудивительно, поскольку она состояла сплошь из молодежи. Таким образом, к концу Гражданской войны от Фаланги оставались буквально рожки да ножки. Хотя после победы Франко единственной легальной партией стала Фаланга, в первом правительстве Франко из 10 членов только один был фалангистом, весьма липовым притом, а именно тот же Суньер, державший ее на привязи. Деидео-логизированная и полностью прирученная Фаланга теперь состояла из государственных чиновников, полуинтеллигентов, профессионалов, некоторых помещиков и массы бывших социалистов и бывших анархистов. Это был в основном тот же контингент, что составлял и компартию, с той лишь разницей, что у коммунистов требовались дисциплина и подчинение генеральной линии, а у Франко за названием «фалангист» ничего не стояло, кроме лояльности по отношению к вождю.

— 16. Западная Европа —

301

Режим Франко был типичным примером жесткой военной диктатуры. Известно, что в первые 5—10 лет после окончания Гражданской войны террор Франко унес значительно больше жертв, чем погибло в Гражданской войне. Но что Франко руководствовался прагматикой, а не какой-то программой уничтожения целых слоев населения во имя какой-то идеологической утопии, показывает то, что, когда в конце 1940-х — начале 1950-х годов он почувствовал стабильность в стране, он приступил к постепенной либерализации режима. Сначала в области экономики, способствуя развитию рыночной экономики, приглашая иностранных инвесторов, развивая туризм. Этим он открыл границы и своим гражданам, и иностранным, за чем неизбежно началась и либерализация политическая. Еще в 1947 году Франко объявил, что после его смерти в стране будет восстановлена монархия. Передачу трона он готовил внуку Альфонсу XIII. Интересно, что он обеспечил будущему королю воспитание в духе конституционной монархии и демократии. Следовательно, как классический военный диктатор он рассматривал диктатуру как временное явление, выходящее за рамки законности и допустимое только как крайняя мера для спасения отечества от коммунистической угрозы. Другое дело, что он сам все же оставался у власти до своей смерти. Тут уже действовала инерция власти, соблазняющая и увлекающая ее носителя.

Подводя итоги франкизму, следует заметить, что:

— во-первых, режим Франко был не фашизмом, а жесткой, но прагматической диктатурой, прагматизм которой открывал ее возможности эволюции и изменений;

-•- во-вторых, его власть опиралась на Католическую церковь и традиционный консервативный истеблишмент. Модернизация страны была одним из краеугольных факторов легитимизации режима Франко, что заставило его открыть страну иностранным капиталовложениям, вместе с чем пришла необходимость расширения свобод коммуникаций, въезда и выезда из страны как для иностранцев, так и для испанцев;

— в-третьих, с либерализацией Римско-католической церкви при папе Иоанне XXIII последовала аналогичная либерализация испанского католического истеблишмента. Испанская церковь начала поддерживать рабочие стачки и сопротивление либеральной интеллигенции крайностям диктату-

302

— 16. Западная Европа —

ры. Так, режим начал терять один из главных слонов, на которых он держался;

— в-четвертых, с индустриализацией и модернизацией страны испанская элита была вынуждена перейти к новым областям деятельности, входить в контакт с иностранцами из демократических государств, посылать своих детей на учебу за рубеж, чтобы подготовить их к мировым рыночным отношениям;

— в-пятых, монархисты, обнадеженные наличием молодого, современно образованного претендента на престол, начали оказывать давление на правительство в пользу очистки его и государственной политики от остатков фалангизма;

— и наконец смерть диктатора, коронация юного монарха, который не нес вины ни за грехи своего деда, ни за террор Фаланги и Франко в эпоху Гражданской войны, завершили процесс

превращения Испании в современное демократическое государство.

Но все ли так прекрасно, не пришлось ли Испании расплачиваться за переход к демократии? Да, пришлось. Испания утратила свою патриархальность. Вряд ли о сегодняшней Испании можно сказать то, что мы говорили в начале этой главы. Там теперь борются за власть политические партии так же, как и в любой другой секулярной демократии. Со свободой от цензуры в страну нагрянул шквал сомнительной литературы. Рухнула органическая связь страны и ее общества с церковью, с христианскими ценностями. И сегодняшняя Испания — одно из самых нравственно распушенных обществ Запада. Правда, то, что раньше делалось тайно и прикрывалось лицемерным внешним благочестием, теперь совершается явно. За все приходится расплачиваться. Соседство добра и зла в этом мире неизбежно. Разница в том, что при диктатурах общество пытается диктовать человеку, что делать и что не делать. В демократическом обществе личность рассматривается как самостоятельное существо, способное само выбирать между добром и злом.

— 16. Западная Европа —

303

Аннотированная библиография

Biddiss, Michael D. *Father of Racist Ideology: the Social and Political Thought of Count Gobineau*. N. Y., Weybright & Talley, 1970. Книга об «отце» нацистского расизма, французском графе Гобино, жившем в XIX веке, который утверждал неравенство рас, ставил арийскую расу (то есть прежде всего германцев) выше всех. К арийцам он относил и французскую аристократию, которая якобы произошла от германских франков, в то время как французские низшие классы являются потомками латинян и кельтов и потому стоят несравнимо ниже германцев.

Brenan, Gerald *The Spanish Labyrinth*. Cambridge University Press, 1964. Бренан прекрасно знает Испанию, понимает и любит ее «душу» и умеет передать это читателю. Подзаголовок книги вполне справедливо гласит, что суть книги: «Изложение социальной и политической подоплеки Испанской гражданской войны». Русский читатель найдет в книге много общего между русским и испанским характерами и между русскими и испанскими революциями с их максимализмом и крайней жестокостью, сосуществующими с отсутствием злопамятности.

Derfler, Leslie *An Age of Conflict. Readings in Twentieth-Century European History*. N. Y., Harcourt Brace, 1997. Сборник статей и отрывков по основным темам европейской истории XX века из сочинений 45 авторов. Тут и международно-известные историки, и политики всех направлений мысли, включая Льва Троцкого и коммуниста Роя Медведева, левых промарксистских и гегельянских детерминистических историков — фон Лауэ, Джерри Хоф, Исаак Дойчер, и таких непредвзятых серьезных историков, как Джордж Кеннан, Карл Фридрих, Доминик Ливен и пр. Ценность его в том, что он дает возможность читателю ознакомиться с множеством различных толкований исторических событий и, сопоставляя их, сделать свои выводы.

Eubank, Keith *The Road to World War II. A Documentary History*. N. Y., Thomas Crowell Co., 1973.

Подробная история Европы с 1918 по 1939 год в контексте рассмотрения факторов, приведших ко Второй мировой войне. Автор посвящает отдельные главы Гитлеру, Муссолини, Лиге Наций и Чехословацкому кризису, пакту Молотова—Риббентропа как главным факторам, приведшим к войне. К каждой главе приложены полностью или в отрывках соответствующие документы.

304

— 16. Западная Европа —

Greene, Nathaniel *From Versailles to Vichy*. N. Y., Thomas Crowell Co., 1970. Краткая политическая история Франции между войнами. Рассматривает, в частности, тоталитарные течения фашизма и коммунизма, провал Народного фронта накануне Второй мировой войны, причины нравственной слабости Франции, приведшей к национальной катастрофе 1940 года и временному режиму фашизма.

Kennan, George *From Prague after Munich. Diplomatic Papers, 1938-1940*. Princeton University Press, 1968. Автор — один из самых выдающихся и образованных американских дипломатов, русист по образованию, профессор Принстонского университета, в этой книге собрал свои отчеты в американский Госдепартамент из Праги после предательства Чехословакии западными державами в Мюнхене в 1938 году.

Revel, Jean Francois *The Totalitarian Temptation*, (перевод с французского). N. Y., Doubleday & Co., 1977. Стилистически бесспорно написанное, решительное осуждение тоталитаризма. Единственный недостаток книги — это слишком ярко выступающая «партийность» автора, пытающегося доказать (не слишком убедительно), что социализм не виновен в тоталитаризме, который является искажением социализма.

Глава 17 Партия тоталитаризма

«Ленин был революционер до мозга костей именно потому, что всю жизнь исповедовал и защищал ... тоталитарное мирозерцание».

Н. Бердяев (цит. по книге Д. Волкогонова «Ленин»).

Для Ленина обладание властью, всеохватывающей, тотальной властью, было, несомненно, высшей и главной целью своего существования. Его всевозможные маневры, включавшие обман и подвох, устройство искусственных расколов, — все во имя полной власти, хотя бы над небольшой кучкой своих последователей, но, главное, чтобы власть его была над ними полной. Во имя власти он жертвует «чистотой» марксистской революционной теории, сначала заменив идею стихийной революции пролетарских масс ткачевской идеей переворота, совершаемого группой профессиональных революционных «интеллигентов», а затем решив вовлечь в революцию и крестьянские массы, которые Маркс сбрасывал со счетов как потенциальных собственников. Наконец Ленин пошел на переворот в стране, где более 80 % населения были крестьяне, в то время как Маркс говорил о возможности социалистической революции только в условиях количественного преобладания промышленных рабочих, к тому же профессиональных рабочих, а не вчерашних крестьян, все еще связанных пуповиной с деревней, каковых среди русского промышленного пролетариата было подавляющее большинство. Не остановило его от захвата власти и предупреждение Каменева с Зиновьевым, что большевики как партия незначительного меньшинства населения страны сможет удержаться у власти, только потопив страну в крови.

306

• 17. Партия тоталитаризма —

Во всех действиях и писаниях Ленина мы видим, таким образом, некий симбиоз практицизма, пренебрежения доктриной, казалось бы, с явным фанатизмом. Фанатизмом власти. Но во имя чего, если теория, доктрина уходят на задний план? По-видимому, речь здесь идет о фанатической вере в самого себя. Причем вере не рациональной — ввергая страну в кровавую гражданскую войну, Ленин не имел программы государственного устройства, если не считать демагогических лозунгов, обращенных к народу, выполнять которые он не собирался или, во всяком случае, всегда был готов от них отказаться, коль скоро прагматика подсказывала ему их непригодность. Из тех же прагматических соображений он принял на вооружение эсеровскую аграрную программу, которую также выполнять не собирался, во всяком случае, в эпоху Военного коммунизма, а позднее заменил ее частно-владельческим НЭПом.

Известны его любимые наполеоновские слова, которыми он отмахивался от назойливых вопросов Бухарина о том, как он собирается обустроить страну после Гражданской войны: «*On s'engage et puis on voit*», то есть сначала ввяжемся, а там видно будет. Одно дело, когда это говорит полководец в отношении одной определенной битвы, и совсем другое, когда с такими смутными представлениями о будущем разваливается существующее государство и ввергается в многолетнюю братоубийственную войну!² Неслучайно именно во время Гражданской войны Ленин вдруг впадает в утопические грезы. Мы имеем ввиду его единственное утопическое произведение «Государство и революция», написанное в 1917 году и опубликованное в 1918. Скатанное в значительной степени с «Утопии» Томаса Мура, оно обещает начало отмирания государства чуть ли не на следующий день после победы большевиков, которое выразится в таком упрощении системы власти, что любая домохозяйка, знающая таб-
Такие, как: «Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!», обещание конца тайной дипломатии и пр. По подсчетам Волкогонова только Гражданская война и террор, связанный с ней, обошлись в 13 миллионов жизней. См.: Волкогонов, Дмитрий «Ленин», т. II. М., 1994, с. 212.

— 17. Партия тоталитаризма —

307

лицу умножения, сможет управлять государством, туалеты будут строиться из золота за ненадобностью его в связи с ликвидацией денежного обращения. До сих пор неясно, чем было вызвано это сочинение, так непохожее на все остальное, когда-либо вышедшее из-под ленинского пера. Возможно, оно замышлялось в качестве избирательной платформы большевиков на случай неудачи захвата ими власти в ноябре 1917 года и необходимости в будущем участвовать в выборах в качестве одной из политических партий. Как бы там ни было, нельзя не заметить схожести утопических обещаний «Государства и революции» с социальной политикой так называемого Военного коммунизма, когда денежное обращение было фактически ликвидировано и заменено распределительной системой пайков, основанной на делении населения на категории — от заводских рабочих, партийных деятелей и военных, получавших наиболее высокие пайки, до буржуазии, царских чиновников и духовенства, получивших статус лишенцев, обрекавшихся на голодную смерть нормами, абсолютно недостаточными для поддержания жизни. Частная торговля преследовалась *Чрезвычайной комиссией по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией*. Историки спорят до сих пор о том, был ли Военный

коммунизм единственной попыткой Ленина осуществить в одночасье коммунистическую утопию в соответствии с вышеупомянутым его сочинением, или это было вызвано необходимостью мобилизации всех жалких ресурсов страны для ведения Гражданской войны? Казалось бы, последнее было гораздо более в духе Ленина, чем первое. Но в таком случае, почему велась такая ожесточенная борьба, вплоть до смертной казни за обмен мешка муки на какое-нибудь золотое кольцо с единственной целью — выжить? Ведь Ленин доходил до того, что требовал уничтожения пригородных садовых участков фабричных рабочих, чтобы в них не развивались частнособственнические инстинкты!

Из всего сказанного можно сделать вывод, что даже если Ленин действительно изредка предавался утопическим грезам, суть его не в этом, а в непоколебимой устремленности к власти и готовности жертвовать во имя ее всем, в том числе и любыми теориями. Так что философом Ленин не был, хотя

— 17. Партия тоталитаризма —

нестерпимо относился к тем, кто смел сомневаться в его философских «достижениях».³

Ленина и его большевиков следует считать и изобретателями террора XX века. Солженицын вполне справедливо считает зародышем концлагерной системы «Временную инструкцию о лишении свободы» от 23 июля 1918 года, которая предписывала обязательное привлечение заключенных «к физическому труду». Формальное же начало систематической структуры и политики концлагерей было положено постановлениями ВЦИК от 15 апреля и 17 мая 1919 года. Был Ленин и основоположником превентивного террора. Так, в августе 1918 года, еще до выстрела в него Фанни Каплан, Ленин телеграфирует: «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь ... [и] провести беспощадный массовый террор»¹. Так что пенитенциальные системы нацизма и фашизма создавались уже по ленинско-сталинскому образцу. И в этой области Страна Советов опередила весь мир!

³ Николай Валентинов (Вольский), философ по образованию и друг революционной юности Ленина в Швейцарии в своей превосходной книге «Встречи с Лениным» описывает, как Ленин навсегда рассорился с ним после того, как Валентинов в частной беседе с ним с глазу на глаз посоветовал ему не делать публичных заявлений по философии, ибо при всех своих качествах вождя, публициста и организатора в философии он очень слаб, и, делая беспомощные философские выкладки, подрывает собственный авторитет. Это был конец их дружбы. Возмущенный Ленин не только выгнал Валентинова с глаз долой, но еще и занялся его моральным уничтожением, пустив ложный слух в женевской эмигрантской колонии, что Валентинов — агент царской охраны. Оружие морального террора против лиц, в чем-либо несогласных с Лениным-эмигрантом, превратится в оружие физического уничтожения у Ленина — вождя государства.

⁴ См.: А. Солженицын «Архипелаг Гулаг», т. III (кн. 2), с. 14—17. Париж: ИМКА-Пресс, 1974. Под превентивным террором мы имеем ввиду преследование лиц или целых категорий населения не только за то, что они совершили, но на основании того, что они могут потенциально представлять какую-то опасность государству или по своим происхождению, жизненному опыту или взглядам являются нежелательными элементами в условиях данной общественно-политической системы.

— 17. Партия тоталитаризма —

309

Как мы уже указывали выше, Гражданская война и «экономика» Военного коммунизма вконец развалили всю инфраструктуру страны. А тут еще по стране покатались восстания. Ничто не свидетельствует так ярко о провале Белого движения, как тот факт, что массовые народные восстания начались не осенью 1919 года, когда Белая армия подступала к Туле, и ее появления в Москве ждали со дня на день, а в конце 1920 года, после эвакуации последних белых частей юга России. Волна восстаний в 1921 году охватила фактически весь земледельческий юг России, многие районы Сибири и Украину. Беда их была в разрозненности, стихийности, изолированности друг от друга и отсутствии синхронности. Самым мощным и продолжительным было так называемое Антоновское восстание на Тамбовщине, а самым травматическим для большевиков было Кронштадтское восстание тех самых матросов, которых Ленин называл красой русской революции и к которым в мае 1917 года грозился перейти, если большевистский ЦК не поддержит его идею насильственного переворота. Трения между большевистским руководством и кронштадтскими моряками восходят еще к весне 1918 года, когда анархически настроенные моряки сопротивлялись большевистской централизации, лишившей их самоуправления. Моряки сочувствовали восстанию левых эсеров в Москве в июне 1918 года, считали Брест-Литовский мир предательством революции. Но они, как и другие левонастроенные элементы, в том числе и

внутрипартийная оппозиция, смирились с требованиями режима Гражданской войны. Конец войны с белыми, во-первых, снял вышеуказанные самоограничения, во-вторых, дал возможность многим военным, в том числе и морякам, побывать на родине, в селах российской глубинки. Тот результат большевистской власти, с которым они там столкнулись воочию — голод, террор, ограбление крестьянства продразверстками, — явился, быть может, главным толчком к восстаниям, среди которых Кронштадтское было далеко не первым. Это заставило Ленина перейти к политике кнута и пряника. Пряником станет НЭП, неожиданно объявленный на X съезде РКП (б), а кнутом — кровавое подавление Кронштадтского восстания. Что касается Антоновского и других крестьянских восстаний, то

310

— 17. Партия тоталитаризма —

время для объявления НЭПа было самое подходящее: нэповская замена продразверсток продовольственным налогом и возвращение земли в индивидуальное владение⁵ вызвало немедленный спад крестьянских восстаний — крестьяне спешили на поля, теперь опять свои, как они ошибочно думали. Самое значительное из этих восстаний, Антоновское, окончательно раздавлено не было до 1922 года, причем маршал Тухачевский, возглавлявший карательные отряды, использовал ядовитые газы для уничтожения крестьянских повстанцев, ушедших в леса. Выжигались целые села, и поголовно истреблялось их население. Но вернемся к X съезду, в март 1921 года. Как мы уже сказали, многие коммунисты, не говоря уж о некоммунистах, ожидали, что с концом Гражданской войны будет восстановлена хоть какая-то социалистическая демократия. Известно, что Ленин получал много писем от коммунистов с вопросами, почему не восстановлена свобода печати и партий. Одно такое письмо, от коммуниста Мясникова, было даже опубликовано в советской печати, как и ответ Ленина на него, в котором Ленин отвечает, что свобода слова и печати обернется свободой для контрреволюции¹. Что может быть более откровенным признанием узурпаторства компартии? В партии назревал глубокий кризис. Несмотря на гонения и террор в стране все еще полулегально существовали партии меньшевиков и эсеров. Причем провал Военного коммунизма — к 1921 году промышленное производство страны чуть превышало 25 % довоенного уровня, сельское хозяйство было тоже в развале, — всеобщая нищета и террор способствовали росту уважения к упомянутым двум партиям даже со стороны рядовых коммунистов, особенно промышленных рабочих, в большинстве своем состоявших в профсоюзах, руководимых меньшевиками. На IX партсъезде в 1920 году Зиновьев зая-

⁵ Владение, эксплуатацию, но не собственность. Декрет от 8 ноября 1917 года о национализации всей земли не отменялся, и его применение могло быть возобновлено в любой момент, что и произойдет с ликвидацией НЭПа в конце 1920-х годов.

¹ Schapiro, Leonard *The Origin of the Communist Autocracy*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1977, p. 328.

— 17. Партия тоталитаризма —

311

вил, что более 90% членов профсоюзов настроены антикоммунистически. Как пишет Шапиро, наступила пора либо легализации социалистических партий, либо их полного уничтожения. Большевики избрали последнее. В течение 1920—1922 годов все меньшевистские профсоюзные деятели были арестованы и частично постепенно ликвидированы, частично высланы за рубеж. Вне профсоюзного прикрытия меньшевистских организаций уже не было давно. Что касается эсеров, то эта партия была официально запрещена после суда над эсеровским руководством в 1923 году, закончившегося смертными приговорами, замененными ссылкой в Соловецкий концлагерь, где в течение последующих нескольких лет они были физически уничтожены под разными предлогами. Вот в такой обстановке и собирается X съезд. Ленинским замыслом этого съезда было положить конец разногласиям в партии, конец внутрипартийной оппозиции. С этой целью Зиновьев разослал инструкцию в партийные организации выбирать делегатов на съезд по фракционному признаку. На съезде Ленин заявил, что республика находится в опасности и в этих условиях существование фракций недопустимо. В связи с этим была принята навязанная Лениным резолюция «О партийном единстве», запретившая раз и навсегда фракционность и какую-либо критику решений, принятых партийным руководством. Главными объектами нападок со стороны

Ленина и его центристской *Платформы десятирех* были так называемая *Рабочая оппозиция*, возглавлявшаяся Шляпниковым и Мясниковым, и близкая к ним фракция *Демократического централизма*, руководимая Александрой Коллонтай. «Рабочая оппозиция» стояла на том, что поскольку советская власть называет себя пролетарской диктатурой, то рабочие через свои профсоюзы должны участвовать в управлении страной, во всяком случае, управляя ее экономикой и промышленностью. Ленин обвинил фракцию в синдикализме, демагогически утверждая, что в социалистическом государстве не может быть групповых монополий, — вся власть и все его хозяйство являются всеобщей собственностью, а не уделом того или иного профсоюза. Ленин попытался изгнать из партии членов «Рабочей оппозиции» — такова была его «благодарность» Шляпникову, который возглавлял боль-

312

ршил ишталитаризма —

шевистское подполье в России во время Первой мировой войны, сохранив партию для Ленина, находившегося в нейтральной Швейцарии! Популярность Шляпникова была слишком велика на тот момент, и попытка Ленина изгнать его и остальных членов «Рабочей оппозиции» из партии не удалась.

Второй ленинской резолюцией, принятой съездом, было объявление «Новой экономической политики» — это и был «пряник» после кнута в отношении фракций. Ленину удалось легко протолкнуть свои резолюции из-за угрозы слева — со стороны фракции Троцкого, требовавшей немедленно приступить к приготовлениям к мировой революции, для чего всю страну надо превратить в концлагерь: крестьяне и рабочие будут сгоняться на работу под дулами ружей, жить в казармах, получая лишь пропитание и необходимую одежду, — все остальное — на мировую революцию. С другой стороны, шло кровавое подавление восстаний — Кронштадтского и других — с помощью многих делегатов съезда, отправившихся в качестве пропагандистов и комиссаров, так что резолюция о НЭПе принималась при далеко неполном составе, а также в условиях угрозы подъема антибольшевистских сил, уступкой которым и был НЭП.

В заключение об этом съезде можно смело сказать, что на нем Коммунистическая партия из авторитарной превратилась в тоталитарную, заложив начала тоталитаризации всей страны. На этом съезде Ленин завершил многолетнее выкраивание партийного костюма под себя, но — не предполагая того, — сшил он этот костюм для Сталина.

Страна, однако, не заметила угрозы для себя в том, что произошло на съезде.

Коммунистическая партия воспринималась как кучка узурпаторов, и ее внутренняя жизнь и всякие резолюции внутрипартийного характера никого не интересовали. Что страна заметила и чему обрадовалась — это Новой экономической политике, допущению частного хозяйства и ограниченного частного предпринимательства. Интеллигенция воспряла, особенно в связи с разрешением создавать товарищеские издательства, журналы, писательские и научные объединения, частные школы и институты. «На радостях» возникло движение «Смена Вех» как за рубежом,

— 17. Партия тоталитаризма —

313

в эмигрантских центрах, так и в России. Сменовеховцы утверждали, что введение НЭПа свидетельствует об отказе Ленина от коммунистической утопии. Как человек умный, он понял, что коммунизм — это бред, и теперь в России закладываются основы нормального прагматического государственного строительства. Естественно, после всех ужасов низового террора и развала всей инфраструктуры стране необходима сильная власть, которая по мере нормализации и успокоения будет развиваться в сторону правового государства. Российская интеллигенция, которая в своей массе бойкотировала советскую власть времен Военного коммунизма, теперь не только была готова к сотрудничеству с ней, но и призывала эмигрантов возвращаться домой и включаться во всеобщее дело восстановления страны. Ленину такой миф был на руку, ему нужны были «буржуазные спецы». Правильно писала Надежда Мандельштам, что НЭП, таким образом, явился самым большим обманом, на удочку которого поймалась русская интеллигенция, на свою голову не заметившая тоталитаризации партии, которая рано или поздно должна охватить и всю страну. Однако подлинное лицо ленинизма не заставило себя долго ждать — в 1922 году арестовываются и высылаются за

рубеж сотни самых выдающихся ученых гуманитариев так называемого «идеалистического направления», то есть немарксисты, среди них и большинство авторов сборника 1909 года «Вехи». Схожесть названий «Вехи» и «Смена вех» не случайна. И те, и другие выступали против радикализма. Веховцы призывали к осторожному сотрудничеству с правительством в тех областях, где правительство способствует положительным процессам в обществе. Веховцы предупреждали против идеализации народа, против натравливания народа на насилие. Сменовеховцы в то время были в основном левыми народниками, считавшими веховцев предателями интеллигентского народничества. Тогда они не желали терпеть весьма либерального дирижизма царской власти. Теперь, испытав на собственной шкуре, что такое власть толпы и спутав толпу люмпенов с народом, сменовеховцы готовы были принять самую жесткую диктатуру, лишь бы она их защитила от того самого народа, который они так недавно идеализировали.

314

— 17. Партия тоталитаризма —

НЭП был явно временной уступкой, вызванной во всех отношениях катастрофической обстановкой в стране. Ведь ко всему прочему был жуткий голод 1921-1922 годов, вызванный не только стихией — двухлетней засухой, которая в восточных районах европейской части России, особенно на Волге, грозила голодной смертью 30 миллионам граждан. Помимо засухи, голод был усугублен следующими факторами:

- 1) запасы зерна на случай чрезвычайной ситуации были съедены ничего не производившими дезертирами и красноармейцами;
- 2) продразверстка Военного коммунизма лишила крестьян стимула засеивать свои поля, в результате более половины пахотных земель не засеивались;
- 3) запретив частную торговлю, Ленин разрушил нормальные каналы снабжения и обмена.

Тем не менее, как только эти запреты были сняты НЭПом, началось быстрое экономическое возрождение. Что касается продуктов питания, то тут перелом наступил только после урожая 1922 года, ибо из-за засухи и недостатка семенного фонда, урожай 1921 года составлял всего лишь 43% от среднего урожая 1909-1913 годов, и если бы не помощь заграницы, особенно американской АРА (*American Relief Administration*), то вместо 8-10 миллионов от голода погибло бы не менее 30.

Как бы то ни было, но экономический подъем был налицо, и уже к осени 1922 года рынок был полностью насыщен продуктами питания. Хозяйский инстинкт крестьянина не был убит за три года Военного коммунизма. Почувствовав себя снова хозяевами своей судьбы, крестьяне дружно взялись за работу. Замена натурального налога денежным увеличила уверенность в том, что НЭП будет «всерьез и надолго», стимулировала рост товарного производства продуктов, поскольку крестьянам нужны были деньги, по крайней мере для уплаты налога. Быстро заработали мелкие частные предприятия, хотя частнику разрешалось иметь не более 20 наемных рабочих. В отдельных случаях национализированные крупные предприятия отдавались государством в аренду их бывшим собственникам. Однако в основном промышленность восстанавливалась гораздо медленнее земледелия: подъем крупной и особенно тяжелой промышленности не-

— 17. Партия тоталитаризма —

315

возможен без капиталовложений — их не было в разгромленной стране, а инвестиции из-за границы не шли после того, как Ленин отказался расплачиваться за кредиты, полученные царской Россией. Временный характер НЭПа сказывался в искусственно назначаемых государством ценах вместо автономного рыночного ценообразования, основанного на спросе и предложении, а также в том, что не был отменен статус лишенцев. Иными словами, предприниматели, директора заводов, бывшие в прошлом их собственниками, носили статус общественных парий, не имели права избирательного голоса. Их дети были лишены права обучения в государственных учебных заведениях. То же относилось, конечно, и к семьям духовенства, дворянства, бывших царских чиновников. НЭП вызвал большую тревогу среди идейных коммунистов, а особенно молодых комсомольцев, в прошлом красноармейцев. В их глазах НЭП был изменой, предательством идей. Как кость голодной собаке, им было оставлено право оголтелой пропаганды против капиталистов, буржуазии и «попов». Так, наряду с нэповским процветанием, шла идеологическая подготовка и агитация кадров для будущей коллективизации, кадров будущих «строителей коммунизма». Психологически промышленные рабочие советского набора, то есть в значительной степени комсомольцы и коммунисты «ленинского набора» были подходящим материалом для науськивания их против нэпманов и «кулаков». Как мы уже сказали, восстановление промышленности шло медленнее, чем земледелия, поскольку на примитивном крестьянском уровне оно почти не требует капиталовложений. Но ведь большевики пришли к власти как борцы за благополучие рабочего класса, и вдруг рабочий класс оказался более нищим, чем

крестьяне. Советское правительство пыталось ликвидировать этот пробел, искусственно занижая цены на сельскохозяйственную продукцию и завышая цены на промтовары. Это привело в 1923 году к так называемым «ножницам», то есть несбалансированности цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В результате крестьянам стало невыгодно продавать свою продукцию по государственным ценам, ибо на вырученные таким образом деньги они не могли купить товары, не-

316 — 17. Партия тоталитаризма —

обходимые им для хозяйства и для жизни по завышенным госценам. В результате крестьяне начали сокращать площади под посевами до размера, необходимого им для личного потребления и для меновой торговли на селе (я — кузнецу хлеб, а он мне — плуг) и какого-то минимального количества продукции для продажи в городе, чтобы обрести деньги для уплаты госналога. В городах появился снова дефицит продуктов питания, очереди. А партийные агитаторы использовали это для пропаганды среди рабочих, что, мол, крестьяне-кулаки рабочий класс голодом морят и надо их уничтожить, чтобы пролетариат зажил вольготно.

Смерть Ленина и спор «наследников» об индустриализации

Теперь вернемся к хронологии. Ленин умер в январе 1924 года, но фактически он был не удел по состоянию здоровья уже с конца 1922. Так что споры о НЭПе и интенсивной индустриализации страны проходили уже без его участия. Левые, возглавляемые Троцким и его экономистом Преображенским, выступали за ликвидацию НЭПа и немедленную коллективизацию. Бухарин, который на X съезде перешел из леворадикального лагеря к ленинскому центру, стал горячим сторонником НЭПа, таким образом уйдя значительно вправо от Ленина, который скорее всего рассматривал НЭП как временную передышку, а не как фундамент государственного строительства.

Но вернемся к смерти Ленина, вернее, к XIII партсъезду, созванному вскоре после его смерти, на котором должен был решиться вопрос о «престолонаследии».

Как известно, за несколько месяцев до смерти Ленин в промежутках между инсультами, когда к нему возвращалась речь, надиктовал своей секретарше несколько записок, которые известны как ленинское завещание. Больше всего поражает в этих записках то, что «великий вождь пролетариата» среди всех своих соратников не нашел ни одного кандидата, которого он считал бы способным возглавить созданное им государство. Это, с одной стороны, еще одно подтверждение невероятного самомнения «вождя», считающего, что никто

— 17. Партия тоталитаризма —

317

ему и в подметки не годится. С другой стороны, это «безвож-дие» — результат ленинской же стратегии. Вспомним учиненный Лениным искусственный раскол на II партсъезде в 1903 году, когда он зачислял в меньшевики всех тех, кто мог бы стать его конкурентом в партии или, во всяком случае, отказался бы быть послушной пешкой в его «партии нового типа»⁷. Вот его характеристики своих ближайших сподвижников: Зиновьеву и Каменеву доверять нельзя, поскольку они накануне Октября выступили в печати против готовившегося переворота; Троцкий слишком дерзок и высокомерен, не считается с мнениями других; Бухарин наиболее популярен в партийных рядах и к тому же крупнейший теоретик марксизма, но слишком увлекается теорией и слаб в диалектике. Тут стоит остановиться. Что Ленин считает слабостью в диалектике? Ведь «прелесть» диалектики в том, что с ее помощью можно «доказать», что черное — на самом деле белое, и наоборот. Как в 1936 году Сталин заявит, что в стране происходит отмирание государственности посредством ее укрепления, а те, кто этого не понимает, изрек Сталин, не знают диалектики.

Итак, перечислив недостатки Пятакова и других, о Сталине Ленин говорит, что это исключительно трудолюбивый работник, отличный администратор, обладающий исключительными руководительскими способностями, но в качестве верховного вождя страны Сталин опасен, так как он груб и потому может вызвать раскол в партии. И вот, на съезде, на особом закрытом совещании, на котором присутствовали только партийное руководство и губернские первые секре-

⁷ Покойный американский политолог Берtrand Вулф по этому поводу «изобрел» «Закон убывающих диктаторов»: Ленин избавился от возможных конкурентов, окружив себя людьми с более низким потенциалом. Из этой среды выделился Сталин, который просто отсекал те

головы, которые поднимались выше сталинского плеча, образно выражаясь. Из этой среды выделился Хрущев, повторивший сталинскую операцию, но с меньшей кровью. Следующим был уже интеллектуальный «лилипут» — Брежнев. Дальше уже спускаться было некуда, и вожди из этой среды уже не получались, ни подлинные, ни бутафорские. Система забуксовала и „развалилась.

318

— 17. Партия тоталитаризма —

тари, было вслух зачитано все ленинское завещание. Сталин заявил о своей готовности уйти в отставку. Но это было отвергнуто **единогласно**. Так же **единогласно** было принято решение оставить Сталина генсеком в триумvirате, состоявшем из него, Зиновьева и Каменева.

Сегодняшний читатель удивится: неужели и Троцкий, и Бухарин голосовали за Сталина?

Почему? Ну, во-первых, потому, что Политбюро было осиным гнездом, в котором все друг друга подсиживали. Все ненавидели Троцкого и завидовали его организаторским, ораторским и литературным талантам. Все они рвались в трибуны, теоретики марксизма, и никому не импонировала работа Сталина — секретаря, бюрократа, ответственного за кадры. Сталин не состоял ни в одной внутривнутрипартийной группировке, был приемлем всем. Что касается ленинской оценки Сталина как грубияна, то сам же Ленин всегда издевался над «буржуазной моралью» интеллигентов. Большевикский положительный герой был грубым, безжалостным, прямолинейным. Кроме того, всем был известен источник ленинской критики в адрес Сталина: во время предпоследнего инсульта у Ленина Сталин решил, что он уже в себя не придет, и нахамил жене Ленина — Крупской. Когда Ленин пришел в себя, Крупская пожаловалась Ленину, тот потребовал, чтобы Сталин извинился, и, кажется, тогда произнес свои известные слова, что оскорбление своей жены он считает оскорблением себя, чего он никогда не прощает. Таким образом, партийцы явно решили, что это критика больного, умирающего человека, не владеющего своими нервами, и обращать на нее внимания не стоит. Что касается угрозы раскола партии, то ведь львиную долю своей политической жизни Ленин посвятил именно устройству расколов в партии!

Так начался последний этап восхождения Сталина на Олимп тотальной власти. Для окончательной победы ему надо было опереться на левый или правый фланг партии. Сталин правильно рассчитал, что, поддерживая правых, он получит в союзники крестьянство, нэпманов и интеллигенцию. Это даст ему надежный тыл, позволяющий развернуть внутривнутрипартийную борьбу за власть. Так он становится другом Бухарина и сторонником его лозунга: «Обогащайтесь!», обращенного к крестьянам. При активной поддержке Бухари-

— 17. Партия тоталитаризма —

319

на, Рыкова и прочих правых коммунистов Сталин расправляется с Троцким, через свои кадры (ведь Сталин заведовал кадрами уже с 1922 года, расставляя всюду своих людей, обязанных карьерой «лично тов. Сталину») добивается снятия Зиновьева с поста первого секретаря Ленинградской парторганизации, а Каменева с того же поста в Москве — оба они были умеренно левыми. Не подозревая о печальном конце, который заготовлял для них Сталин, Троцкий выпустил в конце 1924 года книгу своих эссе под названием «1917, уроки Октября» с выпадами против Зиновьева и Каменева за их измену Ленину в октябре 1917 года. Зиновьев и Каменев теперь требовали изгнания Троцкого из партии. Но Сталин выступил миротворцем. Мы все прошли через сомнения в том году, сказал Сталин и признался, что сам в мае 1917 был против насильственного захвата власти большевиками, и зловеще добавил: «Если мы отсечем одну голову сегодня, завтра полетят десятки голов». После этого Троцкий становится в партии неким заложником Сталина. Разоружив Троцкого, Сталин теперь повел кампанию против Зиновьева и Каменева за их оппозицию призыву Бухарина к крестьянам обогащаться. Тем временем для будущей борьбы против правых Сталин производит так называемый Ленинский набор в партию — принимается 200 тысяч, в основном молодых рабочих и ветеранов Гражданской войны, людей почти без образования, но привыкших беспрекословно подчиняться начальству — ведь многие из них были приучены к дисциплине не только в Гражданской войне, но еще и в регулярных войсках Первой мировой войны. В это же время Сталин вводит институт кандидатства в партию — кандидат должен был доказать свою верность партии беспрекословным выполнением любых заданий парторганизации, часто

пребывая в таком подвешенном состоянии несколько лет, пока его не принимали в партию. Все это выковывало партию «еще более нового типа», чем у Ленина — автоматов-исполнителей воли начальства.

На XIV съезде партии в 1925 году выступила открытая оппозиция Сталину, возглавляемая Зиновьевым и Каменевым, которые заявили, что Сталин — склочник и неспособен возглавлять партию, вызывая в ней расколы. На этом съезде уже преобладали претензии сталинского гнезда — партаппаратчики,

320

• 17. Партия тоталитаризма —

расставленные Сталиным на руководящие посты на периферии между 1922 и 1925 годами. Они устроили Сталину овацию, впервые провозгласив его вождем. В 1926 году Зиновьев был исключен из Политбюро и заменен шестью сталинцами. А ОГПУ к месту и ко времени обнаружило и предало гласности частное письмо одного члена бывшей Рабочей оппозиции, в котором он выступает за привлечение иностранных инвестиций. Хотя к этому же призывал Ленин еще в 1921 году, теперь на основании этого письма все оппозиционеры были расширительно обозваны уклонистами и фракционерами — последнее со времени X съезда стало для члена партии самым грозным обвинением. Паника овладела вождями оппозиции. Троцкий, Каменев и Зиновьев опубликовали покаянное письмо, признавая свою вину перед партией и испрашивая себе прощение. Зиновьев потерял пост председателя Коминтерна, а Троцкий в 1926 году был исключен из Политбюро. Троцкому при этом напомнили его слова 1924 года: «Я знаю, что невозможно быть правым против партии». Вскоре представился отличный предлог замкнуть рты оппозиции. Англия прервала дипломатические отношения с Советским Союзом из-за найденного в главной квартире британских профсоюзов якобы коминтерновской инструкции приступить к подрывной деятельности в Англии⁸. Сталин использовал этот предлог, чтобы объявить об угрозе войны с Англией, ввиду чего все виды оппозиции должны быть разгромлены.

К 10-й годовщине Октября Троцкий и Зиновьев организовали уличные демонстрации против сталинской политики, в результате чего они и их сторонники были исключены из партии за фракционизм. Покойный профессор Доналд Трэд-голд блестяще суммировал идеологическую несовместимость Сталина с Троцким:

«Троцкий утверждал, что социализм не может быть построен в СССР ввиду сопротивления крестьян. Социализм может быть построен в СССР, только если произойдет восстание рабочих на Западе. Сталин утверждал, что задерживать строительство социализма до тех пор, пока восстанут

" До сих пор идут споры, была ли это подлинная инструкция Коминтерна или подделка британской разведки.

— 17. Партия тоталитаризма —

321

западные рабочие невозможно, поскольку они вряд ли восстанут в обозримом будущем. Поэтому социализм в СССР может быть построен только посредством использования крестьянства...

Троцкий был не в состоянии признать, что рабочие Запада — не коммунисты... Что русские крестьяне — антикоммунисты, Сталин не мог признать, но втащить их в коммунизм насильно Сталин мог.

В результате Троцкий пребывал в объятиях утопии, в то время как Сталин отстраивал свое правительство меньшинства, опирающееся на террор»⁹.

Поскольку левые были разогнаны, наступило для Сталина время ударить по правым, что он и сделал между 1927 и 1930 годами. Напомним, что споры о том, как обеспечить скорейшую индустриализацию между правыми и левыми коммунистами сводились к тому, что правые (а именно Бухарин) предлагали сбалансирование цен, импорт из-за границы товаров и машин, необходимых для сельского хозяйства, продажу их крестьянам по доступным ценам и повышение цен на продукцию сельского хозяйства, чтобы заинтересовать крестьян в наращивании производительности их хозяйств и получении максимальных урожаев. На средства, получаемые от экспорта продукции сельского хозяйства и прочего сырья, закупались бы на Западе машины и прочие средства промышленного развития страны. Фактически это была программа индустриализации царской России от Выш-неградского и Витте до Столыпина, с той только разницей, что, во-первых, марксистская идеология обкладывала бухаринский путь преградами: из-за обвинений в том, что он поддерживает

кулачество, Бухарин был вынужден ограничить свой лозунг «Обогащайтесь!» середняками, частные фабрики были ограничены двадцатью рабочими. Такие ограничения ставят предел экономическому развитию, не стимулируют настоящий рост, не дают достаточного капитала для инвестиций. Во-вторых, не следует забывать, что дореволюционная индустриализация опиралась на экспортные возможности больших товарных имений, применявших самые со-

⁹ Treadgold, Donald *Twentieth Century Russia*. Oxford, Westview Press, 1995.

322

— 17. Партия тоталитаризма —

временные методы и технику. Все это было теперь не по карману советским крестьянам, даже самым благополучным, и экспорт со сравнительно небольших хозяйств даже зажиточных крестьян не шел ни в какое сравнение с потенциалом больших имений. В контексте этих реалий Сталин критиковал Бухарина за то, что его метод требует слишком длительного времени для достижения современного уровня индустриализации, которого якобы у Советского Союза нет из-за неизбежности войны с капиталистическим окружением. Для усиления последнего аргумента пришлось кстати вышеупомянутый разрыв дипломатических отношений между Великобританией и СССР.

Итак, преследуя Троцкого и троцкистов, Сталин принял на вооружение их путь раскулачивания самых талантливых и трудолюбивых крестьян, превращения остальных в колхозных рабов и терроризируя всю страну. Одновременно в качестве опоры для борьбы теперь с правыми, а фактически со всей страной, Сталин выпускает из тюрем и ссылок левых коммунистов, дает им второстепенные посты, на которых они не представляли бы для него опасности, но служили бы послушным оружием в борьбе за «подлинный коммунизм». А чтобы настроить массы против частных и крестьянства, *Совет труда и обороны* (СТО) выпустил в 1926 году, казалось бы, абсурдное постановление «О снижении розничных цен в государственной торговой сети на дефицитные товары». Естественно, это вызвало скупку этих товаров, которые затем перепродавались крестьянам по нормальным ценам. В результате товары исчезли в городах. Это был второй «кризис ножниц», естественно вызвавший озлобление рабочих к крестьянам и нэпманам, что и было нужно Сталину. К фактам и фикциям сталинской плановой системы мы еще вернемся. Что касается нашего обсуждения НЭПа и альтернативных методов индустриализации, то тут будут кстати крылатые слова покойного русско-британского экономиста Александра Яковлевича Ноува (Новаковского). На вопрос, был ли Сталин необходим, Ноув отвечает риторическим вопросом: а может ли раввин есть свинину? Конечно, может, но в таком случае он перестает быть раввином. Так и с индустриализацией. Конечно, был альтернативный путь свободного рынка, освобожде-

— 17. Партия тоталитаризма —

323

ния цен и инициативы, но это был бы конец марксистско-ленинской системы¹⁰.

Советская религиозная политика

(церковь и государство) —

от Гражданской войны до конца НЭПа

Первым ударом Ленина по церкви был «Декрет о национализации земли» 8 ноября 1917 года, за которым последовал целый ряд разъяснений, что под декретом имеется ввиду и конкретная конфискация земельных угодий у церкви. Как известно, от этих угодий кормилось монашество и приходское духовенство, а также в значительной степени многочисленные церковные благотворительные учреждения, церковные учебные заведения и пр. Но самым большим ударом по церкви был ленинский декрет от 20 или 23 января (по старому стилю) 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от Церкви». Декрет лишал Церковь юридического статуса и прав юридического лица, в том числе права владения какой-либо собственностью. Собственно говоря, в глазах советского государства Церковь как организация из-за этого декрета прекращала свое легальное существование. Декрет признавал лишь группы верующих граждан, которые имели право ходатайствовать перед местными советскими властями о предоставлении им **в бесплатную аренду** помещения для совместных молитв. Этот декрет полностью опирался на учение Маркса о том, что любой институт нематериальной культуры является надстройкой на материальном базисе.

В это время в Москве заседал первый с XVII века Поместный собор духовенства и мирян, который разработал условия существования церкви в секулярном мире XX столетия, восстановил активную роль мирян в церкви, в общем, сделал очень много для очищения церкви от болезненных наростов

имперского периода, когда церковь была насильственно превращена в государственное «Ведомство православного исповедания», подчиненное государственным чиновни-

¹⁰ Move, Alec *Was Stalin Really Necessary?* London, George Allen & Unwin, 1964.

324

— 17. Партия тоталитаризма —

кам. Собор отправил делегацию в Кремль с предъявлением протеста по поводу декрета от 23 января. В Кремле делегацию успокоили заверением, что в комиссию по проведению декрета в жизнь будут приглашены представители церкви. Это было очередным ленинским обманом. Вместо обещанного, в течение 1918 года было выпущено несколько государственных инструкций по конфискации всего церковного имущества, в том числе и церковных вкладов в банках. Одновременно начались расправы с духовенством, хотя в течение Гражданской войны и Военного коммунизма формально ленинское правительство могло списать эти расправы на местную инициативу, поскольку, помимо упомянутого декрета и причисления духовенства к статусу бесправных лишенцев, единственным проявлением централизованного гонения на церковь в годы Военного коммунизма был ленинский декрет о вскрытии мощей и передаче их в музеи, что противоречило и декрету 23 января 1918 года, и первой советской Конституции того же года, в которой говорилось о полном разделении Церкви и государства и о свободе антирелигиозной и религиозной пропаганды. Как бы то ни было, но убийства начались уже в декабре 1917 года — первой жертвой пал приехавший из Америки священник-миссионер Александр Кочуров, убитый в Петрограде толпой красноармейцев 8 декабря 1918 года, затем 26 января 1918 года митрополит Киевский Владимир был убит кучкой бродячих большевистских матросов — оба канонизированы как ново-мученики. Уничтожение духовенства приняло массовый характер: с июня 1918 года и до конца Военного коммунизма (март 1921 года) погибло уже не менее 28 архиереев, 102 приходских священника, 154 дьякона, 95 монашествующих обоих полов и более 12 тысяч мирян, по-видимому, сопротивлявшихся тем или иным видам гонений на их приходские храмы. Как было сказано выше, декрет от 23 января согласно Карлу Марксу должен был привести к полному отмиранию церкви — «надстройки», лишенной своей материальной базы. Однако благодаря заботе о церкви преданного ей меньшинства народа священнослужители не погибли от голода, а миряне сохранили большинство храмов путем взятия их в аренду у местных советских властей под свою ответственность.

— 17. Партия тоталитаризма —

325

Уже в 1921 году в советской печати появились признания, что «в отдельных местах» происходит религиозное оживление. Церкви наполняются верующим народом, часто неопитами, особенно в городах. Иными словами, Маркс в очередной раз «подвел» Ленина: даже лишенная материальной и юридической базы церковь не подавала признаков отмирания. На самом деле в те первые послереволюционные годы, особенно после ужасов Военного коммунизма в Церковь вернулось достаточно много левой интеллигенции — в прошлом марксистов и народников. Это было не проявлением некоего примитивного политического протеста, а результатом глубинной переоценки ценностей. Дело в том, что марксизм как законченная и всеобъемлющая мировоззренческая доктрина обладает всеми чертами религии — религии языческой, обожествляющей переходящие ценности (материю, «железные» законы экономического детерминизма...), но все же религии. Поэтому разочарование в марксизме и его идолах логически ведет человека от материализма к метафизике, к богоискательству и часто приводит в Церковь.

Эту опасность видело и большевистское руководство. Так появляется новая антирелигиозная политика эпохи НЭПа, которую можно «окрестить» как политику «разделяй и властвуй». Преследуются в это время только Православная и Римско-католическая церкви. Первая как пережиток царского режима, как реакционно-монархическая организация, якобы связанная с белой эмиграцией и с попытками восстановления старого режима. Заявление патриарха Тихона от 8 октября 1919 года о гражданской лояльности церкви к новой власти и запрете священнослужителям активно поддерживать белых и вообще вмешиваться в междоусобную войну советской властью игнорируются. Католическая же церковь преследовалась как агентура враждебных государств — Польши и Ватикана. Общим церквям отказано в

регистрации в отличие от протестантских сектантов, мусульман и иудеев. Правда, положение иудеев становится очень двойственным. В гражданском плане евреи пользуются некоторыми привилегиями как национальность, подвергавшаяся притеснениям при старом режиме. Для обеспечения культурных и прочих потребностей евреев при каждом парткоме создаются так называемые *евсекции*.

326

— 17. Партия тоталитаризма —

Но в функции тех же евсекций входит борьба против иудейской религии, секуляризация еврейской культуры, запрет на древнееврейский язык как язык «реакционный», поскольку это язык Библии. Поскольку еврейская диаспора во всем мире держалась именно общностью религиозной культуры и на этом основанной внутренней солидарностью, тот факт, что теперь синагоги закрывались насильственно «своими же» евреями, вело к внутренней деморализации и распаду советского еврейства. Одновременно его обособленный статус с особыми правами раздувал антисемитские настроения у неевреев. Это тоже было частью политики «разделяй и властвуй».

Но, чтобы убедить мир в том, что по религиозному признаку преследований нет, Ленину нужна была альтернативная «Православная церковь», абсолютно преданная советской власти и воспевающая ее цели, как соответствующие христианству. В это время страну охватил страшный голод, на который еще в 1921 году первым откликнулся патриарх, призвав верных и храмы жертвовать на спасение голодающих все, что у них есть. Кроме того, поскольку патриарх до 1907 года был главой миссионерской епархии Северной Америки, он обратился за помощью к предстоятелям основных религиозных организаций Америки. Сначала Советское правительство одобрило действия патриарха, но Ленину совсем не импонировало, чтобы Церковь предстала в таком положительном виде в глазах народа. Во-первых, патриарху было приказано закрыть церковный Помгол и передать все собранные средства в *Государственный комитет помощи голодающим*. Патриарх выполнил и это требование и обратился с новым посланием к народу жертвовать государственным комиссиям по изъятию церковных ценностей на пользу голодающим все, кроме предметов, употребляемых в богослужении. Этого-то Ленину и было нужно, о чем свидетельствует следующий отрывок из ленинской секретной инструкции Молото-ву и Политбюро от 19 марта 1922 года, сразу после кровавого конфликта в городе Шуя, где верующие пытались предотвратить изъятие комиссией из храма священных сосудов, используемых при Евхаристии, и чекистская охрана комиссии открыла по безоружной толпе огонь. Но предоставим слово Ленину:

— 17. Партия тоталитаризма —

327

«Для нас это единственный момент, когда мы можем разбить неприятеля наголову... Когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются ... тысячи трупов, мы ... должны провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией ... теперь и только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо ... будет не в состоянии поддержать... черносотенное духовенство и городское мещанство, которое ... может испытать политику насильственного сопротивления ... декрету [об изъятии ценностей]. Нам необходимо провести изъятие церковных ценностей, ... чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько миллионов золотых рублей... Без этого ... никакое отстаивание своей позиции в Генуе ... совершенно немыслимо... Никакой другой момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких масс, который ... по крайней мере обеспечивал бы нам нейтралитет этих масс. ...Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий ... [Надо, чтобы судебный] процесс против шуйских мятежников ... закончился ... расстрелом очень большого числа самых опасных и влиятельных черносотенцев Шуи, Москвы ... и других духовных центров».

Далее Ленин предлагает «...внести раскол в духовенство, ... взяв под защиту государства тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия»."

Как видим, Ленин озабочен не спасением голодающих, а спекуляцией на их страданиях, чтобы обобрать и так уже нищую церковь, и опять же не с целью накормить голодных, а для использования этих «миллионов» во внешней политике. Общая стоимость отобранных ценностей составила 4650810 золотых рублей, из них Троцкий потратил 1 миллион рублей на закупку хлеба для голодающих, предварив этот акт колоссальной рекламно-пропагандистской кампанией (которая тоже стоила денег!). Из оставшихся сумм почти 1,6

¹¹ Полный текст см. в: *Известия ЦК КПСС*, № 4, 1990, с. 190-195.

328

— 17. Партия тоталитаризма —

миллиона было потрачено комиссией на свои расходы и содержание лишь за один апрель месяц. Если учесть, что комиссия существовала еще и в 1923 году, то становится ясно, тех средств, которые были отняты у церкви, не хватило даже на содержание комиссии.¹²

Что касается церковного раскола, предложенного Лениным, то его исполнителем был Троцкий. В конце марта доклад Троцкого по этому вопросу был готов. Он рекомендовал использовать левые элементы в церкви, так называемых «обновленцев» и убедить их порвать с патриаршей церковью, создать альтернативную Обновленческую церковь. Предлогом антипатриаршего восстания стало обвинение патриарха и его сторонников в «шкурничестве», нежелании поделиться мнимыми богатствами Церкви с вымирающим народом. По сценарию Троцкого 6 мая 1922 года патриарх был арестован. В ходе изъятия церковных ценностей произошло более 1400 кровавых инцидентов, в которых, а также в результате смертных приговоров по суду, погибло более 8 тысяч человек. Все это теперь ставилось в вину патриарху. 12 мая группа обновленческого духовенства явилась к заключенному патриарху и уговорила его передать ей временное управление церковью, поскольку ясно, что при таких обвинениях патриарх на свободу не выйдет, и нельзя Церковь оставлять без управления. Не подозревая в этом акте замысла раскола, патриарх согласился передать этой группе печать при условии, что власть свою они передадут митрополиту Ярославскому Агафангелу, как только он придет в Москву. Однако ГПУ Агафангела арестовало и сослало, расстреляло популярнейшего в народе митрополита Петербургского Вениамина, который сумел выработать с местными властями компромиссное мирное решение вопроса об изъятии ценностей, что не входило в планы Ленина, а потому Москвой одобрено не было. А патриарха Тихона — правда, после написания им покаянного письма — неожиданно выпустили из заключения в июне 1923 года, благодаря ультимативно-жесткому требованию британского правительства. Это произош-

См.: Н.Н.Покровский, С.Г.Петров, сост. «Политбюро и Церковь, 1922-1925». М., Росспэн, 1997, с. 78-82.

— 17. Партия тоталитаризма —

329

ло под занавес только что закрывшегося первого «поместного собора» обновленцев¹³.

Освобождение патриарха явилось шоком для обновленцев. Тысячи священников и десятки архиереев из тех, что примкнули к обновленцам, не видя иного будущего для Церкви, возвращаются в патриаршую церковь через публичное покаяние. Если в 1922 году две трети всех православных церквей было у обновленцев, а в Москве на 400 с лишним обновленческих церквей, у патриаршей церкви оставалось лишь 4 храма, то к концу 1920-х годов на 30 тысяч патриарших храмов у обновленцев оставалось всего 6 тысяч. К тому же, если патриаршие храмы, как правило, были переполнены по праздникам, обновленческие стояли полупустыми. Когда ОГПУ, опекавшее обновленцев по поручению Политбюро, убедилось в безвозвратном распаде обновленческого движения, оно начало давить на патриарха, заставляя его принять обновленцев под свой омофор, так как советской власти церковь без народа была не нужна, а обновленцы в составе Патриаршей церкви мутили бы в ней воду, ослабляли бы ее изнутри. Из этой затеи ОГПУ ничего не вышло: патриарший епископат, священники и миряне выступили решительно против такого объединения.

Таким образом, планы Троцкого — он рассчитывал созвать собор, на котором бы все фракции рассорились и церкви рассыпались — и ОГПУ провалились. Месть власти заключалась в том, что ставший во главе церкви в 1925 году после смерти патриарха Тихона митрополит Петр (Полянский) с титулом Местоблюстителя патриаршего престола, менее чем через полгода был арестован по ложному обвинению и пробыл в жутких тюремных условиях Крайнего Севера до своего расстрела в 1937 году. Между тем власти разыгрывали некую архиерейскую чехарду с заместителями Петра, сажая то одного, то другого, то третьего." В основном ссылались наиболее

¹³ Обновленцы называли свой собор вторым, отсчитывая от Поместного собора 1917—1918 годов, а свой второй и последний собор в 1925 году - третьим.

¹¹ Дело в том, что, предвидя гонения и недопущение дальнейших поместных соборов большевиками, Великий Московский
330

— 17. Партия тоталитаризма —

популярные священники и епископы, особенно популярные и влиятельные проповедники. Интересно, что после окончания дел по изъятию церковных ценностей и до конца НЭПа епископы и священники ссылались не по суду, а административно на три года, после чего срок продлевался еще на три года и так далее. Это показывает, что в условиях НЭПа, когда еще соблюдалось хоть какое-то подобие судопроизводства, состряпать дела против духовенства было невозможно или нежелательно из опасения реакции верующих. Судить снова станут Шемякиным судом в 1930-е годы с такими обвинениями, как шпионаж в пользу Японии, саботаж индустриализации и пр.

Что касается легализации Патриаршей церкви, регистрации ее Синода и председателя Синода митрополита Сергия (Страгородского), заместителя Местоблюстителя, то этого ему удалось добиться в 1927 году после четырех тюремных отсидок и написания его пресловутой «Декларации лояльности», в которой он начисто отрицает факт гонений на церковь, заверяет власть в своем и своей паствы патриотизме и верности советской власти. Правда, советское правительство легализовало только Синод и его главу. На местах приходы регистрировались местными советами, но между этими двумя уровнями ничего не было: епископы и епархии не регистрировались и советской властью не признавались. Свое «низкопоклонство» Сергей оправдывал перед вопрошавшими его священнослужителями и архиереями тем, что это даст ему возможность открыть богословские школы, вернуть духовенство из «мест не столь отдаленных», возобновить церковную печать. Не мог он предположить, что через два года наступит конец НЭПа, а с этим начнется новая волна гонений, уже рассчитанных на полное уничтожение всех религий страны. Шквал гонений с 1929 года уже не делал разницы между православием, сектантами, иудеями и пр.

собор поручил патриарху Тихону составить список трех предпочитаемых им местоблюстителей на случай своего ареста или смерти. Следуя этому примеру, Петр также составил список трех заместителей Местоблюстителя. На этом-то большевики и играли.

— 17. Партия тоталитаризма —

331

Аннотированная библиография

Balabanoff, Angelica *My Life as a Rebel*. Indiana University Press, 1973. Автобиография и мемуары одной из самых романтических русских революционерок. Современница Ленина, Балабанова была к нему равнодушна (не пользуясь его взаимностью). Дочь богатых помещиков, в ранней молодости восстала против этого быта, уехала в Западную Европу, где училась в университетах Бельгии и активно участвовала в марксистском социалистическом движении почти всех стран Европы, но в основном Италии, где тесно сотрудничала с Муссолини, обучая его марксизму. В то время он преклонялся перед Лениным и клялся в верности социализму до гроба. О нем она говорит, что если бы не было Муссолини, Зиновьев был бы самой отвратительной личностью в ее жизни. Вернулась в Россию в одном вагоне с Лениным, но, убедившись в бесчеловечности, эгоизме и цинизме Ленина и К", в 1921 году вернулась в Западную Европу и была заочно исключена из большевистской партии. Интересны ее замечания относительно Ленина, его интеллектуального примитивизма и нетерпимости, а также о трусости и лживости Муссолини. В.Валентинов (Вольский) «Встречи с Лениным». Нью-Йорк, изд-во им. Чехова, 1953. Известный дореволюционный деятель РСДРП и друг Ленина до 1906 года. После того, как Валентинов — философ по образованию — посоветовал Ленину не касаться философских тем, поскольку он в философии совершенно не смыслит и, касаясь этой области науки, выставляет себя в смешном виде, Ленин не только порвал с ним отношения, но повел кампанию дискредитации, утверждая, что Вольский — агент царской «охранки». Книга уникальна тем, что она дает живой образ Ленина как человека, в том числе в кругу близких ему людей.

Он же «Малознакомый Ленин». Paris, Librairie des cinq continents, 1972. В этой книге автор разрушает мифы о Ленине как об очень скромном человеке. Согласно автору, знавшему Ленина и по России, и по Швейцарии, Ленин жил достаточно широко на переводы крупных сумм от матери (с доходов от имения), ездил в экипажах, а не в трамваях и конках, деловые встречи всегда устраивал в дорогих ресторанах. Только во время войны материальное положение его

ухудшилось, поскольку было очень трудно переводить деньги из России.

332

— 17. Партия тоталитаризма

Волкогонов, Дмитрий «Ленин, политический портрет в двух книгах». М., Новости, 1994. Парадоксально, что член КПСС до ее распада и советский генерал рисует гораздо более отрицательный портрет Ленина, чем его коллега — эмигрант Вольский. Это портрет безжалостного и циничного палача — фанатика власти. В книге огромное количество закрытых до того уникальных документов, но толково анализировать их и писать Волкогонов не умеет. Материалы разбросаны в беспорядке, нет общей нити изложения, читается очень трудно, а еще труднее находить в ней нужный для читателя материал.

Cartere d'Encosse, Helene *Lenin: Revolution and Power* (перевод с франц.). London, Longman, 1982. Почти хрестоматийный обзор истории русской революционности и радикализма за два дореволюционных столетия. Дальнейшее изложение событий уже идет на фоне ленинской деятельности, создания большевистской партии и т. д. В отношении старого режима, обреченности или необреченности его ставится больше вопросов, чем дается ответов. Автор довольно небрежен в отношении деталей (и особенно статистики). Но в общем, книга читается легко и с интересом.

Conquest, Robert *Lenin*. London, Fontana Books, 1972. Небольшая книжечка в 142 страницы дает ясную картину ленинской деятельности, стратегии и тактики, его фанатизма власти любой ценой. Автор — мастер сжатой английской прозы, без прикрас и излишних рассуждений.

Kingston-Mann, Esther *Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution*. Oxford University Press, 1985.

Превосходное исследование идеологической противоречивости в марксизме и еще больше в ленинизме по крестьянскому вопросу и его вовлечению в революционный процесс. Подробно излагаются взгляды на крестьянство и крестьянскую общину — от славянофилов, Герцена и народников до марксистов и наконец большевиков.

Meyer, Alfred G. *Leninism*. N. Y., Praeger, 1957. Теоретический труд старого марксиста, умеренно-критически анализирующего ленинизм не только собственно Ленина, но и его последователей, то есть теоретиков большевистской версии марксизма. Мейер называет Ленина создателем первой современной *тоталитарной* партии. Своей целью автор ставит «обзор и анализ тех ленинских идей, при помощи которых ... определяются и оправдываются [ленинистами] ... важнейшие по-

— 17. Партия тоталитаризма —

333

литические решения ... и долгосрочные проекты и надежды ... русского коммунистического движения и Советского государства...В ленинизме сочетаются смелые предвидения с упрямо повторяемой устарелой чепухой».

С.Г.Пушкарёв «Ленин и Россия». Frankfurt/Main, Possev—Verlag, 1978. Небольшой сборник научных статей известного, ныне покойного, зарубежного русского историка по таким темам как «Идеи и политика Ленина», «Тайный союз Ленина с Вильгельмом II» (относительно немецких денег на большевистский переворот) и т. д. Автор в молодости был меньшевиком, за что даже сидел в царской тюрьме, но ко времени Гражданской войны разочаровался в революционном социализме и ушел с преподавательского поста в Харьковском университете в Белую армию. Эту небольшую книжечку следовало бы переиздать в России массовым тиражом для «обезличения» населения.

Theen, Rolf *Lenin: Genesis and Development of a Revolutionary*. Превосходная биография Ленина. Автор сосредотачивается на периоде с 1887 года, выдвигая спорный тезис о том, что решающим моментом в превращении Ленина в революционера была казнь его брата, по 1900 — год его выезда в эмиграцию в Швейцарию. Более кратко излагается его дальнейшая биография, оставляющая у читателя крайне отрицательное впечатление от Ленина как личности.

Фельштинский, Юрий «ВЧК—ГПУ». Benson, Vt., Chalidze Publications, 1989. Сборник документов о ленинских организациях террора, собранный и составленный известным молодым русским историком — эмигрантом «Третьей волны».

Глава 18 СССР — тоталитарное государство

«Злодеи не всегда умны, а диктаторы не всегда правы».

Уинстон Черчилль «Вторая мировая война».

На X съезде РКП(б) в марте 1921 года была окончательно сформирована тоталитарная партия, партия исполнителей воли тоталитарного диктатора — Ленин, конечно, строил ее под себя, но, поскольку уже с 1922 года он был смертельно болен и принимал участие во власти лишь эпизодически, построил он эту партию под Сталина. Но в условиях НЭПа создалось некое несоответствие между правящей тоталитарной партией и государственностью, авторитарной и с намеками на либерализацию. Это положение требовало одного из двух: либо дальнейшей либерализации общества, что в конце концов привело бы сначала к практическому, а затем и к формальному размыванию политической монополии единой партии, либо ликвидации НЭПа и распространения тоталитаризма на всю государственно-общественную и хозяйственную структуру страны¹.

¹ Пример того, как появление плюрализма неизбежно приводит к развалу всей тоталитарной коммунистической структуры — перестройка Горбачева. Ведь он не собирался разваливать коммунизм, он попытался лишь сделать его более толерантным к инакомыслию и ввести некоторые элементы рынка в его экономику, и ... все рухнуло. Это закономерно, если вспомнить, что тоталитаризм — карикатура на демократию, ее искажение, ее вырождение. Иными словами, если в тоталитаризм вспрыснуть долю демократии, то она действует как прививка какой-нибудь сыворотки, вызывающей исцеляющую реакцию организма на болезнь.

— 18. СССР — тоталитарное государство —

335

Как мы уже говорили, экономическая политика ленинского Военного коммунизма полностью провалилась. Промышленное производство страны сократилось чуть ли не в четыре раза по сравнению с довоенным. Конфискационная политика на селе с отбиранием у крестьян «излишков» вооруженными отрядами продразверстки и ликвидация Лениным рынка привели к сокращению крестьянами посевов до такого уровня, чтобы не было излишков. Все это в не меньшей степени, чем засухи 1920-1921 годов, привело к повальному голоду — особенно, но не только, на Волге в 1921-1922 годах и крестьянским восстаниям по всей стране, равно как и к позорному для коммунистов восстанию кронштадтских моряков, тех, кого еще недавно Ленин называл красой и гордостью пролетарской революции, и к кому он грозился уйти в 1917 году, когда большинство членов ЦК отнеслось отрицательно к его плану насильственного захвата власти. Все это заставило Ленина прибегнуть к политике кнута и пряника. Кнутом были карательные отряды под начальством Тухачевского, подавлявшие Кронштадтское и крестьянские восстания. Части моряков удалось уйти по льду в Финляндию. Такой возможности были лишены участники крестьянских восстаний — самым значительным было восстание Антонова в Тамбовской губернии, которое удалось окончательно подавить лишь к 1923 году, причем села выжигались карательными отрядами², а крестьян, бежавших в леса, уничтожали газами. Это был ленинский кнут. Пряником же было объявление НЭПа (Новой экономической политики) на X съезде партии весной 1921 года. НЭП фактически (но не юридически) восстанавливал частное владение землей и ограниченное частное предпринимательство. Землю во время НЭПа и покупали, и продавали, хотя Декрет 8 ноября 1917 года «О национализации земли» не отменялся, так что в любое время можно было «вполне законно» ликвидировать частные хозяйства да еще карать тех, кто сумел за такой короткий срок сделать свои хозяйства доходными. Так принудительная сталинская коллективизация была логическим осуществлением вышеуказанного декрета. Столь же двусмысленным было допущение частного предпринимательства. Появились снова

² И тут Ленин на десятилетия опередил Гитлера!

336

18. СССР — тоталитарное государство —

успешные деловые люди, получившие презрительную кличку нэпманов. Они могли богатеть, оставаясь, однако, лишенцами, оплевываемыми и оскорбляемыми коммунистической пропагандой³. Иными словами, пропаганда настраивала народ против нэпманов и кулаков как пережитков эксплуататорских классов и капитализма, психологически приготавливая народ к положительному или, во всяком случае, безразличному отношению к их уничтожению в первой же сталинской пятилетке⁴.

Не было при НЭПе и настоящей рыночной системы ценообразования. Только на крестьянских рынках цены определялись спросом и предложением. Во всем остальном хозяйстве цены устанавливались сверху и руководствовались политическими, а не экономическими соображениями. Так, цены на сельскохозяйственную продукцию искусственно занижались, а на промтовары, нужные, в частности, крестьянам, искусственно завышались. Это привело к так называемым «ножницам» — несоответствию цен, из-за чего крестьяне перестали продавать свои продукты государству по государственным ценам, переходя все больше к меновой торговле на селе: хлебопашец менял зерно на сукно, производимое другим крестьянином, или на подковы, производимые местным кузнецом. В городах снова начались перебои с продуктами питания. Из этой проблемы было только два выхода: вос-

³ Среди наиболее талантливых антинэповских литературных произведений тех лет можно назвать «Двенадцать стульев» и «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, где авторы насмеваются как над дворянством и нэпманами, так и над духовенством.

' См.: роман Василия Гроссмана «Все течет», где устами разочаровавшейся бывшей комсомолки, активистки коллективизации повествуется, как им, сельским комсомольцам, вдалбливали в голову, что «кулаки» — какие-то нелюди, паразиты наравне с вредными насекомыми или крысами, которых надо так же уничтожать, как уничтожают вредных насекомых, а их детей следует жалеть не в большей степени, чем крысят или гнид. Абсолютный аналог такой агитации — гитлеровское программирование немцев в отношении евреев. Чтобы убедить людей истреблять своих соседей, надо внушить им, что истребляемые ими не принадлежат к людской породе.

— 18. СССР — тоталитарное государство —

337

становление подлинного рынка или возвращение к Военному коммунизму. Правда, «правые» коммунисты, такие как Николай Бухарин, например, пытались пропагандировать некий третий путь: давить кулака, но поддерживать середняка и сохранять какую-то форму ограниченного частнопредпринимательского рынка. Но этот путь был столь же нереальным, как провозглашение Горбачевым в конце 1980-х годов «социалистического рынка». Требовалось, во-первых, определить, кто такой кулак, на каком этапе середняк превращается в кулака, при этом установить потолок допускаемых доходов, не дающих крестьянину превратиться в кулака или не разрешать мелкому предпринимателю вкладывать капитал в развитие своего предприятия. Такой контроль, во-первых, ведет к страшной коррумпированности чиновника-контролера, а во-вторых, лишает производителя товаров стимулов к росту и в конце концов приводит к экономическому застою. Сталин отлично понимал бесперспективность бухаринского пути и, конечно, для него был невозможен отказ от социализма, а в конце концов и от тотальной власти, несовместимой с плюрализмом рыночной экономики. Он предпочел фактическое возвращение к Военному коммунизму с ликвидацией частной собственности и конфискационной экономикой. Поскольку свободный человек добровольно не будет работать бесплатно и расставаться безвозмездно со своей собственностью, альтернативой остается рабский труд, осуществление которого возможно только посредством неограниченного и всеобъемлющего террора.

Другой стороной НЭПа было допущение относительной свободы в области культуры и творчества, при условии не касаться политических и идеологических вопросов. Но и в этой области, как указывает Надежда Мандельштам в своей замечательной «Второй книге», был заложен обман. После ужасов Гражданской войны, приведших русскую интеллигенцию к отказу от народнических иллюзий (что и предсказывали авторы «Вех»), перепуганная интеллигенция жаждала крепкой власти. НЭП она восприняла как отказ Ленина-реалиста от коммунистической утопии, видя в «нэповском» Ленине всего лишь прагматического диктатора, с которым следует теперь сотрудничать для совместного восстановления

338

— 18. СССР — тоталитарное государство —

страны. Такова была линия движения под названием «Смена вех», возникшего в эмиграции и в Советской России. Движение до поры до времени поддерживал Ленин, потому что оно привело ученых, инженеров и прочих специалистов, которые до НЭПа в основном бойкотировали советскую власть, к сотрудничеству с режимом, а также к возвращению в Россию из эмиграции нужных стране специалистов. Наивные интеллигенты питались этими иллюзиями, хотя уже 1922 год должен был бы их отрезвить. Ведь именно в 1922 году, в разгар НЭПа, Ленин сначала арестовал, а затем изгнал на Запад сливки русской творческой интеллигенции — мыслителей так называемого русского религиозно-философского ренессанса начала века и близких к этому течению философов, социологов, вся вина которых заключалась в том, что они не придерживались философии диалектического материализма. Общеизвестно, что Сталин достиг абсолютной власти через натравливание левых коммунистов на правых и наоборот, и таким образом в конце концов одержал победу, уничтожив и тех, и других. Начал он с поддержки НЭПа, и бухаринского лозунга «Обогащайтесь!», обращенного к крестьянам. Можно смело сказать, что самые либеральные годы НЭПа приходятся не на ленинские, а на первые сталинские годы, примерно с 1924 по 1927. Так называемые правые коммунисты — Бухарин, Рыков и их единомышленники — были ему нужны для борьбы с Троцким, Зиновьевым, Каменевым и прочими левыми коммунистами. Сталин правильно рассчитал, что, поддерживая углубление НЭПа и частное крестьянство, он набирает себе очки в глазах всей беспартийной массы населения, которой

совершенно безразличны идеологические баталии внутри партии. Люди, конечно, не понимали, насколько их собственная жизнь будет зависеть от исхода внутрипартийной борьбы. Заручаясь популярностью за пределами партии, Сталин освободил себе руки для борьбы внутрипартийной. Когда с левыми было покончено — Троцкий выслан, Зиновьев и Каменев исключены из партии и сосланы, — и власть Сталина укрепилась, он повернулся спиной к правым коммунистам и выступил за сворачивание НЭПа, опираясь на возвращенных из ссылки Зиновьева, Каменева и леваков помельче, которые, получив от Сталина второстепен-

— 18. СССР — тоталитарное государство —
339

ные посты, стали, таким образом, целиком зависимыми от его милости.

В отличие от последнего десятилетия XX века в 1920-х годах крестьянство еще не разучилось трудиться, оно все еще мечтало о земле и знало, что с ней делать. Поэтому восстановление сельского хозяйства и рост благополучия на селе шел в 1920-е годы успешно. Не менее успешно возрождались мелкие предприятия, находившиеся в частной собственности. Обюрокращенный госсектор промышленности восстанавливался медленнее, но и он достиг дореволюционного уровня где-то около 1928-1929 годов и начал давать чистый прирост продукции, что подчеркивал Бухарин в своих «Записках экономиста» в редактируемой им «Правде». Как сказано выше, неправильная политика ценообразования вела к изоляции села от города, а в селе — к меновой торговле, натуральной экономике. Сталину же требовался максимальный рост экспорта сельхозпродукции для финансирования индустриализации. Бухарин предлагал решить этот вопрос снижением цен на промтовары, трактора и прочую механизацию и повышением цен на сельхозпродукцию, чтобы заинтересовать крестьянина в покупке этих предметов, а следовательно, и в максимизации своей продукции. Но Сталин считал этот процесс слишком затяжным, пугал неизбежностью войны в связи со скандалом в Англии, где полицейский обыск в советской торговой миссии в Лондоне обнаружил документы, призывавшие английских рабочих к революционному выступлению. Тут не мешало бы вспомнить, что почти весь товарный хлеб до революции давался крупными именьями, в том числе и «кулацкими фермами»⁵, которые ленинская революция уничтожила. Так что вряд ли бухаринский призыв и предлагаемый им метод товарно-денежного оборота дал бы то количество экспортного зерна, которое могло бы обеспечить достаточно быструю индустриализацию.

⁵ Советское раскулачивание лишило слово «кулак» своего первоначального содержания, обзывая этим оскорбительным термином каждого зажиточного и рачительного крестьянина. На самом деле слово «кулак» обозначало живодера-процентщика, который давал бедному крестьянину займы лошадей, зерно или деньги под колоссальные проценты или за «оброк».

340

— 18. СССР — тоталитарное государство —

Итак, выбрав путь индустриализации посредством рабства и террора, Сталин действительно в 1930-х годах достиг колоссального роста тяжелой промышленности, по крайней мере на 90% работавшей на вооружение. Но, во-первых, это был рост количественный, а не качественный; во-вторых, ассортимент ограничивался горнодобывающей продукцией, машиностроением и такими материалами военно-стратегического назначения, как сталь, нефть; в-третьих, бурный рост продолжался лишь до 1937 года, после чего рост промышленного производства резко сокращается. Это свидетельствует о неспособности централизованной экономики к диверсификации. Она может работать только как экономика чрезвычайного положения, выпускать крайне ограниченный ассортимент, диктуемый войной или приготовлением к ней. Учитывая лживость советской статистики, невыполнение всех без исключения пятилеток, невозможно установить подлинное количество произведенных товаров, не говоря уже о качестве. Надо, однако, иметь в виду, что речь идет только о развитии военно-направленной промышленности, которое шло за счет фактического развала всей легкой промышленности и в конечном итоге сельского хозяйства, не говоря уже о человеческих жертвах. По сравнению с последними годами НЭПа в 1930-е годы резко падает уровень жизни. Создается «Архипелаг ГУЛАГ» (Главное управление лагерей), куда отправляются по ложным приговорам не менее 10—15 миллионов советских граждан, превращающихся в бесправных рабов бесплатного труда, в основном в районах, где из-за климатических условий вольнонаемным пришлось бы платить повышенные зарплаты. Сопротивление коллективизации (так называемые *бабьи бунты*) было самым активным в черноземных районах с

наибольшим количеством зажиточных крестьян, которым было, что терять. Это Украина, Северный Кавказ, Поволжье, Юго-западная Сибирь и частично русский Черноземный Центр. Урожай 1932 года был ниже среднего, тем не менее сталинские разверстки с требованием доставки зерна с хозяйств были завышены по сравнению с предыдущим годом. Кроме того, вышел так называемый «Указ о колосках», по которому крестьянин не имел права собрать урожай даже со своего приусадебного хозяйства до тех пор,

— 18. СССР — тоталитарное государство —

341

пока село не внесло полностью требуемые с него продналог и госпоставки. По этому указу крестьян, пойманных в сборе зерна, чтобы чем-то кормить своих детей, заключали, например, в концлагеря, а то и расстреливали. Все это привело к повальному голоду 1933 года, унесшему около 7 миллионов жизней. Но цель была достигнута: сопротивление крестьян сломлено, все загнаны в колхозы и совхозы. Сельский труд из естественного и любимого для рачительного хозяина превратился в тупую принудительную, постепенно уничтожившую российского крестьянина, превратившую его в пьяного люмпена.

Голод 1933 года, раскулачивание и смертность в концлагерях унесли не менее 12 миллионов жизней между переписями 1926 и 1937 годов, исходя из динамики прироста населения до 1933 года и из статистических экстраполяции 1920-х годов. Эта же перепись 1937 года, в которой в последний раз содержался вопрос об отношении респондента к вере в Бога, дала весьма неприятный для советской власти и *Союза воинствующих безбожников* результат: две трети сельского и одна треть городского населения страны назвали себя верующими при достаточно высокой пропорции верующих среди молодежи. 80% верующих назвали себя православными. Все эти данные Сталина не устраивали, и он приказал данные переписи засекретить, а организаторов ее — расстрелять. Следующая перепись, 1939 года, была уже насквозь фальсифицирована, и вопроса об отношении к Богу не содержала.

Мы уже говорили, что одна из характерных черт тоталитаризма — перманентное культивирование чувства врага, будь то классового, расового или еще какого-либо. В Советском Союзе во время Гражданской войны и в 1920-е годы такими врагами были сначала аристократия, буржуазия и духовенство; в начале 1930-х — кулаки и всевозможные подкулачники, а во второй половине 1930-х — «просочившиеся в партию» и в вооруженные силы Советского Союза «агенты мирового капитализма и предатели дела Ленина—Сталина». После Великой Отечественной войны с приходом на смену коммунистическому интернационалу коммунно-национализма таким обязательным врагом стали космополиты и «агенты мирового сионизма», в основном это были эвфемизмы слова «еврей».

Но вернемся к 1930-м годам.

342

— 18. СССР — тоталитарное государство —

Для тоталитарной системы, к которой стремился Сталин, в партии нужны были не мыслители и энтузиасты идеи, а беспрекословные исполнители. Для этого надо было очистить партию от старых большевиков. Ведь вступившие в партию до ее прихода к власти и на ранних ее этапах, когда жестокости и провалы можно было оправдывать требованиями Гражданской войны, были в основном идеалистами, а идеалисты могут и разочароваться в идее, особенно, когда ее осуществление проходит по все увеличивающимся горам трупов, и конца этому не видно. А тут подвернулась Сталину еще и модель, как разделаться с реальной и потенциальной оппозицией в партии: гитлеровская «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 года. Вряд ли было случайным совпадением организованное Сталиным вскоре после этого убийство Кирова, который, по имеющимся данным, в том же году на XVII съезде партии призывал к смягчению режима, поскольку с оппозицией в партии покончено, завершилась первая пятилетка и упрочилось положение власти. Речь Кирова была отмечена вставанием всего зала и овацией, совсем как Сталину, а Сталин этого не любил. После убийства, которое Сталин свалил на внутренних врагов советской власти, прокатились чистки по всей стране, началась массовая высылка в лагеря и на поселение дворянства, интеллигенции, духовенства и некоторых членов партии. Но это было только началом. То, что у Гитлера заняло одну ночь и имело место лишь через год после его прихода к власти, Сталин смог начать только на 11-м году пребывания у власти и завершить целыми четырьмя годами позднее. Это говорит о том, что коммунистическая партия, во всяком случае, до 1938 года, была значительно серьезнее и

идейно содержательнее партии нацистской. Правда, и задачи Гитлера в его «ночи длинных ножей» были гораздо скромнее сталинских. В армии, например, если не считать отставки некоторых генералов, ему особенно несимпатичных, никаких чисток Гитлер не проводил до покушения военных на его жизнь и режим в 1944 году. Гитлер готовился к войне и понимал, что для этого ему нужна сильная и внутренне спаянная армия.

Как бы то ни было, но после «ночи длинных ножей» Сталин определенно «зауважал» Гитлера. Понял, что Гитлер со-

— 18. СССР — тоталитарное государство •

343

всем не марионетка мирового капитализма, как считал примитивный марксистский дуализм, видевший в мире только две силы: капитализм и пролетариат и поэтому не сумевший распознать сути фашизма и нацизма⁶. Сталин понял, что Гитлер — сам себе хозяин.

Характерно, что через год, на последнем, VII, конгрессе Коминтерна в 1935 году Сталин отменяет резолюцию VI конгресса Коминтерна (1928) против народных фронтов и восстанавливает политику блоков коммунистов с левыми партиями, политику народных фронтов. А после провалов народных фронтов в Гражданской войне в Испании и Блюма во Франции уже систематически ищет сближения с Гитлером, что и завершается советско-германским договором 1939 года.

Как и Гитлер, Сталин тоже готовился к войне, но весьма своеобразно. Помимо чистки партии, которая достигла своего апогея в 1937—1938 годах, унеся более двух миллионов жизней — в основном коммунистов, комсомольских и безбожных активистов, а также духовенства и мирских церковных деятелей, то есть людей идейных — уничтожал и собственную армию, вернее, ее офицеров и комиссаров. Уничтожены были все маршалы, за исключением Ворошилова и Буденного. Вклад этих двух «свадебных генералов» в реальное ведение современной войны равнялось нулю. Было уничтожено около 80% генералов, более 60% полковников и т. д. Но было ли это исключительно безумием? Взглянем, из кого состояли вооруженные силы СССР на 1937 год. Старшими офицерами были в основном бывшие царские офицеры, добровольно или насильственно вступившие в Красную армию во время Гражданской войны, и их ученики. Первая категория, за редкими исключениями, была чужда марксизму-ленинизму, и если их служение в советской армии было искренним, то это были идеалы российского, а не советского патриотизма. Надо полагать, что их ученики в значительной степени были лояльны к своим учителям и близки им по взглядам. Солда-

" Можно предположить, что это «разочарование в марксизме» сыграло роль в сталинском уничтожении старых большевиков-теоретиков. Вы, мол, своим диаматом завели меня в дебри, не дали трезво оценить значение нацизма и фашизма.

344

— 18. СССР — тоталитарное государство —

ты же (или бойцы, как они тогда официально именовались) были в основном выходцами из деревни, где только что прошла кровавая коллективизация, которая у большинства крестьян вызвала ненависть к Сталину и его режиму. Напомним, что в 1936 году была отменена общественная категория лишенцев, то есть на военную службу теперь призывались и сыновья кулаков, и раскулаченных ссыльных, и дворянства, и духовенства. Таким образом мы получаем по меньшей мере идеологически весьма ненадежную армию. Наконец взглянем на комиссаров, которых в этой чистке было уничтожено в процентном отношении даже больше, чем офицеров. Первоначально институт военных комиссаров был создан Троцким, когда он был вынужден мобилизовать царских офицеров для грамотного ведения Гражданской войны. Поскольку к этим офицерам у большевиков доверия не было, то, чтобы они не бежали к белым и не занимались вредительством, к ним приставлялись верные большевики в качестве комиссаров-надсмотрщиков. Естественно, вначале между офицерами и комиссарами было взаимное недоверие. Но за почти два десятка последующих лет в большинстве случаев появилось взаимное доверие и сотрудничество. Многие комиссары за эти годы получили правильное военное образование в военно-политических академиях, где в военной науке их учителями были те же офицеры. Если учесть, что в институт комиссаров во время Гражданской войны отбирались самые идейные юные большевики и что для большинства из них кумиром был Троцкий — создатель Красной армии, то беспокойство Сталина было

вполне оправданным. Он отлично понимал, что оснований для любви к нему у армии не могло быть. И уж если кому-либо удастся прорвать стену энкаведистского террора против Сталина, то только армии. И в панике он набросился на нее, вероятно, предполагая, что у него достаточно времени для замены расстреливаемых свежими выпускниками военных училищ. Тут он просчитался. В зимней войне 1939-1940 годов против маленькой Финляндии Советский Союз потерял около полумиллиона убитыми и замерзшими, и примерно столько же попали в плен. На каждого убитого финна приходилось чуть ли не десять погибших красноармейцев. Новые неопытные комиссары мешали воевать, их ненавидели офицеры и солдаты, и за вре-

— 18. СССР — тоталитарное государство —

345

мя финской войны значительное число комиссаров было убито не внешним врагом, а своими. Двоевластие — ведь приказ офицера был по тогдашним правилам недействительным без подписи комиссара — убийственно отражался на боеспособности Красной армии.

Очевидно, заключая союз с Гитлером, Сталин думал, что в его распоряжении достаточно времени для воссоздания нового командного корпуса, уже выводков его школы и совершенно ему преданных. Гитлера он слишком уважал, чтобы предполагать, что, находясь в войне с Великобританией и Францией, он пойдет на безумный шаг войны на два фронта. Чего Сталин не учел, это впечатления, которое произвела на Гитлера неудачная война СССР с Финляндией. Гитлер и не собирался воевать на два фронта. Позорная демонстрация небоеспособности советской армии в Финляндии убедила Гитлера в том, что он покончит с СССР задолго до открытия Западного фронта. Своих генералов он заверил, что это будет всего лишь летняя прогулка в Москву. Гитлер не учел, что когда встал вопрос национальной жизни и смерти, и стало понятно, что Гитлер несет народам СССР рабство, а не освобождение от большевизма, то русский боец повел себя совсем иначе, чем в Финляндии. Оба диктатора просчитались, и это обошлось народам Советского Союза почти в 30 миллионов жизней!

Однако бытует еще иллюзия, что какой бы ценой это ни было достигнуто, но сталинская система оправдала себя созданием той промышленной мощи, без которой Советский Союз не справился бы с гитлеровскими полчищами. Но вот постсоветские экономические историки подсчитали, что в связи с близорукой политикой Сталина, который накануне немецкого нападения сосредоточил чуть ли не всю свою авиацию у германской границы⁷ и срыл укрепления вдоль границ СССР 1939 года, немецкое наступление было столь

⁷ Все больше и больше авторов склоняется к тому, что Сталин готовил первый неожиданный удар по германским войскам. Гитлер просто опередил его. Но это Сталина не оправдывает, так как он получал достаточно агентурной информации с Запада и из Японии (от Зорге) о предстоящем немецком нападении. Со своей маниакальной подозрительностью Сталин просто никому не верил.

346

— 18. СССР — тоталитарное государство —

молниеносным и вызвало такой хаос в советском тылу, что чуть ли не две трети всего вооружения СССР было либо уничтожено врагом, как, например, самолеты, уничтоженные на прифронтовых аэродромах, где они стояли на приколе, либо попало врагу в руки. Иными словами, Советский Союз победил немцев с менее чем половиной всей военной продукции 1930-х годов. А такое количество ее было бы произведено и при бухаринской «полукапиталистической» системе. Причем, если бы не было голода 1933 года, коллективизации и террора, красноармейцы относились бы гораздо лояльнее к советской власти, не было бы власовского феномена — перехода на сторону врага миллионов советских граждан, и вряд ли немцы получили бы 4 миллиона военнопленных за первые несколько месяцев войны. Наконец война, несомненно, велась бы талантливее, и жертв с советской стороны было бы гораздо меньше, если бы был цел довоенный офицерский корпус.

Так сталинская система не оправдала себя ни в чем, кроме построения модели власти, наиболее приближающейся к идеалу тоталитаризма.

Избранная библиография

Волкогонов, Дмитрий «И.В.Сталин. Политический портрет». 3 т. М., Новости, 1989. Как и его книга о Ленине, этот труд Волкогонова страдает теми же проблемами — неумением организовать и «выстроить» материал, отсутствием последовательного анализа и неуместными лирическими

отступлениями, уместными в романе, но не в историческом исследовании. К тому же автор медленно отходит от ленинского гипноза, и в этой книге еще Сталин — «бьяка», а Ленин — «хороший». Однако книга богата уникальными архивными документами. Daniels, Robert V., ed. *The Stalin Revolution*. Lexington, D.C. Heath & Co., 1990. Составитель сборника — американский профессор-марксист, в связи с чем большинство соавторов сборника набраны из «левого» лагеря западного академического мира. А описать результаты коллективизации вообще было предоставлено советским историкам — и это в советское время: книга

— 18. СССР — тоталитарное государство —

347

переиздана без изменений с издания 1972 года. Даниэльс — апологет сталинской индустриализации, хотя, конечно, осуждает «чрезмерную жестокость».

Конквест, Роберт «Большой террор». Firenze, Edizioni Aurora, 1974. Нашумевшее в свое время исследование сталинских чисток 1930-х годов известным британским ученым. Когда книга появилась в английском оригинале в 1968 году, это было, несомненно, самое полное исследование предмета. Не утратила книга своего значения и сегодня.

Он же «Жатва скорби». London, Overseas Publications Interchange, 1988. Не менее тщательное исследование голода 1932-1933 годов со статистическими данными. Недостатком книги является попытка дать исторический очерк об Украине и казаком «государстве», в котором допущен ряд исторических ошибок и во всем обвиняется «Москва». И в толковании голода и советской политики на Украине чувствуется антирусское направление автора, пытающегося придать сталинской политике конкретно антиукраинский характер, в то время как на самом деле искусственный голод был направлен на уничтожение крестьянского сопротивления коллективизации, которое, естественно, было самым упорным со стороны более зажиточных крестьян, будь то на Украине или в других черноземных районах СССР (Западная Сибирь, Черноземный центр, Северный Кавказ, Поволжье).

Он же *Kolyma: the Arctic Death Camps*. Oxford University Press, 1979. Поразительное по тщательности исследование Колымских лагерей, учитывая, что никаких официальных данных в те годы не было. На основании рассказов какого-то десятка бывших заключенных Колымы, сумевших вырваться во время или после войны на Запад, ему удалось высчитать соотношение количества добывавшегося там золота и смертности заключенных, цену человеческой жизни в золоте (очень низкую).

Редлих, Роман «Сталинщина как духовный феномен». Франкфурт-на-Майне, Посев, 1971. Анализ феномена Сталина и его системы. Автор работы известный зарубежный русский философ и социолог, доктор философии Берлинского университета, один из идеологов российского солидаризма (НТС). «Советскому человеку, — пишет автор, — остается открытым

348

18. СССР — тоталитарное государство —

только ... путь изгнания самостоятельной мысли, фиктивного признания теории и фиктивной веры в догматы».

А.И.Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ» в любом издании, а также его романы «В круге первом», «Раковый корпус» и повесть «Один день Ивана Денисовича». Комментарии излишни. А для тех, кто не помнит советское время или не замечал его машину террора, все книги Солженицына открывают суть коммунистической власти.

Tucker, Robert, ed. *Stalinism: Essays in Historical Interpretation*. N. Y., Norton, 1977. Составитель и редактор сборника — профессор Принстонского университета, бывший американский дипломат в Москве в годы дружбы с СССР, так и не сумел избавиться за последующие годы от симпатий к советской власти. Он⁸ и большинство участников сборника разделяют линию советской историографии после 1956 года, то есть все зло советской системы сваливается на Сталина, причем обеляются Ленин, Бухарин, Зиновьев, Троцкий и пр. В сборнике решительно не согласен с таким толкованием выдающийся польский философ и марксолог Лешек Колаковский, который в своей статье в сборнике, а еще гораздо глубже в своем трехтомнике о марксизме, видит источник зла и террора в основах марксизма.

Ulam, Adam *Stalin, the Man and His Era*. N. Y., The Viking Press, 1973. Личная и политическая биография Сталина. Солидный труд. Автор — мастер пера и стилистики, книга читается легко и с интересом. Улам ни в коем случае не преуменьшает сталинский террор и бесчеловечность, но в книге проскальзывают остатки симпатий Улама к большевистским революционерам, остатки из его юности, когда сам был левым социалистом или даже коммунистом в довоенной Польше.

Fainsod, Merle *Smolensk under Soviet Rule*. N. Y., Vintage Books, 1963. Страшная книга по архивным документам Смоленского областного НКВД, которые местные органы не успели уничтожить при стремительном наступлении немцев в 1941 году. Архив попал в руки немцев, а после войны — американцев. Был перевезен в библиотеку Гарвардского университета, где находится по сей день. В этих документах уж

действительно

См. его книги о Сталине и Ленине.

— 18. СССР — тоталитарное государство —

349

террор «без прикрас и умолчаний». Книга издана в России на русском языке (кажется, в сокращении). Schapiro, Leonard *The Communist Party of the Soviet Union*. Cambridge University Press, 1970. Детальная история КПСС от зарождения и I съезда РСДРП в Минске до 1966 года. С богатой библиографией и диаграммами структуры администрации Компартии. Книга настолько насыщена фактами, их анализом и разъяснениями, что читается трудно. Но это необходимый справочник для любого историка или политолога Советского Союза. Существует русский перевод.

Глава 19

Советский марксистско-ленинский тоталитаризм и религия

«Коммунизм начинается ... с атеизма».

Карл Маркс.

Говоря о марксистско-ленинской форме государственности, необходимо уделить гораздо больше внимания месту и положению религии, чем в главах об иных формах тоталитаризма, поскольку только марксистская форма тоталитаризма ставит уничтожение религии условием *sine qua non* строительства социализма, не говоря уже о его финальной стадии — коммунизме. К этому следует добавить, что самой последовательной и полной моделью тоталитаризма, несомненно, является марксистская версия, именно потому, что в ее идеологии, помимо тех аспектов, которые характерны для всех тоталитаристских устремлений, заложены такие цели как: полное уничтожение религии и частной собственности и создание нового коммунистического человека, чуждого частновладельческих и индивидуалистических инстинктов. Иными словами, в основе своей последовательный марксизм объявляет войну естественным характерным чертам и потребностям личности. В самом замысле марксизма человек лишается даже тех уголков частной жизни, которые оставляют ему нацизм и фашизм. Апологеты марксизма и всевозможные марксистские ревизионисты, особенно на Западе, в своих попытках обелить Маркса, изобразить его неким гуманистом, преступления советского тоталитаризма приписывают лично Сталину или Ленину, или наконец особенностям русского характера и русской истории. Но еще в первых главах мы приводили убедительные доводы того, что

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

351

тоталитаризм это искаженная или изнасилованная демократия, а не монархия. Поэтому не случайно идеи современного тоталитаризма или тоталитарной демократии появились на Западе — в наиболее разработанной форме во Франции и Германии, как мы видели, а не в монархической России. Однако на Западе, особенно в Великобритании и Франции, противобесом тоталитарным учениям являются глубокие правовые начала и разработки по теории права такими мыслителями, как, например, Локк в Англии, Монтескье во Франции. В России же ничего подобного не было. Правовое начало в традиции русской мысли занимало весьма скромное место и еще скромнее оно в общественном сознании — как подчеркивают авторы сборника «Вехи». Правовые начала и традиции плюрализма являются важным противобесом тоталитаризму, защитником своих обществ от полного торжества тоталитаризма, даже там, где он временно появляется, например, в Италии времен Муссолини или Франции Петена. Как мы видели, правовые традиции и институты в некоторой степени ограничивали даже гитлеровский тоталитаризм.

В России же этого противовеса почти не было. Систематическое внедрение правового начала, независимых судов восходит лишь к эпохе Великих реформ Александра II. Однако до последних дней монархии произвольные права полиции противостояли полному торжеству правового начала в российском обществе. Поэтому не случайно насадить и особенно укрепить тоталитаризм на практике в России оказалось проще, чем в странах с либерально-правовыми традициями, и из-за слабости правовой традиции марксистско-российский тоталитаризм пустил в России гораздо более глубокие корни, чем в так называемых «народных демократиях», за исключением Албании и, быть может, Румынии, в которой произошел переход от довоенного полутоталитаризма фашистского типа к тоталитаризму коммунистического образца. Отчасти подобный путь прошла Венгрия и Восточная Германия

(ГДР).

Но вернемся к России.

Среди западных апологетов марксизма и всевозможных неомарксистов распространено мнение, согласно которому воинственный атеизм, гонения на религию исходят от Лени-

352

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

на и его ревизии марксизма, а не от самого Маркса. Но вот цитата из Маркса в переводе с английского¹:

«Когда политическое государство придет к власти насильственным путем в качестве политического государства ... это государство может и должно приступить к ликвидации религии, к уничтожению религии»².

Таких цитат, полных ненависти и желчи по отношению к религии, ко всякой вере в Бога, раскидано в писаниях Маркса во множестве. Причем самые радикальные антирелигиозные высказывания относятся к более юному Марксу, к тому периоду, который неомарксисты называют гуманизмом Маркса. В последние десятилетия своей деятельности Маркс окончательно погружается в теории материалистического и экономического детерминизма, из чего делает вывод, что религия отомрет сама по себе, коль скоро будет разрушено капиталистическое общество и построено общество бесклассовое. Это совсем не означало примирения с религией. До конца дней своих Маркс и Энгельс считали религию злом, околпачиванием темных масс эксплуататорами. Но, поскольку Маркс пришел к заключению, что она отомрет сама по себе в вышеупомянутых условиях, он теперь стоял лишь за полное отделение церкви от государства — остальное, мол, доделают новые экономические условия, которые согласно Марксу определяют все стороны общественной и государственной жизни и развития, в том числе и духовной культуры.

Таким образом, после прихода к власти, большевики имели выбор принять ли на вооружение радикально-насильственные методы борьбы с религией молодого Маркса или

Тут приводятся цитаты из моего англоязычного трехтомника *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer*, vol. I — *A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet Antireligious Policies*.

Первоначально они были взяты из русскоязычных источников, например «Вопросы научного атеизма» в курсе «Истории КПСС».

См. также: Padover, Saul, ed. & trans. *Karl Marx on Religion*. N. Y., McGraw Hill, 1974. Всюду, где не обозначено, что курсив автора, таковой означает, что материал был выделен или подчеркнут в подлиннике.

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

353

пойти по пути Маркса эпохи написания им «Капитала» — отделения церкви от государства в расчете на ее самоисчезновение. Как мы знаем, первоначально Ленин встал на этот последний путь, приняв декрет 20 или 23 января (по старому стилю) 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от Церкви». Однако отделением в обычном понимании этого слова оно не было. Церковь отделена от государства в большинстве современных демократических стран. Но повсюду, даже в фашистских государствах, как мы видели, церковь признается юридическим лицом с правом владения недвижимостью, храмами, благотворительными учреждениями, обладания своей сетью школ, как общеобразовательных, так и специально богословских. Всего этого церковь была лишена указанным ленинским декретом, которому предшествовал ряд ограничительных мер против церкви, проводившихся как бы на подступах к декрету от 20 января. Так, уже на другой день после захвата власти, 26 октября по старому стилю (8 ноября — по новому), выпускается «Декрет о земле», по которому церковь лишается всех своих земельных угодий, а, как известно, главным источником существования сельского духовенства были земельные наделы, имевшиеся при каждом сельском приходе. За декретом от 26 октября следует декрет «О земельных комитетах» 4 (17) декабря, по которому все сельскохозяйственные земли, «включая и все церковные и монастырские» отбирались государством. 11(24) декабря публикуется декрет о передаче всех церковных школ в Нарком просвещения, то есть лишение церкви всех семинарий, академий, училищ и всего их имущества. 18 (31) декабря аннулируется законность церковного брака и вводится брак гражданский. По декрету от 20 января 1918 года, церковь как учреждение или общественная организация перестала существовать. Вместо этого признавались лишь группы мирян, которые имели право объединяться для совместной молитвы и заключать договор с представителями местной советской власти на «бесплатную» аренду у государства молитвенного помещения. Враз церковь лишалась и храмов, и домов для проживания духовенства, и семинарий, и всех денежных средств, находившихся на церковных счетах в банках.

354

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

В это время еще заседал Великий Московский Поместный собор, который посмел опротестовать

«Декрет об отделении церкви от государства...». От собора была направлена высокая делегация в Кремль, где ее успокоили, пообещав, что представители Церкви будут приглашены в Кремль на доработку декрета к удовлетворению обеих сторон. На самом деле и тут церковь была обманута: во второй половине 1918 года началась ликвидация-национализация церковного имущества без каких-либо представителей церкви. Правда, благодаря затянувшейся Гражданской войне отнятие и ликвидация церковного имущества, закрытие семинарий и духовных академий несколько затянулись: последние духовные школы были закрыты к 1922 году. Тем не менее можно смело сказать, что, проводя в жизнь этот декрет, Ленин следовал учению зрелого Маркса о зависимости церкви (как и всех отраслей нематериальной культуры согласно учению Маркса—Энгельса) от классово-экономических условий в стране и о том, что при изменении этих условий религия сама отомрет.

В течение Гражданской войны новоизбранный патриарх Тихон и руководимый им собор пытались соблюдать политический нейтралитет³, сохраняя за собой право нравственного суда о происходящем. Еще во время восстания юнкеров в ноябре 1917 года собор обращается к обеим воюющим сторонам с призывом милосердия и прощения, принимает решение об отпевании жертв обеих сторон и остается верным этой позиции в течение всей Гражданской войны. Но это не означало, что Церковь закрывала глаза на происходящее. Сохраняя за собой право *печалования*, патриарх 19 января 1918 года публикует «Послание к православному народу», призывая его ответить на гонения организацией православных братств и союзов защиты Церкви⁴. Это же послание объявляет анафе-

³ Естественно, было немало антибольшевистских выступлений отдельных членов собора, настроенных воинственно, настаивавших на активном участии Церкви в противостоянии большевистскому режиму, но в целом собор такую стратегию не поддерживал.

⁴ Поскольку послание патриарха на сутки опередило ленинский декрет и на четверо суток его опубликование, у читателя

19. Советский тоталитаризм и религия —

355

му тем по крещению православным, кто проливает невинную кровь и преследует за веру в Бога⁵. К первой годовщине Октябрьского переворота патриарх Тихон обращается с письмом к Ленину, призывая его отметить эту годовщину прекращением кровопролития, прекращением гонений за веру и дарованием стране подлинной свободы. Ленин публикует это письмо, придавая ему значение Соборного послания, за что, в частности, позднее арестованный патриарх будет обвиняться в политиканстве и враждебности к власти. В «Послании к русскому народу» в июле 1919 года патриарх осуждает еврейские погромы, которые он называет «ужасом избиения племени». Кстати, это послание косвенно опровергает широко распространенное мнение, что послание от 19 января 1918 года было «анафемой большевикам», ибо погромы во время Гражданской войны устраивались и белыми, и петлюровцами. Следовательно, в январском послании 1918 года патриарх выступал против террора и кровопролития вообще, от кого бы они не исходили. Решительно отказавшись дать даже тайное благословение белой борьбе (через тайного посланника Деникина, князя Григория Трубецкого), патриарх еще может сложиться впечатление, что патриарх чуть ли не спровоцировал такую жесткую реакцию Ленина. Но это не так. В конце декабря 1917 года по старому стилю в советской печати были опубликованы тезисы будущего декрета, подписанного 20 января 1918 года. Кстати, митрополит Петроградский Вениамин по поводу этих тезисов отправил Ленину письмо 28 декабря 1917 года по старому стилю (10 января по новому стилю), протестуя и предупреждая, что декрет такого содержания приведет к пролитию невинной крови. Так что и «Указ» патриарха на самом деле был реакцией на ленинский «Декрет». Некоторые западные авторы обвиняют патриарха Тихона в том, что он призвал верующих взяться за оружие и таким образом виновен в разжигании кровопролития. Но в «Послании» определенно говорится о христианском покаянии, а не насилии: «...архипастыри, пастыри, сыны мои и дочери во Христе: спешите с проповедью покаяния, с призывом к прекращению братоубийственных распрей ... устройте духовные союзы ... которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления...».

356

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

раз показал свое отрицательное отношение к братоубийственной войне и подтвердил это своим «Указом» от 8 октября 1919 года. Указ запрещал духовенству демонстративно приветствовать Белую армию, требовал от духовенства политического нейтралитета и провозглашал гражданскую лояльность советской власти (хотя в это время белые еще успешно наступали, и их прихода в Москву ждали со дня

на день). Поскольку новая власть отделила церковь от государства, говорилось в «Указе», церковь не несет более ответственности за политические взгляды своего духовенства.

В эпоху Военного коммунизма 1918—1921 годов духовенство было отнесено к категории лишенцев, которые либо вообще не получали продуктовых пайков, либо их размер был столь мизерным, что привел бы духовенство к поголовному вымиранию, если бы не помощь тех самых союзов верующих, к созданию которых патриарх призывал в январе 1918 года. Такие союзы возникли во всех больших городах, а в Петрограде и Москве, например, в них состояло примерно по 70 тысяч мирян, то есть менее 5% населения столиц. Как мы уже сказали, эти союзы дали возможность духовенству выжить в годы Военного коммунизма и голода 1921-1922 годов, но пропорция активистов православных союзов по отношению к номинально православному населению страны была слишком мала, чтобы как-то серьезно повлиять на политику большевиков.

К категории лишенцев были отнесены и все представители дореволюционных правящих классов, государственные чиновники, купцы, промышленники — за исключением тех, кто переметнулся на сторону большевиков, вступил в партию. За это все категории лишенцев, включая духовенство, подлежали трудовой мобилизации. Так, в любой момент по прихоти властей 70-летний священник, например, отправлялся на лесоповал на несколько месяцев. Кроме того, все лишенцы должны были платить особые дополнительные налоги за неголосование и неслужение в армии. Такое положение оставалось в силе до отмены этой категории Сталиным в его Конституции 1936 года.

Что касается советской церковной политики, то следующим актом насилия по отношению к церкви с фактическим

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

357

нарушением «Декрета об отделении церкви от государства» был декрет 1919 года о насильственном вскрытии мощей, что вызвало немало волнений и сопротивления верующих. Помимо антицерковных декретов, которые, конечно, «развязывали руки» воинствующим безбожникам, террор против духовенства и верующих носил в эпоху Военного коммунизма характер инициативы местных отделений ЧК и командиров Красной армии. К 1921 году насчитывалось уже более 12 тысяч мирян, погибших за защиту Церкви, несколько тысяч человек из приходского духовенства и монашествующих и 28 архиереев. Атаку на религию в эпоху Гражданской войны Емельян Ярославский (Миней Губельман), будущий создатель и глава *Союза воинствующих безбожников*, назвал временем «бури и натиска». Однако к 1920 году Ленин очевидно теряет надежду на то, что лишение церкви материальной базы приведет к ее быстрому исчезновению. Своему «эксперту» по вопросам религии В. Д. Бонч-Бруевичу он говорит, что процесс создания *нового советского человека*, то есть активного безбожника, беспрекословно преданного партии, займет многие годы. В том же 1920 году принимается решение централизовать борьбу с религией. В аппарате ЦК создается *Отдел пропаганды и агитации (Агитпроп)*, которому поручается также и руководство антирелигиозной деятельностью и ее координация в соответствии с пунктом 13 *Программы РКП(б)*, в котором говорится:

«РКП не может удовлетвориться лишь декларацией отделения церкви от государства ... Цель партии — полностью ликвидировать связи между эксплуататорскими классами и ... религиозной пропагандой, одновременно содействуя подлинному освобождению рабочего класса от религиозных предрассудков и организовывая самое широкие антирелигиозные просвещение и пропаганду. В то же время необходимо всячески избегать оскорбления чувств верующих, которое может только содействовать росту религиозного фанатизма».

Еще через год, в 1921 году, в «строго секретных» документах VIII, так называемого «Ликвидационного», отдела ЦК признается факт значительного увеличения числа молящих-

358

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

ся как в Православной церкви, так и у сектантов. X съезд партии, собравшийся в условиях Кронштадтского и Антоновского восстаний, когда жизнь в Петрограде и в ряде других городов была фактически парализована рабочими беспорядками и забастовками, в этих чрезвычайных условиях принимает постановления не только «О единстве партии» и «О Новой экономической политике», но и «О Главполитпросвете и пропагандно-агитационных проблемах партии». Это последнее постановление призывает к широкомасштабной организации, руководству и согласованию в деле антирелигиозной агитации и пропаганды среди широких масс рабочих, используя в этих целях кинематограф, книги, лекции и пр. Первым главой Главполитпросвета становится Надежда Крупская.

Всего через 5 месяцев после X съезда Центральный комитет компартии выпускает инструкцию из 11 пунктов о дифференцированном толковании и применении 13-й статьи Программы. В этих пунктах разъяснялось, что категорическое требование атеизма от

вступающего в партию относится к людям с образованием. Что касается темных рабочих и крестьян, то в отдельных случаях может приниматься в партию и человек, не порвавший с религией, если своим участием в революционной борьбе за революцию в самые опасные моменты этой борьбы он доказал свою преданность коммунизму. В тех же пунктах категорически отвергается возможность вступления в партию духовных лиц любой религии. Так именно с началом НЭПа начинается **второй** этап советской антирелигиозной политики после фактического признания в 1921 году провала предсказанного Марксом отмирания религии с лишением ее материальной базы. Новая антирелигиозная политика строилась на принципе «разделяй и властвуй»: в отношении Православной церкви в марте 1922 года принимается проект Троцкого об использовании левой оппозиции внутри Православной церкви, выделении ее из состава церкви патриаршей и создание из нее движения Обновленчества. Первоначально Ленин был против ареста патриарха Тихона, опасаясь, что ореол его мученичества укрепит Церковь. Троцкий настоял на аресте и обвинении патриарха в кровопролитии, вызванным якобы тем, что пат-

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

359

риарх выступил против изъятия в пользу голодающих тех церковных предметов, которые используются в таинствах в алтаре". Согласно Троцкому⁷ арест патриарха Тихона был необходим, так как из-за канонических правил до тех пор, пока патриарх стоит во главе Церкви, многие представители духовенства, даже просоветски настроенные, не решатся порвать с каноническим священноначалием. Интересно, что Троцкий считал, что Обновленческое церковное движение станет в дальнейшем более опасным, чем традиционная патриаршая церковь, так как обновленчество будет динамичнее откликаться на веяния века и скорее привлечет в свои ряды городской пролетариат. Поэтому он рекомендовал сначала использовать обновленцев, чтобы разрушить основную Церковь, а затем спровоцировать расколы у обновленцев и столкнуть «лбами» все течения на соборе, который-де станет последним.

Хотя в Церкви давно уже были различные течения — от реформизма разных степеней радикальности до крайнего консерватизма, — раскола как такового не было, если не считать мятежей местного значения, связанных с такими именами, как Илиодор или Владимир Путята. Но на этом этапе, когда власть пыталась убедить, что она преследует не религии, а контрреволюционеров, и в соответствии с этим вела благосклонную политику по отношению к сектантам и вообще религиям, которые в царское время подвергались различным степеням ограничений, чтобы доказать, что она не преследует и православие, власти нужна была альтернативная православная церковная организация, не только совершенно лояльная по отношению к советской власти, но и активно поддерживающая ее социально-политический курс. Изобретателем этой идеи был Ленин. В своем «строго секретном» письме Молотову от 19 марта 1922 года об изъятии церковных ценностей Ленин предлагает сделать ставку на священ-

⁶ Подробности см.: Н.Н.Покровский, С.Г.Петров, ред. «Политбюро и Церковь, 1922-1925», кн. 1. Новосибирск, 1997; а также: Д. В.Поспеловский «Реформы, Обновленчество и патриарх Тихон», в *Церковь и время*, № 6, 1999.

⁷ См.: «Политбюро и Церковь», кн. 1.

360

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

пиков, сочувствующих изъятию. Он рекомендует Политбюро немедленно разработать детали его плана. И вот 20 марта Политбюро принимает решение «внести раскол в духовенство, ... взяв под защиту тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия». Вот из них-то Троцкий и «создает» альтернативную «Православную» церковь. Как всегда, Троцкий оказался слишком самонадеянным и преуменьшил значение веры в жизни человека. Он, например, писал, что крестьяне ходят в церковь от скуки сельской жизни. Если им дать кинематограф, то в церковь ходить перестанут. Так и здесь. Собор обновленцев, как известно, состоялся в апреле-мае 1923 года, но вместо углубления раскола между обновленческими фракциями (Живая церковь, Древлеапостольская церковь и т. д.), надо было создавать единое общее ВЦУ, так как Патриаршая церковь (так называемые «тихоновцы») не распалась даже

после ареста патриарха, а когда в июне патриарх неожиданно был выпущен из заключения, подписав заявление о своей полной лояльности советской власти, возвращение духовенства из обновленчества под патриарший омофор стало лавинообразным. Не произошло «столкновения лбами» и на Соборе 1925 года, поскольку митрополит Петр (Полянский), возглавивший Церковь после смерти патриарха Тихона весной 1925 года в звании патриаршего местоблюстителя, запретил своему духовенству и мирянам участвовать в нем, хотя обновленцы и приглашали «тихоновцев» якобы с целью воссоединения. «Тихоновцы» поголовно исполнили указание своего архипастыря. Все, что обновленцы смогли сделать, это лживо обвинить митрополита Петра в участии якобы совместно с белоэмигрантами в антисоветском заговоре. По этому ложному обвинению митрополит был арестован и двенадцатью годами позже расстрелян в одной из заполярных сибирских тюрем. ОГПУ-НКВД не могли простить ему провал своей затеи. В условиях продолжающего дезертирства обновленцев к «тихоновцам» раскол внутри обновленчества, тем более на «объединительном» соборе, был бы контрпродуктивным.

По отношению к Патриаршей православной церкви политика эпохи НЭПа была репрессивно-выжидательной. В отличие от обновленчества, сектантов, мусульман, буддистов

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

361

и пр., получивших правительственную регистрацию и, таким образом, существовавшим легально, что давало им ограниченное право открытия духовно-пастырских школ разных уровней, издания какой-то периодики, патриаршая церковь лишена была всех этих возможностей, не имея до 1927 года государственной регистрации своих руководящих органов. Власти требовали от Церкви декларации полной лояльности как условия регистрации ее государством. И в правление патриарха Тихона, и в кратковременное правление местоблюстителя Петра, а после его ареста — заместителя местоблюстителя митрополита Сергия, властям подавалось несколько проектов таких деклараций, но советское правительство, а на практике — ЦК ВКП(б) через 6-й отдел ОГПУ, возглавлявшийся Евгением Тучковым, отвергало один проект за другим. От самой большой Церкви, а потому наиболее опасной с большевистской точки зрения, власти хотели добиться полного самоуничтожения и раболепства. Этого им в конце концов удалось добиться в 1927 году от митрополита Сергия после очередного, четвертого по счету, ареста. В этой декларации, вокруг которой до сих пор бушуют страсти, митрополит сдал все позиции, благодарил советскую власть за «доброе» отношение к церкви, отрицал какие-либо факты давления на церковь, а тем паче, гонений, в то время как в тюрьмах и ссылках находилось более сотни архиереев и несколько тысяч священников и монашествующих, требовал декларации лояльности от эмигрантского духовенства. Только после этого Синод основной Православной церкви был зарегистрирован, но только синод, не епархии и не архиереи. Таким образом, иерархическая структура церкви оставалась вне закона.

Тут интересно заметить, что после судов и множества расстрелов духовенства в 1922 году, обвиненного в сопротивлении изъятию церковных ценностей и в подстрекательстве к неповиновению властям, в течение дальнейших лет НЭПа духовенство всех рангов отправлялось в лагеря и ссылки административно, а не по приговорам гласного суда, что свидетельствует об отсутствии нарушения ими каких-либо статей даже такого растяжимого советского уголовного кодекса. Арестовывали наиболее популярных священников и епископов — проповедников, просветителей и миссионеров, чтобы

362

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

обезглавить Церковь. Административная ссылка не могла длиться более трех лет. Так что очень часто, особенно в отношении архиереев, отбывший срок тут же, по возвращении домой, снова арестовывался и отправлялся в новую трехлетнюю ссылку. Вернувшихся из ссылки епископов на кафедры, куда их назначал патриарх Тихон и его преемники, как правило, власти не отпускали из Москвы, так что, как говорили в России в те годы, Обновленческая церковь была администрацией без церковного народа, а Патриаршая — церковным народом без администрации.

Вот в таких условиях невозможности управлять Церковью Сергей и подписал свою злополучную декларацию, надеясь, как он писал об этом своим архиереям, что легализация даст возможность

вернуть духовенство из лагерей и ссылок, возродить богословские учебные заведения, издавать церковную литературу. Ведь на дворе стоял еще НЭП, и такими возможностями еще пользовались другие религии, и Сергей надеялся получить те же права, что были, например, у баптистов. Но менее чем через два года началась ликвидация НЭПа, а с ним и частного предпринимательства, к статусу которого была приравнена церковь.

О 1929 годе можно говорить как о начале 3-го этапа советской антирелигиозной политики.

Началось массовое закрытие церквей, особенно сельских, где духовенство, облагавшееся денежными и продуктовыми налогами, которые оно было бы не в силах вносить без помощи зажиточных крестьян. С ликвидацией частновладельческого крестьянства этот источник иссякал. За неуплату налогов, которые в 1930-е годы могли превышать годовой доход священнослужителя, поскольку, помимо основных налогов с духовенства как лишенцев, полагались налоги за неслужение в Красной армии,⁹ «самообложение» на сельхозмеханизацию и т. д.,¹⁰ десятки тысячи священнослужителей были отправлены в концлагеря, по обвинению в саботаже пятилеток и попытках их срыва. По мере

" Лишенцы и их дети не имели права служить в Красной армии, и за это же штрафовались.

⁹ См.: подсчеты налогов в моей книге «Русская православная церковь в XX веке». М., Республика, 1995.

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

363

углубления террора в 1930-х годах многие тысячи священно-и церковнослужителей были расстреляны по ложным обвинениям в шпионаже то в пользу Японии, то в пользу Польши или Англии.¹⁰ Что касается мирян, погибших за исповедание веры в Бога, то число их подсчитать вообще невозможно, поскольку не было в уголовном кодексе статьи наказаний за веру в Бога. Верующих сажали и расстреливали за антисоветскую агитацию, за экономический саботаж (например, неявка на работу в дни главных религиозных праздников) и пр. Вот выписка из рапорта епископа Ижевского Синезия патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому): «Священники задавлены непосильными обложениями ... задушены принудительными работами ... обложение производится мясом, льном, маслом, яйцами, живностью, дичью ... денежные взыскания: сельхозналог, на индустриализацию, облигации госзаймов, на приобретение инвентаря, тракторизацию, самообложение и пр. За невыполнение в срок, часто исчисляемый часами, — опись имущества, выселение из домов, отдача под суд, ссылка и пр. Все духовенство, безотносительно к возрасту и здоровью, мобилизуется на лесозаго-

¹⁰ Цифра 200 тысяч священнослужителей, расстрелянных и замученных в советских ссылках, концлагерях и застенках, официально опубликованная российским правительством, по-видимому, включает в себя монашество и церковнослужителей (дьячков, чтецов, церковных старост и т. д.), ибо даже до революции священников, диаконов и епископов в России было около 50 тысяч. Даже если допустить, что религиозное возрождение в городах, особенно среди интеллигенции, начала 1920-х годов могло привести к некоторому временному росту рукоположений, то уже к концу 1920-х начинается спад как результат отсутствия семинарий, сумятицы в Церкви из-за расколов, перспективы нищенства и гонений, а в 1930-е годы рукополагаются уже единицы. В «Русской православной церкви в XX веке» я предлагал определить число погибших священнослужителей примерно в 40 тысяч. Если к этому прибавить почти поголовное уничтожение монашества — а его до революции было почти 100 тысяч, — плюс церковнослужителей, которых даже в сельских храмах обычно приходилось не менее 2-х человек на одного священника, то и получится общая цифра около 200 тысяч.

364

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

тонки, без оплаты труда». Сам епископ при получаемом им содержании в 120 рублей в месяц обложен налогами на общую сумму в 10 703 рубля, каковую он должен уплатить в 2-дневный срок."

Закон от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» и Постановление НКВД от 1 октября 1929 года категорически запретили Православной церкви и всем иным религиозным организациям какую-либо, даже чисто молитвенную, деятельность вне церковных стен. В храмах же разрешалось только отправление богослужений. Запрещались какие-либо кружки самодеятельности, беседы, прогулки с церковной молодежью и пр. Священнослужителям запрещалось проживание в домах государственного или муниципального жилого фонда. Квартплата и прочие коммунальные услуги взимались с церквей и их служителей в размере, в 2—4 раза превышавшем нормальные государственные тарифы. Чтобы их жены и дети не лишались жилья, многие священники были вынуждены фиктивно разводиться со своим женами.

1929 год был также апогеем *Союза воинствующих безбожников* (СВБ). Зарождение этого союза относится к 1922 году, когда под редакцией члена ЦК Емельяна Ярославского (Миней Губельмана) начала издаваться еженедельная газета «Безбожник» и при ней сформировалось *Общество друзей газеты «Безбожник»*, переименованное в 1925 году в *Союз безбожников*. Уже I съезд в 1925 году СВБ требовал превратить безрелигиозную школу в антирелигиозную, очистить ее от верующих учителей и заменить убежденными атеистами. Но устами Луначарского Союзу было отвечено, что в таком случае школа останется без 30—40% педагогов. Вопрос завис в воздухе до II и последнего съезда СВБ в 1929 году, на котором «Союз безбожников» переименовывается в «Союз воинствующих безбожников», и требование изгнания из школ верующих учителей и превращения школы в воинственно-атеистическую является главной резолюцией съезда. Но официально СВБ был негосударственной общественной организацией, так что его постановления, казалось бы, не имели никакой юридической силы. На самом деле создание СВБ было инспирировано

¹¹ Указ, ист., с. 159.

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

365

Отделом пропаганды и агитации ЦК, членом которого являлся председатель Центрального совета СВБ Ярославский. Иллюстрацией реальной власти СВБ в те годы является реакция представителя *Главнауки* на критику со стороны СВБ за недостаточно активную борьбу с религией. Он **оправдывается**, говоря, что за последние годы количество храмов и монастырей, охраняемых как памятники архитектуры и искусства, сократилось с семи тысяч до одной. Если мы взглянем на документы Антирелигиозной комиссии ЦК, то увидим в ее постановлениях требования создать ячейки СВБ в армии, школе, комсомоле, и чтобы повсюду обкомы и партячейки поддерживали и помогали СВБ. Но вот после II съезда СВБ начало твориться что-то, казалось бы, непонятное. Если в 1922 году членов СВБ было всего 87 тысяч, то в 1929 году СВБ хвастает полумиллионом членов и обещает к 1932 вырасти до 17 миллионов. В 1930 году II пленум ЦС СВБ принимает постановление о 5-летнем плане уничтожения религии в стране. Но в 1932 году число членов СВБ вместо 17 миллионов лишь немногим более 5,7 миллиона — и это его максимум. Затем число его членов резко уменьшается. В 1937—1938 годах не издается даже «Безбожник». Затем газета снова появляется, численность СВБ к 1941 году достигает 3,5 миллионов, а с началом войны СВБ *de facto* прекращает свое существование.¹² Спрашивается, почему в самый разгар уничтожения Сталиным **видимой** религии (духовенства, храмов) СВБ чахнет, а не развивается? Потому, что Союз — порождение эпохи НЭПа, когда в обществе допускался относительный плюрализм, и такая организация, как СВБ, организация апробированных хулиганов, могла существовать под видом неза-нисимого общественного объединения, за поведение членов которого правительство ответственности не несло. Когда же началось уничтожение религии подчистую, то никакие «общественные» организации уже нужны не были. Кстати, кровавая чистка партии и комсомола 1937-1939 годов не миновала

" Кстественно, все эти миллионные цифры — колоссальное преувеличение. Антирелигиозная пресса тех лет постоянно жалуется на дутые цифры, на то, что в таком-то городе числится несколько сот членов, а членские взносы вносят десятки, ;\ на антирелигиозные акции приходят единицы...

366

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

ла и СВБ, особенно его Московский комитет, который в своем антирелигиозном максимализме стоял в оппозиции к аппаратчику и оппортунисту Ярославскому.¹³

Вскоре после немецкого нападения на СССР прекратилось издание «Безбожника», прекратилась и деятельность СВБ, основатель которого, Ярославский, умер в 1943 году. Перед смертью он успел «перекраситься»: последние его статьи были о Достоевском и о сопротивлении христиан нацизму как в Советском Союзе, так и в Германии, и в странах, оккупированных немцами.

Отбой самым крайним формам антирелигиозной пропаганды, однако, начался уже по крайней мере с конца 1939 года. Присоединив Западные Украину и Белоруссию в сентябре 1939 года, а затем Прибалтику, часть Карелии и Бессарабию в 1940 году, надо было на первых порах считаться с существовавшими там каноническими организованными церковными структурами. Да тут еще и большой войной пахнет. И засекреченная перепись 1937 года опрокинула все расчеты на быстрое уничтожение религии. До того советская пропаганда утверждала, что количество храмов сокращается пропорционально сокращению числа верующих. А тут оказалось, что верующих в стране более 50% населения! И вот в советской печати появляются статьи (в том числе того же Ярославского), что нельзя смешивать религиозную идеологию с конкретными верующими. Религия остается врагом марксизма, но подавляющее большинство верующих — лояльные советские граждане, патриоты, и недопустимо их

оскорблять или считать неполноценными гражданами. Однако такое «великодушие» появилось на фоне уже почти полностью уничтоженной церкви. По внутренним данным НКВД на 1941 год на территории всего СССР оставался 3021 действующий право-

^{1: <} Формально, особенно после полученных им секретных данных ликвидированной Сталиным переписи 1937 года, Ярославский выступал за борьбу с религией, избегая личных оскорблений верующих, и за внедрение в массы диалектического материализма вместо религии. Его московские противники настаивали на борьбе с религией как классовым врагом и упрекали Ярославского, что он превращает марксизм в религию.

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

367

славный храм, из коих почти 3 тысячи находились на недавно присоединенных западных территориях, так что в границах СССР на сентябрь 1939 года действовало не более одной или двух сотен храмов. Как известно, после нападения немцев на Советский Союз Местоблюститель митрополит Сергей занял патриотическую позицию и в первый же день войны, в воскресенье 22 июня, в день *Всех святых, в земле Российской просиявших*, призвал всех православных встать на защиту Родины. Церковь активно участвовала в сборе пожертвований на войну, патриотические призывы митрополита Сергея распространялись с советских самолетов по ту сторону фронта. Однако Сталин не спешил навстречу церкви. Только 4 сентября 1943 года наконец он вызвал к себе в Кремль трех оставшихся на своих кафедрах митрополитов и в устных переговорах разрешил созыв собора, избрание патриарха, формирование Синода и открытие семинарий и духовных академий. Встреча была вызвана необходимостью для Сталина убедить западных союзников в веротерпимости советского правительства на предстоявшей Тегеранской конференции, на которой главным вопросом было открытие Второго фронта, а также хоть как-то ответить на массовое открытие церквей на территориях, оккупированных врагом, поскольку началось наступление советских войск на Запад, и надо было притушить волнение населения западных областей СССР, а тем более восточноевропейских стран по поводу советской религиозной политики. Смягчение антирелигиозной политики ни в коей мере не означало смены или смягчения тоталитарной политики во всех остальных сферах жизни: концлагеря и тюрьмы были переполнены и во время войны, и после ее окончания, во всяком случае, до хрущевских амнистий и реабилитаций, начавшихся лишь в 1956 году. В заключении оставалось немало духовенства, особенно тех, которые отказались дать подписку о полной лояльности церковному курсу Сергея, избранному патриархом на скороспелом соборе 9 сентября 1943 года. На практике, однако, исполнение обещаний Сталина в отношении свободы церкви оказалось весьма куцым. Если на оккупированных территориях было открыто более 7 тысяч православных храмов и 29 монастырей, то на территориях,

368

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

никогда под власть оккупантов не попадавших, было открыто менее полутора тысяч храмов и один монастырь (Троице-Сергиева лавра). По архивам можно проследить, что даже в самые лучшие для Церкви годы, с 1944 по 1949, удовлетворялись ходатайства верующих об открытии храмов менее чем на 10 %. Что касается западных областей, то там уже с 1945 года началась так называемая «консолидация» монастырей — объединение нескольких монастырей в один, отнятие у них пахотных земель и огородов, а также «возвращение» колхозам под хозяйственные и прочие нужды тех храмов, что в 1930-х годах были отобраны у верующих, а во время немецкой оккупации им возвращены.

Во время войны Сталин понял, что в том униженном и обескровленном виде, в котором Церковь оказалась после неслыханных по тотальности гонений 1920-х и 1930-х годов, она может быть полезна советской власти на поле внешней политики. После войны и Сталин, и в еще большей мере Хрущев, использовали ее в разных международных форумах борьбы за мир и разоружение. Одним из замыслов Сталина при активном участии патриарха Алексия I было перенести центр православия из ее номинального центра в Константинополе в Москву. Была попытка созвать межправославный собор в Москве, но греки на это не пошли, утверждая, что созыв такого собора — прерогатива Вселенского патриарха в Константинополе. В результате вместо собора в 1949 году состоялась просто юбилейная конференция по случаю 500-летия автокефалии Русской православной церкви, на которую съехались главы православных стран, где у власти находились коммунисты. Сталин понял, что сфера влияния РПЦ за рубежом весьма ограничена, к тому же в разгаре уже была «Холодная война», и Сталин был занят внутренней консолидацией своего нового коммунистического блока — внешняя роль Церкви не имела больше серьезного значения для Сталина. Характерно, что после 1948 года церкви отказывают в открытии дополнительных семинарий, а с 1949 уже начинается постепенное, но непрерывное сокращение числа

действующих храмов и монастырей.

Новый удар был нанесен по всем вероисповеданиям Советского Союза уже при Хрущеве. Но больше всех снова, как

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

369

в 1920-е годы, пострадала Православная церковь. Численность ее действующих храмов сократилась между 1959 годом и отставкой Хрущева в октябре 1964 года примерно с 13,5 тысяч до 8 тысяч. Еще почти 1,5 тысячи было ликвидировано при его преемниках, когда уже не было такой шквальной атаки, но все-таки продолжался процесс закрытия. Между 1961 и 1965 годами было закрыто 5 из 8 семинарий, число монастырей было сокращено с примерно 60, оставшихся к концу 1950-х годов, до 17 к началу 1980-х. Чем было вызвано такое ожесточение Хрущева против Церкви? Прежде всего идеологией. В 1959 году на XXI съезде КПСС Хрущев объявил семилетний план развития, который должен был стать преддверием первой стадии строительства коммунизма. Строительство первой стадии коммунизма должно было, по принятой на XXII съезде КПСС в 1961 году Программе партии, завершиться в 1980 году. А как же с церквями? Ведь Маркс сказал, что коммунизм начинается с атеизма. Следовательно, пока действуют церкви, коммунизму не бывать. По Марксу они должны были исчезнуть с ликвидацией классового общества. Вот Хрущев и объявил о том, что на место пролетарской диктатуры пришло уже единое общенародное государство. А церкви все еще существуют. Так, Хрущев встал перед дилеммой, аналогичной той, с которой Ленин столкнулся в 1921 году — признаться, что все пророчества Маркса не осуществились, то есть признать, что никакой марксистской науки не существует. Как и для Ленина в 1921 году признание провала марксизма требовало отставки правящей партии и ее вождя. На это ни Ленин, ни Хрущев не решились. Ленин отсрочил развязку, введя НЭП. Хрущев отсрочил развязку, объявив вступление страны в коммунизм и всеобщее изобилие через 20 лет, и приступил, как он думал, к окончательной стадии уничтожения религии, обещая вскоре показать по телевидению последнего попа. Не получилось...

370

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

Аннотированная библиография

Н.Н.Покровский, акад., С.Г.Петров, проф., сост. «Политбюро и Церковь, 1922-1925», 2 т., в *Архивы Кремля*. М., Росспэн, 1997 и 1998. Открывают «тайну», что раскол Церкви в 1920-х годах задумывался и проектировался в Политбюро Троцким по распоряжению Ленина. Все документальные подробности в сборниках плюс блестящая обобщающая вступительная статья академика Покровского.

Дамаскин (Орловский), иеромонах «*Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия - жизнеописания и материалы к ним*», 2 т. Тверь, Булат, 1992 и 1995.

Автор собирал свидетельства о судьбе местных мучеников за веру, буквально исходив и изъездив всю Россию, собирая сведения у местных жителей. Поскольку прошли десятки лет со времени гибели или исчезновения лиц, упоминаемых в сборнике по устным «свидетельствам», неизбежно тут смешаны факты с легендами и фантазиями. К сожалению, автор не всегда смог отделить факты от мифов. Не сумел он и как-то упорядочить материалы. Следовательно, книга читается с трудом, и читателю трудно разобраться, что — истина, а что — домысел. Однако читатель почерпнет из книги общую картину жутких испытаний, через которые прошли сотни тысяч подвижников веры в СССР.

Davis, Nathaniel *A Long Walk to Church. A Contemporary History of Russian Orthodoxy*. Boulder, Col., Westview Press, 1995. Одна из лучших книг об РПЦ XX века из написанных иностранцами. Дэйвис много лет был дипломатом, послом США в СССР и иных странах. Человек глубоко верующий и проникшийся любовью к России. После трех кратких обзорных глав, касающихся советской церковной политики с 1917 года до смерти Сталина, Дэйвис сосредотачивается на хрущевском и постхрущевском периодах, оканчивая книгу 1991 годом.

Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский «Церковные расколы в Русской церкви 20-х—30-х годов». Сортавала, 1993. Кандидатская диссертация покойного ныне митрополита. Написана из рук вон плохо, а ее документальная сторона, бывшая весьма ценной до появления указанного выше двухтомника иеромонаха Дамаскина (Орловского), теперь устарела.

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

371

А.В.Карташев «Временное правительство и Русская церковь», И. А. Стратонов «Русская церковная смута, 1921—1931», Елев-ферий (Богоявленский), митрополит Литовский «Неделя в патриархии», в *Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии*. М., Крутицкое подворье, 1995. Материалы по истории РПЦ в XX веке в изложении русских зарубежных церковных историков. Если первые два очерка весьма профессиональны и ценны как для историков, так и для богословов, то очерк митрополита Елевферия интересен как личное наблюдение во время его недельного пребывания в Москве. Воочию видна

его политическая наивность.

«Известия ЦК КПСС», № 4, 1990, с. 190-197. Документы из парт-архивов по церковной политике Ленина, а именно его пресловутое особо секретное письмо Молотову 19 марта 1922 года с рекомендацией использовать голод и сопротивление верующих насильственному изъятию церковных святынь, чтобы развернуть кампанию и террор против Церкви и духовенства.

Corley, Felix *Religion in the Soviet Union. An Archival Reader*. London, Macmillan, 1996. Сборник документов по религиозным организациям и по советской церковной политике, собранных составителем сборника по центральным и периферийным архивохранилищам СНГ. Удобный справочник для журналиста. Но объять все архивы невозможно, да и многие до сих пор остаются недоступными для «простых смертных».

Левитин, Анатолий, Шавров, Вадим «Очерки по истории русской церковной смуты», 3 т. Kuesnacht, Schweiz, Glaube in der 2 Welt, 1978. Субъективное изложение истории и внутренней жизни Обновленческой церкви одним из ее бывших диаконов и активистов. В книге даны весьма красочные портреты многих иерархов и некоторых священников Обновленческого раскола. Вскоре после войны Левитин вернулся в РПЦ и в 1960-1970-х годах прославился своими бесстрашными памфлетами в самиздате в защиту Церкви и разоблачениями государственных гонений на веру и верующих при Хрущеве и Брежневле. Провел много лет в сталинских лагерях и брежневских тюрьмах. Был в конце 1970-х годов выслан за границу и умер в Швейцарии несколько лет назад. Книга сохраняет свою ценность как внутренний источник по обновленчеству.

372

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

Luukkanen, Arto *The Party of Unbelief. The Religious Policy of the Bolshevik Party, 1917-1929*. Helsinki, SI IS, 1994. Докторская диссертация молодого финского ученого и лютеранского пастора. В книге собрано много ценных документов и превосходная библиография. Но написана книга небрежно, со значительным количеством фактических ошибок и не всегда убедительным анализом.

Pospelovskiy, Dimitry *The Russian Church under the Soviet Regime: 1917— 1982*, 2 т. Crestwood, N. Y., St. Vladimir's Seminary Press, 1984. В книге использованы документы их западно-европейских и североамериканских архивохранилищ, а также материалы самиздата, письма из СССР разных периодов, свидетельства советских граждан, попавших или эмигрировавших на Запад в разные годы, и личные беседы с делегатами РПЦ на разных конференциях на Западе. Недостаток книги — недоступность советских архивов автору в годы ее написания.

Он же *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Reliever*, 3 т. London, Macmillan, 1987—1988. Т. 1 — история марксистско-ленинского атеизма и советская антирелигиозная политика в ее декларациях и постановлениях; т. 2 — антирелигиозные кампании, «деятельность» Союза воинствующих безбожников, издевательства над верующими и конкретные гонения; т. 3 — советское религиозоведение, верующие в советской литературе и реакция верующих на антирелигиозную политику. Недостаток этого труда тот же, что и вышеуказанного: недоступность советских архивов во время ее написания.

Он же «Православная церковь в истории Руси, России и СССР». Учебное пособие. М., изд-во Библейско-богословского института св. апостола Андрея, 1996. Это в основном компиляция и переработка лекций, прочитанных автором в учебных заведениях Северной Америки и России.

Ramet, Pedro, ed. *Religion and Nationalism in Soviet and East European Politics*. Durham, Duke University Press. Сборник научных докладов по теме «Религия, национализм и государственная политика по этим вопросам в Восточной Европе и СССР». Как все сборники такого рода, он «разнокачественен». В нем, однако, довольно верно отражено перерождение или вырождение марксизма-ленинизма в национал-коммунизм, иными словами, в разновидность фашизма и нацизма.

— 19. Советский тоталитаризм и религия —

373

Hosking, Geoffrey, ed. *Church, Nation and State in Russia and Ukraine*. Macmillan, 1991. Материалы научной конференции в Лондонском университете, посвященной 1000-летию крещения Руси. Материалы не равноценны, но в основном академический уровень был соблюден, некоторые материалы не устарели и сегодня. Это была, кажется, последняя конференция с участием Анатолия Эммаиуловича Левитина.

Husband, William *Godless Communists: Atheism and Society in Soviet Russia, 1917-1932*. Northern Illinois University Press, 2000. В какой-то степени автор перекликается с трехтомником По-спеловского, но, поскольку он ограничивается более кратким периодом и сосредотачивается на более узкой тематике, он более глубоко затрагивает такие вопросы, как вера и неверие в СССР, материализм и секуляризация общества, семья в атеистическом обществе и пр. Книга написана уже в условиях доступности архивных материалов — в этом его преимущество по сравнению с Пospelовским. Однако иногда автор доказывает, что «Волга впадает в Каспийское море», на 30 страницах рассуждая, например, что в СССР и России есть верующие, неверующие и атеисты.

Штриккер, Герд, ред.-сост. «Русская православная церковь в советское время (1917-1992)», 2т. М., ПроPILE, 1995. Как сказано на титульной странице, это «материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью». Превосходный сборник документов. Необходимая настольная книга для серьезного исследователя этой темы. В сухих документальных текстах представлена предельно полная картина трагедии.

Глава 20

Коминтерн и внешняя политика Советского Союза до вступления во Вторую мировую войну

«Мир невозможно купить, ибо тот, кто его продал, находится в выгодном положении, чтобы его перепродать».

Монтескье «Величие и упадок римлян».

Когда Ленин назначил Троцкого комиссаром иностранных дел (Коминдел) осенью 1917 года, Троцкий произнес свои крылатые слова: «Я выпущу несколько прокламаций и закрою лавочку». Эти слова перекликаются с изречением, приписываемым Ленину: «Мне Россия нужна как плацдарм мировой революции, что касается самой России, то на нее, господа хорошие, мне наплевать». Неважно, произносил ли Ленин конкретно эти слова или нет, его безграничный цинизм отражен хотя бы в приведенном в предыдущей главе секретном письме Молотову, в котором он озабочен не спасением голодающих, а использованием голода и средств, полученных от ограбления церковей, не для спасения людей, а для того, чтобы развернуть террор против духовенства и прочих «реакционеров». Заявление же Троцкого отражает, во-первых, революционный оптимизм того времени, ожидание чуть ли не немедленной мировой революции, а во-вторых, предвкушает всю двойственность советской внешней политики и дипломатии последующих десятилетий.

В 1919 году в Москве на свет появился III Интернационал, известный также под именем Коммунистический интернационал или Коминтерн - детище Ленина и Троцкого, которые в это время надеялись вполне серьезно, что мировая рево-

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР •

375

люция произойдет благодаря распространению Гражданской войны за пределы России, в Западную Европу. Такое развитие было бы единственным идеологическим оправданием большевистского переворота с марксистской точки зрения (и то с большой натяжкой).

Русская революция, равно как и факт предательства марксистского интернационализма почти всеми партиями II Интернационала¹, посеяли замешательство и разброд в социалистических и социал-демократических партиях Европы. В большинстве из них начались расколы на социал-демократов парламентского толка и революционеров. Ленин ставил ставку именно на эти радикальные части западного социализма, провоцируя расколы в социалистических партиях всюду, где только представлялся удобный случай. Например, в Итальянской социалистической партии, как мы уже говорили, Ленин учинил раскол, приняв послевоенные беспорядки, забастовки и местные мятежи за революционную ситуацию. Он приказал радикальному крылу расколоть Социалистическую партию и составить отдельную Коммунистическую партию Италии. Как показывает пример Италии, его мало беспокоило, что расколами он ослабляет социалистический голос в парламентах и лишает социалистов шанса победить на выборах, настраивает основную массу населения против не только коммунистов, но и вообще социалистов, видя в них опасных и жестоких бунтовщиков-разрушителей нормальной жизни. Дело в том, что Ленин глубоко презирал парламентскую демократию в любом виде и настроен был только на повторение российского опыта как единственно реального пути к захвату власти социалистами, то есть путем заговора революционных профессионалов и захвата ими власти — для этого массовые партии не нужны и далее могут мешать. Что касается западно-европейских социалистов, то даже среди самых крайних радикалов далеко не все были готовы безусловно принять руководство Ленина. Красный террор и расправа Ленина с левыми эсерами пугает. Имеется ввиду поддержка ими участия своих стран в войне, что никак не вяжется с идеями интернационального коммунизма.

376

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

ли даже многих радикально-левых социалистов на Западе, как указывает Боркенау, сам в прошлом деятель ленинского Коминтерна.

Вот в такой обстановке и собрался учредительный съезд III Интернационала в марте 1919 года. Как указывают специалисты по истории большевизма и Коминтерна, участники первого съезда были иностранцами, застрявшими в Москве случайно из-за войны и революции или сознательно поступившие на службу советскому правительству — одиночками-энтузиастами революции большевиков. Поэтому почти все иностранные участники, а их было от силы полтора-два десятка человек, не представляли никого, кроме самих себя. Несуществовавшую еще Французскую компартию представлял французский адвокат и капитан военного времени Жак Садуль, посланный в 1917 году французским правительством в Россию в надежде, что как радикал он сможет лучше договориться с российскими социалистами, и застрявший в Москве. Некий американец Рейнштейн, проживший в Москве уже несколько лет, представлял

Американскую социалистическую рабочую партию. Раковский, возглавлявший большевиков Украины, «представлял» Балканы на том основании, что родом был из Болгарии, а гражданство имел румынское. Польшу должен был «представлять» Феликс Дзержинский, но он был слишком занят своими заплочными делами и вместо себя прислал своего заместителя — еврея Уншлихта, кажется, никакого отношения к Польше не имевшего. Были какие-то представители Германии, Австрии и Англии. Немец пытался убедить Ленина, что пора для революции в Германии не наступила, и что таково мнение известных ему немецких коммунистов. Но с Лениным не спорят! Это было дано понять всем участникам.

Ленин считал, что, поскольку ему удалось захватить власть в России и удержаться у власти, только его революционная стратегия и тактика реальны. Других путей он не признавал.

Выступления Ленина свидетельствовали о том, что его главными врагами являются не столько буржуазные партии, сколько Каутский и социалисты II Интернационала — «желтого», как Ленин называл социалистов-«постепеновцев» по аналогии с желтыми билетами проституток. Он поучал иност-

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

377

ранных социалистов непременно создавать у себя советы. В этой неспособности Ленина видеть возможности другого пути в иных странах, принуждении иностранных партий копировать все, что произошло или происходит в России, советолог Адам Улам видит глубокий российский провинциализм Ленина, своеобразный русский «национализм»². Ленин националистом, конечно, не был; был он догматиком-провинциалом, безапелляционно убежденным в своей правоте и в том, что все остальные пути были неверными, даже предательскими. Это психология крайнего сектанта, для которого все, кто не на 100% процентов следуют его учению, — еретики, которых следует уничтожать, чтобы они не заражали своей ересью друг их.³

В общем, первый съезд заложил основы Коминтерна как агентуры Москвы, агентуры советского государства. Главная квартира Коминтерна от первого съезда и до его закрытия в 1943 году находилась в Москве, все работники аппарата Коминтерна получали зарплату от советского правительства. Окончательно Коминтерн оформился как агентура советских большевиков на своем втором конгрессе, который собрался в Москве в 1920 году. Он был более представительным, чем первый, и проходил в обстановке фактически победившего большевизма. От Белых армий оставалась лишь горстка врангелевцев на самом причерноморском юге, в Крыму, а на Дальнем Востоке была еще марионеточная Дальневосточная Республика под японским крылышком.

На этом конгрессе был зачитан и, конечно, принят, составленный Лениным, Устав Коминтерна из 21 пункта. Устав весь был сосредоточен на Советской России как центре всего коммунистического движения в мире. Исходя из соб-

² Ulam, Adam *The Bolsheviks*. London, Macmillan, 1965, p. 292-293, 494-495, etc.

³ Невольно приходит на ум параллель с таким религиозным фанатиком, как Иосиф Волоцкий, проповедовавшим в конце XV — начале XVI столетий сжигание еретиков на костре. Его аргумент был таков: если князья смертью убийц физических, то тем более подлежат смертной казни еретики, убивающие не тело, а душу.

378

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР •

ственного опыта подполья в царской России, Ленин в этом уставе требовал, чтобы по российскому образцу каждая местная компартия имела два аппарата управления — открытый и подпольный. Устав требовал от коммунистов подрывной подпольной работы среди вооруженных сил опять же по опыту большевистской деятельности по разложению российской армии. «Отказ от такой работы равнозначен предательству революции», угрожал устав. Но самым ключевым пунктом было требование, согласно которому долг коммуниста, в какой стране он бы ни находился, — оказывать содействие Советскому Союзу, защищать его интересы. Иными словами, каждый коммунист в любой точке земного шара должен был быть агентом Советской России, а после 1922 года — Советского Союза, выполняя любые задания страны Советов, включая шпионаж. Как далек Ленин был психологически от зарубежья и его реалий можно заключить из того, что членам зарубежных компартий поручалось следить за русскими эмигрантами и осведомлять советские власти о них. В двух-трех миллионах

обездоленных эмигрантов, рассеянных по всему миру и кое как зарабатывающих себе кусок хлеба, работая таксистами, шахтерами, рабочими, Ленин видел угрозу Советскому Союзу и мировому коммунистическому движению!

Потеряв надежду на скорую победу коммунизма на Западе, Ленин обратился к тезисам своей книги «Империализм как высшая стадия капитализма», написанной в годы Первой мировой войны, когда он потерял надежду на превращение ее в международную гражданскую войну. В этом сочинении он пытается спасти предсказания Маркса относительно объединения пролетариата по мере развития капитализма утверждением, что в ходе развития мирового империализма пролетариатом следует считать колониальные народы как таковые, эксплуатируемые империями-колонизаторами, все население которых по отношению к колониальным народам превращается в правящий класс. Сколь бы неверным ни был этот тезис, ибо, как уже доказано, затраты империй на колонии значительно превышали доходы от них, важно то, что это была первая марксистская (ревизионистская) работа, обратившая внимание на отсталое крестьянство стран Азии и Африки (а отчасти и Латинской Америки), как на по-

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

379

тенциальные кадры будущих коммунистических революций. На II и III конгрессах Коминтерна он возвращался несколько раз к этой теме, которая была совершенно чужда западным коммунистам, евроцентричным по своим взглядам. Для них перспектива видеть коллег в безграмотных крестьянах Афганистана-или Китая была почти оскорблением. Всего этого Ленин не чувствовал, находясь в какой-то психологической изоляции по отношению к внешнему миру в свои последние три года жизни. Он видел, что ни одно из пророчеств Маркса не осуществляется, и как утопающий хватался то за одну соломинку, то за другую, не желая признать истинное положение вещей.

Еще на I конгрессе возникли языковые трудности. Языком подлинных марксистов считался язык Маркса, то есть немецкий. Но им владели далеко не все русские и совсем не владели французы и англичане. Так, к III конгрессу языком Коминтерна стал русский, и работники его аппарата постепенно русифицировались. Ленин не только не был озабочен экономической борьбой профсоюзов, но был доведен почти до бешенства, когда некоторые иностранные коммунисты посмели на II конгрессе выразить мнение, что революционная борьба профсоюзов не должна привести к понижению материальных доходов рабочих. «Нечего баловаться реформизмом», — возмущался Ленин. Вот и еще образец «заботы» коммунистов о человеке: Коминтерн требовал, чтобы коммунистические депутаты в парламентах выступали с «разоблачениями» «не только ... буржуазии и ее последышей, но и социал-патриотов, реформистов, центристов и прочих врагов коммунизма...». Как указывает Улам, послушные Москве коммунистические депутаты в парламентах Италии и Германии поливали грязью своих социалистических коллег, обзывая их наймитами буржуазии, предателями и т.д. Так что, когда мы подойдем к Сталину и его запрету немецким коммунистам сотрудничать с социал-демократами, чтобы предотвратить приход к власти Гитлера, мы увидим, что Сталин был и в этом отношении достойным учеником Ленина.

Но вернемся к советской внешней политике. В 1921-1922 годах Ленин и его сподвижники наконец поняли, что в непосредственном будущем революции, во всяком случае, ком-

380

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

мунистической, не бывать. По для нормализации отношений с некоммунистическим миром камнем преткновения явился Коминтерн, поддерживавший подпольные отношения с прокоммунистическими профсоюзами, требовавший от них забастовок, промышленных беспорядков и саботажа (правда, после III конгресса призывы к крайним действиям были приглушены). Советские дипломаты пытались убедить западные правительства, что Коминтерн — частная общественная организация, почти случайно имеющая свое центральное управление в Москве, но, мол, советское правительство не несет никакой ответственности за его деятельность. Одновременно наркоминдел Чичерин уговаривал Ленина отойти от официального участия в Коминтерне. Но обычно такой прагматичный Ленин не мог даже формально отречься от своего детища: «О моем и Троцкого выходе из исполкома Коминтерна не может быть и речи», — писал

Ленин Чичерину. По словам Ленина, такой акт будет воспринят на Западе как признак слабости Советской страны.¹

Тем не менее время и исторические реалии брали свое. Советский Союз волей-неволей постепенно превращался в государство своеобразного **национального** коммунизма, как бы противоречиво это не звучало. Ведь согласно Карлу Марксу социалистическую революцию должны были проводить самые грамотные и передовые рабочие в стране с развитой промышленностью, в которой промышленный пролетариат должен составлять большинство населения. Ничего такого в России первой половины XX века не было. Получался парадокс: в передовых промышленных странах с наиболее грамотным рабочим классом революции не происходило, и подавляющее большинство рабочих не стремилось к созданию у себя социалистического «рая», а вот малограмотный пролетариат России каким-то «шестым чувством» понял всю «правду» социализма-коммунизма. Следовательно, российский пролетариат, несмотря на отсутствие соответствующего образования, показал себя самым передовым рабочим классом мира. Да и сталинская доктрина возможности

¹ В.И. Ленин *Собрание сочинений*, т. 30. М., 1959, с. 338. Цит. по: Улам, Адам *Указ, соч.*, с. 508.

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

381

построения социализма в одной стране логически вела к такому эксклюзивному национализму или российско-советскому шовинизму с элементами, перекликающимися с такими учениями, как панславизм Данилевского. Сознательный поворот к такому национализму, уродливо совмещаемому с уничтожением национальной культуры, религии и лучших мыслителей, литераторов и художников страны, произойдет лишь во второй половине 1930-х годов, но логика этого поворота — в историческом факте провала марксистских революционных прогнозов и в узком дуализме марксистской «диалектики», которая признавала лишь две силы в историческом развитии общества — эксплуататоров и эксплуатируемых, оставляя советским вождям выбор лишь из двух альтернатив — публичного признания Лениным ошибки всего затеянного им предприятия и ухода в отставку (унося как можно скорее ноги из страны, чтобы не быть разорванным на части обманутым пролетариатом) или игнорирования факта провала марксовых предсказаний и сохранения власти из соображений властолюбия, маневрируя жупелом идеологии так и сяк, подкрепляя это террором. Особой честностью ни Ленин, ни его последователи не обладали, а у власти они хотели остаться любой ценой. Этой ценой был путь, который неизбежно и логически привел к «ползучему национализму» и изоляционизму, что, казалось бы, полностью противоречило поведению государства, стремящегося к мировой революции. Забегая вперед, скажем, что именно этот национальный коммунизм с претензиями превосходства собственных народов над народами некоммунистических стран достиг своего апогея после Великой Отечественной войны и стал характерным явлением всех послевоенных коммунистических режимов — от Югославии до Китая, Кубы и теперь уже развалившихся коммунистических режимов Африки.

III конгресс Коминтерна летом 1921 года проходил на фоне провала попытки совершения в Германии большевистского переворота в марте того же года. Прагматизм Ленина на этом конгрессе разочаровал западных коммунистов, настроенных весьма воинственно и революционно, предполагая, что весенняя неудача ничего не меняет и что надо готовиться к очередной революционной попытке. Ведь эти западные комму-

382

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

нисты по указу Москвы совершили расколы в соцпартиях, стали меньшинствами среди социалистов — все во имя того, чтобы под руководством единственной партии **победившего** социализма идти к мировой революции. А тут Ленин говорил, что для мятежей теперь не время. В условиях НЭПа и необходимости передышки для Советской страны для восстановления ее промышленности и сельского хозяйства Ленин искал пути расширения торговли с Западом и временного замирения. Хотя Ленин до конца своих дней считал «последний и решительный бой» с капиталистическим миром неизбежным, он видел его в некоем отдаленном будущем. При всех своих похвалах в 1921-1922 годах в адрес «ноу-хау» капиталистов и наставлениях пролетариату учиться у капиталистов, Ленин считал их такими же циниками, как он сам, и поэтому относился довольно безразлично к депешам Чичерина о невозможности наладить нормальные дипломатические отношения с Западом при наличии Коминтерна с его подрывной деятельностью и того факта, что глава советского государства руководит этой самой подрывной организацией. Ленин был озабочен в гораздо большей

степени международной торговли Советского государства, чем дипломатическими отношениями. Считая же капиталистов циниками-прагматиками, Ленин изрек свои крылатые слова о том, что капиталисты столь жадны, что последний капиталист на свете продаст большевикам веревку, чтобы задушить ею предпоследнего капиталиста. Ветеран американской советологии профессор Джордж Кеннан сформулировал это ленинское отношение к капиталистам в следующей воображаемой цитате воображаемого советского дипломата:

«Мы вас презираем. Мы считаем, что ваши правительства следует смести с лица земли как мусор, а вас лично уничтожить как особей.... Но поскольку мы пока недостаточно сильны, чтобы уничтожить вас физически ... мы хотим, чтобы вы с нами торговали; мы хотим получать от вас субсидии; мы желаем получить у вас преимущества полноценного дипломатического признания, ни в чем не уступающего тем преимуществам, которые вы предоставляете друг другу. Возмутительные требования, вы скажете? Возможно. Тем не менее вы их примете ... потому что вы — рабы капиталистических

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

383

аппетитов... Там, где пахнет барышами, у вас исчезают гордость и принципы... вы будете закрывать глаза на наши усилия по вашему уничтожению и будете соревноваться друг с другом по оказанию нам услуг ... вы будете делать то, что мы захотим, до тех пор, пока мы не будем готовы вас прикончить... Вы, при вашей жадности, предоставите нам средства для вашего же уничтожения...».

И слова Ленина, и воображаемая цитата были вполне в стиле понимания Марксом капитализма, но, если Марксу еще можно простить, что он не заметил зарождавшихся в его время корпораций, свидетельствовавших о том, что капиталисты вполне способны к солидарности и сотрудничеству между собой, а не только к перерезыванию друг другу глоток, то в эпоху Ленина не заметить этих процессов и не сделать из них соответствующие выводы было уже совсем непростительно. После отказа Ленина расплачиваться с западными должниками за кредиты царской России, призыв его к западным предпринимателям инвестировать в Россию нашел очень вялый отклик. Капиталисты оказались, если не принципиальнее, чем они представлялись Ленину, то уж, во всяком случае, умнее и дальновиднее.

Но коснемся теперь советской внешней политики, в основном уже сталинского периода. III конгресс Коминтерна принял политику единого фронта коммунистов с другими левыми партиями, что было принято западными коммунистами очень болезненно и с протестами. IV конгресс Коминтерна прошел в 1922 году весьма бесцветно. Это, кстати, был последний конгресс с участием Ленина, который всех, особенно иностранцев, поразил своей бесцветностью и физической слабостью — явно дни его были сочтены. V конгресс в 1924 году дал резкий крен влево. На нем было принято постановление воздерживаться от объединенных фронтов сверху, поскольку социалистические партии являются не рабочими партиями в чистом виде, но «третьей партией буржуазии». Немецкие коммунисты с чисто германской дотошностью после этого съезда принялись «очищать» свою партию от всевозможных «оппортунистов». На фоне этих чисток возникла частная «армия» немецких коммунистов, так называемый *Рот фронт* («Красный фронт»), который при

384

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

всяком удобном случае вступал в рукопашную с так называемыми реакционерами. Боркенау утверждает, что позднее краснофронтовцы стали ядром гитлеровского СА (штурмовики) по аналогии с русскими черносотенцами, многие из которых примкнули к ленинской Красной гвардии в 1917 году. Сталин не был поклонником частых конгрессов, особенно с участием иностранцев, что было неизбежно в отношении Коминтерна. И вот следующий VI конгресс Коминтерна собирается в Москве только в 1928 году. Это необычно длительный конгресс, продолжавшийся с 17 июля по 1 сентября 1928 года. Конгресс проходил на фоне разгрома китайских коммунистов силами Чан Кайши. Поскольку блок коммунистов с Гоминданом был делом советской политики и распоряжений Коминтерна, 180-градусный поворот Чан Кайши от тесного союза с СССР и декларируемой близости к коммунистическим идеалам к национализму и пробританским позициям был страшным ударом для Коминтерна и его

политики народных фронтов. Поскольку это была политика правых коммунистов, политика эпохи НЭПа, то провал этой политики как нельзя впору ударил по Бухарину и его сторонникам, в пользу «левеющего» Сталина и его направленности на сворачивание НЭПа. Коминтерн принял резолюцию отказа от народных фронтов. А новое «революционное» направление Коминтерна приведет к запрету какого-либо сотрудничества коммунистов с немецкими социал-демократами и упростит приход к власти Гитлера. Для внутреннего фронта Сталин воспользовался удобным для него настроением делегатов Конгресса и запустил среди иностранцев кампанию клеветы против председателя Коминтерна Бухарина. Главными врагами коммунистов теперь были объявлены резолюциями конгресса правые реформисты внутри компартий (тот же Бухарин!), социал-демократы, и особенно их левое крыло, которое прикидывается друзьями коммунистов, но «на самом деле являются самыми опасными врагами коммунизма и диктатуры пролетариата»⁵. Совершенно высосанной из пальца была резолюция, утверждавшая, что в мире начина-

•' Schapiro, Leonard *The Communist Party of the Soviet Union*, p. 275. London, Methuen Press, 1983.

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

385

ется новый революционный подъем. Все это во внутривластной редакции претворялось в сворачивание НЭПа, начале кампании раскулачивания и подготовке к террору 1930-х годов. Уже в ноябре 1928 года, выступая на пленуме ЦК, Сталин обрушился на левых и правых коммунистов. «Левые, — сказал Сталин, — кричат: "Бей середняков и кулаков!", правые кричат: "Дать кулаку возможность свободного развития!"». Так Сталин снова и снова становился в позу уравновешенного центриста, противника крайностей, на самом деле готовя крайне левую программу коллективизации и индустриализации. Чтобы заткнуть рот Бухарину и прочим «постепеновцам», Сталин поднимает в 1928 году истерику угрозы войны с Англией, используя для этого разрыв британским правительством дипломатических отношений с СССР, чтобы повернуть государственный корабль в пучину чисток, ликвидации крестьянского хозяйства, создания «архипелага ГУЛА-Га», чтобы иметь бесплатную рабскую силу для его гигантских строек и т.д. Как указывает Боркенау, 1934 год был годом перелома, а на практике годом фактического уничтожения Коминтерна. Сталинская фантазия угрозы войны заставляет Коминтерн полностью переориентироваться на блоки с «буржуазными» партиями:

«Вместо классовой борьбы — сотрудничество с буржуазией. Вместо советской системы прославляется демократия. Вместо интернационализма — национализм. Революционные идеалы провалились с треском.... Сотни коммунистических лидеров, которые несколькими месяцами раньше клеймили троцкистскими предателями всех, кто смел заикнуться о сотрудничестве с социалистами,., теперь ни один из этих лидеров не посмел опротестовать эту перемену...»⁶.

В 1934 году, как известно, произошло три, казалось бы, внутренних события в двух тоталитарных империях. Это, во-первых, XVII съезд ВКП(б) в январе-феврале, так называемый «Съезд победителей», который американский советолог Роберт Такер справедливо называет «съездом жертв», поскольку

¹¹ Borkenau, Franz *World Communism*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1971, p. 387.

386

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

ку из его 1225 участников дожило до участия в XVIII съезде в 1939 году всего 117 коммунистов; недаром «Правда» писала, что подавляющее большинство участников XVIII съезда были молодые люди в возрасте около 30 лет. Во-вторых, это июльская «ночь длинных ножей» в Германии, когда Гитлер единым махом уничтожил левую оппозицию в своей партии. И, в-третьих, это убийство Кирова в декабре в Ленинграде. Ниже мы объясним, какая связь между этими событиями и какое отношение они имеют к внешней политике. Съездом победителей XVIII съезд был назван потому, что он «праздновал» завершение коллективизации и «преждевременное» выполнение первой пятилетки. Конечно, о том, что коллективизация обошлась в 7 миллионов жизней крестьян и привела к разорению сельского хозяйства, сказано не было. Не было сказано и о том, как создавался и выполнялся пятилетний план. Первоначальная его версия была разработана Госпланом, в то время состоявшим из «буржуазных» специалистов, многие из которых вернулись из эмиграции по призыву сменевеховцев. План этот Сталина не удовлетворил, и он передал его Всесоюзному Совету

народного хозяйства (ВСНХ), состоявшему полностью из коммунистов, под председательством Куйбышева. ВСНХ было велено увеличить обе графы — сбережений и инвестиций, что является экономическим и математическим абсурдом — нельзя цифру увеличивать и уменьшать одновременно! Но, как Сталин сказал, нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять. Когда уже в первый год пятилетки стало ясно, что цели ее недостижимы, под сурдинку показатели были снижены. Это повторялось несколько раз, и окончательные показатели, «перевыполненные» в 4 года, на самом деле были намного скромнее не только тех, что были запроектированы ВСНХ, но и «буржуазных». Более того, в 4-й год пятилетки был достигнут тот показатель, который — после всех снижений — был запроектирован на 5-й год, что затем и было объявлено выполнением пятилетки в 4 года — а один-то год вообще выпал! В снижении показателей виновными были объявлены «буржуазные» спецы, которые якобы с целями саботажа советской индустриализации первоначально предложили низкие показатели, а когда план у них забрали, и преданные комму-

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

387

нисты повысили планку, буржуи саботировали выполнение плана. Так, между 1928 и 1931 годами состоялся ряд судебных процессов над инженерами и прочими «буржуазными» специалистами (*Шахтинский процесс, Промпартия, Меншевистский центр*), позже частью расстрелянными, но в основном отправленными в концлагеря. Вряд ли следует добавлять, что с тех пор и до конца существования советской власти ни одна пятилетка не была выполнена в первоначальном виде. Отсюда всегдашние дутые цифры, не совпадавшие с реальностью. Например, в последние десятилетия советской власти в СССР официально производилось значительно больше тракторов, чем в Соединенных Штатах, а на полях тракторов не хватало. На всех уровнях происходило очковитительство.

Что касается «ночи длинных ножей», то она имела большое психологическое воздействие на Сталина. Дело в том, что согласно марксизму капитализм на последнем издыхании выставит против диктатуры пролетариата свою буржуазную диктатуру как спасительную «соломинку». Как мы сказали выше, марксистский догматический дуализм не допускал возможности существования третьих сил, поэтому места нацизму и фашизму в марксизме не было, и марксистские теоретики не смогли найти иного объяснения этим феноменам, как «марионетки капитализма». Поэтому-то Сталин и VI конгресс Коминтерна не разрешали коммунистам выступать против Гитлера. И вот расправа Гитлера со своей партийной оппозицией, а заодно и убийство нескольких видных представителей монархического национализма (то есть лиц возможной угрозы справа) убедили Сталина, что марксизм снова «наврал». Оказалось, что Гитлер и Муссолини ничьи не марионетки, а самостоятельные фигуры, и их идеологические установки — явления особые. Предаваясь вольному проецированию возможного хода мышления Сталина, можно предположить, что в дальнейшем уничтожении им коммунистических идеологов был и элемент мести за то, что их теоретизирование довело его до такого просчета в отношении фашизма и нацизма, как постановления VI конгресса Коминтерна. В то же время он проникся к Гитлеру уважением, почувствовал в нем близкую себе натуру и начал проявлять интерес к заключению с Гитлером каких-то «доб-

388

20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

рососедских» договоров. Уже на XVII партсъезде Сталин в своей речи заявил, что эра буржуазного пацифизма заканчивается, обратил внимание слушателей на улучшение отношений Советского Союза с Англией, Францией и Польней. Что касается «фашистской» Германии, то, сказал Сталин, ее идеологический режим не может быть камнем преткновения в германо-советских отношениях. Ухудшение отношений исходит исключительно от немецкой стороны, а советская сторона всегда готова к возобновлению сотрудничества с Германией по образцу недавнего прошлого. Гитлер не заставил себя долго ждать, и уже 30 января, через несколько дней после речи Сталина, заявил, выступая в Рейхстаге, что подозрения Сталина в наличии антисоветских настроений в германской политике необоснованны. Что касается убийства Кирова, то сегодня уже можно с уверенностью сказать, что оно было делом рук Сталина. Зачем? Ведь Киров считался ближайшим другом Сталина, состоял вместе со Сталиным в Комиссии по чисткам, значит, оправдывал террор. Но следует учесть и то, что председателем этой комиссии был Рудзутак, которого Сталин тоже уничтожит. Так что тут, возможно, были разногласия между Сталиным, с одной стороны, и Кировым и Рудзутаком, с другой. Фактотот, что, выступая в Ленинграде

накануне XVIII съезда, Киров очень резко осудил нацизм Гитлера и, в частности, его антисемитизм, что, как мы видели выше, шло в разрез с настроениями Сталина по отношению к нацистской Германии. Рудзутак тоже выступил с резко антинацистской речью на съезде, как Киров, осуждая антисемитизм. А Сталин раз-ногласий не любил! На съезде овации Кирову были почти столь же мощными и продолжительными, как Сталину. Еще нестерпимее для Сталина было то, что на выборах состава Центрального Комитета партии против Сталина было подано более 120 бюллетеней. Примерно такое же количество отрицательных голосов получили ставленники Сталина Молотов и Каганович, в то время как за Кирова было подано почти 100% бюллетеней. Хотя в печати утверждалось, что против Сталина было подано только 3 бюллетеня, Сталину было отлично известно подлинное положение вещей — Киров становился опасным соперником, его надо было уничто-

• 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

389

жить, как Гитлер уничтожил Рема — лидера нацистских штурмовиков⁷. Явно Сталину было завидно: как это Гитлер справился с партийной оппозицией в одну ночь, а он и на 10-м году власти еще не справился. Но в отличие от Гитлера Сталин и тут меры не знал. Под предлогом убийства Кирова якобы зиновьевцами приступил к массовым арестам среди левых коммунистов, а также к массовой высылке остатков петербургского дворянства и ленинградских коммунистов, особенно тех, кто когда-либо работал под руководством Зиновьева, когда он был Первым секретарем в Ленинграде. Чистки 1934-1935 годов были предвестниками ежовщины.

Что касается Коминтерна, то его политика подвергнется еще одному превращению на VII и последнем конгрессе в июле-августе 1935 года. Наученный горьким опытом прихода к власти Гитлера и его гонениями на коммунистов, Сталин и введомый им Коминтерн решили снова обратиться к политике народных фронтов, которая будет испробована во Франции в 1935 году, когда с помощью коммунистических голосов к власти пришло коалиционное социалистическое правительство Леона Блюма. Придя к власти, блюмовцы очень быстро обнаружили, что коммунисты отказались сотрудничать с правительством в парламенте, выступая против его предложений и попыток реформировать Францию в духе рузвельтовской программы социального направления в целях преодоления Великой депрессии и оживления промышленного производства. Коммунисты заставили Блюма сократить рабочую неделю и ввести ряд других ограничений как будто в пользу трудящихся. На самом деле эти меры замедлили восстановление французской экономики и, в частности, предотвратили наращивание военной промышленности накануне войны. Коалиция с коммунистами подорвала

⁷ Подлог легко установить из следующих данных: Центральной контрольной комиссией было учтено 1059 бюллетеней, на 166 меньше, чем участников съезда. Позднее переживший концлагеря Затонский, бывший председателем счетной комиссии на съезде, указал, что против Сталина было подано около 123 или 125 бюллетеней. См.: Tucker, *Robert Stalin in Power*. N. Y., Norton, 1992, p. 156-161.

390

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

авторитет Блюма и французских социалистов в стране, привела к его падению накануне судьбоносной Мюнхенской конференции 1938 года и вызвала приход к власти французского нациста Лавала и крайне правых сил. А на улицах, как говорилось выше, шли демонстрации с антисемитскими (Блюм был евреем) и профашистскими лозунгами.

Еще трагичнее оказалось участие Советского Союза в Испанской гражданской войне 1936—1939 годов. Формально Интернациональные бригады под командой советских военачальников были частью республиканских войск. На самом деле Советы перенесли в Испанию все прелести советского режима: аппарат ОГПУ—НКВД и систему комиссаров с произвольными чистками и расстрелами. Большевики гораздо больше внимания уделяли уничтожению троцкистов и анархистов, чем борьбе с Франко. Испанцам вскоре стало ясно, кто подлинный хозяин у республиканцев и что речь идет о победе не республиканцев или франкистов, но франкистов или коммунистов. Это привело к переходу на сторону Франко многих людей, которые совсем не сочувствовали диктатуре Франко. Когда Сталин понял, что Франко побеждает, он вывез испанское золото в СССР, а также тысячи испанских детей, якобы спасая их от «фашизма».

Так, Коминтерн провалился в очередной раз. Иначе и быть не могло, ибо тоталитарные структуры могут работать только в тоталитарном государстве. Перед лицом свободных людей, свободного или даже полусвободного общества тоталитаризм пасует, если ему не удастся

овладеть этим обществом через тотальный террор, если возможности для такого террора ограничены, как в Испании эпохи Гражданской войны, или пока остатки свободы и демократии еще не уничтожены, как было в догитлеровской Германии.

В Советском же Союзе террор становился все тотальнее. Во-первых, почти полностью были уничтожены или отправлены в концлагеря вернувшиеся или бежавшие в Советский Союз участники Испанской гражданской войны. Сталин понимал угрозу своему тоталитарному режиму со стороны людей, которые в условиях гражданской войны привыкли самостоятельно принимать решения, проявлять свободную инициативу да и жить в условиях свободы, если говорить об

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

391

иностранцев коммунистов, бежавших в СССР как в Мекку. Кроме того, тот факт, что больше сотни коммунистов голосовали против него на XVII партсъезде, увеличил его недоверие к старым кадрам компартии. Ему нужна была не партия, в которой кое-кто еще мог смельчачье свое мнение иметь, а аппарат исполнителей. Старые коммунисты для этого не годились — Сталин имел достаточно сведений о растущем среди них недовольстве его политикой; их мышление формировалось еще в условиях относительной свободы дореволюционной России и в революционных условиях, требовавших инициативы снизу. Согласно одному партийному источнику Сталин как-то сказал, что старшее поколение коммунистов надо уничтожить как жернов на шее революции, что он и сделал, ликвидировав более миллиона коммунистов (и примерно столько же некоммунистов) между двумя съездами, и этим открыв дорогу на руководящие посты воспитанникам уже его эпохи⁸. Это были в основном недоучки или выпускники рабфаков и всяких промакадемий, которые давали будущим капитанам индустриализации узкие специальности и делали дисциплинированными исполнителями приказов сверху, но абсолютно не развивали инициативность и самостоятельность мышления и решений⁹. Продвигая вперед и вверх всяких Хрущевых, Косыгиных, брежневых, Сталин обеспечивал в их лице преданность себе, ибо они знали, что не будь чисток 1930-х годов, они никогда не достигли бы таких «высот». Однако в качестве вершителей сталинской промышленной революции они и вся тоталитарная система оказались способными лишь на количественное наращивание

" Tucker, Robert *Stalin in Power*. P. 264-265 и беседы Бухарина в 1936 году с Борисом Николаевским в Париже и Голландии: См.: Nicolaevsky, Boris *Power and the Soviet Elite*. N. Y., Praeger, 1965, p. 60-61.

⁹ Тут неслучайное хронологическое «совпадение»: где-то около 1928 года состоялся первый выпуск промакадемий, в том же году начинаются фиктивные процессы над старой русской технической интеллигенцией. Сталин рассчитывал, что с приходом надежных советских кадров технарей он может теперь ликвидировать упрямых буржуазных спецов.

392

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

узкого спектра промышленности, как в любой экономике чрезвычайного положения, экономике войны. Ограниченность такой системы сказалась не только в развале легкой промышленности и сельского хозяйства, но далее такие основные отрасли, как производство стали, угля, нефти, фактически перестали расти после 1937 года. Причины этого в ликвидации огромного процента действительно опытных инженеров и в боязни проявлять инициативу, быть в чем-то заметным, выдающимся. К примеру, в концлагерях сидели и авиаконструктор Туполев, и отец советской ракеты и спутника Королев.

Чтобы понять логику коммунистического террора вообще и особенно чисток 1930-х годов, надо иметь в виду, что это был террор не карательный, а превентивный — террор уничтожения или по крайней мере обезвреживания групп населения, которые по тем или иным признакам могли быть или стать когда-то врагами правящей системы. Следовательно, под нож чисток попадали прежде всего группы идеологического характера или достаточно организованного типа, чтобы в потенции представлять какую-то опасность режиму. В 1936 году начались показательные процессы коммунистов. 15 августа было объявлено, что НКВД раскрыло троцкистско-зиновьевский заговор, якобы ставивший своей целью убийство Сталина и других советских руководителей, и что именно эта группа убила Кирова. В тот же день «Правда», не дожидаясь определения суда, объявила их врагами народа, пойманными с поличным, и что их ждет единственно возможный приговор — смертная казнь. Во главе 16

подсудимых были Каменев и Зиновьев. Заочно к смертной казни на этом процессе были приговорены также Троцкий и его сын. В ходе следствия, по-видимому, с применением пыток, роли были распределены: кто из подсудимых «собирался убить» Сталина, кто Кагановича и т.д. Одновременно по стране проводились митинги «протеста трудящихся», которые требовали убить немедленно «предателей, подлых агентов дьявольского фашизма» и т.д. Интересно, что среди деятелей, якобы намеченных к убийству, были названы Коссиор и Постышев, которые станут жертвами другого показательного процесса через два года.

Процесс 1936 года шел еще под руководством

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

393

главы НКВД Ягоды, который через год падет жертвой своего преемника — Ежова, от имени которого произошло имя нарицательное «ежовщина», когда террор и самые жуткие пытки превзошли все, бывшее до того. Однако после еще двух громких процессов в Москве, закончившихся расстрелами Бухарина, Радека, Рыкова, Ягоды и еще нескольких десятков старых большевиков, и аналогичных процессов или просто тайных расстрелов ведущих коммунистов, Сталин решил попридержать вожжи. Было объявлено, что в чистках произошел перегиб. Кое-кто из заключенных был выпущен, многим сократили срока. Интересно, что, хотя на периферии шла не менее жестокая чистка с массовыми расстрелами и ссылками, показательные процессы не были распространены на расправы областного масштаба.

Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» думает, что этого не произошло по той причине, что для самооклеветания в виде лживых, заданных следствием «исповедей» требуется особый тип фанатика, преданного идее, во имя успеха которой он готов погибнуть, руководствуясь марксовым историческим детерминизмом — верой, что победитель является исполнителем законов истории. Таким диалектическим мышлением были пропитаны старые большевики и такие теоретики марксизма, как Бухарин и пр. На областном уровне таких фанатиков не нашлось. Солженицын приводит пример бывшего секретаря одного из обкомов, Власова, которого он встретил в концлагере. В области предполагалось провести показательный процесс, центральной фигурой которого должен был быть этот Власов. Его арестовали, бесчеловечно пытали, но не смогли заставить играть ту роль, которая ему была задана. В лагерь его отправили, но процесс был им сорван. Солженицын думает, что на провинциальном уровне Власов был не единичной фигурой и что именно прагматизм таких Власовых и отсутствие у них слепой веры в коммунизм предотвратили расширение показательных процессов на всю страну и привели к их сворачиванию после трех московских процессов.

Летом 1938 года на место Ежова пришел Берия. К концу 1938 года Ежов был расстрелян. Такая частая смена руководства машиной террора легко объяснима: Сталин опасался накопления чрезмерной мощи в руках руководства каратель-

394

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

ных органов — мавр должен был уйти, сделав свое дело, иначе он становится опасным. Один только земляк Сталина Берия продержался на этом посту целых 15 лет, пережив Сталина, но и в этом случае, как мы увидим, положение Берии стало очень шатким в последний год жизни Сталина. Поэтому есть вполне обоснованные предположения, что, опасаясь за свою жизнь, Берия пошел на крайнюю меру самозащиты — убил Сталина¹⁰. Но вернемся в 1930-е годы.

Помимо коммунистов, в 1930-е годы было уничтожено почти все духовенство, и количество действующих православных храмов, например, сократилось с 30 тысяч в 1929 году до нескольких сотен в 1939. Наряду с духовенством и религиозным активом уничтожено было большинство деятелей Союза воинствующих безбожников (СВБ), который нужен был Сталину при НЭПе, когда в стране легально существовали различные общественные организации, в числе которых формально был и СВБ, хотя на самом деле это была ударная команда большевистской партии. С ликвидацией НЭПа и перехода к поголовному уничтожению религий и духовенства в 1930-е годы нужда в каких-то псевдообщественных организациях на антирелигиозном фронте исчезла, организацию и ее деятелей, которые к тому же слишком много рассуждали и спорили, можно было «убрать». Параллельно проходила кровавая чистка в руководстве комсомола, тесно связанного с СВБ. Другой «корпорацией», которой у Сталина было еще больше оснований не доверять, чем компартии, были вооруженные силы. Командный состав состоял либо из дореволюционных генштабистов, завербованных в Красную армию Троцким в качестве военспецов под страхом расправы с родственниками, взятыми в заложники, либо

из ветеранов Красной армии, получивших профессиональное образование уже после Гражданской войны в военных академиях, преподавателями в которых были те же царские офицеры. Ни у тех, ни у других не было оснований восторгаться сталинским режимом. У дореволюционных офицеров за редким исключением вообще не было идеологической привязанности к комму-

'А. не

Авторханов «Загадка смерти Сталина». Франкфурт-:, Посев, 1976.

на-Май-

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

395

низму, а у их учеников — в прошлом романтиков коммунистического «светлого будущего» — теперь могло быть только чувство разочарования и горечи. Третьей категорией были комиссары, институт которых был введен Троцким с целью следить за военспецами, чтобы они не оказались предателями и не посмели бежать к белым. Но в течение последующих 20 лет сотрудничества первоначальное взаимное недоверие повыветрилось, и многие комиссары за эти годы получили офицерское военное образование, учась у тех же военспецов. Наконец не следует забывать, что в конце 1930-х годов еще значительно больше 60% населения были крестьянами, следовательно, на глазах большинства бойцов (как тогда назывались солдаты) происходили ужасы коллективизации и раскулачивания, а также искусственный голод 1932-1933 годов. При всем при этом вооруженные силы были вооружены! Естественно и логично, Сталин мог больше всего опасаться именно их, военного переворота. В этом и была логика его чистки вооруженных сил в 1937-1938 годах, унесшей в могилы и концлагеря более 50% кадровых офицеров и еще больший процент политкомиссаров; причем среди генералитета (в то время они назывались командармами, комдивами и т.д.) погибло в чистках до 80%, а из маршалов остались в живых лишь два опереточных маршала — Ворошилов и Буденный.

Все эти чистки проходили при поисках Сталиным союзов с теми или иными странами на Западе, чтобы не остаться в одиночестве в случае новой мировой войны, которой все сильнее пахло в Европе во второй половине 1930-х годов. Серьезные поиски союзников на Западе начались в 1934 году, в начале которого и со стороны Сталина, и со стороны Гитлера были сделаны намеки на возможность более близких отношений между ними, о чем уже говорилось выше. Затем в апреле происходят франко-советские переговоры о создании системы безопасности Восточной Европы с привлечением Германии, восточно-европейских и балтийских стран. Ни Германия, ни Польша на такой союз не согласились. Пришлось ограничиться франко-советским и советско-чехословацким договорами в 1935 году. Последний предусматривал вступление СССР в войну в случае нападения на Чехословакию при условии, что Франция тоже выступит в защиту Чехословакии.

396

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

У Франции были оборонные договоры фактически со всеми славянскими странами Европы. Но доверие Сталина к Франции и Англии сильно пошатнулось из-за их бездействия после введения германских войск в демилитаризованную Рейнскую область в 1936 году, в то время, как согласно Версальскому миру в ответ на такую акцию Франция и Англия должны были оказать решительное военное сопротивление Германии". Сталин все более интересуется сближением с Германией, особенно после предательства Чехословакии западными союзниками на Мюнхенской конференции 1938 года.

Итак, мы видим некую сумасшедшую логику в сталинских чистках. Но внимательный читатель может с этим выводом не согласиться. «Как, — скажет он, — какая может быть логика в уничтожении военного командования накануне мировой войны, к которой, казалось бы, Сталин так усиленно готовился по крайней мере с 1928 года»?

Дело в том, что Сталин надеялся оставаться на первом этапе ожидавшейся мировой войны «нейтральным» наблюдателем, а не участником, и присоединиться позже к побеждающей стороне, чтобы пожать лавры так, как ему удастся сделать в отношении Японии. В своих расчетах Сталин чуть не просчитался. Из всех западных дипломатов Сталину удалось убедить в легитимности показательных процессов и их приговоров лишь американского посла Дэйвиса. Немецкий посол Шуленбург был до того возмущен незаконностью процессов, что запретил членам своего дипкорпуса посещать сессии суда. Вся некоммунистическая печать Европы резко осудила процессы, а британский премьер-министр заявил в парламенте, что они решительно испортили советско-британские отношения. Даже официальный орган гитлеровских нацистов газета «Фелькише Беобахтер» писала: «Теперь и у

" Дело в том, что третьим гарантом безопасности Франции в Версальском договоре были Соединенные Штаты Америки, но поскольку Конгресс США не поддержал политику президента Вильсона и принял

политику изоляционизма, Англия не считала после этого себя обязанной односторонне выступать защитником Франции и отговорила Францию противостоять германской акции.

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР •

397

великих демократий глаза открылись». Идеологически адекватной была лишь реакция органа итальянских фашистов «Пополо д'Италия», которая выразила предположение, что Сталин перешел в лагерь фашизма, ибо трудно себе представить большую услугу фашизму, чем уничтожение Сталиным главных врагов фашизма, — писал автор статьи Бенито Муссолини¹². «Естественно», что в атмосфере шпиономании Комиссариат иностранных дел, особенно его дипкорпус должен был пострадать не менее армии и партии. Действительно, по подсчетам Такера, 62% старших сотрудников Комиссариата погибло в чистках 1937-1938 годов, и еще 14% успели умереть своей смертью или бежать за рубеж. Хотя комиссаром иностранных дел еще некоторое время оставался Литвинов, Комиссариат подпал полностью под контроль НКВД, особенно с назначением замкоминделом грузинского чекиста Деканозова. Доля этнически русских работников Комиссариата при этом выросла с 43 до 80 %. Сталин превращался в «великорусского шовиниста» — путь, который мы обозначили в начале этой главы. В это же самое время идет фактическое уничтожение Коминтерна: физически уничтожаются его работники и политэмигранты из стран, в которых преследовались коммунисты, особенно из нацистской Германии и авторитарно-националистической Польши. В 1938 году польских коммунистов постигла уникальная участь: по вызову Коминтерна все руководство польской компартии явилось в Москву, почти все они были расстреляны и партия распущена. Не явились в Москву Гомулка и Берут — они находились в польской тюрьме, и это их спасло.

Уничтожение польской компартии можно рассматривать в свете сталинских демаршей 1938-1939 годов по сближению с Гитлером. В планы Сталина входил советско-германский раздел Польши, который осуществится, как мы знаем, в сентябре 1939 года. Но это было бы гораздо сложнее, если бы в Польше в момент раздела действовала коммунистическая партия, подчиненная московскому Коминтерну. Проще было осуществить этот проект над страной, в которой нет «братс-

¹² Цит. по: Такер, Роберт *Указ, соч.*, с. 503.

398

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

кой» партии. Другим моментом, указывающим на стремление Сталина к союзу с Гитлером, была замена весной 1939 года, после издания в Германии книги с перечнем евреев в высших органах власти СССР, на посту наркома иностранных дел еврея Литвинова Молотовым, а на посту советского посла в Берлине еврея Сурица грузином Деканозовым. Ясно, неудобно было бы поддерживать тесные отношения с нацистами посредством евреев!

После Мюнхена Сталин очень хитро разыграл карту своего союза с Францией и Чехословакией. Он формально выразил готовность прийти Чехословакии на помощь, если Франция сделает то же и если Польша и Румыния пропустят советские войска транзитом через свои территории. Польша и Румыния отказали Советскому Союзу, а Франция предала Чехословакию в Мюнхене. Сталин остался в выигрыше в глазах чехов: он, мол, единственный, кто хотел оказать Чехословакии реальную помощь. Отсюда такие просоветские настроения в Чехословакии в конце войны.

Мы не будем входить в подробности советско-германских переговоров 1939 года — все это документально изложено в специальных работах. Напомним только, что 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, а двумя неделями позже в Польшу с востока вторглись советские войска. Западные Украина и Белоруссия были присоединены к СССР, а Германия получила всю этническую Польшу.

Сталин явно глубоко уважал Гитлера по крайней мере с 1934 года. Это были одного поля ягоды, отлично понимавшие друг друга. И хотя для отвода глаз летом 1939 года велись переговоры одновременно с немцами и англо-французской делегацией, сталинские предпочтения были ясны из того, что переговоры с немецкой делегацией скрывались от французов и англичан, а немцев держали в курсе переговоров с ними. В частности, от

последних им испрашивалось согласие англичан и французов на устройство советских морских и прочих баз в прибалтийских республиках. Но Советам было отвечено, что Англия и Франция не могут давать никаких заверений в отношении суверенных государств (однако, в отношении Чехословакии решения были приняты без участия последней). Считая Гитлера умным политиком, Сталин по-

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —
399

лагал, что Гитлер ни в коем случае не повторит немецкой ошибки Первой мировой войны — не будет воевать одновременно на два фронта, что даст Советскому Союзу возможность занять выжидательную позицию, пока Гитлер воюет на Западе. Чего Сталин не учел, это позорно неудачной для Советского Союза зимней кампании 1939-1940 годов с крохотной Финляндией, в которой Советский Союз потерял чуть ли не полмиллиона убитыми плюс столько же пленными. Это был катастрофический результат ведения войны без опытных офицеров и при двойственности приказов (приказ офицера был недействителен без подписи комиссара, а комиссары-то были новые, неопытные, вместо уничтоженных опытных). Гитлер намотал это на ус и сделал поспешное заключение, что советская армия небоеспособна, и война с СССР будет, как он объявил своим генералам, «приятной летней прогулкой в Москву». Так что он собирался покончить с Советским Союзом задолго до открытия Западного фронта. Сталин после финской эпопеи явно забеспокоился и занялся точно таким же задабриванием Гитлера, как Даладье и Чемберлен в Мюнхене. В экспорте сырья и зерна в Германию в 1939—1941 годы Советский Союз намного опережал график, в то время, как Германия, наоборот, отставала от графика со своими поставками. В момент нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года немецкие порты были забиты советскими грузовыми судами с поставками, опережавшими график на 6 месяцев.

Германский посол граф Шуленбург, сторонник прорусской политики, считавший, что война между обеими странами грозит гибелью обеим, конфиденциально уведомил Деканозова на обеде в германском посольстве в Москве 19 мая 1941 года, что 22 июня Гитлер начнет наступление на СССР, и просил уведомить об этом Сталина. Озадаченному чекисту он сказал, что принадлежит к школе Бисмарка, который был противником войны между Россией и Германией.

В тот же день Сталин заявил на Политбюро, что слова Шуленбурга свидетельствуют о том, «что кампания дезинформации достигла уровня послов»¹³. Как нашкодивший ребенок, Сталин не хотел верить ни одному из того множества источ-

' Такер, Роберт *Указ, соч.*, с. 623.

400

— 20. Коминтерн и внешняя политика СССР —

ников, которые все предупреждали о нападении Гитлера в ближайшие дни. Реалист Сталин погрузился в мир фантазий, из которых его вывели лишь разрывы немецких снарядов.

Аннотированная библиография

Dallin, David *From Purge to Coexistence: Essays on Stalin's and Khrushchev's Russia*. Chicago, Henry Regnery Co., 1964. Автор — выпускник Санкт-Петербургского и Гейдельбергского университетов, доктор философии и политологии, в прошлом меньшевик. За рубежом с 1921 года. Никогда не попадался на удочку изменчивых отношений Запада к советской власти и к Сталину, всегда писал здраво-критически, блестяще анализируя советскую политику и все происходившее внутри страны, почти всегда правильно «разгадывая советскую загадку», как говорится в предисловии к этому посмертному изданию его самых значительных эссе.

E.H.Carr *International Relations between the Two World Wars*. London, Macmillan, 1963. Автор — известный британский историк, в какой-то степени «попутчик» марксизма и Советского Союза. Следовательно, его толкование международных отношений весьма субъективно с тенденцией оправдывать Советский Союз. Это, однако, не отражается на фактической стороне повествования. Он же *Twilight of the Comintern, 1930-1935*. N. Y., Pantheon Books, 1982. Несмотря на все свои просоветские симпатии Карр остается ученым. И по подробности и систематичности изложения материала этот фолиант в 460 страниц является самой авторитетной «похоронкой» Коминтерна. Kennan, George *Memoirs: 1925—1950*. Boston, Little, Brown & Co. 1967. Мемуары профессиональной жизни выдающегося американского дипломата и ученого-русиста. Самое интересное в книге — это разоблачение им беспомощной внешней политики Рузвельта и продажности американского посла в Москве Дэйвиса, назначенного Рузвельтом в благодарность за финансирование его избирательной

кампании. Ничего не понимая в советских делах, Дэйвис признавал только авторитет и советы корреспондента «New York Times» Дюранти, который полностью продался советским властям, отрицал в своих корреспонденциях голод 1932-1933 годов, утверждал,

— 21. «Дружба» великих •

401

что Сталин — друг Америки и что политическая система в СССР аналогична американской. В результате его советов Дэйвис добился от Рузвельта фактического уничтожения советского отдела Госдепартамента, и, когда Рузвельт отправился на Крымскую конференцию, в его команде не было ни одного сведущего советолога. Кеннан называет это величайшим предательством и выражает недоумение, почему во время «охоты на ведьм» сенатора Маккарти этот вопрос не был расследован. Tucker, Robert C. *Stalin in Power. The Revolution from Above: 1928— 1941*. Левый русист, профессор истории Принстонского университета, придерживается хрущевской классификации истории Советского Союза, сводящей все зло советской системы к личностям, обеляя Ленина и выделяя Сталина в отрицательном плане. Что касается фактической стороны власти и террора Сталина, то книга вполне надежна и содержит колоссальную информацию.

Ulam, Adam *The Bolsheviks*. London, Macmillan, 1965. Пожалуй, лучшее произведение историка-русиста и политолога, профессора Гарвардского университета и в прошлом многолетнего директора гарвардского «Центра российских исследований». Свою историю большевиков автор начинает с восстания декабристов, затем кратко проходит по всем радикальным движениям России XIX века. От народников к РСДРП и созданию Лениным большевистской партии путем искусственных расколов. Кончается этот 600-страничный опус смертью Ленина. Улам — мастер слова и стиля, читается легко < даже с увлечением. Несмотря на весь антикоммунизм автора в описании юности большевиков чувствуются его симпатии к революционной романтике — остатки его собственной радикальной юности.

Zwick, Peter *Soviet Foreign Relations: Process and Policy*. Englewood Cliffs, N. J., Prentice Hall, 1990. Стандартное учебное пособие для вузов с западной точки зрения. Написано добросовестно, читается и усваивается легко. Стоит заметить, что если лучшие западные специалисты по внутренней истории и культуре СССР замечали внутреннюю слабость советской системы, и развал СССР для них не был таким уж совсем неожиданным событием, историки внешних, международных отношений буквально до 1990 года продолжали видеть в СССР некий непробиваемый монолит.

Глава 21

«Дружба» великих и установление коммунистических режимов

в послевоенной Европе

«Эта война не такая, как в прошлом: кто оккупирует территорию, тот распространяет и свою социальную систему до тех пределов, до каких дойдет армия. Никак не иначе».

Инструкция Сталина Тито, апрель 1945

Накануне Второй мировой войны все стороны старались перехитрить друг друга. Англо-французская делегация вела вялые переговоры с советским правительством о совместном оборонительном союзе, не прекращая оглядываться на Гитлера, и на Западе носилась мысль натравить его на СССР. К тому же делегация, посланная в августе в Москву на переговоры, состояла не из первых лиц своих правительств; они не были уполномочены принимать конкретные решения и окончательные соглашения со Сталиным о четырехстороннем союзе (Англия, Франция, СССР и Польша), в то время как Молотов настаивал на конкретном союзе с конкретными союзными обязательствами и с правом транзита советских войск через польскую и румынскую территории, на что ни поляки, ни румыны не соглашались по вполне понятным причинам: можно ли доверять Сталину, что он под видом транзита не слопаёт эти страны — ведь, хотя и чисто формально, но все еще существовал Коминтерн, и официальной целью советского государства все

¹ Этот эпиграф, как и многие другие, взят из книги Фонтана «История холодной войны».

— 21. «Дружба» великих —

403

еще была мировая революция! В частности, Молотов настаивал на получении от западных союзников права на создание советских военных и морских баз в прибалтийских республиках, на что западные делегаты отвечали, что они не вправе распоряжаться территориями независимых государств². Отсутствие энтузиазма у западных демократий в отношении союза с таким тоталитарным монстром, как Сталин, было вполне понятно. Не менее понятной и

логичной была и мечта многих натравить эти кровавые диктатуры друг на друга в надежде, что обе в этой схватке рухнут.

Сталин в душе предпочитал договориться с Гитлером, а не с Англией и Францией, — этому есть много косвенных подтверждений. Мы уже упоминали демарши Сталина и Гитлера в сторону взаимного сближения, в том числе и кадровые перемещения в Наркомате иностранных дел. Явно это делалось в угоду воинствующему антисемиту Гитлеру. И, по сообщениям советского посольства из Берлина, немцы были очень довольны этой кадровой переменой. Наконец следует учесть, что, хотя прилет Риббентропа на переговоры в Москву 23 августа пришлось на последние дни пребывания западных союзников, немецкая делегация оповещалась о содержании переговоров с англо-французской делегацией, чтобы этим давить на немцев в пользу договора с Советским Союзом, в то время как англо-французская делегация пребывала в неведении относительно переговоров с Германией. Неопределенность поведения Англии и Франции могла лишний раз убедить Сталина в ненадежности демократий в качестве союзников. Несерьезность их намерений подтверждалась еще и тем, что они прибыли в СССР неспешным морским путем и таким же путем возвращались восвояси, что было больше похоже на развлекательное путешествие, чем на деловые переговоры в канун почти всемирного пожарища. В отличие от западных союзников Риббентроп прилетел на самолете 23 августа, через трое суток после телеграммы Сталину от Гитлера с предложением прибытия Риббентропа в Москву не

Хотя Чехословакией они распорядились в Мюнхене без участия ее представителей в конференции, заставив президента Бенеша подчиниться кабальным условиям постфактум.

404

— 21. «Дружба» великих —

позже 23 августа. Тут Сталин мог убедиться в серьезности гитлеровских намерений. А в положительности Гитлера Сталин был убежден по крайней мере с «ночи длинных ножей» 1934 года. Отдавая Гитлеру должное, он не мог допустить и мысли, что тот пойдет на войну на два фронта. Следовательно, Сталин сможет сохранять нейтралитет в схватке между Гитлером и западными демократиями по крайней мере до тех пор, пока не станет ясно, чья сторона побеждает, к которой Сталин сможет присоединиться в качестве союзника уже в беспроигрышной лотерее — так, как он поступит в отношении Японии в 1945 году.

От Гитлера Сталин получил то, чего не могли ему дать англичане с французами: раздел Польши с присоединением Западных Украины и Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики. Чего Сталин не мог предположить, это молниеносности, с которой Гитлер захватил Польшу и положил на лопатки Францию. Так что ко второй половине 1940 года сухопутного фронта на Западе у Гитлера уже не было. К тому же позорный результат нападения Сталина на крохотную Финляндию в так называемой Зимней войне (1939-1940), в которой советская сторона потеряла около полумиллиона советских военнослужащих убитыми и примерно столько же — пленными, окрылил Гитлера. В чистках 1938 года погибло 80% старших офицеров, в том числе все маршалы, кроме опереточных Ворошилова и Буденного, «все командиры корпусов, почти все командиры дивизий, бригад и полков» и т. д.³ Результаты этого были налицо после Зимней войны. Именно тогда, уже с июня 1940 года, Гитлер говорит о предстоящем нападении на СССР с планом расчленения его на составные части и присоединения к Великой Германии Украины и других западных районов СССР. 5 декабря на совещании с немецким главнокомандованием Гитлер принимает решение напасть на СССР не позже конца мая 1941 года. Причем, окрыленный советскими неудачами в минувшей Финской войне и почти полной ликвидацией опытных советских команди-

³ Григоренко, Петр, генерал «Соккрытие исторической правды — преступление перед народом!» Письмо в редакцию журнала «Вопросы истории КПСС». Самиздат (перепечатка). Лондон, Онтарио, Канада, 1971.

— 21. «Дружба» великих —

405

ров, Гитлер самоуверенно заявляет, что это будет летней прогулкой в Москву, которую он намерен захватить до наступления осенних холодов. Иными словами, Гитлер рассматривал нападение на СССР как войну на одном фронте, а не на два.

Сталин не мог не понять колоссальную уязвимость своих вооруженных сил после чисток. Финская война и перспектива остаться один на один с Германией пугали его до такой степени,

что он как страус прятал голову в песок и не хотел верить всем предупреждениям о близком нападении Гитлера. Паника толкает Сталина на тот самый путь «задабривания диктаторов», за который он так презирал западных союзников после Мюнхена. В торговле с Германией Советский Союз в последние 9-10 предвоенных месяцев опережает германские поставки на три и более месяцев, а Германия все больше нарушает торговые соглашения, запаздывает со своими поставками Советскому Союзу. В недоверии поступающим ему сведениям о предстоящем немецком нападении Сталин в явно паническом страхе превосходит сам себя. Он отказывается верить, хотя сведения — в отдельных случаях с точной датой и даже временем нападения — поступают и от самого верного советского разведчика Зорге, и от Черчилля, и даже от германского посла графа Шуленбурга, который 19 мая 1941 года пригласил в германское посольство Деканозова и конфиденциально поведал ему, что 22 июня германские войска нападут на СССР. Он просил Деканозова сообщить об этом Сталину, пояснив, что как ученик школы Бисмарка он считает войну Германии с Россией катастрофой для обеих стран и для всей Европы. Но мышление чекиста не было способно понять акт такого самопожертвования высшего германского чиновника — он просил посла дать ему официальный документ германского правительства, подтверждающий это решение! А вот как Сталин отреагировал на сообщение Деканозова: «дезинформация распространяется уже на уровне послов»⁴. Так

⁴ Такер, Роберт *Указ, соч.*, с. 623. Идея предупредить Сталина исходила от заместителя Шуленбурга, Хильгера. На слова Шуленбурга, что это было бы актом государственной измены и за это полагается смертная казнь, Хильгер ответил, что это вопрос такой важности, за которую стоит заплатить жизнью. 406

— 21. «Дружба» великих —

реалисты Сталин и Гитлер — каждый по-своему — оказались жертвами собственных фантазий, жертвами системы недоверия и подозрительности в сталинском случае и зачумленности расовыми теориями — в случае Гитлера. Ведь он, готовясь к войне с Советским Союзом, еще серьезно надеялся, что ему удастся договориться с Англией, поскольку англичане тоже арийцы. Делал заявления о своей заинтересованности в сохранении Британской империи как мировой морской империи, если она согласится на владычество Гитлера на евразийском материке. Но Англия гордо молчала и вела в одиночку морскую и воздушную войну с Германией.

Так, в результате сталинского самообольщения нападение Германии на рассвете 22 июня 1941 года стало действительно неожиданностью. Даже в приграничных войсковых частях, впервые за много недель солдатам было разрешено спать раздетыми, а офицеры, имевшие семьи и знакомых, ночевали в ту субботу-воскресенье вне казарм. Характерно, что в первом официальном советском заявлении о начале войны нападение было названо вероломным. Значит, вера была — вера Сталина в Гитлера как надежного союзника, хозяина своей страны, неподверженного тем колебаниям, которые характерны для всяких демократий, где правители вынуждены менять политику в соответствии с победой тех или иных партий, изменения настроений в народе и пр. Сталин, который никому не верил, физически уничтожал не только верных коммунистов, но и почти всех своих родственников, верил Гитлеру, чувствуя в нем человека «сделанного из того же теста», что и он сам.

К колоссальной вине Сталина в катастрофическом отступлении советских войск в 1941 году стоит добавить еще некоторые черты странной, фактически предательской его политики между 1939 и 1941 годами. Так, по советской границе 1939 года шла полоса оборонительных укреплений от Балтики до Черного моря, которая, по мнению экспертов, во План Шуленбурга был убедить Сталина немедленно послать в Берлин большую делегацию для переговоров с Гитлером, что заставит того отложить начало войны, а там Бог знает, что может произойти в дальнейшем. Шуленбург был повешен Гитлером в 1944 году за участие в антигитлеровском заговоре.

•21. «Дружба» великих —
407

много раз превосходила по своей неприступности линию Маннергейма, взятие которой обошлось советским войскам в 1940 году в полмиллиона жизней. Так вот, вскоре после присоединения Западных Украины и Белоруссии и перемещения советской западной границы на 200—300 километров на запад Сталин приказывает взорвать и уничтожить эту линию

обороны. Только в начале 1941 года начинается строительство оборонительной системы вдоль новой границы. Конечно, в момент немецкого нападения она находилась в зачаточном состоянии. А беспечность советского командования благодаря категорическим заверениям ТАСС, что никакой военной угрозы со стороны «нашего германского союзника» нет, была такой, что ни один мост через пограничную реку Буг не был заминирован, и немецкие танки беспрепятственно на полной скорости двигались на восток. Если бы старые укрепления не были взорваны, они непременно задержали бы наступление немцев на достаточный срок, который дал бы время советским вооруженным силам перегруппироваться и привести свои войска в надлежащий боеспособный порядок. Что касается чисток 1938 года, то они не только физически уничтожили почти весь командный состав, но даже военная стратегия Тухачевского была объявлена предательской, и Сталин приказал перестроить войска по модели войны 1914 года, в которой моторизованные войсковые единицы служили лишь приложением к пехотным частям, в то время как модель Тухачевского опиралась на большие самостоятельные моторизованные соединения — танковые, бронетранспортерные и пр., — и на быструю маневренность, мобильность военных операций. Только в начале 1941 года Сталин отдал приказ о восстановлении этой стратегии. К июню 1941 года вдоль границы с Германией шла соответствующая перестройка вооруженных сил. В результате в момент нападения большинство самолетов были на приколе или в ангарах при строящихся аэродромах приграничной полосы; большинство танков, бронетранспортеров и пушек находились на железнодорожных площадках в ходе переброски с места на место. В итоге, как пишет Григоренко, в первые несколько дней войны немцами было уничтожено до 90% советских самолетов (большинство из них даже не успело под-

408

— 21. «Дружба» великих •

няться в воздух), и в течение первых двух-трех недель было уничтожено или захвачено немцами до 90 % танков. Конечно, расплачиваться за это пришлось не Сталину, а генералам. Первым был расстрелян генерал Павлов, командовавший войсками Западного приграничного военного округа. Он и около десятка других генералов, расстрелянных в первый год войны, явились козлами отпущения за сталинские нерадивость, маниакальное недоверие и кровавые чистки, унесшие жизни лучших командармов.

Вернемся теперь к вопросу о целесообразности сталинской системы, его пятилеток, его индустриального «чуда». Напомним, что накануне перехода к сталинской модели индустриализации, в последние 2-3 года НЭПа, шел ожесточенный спор о методах индустриализации между «левыми», на чью сторону в те годы перекинулся Сталин, взявший на вооружение фактически модель Троцкого—Преображенского, и «правыми», представляемыми Бухариным. Напомним, что Бухарин предлагал фактически столыпинскую модель индустриализации: вывозить сырье и зерно, платя крестьянам достаточно привлекательные деньги за производимую ими продукцию, чтобы стимулировать у них стремление к максимальным посевам и модернизации фермерского дела, ввозя за русское сырье машины с Запада, в том числе и сельхозмашины, цены на которые должны быть доступны крестьянам. Сталин тогда, пользуясь временным разрывом дипломатических отношений с Англией, который он интерпретировал как неизбежность близкой войны, заявлял, что у Советского Союза нет времени на такое постепенное развитие промышленности, он находится во вражеском окружении, и ему необходимы бешенные темпы развития тяжелой промышленности (читай: военной), чтобы быть готовыми к отражению врага. Как мы знаем, «успех» пятилеток был очень относительным, ибо шел за счет террора, страшного понижения уровня жизни в 1930-е годы, голода, разрушения сельского хозяйства и легкой промышленности. И поскольку это была типичная экономика военного времени, способная производить лишь очень ограниченный ассортимент продукции, к 1938 году сталинское «чудо» захлебнулось: рост производства стали, угля, добычи нефти застыл, и даже началось количествен-

— 21. «Дружба» великих —

409

ное снижение производства. Виной этому, как мы уже сказали, были сталинская «экономическая» система плюс террор, унесший на тот свет или, в лучшем случае, в

концлагеря тысячи инженеров и ученых и отлучивший тех, кто остались на своих производственных местах, от проявления какой-либо творческой инициативы, ибо любая ошибка, просчет грозили обвинением во вредительстве и смертной казнью.⁵ Сегодня многие постсоветские экономисты и историки указывают, что из-за стремительного отступления в 1941 году было потеряно около половины всей военной техники и боеприпасов. То есть Советский Союз победил Германию половиной оружия и машин, созданных в 1930-е годы. Такое количество было бы произведено и в условиях действия производственной модели Бухарина. Но зато не было бы той ненависти к власти крестьян, которые составляли не менее 60% советских солдат и которые миллионами сдавались в плен немцам в первые месяцы войны, а позднее влились во власовское движение и прочие антисоветские военные соединения на стороне Германии. Не было бы всех ужасов 1930-х годов. И вооруженные силы возглавлялись бы теми опытными офицерами, которых Сталин уничтожил. Наконец, не будь Сталина, нормальное правительство посчиталось бы со сведениями о готовящемся немецком нападении и приготовилось бы к нему. Были бы целы и укрепления 1939 года, так что вряд ли бы немцы дошли до пригородов Москвы и, во всяком случае, война обошлась бы в гораздо меньшее количество русских жизней при толковом командовании. Разве можно оправдать тот факт, что на каждого убитого немца приходится 7 погибших советских военнослужащих? Немецкие войска потеряли 4 миллиона убитыми на всех фронтах вместе взятых, а советские — около 25 миллионов на одном, правда, самом кровавом фронте. В заключение этих «ссылгательных» подсчетов и размышлений можно смело прийти к выводу, что Сталин и его «система» не могут быть оправданы даже при самом циничном игнорировании человеческих жертв и страданий.

Прекрасный образ этого дан в рассказе Солженицына «Правая кисть».

410

— 21. «Дружба» великих —

Но вернемся к первому дню войны — дню полной растерянности Сталина, первой реакцией которого был приказ не провоцировать противника, не применять артиллерию — он все еще усыплял себя надеждой, что произошла какая-то ошибка и немцы могут вернуться на исходные позиции. Затем было приказано проникнуть в тыл противника; в то время как на самом деле немецкое наступление опрокинуло советские войска, которые отступали в беспорядке, и речь могла идти только о более упорядоченном отступлении. А газеты ни словом не обмолвились о немецком нападении. «Правда» в этот день вышла с передовицей о летнем отпуске учителей.

Первым объявил о начавшейся войне патриарший местоблюститель Сергей. На 22 июня в 1941 году выпал праздник Всех святых, в земле российской просиявших, и митрополит Сергей, только что окончив воскресную литургию, готовился начать служить молебен, посвященный всем российским святым, когда один из его помощников сообщил ему о немецком нападении. Митрополит тут же объявил о начале войны прихожанам и произнес проповедь-призыв к защите Родины. Он говорил, что Церковь всегда во всех национальных невзгодах оставалась со своим народом, призывал духовенство исполнить свой пастырский и национальный долг, многозначительно предостерег от соблазнов по ту сторону фронта. Затем он распорядился отпечатать текст проповеди и разослать ее по всем тем немногочисленным приходам, что еще не были закрыты, с распоряжением зачитывать ее с амвона. По советским законом этим своим выступлением митрополит совершил антигосударственный акт, поскольку Церкви было запрещено каким-либо образом вмешиваться в государственные и общественные дела. Но на этот раз отрицательных последствий за этот самовольный поступок не было. Наоборот, эта и последующие патриотические речи митрополита печатались в государственных типографиях и раскидывались с самолетов по ту сторону фронта. Тем не менее, когда немцы подошли вплотную к Москве, Сталин приказал эвакуировать митрополита Сергия в Ульяновск, явно не доверяя ему. Возможно потому, что ближайший его друг, экзарх Прибалтики митрополит Сергей (Воскресенский), остался в Риге и занял позицию внешней поддержки немцев, убеждая их, что

— 21. «Дружба» великих —

411

РПЦ — не добровольный сотрудник советской власти, а жертва и пленник. Ему удалось

убедить немцев в политической целесообразности существования на оккупируемой ими территории церкви, подчиняющейся Московскому патриархату, так как это убедит советских граждан не только в религиозной терпимости немцев, но и в том, что они понимают разницу между советским народом и его коммунистическими поработителями. Это сложное лавирование между молотом и наковальней закончилось убийством Рижского митрополита людьми в форме СС. До сих пор есть две версии о его убийстве — по одной версии это были советские партизаны, переодетые в немецкую форму, по другой — убийцами были немцы. Сергей Воскресенский был явно неуютен большевикам. Но не менее неуютным он был и для Берлина, отказавшись осудить избрание в 1943 году митрополита Сергея (Страгородского) патриархом, чего требовали от него немцы; то есть он открыто выступил против официальной политической линии Берлина, выпустив заявление в поддержку новоизбранного патриарха, в котором говорилось, что допущение большевиками восстановления патриаршества свидетельствует об идеологическом провале марксизма и воинствующего безбожия. Так вот, возвращаясь к осени 1941 года... Сверхподозрительный Сталин мог решить, что митрополит Сергей Рижский остался в оккупированной немцами Риге неспроста, что между двумя Сергиями был тайный договор, чтобы в случае войны Рижский митрополит остался на немецкой стороне и подготовил бы легализацию Московской патриархии в случае прихода немцев в Москву. Во всяком случае, некоторые историки придерживаются такого мнения. Как бы то ни было, но Сталин не пускал местоблюстителя обратно в Москву до осени 1943 года, хотя патриотические воззвания, которые Сергей продолжал писать в Ульяновске, советские самолеты по-прежнему разбрасывали по ту сторону фронта. Что касается пресловутой встречи Сталина 4 сентября 1943 года с тремя единственными митрополитами, которые еще пребывали на своих постах, то объяснение этому лежит совсем не в плоскости популярных в сегодняшней России легенд о каком-то арабском епископе, который-де по велению

412

— 21. «Дружба» великих —

Богородицы встретился со Сталиным и чуть ли не вернул его к вере в Бога и что маршал Жуков летал на самолете с иконой Богоматери над войсками в Сталинграде. Все гораздо проще. К 4 сентября 1943 года, после разгрома немцев под Сталинградом и на Курской дуге, победа была уже обеспечена. Но скоро должна была начаться Тегеранская конференция, и Сталину надо было убедить союзников в том, что в СССР религиозная свобода, и никакой мировой революцией Советский Союз больше не грозит. Для этого было разрешено англиканской высокой церковной делегации посетить Москву в сентябре, где английские гости увидели пышное патриаршее богослужение в переполненном храме. Все это было раздуто англо-американскими средствами информации — Сталин стал «добрым дядей Джо», как назвал его Рузвельт. Что касается реального положения церкви после судьбоносной встречи иерархов со Сталиным, то, хотя такие устные обещания Сталина, как открытие духовных школ и храмов в необходимом Церкви количестве, выполнены не были, шквальных гонений на религию по образцу 1930-х годов уже не было до хрущевских гонений 1959—1964 годов⁰.

А теперь взглянем, что происходило в советских верхах в первые дни войны. Только через несколько часов после митрополита Сергея о войне объявил по радио Молотов. Сталина не было ни слышно, ни видно — он укатил на так называемую «ближнюю дачу» — в Кунцево. Микоян вспоминает, что через несколько дней после начала войны члены Политбюро всполошились — как же без Сталина?

Отправились на поиски в Кунцево и нашли его там в полной прострации. Сталин явно предполагал, что ему или, во всяком случае, его

Подробно об этой встрече и вообще о советской религиозной политике последнего сталинского десятилетия см. в след. работах Дмитрия Поспеловского: «Русская православная церковь в XX веке».

М., Республика, 1995, гл. 7—9; «Православная церковь в истории Руси, России и СССР». М., Библейско-бо-гословский институт св. апостола Андрея, 1996, гл. 13—14; «Сталин и Церковь: "конкордат" 1943 года и жизнь Церкви», в *Континент*, № 103, с. 220-239. М., 2000; D. Pospelovsky *The «Best Years» of Stalin's Church Policy (1942-1948) in the Light of Archival Documents*. Religion, State & Society, Vol. 25, no. 2, 1997.

— 21. «Дружба» великих —

413

руководству страной пришел конец, так как встретил членов Политбюро словами: «Зачем пришли?» В отличие от Сталина, который в те дни, наверное, считал, что война проиграна, по словам того же Микояна, «у нас была уверенность, что мы сможем организовать оборону». Молотов пояснил Сталину, что необходимо создать единый централизованный орган управления страной во время войны, во главе которого должен стать Сталин. «Сталин посмотрел удивленно» и ... согласился⁷. Вот вам и вождь! Ведь

это Сталин должен был созвать членов Политбюро, а не они — просить его возглавить снова руководство. Сталин сам в 1945 году на приеме в честь Победы, произнося тост «за великий русский народ», произнес свои знаменитые и многозначные слова о том, что в момент начала войны другой народ сбросил бы таких руководителей, и только такой великий и долготерпеливый народ поверил своим руководителям, и вот победа. Подтекст тоста: русский народ правильно сделал, что доверился такому великому вождю, как Сталин, несмотря на его политические просчеты накануне войны. Из поведения Молотова и К" и того факта, что Сталин остался у власти, и попыток сместить его не было, такой циник, как Сталин, мог сделать вывод о «правильности» чисток. Ведь, если бы в руководстве партии и армии оставались старые кадры, более способные к принятию самостоятельных решений, чем аппаратчики сталинской школы, дворцовый переворот, во всяком случае, в эти дни полной растерянности Сталина был бы весьма вероятным.

Как известно, лишь на одиннадцатый день войны, 3 июля 1941 года, Сталин наконец выступил по радио с обращением к народу со словами из своего семинарского прошлого: «Дорогие соотечественники! Братья и сестры: к вам обращаюсь я, друзья мои...». Однако из состояния паники Сталин и его сподвижники вышли нескоро. Согласно недавно скончавшемуся советскому историку Волкогову где-то в начале июля Сталин решил обратиться к болгарскому послу с просьбой снестись с Берлином и сообщить, что Сталин готов капиту-

⁷ Д.А.Волкогов «Сталин. Триумф и трагедия». Кн. II, ч. 1, с. 168-169. М., Новости, 1989.

414

— 21. «Дружба» великих —

ликовать Германии, сдав ей Молдавию, Прибалтику и часть Украины и Белоруссии (очевидно до границ 1939 года. —Д. II.). Но болгарский посол — к позору Сталина и К" — отказался, заявив, что «никогда Гитлер не победит русских ... если вы отступите хоть до Урала, то все равно победите». Как правильно указывает Волкогов, ни один русский царь не дошел до такого позора, как Сталин и его сподвижники в вышеупомянутом ходатайстве. Правда, сам Волкогов допускает, что, поскольку архивный материал, на который он ссылается, основан на устных свидетельствах, в нем могут быть и некоторые домыслы".

Нормального человека поражает наглость Сталина. Черчиллю — в ответ на его предложение союза и любой помощи, которую Англия сможет оказать Советскому Союзу, — Сталин ставит условия. Так, в ответ на предложение Черчилля от 7 ноября 1941 года отправить в Москву британскую военную миссию Сталин отвечает, что он согласится встретиться с британцами, только если они готовы приступить к обсуждению целей войны и планов, касающихся устройства послевоенного мира. В противном случае «мне очень трудно будет найти время для встречи». Сам будучи готовым к сепаратному миру с Германией, Сталин чуть ли не до конца

Д.А.Волкогов «Сталин. Триумф и трагедия», с. 173. А бериевский чекист Судоплатов утверждает, что встречи Сталина и Молотова с болгарским послом Стаменовым не было. Дело это было поручено ему, Судоплатову, который завербовал Стаменова несколькими годами раньше. По поручению Молотова Судоплатов предложил Стаменову распространить слух о готовности СССР капитулировать Германии. Слух этот Стаменов согласился распространить среди болгарских государственных деятелей с тем, чтобы он дошел до Берлина, чтобы вызвать там некоторое расслабление, уверенность, что так или иначе победа Германии обеспечена, мол, теперь можно позволить себе некоторую передышку. См.: Судоплатов, Павел, Судоплатов, Анатолий *Special Tasks*. Boston, Little Brown & Co., 1994, p. 145—147. Слова Стаменова о том, что СССР победит в войне и что СССР не следует вступать в такого рода переговоры с немцами, Судоплатов тоже приводит, но как сказанные ему болгарским послом в общей беседе по этому вопросу.

— 21. «Дружба» великих —

415

1944 года не доверял союзникам, подозревал их в желании заключить сепаратный мир с Германией. Даже поднимал об этом вопрос на Тегеранской конференции, узнав, что представители немецкой армии входили в контакт с западными союзниками в нейтральных Швейцарии и Швеции.¹ Условием союза Сталин ставит признание западной границы СССР 1941 года, которую он называет «Линией Керзона», что не совсем верно. Британский министр иностранных дел лорд Керзон предлагал границу по Западному Бугу лишь примерно до Бреста, дальше предполагалось автономное государство Восточная Галиция, но такие детали Сталина не интересовали. К 1943 году Черчилль фактически согласился на границу по линии Керзона с продлением ее по советскому проекту. Сначала Черчилль настаивал на том, чтобы Львов оставался в Польше. Но на Тегеранской конференции в ноябре 1943 года и Рузвельт, и

Черчилль фактически приняли советскую версию будущей границы, хотя формального договора по этому вопросу еще не было. Рузвельт тянул с официальным решением до президентских выборов 1944 года, поскольку не хотел терять голоса американских избирателей польского происхождения. Черчилль считал, что полная независимость Польши важнее, чем вопрос о границах, и что у Сталина можно будет выторговать эту независимость за соглашение о линии Керзона. Как мы знаем, Польша не получила ни тех границ, на которых первоначально настаивали западные союзники, ни независимости. Последний «бой», проигранный Западом, имел место на Крымской конференции в феврале 1945 года. Как известно, к тому времени большая часть Польши была уже занята советскими войсками, и в Люблине был сформирован временный комитет из коммунистов и их попутчиков, который выполнял функцию временного правительства. И вот на Крымской конференции Сталин настаивал, чтобы западные союзники при-

" На самом деле это были представители антигитлеровского заговора, которые хотели узнать, переменится ли политика противника, если Гитлер будет свергнут. Западные союзники их разочаровали, заявив, что в любом случае война будет вестись до полной капитуляции Германии.

416

— 21. «Дружба» великих —

знали Люблинский комитет законным временным правительством вплоть до выборов, которые состоятся вскоре после окончания войны. Черчилль же и в меньшей степени Рузвельт настаивали сначала на том, чтобы польское правительство состояло из членов довоенного правительства, бежавшего в Англию, — имеется в виду польское эмигрантское правительство в Лондоне. Западные союзники выражали готовность включить в это правительство и нескольких представителей Люблинского комитета. Но Сталин стоял на своем, играя на том, что лондонские поляки бежали из Польши и оставили свой народ на произвол судьбы, а люблинцы — представители воевавшей Польши, бывшие всю войну с народом. Это не совсем верно, ибо часть люблинцев, включая будущего президента Берута, находились во время войны в Москве. Однако, играя на этом и на роли советской армии в освобождении Польши, Сталину наконец удалось перевернуть карты: теперь речь уже шла о признании Англией и Соединенными Штатами Америки Люблинского «правительства», пополненного несколькими представителями лондонского польского эмигрантского правительства. Черчилль этому сначала сопротивлялся, соглашаясь лишь на то, чтобы правительство Польши создавалось как бы с нуля из представителей всех политических партий Польши, основой которого должны стать лондонские поляки. Но глава американского Госдепартамента Стеттиниус подготовил для Рузвельта проект, по которому люблинский комитет преобразовывался в правительство. Британский министр иностранных дел Идей отреагировал на американскую инициативу замечанием, которое было обращено скорее к Стеттиниусу, чем к Молотову: «Вряд ли кто-либо в Великобритании поверит, что Люблинское правительство является представителем польского народа ... такая точка зрения разделяется большинством населения и США и Европы. Именно поэтому британская делегация не хотела простого добавления [лондонских поляков] к Люблинскому правительству и подчеркивала необходимость начать [составление польского правительства] с нулевой точки».¹⁰ Неделатель было уже нече-

¹⁰ Nadeau, Remi *Stalin, Churchill, and Roosevelt Divide Europe*. N. Y., Praeger, 1990, с. 139 et al.

— 21. «Дружба» великих -

417

го: Рузвельт со Стеттиниусом были очарованы Сталиным до такой степени, что Рузвельт сказал Миколайчику, польскому премьер-министру в изгнании, что Сталин, во всяком случае, не империалист (!), в то время как британского премьера Рузвельт, по-видимому, считал империалистом. Во всяком случае, так он реагировал на предложение Черчилля разделить Восточную Европу после войны на сферы влияния между западными союзниками и СССР, на что Сталин согласился на переговорах с Черчиллем в Москве в 1942 году. Когда Рузвельт услышал от Черчилля об этом соглашении, он выступил категорически против, считая это актом империализма со стороны Черчилля. Беда в том, что у Рузвельта не было альтернативной программы, из-за чего западными союзниками не была выработана конкретная программа устройства послевоенной Европы до самой Крымской конференции, на которой советская сторона фактически диктовала свои условия и получила то, что требовала, согласно словам Сталина, сказанным им второму лицу югославских коммунистов Миловану Джиласу: «Каждый [правитель] распространяет свою политическую систему на то расстояние, на которое простирается власть его армии»¹¹.

Сталин согласился с тем, что постоянное правительство будет установлено в Польше только после «свободных демократических выборов», но добавил, что только демократические партии смогут участвовать в выборах. Тут Запад подвела семантика. Западные союзники понимали под фашистскими

такие тоталитаристские партии, как нацисты и итальянские фашисты. Сталин же, заявив, что фашистские партии не будут допущены до участия в выборах, имел ввиду все правые партии. Польские выборы состоялись в январе 1947 года. Известно, что подавляющее большинство голосов было подано за Крестьянскую партию, возглавляемую Миколайчи-ком, поскольку почти все партии правее Крестьянской не получили права выставлять свои кандидатуры. Тем не менее Крестьянская партия получила в Сейме всего 52 места из 444. Все остальные места достались государственному блоку. После этого начались аресты членов Крестьянской партии.

¹¹ Там же, с. 27.

418

— 21. «Дружба» великих —

Миколайчик бежал на Запад. На этом закончилась игра в демократию в Польше.

На Польшу Сталин ополчился особенно, поскольку она была самой большой, многолюдной страной Восточной Европы, обладавшей к тому же сильной традицией борьбы за независимость. Неспроста в Катыни, Осташкове и других лагерях для польских пленных, захваченных в 1939 году, было расстреляно более 12 тысяч польских офицеров — их убийство во время войны советские власти свалили на немцев, и только президент Ельцин придал гласности наконец это жуткое преступление и передал соответствующие архивные документы польскому правительству. Наконец Англия и Франция объявили войну Гитлеру из-за его нападения на Польшу, и британское правительство дало Польше слово, что после войны Польша будет восстановлена в качестве независимого и свободного государства. В годы войны в Польше действовала весьма активная и героическая партизанская *Армия Крайова*. Это она подняла Варшавское восстание осенью 1944 года с целью встретить советскую армию уже в качестве самоосвободившегося государственного центра. Именно поэтому советские войска остановились перед Варшавой и вступили в Варшаву лишь после подавления немцами восстания. Короче говоря, Сталин считал, что в лице Польши он имеет в своем новом «хозяйстве» наиболее непокорную страну, особенно, если допустить туда лондонское правительство, тесно связанное с Францией и Англией.

Что касается Чехословакии, то ее правительство в изгнании (тоже в Лондоне) возглавлялось весьма просоветски настроенным левым народным социалистом Бенешем, которого виднейший сталинский чекист Судоплатов называет завербованным советской разведкой агентом влияния¹². К тому же Чехословакия отличалась от Польши традицией тихого выживания под властью более сильных держав, покорностью исторической судьбе. Наконец не надо забывать, что на пресловутой Мюнхенской конференции 1938 года западные союзники предали Чехословакию, в то время как Совет-

¹² Sudoplatov, Pavel, Sudoplatov, Anatoli *Special Tasks*. Boston, Little Brown & Co., 1995, p. 233-235 et al.

— 21. «Дружба» великих —

419

ский Союз встал в позу готовности защищать Чехословакию, но невозможности осуществить это намерение из-за того, что Польша и Румыния отказались пропустить советские войска через свои территории. Иными словами, Советский Союз выглядел единственным другом Чехословакии в глазах значительной части населения страны. В связи со всеми этими факторами Сталин был готов некоторое время поиграть с Бенешем в демократию. И так, в мае 1946 года в Чехословакии состоялись подлинно демократические выборы в парламент. Коммунисты получили более 38% голосов, став партией относительного большинства, — совершенно, как нацисты в Германии в 1932 году. Параллели с приходом Гитлера к власти наблюдаются и дальше. В результате относительной победы коммунистов премьер-министром становится глава компартии Готвальд. 12 из 24 министерских портфелей достаются коммунистам, в том числе самые важные — внутренних дел, юстиции, связи (почта, телеграф) и ряд других. Министром обороны становится советский ставленник, формально беспартийный генерал Свобода, который систематически «очищает» вооруженные силы от антикоммунистов. Советский Союз начинает активно вмешиваться во внутренние дела Чехословакии. Так, на Парижской конференции 1947 года чехословацкая делегация первоначально голосует за принятие американского плана Маршалла по экономическому восстановлению Европы. Но на следующий день получает взбучку от Москвы с приказом отказаться от плана Маршалла, что и было выполнено чехословацкой делегацией. По этому

поводу министр иностранных дел Чехословакии Ян Маса́рик сказал, что повторяется история Мюнхена. Увлечение Советским Союзом и коммунизмом начинает спадать. Проведенный **компартией** опрос общественного мнения в январе 1948 года показал сокращение сторонников коммунизма до 28%. Времени терять было нельзя — стало очевидно, что на следующих свободных выборах коммунисты проиграли бы. В феврале Готвальд ультимативно представил Бенешу список нового правительства, состоявшего сплошь из коммунистов и их сторонников. Бенеш покочевряжился, но список подписал. Начались аресты антикоммунистов и изгнание таковых из полиции и армии. Затем состоялись новые «выборы» с еди-

420

— 21. «Дружба» великих —

ным кандидатом. Маса́рик был выброшен из окна своего кабинета — труп был найден под окном. Официально его смерть была объявлена самоубийством. Компартии Чехословакии и Польши стали членами только что созданного Коминформа, который в отличие от Коминтерна включал в себя только правящие компартии Европы плюс компартии Франции и Италии. Это говорит о том, что Сталин рассчитывал на победу коммунистов и в этих странах в скором времени.

В свете судеб Чехословакии и Польши, по отношению к которым у западных держав были обязательства юридические и моральные, что уж говорить о защите этими державами беженцев из СССР, а тем более тех из них, кто вступил в антибольшевистские войска — власовцах, казаках и т.д., — и таким образом под конец войны оказался в стане врага союзников? Британский писатель русского происхождения Николай Толстой, получивший доступ к документам Крымской конференции в британских архивах, указывает, что на самой конференции постановления о **насильственной** репатриации советских граждан принято не было, и советская сторона даже этого не предлагала. Тем не менее в будущем насильственные выдачи оправдывались якобы постановлениями Крымской (Ялтинской) конференции.

Британские распоряжения того времени весьма противоречивы, но в основном в них идет речь о насильственном возвращении только военнопленных, бывших советскими гражданами и проживавшими в СССР после 1930 года. В одном из документов подчеркивается, однако, что Женевская конвенция о военнопленных говорит, что военнопленные, не принадлежащие к национальности той армии, в которой они воюют, тем не менее считаются гражданами той страны, униформу которой они носят и в армии которой состоят. На этом основании, говорится в одной из британских инструкций, в индивидуальном порядке даже советские граждане, захваченные в немецкой форме, имеют право требовать применения к ним указанной Женевской конвенции и не подлежат насильственной выдаче. Несмотря на это в Австрии (Лиенц) были обманым путем переданы советскому командованию в конце мая 1945 года антибольшевистские казаки, находившиеся в британском плену, среди которых

— 21. «Дружба» великих —

421

было 3 тысячи старых эмигрантов, никогда не бывших советскими гражданами, в том числе престарелые генералы Краснов, Шкуро и еще несколько генералов — все, кроме Доманова, были генералами Белой армии. Власовские части попали в плен в основном к американцам, и все, кому не удалось бежать, были выданы насильственно СССР, где все старшие офицеры были расстреляны (Власов и его штаб после жесточайших пыток). Слабым оправданием этих преступлений союзников было опасение, что, если Англия и США не будут выдавать советских военнопленных, Советы задержат военнопленных западных союзников, находившихся в немецких лагерях, захваченных советскими войсками. Но даже этим аргументом нельзя оправдать выдачу более двух миллионов мирных советских граждан, бежавших на Запад во время войны от «родной» советской власти или вывезенных немцами в качестве «восточных рабочих» и не желавших добровольно возвращаться под власть Сталина. Пишущий эти строки собственными глазами видел в 1943 году стихийную миграцию российского и украинского крестьянства по Киевско-Варшавскому шоссе. Это были нескончаемые вереницы возов в лошадиной упряжке со всем нехитрым крестьянским скарбом, часто с домашним скотом. А калмыки дошли до Мюнхена даже с верблюдами. По неофициальным данным в западных зонах Германии и других западно-европейских странах, входивших в

состав Германской империи, на момент капитуляции находилось более 6 миллионов советских граждан. И вот в 1946 году началась их насильственная репатриация, сопровождавшаяся самоубийствами. В основном избежали репатриации те, кому удалось достать липовые документы (во многих лагерях действовали «фабрики» по изготовлению поддельных документов), делавшие их эмигрантами эпохи гражданской войны, жителями довоенных Прибалтики, Польши, Балкан и т.д.

Но вернемся к судьбам Восточной Европы. По модели событий в Польше и Чехословакии устанавливались коммунистические режимы и в остальных восточно-европейских странах. В Румынии, Болгарии и Венгрии этот процесс был еще проще — в Румынии и Венгрии, поскольку они воевали против СССР, и оккупация их была вполне легальной; Волга-

422 — 21. «Дружба» великих —

рия официально была в состоянии войны с западными союзниками, а, кроме того, там было очень значительное русофильское крыло. Югославия и Албания в основном были освобождены своими коммунистическими партизанами, поэтому они придерживались более независимой от Советского Союза политики, что и вызвало ссору в 1948 году и исключение Югославии из Коминформа. Однако независимость не делала национальные коммунистические режимы более либеральными, привлекательными или менее тоталитарными. Остаткам коммунизма в Югославии пришел конец только в ходе национально-демократической революции сентября-октября 2000 года. Можно, однако, сказать, что с появлением югославского национального коммунизма был нанесен смертельный удар по коммунистическому интернационалу. Положено начало вырождению интернационального социализма в **национал-социализм**, не только этимологически, но и по содержанию.

Аннотированная библиография

Andreyev, Catherine *Vlasov and the Russian Liberation Movement*. Cambridge, Cambridge University Press, 1989 (переиздана в Москве в русском переводе). Научно-историческое и политологическое исследование Власовской РОА и его «Комитета освобождения народов России» как движения идеологического и патриотического.

Bethell, Nicholas *The War Hitler Won: the Fall of Poland, 1939*. N. Y., Holt, Rinehart & Winston, 1973.

Добросовестная история польско-немецко-советских отношений накануне Второй мировой войны. Автор анализирует состояние Польши, ее неумную политику и неумение англичан вовремя оценить подлинную расстановку сил и угроз, в частности, неспособность западных послов, в том числе британского, правильно и вовремя оценить советско-германские демарши.

Волкогонов, Дмитрий «Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина». 2 т. М., Новости, 1989. Как и его книга о Ленине, эта работа написана плохо и в смысле организации материала, и стилистически. Иногда неясно, что это — науч-

— 21. «Дружба» великих —

423

но-историческое исследование или плохой исторический роман с такими «лирическими» отступлениями, как описание мыслей в голове Сталина, будто это известно автору. Но в книге много документального материала, часто уникального. В отличие от его книги о Ленине тут автор еще коммунист-ленинец, осуждающий лично Сталина, но не систему.

Djilas, Milovan *Conversations with Stalin* (русский перевод в издательстве «Посев» под названием «Разговоры со Сталиным»). N. Y., Harcourt, 1962. Джилас был вторым лицом после Тито в руководстве югославской компартии, но с 1952 года начал выступать с критикой коммунистического режима, называя новую коммунистическую элиту новым классом, осуждая ее роскошный быт, разврат и коррупцию. В 1957 году он был осужден и отправлен в тюрьму за опубликование за рубежом книги «Новый класс». Выйдя из заключения в 1961 году, он опубликовал свои воспоминания о переговорах со Сталиным во время и после войны, имевших прямое отношение к исключению Югославии из Коминформа в 1948 году. В 1962 году Тито снова отправил своего бывшего друга в тюрьму по обвинению в «разглашении государственных тайн» в «Разговорах со Сталиным». Книга представляет большой интерес как историко-политического, так и психологического характера.

А. Казанцев «Третья сила. История одной попытки». Франкфурт-на-Майне, Посев, 1974. Покойный автор был одним из первых членов Народно-трудового союза (российских солидаристов), образованного русским зарубежным студенчеством на съезде в Белграде в 1930 году. Во время Второй мировой войны Казанцев, журналист по профессии, примкнул к Власов-скому движению и был редактором газеты РОА «Воля народа». Книга знакомит читателя с российским солидаризмом и его идеями, а затем подробно описывает историю РОА, давая портреты ее руководителей — Власова,

Зыкова, Жилен-кова, Трухина и др.

Kennan, George *Memoirs. 1925-1950*. Boston, Little, Brown & Co. Автор — известный американский дипломат и политолог-историк России и Советского Союза, провел много лет в СССР на должностях от секретаря посольства чуть ли не с момента восстановления дипотношений между СССР и США в 1933 году до полномочного посла США в послевоенном СССР. Книга особенно интересна его разоблачением второго посла Дейвиса — миллионера, который финансировал избирательную кам-

— 21. «Дружба» великих —

панию Рузвельта и за это получил пост посла. В СССР если не формально, то фактически Дейвис был советским агентом влияния. Кеннан описывает его как человека неумного, ничего в политике не понимающего и поэтому игнорировавшего мнения своих гораздо более сведущих сотрудников, в том числе, и Кеннана. Дейвис пользовался советами только журналистов левых просоветских взглядов, в том числе пресловутого Дюранти. Под их влиянием Дейвис принимал показательные процессы 1930-х годов за чистую монету, дезинформируя Рузвельта. Под его влиянием Рузвельт фактически уничтожил советский отдел Госдепартамента и на Ялтинскую конференцию отправился без единого специалиста по Советскому Союзу. Nadeau, Remi *Stalin, Churchill and Roosevelt Divide Europe*. N. Y., Praeger, 1990. Доскональное историческое исследование политической стороны союза «великих» военного времени с весьма нелестным описанием и исследованием обстоятельств сдачи Сталину своих позиций западными союзниками. Очень нелестное описание политической безграмотности и наивности Рузвельта и Стеттиниуса, который вел себя вообще как советский агент влияния.

А.М.Некрич «1941, 22 июня». М., Наука, 1965. Небольшая книга, написанная автором в рамках идеологических канонов того времени, но при этом резко осуждающая (вполне обоснованно и документально) Сталина фактически как главного военного преступника, виновного в катастрофе 1941 года. Книга вышла 50-тысячным тиражом и сначала удостоилась похвалы, кажется, в «Вопросах истории». Но затем состоялся ее разгром на «научном» совещании военных историков, после чего была изъята из продажи и из общедоступных отделов библиотек. Автор лишился права преподавать в МГУ, а позднее эмигрировал в США, где и скончался.

Pauley, Bruce *Hitler, Stalin, and Mussolini*. Wheeling, 111., Harlan Davidson, 1997. Автор рассматривает историю этих диктаторов и их взаимоотношений в рамках их идеологий, которые он вполне обоснованно считает тоталитарными и которые в конце концов приводят их к войне, поскольку тоталитаризм не терпит «другого».

Richer, Alfred *Stalin and the French Communist Party*. N. Y., Columbia University Press, 1962. Анализ деструктивного влияния политики VII конгресса Коминтерна на французскую политичес-

— 21. «Дружба» великих —

425

кую жизнь накануне Второй мировой войны, а затем и на коалиционную деятельность французского подполья в годы войны, и на нормальное развитие страны после войны. П. Н.Кнышевский, О. Ю.Васильева и др. (сост.) «Россия в лицах, документах, дневниках. Скрытая правда войны: 1941 год». В документах разоблачается ложь сталинского и послесталинских коммунистических режимов о войне.

Stettinius, Edward, jr. *Roosevelt and the Russians: the Yalta Conference*. N. Y., Doubleday, 1949. Книга секретаря Госдепартамента США в эпоху Ялтинской конференции, с чьей подачи Рузвельт вел дела на Крымской конференции. Автор — то ли полный дурак, то ли советский агент влияния, — остался при мнении, что Сталин сделал очень много уступок западным союзникам! Стеенберг, Свен «Власов» (перевод с немецкого). Мельбурн, Австралия, Русский дом, 1974. Очень теплые воспоминания о Власове его переводчика.

Sudoplatov, Pavel, Sudoplatov Anatoli *Special Tasks*. Boston, Little, Brown & Co., 1995. Автор — заплочных дел мастер сталинской эпохи — подробно описывает «мокрые дела», которые он словно усовершенствованный автомат, без всякого зазрения совести, гениально исполнял по приказу Сталина, и без всяких признаков раскаяния о них повествует. Tolstoy, Nikolai *Victims of Yalta*. Corgi Books, 1978. Документальное изложение выдач советских граждан в СССР после войны. Книгу можно считать самым убедительным обвинительным актом в отношении британского и американского правительств в косвенном геноциде.

Fischer George. *Soviet Opposition to Stalin*. Harvard University Press, 1952. Ранняя попытка американского советолога разобраться во власовском движении, идее «Третьей силы» и пр. Особенно ценны приложенные документы: Пражский манифест, материалы курсов для офицеров-пропагандистов в штабе Власова в Дабендорфе, материалы совещания нацистских лидеров у Гитлера по вопросу о российских добровольцах-антикоммунистах.

Фрёлих, Сергей Б. «Генерал Власов. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным». Автор — прибалт, воспитанный в русских культурных традициях, сыграл видную роль в пробивании идеи антикоммунистической «Третьей силы» среди немцев антигитлеровских настроений. Был одним из энтузиастов власовского движения, служа офицером связи при

426

•21. «Дружба» великих —

генерале Власове. Книга описывает трагедию власовского движения и русского народа, вынужденного

выбирать между двумя тиранами, решать вопрос о нежеланном союзе с одним, чтобы бороться против другого.

Schapiro, Leonard *The Communist Party of the Soviet Union*. 4. III (сталинская эпоха).

Штрик-Штрикфельд, Вильфрид, капитан. «Против Сталина и Гитлера». Франкфурт-на-Майне, Посев. История власовского движения в описании одного из его создателей — прибалтийского немца русской культуры, выпускника Санкт-Петербургского университета. Он был участником антигитлеровского движения среди немецких офицеров и с первого дня войны утверждал, что победить Советский Союз можно только русскими же силами. Добивался (безуспешно до конца 1944 года) права на создание самостоятельной Русской освободительной армии лишь в союзе с немцами, а не в подчинении у них. Служил связистом между Германским генштабом и штабом Власова. Книга Штрикфельда — один из главных документов об этой трагической странице русской истории.

Глава 22 Холодная война как идеология

«В мире сейчас существует только две державы. Это, во-первых, далекая Россия, все еще варварская страна, но великая и ... достойная уважения. ... другая — Америка, опьяненная [своим успехом] недозрелая демократия, не знающая себе пределов. Судьбы мира находятся между этими двумя нациями. Когда они столкнутся — это будет борьба таких масштабов в смысле силы и физических последствий, которые никому из нас и не снились, ибо эпоха великих вопросов нравственности миновала навсегда».

Слова Тьера в переложении Сент-Бева (*Cahiers*, 1847).

Этой пессимистической цитатой открывает свою двухтомную «Историю холодной войны» известный французский историк и публицист Андрэ Фонтэн. До сих пор, слава Богу, это пророчество осуществилось не полностью; во время холодной войны войны были локализованы. Чего ни Тьер, ни Сент-Бёв не могли предвидеть, — это «диалектическую» роль ядерного оружия, страх перед которым удерживает мир от больших войн. Будущее покажет, насколько этот мир прочен или непрочен, и не превратится ли новый тип полугорячей полувойны в международный терроризм, который становится все более и более масштабным, в новый тип не просто мировой, но уже глобальной войны, которую Солженицын еще лет 25 назад назвал Третьей мировой войной (в виде международного терроризма). Этого, конечно, мыслители XIX века предвидеть не могли. Ввиду этого нового разворота международных «отношений» наша глава о холодной войне, может быть, уже устарела. Но поскольку наша тема — идеологии, связанные с тоталитаризмом, а не простое историческое повествование,

428

— 22. Холодная война как идеология —

то мы решили все же оставить эту главу в том виде, в каком она задумывалась несколько лет назад.

Холодную войну можно определить как **борьбу между двумя враждебными системами с целью взаимного уничтожения, но не прибегая к прямой вооруженной конфронтации**. В этом смысле отсчет холодной войне можно начинать с марта 1918 года, когда Советская Россия заключила сепаратный мир с Германией и переключилась на гражданские войны и попытки экспорта революции. Именно в таком ключе видит холодную войну французский политолог и публицист Андре Фонтэн. Он считает, что поскольку целью коммунизма является мировая революция, овладение всем миром и поскольку единственной страной воинствующего марксизма до Второй мировой войны был Советский Союз, который не мог в одиночку вступить на путь международных войн, выполнять свою идеологическую миссию по распространению коммунизма он мог только всевозможными видами подрывных действий, провокаций, поддержкой гражданских войн, как например Испанской. Все эти действия вместе взятые и являются состоянием холодной войны.

Хотя сам термин этот родился после Второй мировой войны с ростом трений и конфликтов между СССР, с одной стороны, и его западными союзниками, с другой, Ленин еще в 1916 году писал, что для коммунистов, если они придут к власти, «всякая "программа мира" есть обман народа и лицемерие, если она не базируется, в первую голову, на разъяснении массам необходимости революции и на поддержке, содействии, развитии ... революционной борьбы масс»¹. Убеждая членов Политбюро принять условия Брестского мира, Ленин говорит о нем как о необходимой передышке, «пока мы должны будем *готовиться* к революционной войне. Революционная война... должна быть войной социалистической республики против буржуазных стран с целью свержения буржуазии в этих странах». И вот на VIII съезде партии

в марте 1919 года Ленин заявляет:

В.И. Ленин Полное собрание сочинений (ПСС). Изд. 5-е, т. XXVII, с. 289.

— 22. Холодная война как идеология —

429

«Немыслимо, чтобы Советская республика существовала в течение какого-либо длительного времени рядом с империалистическими государствами... Неизбежен будет ряд страшных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами»².

К концу 1920 года Ленину стало ясно, что Военный коммунизм привел страну к полной экономической катастрофе и 26 ноября, выступая на собрании секретарей комячеек, он заявляет о необходимости предоставления концессий капиталистическим предпринимателям. Для его аудитории такое сообщение было явным шоком. (Американский социалист Спарго также считал, что принятие капиталистических концессий — доказательство провала коммунизма.) Пытаясь успокоить коммунистическую аудиторию, Ленин произносит многозначительные слова:

«Мы всегда говорили, что мы — всего лишь звено в цепи мировой революции и никогда не ставили себе целью победить в одиночку... До того как произойдет революция, буржуазный капитал нам пригодится. Концессии ... это тоже своего рода война, только в другом виде. Это война в нашу пользу. Прежние войны велись танками, пушками ... Теперь же война будет вестись на экономическом фронте ... Повторяю: концессии — это продолжение войны на экономическом фронте ... Мы наметили правильный путь к мировой революции. Но этот путь виляет зигзагами. Мы не рассчитываем победить мировую буржуазию одной силой оружия... Капитализм и социализм не могут сосуществовать в мире. Победит одна или другая сторона в конце концов. Это всего лишь передышка между войнами».

Таково ленинское понимание сосуществования. Правда, как мы уже говорили, после провала последних попыток совершения большевистской революции в Германии в 1921 и 1922 годах, Ленин понял, что, во-первых, мировой революции не бывать в непосредственном будущем; во-вторых, Советский Союз недостаточно силен, чтобы распространять коммунистическую революцию посредством оружия, и потому советской власти нужно приспособиться к условиям су-

- В.И. Ленин ПСС. Изд. 5-е, т. XXIX.

430

— 22. Холодная война как идеология —

ществования в недружественном коммунизму «капиталистическом окружении» в течение многих десятилетий. Однако этим положением не отменялись конечные цели Советского Союза и мирового коммунизма. Советская власть просто не могла отречься от этой цели после всех жертв, принесенных управляемыми ею народами на алтарь «всемирного большевистского братства». И поэтому неудивительно, что Советский Союз в конце концов развалился почти как картонный домик, когда окончательно выветрилась идея мирового коммунизма и шансов ее осуществления. Распад СССР можно сравнить с распадом Российской империи. Ведь обе системы были централизованными идеократиями, и обе распались после того, как религиозная идея в каждой из них была окончательно скомпрометирована, когда остатки веры в *ту* и другую идеи выветрились, и государственная идея стала лицемерием³.

Но вернемся к историческим реалиям Советского Союза и его вождей. До каких пор правители Советского Союза верили в коммунистическую идею и ее распространение на всем земном шаре? Чтобы правильно ответить на этот вопрос, надо было бы залезть в душу Сталина, Хрущева и пр. Внешние признаки весьма противоречивы. Так, мы уже вы-

“ На дегенерации коммунистической идеи мы останавливаться не будем — она ясна каждому, да и в первых главах мы достаточно подробно рассмотрели тоталитаризм, чтобы читатель мог приложить его «мерки» к тому, что произошло с Советским Союзом в последние годы его существования. Кстати, распад СССР предсказал покойный писатель Андрей Синявский (псевдоним Абрам Терц) в своем эссе «Что такое социалистический реализм?». В дореволюционной России центральная теократическая идея была скомпрометирована подчинением церкви государству, превращение ее в «Ведомство православного исповедания», управляемое генералами и бюрократами. По существу, христианская религия была подменена идеологией принудительного характера. Иными словами, как правильно пишет священник Георгий Чистяков, Российская империя была, по существу, безбожным государством с религиозной идеологией, лицемерность которой постепенно стала ясна подавляющему большинству

населения. И вот от небольшой женской стачки в Петербурге империя рухнула как карточный домик.

— 22. Холодная война как идеология —

431

сказывали предположение, что вера Сталина в правильность исторического материализма, по-видимому, серьезно поколебалась, когда после «ночи длинных ножей» он убедился, что Гитлер — не простая марионетка капитализма, а следовательно, марксистский исторический дуализм ложен. Сталинское преследование классически марксистского историка Покровского и его последователей в 1930-е годы и упор на роль личности в истории — от Ивана Грозного и Петра до Сталина и Гитлера, — ни в какие ворота марксистского экономического детерминизма не лезут. Мы уже говорили о неизбежности эволюции коммунистического интернационализма к национализму в результате провала попыток экспорта коммунизма в 1920-е годы. Так вот в рамках одной державы, да еще победившей в Великой отечественной войне, Сталин отстраивает великодержавный национализм и даже шовинизм и пытается на Потсдамской конференции получить колонии в Африке, чтобы стать империей в духе колониализма XIX века. Личность Сталина в этот период затмевает все, и советский послевоенный патриотизм опирается на культ этой мифологизированной личности. Это особенно характерно в отношении предельно изолированной от мира послевоенной молодежи. Во всяком случае, для ее значительной части с личностью Сталина отождествляется построение какого-то сказочного коммунизма, возглавляемого великой Советской сверхдержавой (а в рамках крайнего национализма того времени эта сверхдержава все больше отождествляется с государством **Россия**) в каком-то далеком будущем.

Смерть Сталина была воспринята значительными слоями советского населения как народная трагедия. Такая реакция на смерть небывалого по жестокости и бессердечию к своему народу диктатора сравнима с реакцией рыбы, выброшенной на берег. Казалось бы, она должна наслаждаться обилием кислорода, но вместо этого она подыхает от его избытка. Другой аналогией является реакция заключенного, выпущенного из концлагеря. В своей книге «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицын писал, что бывшего зека тянет обратно в лагерь: там было все запрограммировано, а тут ты предоставлен сам себе, и твое будущее зависит от твоих собственных решений.

432

— 22. Холодная война как идеология —

Синявский-Терц в своем замечательном эссе о социал-реализме гиперболически говорит, что идея коммунизма настолько отождествлялась с личностью Сталина, — поскольку он в своих чистках уничтожил чуть ли не всех теоретиков и горячих пропагандистов коммунизма и поскольку в результате этих чисток все было серо, — что с его смертью и последовавшей затем борьбой его наследников за власть сама идея коммунизма измельчала: что же это за идея, если ее отождествляют такие ничтожества? И тут появляется Хрущев с осуждением Сталина, обвинением его в том, что он обагрил кровью «чистые ризы» коммунизма. Хрущев призывает назад к якобы подлинному Ленину и ленинской «демократии». А затем обещает построить основы коммунизма к 1980 году с его «великими стройками коммунизма» — строительством гидроэлектростанций, освоением целинных земель, — что, якобы, приведет к изобилию, без которого не может быть коммунизма. На какое-то время это захватывает часть молодежи, комсомольцев. Но силовые приемы Хрущева, в том числе потопление в крови венгерской революции, и все более видимый примитивизм самого Хрущева и его идей при появлении информационных трещин в железном занавесе все больше подрывают остатки веры в какое-либо светлое будущее коммунизма. Хрущев все-таки, — скорее всего ввиду своего примитивизма и неумения мыслить критически, — был, вероятно, последним советским руководителем, веровавшим в реальность построения коммунизма. Поэтому-то он и возобновил массовое гонение на религиозные вероисповедания, массовое закрытие храмов и преследование верующих. Ибо коммунистическая вера несовместима с верой в Бога, о чем писал еще Маркс. И Хрущев, вероятно, хорошо помнил слова Маркса: «коммунизм начинается с атеизма». После него приходят к власти уже обыкновенные циники, дорожащие лишь властью и благами «сладкой жизни». Народ это чувствует, теряет остатки уважения к властимушам, что отражается в анекдотах. Характерно сравнение анекдотов хрущевского и брежневского периодов. Ведь в диктатурах, не допускающих критики в печати, анекдот —

лучший измеритель народных настроений и отношения к власти. Если Хрущев в анекдотах хитрый и лукаво-страшноватый

— 22. Холодная война как идеология —

433

мужик, то Брежнев изображается таким дурачком или даже просто идиотом. Каждая попытка его окружения создавать ему культ личности, как например, вручение двух Ленинских премий за двухтомник якобы его воспоминаний, написанный за него подставными лицами (кажется, Чаковским), вызывает фонтан новых анекдотов, высмеивающих его. Вот это и была точка отсчета всенародного идейного цинизма, при котором управлять по-старому уже было нельзя. За три десятилетия, прошедшие со смерти Ленина, изменилось и понятие сосуществования. Вскоре после смерти Сталина Маленков заявил, что при наличии оружия всеобщего уничтожения война перестала быть неизбежностью, так как атомная война скорее всего приведет к прекращению жизни на земле. Хотя это «искажение ленинизма» было среди прочих обвинений вменено Хрущевым в вину Маленкову, сам Хрущев взял этот лозунг на вооружение, объявив новую эру мирного сосуществования. К тому, как он, а затем и Брежнев толковали понятие мирного сосуществования, мы еще вернемся.

Проследим теперь развитие отношений между западными союзниками и Сталиным непосредственно после окончания войны и то, с какого момента и каких событий можно говорить о начале эры собственно холодной войны в общепринятом смысле, то есть в послевоенные сталинские годы. Как мы уже говорили, трещины во взаимоотношениях западных союзников и Сталина проявились уже на Ялтинской конференции в связи с польским вопросом. Сведения об арестах весной 1945 года офицеров польской Армии Крайовой, которые были приглашены советским командованием на переговоры с данной им гарантией безопасности, а затем арестованы и судимы в Москве с вынесением им приговоров длительного заключения, не могли вызвать теплых чувств западных союзников. Преследования политических партий, в том числе левой Польской крестьянской партии, вынудившие ее главу Миколайчика бежать на Запад, и аналогичные расправы с некоммунистическими партиями в остальных восточно-европейских странах наносят смертельный удар по остаткам иллюзий о возможности тесного дружеского союза с СССР. Постепенно входит в оборот термин «железный за-

434

• 22. Холодная война как идеология —

навес». Впервые Черчилль употребил термин «холодная война» 12 мая 1945 года¹, через 5 дней после капитуляции, имея ввиду самоизоляцию сталинского блока. В те же дни Черчилль пишет президенту США Трумэну, что, учитывая агрессивную политику Советского Союза и тот факт, что теперь граница государств советского блока проходит фактически по центру Европы, необходимо, чтобы Америка отказалась от первоначального намерения, озвученного Рузвельтом на Ялтинской конференции, — убрать свои войска из Европы не позднее, чем через два года после окончания войны. Сталин, несомненно, рассчитывал на расширение своей власти на всю Германию и дальше, на Францию и Италию, где коммунисты были самыми большими партиями, после того, как американские войска уберутся из Европы, и США вернутся к своей довоенной политике изоляционизма. Черчилль убеждал Трумэна оставить значительный контингент американских войск в Германии и сохранить за собой ведущую роль в западном союзе. Трумэн не сразу ответил на инициативу Черчилля, хотя согласился с ним в необходимости новой конференции с участием Советского Союза. Конференция состоялась в июле-августе 1945 года в пригороде Берлина — Потсдаме с участием Сталина.

Хотя Трумэн почувствовал всю несостоятельность Стет-тиниуса и заменил его на посту госсекретаря гораздо более способным и здравомыслящим Джеймсом Бернсом, тем не менее и новая иослерузвельтовская администрация никак не хотела расставаться с легендой о «добром дяде Джо». Гарри-ман и Трумэн считали, что все беды происходят от того, что Молотов дезинформирует Сталина. Вот встретимся в Потсдаме и договоримся! Неопытность Трумэна сказалась в том, что послом своим в Великобританию он отправил того самого Дейвиса, который, будучи послом в СССР, получал богатые подарки от ГПУ и был де-факто, если не де-юре, советским агентом влияния⁵. С Черчиллем Дейвис, естественно, общего языка не нашел. Все еще веря в доброго дядю Джо, Дейвис предложил, чтобы на Потсдамской конференции переговоры велись наедине между Трумэном и Сталиным.

¹ Хотя обычно считается, что этот термин был произнесен Черчиллем впервые в Фултонском университете на родине президента Рузвельта в 1946 году.

— 22. Холодная война как идеология —

435

Черчилль взорвался. Возмущенный советским поведением и террором, Черчилль говорил об угрозе захвата Советским Союзом всей Европы, если американцы выведут из Европы свои войска. Дейвис свалил все с больной головы на здоровую, обвинив Черчилля в своем рапорте Трумэну в разжигании вражды и угрозы войны. Правда Черчилля подтверждалась все более страшными вестями из-за «железного занавеса». В Болгарии летом 1945 года было официально осуждено и расстреляно около 2 тысяч политических деятелей, университетских профессоров и журналистов плюс от 15 до 20 тысяч расстрелянных без суда. Аналогичная картина наблюдалась в Албании и Румынии, и чуть в меньшей степени - в остальных восточно-европейских странах, не говоря уж о сталинском терроре в СССР, особенно в тех областях, которые были оккупированы немцами во время войны. Сталин консолидировал свою власть единственным ему понятным методом — террором.

Американцы были наивны не только в отношении Советского Союза, но и в отношении обустройства послевоенной Европы. Так, для послевоенной Германии у них был подготовлен план советника президента Рузвельта по экономическим вопросам Генри Моргентау, назначение которого было предотвратить на веки вечные возможность развязывания Германией войны. План предлагал разрушить до основания всю немецкую тяжелую промышленность и превратить Германию в страну земледельцев. Естественно, если бы этот план проводился в жизнь систематически, добрая половина немцев вымерла бы с голоду, поскольку страна с плотностью населения более 200 человек на квадратный километр, к тому же не имеющая чернозема, не могла бы прокормить 70-миллионное население. Нацисты использовали этот план для запугивания немецких граждан повальным голодом, который-де уготовили Германии западные союзники. Как считает Рой

¹² Его, вернее, его жены, вилла в Вашингтоне является домом-музеем с уникальной коллекцией русских предметов искусства, икон, облачений, в том числе короны, в которой короновалась Екатерина Великая. Большинство предметов были личными подарками Дейвису от Сталина и Молотова, другие были куплены за бесценок.

436

— 22. Холодная война как идеология —

Даглас, план Моргентау только усилил немецкое военное сопротивление и, возможно, затянул войну на какое-то время, а когда союзники столкнулись с реальным положением вещей, им пришлось от него отказаться не только из гуманных соображений, но и ввиду необходимости существования промышленно динамичной Германии для общего экономического здоровья Европы. Наконец отношения с Советским Союзом так быстро и бесповоротно портились, что крепкая и экономически динамичная Германия была необходима как важное звено будущего оборонительного союза Европы⁶.

Естественно, на Потсдамской конференции отношения были гораздо более натянутыми, чем в Ялте. Трумэн советской стороне сразу не понравился своей прямоотой. Известны слова Молотова о том, что если бы Рузвельт был жив, споры в отношении Восточной Европы не достигли бы такой остроты. Такого же рода высказывания можно найти и в мемуарах Хрущева. Что они имели ввиду, — это, конечно, уступчивость Рузвельта советской стороне и его слова в Ялте о послевоенном уходе войск США из Европы. В этом смысле Потсдам поставил Сталину заслон. Не имело успеха и поразившее англичан и американцев предложение Сталина в Потсдаме предоставить Советскому Союзу колонию в Африке. Естественно, это предложение Сталина осталось без ответа. Американский историк Крокэтт считает, что даже если бы Рузвельт и дожил до Потсдамской конференции, вряд ли это что-нибудь изменило. Ведь уже в письмах Рузвельта Черчиллю после Ялты звучат нотки разочарования в Сталине, хотя он и предлагает Черчиллю не заострять «советскую проблему», а в его последнем письме Сталину содержится резкая критика Сталина из-за нарушения им обещаний, данных в Ялте, в отношении демократии в Польше. Ко времени Потсдамской конференции накопилось уже столько информации об ужасах за «железным занавесом», что вряд ли Рузвельт занял бы более мягкую позицию, чем Трумэн⁷.

⁶ Douglas, Roy *From War to Cold War, 1942-1948*. London, Macmillan, 1951, chapter 9.

⁷ Crockatt, Richard *The Fifty Year War*. N. Y., Routledge, 1995, p. 43 et al.

Итак, признаки холодной войны были налицо еще до окончания войны. Выдающийся историк-аналитик Джордж Лихтгейм в своей «Истории XX века» считает, что холодная война началась (или, если пользоваться хронологией Фон-теина, возобновилась) к концу Крымской конференции в споре о Польше из-за ее коммунизации вопреки обещаниям Сталина не распространять коммунистическую систему на Польшу. Дело в том, что, поскольку восточно-европейские страны были уже оккупированы советской армией, у дипломатии западных союзников не было иных рычагов, способных остановить процесс насильственной коммунизации восточно-европейских стран, кроме как применением военной силы, что было невозможно хотя бы потому, что без психологической готовности к этому граждан западных демократий начинать войну демократии не могли. Знаменитый французский политический мыслитель Алексис де Токвиль писал, что демократическим государствам требуется много времени, чтобы начать или закончить войну. Он имел ввиду необходимость считаться с общественным мнением, необходимость больших усилий и пропаганды, чтобы склонить общественное мнение либо в пользу войны, либо в пользу мира. В случае с Советским Союзом значительное большинство граждан западных стран и до войны имело некоторое представление о гонениях на веру в СССР и о кровавых чистках. Поэтому потребовались очень большие пропагандистские усилия, чтобы склонить общественное мнение Великобритании и США к союзу с СССР. Тут и приезд в СССР в 1943 году высокой делегации Англиканской церкви с последующей затем дезинформацией британской общественности со стороны ее участников о свободе вероисповедания в Советском Союзе⁸, и статьи Дюранти в американских газетах о «добром дяде Джо» и о том, что он подлинный друг Америки, да вот только в его Политбюро есть враги Запада, с которыми Сталину приходится считаться. В этих статьях американскую

В этом особенно постарался настоятель Кентерберийского собора Джонсон, так называемый «Красный декан», называвший себя христианским марксистом и откровенно пропагандировавший советский коммунизм.

публику убеждали, что Верховный Совет аналогичен западным парламентам и т.д. Как же вдруг объяснить общественности, что Сталин совсем не друг Запада, что советский режим кровав и бесчеловечен? Путь изменения отношения западной общественности к Советскому Союзу в сторону его осуждения был на Западе очень постепенным и окончательно восторжествовал только после распространения на Западе так называемой «тайной речи» Хрущева на XX партсъезде весной 1956 года. Но тогда у власти в СССР был уже улыбчивый и «миролюбивый» диктатор, игравший в ленинскую «демократию» и провозглашавший мирное сосуществование. Куда уж тут отвоевывать Польшу или Чехословакию! Удержать бы только Западный Берлин, который Хрущев не раз обещал захватить силой.

Итак, у нас уже две возможных отправных точки начала холодной войны — ноябрь 1917 и февраль 1945. Однако традиционно собственно холодную войну считают следствием следующего ряда событий 1947-1948 годов. Это, во-первых, знаменитая статья Джорджа Кеннана в самом влиятельном американском политологическом журнале «Фореин Афферс» под псевдонимом «Х», в которой без обиняков говорилось о Советском Союзе и вообще коммунизме как врагах демократических государств, но в качестве палиатива предлагалась система сдерживания агрессии. Причем Япония и Филиппины были обозначены как зона защиты Америки, в то время как Китай Чан Кайши он не включал в перечень американских интересов и был готов отказаться от Кореи. Вывод статьи, позднее изложенной в качестве стратегической платформы США, был таков: из-за сдерживания и недопущения глобальной агрессии коммунизма коммунистическая система в конце концов взорвется изнутри. Что касается Европы, то тут согласно переписке двух деятелей американского Госдепартамента — Кеннана и Болена еще в 1945 году, долг западных демократий — не допустить дальнейшего расширения советской зоны влияния. Иными словами, несмотря на все протесты Рузвельта против идеи сфер влияния, послевоенная Европа была все-таки разделена на две сферы влияния. Только если на Западе это было не более, чем сфера влияния, на коммунистическом

лезная и кровавая диктатура. Следующим шагом к холодной войне было создание в 1947 году Коминформа. Вспомним, как много значения западные союзники — весьма ошибочно — придавали ликвидации Сталиным Коминтерна в 1943 году по просьбе Рузвельта. Точно также, но отрицательно, отреагировали западные союзники на появление Коминформа. Это рассматривалось как повторная консолидация коммунистических сил в противостоянии Западу. Агрессивная направленность Коминформа как бы подтверждалась его составом: все правящие коммунистические партии Европы, а из неправящих — только французская и итальянская компартии, что воспринималось как намерение Сталина добиться победы коммунистов в этих странах¹. В 1948 году был разработан план восстановления Европы, так называемый «план Маршалла» (по имени его создателя). Он был принят всеми странами Европы, принимавшими участие в войне, кроме советского блока. В Ялте было достигнуто соглашение о том, что, поскольку Советский Союз пострадал больше всех во время войны, ему пойдет львиная доля немецких репараций и поскольку такое количество репараций не сможет одолеть одна советская зона Германии, часть репараций будет идти и из западной зоны. Но поскольку советский блок бойкотировал план Маршалла, теперь не было оснований для поставок репараций из Западной Германии, восстанавливаемой с помощью американских субсидий. Поэтому вскоре после начала реализации плана Маршалла западные союзники решили закрыть границы между западной и восточной зонами. Сталин ответил Берлинской блокадой. С этого момента, уже бесспорно, началась «холодная война», определяемая как противостояние двух враждебных друг другу держав, сил или блоков, применяющих друг к другу все формы борьбы, кроме непосредственной военной конфронтации.

⁹ Интересно, что коммунисты Китая не были приглашены в Ко-минформ. Скорее всего это было связано с опасениями Сталина, что китайская компартия в силу своей многочисленности (просто потому, что китайцы — самая многочисленная нация), могут взять верх над КПСС. Правда, на Потсдамской конференции Сталин назвал китайских коммунистов фашистами. См.: Дуглас *Указ*, соч., с. 105.

440

— 22. Холодная война как идеология —

Но если мы обратимся снова к вышеприведенным словам Ленина о сосуществовании с капиталистическим миром, то убедимся в тождественности терминов «сосуществование» и «холодная война». Однако хрущевское толкование сосуществования радикально отличалось от ленинского тем, что Хрущев отказался от ленинского тезиса о **неизбежности** войны на полное поражение между социализмом и капитализмом. В «Программе КПСС», принятой на XXII съезде партии в 1961 году, говорится:

«Мирное сосуществование социалистических и капиталистических государств — объективная необходимость развития человеческого общества. **Война не может и не должна служить способом решения международных споров.** Мирное сосуществование или катастрофическая война — только так поставлен вопрос историей... **Мирное сосуществование** предполагает отказ от войны как средства решения спорных вопросов между государствами, разрешение их путем переговоров; равноправие, взаимопонимание и доверие между государствами, учет интересов друг друга; невмешательство во внутренние дела, признание за каждым народом права самостоятельно решать все вопросы своей страны; строгое уважение суверенитета и территориальной целостности всех стран; развитие экономического и культурного сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды».

Далее «Программа» утверждает, что Советский Союз всегда «последовательно отстаивал и будет отстаивать политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем». А как насчет нападения на Финляндию в 1939 году, захвата прибалтийских республик, насильственного внедрения коммунистических режимов в восточно-европейских странах? Более того, «Программа» противоречит сама себе, утверждая, что компартия СССР считает своим долгом «дать решительный отпор вмешательству империалистов в дела народа любой страны, поднявшегося на революцию ... необходимо иметь в виду возможность **немирного перехода к социализму...** [поскольку] господствующие классы добровольно

власти не уступают»¹". Если сложить эти циклы — «Программы и уставы КПСС». М., Политиздат, 1969. с. 99—130.

— 22. Холодная война как идеология —

441

таты, то вместе они будут означать насильственные методы борьбы, вооруженные восстания при прямом участии Советского Союза — то, что уже при Хрущеве, но особенно при Брежневе, стало называться оказанием помощи национально-освободительным войнам. В самый разгар хрущевской политики сосуществования некоммунистические или так называемые капиталистические государства изображались советской печатью как заклятые враги всего «прогрессивного человечества», враги Советского Союза, которые, мол, только из тактических соображений решили пребывать в мире с Советским Союзом и с которыми, со своей стороны, тоже по тактическим соображениям, Советский Союз решил сосуществовать, вернее, переменить методы борьбы с прямой конфронтации на более постепенную идеологическую борьбу за конечную победу коммунизма. Когда советская интеллигенция обратилась к Хрущеву с ходатайством распространить мирное сосуществование и на интеллектуальную и культурную сферы, Хрущев набросился на авторов обращения. В области идеологии — а культура согласно марксизму неотделима от идеологии, — о сосуществовании не может быть и речи. Борьба будет продолжаться до тех пор, пока существуют капиталистические государства". Хрущев не раз заявлял, что «национально-освободительные» войны будут продолжаться в условиях «мирного» сосуществования, и Советский Союз будет оказывать им полную поддержку.

То же самое повторялось в эпоху Брежнева и его преемников. Правда, взаимоотношения Запада и СССР при Брежневе назывались не сосуществованием, а «разрядкой», разрядкой напряженности в мире. Но этот термин еще больше не соответствовал реальной политике Советского Союза, чем более скромный термин «сосуществование». Запад клюнул было на этот новый термин, имея ввиду прямое значение этого слова. Но именно в это время на XXIV съезде КПСС в 1971 году Брежнев провозгласил:

«Сегодня мы хотим... заверить... коммунистов мира: полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно. И за это мы будем бороться, не жалея сил».

«Правда», 18 декабря 1962 и 10 марта 1963.

442

• 22. Холодная война как идеология —

И как бы отвечая Западу на его иллюзии о разрядке:

«Разрядка создает благоприятные возможности для широкого распространения идей социализма».

На практике всего тремя годами раньше широкое распространение идей социализма обернулось подавлением «Пражской весны» войсками стран Варшавского договора, пользуясь так называемой «доктриной Брежнева» (интересы пролетарского интернационализма выше национальных интересов), который на самом деле перефразировал слова Ленина: «Интересы социализма выше права наций на самоопределение». А на XXV съезде КПСС в 1976 году Брежнев развил целую «доктрину» двойного стандарта, по которой высадка кубинских войск в Анголе при военной и финансовой поддержке Советского Союза не нарушает разрядки, являясь братской помощью прогрессивным силам Анголы в борьбе с агентами колониального империализма, в то время как американская военная помощь антикоммунистическим силам в той же Африке «представляет собою грубое вмешательство во внутренние дела на стороне сил угнетения и реакции». И самое пикантное заявление:

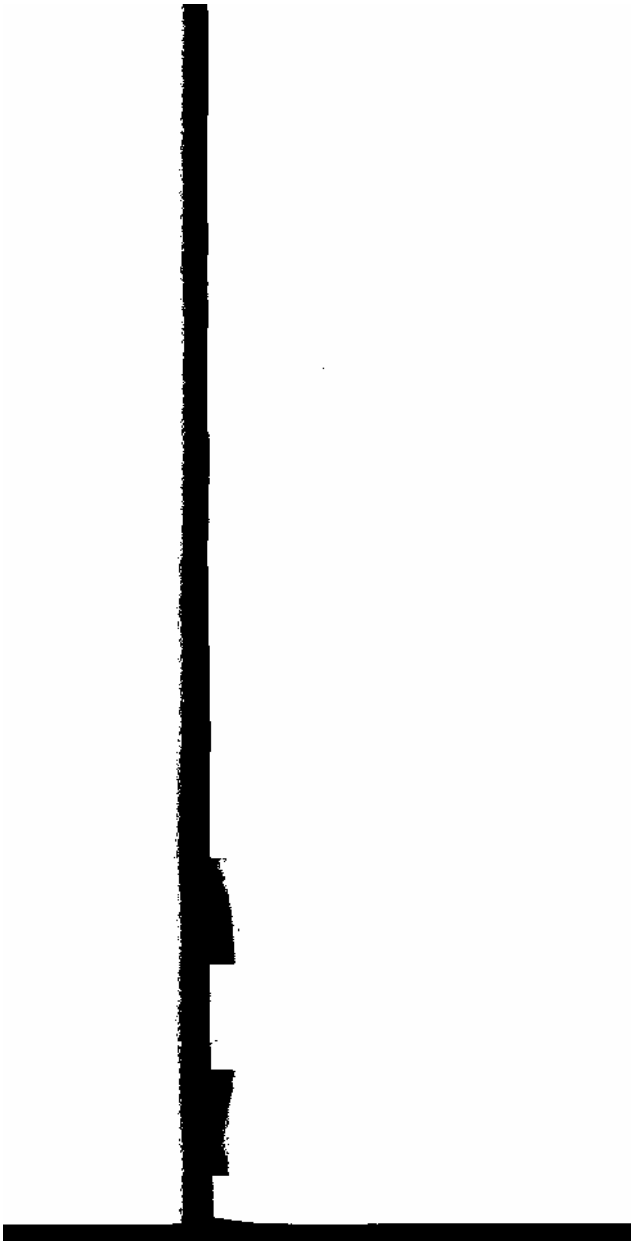
«Иные буржуазные деятели поднимают шум по поводу солидарности советских коммунистов с другими народами в борьбе за свободу и прогресс. Это либо наивность, либо намеренное затуманивание мозгов. Ведь предельно ясно, что разрядка касается межгосударственных отношений ... Разрядка ни в коей мере не отменяет законов классовой борьбы ... коммунисты не ждут автоматического краха капитализма, а полны решимости добиться этого краха...»¹².

Комментарии, как говорится, излишни. Внешние достижения Советского Союза и его учеников в застойную и крайне серую эпоху Брежнева были действительно значительны: коммунистические режимы были в Эфиопии и Анголе, Мозамбике и Гвинеи, победа коммунистов в Индокитае, партизанские движения в Южной Америке и т.д. И все это сопро-

— 22. Холодная война как идеология —

443

¹-А.Авторханов «Сила и бессилие Брежнева». Франкфурт-на-Майне, Посев-Ферлаг, 1979, с. 127-137.

вождалось экологически и экономически варварской добычей нефти и газа и их вывозом за рубеж. Но созданная сталинскими пятилетками экономическая система была настолько нерентабельна и не приспособлена к долгосрочному и гармоническому развитию страны, что уже в 1970-е годы начала загнивать, и приблизительно через 15 лет развалилась, в соответствии с предсказанием Джорджа Кеннана.

Аннотированная библиография

Авторханов, Абдурахман «Сила и бессилие Брежнева». Франкфурт-на-Майне, Посев, 1979. Как и его ранее упомянутая «Загадка смерти Сталина», эта книга тоже представляет собой блестящий, почти детективный анализ. Автор не боится смело выдвигать трудно доказуемые гипотезы.

Beschloss, Michael *The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960— 1963*. N. Y., Harper, 1991. На 708 страницах основного текста подробнейшим образом излагается и анализируется 3-летний период отношений между США и СССР. Книга снабжена богатой библиографией и колоссальным количеством сносок и примечаний. Книга написана живым, почти разговорным языком и является, несомненно, самым doskonaльным трудом по данной теме.

Bortoli, Georges *The Death of Stalin*. London, Phaidon Press, 1975 (перевод с французского). В превосходно написанной книге почти дневниково изложена политическая деятельность Сталина с 1952 года и до его смерти, описаны его похороны и события, со всем этим связанные. Убедительно отражен дух тоталитаризма.

Crockatt, Richard *The Fifty Years War: The United States and the Soviet Union in World Politics, 1941-1991*. N. Y., Routledge, 1995. Само название книги говорит о позиции автора: он считает, что послевоенный мир наступил лишь с распадом Советского Союза в 1991 году. По своему профилю это

университетское учебное пособие, без сносок, но с библиографическим очерком. Автор сам называет свой труд в основном компиляцией, но со своим анализом и выводами. Книга наполнена здоровым скепсисом в отношении таких понятий, как мирное сосуществование и разрядка. Весь послевоенный период до

444

— 22. Холодная война как идеология —

1991 года он рассматривает как продолжение Второй мировой войны иными методами.

Gaddis, John L. *The Long Peace. Inquiries into the History of the Cold War*. Oxford University Press, 1987. По-академически доскональное исследование послевоенных отношений между США и СССР и холодной войны, как таковой. Автор отрицает решающую роль экономики в истории и на примере Первой мировой и Японско-Американской войн отрицает тезис Маркса и прочих исторических детерминистов, согласно которому экономически взаимозависимые страны не воюют друг с другом, а также что тесные и продолжительные контакты между странами способствуют прочному миру между ними.

Payne, Richard *Opportunities and Dangers of Soviet—Cuban Expansion*. State University of New York Press, 1988. Автор принадлежит к школе ревизионистов-прагматиков. Парадоксально, он отрицает значение идеологии в международных отношениях, в частности, между США, СССР и Кубой почти накануне распада СССР, в чем огромную роль сыграл распад той идеологии, на которую опирался СССР, и еще большее значение в международных отношениях сыграло идеологическое перевоплощение постсоветской России. Книга, однако, интересна тем, что автор не останавливается лишь на критическом анализе американской послевоенной политики по отношению к коммунистическим странам, но делает практические выводы-рекомендации. Это дает читателю некоторое представление о направлениях политической мысли в Америке в 1980-е годы. D. V. Pospelovsky «Official Soviet Views on Peaceful Coexistence and Ideological Confrontation», in *Radio Liberty Research*, 74/72. Munich, March 27, 1972. Анализ понимания терминов «холодная война», «сосуществование» и «разрядка» советскими идеологами и Западом. Политические проблемы семантического несоответствия — одна из главных причин поражения западных союзников на Крымской конференции и в дальнейшем.

«Программы и уставы КПСС». М., Политиздат, 1969. Тексты трех программ (1903, 1919, 1961) и уставов от 1903 до 1966 года, а также резолюции и постановления о внесении изменений в уставы.

Послевоенные национал-коммунизмы, их характер и природа

«Любое преступление было Сталину не чуждо...Сталин — это чудовище, которое, исповедуя отвлеченные, абсолютистские и в основе утопические идеи, на практике признавал только успех, насилие, физический и духовный геноцид».

Милован Джилас «Разговоры со Сталиным».

Введение

Мы уже говорили о логике появления советского коммунистического национализма или национал-коммунизма в результате провала попыток экспорта революционного коммунизма, то есть реально-интернационального коммунизма. Однако этот сталинский «национализм» не был своевременно замечен по нескольким причинам. Во-первых, Советский Союз настолько огромен и многонационален, что некий «пансоветский» национализм, — хотя упор в нем все больше делался на русский язык и даже на русскую, пусть и искаженную, национальную историю, — толковался коммунистами как источник интернационализма, некая «теплица» будущей мировой революции. Другое дело — появление национальных коммунизмов после Второй мировой войны в новообразованных малых странах Восточной и Центральной Европы, а затем в странах Латинской Америки, Азии и Африки. Даже в многонациональном Китае, особенно после того, как сорвались его попытки в 1950-х и начале 1960-х годов конкурировать с Советским Союзом в качестве попечителя местных коммунистических революций. Тут следует учесть и то, что все новые коммунистические страны в отличие от

Советского Союза, само название которого, равно как и государственные эмблемы свидетельствовали о разрыве с исторической Россией, сохраняли свои исторические национальные названия и государственные эмблемы, хоть и с прибавлением пятиконечной звезды или еще какого-либо знака, свидетельствовавшего о

448

— Введение —

новой идеологии данного государства. Поэтому-то «советский патриотизм», исповедовать который должен был каждый коммунист в любом уголке мира, обладал неким глобальным подтекстом в отличие, скажем, от югославского коммунистического патриотизма или, тем более, югославского коммунистического национализма.

Мы не будем обсуждать коммунистические режимы, установленные Советским Союзом, так как это все были эпигоны Советского Союза, хотя впоследствии появился некий особый феномен Чаушеску в Румынии — коммунистического националиста позднесталинского образца и по типу национализма, и по жестокости. Не можем мы охватить и кратковременные коммунистические режимы в Африке. Коснемся лишь наиболее значительных и своеобразных более-менее «доморожденных» режимов Югославии, Китая и Кубы. Первого, поскольку от югославо-советского конфликта пошел раскол в коммунистическом мире; второго — из-за значительности в мире такого огромного государства как Китай, его попыток стать во главе коммунистов стран Третьего мира, его роли в дальнейшем распаде коммунистического международного единства и в значительной степени ввиду особых характеристик китайского революционно-коммунистического пути, отличающих его от советского и югославского прототипов; и третьего, как единственного долгосрочного коммунистического режима в особых условиях Американского континента¹.

Можно было бы подробнее рассмотреть и коммунистические движения и режимы в бывшем Индокитае. Но, во-первых, в одной книге «нельзя объять необъятного», а во-вторых, вьетнамский вариант коммунизма очень близок к китайскому.

Глава 23 Югославия

В отличие от остальных «народных демократий», коммунистический режим Югославии, как и Албании, был в основном доморожденным, установленным коммунистическими партизанами, а не принесенным на штыках Советской армии. Создание строгой партийно-иерархической структуры югославской компартии под руководством Тито произошло лишь после того как из примерно 900 югославских коммунистов, проживавших в Москве или специально вызванных туда, 800 были арестованы и в большинстве своем уничтожены либо в подвалах ГПУ—НКВД в 1936—1937 годах, либо отправлены в ГУЛАГ, из которого на свободу в конце концов вышли лишь 40 человек. Первые попытки создания единой общегославской компартии относятся к 1919 году, но они не увенчались успехом. Вместо этого было множество различных марксистских группировок — от право-умеренных до крайне левых, проводивших теракты, за что в 1923 году компартии были запрещены и с тех пор фактически все видные югославские коммунисты побывали в тюрьмах Югославского королевства. Интересно заметить, что и в югославском случае Марксова теория о революционной компартии промышленного пролетариата полностью провалилась. Наиболее многочисленными коммунистическими организациями были в Черногории и Македонии, то есть в самых отсталых и бедных частях страны, где городского пролетариата фактически не было. Самыми малочисленными в пропорции к населению были партийные организации Словении — самой передовой и урбанизированной части страны, и Сербии, где коммунистическая организация состояла их кучки радикальной интеллигенции. В Хорватии компартия была весьма многочисленным отрядом интеллигенции и сту-

450

— 23. Югославия —

• 23. Югославия —

451

денчества. Существовала и крайне фанатичная коммунистическая группа, считавшая терроризм главным направлением своей деятельности, подобно российским эсерам. Руководителем этой группы был фанатик-аскет черногорец Милетич, а среди его сподвижников был и юный Джилас (тоже черногорец), который в 1950-е годы, после изгнания КПЮ из Коминформа, станет сначала автором самостоятельного пути развития югославского коммунизма, а затем — разоблачителем коммунистической диктатуры, гуманистом, автором «Нового класса», «Разговоров со Сталиным» и многих других публицистических произведений.

В 1939 году Коминтерн, а вернее, Сталин, назначил проживавшего в Москве Тито генсеком Югославской компартии и поручил ему покончить с фракционностью и сформировать единое

централизованное руководство КПЮ, которое формально опиралось бы на некую коалицию левых сил под названием *Народный фронт*. В условиях 1939 года вся эта структура была, так сказать, «академической», поскольку почти все руководство титовской компартии находилось либо в политической тюрьме Сремской Митровицы, либо за пределами Югославии в качестве эмигрантов.

Советско-германский пакт вызвал некую растерянность среди коммунистов Югославии. В то время как сербский народ выступил решительно против сотрудничества с Гитлером (что Гитлер в апреле 1941 года использовал как предлог для нападения на Югославию), югославские коммунисты бездействовали, не смея противоречить советской политике. Так, на глубоко подпольной конференции КПЮ в Загребе в октябре 1940 года Тито назвал эту войну «Второй империалистической», до которой югославскому народу нет никакого дела, тем более «на стороне англо-французской военщины». Как указывает профессор Иво Банац, в результате победы на этой конференции стратегии Тито впервые в Югославии была создана «жестко дисциплинированная большевизированная коммунистическая организация».

В отличие от пассивности коммунистов, регулярные сербские части югославской королевской армии под командованием бывшего начальника Югославского генштаба генерала Дражи Михайловича ушли в леса и в активное антинацистское подполье после разгрома Югославии Гитлером и расчленения страны оккупантами. Это движение *четников*, к которому примкнула небольшая часть хорватских и значительно больше словенских военнослужащих, положила начало югославской борьбе против оккупантов. Коммунистические партизаны под руководством Тито примкнули к этой борьбе только после нападения Германии на СССР — и вначале даже сотрудничали с четниками. Сотрудничество продолжалось недолго по ряду причин. Во-первых, немцы объявили, что за каждого убитого немца будет расстреляно 100 местных жителей. И этого принципа немцы придерживались на практике, в один день, например, расстреляв 700 мирных сербов в городе Крагуевац. Коммунистических партизан это не останавливало; наоборот, зверства оккупантов вызывали у местного населения желание мстить и пополняли ряды повстанцев, в то время как патриотов-четников эти зверства удерживали от акций, ведущих к массовым расстрелам мирного населения. Таким образом, совместные операции партизан и четников стали невозможными и вскоре превратились в противостояние. Тогда немецкое командование начало неофициально снабжать четников оружием для борьбы с коммунистическими партизанами, что дало коммунистам пропагандистский козырь обвинять королевских четников в связях с ненавистными оккупантами. Во-вторых, моральным преимуществом коммунистов, особенно в глазах хорватов и национальных меньшинств, был факт преследования их королевской властью в 1930-х годах. А в военно-стратегическом плане у партизан было преимущество опыта гражданской войны в Испании в рядах Интернациональной югославской бригады, в то время как четники таким опытом не обладали. В-третьих, состоявшее в подавляющем большинстве из сербов четническое движение изначально было настроено против хорватов, поскольку они в первые же дни войны, за редкими исключениями, дезертировали и переходили на сторону хорватского нациста Антэ Павелича, прибывшего в Загреб вместе с итальянскими войсками (при немецкой поддержке), возглавившего затем марионеточное хорватское государство, в идеологическую программу которого входило массовое уничтожение сербов, евреев и цыган. К выполнению этой

Ј

452

23. Югославия —

программы нацистские *усташи* приступили немедленно. В ходе этой расправы было убито от 600 до 700 тысяч сербов. На эти зверства четники отвечали тем же, убив около 70 тысяч хорватов². Это противостояние привело к тому, что титовские партизаны стали единственной общегославской силой, к которой примыкали не только коммунисты, но и вообще сторонники сохранения единой Югославии, а также те хорваты, которые не желали служить в нацистских войсках *усташей*. Все это привело к тому, что в 1943 году Черчилль отменил помощь четникам, перейдя к поддержке Тито, а затем заставил молодого югославского короля Петра, бежавшего в Англию, отречься от Дражи

Михайловича. Интересно, что Сталин поддерживал связь с Дражей Михайловичем дольше, чем англичане.

Но до этого, в 1941-1942 годах, был период так называе-мо-го «левого уклона» у титовских партизан, когда они занялись уничтожением «классового врага». Особый разгул этого террора был в Черногории и Герцеговине. Там были расстреляны многие сотни более-менее благополучных крестьян под видом раскулачивания. Шел разгром церквей, нередко с убийствами священнослужителей. Одним из инициаторов этой кампании был Джилас. Эта политика чуть не привела к полному поражению партизан. Крестьяне указанных районов массами бежали к четникам, которые в тактическом союзе с оккупантами одержали несколько сокрушительных побед над партизанами, после чего эта линия была в 1942 году признана неправильной.

Немалую роль в выживании титовских партизан сыграла поддержка их сербским населением Хорватии, которое, будучи меньшинством в Хорватии, не видело для себя будущего ни с все более националистическими четниками, ни с хорватскими усташами. На территориях, контролируемых партизанами, Тито создавал «народно-освободительные комитеты». В 1942 году он хотел провозгласить их неким вре-

² Согласно покойному Миловану Джиласу, с которым автор встречался в Белграде в 1960-е годы, это цифры ЦК КПЮ, которые в то время не подлежали огласке, чтобы не обострять межнациональную ненависть.

— 23. Югославия —

453

менным правительством. Но Сталин был против. Вообще Сталин настаивал на признании титовцами короля Петра и на том, чтобы после войны была восстановлена монархия при сильной коммунистической оппозиции во главе с Тито, явно рассчитывая на то, что при такой двойственности власти Тито будет вынужден служить послушным орудием Сталина и «не рыпаться». Но Сталин просчитался: в 1943 году, не дожидаясь его разрешения, Тито провозгласил *Антифашистский союз народного освобождения Югославии* (АВНОЙ в югославском сокращении) верховным законодательным и исполнительным органом Югославии. Однако под давлением Советского Союза и нуждаясь в признании Запада, Тито подписал в начале 1945 года договор с Шубашичем — представителем лондонского югославского правительства, по которому в правительство, возглавляемое Тито, должно было войти 5 представителей лондонского правительства. Тем не менее и речи не было о коалиционном правительстве. Тито без обиняков дал понять, что это будет коммунистическое правительство с участием нескольких некоммунистов. Вопреки Сталину Тито категорически отказался от восстановления монархии, а Черчилль фактически заставил Петра отречься от престола. Не имея никакой властной базы, лондонские представители были постепенно вытеснены из правительства, а в ноябре 1945 года состоялись однокандидатные «выборы» по советскому образцу, и в стране установился коммунистический строй почти слепого подражания Советскому Союзу и прославления Сталина. Однако трещины в советско-югославских отношениях уже были и все более увеличивались. Сталин не мог простить Тито самостоятельности его мероприятий без консультаций с ним по каждому вопросу. В свою очередь, Тито обижался на Сталина за то, что он не поддержал попытки Тито присоединить к Югославии Триест. Наряду с непомерным культом Сталина, прославлением Советской армии и замалчиванием роли западных союзников в победе, югославская пропаганда подчеркивала, что освобождение страны было совершено собственными силами, правда, при помощи Советского Союза. Все это Сталину не нравилось. Он хотел в руководителях новых коммунистических стран иметь своих марионеток, а

454

— 23. Югославия —

не самостоятельных и амбициозных вождей, как Тито. Конфликт нарастал. Во время последней поездки Джиласа в Москву в январе 1948 года Сталин очень резко критиковал Югославию за то, что она ведет свою политику без предварительных консультаций с Москвой. Джилас жаловался Сталину на невыгодные условия предлагаемых Советским Союзом совместных акционерных обществ. Атмосфера была весьма накаленной. Среди обсуждавшихся тем был вопрос о югославо-болгарско-албанской федерации, в свое время предложенной самим Сталиным. И вот весной 1948 года Сталин вызывает Тито и Димитрова в Москву для подписания договора о болгарско-югославском объединении. Джилас понял, что этим путем Сталин хочет ослабить власть Тито. Он также опасался ловушки и убедил Тито в Москву не ехать. Димитров поехал, а в Болгарию вернулся в гробу.

28 июня 1948 года Югославия была исключена из Комин-форма, и штаб-квартира последнего была перенесена из Белграда в Бухарест. В заявлении Коминформа Тито обвинялся в терроризме, пренебрежении Демократией,³ деспотизме, в принижении роли компартии

слиянием ее с Народным фронтом, в «безграничном самовосхвалении и замалчивании роли других коммунистических партий» и пр. Обвинение в слиянии с Народным фронтом было особенно абсурдным: Тито на II съезде Народного фронта заявил, что Народный фронт, будучи «классовым объединением рабочего класса с его революционными союзниками», находится под безусловным руководством Коммунистической партии, которая создала его «и вступила в борьбу в качестве его вождя. Это не союз и не коалиция». А один из главных идеологов партии Эдвард Кардель пояснил: «Коалиция не в состоянии мобилизовать массы, ибо основа коалиции — компромисс»⁴. На первом этапе становления своего коммунистического государства югославские коммунисты не решались назвать Югославию государством социалистическим. Приравнявая стадию своего строительства социализма к социализму в Советском Союзе

³ Это Сталин-то — «великий демократ»!

¹ Цит. по кн.: Johnson, Ross A. *The Transformation of Communist Ideology: the Yugoslav Case, 1945-1953*. P. 28-29.

— 23. Югославия —

455

1920-х годов, они называли свое государство народной демократией⁵ — термин, в дальнейшем примененный ко всем коммунистическим диктатурам советского блока. Югославы оказались первенцами и в «изобретении» народных фронтов. Параллельно Мао в Китае Джилас выдвинул тезис об активной роли «революционного крестьянства» в построении социализма⁶. А будучи изгнанными из Коминформа, югославы выдвинули теорию различных путей к социализму и коммунизму в зависимости от исторического, хозяйственного и политического опыта каждой отдельной страны — то, что почти двадцатью годами позже вождь итальянских коммунистов Тольятти сформулирует под именем *полицентризма*.

Тито явно не понимал, почему на него обрушился такой шквал злобы и оскорблений со стороны Сталина, перед которым он так преклонялся. На V съезде партии, через несколько месяцев после изгнания из Коминформа, Тито закончил свою речь привычным: «Да здравствует Сталин!».

Не желая понять, что сутью коминформовских обвинений была не идеология, а раздражение Сталина независимостью югославского руководства, Тито в следующие несколько лет пытается доказать свою коммунистическую ортодоксию максимальным подражанием Советскому Союзу. Еще в 1947 году вводится пятилетка с такими же грандиозными и неосуществимыми масштабами планируемой индустриализации, как и в СССР. И так же, как и в СССР, главой плановой экономики назначается не профессионал-экономист, а партийный номенклатурщик Кидрич, экономическое образование которому заменила поездка в СССР, знакомство с советскими пятилетками, что и привело к тупому им подражанию в Югославии. Поскольку Коминформ критиковал Югославию и за медленные темпы коллективизации, и за сохранение частного

⁵ Этимологически абсурдный термин, дословно переводимый на русский язык как **народное народоправие!**

⁶ В «Разговорах со Сталиным» Джилас говорит, что пытался разъяснить Сталину «новую революционную роль крестьянства, сведя югославское восстание к узлу, связавшему крестьянское восстание с коммунистическим авангардом». Djilas, Milovan *Conversations with Stalin*, p. 30.

456

— 23. Югославия —

сектора в сельском хозяйстве, ЦК Югославской компартии объявляет в 1949 году программу ускоренного внедрения колхозной системы, сокращения частного сектора и предельных размеров частных хозяйств с 25 га, разрешенных первой реформой 1945-1946 годов, до 10 га⁷. Как и советская коллективизация, экономически нерентабельное планирование с упором на огромные заводы и тяжелую промышленность, не имевшие возможности достаточного для окупаемости объема сбыта в преимущественно крестьянской стране, и сокращение частновладельческого земельного сектора привели к экономическому кризису. Массовый голод был предотвращен лишь громадной американской экономической помощью. Что касается идеологии, то югославское коммунистическое руководство начало освобождаться от гипноза непогрешимости Сталина лишь к 1949 году. Сталин, в частности, предсказывал, что «югославская националистическая линия приведет к дегенерации страны в

буржуазную республику, потере независимости и к превращению в колонию империалистических государств». На это югославские коммунисты ответили критикой сталинизма слева. На пленуме ЦК в январе 1949 года Джилас обвинил советский коммунизм в ревизионизме и позднее сравнил югославский спор с Коминформом с противостоянием большевиков и меньшевиков, приравнивая себя к большевикам, а Сталина — к меньшевикам. Ссылаясь на Ленина, Джилас утверждал, что в наследии марксистских «классиков» нет понятия ведущего коммунистического государства, ведущей партии или ведущей коммунистической нации. У каждого народа может быть свой путь к коммунизму, писал Джилас, опираясь на ленинское учение о том, что революции происходят не стихийно, а производятся революционной партией в зависимости от условий той или иной страны. Тут Джилас явно имел в виду ленинскую

⁷ Сокращение частных хозяйств до 25 га в реформе 1945-1946 годов высвободило примерно 50% земельного фонда, что было поделено между беднейшими и безземельными крестьянами, что явно привлекло эту часть крестьянства на сторону КПЮ.

" Джонсон, Росс *Указ. соч.* с. 65.

— 23. Югославия —

457

брошюру «Что делать?», забывая, однако, что составленный Лениным в 1920 году устав Коминтерна явно говорит о ведущей роли «первого социалистического государства» и о долге каждого коммуниста в любом уголке мира защищать интересы Советского государства, служить ему.

Особый путь Югославии очень беспокоил Сталина — как бы остальные компартии стран советского блока не последовали югославскому примеру. Первой ласточкой этого страха были показательные процессы осенью 1949 года в Венгрии над коммунистом Ласло Райке, а в Албании над сторонником объединения с Югославией — Кочи Джодже. За этим последовали аналогичные процессы в Венгрии, Румынии и Чехословакии. Все подследственные обвинялись в «титоизме», процессы заканчивались расстрелами, за исключением Польши, где Гомулка был «всего лишь» отставлен и арестован. Это рассеяло последние иллюзии коммунистов о великом Сталине и о возможности сосуществовать с ним «в мире и согласии». Если в 1948 году на V съезде КПЮ Джилас еще оправдывал сталинские суды 1930-х годов над старыми большевиками и осуждал Троцкого и троцкистов за «клевету» на Сталина, то двумя годами позднее он повторял аргументы того же Троцкого и троцкистов против Сталина, что дало повод Коминформу обвинить югославов в троцкизме. Как и Троцкий, югославские коммунисты теперь твердили, что буржуазное окружение и экономическая отсталость способствовали вырождению советского социализма в общество **нового класса** или даже касты. Но югославы придавали меньше значения экономическим факторам, чем Троцкий, а потому допускали возможность построения социализма в отдельных странах. Надо сказать, что тут Джилас начал замечать элементы зарождения нового класса и в Югославии. В 1953 году он пишет ряд статей на эту тему для главного органа КПЮ — газеты «Борба», а затем публикует свою знаменитую книгу «Новый класс», за что Тито исключает его из партии и отправляет в ту самую тюрьму в Срем-ской Митровице, в которой Джилас сидел еще в королевской Югославии.

Первоначально ссора Коминформа с Югославией была воспринята на Западе с недоверием. Высказывались предпо-

458

— 23. Югославия —

ложения, что это какой-то совместный советско-югославский маневр для введения Запада в заблуждение. По к 1949 году стало ясно, что ссора подлинная. Американское правительство решило оказать Югославии поддержку, видя в югославском национальном коммунизме фактор ослабления и подрыва сталинеко-коммунистического монолита. Снят был запрет на экономическую помощь Югославии. В декабре 1949 года американский посол в Белграде публично заявил, что сохранение югославского суверенитета в интересах США. В 1950 году началось оказание Югославии массивной экономической помощи со стороны США и других западных государств, что, в свою очередь, заставило Югославию изменить свою внешнюю политику, сблизиться с западными странами и постепенно открыть свои границы. В 1953 году были расширены пределы земельной собственности и мелких частных предприятий — в духе советского НЭПа.

В том же году был опубликован государственный закон, направленный на «нормализацию отношений

между государством и религиями», предоставивший некоторые дотации религиозным общинам, семинариям и религиозной печати. Это, однако, не прекратило агрессивную антирелигиозную пропаганду в государственных СМИ. До конца власти коммунистов в Югославии запрещалось преподавание религии в государственных учебных заведениях. Кроме того, по требованию государства еще с 1940-х годов существуют так называемые ассоциации приходского духовенства, дающие возможность гражданским властям вмешиваться в церковные дела, давить на священников, минуя епископов и таким образом ограничивая их власть в Церкви. Поскольку государственное страхование (медицина, пенсии и пр.) распространялось только на священников, состоявших в этих ассоциациях, почти все православное приходское духовенство и их мусульманский эквивалент вступили в такие ассоциации. Среди католического духовенства в ассоциациях состояло менее 50 %, поскольку католический епископат относится к этому отрицательно. Православный епископат старался воздерживаться от политики, придерживаясь лояльного нейтралитета и отдачи должного правительству по евангельскому принципу Богу — Божье, кесарю — кесарево. Однако нынешний патри-

— 23. Югославия —

459

арх Павел открыто выступал против недавней братоубийственной войны между сербами, хорватами и боснийцами. Естественно, патриарх и его Синод осудили наговесные бомбардировки, но также политику Милошевича, и поддержали массовые демонстрации против Милошевича и свержение его с президентского поста.

Мусульмане в эпоху коммунизма поддерживали режим более активно. Так, в 1957 году ежегодный Собор мусульманского духовенства Сербии преподнес адрес правительству, заявлявший о своей готовности «продолжать неукротимую борьбу за развитие социалистической демократии и социалистической Югославии»¹.

Возникает вопрос, почему Сталин не оккупировал Югославию? По-видимому, ответ на этот вопрос лежит в трех плоскостях.

Во-первых, в советских нападках говорилось о любви югославского народа к Советскому Союзу и узурпации Тито. Но Сталин прекрасно знал традицию партизанской борьбы в Югославии и то, что большинство югославов поддерживало Тито только потому, что он уберек страну от полного ее подчинения Советскому Союзу — опыт кратковременной оккупации северной Югославии советскими войсками был весьма отрицательным (грабежи и насилие советских военнослужащих и прочие «прелести»). Следовательно, — особенно учитывая гористую, труднодоступную местность большей части страны, — Сталин знал, что его войска будут иметь дело с общенародным и продолжительным сопротивлением в Югославии, что подорвет полностью его линию пропаганды.

Во-вторых, военные действия против «братской социалистической страны» — хоть и под властью «узурпатора» Тито, — нанесло бы серьезный удар по престижу коммунизма как идеологии международного коммунистического «братства и единства».

И, в-третьих, Сталин мог опасаться, что Запад физически не пустит Советский Союз в Адриатику. В одной из последних встреч с Джиласом и Карделем Сталин потребовал от

•¹ Hoffman, George & Neal, Fred Warner *Yugoslavia and the New Communism*, p. 403—405.

460

— 23. Югославия —

югославов свернуть поддержку греческих коммунистических партизан: «Что вы думаете, Великобритания и самое мощное государство в мире — Соединенные Штаты — дадут вам прорвать их линию связи в Средиземном море? А у нас нет военно-морского флота!»¹⁰. Явно, этот же аргумент он в уме применял к перспективе выхода Советской армии через Югославию к Адриатическому морю.

Острота противостояния между СССР и Югославией окончилась со смертью Сталина.

Хрущев надеялся вернуть Тито в Коминформ и в 1955 году полетел в Югославию мириться.

Югославы дали ему понять, что камнем преткновения является Коминформ, и вот в апреле 1956 года Хрущев Коминформ ликвидировал, но все же вернуть Югославию в советский блок не удалось. С тех пор отношения между СССР и Югославией колебались от весьма дружественных до довольно резко критических со стороны СССР, но никогда уже не доходили до точки разрыва.

Венгерские события осени 1956 года Тито сначала встретил сочувственно, но когда правительство Надя объявило о восстановлении многопартийной демократической системы, Тито заволновался: слишком опасно было для его диктатуры соседство со страной, которая в течение двух недель превратилась в страну с подлинной демократией. И *тут*, согласно мемуарам Хрущева, Тито в личной беседе с ним высказался за оккупацию Венгрии и

восстановление там коммунистического режима.

Во время так называемой «Пражской весны» 1968 года — попытки чехословацких реформистов перейти от тоталитарного социализма к демократическому Тито поспешил нанести реформаторскому правительству Дубчека официальный визит в августе 1968 года, дней за 10 до разгрома реформистов войсками Варшавского договора. Но затем использовал этот разгром для политического зажима в собственной стране, оправдывая его якобы существующей угрозой советского вторжения в Югославию. На этой реальной или вымышленной угрозе Тито играл в течение всего своего пребывания у власти.

' Джилас, Милован *Указ, соч.*, с. 181-182.

— 23. Югославия —

461

Сам себя он сделал пожизненным президентом, но, как бывает почти всегда с авторитарными личностями, особенно в условиях диктатуры, он не приготовил себе достаточно авторитетного и харизматического преемника, внося вместо этого поправку в конституцию, по которой после его смерти власть переходит к некоему коллективному собранию под названием «Президентство», в состав которого входили бы главы всех республик Югославской федерации. Главой государства на один год становится по очереди каждый из членов Президентства. Тито умер в 1980 году, и о новом способе управления государством югославы начали отзываться весьма цинично: Тито-де построил себе 10 дворцов, президенты же, одногодки, спешат за один год присвоить себе столько же богатства, сколько Тито собрал за 35 лет. Естественно, эта система была противопоставлена сильной власти, в то время как вся структура власти была создана под единоличного тоталитарного диктатора. Угрожающие размеры приняло то, что Джилас называет **бюрократическим национализмом**, являющимся, по его мнению, неизбежным вырождением **национал-коммунизма**, который упустил из виду ту закономерность, «что придя к власти, коммунизм воплощается в **новый класс...**

Коммунисты исповедуют интернационализм, пока они борются за власть. Придя же к власти, они неизбежно становятся национал-коммунистами», отождествляющими себя с управляемой ими нацией. КПСС Джилас считает пионером в деле перерождения из интернационализма в бюрократический национализм. При Сталине, с конца 1930-х годов, национализм носил великорусскую окраску. При Хрущеве и Брежневе он смешался с украинской окраской. «Югославская компартия положила начало распаду мирового коммунизма на его составные национальные части». Разрыв с Москвой временно укрепил югославский режим, но в перспективе он подорвал идеологию. «Являясь тесно связанной, замкнутой доктриной, коммунистическая идеология распадается от изъятия из нее хотя бы одного винтика». Кризис последнего десятилетия титовского режима, по мнению Джиласа, состоял из следующих факторов: в результате обвала бюрократизированной экономики, «которая была рабом идеологии, начала распадаться система госбезопасности, бывшая охра-

462

— 23. Югославия —

нителем идеологии и защитником непоколебимого единообразия партбюрократии. Мечты о демократии были пресечены [госбезопасностью]¹¹, но пресечены за счет духовного хаоса и распада [власти] на национальные бюрократии. Марксистскими эти бюрократии были только по имени, но не по существу, ни от одной из них демократией и не пахло». В обществе, однако, «демократические потоки нагнетали атмосферу хаотической свободы при отсутствии демократических институтов, что делало страну свободной, но не стабильной». Распад тоталитарной диктатуры, по словам Джиласа, не ведет автоматически к свободе, а оставляет после себя накопленные десятилетиями злобу, обиду, «толкая людей к шовинизму и к националистическим идеологиям с их иррациональными импульсами и мифами»¹².

Все это и привело к распаду центра, переносу власти в центры союзных республик страны, которые во имя принятия себя населением этих республик начали отождествлять себя с национальной мифологией, преданиями; превращались в крайних националистов, играя на самых низменных националистических чувствах, с поисками врага вовне (для хорватов это сербы, для сербов — хорваты и т.д.). Это и есть то, что Джилас называет национал-бюрократизмом, когда местным партруководителям захотелось быть такими же абсолютными диктаторами на своей «малой родине», каковым был Тито в общегославском масштабе. В

этом феномене мы легко узнаем черты фашизма и нацизма. Так, снова и снова мы видим органическое родство между коммунизмом и фашизмом. Эти черты особенно ярко проступили в двух главных участниках войны в Югославии 1990-х годов — Сербии Милошевича и Хорватии Туджмана.

¹¹ Очевидно, Джилас имеет ввиду движение югославских неомарксистских философов-гуманистов 1960—1980-х годов, мечтавших о какой-то марксистской демократии. Речь идет о таких югославских философах, издававших марксистско-реви-сионистский журнал «Праксис», как Руди Супек, Гайо Петрович, Михаиле Маркович и др.

¹² См.: Djilas, Milovan *Fall of the New Class*, p. 277-279. Цитаты здесь перемежаются с вольным изложением автором этих строк размышлений Джиласа.

— 23. Югославия —

463

Итоги

Теперь, когда наконец с таким опозданием рухнул югославский коммунизм, можно подвести некоторые итоги относительно того остатка развалившейся Югославии, который все еще носит это имя, хотя состоит лишь из Сербии и Черногории. До сих пор мы обсуждали такие вопросы, как отношения титовской Югославии с Коминформом и непосредственно со Сталиным, тип государства, разновидность коммунистического или социалистического строительства, некоторые вопросы экономики и изменения в ней, как и в политике Югославии под влиянием Запада, без помощи которого стране пришлось бы очень туго, и вряд ли она выстояла бы так долго. Случай Югославии, кстати, «доказал», что только такая богатая страна, как Россия, могла выдержать семь десятилетий коммунистического экспериментирования над человеком и над целым народом. Югославия в условиях эмбарго со стороны советского блока и изоляции от Запада (после того, как в исполнение воли Советского Союза отказалась от плана Маршалла) не смогла выдержать и двух лет.

Мы почти не касались титовского террора, а он был не только в годы гражданской войны, когда, например, в Черногории были зверски убиты митрополит Иоаникий Ли-повац вместе с 70 священниками его епархии. В 1945 году в Кочевье в Словении было расстреляно от 20 до 30 тысяч сербских и словенских четников и гражданских беженцев, бежавших в начале мая 1945 года в Австрию и выданных обманном путем англичанами на расправу титовцам. Затем после разрыва с Коминформом начались гонения на так называемых «коминформовцев», в числе которых были не только преданные сталинцы, но просто традиционные сербские русофилы, путавшие советский режим с исторической Россией. Сотни были расстреляны и более 16 тысяч репрессированы¹³ — большинство отправлено в концлагерь на пустынный

¹³ Джонсон, Росс *Указ, соч.*, с. 150-151. Он указывает, что общее число коминформовцев среди коммунистов по официальным данным было 55 600, то есть почти 12 % от общего числа членов партии. Из них более половины (28 600) — сербы.

464

— 23. Югославия —

и безводный Голый остров в Адриатическом море, где значительная часть заключенных погибла от избиений, жутких бытовых условий и эпидемий. На конец 1970-х годов, то есть фактически на последние годы правления Тито, по некоторым данным в Югославии имелось 12 концлагерей с более чем 200 тысячами заключенных при общем населении страны в 23 миллиона, и это, не считая обычных тюрем. Во все время послевоенного существования коммунистического режима в Югославии служба югославской госбезопасности уничтожала югославских общественных деятелей за рубежом. В 1960-е и 1970-е годы жертвами были в основном редактора эмигрантских газет.¹⁴ И это в эпоху расцвета югославского «либерализма», при открытых границах, когда главными доходами Югославии были массовый иностранный туризм и отхожий труд югославских рабочих на предприятиях Западной Европы, который в области экономики оборачивался колоссальным количеством валюты, переправлявшейся этими рабочими своим семьям в Югославию. Так, после всех грандиозных пятилеток югославское «экономическое чудо» свелось к процентам от туризма и от заработков своего пролетариата у капиталистических «эксплуататоров». «Маленький Сталин» — Тито умер, но внутренняя взаимная ненависть, обиды, накопившиеся от 40-летнего наследия двух тоталитарных режимов, память геноцида, страсть мести минус авторитет железной руки Тито — все это вылилось в недавнюю бессмысленную войну в

Югославии «всех против всех». Таково наследие тоталитаризма.

Аннотированная библиография

Banac, Ivo *With Stalin against Tito: Cominformist Splits in Yugoslav Communism*. London, Cornell University Press, 1988. Прекрасно написанная история югославского сталинизма с описа-

" Материалы о послевоенном югославском коммунистическом терроре взяты из документального сборника: Karapandzich, Borivoje M. *The Bloodiest Yugoslav Spring- 1945 - Tito's Katyns and Gulags*.

— **23. Югославия** —

465

нием трагических судеб коминформовцев. Концлагеря на адриатических островах, куда ссылались коминформовцы, были страшнее советского ГУЛАГа: все было построено на моральных мучениях и регулярных жутких избиениях одних заключенных другими. Отказывавшихся избивать или делавших это «спустя рукава», подвергали дополнительным избиениям. Работа тоже деморализовала своей бессмысленностью, например, переносом камней на гору, а потом снесением их вниз.

Denitch, Bogdan *Limits and Possibilities: the Crisis of Yugoslav Socialism and State Socialist Systems*.

Minneapolis, University of Minnesota Press, 1990. Социологическо-политологический анализ югославской политической и экономической систем. Подробно рассматривается роль Югославии в создании блока так называемых «неприсоединившихся стран». Автор склонен к идеализации марксистского «гуманизма» и его теоретиков. Книга написана с симпатией к югославскому «эксперименту» со сдержанно оптимистическим прогнозом, так и не оправдавшимся.

Djilas, Milovan *Conversations with Stalin*. N. Y., Harcourt, Brace & World, 1962. Воспоминания Джиласа о его встречах и переговорах со Сталиным и другими советскими руководителями во время войны и до 1948 года включительно.

Он же *Fall of the New Class*. N. Y., Alfred A Knopf, 1998. Книга разочарования в иллюзиях. Воспоминания и размышления автора о политике, идеологиях и людях. Окончена автором в 1994 году, менее чем за год до смерти.

Он же *The New Class: an Analysis of the Communist System*. N. Y., Praeger, 1957. Нашумевшая книга о дегенерации номенклатуры в коммунистических странах вообще и в Югославии, в частности, о превращении ее в **новый класс** — то, о чем предупреждал еще Бакунин в своих спорах с Марксом в I Интернационале. За опубликование этой книги за рубежом Джилас получил семилетний срок в концлагере, но был освобожден условно через 4 года, а затем снова посажен за «Разговоры со Сталиным» — Тито обвинил его **ВЧфа**- * глашении государственных тайн».

Gruenwald, Oskar *The Yugoslav Search for Man: Marxist Humanism in Contemporary Yugoslavia*. South Hadley, Mass., Bergin Publishers (б/д). Тщательное и по-немецки дотошное исследование юго-

466

— **23. Югославия** —

славского неомарксистского гуманизма. На наш взгляд, это увлечение фантомами, ибо превратить марксизм в демократический гуманизм не легче, чем такой же трансформации подвергнуть фашизм.

Hoffman, George, Neal, Fred *Yugoslavia and the New Communism*. N. Y., Twentieth Century Fund, 1962.

Солидная и добросовестная история Югославии с кратким географическим и историческим обзором народов, населяющих Югославию XX века. Затем следует краткая история межвоенной Югославии, и 440 страниц посвящено истории и развитию Югославии Тито, начиная со Второй мировой войны.

Много внимания уделено американской политике в отношении Югославии. Коммунистический террор почти не упоминается.

Johnson, Ross A. *The Transformation of Communist Ideology: the Yugoslav Case, 1945-1953*. Cambridge, Mass., The MIT Press, 1972. Доскональное и очень добросовестное исследование политической и идеологической истории коммунистического режима в Югославии с детальным анализом конфликта с Комин-формом и его значения для дальнейшей судьбы коммунизма в мире. Книга написана на основании докторской диссертации автора. В 1974 году он дополнил ее эссе под названием «Yugoslavia» (London, Sage Publications, 1974).

Jukic, Ilija *Tito between East and West*. London, Demos, 1961. Рассматривает в основном внешнюю политику режима Тито, балансирование между Советским Союзом — сталинским и хрущевским — и Западом, роль фактически созданного Тито блока неприсоединившихся стран. Книга написана с позиций симпатии к югославскому «эксперименту» и лично к Тито.

Karapandzich, Borivoje (ред. и сост.) *The Bloodiest Yugoslav Spring -1945 - Tito's Katyns and Gulags*. N. Y., Carlton Press 1980. Документальная история титовского террора, бесчеловечной выдачи англичанами в 1945 году от 20 до 30 тысяч югославских беженцев и четников на мученическую смерть в Югославию и терактов титовских чекистов против югославской эмиграции на Западе.

Lydall, Harold *Yugoslav Socialism: Theory and Practice*. Oxford, Clarendon Press, 1984. Детальный анализ югославского социализма в теории (в основном, когда после раскола с Ко-минформом началась разработка своего варианта) и на практике.

— **23. Югославия** —

«Программа Союза коммунистов Югославии» // *The Program of the League of Yugoslav Communists*. London, International Society for Socialist Studies, 1959. Еще многословнее, чем «Программа КПСС», и не намного содержательнее. Перспектива «отмирания государства» в ней мало чем отличается от хрущевских обещаний замены государственных учреждений общественными, что на самом деле означает рост произвола и безответственности.

The Soviet-Yugoslav Dispute: Text of the Published Correspondence. London, Royal Institute of International Affairs, 1948. Тексты переписки между ЦК КПСС и ЦК КПЮ в 1948 году.

Wilson, Duncan *Tito's Yugoslavia*. Cambridge University Press, 1979. История Югославии XX века, от Версальского мира до 1974 года. Подробно исследуются советско-югославские споры, югославский вариант марксизма и национальный вопрос в Югославии.

Глава 24

Китай и его версия коммунистического тоталитаризма

«...Любая идеология, проектирующая крайне утопическое видение будущего ... является органической частью современного тоталитаризма вообще, а посвящая себя мессианским целям построения марксистской утопии, ведет к тоталитаризму коммунистическому».

Maurice Meisner.

Исторический очерк революционности и коммунизма в Китае

П

Приходу к власти Мао предшествовала почти столетняя революционная эпоха. Началась она движением и восстанием «тайпинов» в 50-е годы XIX века. Тайпины были некой антиконфуцианской полужыческой — полухристианской революционной сектой с общинным устройством. Их восстание 1850-1864 годов было бунтом против традиционной китайской идеологии. Перетолковав Библию на свой языческий лад, тайпины учили, что у Бога-Отца была жена, от которой родились Христос и еще два божества. Бог-Отец послал Христа на землю, чтобы избавить людей от языческих культов. Люди Его не поняли, распяли, но Он воскрес и, наставив учеников проповедовать истинную веру, вознесся на Небо. Что касается традиционных китайских буддизма, таоизма, конфуцианства, то все их писания «должны быть преданы огню»¹. Свои слова они претворяли в жизнь, жестоко преследуя последователей учения

¹ Shih, Vincent *The Taiping Ideology*, p. 43.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

Конфуция и буддистов, которых они считали еретиками и источником отсталости, неподвижности и социальной несправедливости китайского общества. Их восстание было и националистическим бунтом против Маньчжурской династии и маньчжурской аристократии, управлявших Китаем с XVII века и приведших китайскую империю к тому состоянию слабости, в котором они убедились на примере легкой победы Великобритании в англо-китайской войне 1840—1842 годов. В социальном учении тайпины были уравнилителями, противниками классовых привилегий. Они учили, что весь мир — одна семья, все люди — братья и сестры. Завоевав фактически весь Южный Китай и сделав своей столицей Нанкин, они отменили социальные ограничения, по которым такие категории людей, как проститутки, актеры, мелкие чиновники, батраки не допускались к государственным экзаменам, то есть были лишены возможности перехода в иные и более престижные профессии. В сельском хозяйстве они практиковали что-то вроде русского крестьянского мира, но при распределении земли в личное пользование женщины-учитывались наравне с мужчинами, в отличие от русской крестьянской общины, где размер наделов определялся лишь количеством членов семьи мужского пола.

Все это соблюдалось на первых порах, пока шла борьба за территорию. Как только тайпины сформировали свое государство и, как думали, закрепили за собой огромную территорию со столицей в Нанкине, они объявили своего вождя и духовного наставника — толкователя Библии — императором, восстановили традиционные чины, титулы и соответствующие привилегии. В ходе борьбы тайпины, захватывая усадьбы и дворцы аристократии, уничтожали все предметы роскоши, драгоценности, дорогую мебель, сжигали богатые дома, чтобы не впасть в соблазн роскоши. С одной стороны, тайпины строжайшим образом вводили половую нравственность, и за внебрачные связи полагалась смертная казнь, с другой — сохранялся

институт наложниц. Мужчины и женщины жили порознь, в отдельных лагерях. В 15-летнем возрасте девушки должны были являться в соответствующее учреждение, где они распределялись в качестве жен или наложниц. Число наложниц регламентировалось в соот-

470

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

ветствии с постом, занимаемым тем или иным мужчиной. Что касается сожителства мужа и жены, то таковое разрешалось только в течение нескольких суток в конце каждого месяца.

Нарушителей этого правила казнили как прелюбодеев. Поскольку бракосочетания определялись начальством², то нередко старик или старуха соединялись с молодым юношей или юной девушкой, что привело к самоубийству 900 молодых жительниц Нанкина.

Армия состояла из отдельных мужских и женских полков. Но вскоре началось внутреннее разложение движения. Перессорившись, руководители движения перестреляли друг друга. В 1860 году англичане и французы, одержав вторую победу над китайцами и получив от китайского правительства концессии, выступили против тайпинов, и к 1864 году тайнинское восстание было в основном подавлено.

Поскольку Тайнинское движение было в значительной степени национально-китайской реакцией на гегемонию маньчжуров в центральном правительстве, императорский двор, расправившись с тайпинами, еще более усилил маньчжурский элемент в высших слоях имперской власти, доведя его до 52%, хотя численно маньчжуры составляли едва 5% населения Китая. В культурном отношении маньчжуры стояли на гораздо более низкой ступени по сравнению с китайцами. К тому же трон при малолетнем наследнике с 1861 года занимала умственно весьма ограниченная, но жестокая вдовствующая наложница покойного императора, при которой царила коррупция, за гроши раздавались концессии европейским государствам и не делалось буквально ничего для модернизации страны. Все это раздражало китайских патриотов. Свою власть над китайской периферией императорскому двору после тайпинского восстания восстановить не удалось, и провинции становились все более независимыми от центра, что после свержения монархии в результате революции 1911-1912 годов приведет к распаду Китая на фактически независимые области, возглавляемые военачальниками — военными диктаторами.

² Иными словами роман «Мы» Замятина не был только фантазией-провидением автора, а имел конкретный исторический прецедент в виде Тайпинского движения.

• 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

471

Тайпинское движение было формально уничтожено, но традиция тайных обществ и заговоров, восходящая по крайней мере к II веку н.э., сохранилась. Традиция эта связана с конфуцианским культом предков и мифами о Золотом веке в далеком прошлом, который, мол, можно вернуть, сменив правящую династию и ее коррумпированных чиновников. Таково было настроение в стране накануне *Боксерского восстания*. Увлечение передовых китайцев достижениями европейской цивилизации обернулось для них варварским нападением англичан и французов на Китай, двумя опиумными войнами, в результате которых победители заставили Китай легализовать торговлю опиумом и согласиться на крайне невыгодные для него территориальные концессии Англии, Франции, Германии и России (в Маньчжурии в связи со строительством железной дороги). Поскольку христианские миссии тоже исходили от стран-эксплуататоров, «Боксерское восстание» обернулось погромами и убийствами не только представителей колониальных держав, не только западных миссионеров, но и многих тысяч китайцев-христиан³. Неудача передовых представителей китайского общества добиться от тупой и жестокой императрицы Цу-Хси и ее коррумпированного правительства реформ в духе европейского либерализма привела к торжеству антиевропейского национализма «боксеров», поддержанных императрицей ради ослабления лагеря реформистов.

Свои нападения на иностранцев и христиан «боксеры» совершали по ночам, а днем рассеивались. Были они и своеобразным языческо-религиозным движением с заклинаниями и чарами. Был у них и свой бог — Ян-Чень. Примитивность «боксеров» сказалась в типе их антиевропейской пропаганды. Ев-

³ «Боксерами» их называли потому, что в программу этих заговорщицких клубов входило обучение разным способам рукопашной борьбы. Движение это было не ново. Впервые оно упоминается в 1727

году, когда императорский рескрипт обвинял их, что под видом тренировок в своей культовой борьбе, они будоражат толпы «глупого народа». Рескрипт приказывал местным властям запретить их культовую борьбу. — С тех пор «боксеры» периодически появляются в китайской истории, см.: Purcell, Victor *The Boxer Uprising*.

472

— 24, Китай и коммунистический тоталитаризм —

ропейцы обвинялись в засухе и неурожае. «Боксеры» обещали, что, как только будут изгнаны из Китая «заморские гости», польют дожди, и страна получит обильные урожаи. Естественно, ни «Боксерское восстание», ни его подавление не изменили климат страны. Как известно, восстание подавили контингенты иностранных войск (в том числе и российских), после чего был заключен мир на крайне невыгодных для Китая условиях. Наложённые на Китай западными державами репарации заставили правительство «ввести колоссальные налоги, удушающие и без того нищий народ... В то же время это восстание масс явилось грозным предупреждением иностранцам не пытаться делить Китай. Патриотическое выступление крестьян Северного Китая и спорадические восстания в других частях империи явились сигналом возрождения китайского национализма»¹. Все последующие радикальные течения в Китае, в том числе и коммунистическое движение Мао, были окрашены обостренным национализмом.

В 1895 году Япония одержала сокрушительную победу в войне с Китаем, за что императрица предала смертной казни сотни своих высших офицеров, отпущенных японцами в Пекин с подобающими воинскими почестями за храбрость, проявленную в боях. Естественно, в поражении виноваты были не китайские генералы, а общая отсталость и нищета страны. Победа маленькой Японии над китайским гигантом была отрезвляющим шоком, убедившим даже имперское правительство в том, что единственным выходом Китая из этого унижительного положения является модернизация по японскому образцу — пересадка на национальную почву европейского образования и технической цивилизации при сохранении основ национальной культуры и самобытности. И действительно, с 1901 года начинается реформа китайских вооружённых сил, развивается строительство железных дорог, промышленности, судоходства и т.д. Но самым важным была отправка в течение ближайшего десятилетия многих тысяч молодых людей на учебу в японские учебные заведения с тем, чтобы, вернувшись оттуда специалистами, они смогли бы создать учебную и промышленную инфраструктуру.

¹ Purcell, Victor *The Boxer Uprising*. P. 271.

• 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

473

ру по японскому образцу. Победа Японии в русско-японской войне 1904-1905 годов явилась значительным подспорьем для национального самосознания, не только японского, но и китайского, ибо она вселила чувство гордости за Азию вообще и надежду, что и Китай сможет в конце концов постоять за себя перед европейскими империалистами.

Итак, в свое последнее десятилетие имперский режим был вынужден, впервые в китайской истории, признать несовершенство китайского исторического пути и вступить на путь подражания европейским и японским «варварам». Одной из главных реформ была отмена государственного экзамена, благодаря которому руководящие посты в стране были почти абсолютной монополией «служилого дворянства». В страну начали возвращаться китайские выпускники японских учебных заведений, — а к 1906 году в Японии обучалось 15 тысяч китайских студентов, — и отмена устаревших экзаменов открывала для этой по-современному образованной молодежи возможности профессиональной карьеры и руководящих постов. Однако загнивающий имперский режим уже был слишком скомпрометирован, чтобы завоевать лояльность этих кадров, которые в основном были сторонниками социал-демократа Сун Ятсена, врача по профессии и весьма неудачливого революционера. В период между октябрём 1911 и февралём 1912 года монархия была свергнута, и в стране провозглашена республика. Однако решающим фактором в развале империи были последние маневры имперской власти — допущение в 1909 году выборов в провинциальные собрания в каждой из 21 провинции страны, что после падения монархии превратило эти провинции в фактически суверенные «княжества», возглавляемые военными временщиками. Хотя в глазах внешнего мира главой государства был тот военачальник, который в данный момент владел Пекином, на внутреннем фронте его реальная власть кончалась за пределами Пекинской провинции. Пользуясь слабостью Китая, Япония предъявила ему 21 требование, превращавшее Китай почти в колонию Японии. В результате переговоров японские аппетиты удалось сократить весьма незначительно, и день подписания договора, 7 мая, вошел в китайский календарь под именем «Дня национального унижения». Вступив

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

поздно и весьма неэффективно в Первую мировую войну на стороне Антанты, китайцы, однако, рассчитывали, что мирный договор 1919 года снимет с Китая по крайней мере его кабальные обязательства по отношению к Японии. Но оказалось, что Япония действовала согласно тайному договору с западными союзниками. Все громкие слова президента Вильсона о суверенитете народов оказались пустословием. Чувства национальной обиды и ненависти по отношению к империалистическим державам — не только к западным, но и к Японии, — обострились и сыграют свою роль в дальнейшей судьбе Китая. Одновременно происходила критическая переоценка ценностей национальной политической и нравственной культуры. Деятели влиятельного *Движения новой культуры* интроспективно винили собственную конфуцианскую культуру в бедах своей страны. Самые влиятельные мыслители писали, что все беды Китая в конфуцианстве, которое ограничивается проповедью привилегий и престижа правителей и аристократов и безразлично к судьбам масс, что Китайская республика потерпела фиаско из-за того, что конфуцианство требует, чтобы молодежь подчинялась старикам, а человеческая личность — семье, предотвращая развитие свободы мысли, без которой невозможно существование и здоровое развитие республики.

В ответ на печальные вести из Версаля 4 мая 1919 года молодежь Китая (в основном в возрасте от 14 до 20 лет) провела массовые демонстрации протеста почти во всех больших городах страны. Ища пути объединения своих сил, демонстранты и близкие к ним элементы объединились вокруг Сун Ятсена и его националистической, а вернее, национально-социалистической партии *Гоминьдан*. На самом деле партия и ее вождь еле-еле держались на плаву и нуждались в поддержке извне. «Руку помощи» протянул Советский Союз. С этого времени начинается история продолжительной связи Гоминьдана и его вождей — сначала Сун Ятсена, а после его смерти в 1925 году Чан Кайши — с Советским Союзом и с Коминтерном.

Появление Советского Союза приветствовалось китайскими революционерами по ряду причин. Во-первых, «спасение» Лениным провалившейся теории Маркса об обнища-

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

нии промышленного пролетариата по мере развития капитализма в его книге «Империализм как высшая стадия капитализма», в которой Ленин предлагает рассматривать в качестве пролетариев колонизированные народы Азии и Африки, а колониальные державы — в качестве некоего коллективного капиталиста, давало готовый рецепт для социалистических революций в таких странах, как Китай, где промышленного пролетариата еще не было или он находился в зачаточном состоянии. Во-вторых, сам по себе Советский Союз был привлекателен своей революционностью, то есть восстанием против «эксплуататорского» капитализма. И, как писали в 1919 году китайские сторонники большевистской революции, хотя революция в России началась на 6 лет позже, чем в Китае, всего за 2 года она достигла большего, чем китайская революция за 7 лет. Наконец связь с Советской Россией — все-таки европейской и промышленно довольно развитой страной, — открывала как будто путь для индустриализации и модернизации Китая в обход так обидевших его западных империалистических государств.

Страна Советов не заставила себя ждать. В мае 1920 года в Китай прибыл агент Коминтерна Григорий Войтинский. Тогда же в Шанхае появилась первая китайская коммунистическая организация. К I съезду китайской компартии летом 1921 года в ней числилось более 200 членов. В съезде принимали участие представители Коминтерна. Китайская компартия была принята в Коминтерн, но отказ Ленина на III конгрессе Коминтерна от экспорта и поддержки коммунистических революций в непосредственном будущем шокировал иностранных делегатов. Еще большим шоком для китайских коммунистов было распоряжение Коминтерна в 1923 году объединяться с Гоминьданом, что на практике означало подчинение коммунистов Гоминьдану, поскольку компартия Китая была еще весьма малочисленной. На протесты китайских товарищей, что Гоминьдан — партия буржуазная, им было отвечено, что она является коалицией всех классов и, входя в Гоминьдан, коммунисты смогут оставить за собой руководство трудящимися массами. Скрепя сердце, Мао Цзэдун со товарищи смирились с

такой политикой, оправдывая ее тем, что Гоминьдан тоже был врагом империализма и, следовательно-

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

но, сотрудничество с ним может быть в **национальных** интересах Китая. Конечно, коммунисты свое членство в Гоминьдане рассматривали как путь к захвату в нем ключевых позиций и подчинения его компартии. Это стало ясно в 1925 году. Новым членам компартии указывалось, что вступление их в Гоминьдан необязательно. 23 августа КПК призвала «все притесняемые классы, рабочие и молодежь вступать в КПК и бороться под ее руководством», обойдя Гоминьдан полным молчанием. А пленум ЦК КПК в октябре 1925 года признал недействительной более для КПК политику единых фронтов. Таким образом КПК нарушала дисциплину Коминтерна.

С этого момента коммунисты предпринимают все новые и новые попытки перехитрить Гоминьдан, а в Гоминьдане укрепляется антикоммунистическое крыло, к которому примыкает и главнокомандующий национальными вооруженными силами и фактический глава Гоминьдана Чан Кайши. Антикоммунистические деятели Гоминьдана выдвигают некую модернизированную версию конфуцианства с упором на национальные интересы и единство страны, критикуя коммунистов за их классовую замкнутость, которая-де несовместима с общенациональными интересами, ослабляет и раскалывает нацию. Представители Коминтерна при КПК — Войтинский в Шанхае, Бородин в Кантоне — пытались сохранить и укрепить роль компартии в Гоминьдане, «ухаживая» за левыми его деятелями и направляя их против правых, в то время как руководство КПК в Шанхае было сторонником широкого объединенного фронта всех сил против антикоммунистического крыла. Однако действия Бородина не увенчались успехом. Более того, он ошибочно числил Чан Кайши «левым», а тот 20 марта 1926 года вдруг начал чистку в армии, направленную против коммунистов, единым махом освобождаясь от московских уз и зависимости от их советников, хотя продолжал заверять советское руководство в своей дружбе. Коминтерн принял эту игру, желая как-то сохранить влияние коммунистов в Гоминьдане, чтобы не допустить победы в нем наиболее убежденных антикоммунистов.

В это время Чан Кайши проводил операции против местных военных временщиков, объединяя страну. Бородин попытался воспользоваться занятостью Чан Кайши в большом

24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

477

походе на север, чтобы возвести на пост главы гоминьдановского правительства прокоммунистически настроенного Ван Цзинвэя, находившегося за пределами Китая. Из-за военных действий гоминьдановское правительство кочевало из города в город. Бородин при этом принимал меры, чтобы местонахождения правительства и Чан Кайши не совпадали. Однако в январе 1927 года Чан Кайши захватил главную базу коммунистов и коммунистического рабочего движения — Шанхай, разоружил коммунистические пикеты, а 12 апреля неожиданно напал на штаб-квартиру коммунистов, учинил подлинный погром, повторив затем то же самое в Вухане, и фактически совершил государственный переворот. Оставшиеся в живых коммунисты бежали в северные районы, где ими были сформированы советы по советскому образцу. Но значение этого переворота, равно как и бесповоротность антикоммунистического наступления войск Чан Кайши, выразившегося в военных погромах коммунистов в ряде городов, были осознаны не сразу. Коминтерн продолжал настаивать на необходимости дальнейшего сотрудничества коммунистов с Гоминьданом до тех пор, пока и мае преследование коммунистов не приняло повсеместный и систематический характер, а в июле руководство Гоминьдана уже приняло официальное решение изгнать из партии всех коммунистов, а компартию запретить. В очередной раз «оперативность» Коминтерна оказалась, мягко выражаясь, не на высоте: ему потребовался почти год, чтобы собрать VI конгресс (1928) и вернуться к политике первых двух конгрессов, запретив коммунистическим партиям какое-либо сотрудничество с некоммунистическими партиями, особенно со всякими социал-демократами и прочими «прогрессистами». Как мы говорили в предыдущих главах, эта политика тоже провалится — в Германии.

После разгрома коммунистов в Шанхае и Вухане Чан Кайши начал выбивать местные

крестьянские советы в Северном Китае. Попытка коммунистов вместе с мобилизованными крестьянами сопротивляться войскам Гоминьдана окончилась поражением и гибелью около 350 тысяч коммунистических партизан и членов советов. Тем не менее Москва (где в июне-июле 1928 года состоялись и VI съезд КПК, и VI конгресс Коминтерна), с одной стороны, запрещала китайским комму-

478

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

нистам как-либо сотрудничать с гоминьдановцами, с другой — сама продолжала поддерживать с ними «дружественные» отношения, настаивая на их сотрудничестве с японцами против Англии и Франции до так называемого *Маньчжурского инцидента 1931 года*, вызванного якобы терактом китайцев против японской Квантунской армии, что на самом деле было провокацией самих японцев. Квантунская армия захватила Маньчжурию, которую через год Япония сделает своей буферной зоной под названием Империи Маньчжугуо во главе с последним отпрыском китайского императорского рода Пу Йи.

С этого момента Москва настаивает на том, чтобы китайские коммунисты вошли в единый фронт с Гоминьданом против Японии⁵.

А коммунистические партизаны и бежавшие от гоминьдановских погромов партийные деятели начали свой «Великий поход» или отход в отдаленные горные районы на северо-запад страны. До своих баз в почти неприступных горах на стыке провинций Шэньси и Юньнань дошло меньше половины отправившихся поход, так как всю дорогу их преследовали войска Чан Кайши. В 1935 году, еще перемещаясь с места на место, уходя от гоминьдановских войск, Мао, вместо того, чтобы объединиться для сопротивления японцам, преследует помещиков так жестоко, что вынуждает их сотрудничать с японцами, что использует затем для организации крестьянско-партизанских погромов «классового врага». В это время войска Чан Кайши оказывают военное сопротивление Япо-нии¹. Москва настаивает на едином антияпонском фронте. В результате китайские коммунисты, пытаясь перехватить инициативу борьбы с японцами у гоминьдановцев, выпускают призывы к объединению всего китайского народа для борьбы с общим врагом — Японией. Эти призывы падают на плодородную почву, вызывая сочувствие масс, в то время как Чан Кайши продолжает считать (не без основания) комму-

•' Фактически игнорируя установку VI конгресса Коминтерна за 4 года до ее отмены VII и последним конгрессом в 1935 году, принявшим снова политику народных фронтов коммунистов с «прогрессивными» партиями.

⁽ⁱ⁾ Kui-kwong, Shuin *The Chinese Communists' Road to Power*, p. 3-5.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

479

нистов более опасным врагом, чем японцев, и, не доверяя искренности коммунистов, сначала не реагирует на демарши коммунистического командования относительно создания единого антияпонского фронта. Конечно, коммунисты руководствовались не только патриотизмом и чувством национального долга: единый фронт с Гоминьданом был единственным средством сохранить компартию и китайскую Красную армию после сокрушительного поражения войсками Чан Кайши. Сотрудничество обещало прекращение войны националистов против коммунистических сил, которые были гораздо хуже вооружены, чем националисты, раздеты и голодны. Превращаясь в составную часть национальных вооруженных сил, коммунисты получали необходимые снаряжение и снабжение, в том числе и из-за рубежа после начала Второй мировой войны. Коммунистические призывы к совместной борьбе против японцев, естественно, вызвали патриотический отклик в народе, это придавало им ореол спасителей нации. Хотя под давлением Коминтерна в апреле 1936 года военные действия между войсками Мао и националистами фактически прекратились, и коммунистические войска начали получать снабжение из арсеналов национальных войск, Чан Кайши не мог с этим смириться, тем более, что коммунисты сразу же занялись «политграмотой» в регулярных китайских войсках. В октябре 1936 года Чан Кайши направил одну свою армию в полмиллиона штыков на окружение и уничтожение одной из военных баз коммунистов. Коммунисты ответили заверением в своей преданности идее национального спасения. Но Чан Кайши продолжал приготовления к поголовному уничтожению коммунистических сил. Однако тут один из националистических генералов похитил его и доставил в лагерь коммунистов, которые заставили Чан Кайши подписать соглашение о союзе и едином фронте против Японии. Переговоры с Чан Кайши возглавлял и вел будущий премьер-министр и министр иностранных дел в правительстве Мао, Чжоу Эньлай. Чан Кайши был отпущен

в Нанкин после подписания всех договоров под наблюдение Чжоу Эньлая и нескольких националистических генералов — сторонников военного союза с коммунистами. А тут в 1937 году японцы начали уже открытую военную агрессию

480

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

против Китая. Коммунистические войска были официально интегрированы и подчинены национальному командованию. В августе был подписан пакт о ненападении между СССР и правительством Чан Кайши, после чего Москва усилила свое давление на Мао, требуя от него тесного сотрудничества с националистами. На словах, во всяком случае, Мао на это шел, утверждая теперь, что единый фронт Гоминьдана и КПК определяется «тремя народными принципами:

1. Левое крыло, состоящее из масс руководимых компартией.
2. Центр, состоящий из мелкой национальной буржуазии.
3. Правое крыло помещиков и крупной буржуазии.

Долг партии — расширять и укреплять левое крыло, помогать центру двигаться вперед и менять свою платформу (в пользу коммунистов, конечно. —Д. П.) и бороться с капитулянтскими тенденциями правых»⁷. Такова была формально умеренная и терпимая официальная установка Мао в условиях союза с Чан Кайши.

На практике все получилось совсем не так гладко. «Заповедник» Мао — Юньнаньская провинция, была признана по соглашению с Чан Кайши особой самоуправляемой областью Китайского государства. Коммунисты обязывались прекратить любые попытки свержения гоминьдановского правительства, влить свою Красную армию в состав Национальной революционной армии Чан Кайши и прекратить конфискацию земель у помещиков и зажиточных крестьян. В свою очередь, Гоминьдан обязывался прекратить Гражданскую войну против коммунистов, убийства коммунистов, демократизировать систему власти и бросить все силы на борьбу с японцами. Как указывает американский китаевед Хойт, «для обеих сторон это был брак по расчету». Обе стороны не доверяли друг другу. Дальнейшие переговоры между Чжоу Эньла-ем и Чан Кайши ни к чему не привели. Чан Кайши настаивал на роспуске Красной армии и распределении красноармейцев и офицеров армии Мао по различным частям регулярных войск. Мао Цзэдуну и Чжоу Эньлаю он предлагал вообще эмигрировать из Китая⁸. А в Юньнани по-прежнему быстро-

⁷ Цит. по: Kui-kwong, Shum *The Chinese Communists' Road to Power...* P. 113.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

481

ми темпами шло перераспределение землепользования, коммунистическая индоктринация населения и создание коммунистических кадров на будущее. Тут же создавался культ Мао — основными учебными пособиями были писания и речи Мао, которые зазубривались и воспринимались как неоспоримая догма.

С конца 1930-х по 1945 год армия Мао увеличилась с 80 тысяч до миллиона. Как военная сила она оказалась на высоте, поскольку состояла из добровольцев, к тому же идеологически распропагандированных, ожидавших построения коммунистической утопии в недалеком будущем. Поскольку она была интегрирована в общенациональную армию под руководством Чан Кайши, ее военнослужащие были живыми пропагандистами коммунизма в рядах сравнительно аполитичной армии Гоминьдана. Среди солдат коммунистических военных соединений было гораздо больше грамотных, чем в армии Гоминьдана, потому что в Юньнани коммунисты организовали школы для ликвидации безграмотности. Это, конечно, повышало престиж коммунистов в глазах солдат регулярных частей и служило косвенной пропагандой коммунизма.

Поведение японцев по отношению к Китаю было аналогично поведению Гитлера по отношению к России. Подобно Гитлеру японцы хвастали, что они покончат с Китаем в один месяц, и подобно гитлеровскому заявлению своим генералам накануне нападения на СССР, что на русском фронте соблюдать традиционную офицерскую этику по отношению к противнику необязательно, японцы считали себя свободными от нормальных этических правил в отношении гражданского населения Китая. Захватив Нанкин, они расстреляли 100 тысяч китайских военнопленных. До такого не доходили даже нацисты. Это только усиливало

сопротивление китайцев.

Некоторые подвижки в едином фронте все же были. Так в 1938 году был создан некий консультативный *Народный политический совет*, в состав которого входили, помимо Гоминьдана, представители от коммунистов и других общественно-политических группировок. Однако Чан Кайши по-прежнему вел весьма ограниченную войну против Японии, считая это

Hoyt, Edwin .*The Rise of the Chinese Republic*, p. 165-166.

482

— 24. Китай и

коммунистический тоталитаризм •

началом мировой войны, в которую будут вовлечены и Англия, и Америка. Благодаря им победа над японцами будет обеспечена, и тогда ему снова придется бороться с коммунистами⁹. И уже в 1939 году он возобновляет ограниченные военные действия против коммунистов. Добившись подчинения себе всех коммунистических вооруженных сил и приказав им передислоцироваться, Чан Кайши устроил в горах засаду с отрядом, по численности намного превосходящим движущуюся коммунистическую колонну. Чан Кайши обвинял Новую четвертую армию, — так теперь называлась подчиненная ему коммунистическая армия, — в подстрекательстве (возможно, вполне обоснованно, учитывая политизированность и партийность ее кадров) и требовал ее расформирования с зачислением ее военнослужащих в разные части в индивидуальном порядке. Коммунисты отказались подчиниться этому приказу, после чего прекратилось централизованное снабжение войск Мао. На этом взаимодоверие и сотрудничество окончилось. Чан Кайши сохранял самые лучшие свои войска для послевоенной борьбы с коммунистами и держал их у границ Юньнани, коммунисты делали то же.

Обе стороны были весьма жестоки, не считались с человеческими жертвами, но у коммунистов была утопическая идея, которой они зажигали и студенческую молодежь, и часть интеллигенции, а особенно вселяли надежды на «светлое будущее» в полунищих и забитых крестьян. У противной же стороны, кроме террора и все усиливающейся коррупции старшего офицерского состава, не было ничего. Это явно волновало, несомненно, неглупого и дальновидного Чан Кайши. Не имея, однако, ничего, кроме диктаторской власти, он усиливал и ужесточал ее по мере приближения конца войны и, как он понимал и боялся, наступления момента развязки, сведения счетов с коммунистами: кто кого?

Подобно тому, как Сталин советовал Тито вернуть на престол Югославии короля, а самому возглавить партию лояльной ему оппозиции, так и Мао Цзэдуну Сталин рекомендовал сохранить «единый» фронт с Чан Кайши и признать его главой государства. Как и Тито, Мао не внял этому совету

•' Hoyt, Edwin *The Rise of the Chinese Republic*, p. 178.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

483

«вождя народов», чем навлек на себя его гнев. Правда, в отношении Китая Сталин свой гнев открыто не проявил — очевидно, понял нежелательность ссоры с таким колоссом и выгоду иметь Мао в качестве своего «великого» ученика. Более того, когда по следам отступающих японцев повстанцы-маоисты вступили в Маньчжурию, Сталин дал им возможность захватить все оставленное японцами оружие и в дальнейшей войне с Чан Кайши все же снабжал коммунистов боеприпасами, одновременно отказываясь дипломатически признать режим Мао до 1949 года, то есть до самой эвакуации Чан Кайши и остатков гоминьдановских войск на Тайвань. Мао одержал победу над намного превосходящими его и по количеству, и по вооружению войсками Чан Кайши не силой оружия, а в результате их полной коррупции и разложения: одни военачальники продавали коммунистам оружие и боеприпасы, другие переходили на сторону коммунистов с целыми дивизиями.

Марксизм-маоизм как идеология и система власти

«Китайский коммунизм, не имевший в Китае идеологических предшественников, является непосредственным детищем русского большевизма. Мао стоит на плечах Ленина»¹⁰.

С первых дней своего увлечения марксизмом и до конца своих дней земных Мао считал себя верным учеником Маркса, Ленина и даже Сталина. Но как Ленин переиначил учение Маркса,

приспособив его к условиям России начала XX века, так и Мао переиначил и Маркса, и Ленина, приспособив их учения к реалиям современного ему Китая.

Мао Цзэдун — выходец, по собственному признанию, из «среднячко-кулацкой» крестьянской семьи, получив педагогическое образование, работал в библиотеке Пекинского университета. В 1921 году в возрасте 28 лет стал одним из основателей Коммунистической партии Китая. С 1935 года он — полноправный член политбюро, а с 1943 года — председатель

Цит. по: Meisner, Maurice «Ironies of History» // *Marxism. Maoism and Utopianism*, с. 76.

484

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

ЦК КПК. Если Ленин стоял перед проблемой приспособления марксизма к стране в ранней стадии промышленного капитализма, то Мао пришлось приспособливать революционную доктрину к значительно более отсталой крестьянской стране, которую, по замыслу Маркса, следовало осуществить лишь в самых передовых странах с самым образованным и политически сознательным пролетариатом, который, к тому же, должен был к моменту революции составлять большинство населения страны. Иными словами, это должна была быть революция городская при насилии **большинства над меньшинством**. На практике, как мы знаем, все произошло с точностью до наоборот: в передовых странах пролетариат становился все зажиточнее, а не нищал, как предсказывал Маркс, революций не устраивал и в большинстве своем к революционным организациям не примыкал". Отсюда Ленин вывел свою доктрину революции как заговора небольшой партии профессионально подготовленной радикальной интеллигенции, беспрекословно подчиняющейся своему вождю, революции не рабочих, а якобы для рабочих, поскольку сами они дальше профсоюзов мыслить не способны. После опыта первой русской революции 1905-1906 годов, в которой ярко проявились крестьянские бунт и неуважение к частной собственности,¹² Ленин понял необходимость вовлечения крестьян в революцию. И в 1917 году не только присвоил эсеровскую аграрную программу, но также заявил, что коммунисты не смогут удержаться у власти, если не сумеют распространить классовую борьбу на деревню, привлекая на свою сторону бедняков и батраков и натравливая их на зажиточных крестьян. Все это было еще в большей степени злободневно для Китая, в котором промышленного пролетариата фактически еще не было, за исключением территорий иностранных концессий.

" Даже в России, как мы знаем, к большевикам примкнули в основном люмпены и чернорабочие, а не самые передовые и образованные рабочие, как должно было быть по Марксу.

'- Именно в связи с этим Столыпин говорил, что пока крестьянин не станет абсолютным собственником своей земли, он не будет уважать чужую собственность. По этой же причине Ленин так опасался успеха столыпинских реформ.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

485

Разница между Россией и Китаем была в том, что в России революционные партии и движения были городскими, интеллигентскими и направленными на переворот в городе с дальнейшим распространением на село. В Китае же революционные движения были преимущественно сельскими. Если Ленин считал недоразвитость и малочисленность городского пролетариата недостатком и смотрел на село и крестьянство как на контингент, который надо завоевать, то Мао в отсутствии европейского типа исторического развития и в отсутствии у крестьян чувства истории видел в Китае преимущество и ставил ставку на село, на беднейшие слои крестьянства, рассматривая их как *tabula rasa*, на которой можно «написать» что угодно. Силами этого, лишенного чувства истории, крестьянства он и собирался завоевывать город как враждебную крепость. Затем в отличие от Ленина и Тито в фундаменте всей китайской революционности XIX и XX столетий, в том числе и китайского коммунизма, заложен национализм и чувство глубокой национальной оскорбленности, нанесенной победами европейцев и японцев над Китаем. До «Опиумных» войн и вынужденного допущения иностранных концессий в Китае не было такого понятия, как национализм. Гордая Ханская империя считала себя центром Вселенной, а все страны мира считала своими «доминионами». Как указывает китаевед Та-унсэнд, для Китая характерным

был конфуцианский «культуризм», а не национализм: «все, что требовалось от правителя, — это образованность и управление страной в духе конфуцианских принципов и норм», а какой национальности правитель, император или местный начальник, — это не играло роли¹³. Только в XX веке в результате всех национальных травм появился очень интенсивный китайский национализм, ставший, по словам процитированного выше автора, почти что религией, что согласно нашему анализу и приведенным в начале книги источникам является одной из составных частей **тоталитаризма**.

Ленин, следуя основоположникам марксизма, был последовательным интернационалистом и опирался на все прави-

¹³ Townsend, James «Chinese Nationalism» // *Chinese Nationalism*. Unger, Jonathan, ed. P. 2-3. 486

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

ла исторического и диалектического материализмов с их «обязательной» цикличностью исторического процесса. Заваривая кашу в России, он оправдывал революцию в стране раннего капитализма лишь тем, что русская революция перекинется в страны Западной Европы, где и разовьется строительство социализма. И только в результате провала мировой революции ленинский интернационализм вынужден был принять своеобразную форму национализма, логически выводимого из идеи построения социализма «в одной отдельно взятой стране»¹¹. Для Мао эти псевдонаучные построения имели мало значения. В своем увлечении утопическим видением построения социализма и коммунизма «по шучьему велению», без всяких там промежуточных стадий буржуазного капитализма, Мао не допускал мысли о том, что капитализм может играть прогрессивную роль. Вообще Мао был чужд Марксов закон истории, по которому логически можно было, сложа руки, ждать осуществления диалектических процессов, результатом которых, мол, волей-неволей, будет коммунизм. Мао был волюнтаристом. Источником будущего социализма в его глазах был китайский народ, а не какой-то импортированный городской капитализм. Точно также Мао отрицал необходимость городского пролетариата для построения социализма, свято веря в развитие социализма из крестьянской деревенской общины, и считал за благо незначительную роль городских классов, в том числе и интеллигенции, в жизни Китая. В этом смысле он был ближе к русским народникам-утопистам, чем к марксизму. Психологически этому отвержению марксова тезиса о прогрессивности и обязательности капиталистического периода в историческом развитии способствовал тот факт, что промышленными предприятиями в Китае владели почти исключительно иностранцы на концессионных территориях (как бы вне Китая), и условия труда китайских рабочих на них были весьма тяжелыми. Поэтому те небольшие ростки китайского промышленного предпринимательства, которые начали появляться во внутренних провинциях Китая, вызывали к себе резко враждеб-

" Единственной альтернативой, логически вытекающей из «чистого» марксизма, была бы отставка.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

487

ное отношение китайских коммунистов. Если горожанин Ленин ставит себе целью завоевание деревни как условие выживания советского строя, деревенская социалистическая ре-волюция Мао, «принявшая форму партизанской войны, сначала восторжествует на деревне», но своей окончательной целью она ставит «завоевание городов, как главных баз противника»¹⁵.

Другим очень важным отступлением Мао от ленинизма (и сталинизма) был его анархизм. Он требовал от кадров всех рангов полного подчинения себе и безжалостно убирал с дороги и из жизни любого, ставшего у него на пути, осмелившегося и не соглашаться с ним, особенно если у его критика были какие-то последователи. В этом плане кровавость Мао не уступала (или галину. Но, быть может, как раз из-за какой-то внутренней неуверенности в собственном авторитете, он очень рано начал создавать культ своей личности, что облегчалось, во-первых, его легендарным 10-тысячекилометровым походом в самые набитые, бедные и отдаленные провинции Китая. Выживание его и его армии в этих условиях, когда к тому же Чан Кайши объявил за его голову премию в четверть миллиона долларов, уже создавало легенды о его неуязвимости. Среди темного народа, верившего в шаманов, чары, создать культ себе было гораздо легче, чем в интеллигентско-городской среде.

Особенно после прихода к власти он постоянно разрушал окрепшие было и дисциплинированные эшелоны власти под ним, государственной или партийной. Таковы были его *Великий скачок*, его кампания *Ста цветов* и наконец его *Культурная революция*, которые мы рассмотрим ниже более подробно. А пока взглянем на начало его правления в Китае после изгнания Чан Кайши и дальнейшее правление Мао и его наследников, не забывая о нашей главной теме — рассмотрении соотношения этой власти тоталитаризму.

Захват Китая коммунистами шел с севера на юг. Если на севере уже существовали советы в качестве местной власти, то на юге они создавались впервые в основном новоиспеченными молодыми

коммунистами и комсомольцами. С первых же шагов село разделялось по имущественному и классовому

¹⁰ Цитаты из работ Мао Цзэдуна 1939 года. См.: Meisner, Maurice *Marxism, Maoism and Utopianism*, p. 65-66. 488

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм •

признакам. Тут же создавались «народные трибуналы», приговоры которых не подлежали обжалованию, особенно если речь шла о расстреле так называемых «классовых врагов». Коммунистические активисты настраивали крестьянские массы против «кулаков» и помещиков, пытались вызвать зависть бедных крестьян, демонстрируя им относительно роскошную обстановку в домах зажиточных крестьян и помещиков. Добившись соответствующего эмоционального накала, устраивали суды с почти непременными казнями. В этой первой чистке по, вероятно, завышенным данным Гоминьдана было казнено до 15 миллионов. Западные китаеведы считают, что эта цифра является 10-кратным преувеличением.

Мао, однако, испугался, что такой массовый террор вызовет опасную для его строя реакцию и в 1949 году разослал распоряжения партийным кадрам на время ограничиться кампанией только против помещиков, зажиточных крестьян не трогать, а «расправиться с ними через несколько лет, когда наши позиции окрепнут... Мы же состоим в едином фронте с национальной буржуазией, [которая] тесно связана с земельной проблемой, поэтому не стоит сейчас трогать богатых крестьян, чтобы не дразнить буржуазию»¹¹.

Однако ждать пришлось не несколько лет, а всего год. Первая стадия реорганизации сел и передела земли проведена была между 1950 и 1952 годами. Ликвидировались — в большинстве случаев физически — помещики. Крестьяне, даже зажиточные, но не пользующиеся наемным трудом, зачислялись в сельское общество с правом выбора делегатов в сельсоветы. Поскольку помещики и богатые крестьяне, пользовавшиеся наемным трудом, составляли 4% населения, то есть около 30 миллионов человек, то не будет преувеличением сказать, что этот первый этап сельскохозяйственной реформы обошелся примерно в 14—20 миллионов жизней.¹⁷

¹¹¹ Hoyt, Edwin P. Указ, ист., с. 247-249.

¹⁷ Как пишет Хойт, судьбы богатых крестьян, а в отдельных случаях, и помещиков, зависели от отношения к ним местных крестьян. Там, где пропагандистам не удавалось настроить крестьян против местных богатееров, они оставались на месте и на этом этапе даже сохраняли за собой землю, хотя не могли участвовать в сельском самоуправлении.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

489

В 1952 году под видом борьбы с коррупцией Мао начал кампанию против буржуазии. На заводы и фабрики были направлены партийные кадры, которым поручалось настраивать рабочих против капиталистов и буржуазии, обвинять их во всех бедах рабочего класса, призывать их к восстанию против работодателей, их аресту и суду. Нередко такие «суды» заканчивались расстрелом фабрикантов. По стране прокатилась волна самоубийств, опережавших эти суды.

В 1953 году началась первая китайская пятилетка, спланированная по советскому образцу, включавшая в себя коллективизацию сельского хозяйства. К 1957 году 90% крестьян стало колхозниками. Крестьяне сопротивлялись, как могли, большинство закалывало свой скот перед вступлением в колхоз, но после террора 1947-1952 годов никто не решался протестовать открыто.

В 1955 году Мао начал истреблять внутрипартийную оппозицию. Кстати, одним из поводов для исключения из партии после 1956 года было обвинение в поддержке хрущевской антисталинской кампании. Одновременно Чжоу Энь-лай поставил Мао в известность о массовых антипартийных настроениях среди интеллигенции, жалующейся на недостаток свободы. Тогда в мае 1956 года Мао объявил свою кампанию «Цветения ста различных цветов, ста различных мнений». Общественности было дано понять, что партия приветствует свободную критику. Интеллигенция воспряла. Профессура критиковала чрезмерное подражание Советскому Союзу, слишком широкие права партийных активистов, часто недостаточно квалифицированных для преподавательских должностей, занимаемых ими в

университетах. Поскольку критиковались кадры на уровне учебных заведений и местных партийных властей, Мао готов был это терпеть, считая всех небезгрешными, кроме самого себя. Но критика добралась и до самого Мао. Этого он терпеть не собирался. 8 июня 1957 года в «Женьминь Жибао» — китайском эквиваленте советской «Правды» — появилась разгромная статья, обвинявшая критиков в контрреволюционности, угрожающей свержением партии и разрушением государства. Ликвидация кампании «Ста цветов» началась с внутрипартийной инструкции Мао, дающей рецепт ликвидации «необоснован-

490

•— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

ной критики» и натравливания трудящихся на интеллигенцию вообще. Были закрыты либеральные университетские журналы, пролиберальные стенгазеты заменялись партийными листками с выпадами против интеллигенции. Активистов кампании «Ста цветов» отправляли на принудительные работы в села. С этого момента, пишет Хойт, «Мао окончательно повернулся против интеллигенции и отказался от ее услуг», без которых последующие кампании Мао стали совершенно иррациональными.

Таковой была кампания «Большого скачка вперед», когда Мао решил производить сталь руками крестьян, которые к тому времени из колхозников были превращены в коммунаров, лишенных остатков частной собственности. Мао подсчитал, что не менее 100 зимних дней в году крестьянин свободен от полевых работ, и решил использовать их в этот период в кустарном литье стали в крестьянских дворах, а также на строительстве железных дорог, заводов, на работах в шахтах и т.д. Чтобы увеличить все сокращающиеся урожаи, коммунарам и вообще всем, кто мог, было приказано уничтожать воробьев, пожиравших якобы львиную долю злаков! Доведенных до отчаяния коммунаров, находившихся на грани голода (а часто и за этой гранью), лишили зимнего отдыха и заставили трудиться еще больше. Это вызвало массовое вымирание крестьян от истощения, унесшее не менее 20 миллионов жизней¹⁹. Естественно, «сталь», вылитая кустарным способом, ни на что не годилась. Так, вся эта кампания ничего, кроме голода, не дала¹¹.

Следующей и уже фантастически абсурдной была так называемая «Великая пролетарская культурная революция». Для ее начала было несколько причин.

Мао никогда не терял своей утопической веры в здоровый инстинкт крестьянства, хотя погубил он их несколько десятков миллионов. Столь же утопичными были его надежды обойтись без «буржуазной интеллигенции», мол, немного

¹¹ Хойт *Указ, соч.*, с. 280.

¹⁹ Возможно, что окруженный придворными блюдолизами, которые говорили ему то, что ему хотелось слышать, Мао даже и не знал печальных результатов своего «изобретения» кустарного литья стали.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

491

подучившийся крестьянин, восполнив недостаток высшего образования полученным на практике опытом, сможет вполне заменить интеллигентов, квалифицированных специалистов с высшим образованием.

Следующая причина — в Советском Союзе развенчан культ Сталина, которого Мао всегда считал своим великим учителем. На его глазах начало рушиться то, чему он посвятил всю жизнь. Признавая, что Сталин совершил ряд ошибок в своей политике по отношению к Китаю, Мао говорил, что великие люди имеют право на ошибки. Себя он видел естественным преемником Сталина в роли вождя мирового коммунизма. А тут какой-то клоун, по приказу Сталина плясавший перед ним гопака, посмел осудить Сталина и вообразил **себя** его преемником. Хрущев и его «коллективное руководство» в глазах Мао были мелкими бюрократами, символом перехода коммунистического движения из рук вождей в руки чиновников. Несомненно, Мао опасался, что то же самое произойдет в Китае после его смерти. А тут еще антикоммунистическая революция в Венгрии, ревизионизм Тито...

И вот задумал он призвать массы простых людей, молодежи, комсомольцев и направить их против собственной партийной системы, против аппаратчиков и интеллигенции. Дать массам почувствовать, что они — власть и что с ними сам Великий Рулевой, который, как и они, ненавидит аппаратчиков; он, Мао, — их вождь и учитель, он возглавляет их движение, понимает их обиды и дает им возможность расправиться со своими угнетателями — «очкариками». Продолжительность революции, революционного духа не превышает срока наибольшей

активности одного поколения, поколения революционеров²», то есть примерно 15 лет. Мао это понимал и видел старение, бюрократизацию своей компартии, а также «обуржуазивание» партийной элиты в СССР — партии своих учителей! В отличие от Ленина и Сталина, которые были крайними централизаторами, создателями и сторонниками строго дисциплинированной пирами-

¹ Об этом писали и бесчеловечный фанатик революции, один из идеологов народовольцев Ткачев (предшественник и «вдохновитель» Ленина), и известный испанский политический философ Ортега-и-Гассет в своем «Восстании масс».

492

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм •

ды власти, Мао в душе был анархистом и децентрализатором в отношении всех уровней партии, кроме самого верхнего, то есть самого себя, стоящего над массами и над партией. Но кого избрать для исполнения роли погромщиков партийного истеблишмента, роли новых революционеров? Крестьяне были недовольны коммунами, в которые их загнали и которые не давали обещанного урожая. Они в энтузиасты не годились. Подростки, школьники — вот находка! Они же упьются полученным вдруг значением и властью!

В январе 1965 года Мао в интервью Эдгару Сноу признается, что он считает культ личности вождя положительным фактором, приносящим пользу власти, присовокупив, что Хрущев потерял власть, потому что не сумел создать культа себе. А 21 декабря Мао произносит на всю страну сумасбродную речь против высшего образования, которое занимает слишком много времени, тогда как величайшие изобретатели были самоучками, «да и среди товарищей в ЦК нашей партии очень немногие имеют высшее образование». После ряда внутрипартийных маневров и устраниний началась «благословленная» Вождем борьба стенгазет в Пекинском университете. Инициативу Мао поощряла его жена, которую в высших партийных кругах не любили, и, очевидно, она горела желанием избавиться от этих товарищей из окружения Мао. Вполне возможно, она же наняла 50-летнюю женщину Ние Юаньзи, чтобы та вывесила стенгазету с выпадами против руководителей и преподавателей университета: «Все мы должны следовать за Мао Цзэдуном, развивая культурную революцию, которая переменит мир!». Когда попытались заставить ее замолчать, она выкрикнула, что Мао назвал ее первым красным знаменем, и поэтому те, кто против нее, являются противниками «председателя Мао»! Дикая толпа подростков поддержала ее, и «процесс пошел», как сказал бы Горбачев. Полный беспредел продолжался почти 10 лет, но самый разгар самосудов и разрушений приходится на 1965-1968 годы: преследование и избиение партийных деятелей и представителей интеллигенции, суды Линча с расстрелами и пытками стали повседневным явлением. Вузы и лаборатории были разгромлены, громили и простые школы. Короче говоря, в течение почти 10 лет в стране не действовало ни одно выс-

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

493

шее учебное заведение, ни одна городская школа; сохранились только — и то далеко не везде — начальные сельские школы. Более 10 миллионов юных погромщиков — «красногвардейцев», как они себя называли, разрушали, поджигали, избивали и убивали направо и налево — все именем Мао! Сотни тысяч, если не миллионы, были после всяческих издевательств отправлены на насильственные сельские работы и в тюрьмы. Какая-либо научная или культурная жизнь прекратилась. Жгли библиотеки, разрушали памятники, храмы всех религий, но особенно христианские, с издевательствами, а часто и убийствами духовенства и прихожан. Особенно старательно уничтожалось все иностранное — «Культурная революция» была, ко всему прочему, и уродливым взрывом крайнего национализма, антиевропеизма и антиамериканизма. Погибло несколько миллионов человек. Как пишет Мейснер, «Культурная революция» показала, что Китай бурлил недовольством, люди жаждали молиться на Мао и обожествлять его «мысли». Его призыв восстать против компартии и ее организаций нашел отклик в сердцах десятков миллионов, готовых бороться не на жизнь, а на смерть за то, чтобы революция завершила социальную миссию построения утопии, чтобы она не дегенерировала в «буржуазную реставрацию», не досталась бы «духам зла, чудовищам и демонам». Самым преданным поклонником Мао была молодежь, «видевшая в нем единственного охранителя чистоты романтизированного революционного прошлого, пророка, обещающего очистить от

коррупции настоящее и построить радикально новое и лучшее будущее». Неким мистическим моментом «Культурной революции» было 18 августа 1966 года, когда несколько сотен тысяч красногвардейцев собрались на площади перед Воротами «Небесного мира» в ожидании самого Мао, который в конце концов появился с первыми лучами утренней зари. На рукаве у него была красная повязка, как у всех красногвардейцев. Иными словами, Мао стал главнокомандующим красногвардейцев!²¹

К середине 1968 года хаос достиг размеров Гражданской войны. Под давлением Чжоу Эньлая Мао пришлось распустить

Хойт, Эдвин *Указ. соч.*, с. 167.

494

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

отряды красногвардейцев и приказать армии восстановить порядок в стране. По признанию самого Чжоу Эньлая, за годы «Культурной революции» погибло несколько сотен тысяч военнослужащих, вероятно в стычках с красногвардейцами, которые, кстати, были вооружены.

На этом «культурная», а вернее антикультурная, революция не закончилась. Мао распустил отряды красногвардейцев, и они рассеялись по стране, всюду провоцируя конфликты и часто становясь жертвами тех, кого они еще вчера преследовали. В среде красногвардейцев нарастала междоусобная борьба, которая затем превратилась во внутрипартийную борьбу за наследство маразматика Мао, который, очевидно, уже этого не понимая, фактически потерял реальную власть в стране в то самое время, когда на IX съезде КПК в апреле 1969 года был превращен в богоподобного идола с миллиардной распечаткой «Маленькой красной книжки» его изречений — «библии» маоистского Китая. В деревнях возникли «комнаты лояльности», посвященные мыслям Мао, где собирались семьи два раза в сутки — утром и вечером — отдавать знаки почтения Мао. Перед едой за столом читались изречения Мао из «Красной книжечки». Небо стало символом Мао, он отождествлялся с космическими силами по образу и подобию китайских императоров, которые назывались «Сынами Солнца». По всей стране строились «Залы революции», увековечивавшие его революционные подвиги. Фасады этих строений были направлены на восток — в сторону восходящего солнца, а в официальной печати они назывались «священными храмами»²².

Мао считал, что его «Культурная революция» окончена. Он понятия не имел о масштабах разрушений, нанесенных ею всему Китаю. Одним из отрицательных последствий ее было то, что к власти пришли недавние участники «Культурной революции», левые радикалы, что задержит нормализацию страны на многие годы.

Здоровым началом, сдерживающим крайние эксцессы Мао, был Чжоу Эньлай. Под него подкапывалась так называемая *Банда четырех* во главе с женой Мао, которая пыталась

²² Хойт, Эдвин *Указ. соч.*, с. 168-169.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

495

возобновить «Культурную революцию» и избавиться от умеренно-прагматического крыла в партии, которое возглавлялось Дэн Сяопином. Позже, после смерти Мао и ликвидации «Банды четырех», он возглавит экономические реформы, допустит ограниченное восстановление рынка и частной собственности на землю. Но это все в будущем, а в 1975 году Мао развязал кампанию против Дэн Сяопина, обвиняя его в буржуазной правизне. Запахло возрождением «Культурной революции», хотя после всех передраг радикальное крыло весьма ослабело, и настроения в стране были в пользу «правых». В 1976 году умерли сначала Чжоу Эньлай, а через несколько месяцев — и Мао. Смерть Чжоу Эньлая, как это ни странно, возможно, предотвратила восстановление власти радикалов, ибо его похороны умеренные и правые элементы превратили в массовую демонстрацию против радикалов. Миллионы «паломников» стекались к площади Тяньянь-мынь, возлагая венки в память Чжоу Эньлая, читая стихи против «Банды четырех». Власти испугались и в очередной раз использовали армию и оружие. Много демонстрантов было убито и ранено, но еще больше арестовано. Однако, хотя незадолго до своей смерти Мао назначил председателем ЦК КПК и премьер-министром своего человека, Хуа Гуо-фена, власти, очевидно, решили, что против рожна не пойдешь, и заняли некую среднюю позицию с возвращением к власти Дэн Сяопина. «Банда

четырех» попыталась захватить власть, но это ей не удалось: возглавлявшая их вдова Мао не пользовалась ни авторитетом, ни властью в партии; без Мао она оказалась бессильной, а остальные члены «Банды» опирались на нее. Страна наконец успокоилась. В 1977 году к власти вернулся Дэн Сяопин. В ряде публичных выступлений он признал полное расстройство народного хозяйства, железных дорог, средств информации. Никто точно не знал, какова на самом деле ситуация в стране, поскольку Мао ликвидировал центральное статистическое управление, все отчеты и цифры брались «с потолка». В 1980 году были в основном посмертно реабилитированы все жертвы маоистского террора, из среды коммунистов, конечно. О простых смертных и речи не было, за исключением некоторых, наиболее видных, интеллигентов. Только к 1981 году Дэн Сяопин и его

496

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

окружение почувствовали достаточную прочность своего положения, чтобы открыто признать, что причиной развала всего в Китае был бессмысленный террор, продолжавшийся 20 лет, с 1957 по 1976 год, убивший инициативу и помешавший развитию страны. Обожествление Мао было официально отменено в 1981 году, но такого развенчания культа Мао, как культа Сталина в СССР, не произошло до сих пор. Трудность заключается в том, что Мао, приведя коммунистов к власти и «процарствовал» 27 лет, олицетворяет собою китайских Ленина и Сталина. Поэтому полное осуждение Мао было бы равносильно признанию коммунистического режима как такового преступным. Ясно, что пилить сук, на котором сидят, коммунисты не станут.

Так что вся постмаоистская эпоха Китая состоит из противоречий. В экономическом плане достигнуто за последние 25 лет достаточно много, уровень жизни значительно поднялся, хотя сохранение неограниченной в политическом плане тоталитарной власти неизбежно ведет к коррупции, которую расстрелами не решить. Политическая жизнь страны, как пишет китайский историк Пей, идет волнообразно: то усиливается «либеральное» крыло партии, и тогда допускаются открытая критика власти, газеты с требованием реформ и пр. Затем власть, испугавшись «чрезмерно радикальных» настроений общественности, закрывает либеральные издания, арестовывает или высылает за границу оппозиционеров. К власти приходит левое крыло партии, которое начинает зажим. Через некоторое время снова отбой и в обратную сторону... Пей насчитал 5 таких волн между 1978 и 1993 годами, из коих самой жуткой была волна 1989 года с расстрелом тысяч студентов на площади Тяньаньмынь, требовавших демократизации страны.²³ В общей сложности, по приблизительным подсчетам Французской академии, в Китае за 50 лет (с 1949 по 1989) было убито или погибло от голода более 50 миллионов человек, не считая жертв внешних войн (например, с Кореей).

Обстановка в сегодняшнем Китае напоминает годы НЭПа в СССР. И если вспомнить, что НЭП был промежуточным

²³ Minxin Pei, *From Reform to Revolution*, p. 172—177.

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

497

явлением, из которого было только два пути — к подлинно свободной рыночной системе и по крайней мере личной, если не политической, свободе, или к полному тоталитаризму, — то из этого можно сделать вывод, что на таком же распутье стоит сегодня Китай. С той только очень важной разницей, что построение коммунистической утопии было официальной целью партии и правительства в СССР той эпохи, в то время как сегодняшний Китай от утопических идей, по-видимому, отказался. А без утопической цели не может быть и настоящего тоталитаризма. Это дает основания надеяться, что сталинский путь Китай уже не изберет, хотя авторитарный режим, и притом весьма жестокий, может продолжаться еще годы и годы.

Аннотированная библиография

Beiner, Erica *Really Existing Nationalisms. A Post-Communist View/mm Marx and Engels*. Oxford, Clarendon Press, 1995. Попытка проанализировать национализм и национальные движения с точки зрения Маркса и Энгельса, которые, как известно, уделяли этим вопросам мало внимания, считая национализм изобретением буржуазии, чуждым пролетариату.

Bertsch, Gary & Ganschow, Thomas, eds. *Comparative Communism: the Soviet, Chinese, and Yugoslav Models*. San Francisco, W.H. Freeman & Co., 1976. Сборник состоит из сравнительных анализов коммунистических систем СССР, Китая, и Югославии, теоретических и практических различий между

ними и истории их взаимоотношений.

Butterfield, Fox *Chin/ Alive in the Bitter Sea*. Toronto, Bantam Books, 1983. Записки и картинки из жизни Китая 1980—1982 годов в изложении первого пекинского корреспондента «Нью-Йорк Тайме». Книга написана живо, с большой симпатией к китайцам, но не к режиму.

Ch'en, Jerome *Mao*. Englewood Cliffs, N.J., Prentice—Hall, 1969. На 45 страницах предисловия излагается прокоммунистическим пиететом биография Мао, затем на 110 страницах даются отрывки из его выступлений. Книга написана в разгар увлечения на Западе, и особенно в Америке, коммунистическим Китаем и его вождем.

498

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

Floyd, David *Mao against Khrushchev: a Short History of the Sino-Soviet Conflict*. London, Pall Mall Press, 1964. Автор — один из самых авторитетных английских журналистов и переводчиков русской литературы своего времени, анализирует советско-китайский конфликт в период правления Хрущева и историю взаимоотношений обеих стран, особенно с 1949 года. Авторский очерк состоит из 208 страниц, за которым следует 240 страниц документов. Несмотря на свою «допотопность» книга и сегодня сохраняет ценность как источник аналитической информации по самому крупному идеологическому и национально-политическому расколу в коммунистическом мире, несомненно, способствовавшему развалу коммунистического мира.

Griffith, William. *The Sino-Soviet Rift*. Cambridge, Mass., M.I.T. Press, 1964. Книга посвящена той же теме, что и книга Флойда, но состоит исключительно из документов, относящихся к конфликту, и пояснительных комментариев автора. Поскольку документов, доступных исследователю, сегодня несравнимо больше, чем в 1960-е годы, эта книга более устарела, чем книга Флойда.

Hoyt, Edwin P. *The Rise of the Chinese Republic. From the Last Empire to Den Xiaoping*. N. Y., McGraw-Hill, 1989. Превосходное изложение истории Китая XX века. Убедительно проанализированы политика Коминтерна, появление и развитие коммунизма в Китае, идеалы и горькая реальность Гоминьдана, утопический идеализм раннего Мао и кровавые реалии последних его лет, разложение Гоминьдана, тоталитаризм Мао и т.д.

Мао Цзэдун «Избранные произведения». 3 т. М., 1952-1953. Сборник выступлений и писаний Мао, подобранных в соответствии с генеральной линией позднего сталинизма. «Для любителей» и лиц, изучающих психологию диктаторов.

Luk, Michael *The Origins of Chinese Bolshevism. An Ideology in the Making, 1920-1927*. Oxford University Press, 1990. Изложение и анализ зарождения и первых шагов китайского коммунистического движения. Рассматривается степень влияния советского большевизма, источники и основы своеобразия китайского коммунизма.

Meisner, Maurice *Marxism, Maoism and Utopianism. Eight Essays*. The University of Wisconsin Press, 1982. Блестящий политико-фи-

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

499

лософский анализ марксизма, особенно в его китайском варианте. Изложение маоистского варианта, близкого некоторым русским народническим учениям (Лаврова, например), с упором Мао на утопические моменты в марксизме-ленинизме и на волюнтаризм, вместо марксовых «законов истории».

Pantsov, Alexander *The Bolsheviks and the Chinese Revolution, 1919-1927*. Richmond, Surrey, Curzon Press, 2000. Можно сказать, самая современная история зарождения китайского коммунизма и роли русского большевизма в его появлении и развитии. Эпоха та же, что у Лука, но русский историк Панцов дает богатейший архивный материал о роли Ленина, Сталина, Коминтерна и позиций правой и левой оппозиции в отношении китайского коммунизма, руководства его тактикой и стратегией.

Minxin Pei *From Reform to Revolution. The Demise of Communism in China and the Soviet Union*.

Cambridge, Mas., Harvard University Press, 1994. Профессор Пей — специалист не только по Китаю, но и по СССР, владеет русским языком. В этой книге он сопоставляет развал коммунизма в СССР, начиная с горбачевской «перестройки», с аналогичными, как он считает, процессами распада коммунизма в Китае после смерти Мао и перерождением коммунистического тоталитаризма в авторитаризм, весьма жестокий, тираничный, но отличающийся от тоталитаризма тем, что не ставит себе больше утопических целей, допускает частную инициативу в хозяйственной жизнедеятельности стран.

Purcell, Victor *The Boxer Uprising: a Background Study*. Cambridge University Press, 1963. История «Боксерского движения» и восстания в свете китайской истории и традиционной «идеологии» в сопоставлении с империалистическим внедрением европейцев и японцев. Восстание рассматривается в основном как реакция на это, вызвавшая к жизни китайский национализм. Книга написана с большой симпатией к Китаю. Schwartz, Benjamin I. *Chinese Communism and the Rise of Mao*. Harvard University

Press, 1961. Известный американский специалист по Китаю в этой книге исследует историю китайского коммунизма в контексте теории марксизма-ленинизма и роли СССР в китайском варианте этой идеологии, которую он называет «наукой магизма, чьи самоизбранные "первосвященники" в Кремле занимаются планированием всеобъемлющей

500

— 24. Китай и коммунистический тоталитаризм —

глобальной стратегии, якобы, с точностью, не допускающей ничего, не предвиденного ими».

Shih, Vincent Y. *The Taiping Ideology: Its Sources, Interpretations, and Influences*. Seattle, University of Washington Press, 1967. Изложение идеологии (скорее религии) Тайпинского движения, его предыстории и влияния на дальнейший ход китайской истории и идеологических течений. Наш очерк о тайпинах главным образом основан на этом труде.

Shum Kui-kwong *The Chinese Communists' Road to Power: the Anti-Japanese National United Front, 1935-1945*. Oxford University Press, 1988. Документально обоснованное исследование истории партизанской эпохи становления китайского коммунизма и создания единого антияпонского фронта с гоминьдановцами, с разоблачением лжи о том, что инициаторами борьбы против Японии были коммунисты.

Unger, Jonathan, ed. *Chinese Nationalism*. Armonk, N. Y., M. E. Sharpe, 1996. Сборник научных статей разных авторов, посвященных вопросу, что такое китайский национализм и «откуда он быть пошел»? Мнения различны, равно как и уровень материалов. Авторы в основном склоняются к выводу, что в Китае есть национализм, но нет единой нации в общепринятом понимании этого термина. По официальной китайской терминологии страна состоит из 5 «рас». Что это такое, пусть разберется читатель.

Yan Sun *The Chinese Reassessment of Socialism, 1976-1992*. Princeton University Press. 1995. Политико-философский анализ китайского марксизма, его применения и приспособления к китайским реалиям и переоценки в постмаоистский период.

Глава 25 Кубинский национал-коммунизм

«Есть ли у народа время для выборов? Нет».

Фидель Кастро. 1 мая 1959 года

Куба своим географическим положением между Соединенными Штатами Америки, Мексикой и северным побережьем Южной Америки, обладающая почвами и климатом, крайне выгодными для разведения таких культур, как сахарный тростник, табак (особенно для сигар) и тропические фрукты, со времени своего открытия Колумбом была слишком заманчивым куском и для европейских держав, и, позднее, для США, чтобы так запросто отпустить ее в самостоятельное плавание. Поэтому Куба начала отвоевывать независимость позже большинства латиноамериканских государств.

Что касается национального состава острова, то в отличие от большинства латиноамериканских стран на нем не осталось ни одного чистокровного индейца. Они полностью вымерли от непосильного труда на заведенных европейцами плантациях, а также из-за отсутствия иммунитета против европейских заболеваний — умирали сотнями тысяч от европейской простуды, гриппа. Правда, поскольку среди испанских колонизаторов почти не было женщин, смешанные браки испанцев с женщинами индейских племен были широко распространены, и отпрыски таких союзов официально считались белыми испанцами. По мере вымирания индейцев на Кубу завозились африканские рабы. И на сегодняшний день негры и мулаты составляют более 40% населения.

Последовательная борьба за независимость начинается с Гражданской войны против испанского господства в 1868 году, продолжается 10 лет и отличается особой жестокостью с

502

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

обеих сторон — вроде Гражданской войны карлистов в Испании, — унеся более четверти миллиона жизней. Закончилась она поражением кубинцев. Вторая волна борьбы за независимость продолжалась три года, с 1895 по 1898, и окончилась интервенцией Соединенных Штатов Америки в тот момент, когда кубинцы уже фактически одержали победу. Американское участие в войне продолжалось меньше месяца. Но по праву «победителей» американцы оказались не союзниками, а новыми оккупантами, чем настроили против себя кубинцев, считавших, что американцы украли у них победу. Только в 1902 году кубинцам удалось добиться относительной независимости, объявить себя республикой. Однако по конституции, которую навязали американцы, США сохранили за собой право вмешиваться в дела Кубы. Куба обязывалась не брать кредитов от иностранных государств при отсутствии возможности расплатиться, не предоставлять иностранным государствам баз на своей территории и не допускать политической зависимости республики от каких-либо иностранных держав, за исключением США, которые могли строить свои военные базы на кубинской территории по мере надобности. Пережиток этого

соглашения 1903 года на сегодняшний день — американская военно-морская база Гуантанамо на Восточной Кубе. В течение последующих 30 лет США трижды высаживали свои экспедиционные корпуса, на какое-то время фактически оккупируя остров. Все это способствовало развитию резких антиамериканских настроений и подчеркнутого кубинского национализма, которым пропитаны все кубинские восстания и партии. После нескольких переворотов в 1940 году была принята новая и вполне демократическая конституция, утверждавшая полный суверенитет Кубы. Националистическим духом была пропитана *Партия кубинского народа*, так называемые *Ортодоксы*, созданная и возглавлявшаяся профессором-юристом Эдуардом Чибасом. Это была партия демократическая, признававшая приоритет конституции 1940 года и требовавшая социальной справедливости, более справедливого перераспределения доходов¹.

¹ То есть того, что по-английски называется *welfare state*, а в русском, довольно корявом, переводе — «обществом всеобщего благополучия».

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

503

Еженедельные радиопередачи Чибаса с разоблачениями коррупции в правительстве и призывами к социальным реформам пользовались большой популярностью и авторитетом в обществе. И вот, поскольку вину одного из государственных руководителей, которого он обвинял в своих передачах, Чибас доказать не смог, свою последнюю передачу в августе 1951 года он, признав свою вину, окончил выстрелом себе в живот. С его смертью создался некий политико-нравственный вакуум — и коррумпированная власть, и авторитет ее покойного разоблачителя, были поколеблены. В таких условиях нередко происходят государственные перевороты. В 1952 году в результате очередного военного переворота к власти пришел Батиста и установил военную диктатуру.

Переворот Кастро и ранний период его власти

Сегодня звучит злой иронией то, что Чибас высоко ценил юридические способности своего ученика Кастро и предсказывал ему большое будущее в области права. На самом деле с момента своего прихода к власти Кастро проявил полное пренебрежение конституцией, законами и самыми элементарными понятиями демократии. Партия Чибаса досталась Фиделю Кастро как бы по наследству. После неудачной попытки свержения диктатуры Батисты 26 июля 1953 года и выхода из тюрьмы по амнистии в 1955 году Кастро возглавляет то, что осталось от партии своего покойного профессора, и переименовывает ее в *Движение 26 июля*. Готовясь к захвату власти, Кастро с отрядом примерно в 800 человек партизанил в горах восточной Кубы, нападая на городские базы правительства, привлекая, таким образом, на свою сторону городскую интеллигенцию и деморализуя армию. Реакция власти выразилась в чрезмерных жестокостях, например, в отправке 2 тысяч сельских семей с Восточной Кубы в концлагерь. Возмущенное таким поведением Батисты американское правительство прекратило поставки ему оружия и публично осудило его диктатуру. Это подорвало волю к власти и так изолированного от народа деспота. Тем временем Кастро отправился на переговоры с антибатистовскими эмигрантами во Флориду и получил от них кадровую, политическую

504

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

и финансовую поддержку. 31 декабря 1958 года Батиста отрекся от власти и бежал из страны, а 1 января 1959 в Гавану вступали партизаны Кастро — к этому времени их было около 1,5 тысяч.

Позднее Кастро и особенно Че Гевара создали миф о крестьянской революции на Кубе. Но это опровергают и вышеприведенные цифры о численности партизанского отряда Кастро, и тот факт, что крестьяне-бедняки составляли менее 5 % населения острова. Свержение Батисты было результатом пассивного и активного сопротивления режиму главным образом интеллигенции и студенчества и внутренней деморализации изолированной от общества верхушки власти. Надо, однако, отдать справедливость режиму Батисты: экономическая его политика была весьма разумной. Как пишет американский историк О'Коннор, доходы на душу населения в 1950-е годы на Кубе были одними из самых высоких в Латинской Америке. На душу населения на Кубе приходилось автомобилей, предметов длительного пользования и телевизоров больше, чем в любой другой латиноамериканской стране, в сельском хозяйстве подавляющее большинство составляли вполне обеспеченные мелкие земледельцы-арендаторы, безземельных крестьян-батраков было менее 5% населения. Пропорция трудящихся, состоявших в профсоюзах, была одной из самых высоких в мире, а заработная

плата рабочих и чиновников приближалась к аналогичным ставкам в Западной Европе и Канаде. Батиста пытался, и не без успеха, диверсифицировать экономику страны, превратить ее из монокультурной в поликультурную. Да, на Кубе были значительные контрасты между благополучными жителями и бедняками. На уровне прожиточного минимума и ниже его находились безземельные батраки и часть неквалифицированных сезонных рабочих. Но ни те, ни другие в движении Сопrotивления не участвовали. Пролетарские битвы и радикализм были в далеком прошлом, а подогревавшая их компартия к 1950-м годам была расколота, обессилена и даже поддерживала Батисту,² а, когда запахло кровью в связи с партизанскими действиями отрядов Кастро, глава компартии Блас Рока на всякий слу-
- О'Коннор, Джеймс *Указ, соч.*, с. 2—4.

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

505

чай устроил себе поездку к Мао, который ему явно импонировал своим недовольством хрущевской десталинизацией.

Кубинская компартия под названием *Народно-социалистической партии*, была «реформирована» эмиссарами из Москвы в 1934-1935 годах в духе народных фронтов и культа Сталина. Праотцем кубинского марксизма считается философ-революционер Хосе Марти, погибший в бою за независимость в 1895 году. Хотя после этого все кубинские революционеры и радикалы пользовались именем Марти, на практике ни его писаний, ни трудов основоположников марксизма Кастро и его сподвижники не читали. А коммунистическая партия Кубы была образом и подобием сталинской компартии той эпохи, но отличалась от нее еще более низким уровнем культуры и образования. Так что никакими «теоретическими разработками» идей Марти, а тем более Маркса—Энгельса—Ленина ни компартия Кубы, ни примкнувший позднее к марксизму Кастро не отличались. Если рассмотренные нами главы, посвященные России, Китаю и Югославии, показывают, что революции или перевороты совершались в этих странах во имя коммунизма и коммунистическими партиями, то на Кубе революция, приведшая Кастро к власти, была коалиционным движением различных партий демократического и социал-демократического направлений, отказывавшихся иметь дело с коммунистами. Более того, коммунисты выступали с критикой повстанцев, утверждая, что это очередной путч, а не революция. Только придя к власти в 1959 году во главе этой многопартийной, но крайне миниатюрной коалиции — всего в партизанском отряде Кастро было около 400 бойцов, а в момент свержения ими Батисты — не более 1,5 тысячи — и обещая стране демократию, свободу и демократические всеобщие выборы, Кастро поворачивается против вчерашних союзников, начинает называть свою революцию социалистической. К 1960 году в коалиции и среди демократически настроенных офицеров растет недовольство усугубляющимся авторитаризмом Кастро и его сближением с коммунистами. Самой видной личностью среди военных критиков был Хубер Матос, один из самых популярных военных командиров, герой партизанской борьбы в горах, соратник Фиделя и конкурент

506

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

младшего брата Фиделя — Рауля Кастро, военного министра Кубы. Кастро в 1960 году подвергает его и большую группу офицеров показательному суду по обвинению в измене революции. Все приговариваются к длительным срокам заключения, Матос — к 20 годам. А в своей знаменитой речи 1 декабря 1961 года Кастро объявляет себя коммунистом, заявляет, что в душе был таковым еще во время первого своего восстания против Батисты в 1953 году. Это все его бывшие революционные товарищи решительно отрицают. Это заявление стоит сравнить с его же словами, сказанными в мае 1959 года: «Не понимаю, откуда берется клевета на нашу революцию, что будто это коммунистический переворот, будто она пронизана коммунизмом. Кому может прийти в голову мысль, что мы лелеем какие-то темные намерения? Разве может кто-либо обвинить нас в том, что мы когда-либо скрывали что-либо от народа?»³ Когда же Кастро лукавил: в 1959 году или в 1961, когда заявил, что был в душе марксистом-ленинцем с 1953 года? При этом он сам заявлял, что читать у него не было времени и что он вообще не интеллектуал, а деятель, активист. Так что скорее всего его познания в марксизме-ленинизме ограничиваются единственной утопической работой Ленина — «Государство и революция», на которую он часто ссылается, называя ее гениальной, хотя сам Ленин, придя к власти, быстренько «забыл» это единственное свое утопическое произведение. Ленин был реалистом. Кастро — утопист,

мечтатель. А таковые весьма опасны, когда в их руках власть. И вот после неприятностей с Матосом и прочими в 1960 году Кастро начинает кровавые чистки. В 1961 году не менее 2 тысяч человек было расстреляно и около 20 тысяч отправлено в концлагеря на длительные сроки. Это в основном интеллигенция и часто бывшие близкие сотрудники Кастро, члены запрещенных партий, бывшие участники антибатистовской коалиции. В эти же 1960-е годы сотни тысяч кубинцев официально эмигрируют или бегут в соседнюю Флориду.

Но факт остается фактом: в отличие от подавляющего большинства прочих коммунистических стран и движений

•⁴ Aguilar, Luis E., ed. *Marxism in Latin America*, p. 42.

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

507

в случае Кастро коммунизм как удобная идея и идеология был подхвачен им как бы в пути, как выгодная идеологическая ниша, к тому же обладающая готовым к его услугам аппаратом. Революцию свою он совершал под флагом национализма, и принятый им коммунизм он окрасил в националистические цвета. Но, объединив в 1961 году свое М-26 с компартией, называвшейся *Народно-революционной партией*, Кастро подмял эту партию под себя. Все руководство партии было подобрано лично Фиделем, и все они, за редкими исключениями, были из состава партизанских товарищей Кастро — националистов, членов «М-26», а не из старых коммунистических кадров. Разогнав все партии и нормальные государственные учреждения, власть Кастро зависла как бы в вакууме. Он понял, что ему нужна ручная партия и идеология, предоставляющая удобные аргументы, оправдывающая его диктаторское правление обещаниями коммунистического «светлого будущего», утопии. Интересно, что кубинская компартия оказалась гораздо консервативнее Кастро. Вспомним ее опасливо отрицательное отношение к партизанским действиям Кастро против Батисты. А в сентябре 1960 года глава компартии Рока в форме письма к рабочим, якобы задавшим ему вопрос, является ли Китай социалистической страной, отвечает, что в политическом отношении это страна социалистическая, но в области экономики там сохраняется смешанное хозяйство с государственными и частными предприятиями. Кубинский политолог-эмигрант Суарес считает, что письмо было адресовано Кастро, которого глава кубинских коммунистов пытался удержать от поспешной коллективизации и ликвидации частного сектора народного хозяйства. Это не помогло. Кастро был радикальнее коммунистов. Как пишет американский специалист по Латинской Америке Тони Смит, если Ленин считал, что «без революционной теории нет революционного движения, ... то кубинские революционеры стали марксистами-ленинцами посредством своих действий».⁴ Встав под знамя национал-коммунизма, Кастро пытался превратить его в некий панла-тиноамериканский наднациональный коммунизм с собой

в

¹ Smith, Tony *Thinking like a Communist*, p. 155.

508

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

качестве вождя. Кстати, и титул его в начале 1960-х годов становится *КаудильоМаксима* — дословно, максимальный вождь. В то время как Мао претендовал быть вождем коммунизма во всем Третьем мире, Кастро, во всяком случае, до развала СССР претендовал на ту же роль в латиноамериканском мире. В 1960-е годы он колеблется между советской и китайской ориентациями. Несомненно, маоистский радикализм и национализм, всякие утопические «культурные революции» и об-зывание американцев бумажным тигром были ему ближе, чем обюрокраченный советский строй. Сближает Кастро с Мао и исповедуемая обоими (и близкая Троцкому) идея перманентной революции. Для обоих не может быть мирного сосуществования с буржуазно-демократическим капитализмом. Сближает их и проповедь прихода коммунизма посредством **крестьянских** войн и восстаний. Если в отношении Китая можно со значительной долей достоверности сказать, что там было именно так, то приход к власти Кастро произошел скорее по рецепту ленинского «Что делать?». Но Кастро и особенно Че Гевара создавали миф о стихийной крестьянской революции на Кубе. Этот миф о крестьянской революции, в который, по-видимому, Че Гевара сам уверовал, привел его к гибели в горах Боливии в 1967 году, хотя значительная, если не решающая, доля вины падает на Кастро, который послал его организовать крестьянскую войну в странах Латинской Америки, прекрасно понимая, что его ожидает либо смерть, либо пленение. Еще в январе 1959 года Гевара выдвигал программу вооружения всего народа для борьбы против американской морской пехоты на базе Гуантанамо и распространения [гражданской войны по всей Латинской Америке. Отправив Гевару за границу, Кастро решил начать выполнение его программы сам. И вот в июне 1959 года он делает попытку вооруженного десанта в Доминиканскую республику. Операция провалилась. Приведем по этому поводу весьма актуальное замечание Суареса:

«Лидеры, которые [не имея своих определенных программ и установок] думают, что кризисы можно решать импровизациями, вынуждены в кризисных ситуациях присваивать чужие идеи. Но, не будучи создателями этих идей, они к идеям относятся без уважения и искажают их в собствен-
— 25. Кубинский национал-коммунизм —

509

ном применении. Гевара требовал проведения земельных реформ, организации повстанческой народной армии в качестве авангарда, долженствовавшего подготовить массы для борьбы против "империализма" ... Кастро провел земельную реформу⁶, но ... отказался от геваровской идеи повстанческой армии, ибо ее существование и действия заставили бы в конце концов признать авторитет ее командиров за счет сокращения личной власти Фиделя»¹.

Харизматический облик идеалиста-революционера Гевара, не запятнанного в отличие от Кастро, заслонял собой Фиделя⁷, особенно из-за того, что режим последнего ужесточался, обрастал привилегиями нового правящего класса, уровень жизни большинства народа снижался. В 1960 году начинается массовая коллективизация сельского хозяйства, национализируются все банки, почти все частные предприятия и все предприятия, принадлежавшие американским фирмам. Коллективизация сельского хозяйства была не более успешной, чем в Советском Союзе, национализация промышленности тоже себя не оправдала. «Кубоведы», в общем, соглашаются, что самые обездоленные крестьяне и бывшие батраки выиграли от кастровских реформ, хотя и не очень значительно. Но уровень жизни подавляющего большинства населения и особенно интеллигенции, профессионалов, за исключением привилегированного кастровского окружения", сильно пострадал от власти Кастро.

⁵ У него была серия реформ. По первой, проведенной в 1959-1960 годах, были определены достаточно щедрые размеры земельной собственности. Образовавшиеся излишки нарезались крестьянам, либо не имевшим собственной земли, либо имевшим менее примерно 20 га на семью и до этого предела. Позднее он загнал крестьян в колхозы и что-то подобное совхозам.

⁶ Суарес, Андреас *Указ, соч.*, с. 63-64.

⁷ Тут напрашивается некоторая параллель между судьбами Эрнесто Че Гевары и С.М.Кирова. И тот, и другой были популярнее своих вождей. В обоих случаях вожди сыграли не последнюю роль в гибели своих излишне популярных «друзей».

⁸ Так, в 1969 году он наградил своих фаворитов итальянскими автомобилями-люкс фирмы «Альфа-Ромео», импортировав с
510

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

В отличие от коммунистических и нацистских диктатур советского образца с их игрой в демократию посредством «выборов» с одним кандидатом Кастро уже в мае 1959 года заявляет, что партии и парламенты — выдумка эксплуататоров, представляющая только классовые интересы, а у пролетариата и трудящихся нет времени на выборы, они ему не нужны. Так, он оправдывал отмену обещанных им же выборов. Но поскольку выборная система до Кастро была сплошь коррумпирована, население отнеслось сравнительно спокойно к ее отмене. Однако, не выполнив фактически ни одного из своих прежних политических обещаний, Кастро явно начинает себя чувствовать неуверенно. Отсюда упомянутые выше чистки 1960—1961 годов, для осуществления которых усиливаются средства контроля за населением. Судить за разногласия, за недовольство политикой Кастро, за недовольство ликвидацией партий и отмену выборов было бы весьма невыгодно для престижа Кастро, и при любых натяжках приговоры были бы недостаточно суровыми, чтобы запугать страну и заставить ее замолчать. Эффективны в эпоху революций только смертные казни, но для этого нужны «предатели родины», «изменники», «агенты американского империализма». Вот эти обвинения и выдвигает кастровский «Шемякин» суд. Одних расстреливают, другим дают сроки по 15-20 лет. Казалось бы, революция с ее чрезвычайными правами закончилась победой и изгнанием Батисты. Нет, Гевара и Кастро выдвигают доктрину *беспрерывной революции*, то есть той же троцкистской и маоистской *перманентной революции*, которая должна продолжаться, пока коммунизм не восторжествует по всему миру. А раз революция продолжается, значит, действует и чрезвычайное революционное право. Уже в июне 1959 года Кастро восстанавливает смертную казнь за действия «контрреволюционные и наносящие вред народному хозяйству» — совершенно в духе ленинской Чрезвычайной комиссии и сталинского террора эпохи первых пятилеток. Для этой целью 600 таких машин, как пишет Рене Дюмон, французский левый социалист, которого Кастро несколько раз приглашал к себе в качестве советника по хозяйственным вопросам. См.: Dumont, Rene *Is Cuba Socialist??*. 126-127.

обеспечения эффективности террора на всех уровнях по образу и подобию маоистского Китая создаются *Комитеты защиты революции*. Эти комитеты существуют в каждом квартале города, в каждой деревне. Их функция — следить за каждым жителем квартала, писать доносы в вышестоящие органы профессиональной политической полиции. К 1964 году, если верить официальному заявлению правительства, в Комитетах защиты революции состояло до 2 миллионов человек, то есть 20% всего населения Кубы, включая детей и стариков! Так что контроль за населением стал настолько тотальным, насколько позволяла современная техника. 1960-1962 годы были также временем сближения Кастро с Советским Союзом и «лично с товарищем Хрущевым». Каковы бы ни были симпатии Кастро к маоистскому революционному духу, Китай был не в состоянии финансировать коммунистические движения и революции за пределами своей страны¹. Лишившись американского торгового партнерства, Кастро просто для выживания необходимо было найти рынок сбыта своего сахара и получения нефти. Единственными возможными клиентами и поставщиками были Советский Союз и страны социалистического блока. И вот, явно по поручению Кастро, глава кубинской компартии Рока отправляется сначала в Китай, а затем в СССР, к Хрущеву, от которого он остается в восторге, величая его «великим ленинцем». В мае 1960 года устанавливаются советско-кубинские дипломатические отношения, «услащенные» поставками советской нефти. Быстрому и такому положительному отклику Хрущева на кубинские демарши способствовал взрыв его негодования по поводу полетов американских шпионских самолетов «У-2» над территорией Советского Союза, один из которых был сбит советской ПВО в начале мая. Конечно, для советских руководителей не было тайной, что это был далеко не первый разведывательный полет американцев, но об этом замалчивалось до тех пор, пока не появилось вещественное доказательство, и пришлось оно очень некстати, поскольку Хрущев только что вернулся из США и был в восторге от прези-

* Все, что Китай смог предложить Кубе, это кредит в 60 миллионов долларов и закупку 1 миллиона тонн сахара.

• 25. Кубинский национал-коммунизм —

дента Эйзенхауэра. Хрущев использовал эпизод с «У-2» для срыва готовившейся конференции в Париже, направил свой гнев против США и, чтобы им насолить, принял в свои объятия Кубу. Поскольку Эйзенхауэр решил наказать Кубу за национализацию американских нефтеочистительных заводов на острове сокращением квоты на закупки кубинского сахара, Хрущев пришел Кубе на помощь, объявив о закупке этого количества сахара Советским Союзом, и пообещал защищать Кубу от американского империализма советскими ракетами. В сентябре 1960 года состоялась первая личная встреча Кастро с Хрущевым на Генеральной ассамблее ООН, вернувшись с которой Кастро начал интенсивную национализацию банков и частных предприятий. По-видимому, Хрущев как-то повлиял на этот процесс. Дело в том, что Кастро и глава компартии Рока всячески добивались, чтобы и Китай, и СССР признали Кубу социалистической страной. Однако во всех китайских и советских упоминаниях о Кубе слово «социалистическая» отсутствовало. Поэтому на съезде коммунистических и социалистических партий в Москве в ноябре-декабре 1960 года — это была неудачная попытка Хрущева восстановить что-то вроде Коминтерна или Коминформа — вместо Роки присутствовал второстепенный представитель Народно-социалистической партии Кубы. С 1962 года в официальных документах КПСС Кастро именуется уже **товарищем**, а Куба — **социалистической** республикой. Получив заверения в военной помощи от Советского Союза и сведения, что американцы готовят военную акцию против Кубы, Кастро объявил об этом народу и потребовал от американцев за 48 часов сократить весь американский дипломатический корпус на Кубе до 18 человек. Американцы будто только и ждали этого вызова. Президент Эйзенхауэр прервал все дипотношения с Кубой. А в апреле 1961 года, уже при президенте Кеннеди, состоялась попытка свержения режима Кастро десантом кубинских эмигрантов, плохо обученных для этой акции инструкторами из ЦРУ. Операция потерпела полное фиаско и только укрепила авторитет Кастро как защитника кубинской нации и ее независимости от очередной попытки США лишить ее суверенитета. На фоне всего этого и происходит Карибский кризис 1962 года.

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

11 апреля 1962 года «Правда» впервые назвала Кастро *товарищем* в передовой статье, в которой говорилось о трудностях создания (в 1961 году) марксистско-ленинских *Интегрированных*

революционных организаций (ИРО) из таких революционных движений Кубы, как *Революционно-студенческая директория*, *Движение 26 июля* и *Народно-социалистическая партия*. Глава компартии под этим новым названием — Блас Рока — объявил Кастро ведущим марксистом-ленинцем Кубы. А поскольку, как мы знаем, за Кастро не числится ни одного печатного труда, и он сам заявлял не раз, что действия делают идеологию, необходимую для данного дня, слова Роки означали, что идеологией кубинского коммунизма является все, что Фиделю взбредет в голову назвать идеологией. Появление ИРО, очевидно, удовлетворило Москву. Первомайские лозунги того года впервые включали в себя приветствие «героическому народу Кубы, строящему социализм». За этим последовало подписание кубино-советского торгового договора, принципы которого оставались в силе до распада СССР: Кубе предоставлялся долгосрочный кредит в несколько миллиардов долларов под благотворительные 2,5 % годовых, Советский Союз обязывался покупать у Кубы ежегодно более 3 миллионов тонн сахара по ценам выше мировых и продавать Кубе нефть по ценам ниже мировых. Единственным серьезным недостатком для Кубы был тот факт, что вся торговля велась в пересчете на рубли, не котирувавшиеся на мировых рынках, и по искусственно завышенному официальному курсу рубля. Это привязывало Кубу в торговом отношении почти исключительно к социалистическому блоку и лишало ее долларового запаса, необходимого для деловых отношений с остальным миром. Кроме того, согласно более поздним заявлениям Кастро, оружие Кубе Советский Союз поставлял бесплатно. В общей сложности, во всяком случае, в 1970—1980-е годы Куба обходилась Советскому Союзу не менее, чем в 2 миллиарда долларов в год.

Тем не менее в первой половине 1962 года имело место значительное похолодание в советско-кубинских отношениях, даже послы были временно отозваны из стран друг друга. В первомайском приветствии советскому народу Кастро не упоминает ни советское правительство, ни Хрущева. Дело

514

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

было, по-видимому, в том, что Кастро безуспешно добивался принятия Кубы в организацию стран Варшавского договора и в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Одновременно Кастро, тоже безуспешно, добивался признания себя вождем латиноамериканского революционного движения и совершенно не был заинтересован в идеях «мирного сосуществования», которые проповедовал в аудитории Гаванского университета приехавший с визитом польский министр иностранных дел Рапацкий. Экономические рецепты Рапацкого в духе НЭПа, поддержанные выступлениями в печати кубинских коммунистов и фактически Хрущевым, который в прощальной речи возвращавшимся домой кубинским студентам разъяснял, что такое НЭП, представляя его в положительном свете, не смогли поколебать Кастро, который в стремлении не отставать от социалистического блока вводит трудовую книжку, закрепощая трудящихся по советской модели, и дальше сокращает частную производственную собственность, что вызвало местные бунты и прочие беспорядки недовольных и полуголодных крестьян и рабочих, жестоко подавленные при непосредственном участии Кастро. Печатный орган ИРО «Хои» («Сегодня») вдруг проявил непослушание необъявленной генеральной линии и выступил против национализма, крайней левизны и **троцкизма** в коммунистическом движении, явно целясь в кастровскую «непрерывную» революцию. Одновременно газета прославляла Советский Союз и «великого друга Кубы, выдающегося ленинца, Никиту Сергеевича Хрущева». Через несколько дней, 29 июня, Кастро вдруг присоединяется к коммунистическому хору восхваления Хрущева, провозгласив здравицу «великому другу Кубы» Хрущеву, провожая группу советских инженеров, возвращавшихся домой. Ясно, что в эти месяцы шли какие-то закулисные споры и переговоры, в частности, относительно обещанных Хрущевым в 1960 году, но так и не предоставленных Кубе, ракет. И в результате переговоров между кубинской военной группой, возглавляемой министром обороны Раулем Кастро, и советским военным командованием было получено согласие Советского Союза создать на Кубе ракетные пусковые площадки, нацеленные на США, и поставить баллистические ракеты. Как известно теперь, доставлена

• 25. Кубинский национал-коммунизм —

515

была всего одна ракета с атомной боеголовкой — это все, что было у Хрущева в то время. Остальное было его типичным блефом. Кастро был окрылен ракетным договором с Советским

Союзом, который, как он надеялся, заставит кубинских коммунистов окончательно замолчать и во всем подчиниться его руководству, а также обеспечит ему тыл и для дальнейших политических побед.

Суарес видит тут следующую картину. С момента обещания Хрущева предоставить Кубе ракеты для защиты от США Кастро рассчитывал на них как на щит от американской угрозы, дающий ему шанс возглавить «антиимпериалистическое» движение в Латинской Америке. Дело в том, что экономическое положение на Кубе было из рук вон плохим, *Организация Американских стран* (ОАС) в середине 1962 года исключила Кубу из своего состава, и большинство латиноамериканских стран прервало дипотношения с Кубой. Кастро надеялся, что, получив ракеты, Куба станет «мини-сверхдержавой», заставит считаться с собой всю Латинскую Америку и сможет инспирировать партизанские войны в остальных странах Латинской Америки. Октябрьский ракетный кризис с категорическим требованием президента Кеннеди убрать ракеты (ракету на самом деле) с острова и выполнение этого требования Хрущевым при условии ликвидации американских ракет в Турции и гарантии американского правительства не нарушать впредь суверенитета Кубы были ударом по всем грандиозным планам Кастро и по престижу Советского Союза в глазах Кастро, Мао и прочих революционеров, хотя советская пропаганда преподнесла все как образец хрущевского миролюбия и беспокойства за судьбы мира и как своего рода победу Советского Союза в форме вышеупомянутых гарантий и условий.

Двумя годами позднее Хрущев был насильственно отстранен от власти. Его неудача с Кубой вряд ли сыграла сколько-нибудь значительную роль в его отставке. Отставка была связана с его внутренними экспериментами, развалом сельского хозяйства и фактическим голодом на селе в 1963-1964 годах, но больше всего — с его разделением партии на индустриальную и сельскохозяйственную, в чем партаппарат увидел угрозу своей гегемонии и даже намек на возможность двухпартийной системы. Но все это уводит за рамки нашей книги.

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

516 -----

Сталинизм с человеческим лицом

Так чехи называли режим Гусака после разгрома «Пражской весны» войсками стран Варшавского договора. Дюмон использует этот термин в отношении режима Кастро. Человеческое лицо он, вероятно, видит в эмоциональности Кастро и в том, что все же террор Кастро несколько мягче и не так маниакально последователен, как у Сталина. В остальном ученик недалеко ушел от своих учителей.

После провала ракетной затеи Кастро был вынужден подчиниться советской политике «мирного сосуществования», которое, по определению и Хрущева, и Брежнева, включает в себя поддержку местных «национально-освободительных войн». Вернувшись из своей первой поездки в СССР в 1963 году, Кастро в докладе «кубинскому народу» 4 июня назвал Хрущева «необычным человеком, очень простым и одним из самых блестящих интеллектов, когда-либо мною встреченных... это великий вождь и непоколебимый противник империализма»¹. Став «товарищем», ему пришлось соотносить свои планы с политикой Москвы, нередко выполнять ее поручения, как, например, отправка 20-тысячных кубинских корпусов в Эфиопию и Анголу для поддержки тамошних коммунистических переворотов.

Экономические провалы и неудачи во внешней политике все больше привязывали Кастро к СССР. В 1964 году ударом по его латиноамериканским планам был политический переворот в Бразилии, свержение президента Гулярта, который был одним из немногих южноамериканских правителей, поддерживавших дипотношения с Кастро. Вскоре после этого Фидель дает интервью газете «New York Times», в котором предлагает восстановить торговые отношения с США, обещая далее вернуть им часть американской собственности на Кубе, освободить до 90% политзаключенных, общую численность которых он определил скромно в 15 тысяч (эксперты считают, что их было гораздо больше) и восстановить конституционное правительство не позднее 1969 года. Но к этому времени обещаниям Кастро никто не

¹ Суарес, Андрее *Указ, соч.*, с. 182.

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

517

верил, и США отказались от каких-либо переговоров с ним. Шанс нормализовать отношения с

Соединенными Штатами Америки предоставил Кубе президент Картер в 1977 году, сняв запрет Госдепартамента на поездки американцев на Кубу. США прекратили разведывательные полеты над территорией Кубы. Кастро освободил 4 тысячи политзаключенных и разрешил кубинцам с двойным гражданством эмигрировать в США. Все шло к установлению нормальных дипломатических отношений. Но в январе 1978 года Кастро отправил 20-тысячный корпус (на советских кораблях и с советским вооружением) в поддержку коммунистов Эфиопии. Этим все было сорвано, и американское эмбарго против Кубы восстановлено.

В 1965 году Кастро предпринял реструктуризацию государственно-партийной структуры по советскому образцу. Многоименная компартия, кстати, в 1963 году переименованная в *Объединенную партию социалистической революции Кубы* (ОПСРК), наконец приобрела свое подлинное имя — *Коммунистическая партия Кубы*. Ее первым секретарем остался премьер-министр Кастро, он же — главнокомандующий вооруженными силами страны с первого дня переворота 1959 года. В связи с этим Кастро начал проповедовать новую «ересь», а именно, что на Кубе строительство коммунизма будет идти параллельно со строительством социализма, а не следовать после завершения строительства социализма согласно классическому марксизму—ленинизму—сталинизму. КПК тут же обросла партийно-бюрократическим аппаратом по образу и подобию КПСС. Так, если ЦК ее предшественников состоял из 25 человек, ЦК КПК насчитывал 100 аппаратчиков. Растет и милитаризация правительства — от 40 % военных в старой Национальной директории до 69 % — в ЦК КПК. Подобно Советскому Союзу сталинской эпохи, численность ветеранов кубинского коммунизма сократилась с 40% до 18. Зато вместо одного члена «М-26» в старой «Директории», в новом ЦК их оказалось трое. Ни один старый коммунист не попал в совершенно военизированное Политбюро — из восьми его членов шестеро военных плюс «президент» Кубы Дортикос и Харт—все, кроме Дортикоса—ветераны «Движения 26 июля». В Секретариате мы встречаем Фиделя и Рауля Кастро, пред-

518

— 25. Кубинский национал-коммунизм

седателя КПК Року, того же Дортикоса, Родригеса и представителя *Директории революционных студентов*. Одновременно состоят в правительстве и в политбюро только 4 человека: братья Кастро, Дортикос и министр внутренних дел Вальдес. Вряд ли стоит после этого уточнять, кто на самом деле управляет страной и что правительство, как во всех тоталитарных государствах, подчинено аппарату правящей партии.

Как и всюду, командная экономика доказала свою нерентабельность. Дюмон указывает, что при всех своих недостатках сельское хозяйство при Батисте было вполне успешным. Национализация имений и коллективизация крестьян привели к резкому сокращению продуктивности. Вместо децентрализации и расширения местной инициативы, рекомендованных Дюмоном Фиделю Кастро, к концу 1960-х годов сельское хозяйство было поручено военным. И вот военные управляют посевными кампаниями и сбором урожаев с «командных постов», возглавляемых майором или капитаном, который ведает определенными сельскохозяйственными территориями, планирует посевные и сборочные работы на электрически подсвечиваемых картах-схемах, как в военно-полевом штабе. Отдаются команды, сельхозмашины выходят в поле в сопровождении БТРов. Создаются образцовые сель-хозбригады («стахановцы»), например, сельхозбригада им. Че Гевары, которым предоставляется лучшее оборудование, почти двойная зарплата и бесплатное питание в столовых, в то время как остальные крестьяне получают гроши и должны сами обеспечивать себя питанием. Официально назначение этой системы — заставить «отстающих» крестьян подражать «стахановцам» и состязаться с ними. Как мы знаем, результат получился противоположный: ненависть и зависть, то есть рост «классового» антагонизма на селе — того, без чего, как писал Ленин, в деревне коммунистическая власть не удержится, принцип «разделяй и властвуй».

Снова и снова подтверждаются слова Петра Струве, сказанные им в начале XX века о том, что социализм — распределительная, а не созидательная система. Он в состоянии только разделить богатства, накопленные предыдущими экономическими системами, а когда эти богатства полностью распределятся, социализм обанкротится. К такому же заклю-

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

519

чению приходит на примере Кубы американский политолог РодаРабкина", Струве, по-видимому, не читавшая. Иначе она добавила бы, что социализм — паразитическая система, которая питается трудом

и достижениями частнопредпринимательских систем народного хозяйства. Подводя экономические итоги, Рабкина пишет, что за время коммунистической власти на Кубе производительность сельского хозяйства значительно снизилась по сравнению с эпохой Батисты, хотя распределение продуктов стало более уравнивающим¹², в результате чего уровень жизни беднейшей части населения несколько улучшился, доходы же всех остальных, включая квалифицированных промышленных рабочих, понизились.¹³ Куба не только осталась преимущественно страной монокультуры, но ее монокультурность — процент сахарного тростника в общем производстве страны — даже увеличилась на несколько процентов по отношению к докастровской эпохе.

К числу достижений режима Кастро следует причислить отмену остатков расовой сегрегации — нет больше пляжей с надписью «только для белых», люмпен-пролетариат чаще находит применение своему труду, чем при старом режиме, довольно успешно идет ликвидация неграмотности: если при Батисте почти 50% детей были вне школьного обучения, то теперь почти все дети получают начальное образование. Од-

¹¹ Rabkin, Rhoda *Cuban Politics. The Revolutionary Experiment*, p. 53.

¹² А Дюмон приводит примеры неэффективности использования труда как один из главных источников падения продуктивности и производительности. Так, на одной из государственных ферм он обнаружил, что 10 коров обслуживают 14 человек; 14 женщин ухаживают за 35 детьми в садике. *Указ, соч.*, с. 85.

¹³ И дело не только в размере официальных зарплат, но и в том, что, в магазинах пусто (как некогда в Советском Союзе), почти все необходимое приходится «доставать» всеми правдами и неправдами, продуктовые карточки часто не отовариваются, а ресторанов, где можно поесть без карточек, недостаточно, и даже те, у кого есть на это деньги, нередко простаивают по часу и по два в очереди у ресторана, ожидая, когда освободится место.

520

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

нако Дюмон, вначале бывший таким энтузиастом кубинского эксперимента, предупреждает: вся кубинская статистика лжива насквозь, доверять ей нельзя. По его описанию, стройки социализма на Кубе — такое же очковитительство, как и в СССР.

Ко второй половине 1960-х годов первоначальный энтузиазм народа и популярность Кастро испарились. Согласно Дюмону, когда Кастро начинает по радио или телевидению обещать «золотые горы», кубинцы просто выключают приемники.

Как известно, все тоталитарные режимы претендуют на создание «нового человека», будь то идеальный коммунист, нацист или фанатичный муджахедин. Дюмон после трех поездок на Кубу, с 1960 по 1969 год, по личному приглашению Кастро пришел к заключению, что кастровский идеальный новый человек — это образцовый солдат, следующий примеру Рауля Кастро: «К исполнению ваших приказаний, товарищ главнокомандующий, всегда готов, каковы бы они ни были, где бы ни было и в любых условиях!». Кроме военизации населения как такового, Куба содержит, вероятно, самую большую в мире армию в пропорции к ее населению. Военнообязанным является все мужское население от 16 лет до 50. Обязательная военная служба длится 3 года. Под ружьем в середине 1980-х годов находилось 135 тысяч человек плюс 100 тысяч членов так называемой трудовой армии, которая используется на различных работах. Если в развитых государствах в среднем приходится по 10 военнослужащих на тысячу граждан, а в малоразвитых странах — 5 на тысячу, то на Кубе — почти 30 на тысячу. Военщина, армия — это древнейшее учреждение, комментирует Дюмон. Следовательно, кастровский человек будущего на самом деле — человек прошлого. По этому поводу глава Римско-католической церкви Кубы монсеньор Сачи, заметил: «Мы продвинулись из века пещерного в век казарменный».

Каково же положение религии на Кубе? Прежде, чем отвечать на этот вопрос, надо указать, что, следуя за Советским Союзом, Кастро в 1976 году наконец решил дать стране конституцию и восстановить выборы, причем из нескольких кандидатов, но при существовании только одной партии — ком-

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

521

мунистической. Кстати, определение этой партии и ее роли в обществе тоже скопировано со сталинской конституции 1936 года:

«Коммунистическая партия Кубы, будучи организованным марксистско-ленинским авангардом рабочего класса, является высшей ведущей силой общества и государства, которая организывает и направляет общие усилия к цели строительства социализма и поступи к

коммунистическому обществу».

Уже этот отрывок свидетельствует о гегемонии партии, то есть на самом деле партаппарата. Кстати, в 1980-х годах во всех высших органах КПК было примерно вдвое больше членов, чем при создании этой структуры партийной и государственной власти в 1965 году.

Что касается правового положения религии, то и тут почти полная копия Советского Союза. Конституция 1976 года утверждает свободу вероисповедания любой религии «в рамках уважения к государственным законам». Однако, как указывает Рабкина, в перечне запретов на дискриминацию говорится о расе, цвете кожи, национальной принадлежности и поле, в то время как преследование по религиозным причинам обойдено полным молчанием.

Католическое духовенство официально поддерживает политику Кастро (насколько это искренне, станет известно лишь после падения коммунистической диктатуры на острове). В одном из своих парадоксальных заявлений Кастро сказал, что можно быть марксистом и христианином одновременно. Когда же интервьюер задал ему вопрос, а может ли коммунист быть практикующим христианином, Кастро ответил, прикинувшись великим демократом, что такой вопрос можно решить, только проведя серьезный анализ совместно со всеми партийными кадрами, а не решать его постановлением сверху. Об ограниченности прав верующих свидетельствует вся школьная система. В школах преподается так называемый «научный атеизм». Преподавание религии в учебных заведениях запрещено, но в отличие от Советского Союза религия может преподаваться частным образом в храмах по желанию родителей и детей. Религиозность может быть причиной отказа в принятии сту-

522

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

дента в высшее учебное заведение, особенно на отделение общественных наук, и даже в среднюю школу. Сам Кастро признал публично, что верующие притесняются в стране, но, мол, это не закон, а привычка, с которой он не согласен. Однако тот же Кастро в 1970 году лично запретил празднование Рождества Христова под предлогом, что оно падает на самый разгар сбора урожая сахарного тростника. Религиозная литература на острове не печатается, но допускается ее импорт в ограниченном количестве для верующих. Хотя формально кубинцы на 90% католики, особой религиозностью они не отличались никогда, а теперь и подавно. Об этом свидетельствуют такие цифры: до Кастро один католический священник приходился на 9 тысяч кубинцев, а теперь 1 священник — на 53 тысячи жителей. Крещение осуществляется всего лишь по отношению к 30 % младенцев.

Слова словами, а практика нетерпимости к вере во что-то, стоящее выше обожествляемого диктатора, обожествляемой идеологии и ее утопических целей, характерна для всех форм тоталитаризма. В свою очередь, тоталитаризм, будучи псевдodemократией и карикатурой на демократию, требует массовой платформы для своего существования. У кубинского тоталитаризма массовой базой являются, с одной стороны, двухмиллионная армия квартальных доносчиков, которые за свою работу получают какие-то мелкие привилегии и подачки, а с другой — это примерно миллионная партийная элита высшего и среднего звеньев, «которые непосредственно заинтересованы в сохранении режима, поскольку это обеспечивает им некоторый авторитет в обществе, статус и привилегии, полагающиеся партийным кадрам, лидерам массовых организаций, бюрократам государственного аппарата и офицерам вооруженных сил»¹⁴.

После распада Советского Союза положение Кастро значительно ослабело, поскольку нет больше «старшего брата», на авторитет и опору которого можно было бы ссылаться. Вряд ли и у самого Кастро осталось что-либо от его утопических идей 1960-х годов, а тем более вера в их осуществление. Как человеку исключительно честолобивому, ему оста-

" Р. Рабкина *Указ, соч.*, с. 205.

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

523

ется в качестве утешения лишь наслаждаться и упиваться собственной властью. Видя судьбы «культов личностей» после смерти этих личностей, Кастро не может не задавать себе вопроса: «А что, если после смерти мне уготована посмертная судьба Сталина, а Кубе — судьба Советского Союза после Горбачева?»

И все же он не может превзойти самого себя, отказаться от совершенно обанкротившейся

системы государственного социализма. С 1992 года он чуть-чуть приоткрыл весьма ограниченные возможности для иностранного капитала и для малых предприятий. Но эти полумеры не спасут его и его социализм, как в свое время они не спасли социализм Горбачева.

Аннотированная библиография

Aguilar, Luis E., ed. *Marxism in Latin America*. Philadelphia, Temple University Press, 1978. Сборник статей различных авторов о марксизме в Латинской Америке. Самым ценным материалом является 60-страничная обзорная вводная статья редактора сборника профессора Агуилера об истории зарождения и развития марксистских партий в Латинской Америке. Остальные статьи рассматривают политические особенности отдельных латиноамериканских стран и роли марксизма в них. В первой части отрывки документов в подлиннике, например, «Маркс и Энгельс об Америке», статья Хосе Марти «На смерть Карла Маркса» и т.д.

Chilote, Ronald H. *The Cuban Revolution into the 1990s*. Boulder, Col., Westview Press, 1992. Редактор сборника — идеологический апологет Кастро и его режима. Авторы сборника — сотрудники «Центра по изучению Латинской Америки» в Гаване, все — граждане Кубы. Естественно, объективности в их анализах не больше, чем было в работах советских обществоведов до 1989 года. Современному студенту, однако, полезно сопоставить эти писания с серьезными научными работами таких авторов, как Рабкина, Суарес и др.

Dumont, Rene *Is Cuba Sodalistf* N. Y., The Viking Press, 1974. Книга написана левым демократическим социалистом, экономистом-аграрником, первоначально возлагавшим большие на-

на-

524

— 25. Кубинский национал-коммунизм •

дежды на кубинский эксперимент. Трижды приезжавший на Кубу по приглашению Кастро в качестве советника, он, как читатель может заключить из ссылок на Дюмона в тексте, потерял все надежды на положительное развитие страны при капризной и самодурной диктатуре Кастро. Естественно, как социалист, на вопрос, поставленный в виде заголовка книги, он отвечает отрицательно: Куба явно не отвечает тому социализму, о котором мечтал автор. Дюмон — автор ряда книг, в том числе «Cuba, socialisme et developpement», «Lands Alive» и др.

Harris, Richard L. *Marxism, Socialism, and Democracy in Latin America*. Boulder, Westview Press, 1992. Сборник документов марксизма-ленинизма с комментариями и «идеологически выдержанными» разъяснениями марксиста-кастроиста Харриса под общей редакцией Чилькоте. Автору приходится признать, что Маркс и Энгельс имели ввиду пролетарские революции в предельно промышленно развитых странах и не предусмотрели торжество социализма в отсталых аграрных государствах. Но, ничто же сумняшася, предлагает подходить к марксизму творчески, подгоняя его к иным условиям и обстоятельствам.

O'Connor, James. *The Origins of Socialism in Cuba*. Ithaca, N.Y., Cornell University Press, 1970. Добросовестный исторический анализ истоков кубинского социализма и «секрета» его победы. Автор видит две стадии революции: первая построена на гармонии и сотрудничестве классов, что дает Кастро необходимую поддержку страны для захвата власти; вторая построена на антагонизации и антагонизме классов, раздробляющих реальные и потенциальные силы оппозиции и дающие Кастро возможность развернуть единоличную диктатуру, опирающуюся на террор и утопические обещания. Эта вторая стадия и есть его «бесперывная революция». Книга написана хорошо, аргументирована убедительно, читается легко.

Rabkin, Rhoda P. *Cuban Politics. The Revolutionary Experiment*. N. Y., Praeger, 1971. Добросовестный историко-политологический анализ кастровской системы автором-либералом, которому очень хотелось бы увидеть в кастровском государстве положительные черты, но, как честному ученому, ей приходится признать беспринципный оппортунизм Кастро, его жестокость, заставившую почти всех его первоначальных товарищей либо самим бежать с «Острова свободы», либо

— 25. Кубинский национал-коммунизм —

525

быть изгнанными со своих постов, а то и попасть в тюрьмы или быть расстрелянными. Ей не нравится термин «тоталитаризм», но она вынуждена признать, что он лучше других определяет коммунистическую диктатуру. Ей не нравится идея стричь все коммунистические режимы под одну гребенку, но ей приходится признать, что между режимом Кастро и всеми остальными коммунистическими режимами гораздо больше общего, чем различий, и если различия имеются в мелочах, то общее в главном. Ее заключительный вывод о системе Кастро отрицательный.

Ritter, Archibald & Kirk, John, eds. *Cuba in the International System. Normalization and Integration*. London, Macmillan, 1995. Сборник докладов с конференции по проблеме примирения США и Кубы. Состав участников смешанный: примерно половина — латиноамериканцы, в основном кубинцы из кубинских институтов, от которых трудно ожидать объективной информации и свободного мнения. Что касается североамериканцев и канадцев, участвующих в сборнике, то это в основном левые либералы,

благожелательно относящиеся к Кубе, что видно хотя бы из того, что некоторые из них называют кубинскую диктатуру демократией, допуская возможность существования однопартийной «демократии»! Некубинские авторы указывают, однако, что большинство населения Кубы полностью разочаровано в режиме Кастро и что экономика страны в катастрофическом положении в основном из-за прекращения широкой помощи со стороны социалистического блока после его распада. Признается, что проведенные Кастро с 1992 года реформы в области ограниченного допущения рыночной экономики недостаточны, чтобы оживить ее. Жесткой критике подвергается политика Клинтона экономической блокады Кубы, направленная на выдавливание режима Кастро.

Smith, Tony *Thinking Like a Communist. State and Legitimacy in the Soviet Union, China, and Cuba*. N. Y., W.W. Norton&Co., 1987. Попытка американского политолога-марксолога проникнуть в мыслительные процессы убежденных коммунистов — советского, китайского и кубинского. Каждая из 6 глав посвящена определенному типу мышления по определенным вопросам: 1. Мышление коммуниста (человека, верующего в коммуны) по содержанию идеологии и по структуре коммунистического общества.

526

— 25. Кубинский национал-коммунизм •

2. Мышление марксиста (классического) по этим же вопросам.
3. Мышление ленинца.
4. Мышление маоиста (до прихода к власти, в зените власти Мао и после его смерти).
5. Мышление «фиделиста» и
6. Мышление коммуниста будущего.

К сожалению, автор не предвидел распада коммунизма в Европе через 3 года после выхода книги. Но в основном книга написана с пониманием единства и различий разновидностей коммунистических учений и представляет собой интересное и поучительное чтение.

Suarez, Andres *Cuba: Castroism and Communism, 1959—1966*. Cambridge, Mass., The MIT Press, 1967.

Книга охватывает годы формирования и окончательное становление кастровской диктатуры. Основной тезис автора — кубинца по национальности, профессора Университета Майами — заключается в том, что обращение Кастро к коммунизму было вызвано не его убеждениями — Кастро оппортунист, прагматик, почти патологический властолюбец, — а внешнеполитическими факторами. «Куба стала коммунистическим государством не под давлением ее граждан, не благодаря махинациям старых коммунистов, не из-за какой-либо влюбленности Кастро в марксизм-ленинизм, а из-за наличия у Советского Союза атомного оружия», а следовательно, и атомного щита для Кубы. Книга написана со знанием дела. Автор блестяще владеет материалом.

Wilkerson, Loree *Fidel Castro's Political Programs: from Reformism to Marxism-Leninism*. Gainesville, Fla., University of Florida Press, 1965. Изложение политических и экономических программ Кастро и их применения с толковыми аналитическими комментариями автора. В книжке всего 90 страниц текста, она доходчива и информативна.

Тоталитаризм в мусульманском мире

Глава 26

Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму

«Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию».

Василий Розанов.

«Арабизм превыше всего ... выше интересов, эгоизма ... право выше арабизма лишь до тех пор, пока арабы разьединены».

Мишель Афляк.

Последние десятилетия «подарили» нам новый вид тоталитаризма — тоталитаризм мусульманского фундаментализма, вдохновителями которого являются такие движения как *Братья-мусульмане*, а осуществлением — режим *Талибов* в Афганистане и в некоторой степени режимы аятолл в Иране и, может быть, режим Саддама Хусейна в Ираке. К относительно

подробному анализу собственно тоталитаризма в мусульманском варианте мы еще вернемся. Но сначала следует бегло рассмотреть политико-идеологическое движение *Баас*, что в переводе значит «Возрождение». Идеология этого движения слишком зыбка и неопределенна, а конкретные цели слишком прагматичны, чтобы можно было «Баас» полностью причислить к тоталитарному движению, но тоталитарных тенденций в нем и его практике достаточно, чтобы увидеть в нем некий предвестник тоталитаризма мусульманского образца. Во всяком случае, «Баас», несомненно, повлиял на попытки соединить модернизм, требования нового времени, с традиционным мусульманством и попыткой мусульманского возрождения, хотя «Баас» как таковой не чисто мусульманское, а панараб-

530

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

ское движение. Именно этнотенническо-расистский принцип роднит его с нацизмом. Достаточно вдуматься в приведенные выше в эпиграфе слова создателя «Бааса», Мишеля Афляка, по крещению православного христианина, чтобы почувствовать именно расистскую подоплеку движения. Закон, судопроизводство, говорит он, стоит выше национальных интересов лишь до тех пор, пока вся арабская раса не объединена, то есть, когда арабы объединятся в единое государство, интересы расы не будут знать никаких правовых ограничений. А кто является выразителем национального или расового интереса? Естественно, руководство нации или расы, что в условиях предписанного беззакония неизбежно означает неограниченную ничем произвольную власть диктатора, диктатора расового государства, то есть второго Гитлера!

В качестве эпиграфа даны два изречения совершенно разных авторов. Однако они близки проблематике мусульманства и арабизма в XX и, вероятно, в XXI столетиях. Это — поиски ответа мусульманства и арабского мира, которые между собой так тесно переплетены, на вызов секулярной цивилизации прогресса. Один ответ был предложен Мишелем Аф-ляком, создателем идеологии партии арабского социализма (фактически национал-социализма) «Баас», являющейся на сегодняшний день правящей партией Сирии и, формально, Ирака и имеющей значительное количество последователей в Иордании, Египте, Ливане и в странах Магриба, то есть Северной Африки. «Баас», по крайней мере в теории, проповедует некий арабский интернационализм, утверждая, что все арабы — вне зависимости от цвета кожи и религии — составляют единую нацию, как бы оставляя за бортом неарабские мусульманские государства и народы, например: Иран, Афганистан, Индонезию.

В начале деятельности социализм Афляка не привлекал, но затем, когда ему пришлось соединить «Баас» с *Арабской социалистической партией* и ввести прилагательное «социалистическая» в название партии, он начал утверждать, что социализм соприроден арабизму. Социализм Афляка отличается, однако, от марксизма отрицательным отношением к классовой борьбе, упором на национальную гармонию в духе фашистских и нацистских учений, заменой интернационализма и

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

531

борьбы классов превозношением арабского расового национализма, а также тем, что по крайней мере номинально он ставит во главу угла арабской государственности ислам как основу арабской культуры, нравственности и быта, одновременно, однако, утверждая, что и религия должна служить национализму.

Большой процент среди основателей и главных деятелей «Бааса» составляли представители религиозных меньшинств — не только христианских, как Афляк, но и таких мусульманских и полумусульманских сект, как алавиты, друзы и прочие. Естественно, что мусульманский фундаментализм и вообще ортодоксальное мусульманство, которое веками притесняло друзов, алавитов и христиан, их не устраивали.

Сирия между Версальским миром и концом Второй мировой войны была протекторатом Франции, что арабов совсем не радовало. Содействуя англичанам и французам во время Первой мировой войны в деле разрушения Османской империи, они надеялись получить независимость, а не превратиться из части религиозно близкой Турции в колонии совсем чуждых им Англии и Франции. Арабы чувствовали себя обманутыми западными союзниками, что и пробудило резко антиевропейские настроения и борьбу за независимость в этих странах после Версальского мира. Однако Франция внедрила в Сирию основы французского образования, содействовала открытию университета. Эти школы современного европейского образца открыли путь к продвижению вверх по социальной лестнице через образование тем классам и религиозным меньшинствам, которые раньше были лишены этой возможности. До того вся власть и сила принадлежали определенным

верхам мусульманских духовенства, помещиков и торговой «аристократии» главных городов страны — Дамаска и Алеппо. Именно не имевшие раньше сколько-нибудь заметного будущего, так сказать, социальные «выскочки» из малых городов и сел и «некотировавшихся» раньше религиозных меньшинств первыми увидели перспективу пробиться в верхи общества через образование. Основы баасизма юные школьные учителя — Афляк и его друзья, ала-вит Арсузи и суннит Битар, — заложили еще в начале 1930-х годов. Кружок вскоре рассыпался из-за политических пресле-

532

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

дований. В 1940 году Арсузи возобновил кружок, дав ему название «Движение Баас». Все трое обучались в Парижском университете, где они восприняли радикальные учения. Первый съезд баасистских кружков состоялся в 1947 году, на котором была принята фактически ленинская программа прихода к власти через дворцовый переворот, изложенная им в «Что делать?» Как же этим лицам, не имевшим корней ни в классовом, ни в религиозном истеблишменте, вернувшимся из Франции в конце 1930-х годов, удалось к началу 1960-х создать, пожалуй, самую массовую нанарабскую партию? Во-первых, в 1953 году, как было сказано выше, «Баас» слился с небольшой Арабской социалистической партией. Во-вторых, «Баас» играл на антиколониализме, антизападничестве и антикапитализме, — все это было популярно среди арабов всех оттенков, особенно после появления государства Израиль и массового выселения арабов с территорий, захваченных Израилем. В-третьих, выступая с речью в Дамасском университете в 1947 году по случаю Дня рождения Магомета, христианин Афляк заявил, что даже христианские арабы должны любить ислам как наиболее достойный элемент арабского национализма. В-четвертых, следуя словам Ленина о том, что совершить переворот удастся, только закрепив свои позиции в армии, «Баасу» удалось угнездиться в военных кругах Сирии и Ирака. В Сирии это облегчалось тем, что сержантский состав сирийских вооруженных сил состоял почти сплошь из алавитов¹, которых ортодоксальные мусульмане даже не считают мусульманами. В офицерском составе тоже непропорциональ-

Из всех мусульманских течений алавиты ближе всего к христианству и относятся к нему с глубоким уважением. В отличие от ортодоксальных мусульман они пьют вино и даже есть у них некий обряд преломления хлеба с вином и водой, аналогичный христианскому причастию. У секты нет мечетей, по подробности о пей неизвестны, поскольку алавиты не допускают посторонних в свои тайны и на свои моления. Эта секта-племя весьма воинственна, но в эпоху Оттоманской империи подвергалась всяческому притеснениям, облагалась высокими налогами и повинностями.

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

533

по много представителей алавитов², друзей и христиан, что облегчило проникновение в армию Бааса, который в конце концов сливается с сирийскими вооруженными силами. Со второй половины 1960-х годов фактически все сирийские офицеры становятся баасистами. Тут следует обратить внимание читателя на то, что национализм Афляка ставит выше и социализма, и мусульманства — все должно служить национальному единству и интересам единой арабской нации как семьи. Отождествление нации с семьей сходно с ранним русским славянофильством, но понятие абсолютизации нации, подчинения национальным интересам всего и вся, в том числе и нравственности, и понимание под словом **нация** целой расы — это уже сближает идеи Афляка с панславизмом и утилитаризмом Данилевского³, от которого можно провести линию к тоталитаристским идеологиям XX века, хотя сам Данилевский, вероятно, отказался бы от такого «родства». На первом съезде партии в 1947 году принимается «конституция», то есть устав партии, который предусматривает выборную парламентскую систему, но наподобие сталинской Конституции 1936 года сохраняет за «Баасом» исключительное право решать, что народу нужно и полезно, а что вредно, ибо «Баас» «является единственным знаменосцем бессмертной миссии воскрешения арабской нации из того болота, в котором она пребывала последние столетия»⁴. При этом «Баас» называет себя авангардом нации. Очевидно, в тот момент мало кто задумывался над подтекстом этих слов, ибо в 1952 году один из идеологов Бааса, глава этой партии в Иордании 1'аззас писал, что всеарабское единство возможно только на основании «демократической системы, при ... свободно избираемом парламенте и правительстве, подотчетном

- Недавно скончавшийся диктатор Сирии Асад был алавитом и членом «Бааса».

¹ Который сам, будучи человеком верующим, считал, что в политике нет места нравственности.

Над всем превалируют в политике эгоистические национальные интересы, а нравственность —

удел личной жизни и взаимоотношений между гражданами.

¹ Devlin, John *The Rath Party*, p. 29.

534

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

представителям народа, в условиях свободы мысли и мнения каждого гражданина в самом широком смысле слова⁵. Но примерно с середины 1950-х годов понятия о представительной демократии уходят куда-то на задний план, главный упор делается на объединение в единое всеарабское государство. Все подчиняется этой цели, все, в том числе и социализм, должно служить национализму (опять же, национал-социализм). «Баас» готов даже самораспуститься как партия, если она станет камнем преткновения на пути к панарабскому объединению. На первый план ставится цель — объединение Сирии, Египта и Ирака. Что касается парламентаризма, то он был настолько скомпрометирован коррупцией, что перспектива его потери вряд ли очень беспокоила граждан.

После Суэцкой войны 1956 года, когда в ответ на объявление диктатором Египта Гамалем Абделем Насером Суэцкого канала собственностью Египта, на Египет напали Англия, Франция и Израиль, и война была прекращена только правительством США, заставившим союзников прекратить военные действия, популярность Насера в арабском мире взлетела на самую высокую точку. Тогда пропаганда баасистов в пользу создания *Объединенной Арабской Республики* под руководством Египта приобрела широкую поддержку, особенно в вооруженных силах Сирии. Насер согласился на «объединение» при условии ликвидации политических партий в Сирии, в том числе коммунистической и «Бааса». «Баас» согласился на самоликвидацию во имя панарабизма. Компартия же ушла в подполье. Возникшая в 1958 году ОАР, однако, вскоре разочаровала сирийский «Баас»: на практике это оказался не союз равных, а диктатура Насера над Сирией, третирующая последнюю почти как колонии Египта. В результате через три года союз развалился. Идея объединенной федеральной республики всех арабских стран оказалась такой же утопией, как панславистская идея создания федерации всех славян под эгидой России. Движение «Баас» после развала ОАС снова возродилось в Сирии, что облегчалось тем, что партия не преследовалась на территории демократического Ливана, который служил базой последнего отступления и преемственности в

⁵ Devlin, John *The Ba'th Party*, p. 29.

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

535

периоды запретов и гонений на партию в других арабских странах. Став партией власти в результате переворота 1963 года, покончившего с межвластием, вызванным распадом ОАР, «Баас» забыл о парламентской многопартийной демократии, ввел фактически однопартийную диктатуру и на практике сменил панарабизм на сирийско-арабский национализм. 1963-1969 годы были также годами крайней левизны «Бааса», когда были сделаны даже попытки коллективизации сельского хозяйства по советскому образцу. Но в 1964 году произошло антибаасское восстание, в котором приняли участие традиционные элементы сирийского общества, городская буржуазия, социалисты, сторонники Насера, коммунисты и даже «Братья-мусульмане» — вот такая странная комбинация¹¹. Удержаться «Баасу» у власти удалось лишь с помощью армии, сержантский и офицерский состав которой состоял в значительной степени из алавитов и друзов. В 1970 году власть захватил главнокомандующий сирийскими войсками генерал Асад — алавит и член партии «Баас» (как и большинство его офицеров), а в 1971 году он провозгласил себя президентом. Отцы партии — Афляк и его друзья — были либо отстранены от реальной власти, либо покинули партию. Сам Афляк остается генеральным секретарем ЦК партии, но реальная власть у военных, а не у него. Формально генсек является главой партий «Бааса» во всех арабских странах, которые в терминологии «Бааса» и по старой терминологии панарабизма называются лишь регионами единого государства арабской нации, но на самом деле реальная партийная власть в руках «региональных» генсеков. Генском «Бааса» Сирии до своей смерти в 2000 году был Асад. Теперь, по-видимому, этот пост принадлежит его сыну, ставшему президентом посредством референдума (см. ниже).

Президент-диктатор Асад вскоре покончил с крайностями радикализма «Бааса» и с «ленинским уклоном» и провел чистку партии, разогнав «старых баасистов» по типу разгона старых большевиков (но на этот раз без крови). Партия потеряла свой идеологический заряд, превратившись в партию госчиновников и прочих новых кадров оппортунистическо-

⁽¹⁾ Hinnebusch, Raymond *Указ, соч.*, p. 125—127.

536

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

го образца. «Баас» продолжала быть партией власти, но сама власть теперь принадлежала фактически не «Баасу», а бааси-стской военной организации во главе с Асадом.

Как указывает Джон Дэвлин, в 1960-х годах, когда социализм был монополией коммунистических партий в арабском мире, «Баас» со своим более умеренным социализмом, отрицавший крайности

марксизма и допускавший относительную личную свободу, признававший духовные ценности и призывавший к внеклассовому национальному единению вместо марксистского антагонизма и классовой ненависти, нанес, быть может, сокрушительный удар по распространению коммунизма в арабских странах⁷.

Власть «Бааса», а вернее, его военной правящей хунты оказалась весьма кровавой, и держится она у власти уже более 30 лет в Сирии и почти столько же в Ираке (формально режим Саддама Хусейна является баасистским, но со времени войны в Персидском заливе он играет на мусульманском фундаментализме) в значительной степени жестокими подавлениями попыток переворота и расстрелами целых групп людей, уличаемых в заговорах против власти. Начав с довольно классического социализма — создания системы советов по советскому образцу (то есть типично тоталитаристская видимость «народной демократии» при фактическом бесправии этих самых советов), национализации почти всех хоть сколько-нибудь значительных частных предприятий и перераспределения земельной собственности, оставляя ее в частном владении, но, урезывая более-менее крупные имения в пользу беднейших крестьян, в 1970-х годах Асад обращается с призывом к эмигрировавшим из страны предпринимателям вернуться, обещая большую свободу частного предпринимательства. С 1971 года он также решил расширить социальную базу своей власти, создав при себе некий *Национально-прогрессивный фронт*. Председательство и 8 мест в нем принадлежат баасским депутатам, по два места принадлежат трем социалистическим партиям (одна из них ранее откололась от «Бааса») и одной коммунистической. Таким образом была как бы легализована многопартийная систе-

⁷ Devlin, John *Указ, соч.*, p. 310-311.

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

537

ма. Однако абсолютное большинство мест, руководство и политотдел вооруженных сил предоставлены исключительно «Баасу». Триумvirат во главе вооруженных сил с 1972 года состоял из главнокомандующего — Асада (алавита), министра обороны (суннита) и начальника Генштаба (православного христианина). Кандидат в президенты выдвигается *Народной ассамблеей*, в которой большинство мест гарантировано представителям крестьян и рабочих (то есть наименее понимающих в государственных делах и потому не мешающих диктатору управлять единолично). Ассамблея выдвигает только одного кандидата в президенты на всенародный референдум, который теоретически может не утвердить его, но выставить соперника официальному кандидату не может.

На практике в странах «победившего баасизма» — Сирии и Ираке — господствует достаточно жесткая военная диктатура (особенно в Ираке), которую, во всяком случае, в отношении Сирии можно назвать неким «мягким» видом тоталитарного режима, несколько жестче итальянского фашизма, но намного мягче коммунизма, гитлеровского нацизма и бесчеловечного режима Саддама Хусейна в Ираке.⁸ Баасский тоталитаризм — это смесь авторитарных военных хунт латиноамериканского типа и модернизованного восточного деспотизма.

Мы назвали эту главу «На подступах к тоталитаризму», а можно было бы назвать ее и «постепенным отходом от тоталитаризма». Чем же отличается диктатура «Бааса» от «классического» тоталитаризма? Во-первых, тем, что режим уже пережил утопическую стадию своего развития, на практике признав неосуществимость идеи панарабизма, и существует на сегодня в виде жесткой, но прагматической диктатуры. Затем на практике это диктатура военная, а не партийно-идеологическая, в то время как в тоталитарных странах и фашист-

⁸ Военная фракция «Бааса» захватила власть в Ираке в 1963 году. В 1966 году Ирак был даже убежищем для Афляка и его коллег во время антибаасистского восстания в Сирии. В 1979 году президентом Ирака становится Саддам Хусейн, а годом позже он прерывает дипломатические отношения с баасист-ской Сирией, см.: Роберте, Давид *Указ, соч.*, с. 155-156.

538

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

ско-нацистского, и коммунистического образца вся власть в руках партийного руководства. Что касается вопроса свободы и ее ограничений, то и тут асадо-баасистский режим ближе к итальянскому фашизму (как, впрочем, и в его крайнем национализме), чем к гитлеризму. Хотя в соседнем Ираке террористический режим не уступает по жестокости режимам Гитлера и даже Сталина.¹

В Сирии явно нет политической свободы, но личная свобода существует. Никто не диктует человеку, что он обязан делать и как думать, как воспитывать своих детей и где их учить. Имеются лишь ограничения **общественной и политической** жизнедеятельности. Наконец в области общественной нравственности вместо богоборчества классических тоталитарных режимов баасистское государство

опирается на традиционные религии и религиозные ценности, и в то же время в нем нет полного слияния государства с религией в отличие от государств мусульманского фундаментализма, о котором речь пойдет в следующей главе.

¹⁾ Правда, можно себе представить, каков был бы нацизм сегодня в Германии, если бы Гитлер, скажем, остановился на заглывании Чехословакии и Австрии и избежал бы мировой войны. Можно себе представить, что где-то около 1950 года он бы умер, и к власти пришел бы, например, культурный прагматик Шпеер (гениальный гитлеровский министр вооружения). Он, конечно, отменил бы Нюрнбергские расистские законы, в Германии произошла бы дегитлеризация с посмертной реабилитацией всех замученных в нацистских концлагерях, даже евреев. И вот в отношениях «великих демократий» с Германией, возглавляемой «нацизмом с человеческим лицом» была бы принята политика мирного сосуществования, улыбок «в духе Женева» и наконец политика разрядки. Шпеер извинялся бы за досадное уничтожение нескольких миллионов евреев и славян, мировое общественное мнение забыло бы об этом так же, как оно быстренько забыло о десятках миллионов жертв Ленина и Сталина. А «прогрессивные ученые» типа принстонских Такера и Стивена Козна, например, прославляли бы прогрессивный национал-социализм Хрущева, то бишь Шпеера, утверждая, что во всем виноват только Гитлер, а система вполне прогрессивна.

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

539

Аннотированная библиография

Aflak, Michel *Choice of Texts from the B 'ath Party Founder' Thought*. Издание Арабской социалистической партии «Баас». Место и год издания не указаны. Это сборник отрывков из речей, докладов и публикаций создателя и генсека партии «Баас», не отличающиеся глубиной и оригинальностью мысли и последовательностью оной.

Devlin, John F. *The B'ath Party: a History from Its Origins to 1966*. Stanford, Hoover Institution Press, 1976.

Одно из самых серьезных исторических исследований «Бааса», его исторических, политических и идеологических корней. Книга дает яркое представление того, как уверенность идеалистов в том, что они знают лучше всех, что нужно народу, затягивает их в круговорот реальной политики, оправдывающей любые средства для достижения заоблачных целей, в результате чего средства превращаются в цель — цель захвата власти любой ценой, за которой следует цель удержаться у власти любой ценой, а цена этого — жизни людей, которые опасно обесцениваются опять же в борьбе за власть. Книга, к сожалению, оканчивается 1966 годом, то есть фактически первым десятилетием «Бааса» у власти.

Hinnebusch, Raymond A. *Authoritarian Power and State Formation in Ba'thist Syria*. Boulder, Col., Westview Press, 1990. Если предыдущая книга является историческим анализом баасизма, то труд Хиннебуша — добросовестный и детальный политологический анализ. Поскольку он не пытается охватить весь «Баас», а сосредотачивается исключительно на Сирии, то раскрывает он всю систему перед читателем весьма досконально. В отличие от более гуманистической книги Дэвлина Хиннебуш не останавливается на жестокостях асадо-баасистского и предыдущих режимов Сирии. Асадовскую систему власти он называет президентско-монархической и бонапартистской властью «авторитарного популизма»¹. Автор считает Аса-да разумным политиком-прагматиком, сумевшим достигнуть относительного спокойствия в стране и даже некоторого экономического развития, сумевшим привлечь в страну западные капиталы и займы, но не справившимся с традиционной коррупцией во властных и предпринимательских структурах.

Jaber, Kamel S., Abu. *The Arab Ba'th Socialist Party: History, Ideology, and Organization*. Syracuse University Press, 1966. Книга написа-

540

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

на американским ученым, арабом по происхождению. Проблема рассматривается как бы изнутри и почти в виде литературного повествования, что не умаляет научных достоинств данного труда. Это не только изложение «истории, идеологии и организации» партии «Баас», но и описание того политического климата, который предшествовал появлению «Бааса» и в котором эта партия зародилась. Автор отличает «Баас» от подавляющего большинства ближневосточных партий тем, что до нее все партии были так сказать «карманными» того или иного претендента на власть. «Баас» явился первой арабской секулярной партией идеологического типа, способной пережить своих основателей и существовать без них. Долгожителями, конечно, являются и компартии, но в отличие от «Бааса» компартии — иностранного происхождения и им чужды арабизм и подлинный почвенный национализм. Книга предназначена, главным образом, для интеллигенции и студентов, легко и с интересом читается и снабжена текстами таких документов как устав «Бааса», Сирийская конституция 1964 года и пр. К сожалению, она оканчивается 1966 годом.

Olson, Robert W. *The B'ath and Syria, 1947 to 1982. The Evolution of Ideology, Party, and State*. Princeton,

N.J.: the Kingston Press, 1982. Название говорит само за себя: «"Баас" и Сирия, с 1947 по 1982. Эволюция идеологии, партии и государства». Книга написана с большой симпатией к арабам, особенно многострадальным палестинцам, и в отличие от господствующих настроений в американском обществе и СМИ весьма критична по отношению к Израилю и его арабской политике. В остальном она перекликается с вышеупомянутыми работами, которые дополняет интересными статистическими данными о росте образования в Сирии, в частности, среди религиозных меньшинств, то есть той группы населения, которая сыграла такую большую роль в политической истории современной Сирии. Rabinovich, Itamar *Syria under the Ba'th 1963—1966: the Army-Party Symbiosis*. Jerusalem, Israel Universities Press, 1972. Автор, израильский ученый, называет свой труд политической историей баасского режима в Сирии, сосредотачиваясь на 1963—1966 годах, когда первоначальные идеологи партии, отражавшие стремления молодой интеллигенции «к единству, свободе и

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

541

социальным реформам», были отстранены от реальной власти. Власть захватили никому не известные военные и гражданские радикалы, «враждовавшие с миром и друг с другом, погрузив страну в междоусобицу», забросив первоначальные обязательства партии относительно панарабизма и выборной демократии». Заслуга автора, во-первых, в его непредвзятости и, во-вторых, в том, что он сумел «разложить по полочкам» до того непонятный клубок восстаний и переворотов тех лет.

Roberts, David *The Ba'th and the Creation of Modern Syria*. London, Groom Helm. Автор — британский дипломат, бывший управляющий Британского посольства в Дамаске с 1963 по 1966 год и посол с 1973 по 1976 год, а в 1980-е годы был послом в соседнем Бейруте, так что пишет он как очевидец событий.

Роберте, однако, не ограничивается личным опытом. Труд его является научным исследованием и отлично документирован. Автор изложил историю Сирии со времен Оттоманской империи до 80-х годов XX века, присовокупив к этому анализ «Бааса» и его деятелей всего на 160 страницах, не впадая в тривиальность. К тому же к книге приложена хронология «Бааса» в Ираке и ряд других документов.

Yamak, Labib Zuwiyya *The Syrian Social Nationalist Party. An Ideological Analysis*. Cambridge, Mas., Center for Middle Eastern Studies, 1966. В этой небольшой книжечке излагается политическая история и идеология *Сирийской национал-социалистической партии*, зародившейся в Ливане в 1932 году, то есть тогда же, когда появляются кружки Афляка, который многое почерпнул у этой партии за исключением некоторых крайностей, которые тесно сближают СНСП с германским нацизмом. Основатель партии Саади видел ее как партию-государство и партию религию. Саади собирался ликвидировать множественность религий, считая, что это мешает единению и национализму. Переводя «ислам» дословно как «отдачу [себя Богу] и подчинение», он считал его неким центром, в котором отдаются и подчиняются Богу все верующие — одни через Евангелие, другие через Коран. Его программа требовала полного отделения религии от государства. В этом он был пионером в арабском мире и пошел дальше «Бааса». Со своими претензиями и поведением партия была не совместима с существующими государствами, которые она не считала тако-

542

— 26. Партия «Баас» на подступах к тоталитаризму —

выми, считая подлинным государством только себя. В послевоенный период она нередко прибегала к убийствам сирийских и ливанских государственных деятелей. Партия не сумела завоевать электорат. В 1961 году она предприняла неудачную попытку захвата власти в Ливане. Это был ее политический конец.

Глава 27 Ислам и тоталитаризм

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного ...А когда вы встретите тех, которые не уверовали, то — удар мечом по шее; а когда произведете великое избиение их, то укрепляйте узы»

Коран 47:1, 4. Нью-Йорк, «Телекс», 1989.

В этой обобщающей главе об исламе, речь в основном пойдет о суннитах как самой большой и господствующей ветви ислама. На шиизме мы остановимся в следующей главе, в основном в контексте нынешнего тоталитарного режима в Иране.

Несколько лет назад на страницах самой влиятельной газеты Канады «The Globe and Mail» шла дискуссия относительно ислама и христианства. Один из авторов сравнивал терроризм исламского фундаментализма со зверствами инквизиции и крестоносцев, погромами евреев, изгнанием и частичным физическим уничтожением арабов в Андалузии. Апологеты христианства отвечали, что разница между мусульманством и христианством в том, что преступления христиан совершаются вопреки учению Христа, в то время как исламский террор всегда может найти себе оправдание в текстах Корана. Казалось бы, цитата, приведенная в эпиграфе этой главы, подтверждает мнение критиков ислама. Однако апологеты ислама делают упор на другой цитате из Корана: «Нет насилия в религии». Это изречение можно понять двояко: как запрет на насилие вообще или как запрет на насилие по отношению к тем, кто уже «в религии», то есть к правоверным мусульманам. Что же касается

нии их не только допускается, но и предписывается насилие¹. Сопротивление распространению ислама именуется мятежом (*фетна*) и карается смертью². На самом деле Коран весьма противоречив. Исламоведы указывают на хронологическую и тематическую непоследовательность Корана: события более раннего периода из жизни Магомета следуют за событиями более позднего времени. Например, стихи, посвященные фактически одному предмету — молитве, религиозным ритуалам, нравственности, личной жизни и семейным отношениям, — разбросаны в беспорядке в разных частях Корана вперемежку со стихами политического или исторического содержания. Так, первый стих откровения Магомету — «Читай [Коран] во имя Господне» — находится не в первой суре, а в 96-й. Последний стих Корана, произнесенный Магометом, якобы перед самой смертью, помещен в суре «Стол», открывшейся Магомету за 5 лет до его смерти. И из-за веры в то, что тексты Корана поступали Магомету в виде откровения — как объяснить такую хаотичность Божьего откровения? — мусульманские экзегеты, по-видимому, не решаются упорядочивать священные тексты. Факт тот, что почти за полторы тысячи лет существования ислама не было ни одного критического его пересмотра мусульманскими законодателями или судьями, хотя правильность текста Корана весьма проблематична. Дело в том, что Магомет устно излагал являвшиеся ему в виде откровения тексты своим ближайшим последователям. Некоторые из них запоминали суры целиком либо частично, другие за-

¹ Христианские и иудейские меньшинства в мусульманских странах именуются «народами Книги» и защищаемым меньшинством, с которых только взимается особый подушный налог (*джизья*), которому «верные» не подлежат. Христиан как верующих в Бога в трех лицах, Коран также называет «многобожниками». В отношении их (то есть многобожни-ков) 5-й стих 9-й суры говорит: «...Избивайте многобожни-ков, ... захватывайте их, осаждайте, устраивайте засаду против них во всяком скрытом месте.

² Chamieh, Jebran *Traditionalists, Militants and Liberals in Present Islam*, p. 66.

писывали их на камнях, пальмовых листьях или шкурах. Арабский шрифт в то время не имел точек под и над буквами, которыми пользуются теперь для обозначения гласных и иных звуков, не имеющих непосредственного буквенного обозначения. Поэтому за теми же знаками могли стоять совершенно разные слова. Следовательно, многие тексты могли иметь иной смысл, чем тот, что им придается теперь, и многое при чтении Корана просто непонятно и нелогично. Суры были собраны воедино уже после смерти Магомета, в правление халифа Отмана ибн-Аффана (644—656), создавшего редакционную комиссию по сбору всех сохранившихся в памяти или в записях сур в единую книгу.³ Ввиду вышесказанной беспорядочности и непоследовательности текстов напрашивается вывод, что члены той комиссии были весьма некомпетентны.

Помимо Корана, ислам обладает еще собранием всевозможных высказываний, приписываемых Магомету, якобы сохраненных его последователями и собранных в сборники «Сунны» и «Хадисов» в IX-X веках Аль-Бухари и его учениками. Магомету приписывалось 600 тысяч изречений. При всей авторитетности изречений Магомета для мусульманина эти тексты не обладают священной неприкасаемостью в отличие от текстов Корана, и поэтому мусульманские судьи или законники⁴ позволяют себе анализ и «чистку» текстов «Сунны» и «Хадисов», но не Корана. Бухари признал лишь 5 тысяч изречений подлинными. В дальнейшем либеральные мусульманские ученые сократили их численность до 300. Итак, разногласия между мусульманскими законниками относительно подлинности текстов «Сунны» и «Хадисов» так велики, что отказ современных мусульманских законников подвергнуть их экзегетическому исследованию и отредактировать единый авторитетный сборник не может найти себе оправдания, как

³ Chamieh, Jebran *Traditionalists, Militants and Liberals...*, с. 61—63.

¹ После долгих размышлений я пришел к выводу, что, поскольку Коран — это прежде всего Закон, слово «законник» лучше всего подходит к мусульманским авторитетам, хотя в английских книгах по исламу употребляется термин *Muslim judges*, то есть исламские судьи.

546

— 27. Ислам и тоталитаризм —

считает исламовед Чамиех. Эти сборники в значительной степени являются комментариями к Корану, разъяснениями и дополнениями к нему, и отсутствие общепризнанного канонического издания их вносит разногласия и хаос в исламоведение.

Здесь уместно сделать некоторые сравнения с христианством. Как известно, до установления канонических текстов Нового Завета в IV веке существовало несколько десятков «евангелий». Но в отличие от мусульманства, не имеющего авторитетной иерархии, у христиан существовала Церковь, основанная Христом и порученная Им апостолам. От апостолов, через совершаемые ими рукоположения, произошло христианское духовенство, и явилась, с одной стороны, регулярная преемственность, с другой — иерархия: диаконы, занимавшиеся в основном благотворительностью и бывшие помощниками пресвитеров, и епископы — прямые преемники благодати от апостолов и их преемников. Вся эта иерархия опиралась на принцип соборности, на соборный голос Церкви как собрания духовенства и мирян. Первым был апостольский собор в I веке, о котором мы знаем очень мало, но ему приписываются первые церковные правила-каноны. Из-за гонений, продолжавшихся до легализации Христианской церкви в начале IV века, общецерковных соборов не могло быть. Но, начиная с IV века, на Вселенских соборах разрабатывается и утверждается догматика — учение Церкви, являющиеся выводами из содержания и смысла канонических Евангелий и принимающие также во внимание сложившееся устное предание, идущее от апостолов⁵. Это и была та авторитетная церковная структура, которая занялась исследова-

•' Современному человеку может показаться странным, что мы говорим о всецерковной соборности Вселенских соборов, когда на самом деле за единичными исключениями это были соборы только епископата. Но надо иметь в виду, что, во-первых, епископы тогда были в каждом крошечном городке, то есть большинство епископов были теми, кого теперь называют благочинными. Во-вторых, епископы выбирались всем народом, так что они действительно, а не только формально (как в современной России), представляли всю полноту церковную.

— 27. Ислам и тоталитаризм —

547

нием ходивших по рукам списков, ново- и ветхозаветных, приписывавшихся разным пророкам, апостолам и даже самой Деве Марии. И вот несколько десятков списков были признаны апокрифами, то есть тайными, сокрытыми, подлинность авторства и содержания которых оспаривалась.

Признание текстов каноническими (четыре Евангелия, то есть «Благие вести», 21 апостольское послание и «Откровение Иоанна Богослова») было основано на текстологическом анализе, установлении смысловой и текстуальной связанности между ними, близкого по духу и по содержанию изложения одних и тех же явлений, событий и слов Христовых. С другой стороны, апокрифы были отвергнуты как несоответствующие или очень отдаленно приближающиеся к текстам, признанным каноническими. Апокрифы изобилуют беспричинными чудесами, скорее напоминающими сказку и не имеющими поучительного смысла,⁶ в то время как в канонических Евангелиях и Посланиях все действия Христа, в том числе и чудеса, глубоко осмыслены и поучительны; они сверхъестественны, а не противоестественны. Согласно исследованиям серьезных экзегетов да и указаниям в некоторых апостольских посланиях, евангелисты были современниками Христа. По крайней мере евангелисты Матфей и Иоанн знали Христа лично (евангелист Иоанн и апостол Иоанн это, по-видимому, одно и то же лицо). Лука же сам говорит, что он пишет на основании рассказов очевидцев земного жития Христа, «исследовав все с самого начала ... так как уже многие взялись за составление повествования о совершившихся среди нас событиях»⁷.

⁶ Например, мифологизированное повествование детства Иисуса в одном из апокрифов, в котором маленький Христос лепит птичек из песка и превращает их в живых птиц.

⁷ Лк 1:1. Перевод еп. Кассиана (Безобразова). Лондон, Библейское общ-во, 1970. См. также: Niswonger, Richard *New Testament. History*, p. 99—113. Автор цитирует таких авторов начала II века, как Папиас, который свидетельствовал, что лично знакомый ему евангелист Марк говорил, что писал свое Евангелие со слов апостола Петра. Из Посланий мы узнаем, что евангелист Лука сопровождал апостола Павла в его миссионерских путешествиях. Из этих данных Нисуонгер заключает, что

548

— 27. Ислам и тоталитаризм —

Попробуем теперь сравнить *эту* раннюю историю христианства с соответствующим периодом в зарождении и ранней истории ислама. Казалось бы, аут много общего. Магомет родился в 570 году, а умер в 632. Как и Христос, Магомет передал своим ученикам только устную проповедь. Весь корпус устного и частично письменного наследия Пророка (то, что было записано его учениками и собрано по распоряжению первого халифа ибн-Аффана при всех вышеупомянутых недостатках письменности того времени) был собран к первой половине X столетия, то есть и тут и там речь идет о трех столетиях. Но если кодификация христианского учения совершалась соборным голосом всей Церкви, то в исламской традиции ничего подобного нет. Магомет был абсолютным диктатором и военным вождем, уложившим во множестве битв тысячи жизней. Боевой клич Магомета к бедуинским племенам Аравийского полуострова был: «Принимайте ислам, чтобы избежать смерти!». Иными словами, пишет Чамиех, «часто арабы вынуждены были принимать новую религию, не зная, что это такое ... и признавать Магомета пророком, не зная, в чем заключается его миссия. Все, что требовалось, это громко провозгласить: «Нет иного бога, кроме Аллаха, и пророка Его Магомета!» и согласиться уплатить налог в знак послушания и лояльности, чтобы считаться частью мусульманской общины (*умма*)»⁸. Такова была «проповедь» мусульманства с первых его дней и до завоевания им всего Среднего и Ближнего Востока, Северной Африки, значительной части Испании и Балкан. Вряд ли стоит еще доказывать несовместимость этой «проповеди» мечом и огнем с проповедью Христа и посланиями апостолов.

14-й стих 49-й суры Корана говорит: «Сказали бедуины: "Мы уверовали!". Скажи: "Вы не уверовали", но говорите: "Мы покорились"». А Христос говорит: «Познаете истину, и истина три синоптических Евангелия *были* написаны между 60-ми и 70-ми годами I века после Р. Х., а Евангелие от Иоанна — где-то около 90 года (вспомним, что Иоанн был, кажется, самым молодым из учеников Иисуса, так что в 90 году ему могло быть около 75 лет).

⁸ Чамиех, Джебран *Указ, соч.*, с. 22.

— 27. Ислам и тоталитаризм —

549

освободит вас»¹. Христианские богословы от апостола Павла до Григория Паламы и таких религиозных мыслителей, как Семен Франк и Николай Бердяев в XX веке, считают, что свобода во Христе — это сотворчество человека с Богом и обо-жение (по-гречески *теозис*): во Христе Бог воплотился в человека, чтобы человек обожился. Как далеко это от ислама, что в переводе значит сдача [в плен] и подчинение!

Как мы уже сказали, проповедь Магомета сопровождалась многочисленными войнами с избиением пленных. Благодаря завоеванию ряда соседних народов и взиманию с них дани исламское государство быстро богатело. Сам Магомет был весьма успешным торговцем и еще более успешным вождем и военачальником. Жил он в соответствии с исламским законом, преподаваемым им арабам: не иметь более одной жены, если не можешь их содержать, и не более четырех жен, если в состоянии их содержать; что касается наложниц, то их число не ограничивалось, и никаких обязательств по отношению к ним Коран не выставлял. У Магомета было 4 жены плюс наложницы.

Магомет (великий имам и халиф) не оставил по себе ни мужского потомства, ни завещания. Не оставил он и правила замещения земного руководства исламом. Теоретически верховный имам или халиф устанавливается волей Божьей. Но на практике «власть в исламском мире берется силой и остается в руках того, кто сумеет ее взять и удержать»¹⁰. Поэтому политические убийства были нормой в борьбе за власть, которая тут же и началась между четверьмя его свойственниками через браки с его дочерьми. Из 4 халифов, правивших государством и религией, трое были убиты в междоусобных войнах.

Магомет был неповторимым явлением в истории ислама — Пророком-правителем. Наследники его этими свойствами и правами не обладали, хотя легитимность свою черпали из прямых или косвенных родственных связей с Пророком. Как указывает Чемеих, при жизни этих халифов никто их не обожествлял, видя их подсиживания и убий-
⁹ Ин 8:32 (указ, перевод и издание). ¹¹¹ E. Burman *Op. cit.*, p. 36.

552

27. **Ислам и тоталитаризм** —

совет духовных законников. Магомет умер, не родив сыновей. Шииты верят в существование Двенадцатого имама, сокровенного, которому предстоит восстать живым Махди, то есть мессией, или спасителем шиитов (подобно второму пришествию Христа, ожидаемому христианами). Если обожествление четырех имамов-халифов у суннитов носит не совсем официальный характер, то шииты официально признают 12 своих мистических и мифических имамов непогрешимыми и даже не имеющими греха.¹²

Противоречивость текстов и их несовместимость друг с другом дают возможность опираться на ислам и «либералам», и ортодоксам, и фундаменталистам-революционерам, и реформаторам, и традиционалистам. Просто одни создают свои движения, опираясь на тексты Корана, отрицающие насилие и подчеркивающие милосердие по отношению к иноверцам (часто со ссылками на Христа), а другие используют стихи из Корана, требующие смерти, убийства иноверцев и изменников мусульманству. В противоположность Корану проповедь Христа подчеркивает инородность Церкви государству. В Его словах «воздавайте кесарю кесарево, а Богу — Божье», равно как в Его ответе Пилату: «Царство Мое не от мира сего» заложено то, что мы сегодня называем отделением Церкви от государства, принцип, пренебрежение которым в истории христианства и особенно в монархической России привело к таким плачевным результатам в XX веке!

Как говорит исламовед Бассам Тиби, «мы все еще не знаем, какими должны быть особые черты исламской государственности. Единственно, в чем мы можем быть совершенно уверены, это что ислам является единством религии и государства, не меньше и не больше того».¹³ Однако четкой теории государства исламом так и не было выработано. Мусульманские государственники ломают голову над тем, как приспособить традиционный ислам к процессу модернизации,

'- Между этими двумя терминами есть разница. Так, папа Римский считается непогрешимым в принятии решений догматического характера, но в личной жизни, как всякий человек, он грешен.

¹³ Tihi, Bassani *The Challenge of Fundamentalism...*, p. 163.

— 27. **Ислам и тоталитаризм** —

553

захватившему весь мусульманский мир. Источники современных идей мусульманской государственности таковы: толкование отдельных сур и стихов Корана, записи изречений Магомета и отрывочные данные о том, как управляли мусульманской общиной непосредственные преемники Магомета. Проблема толкования Корана состоит в отсутствие общепризнанных авторитетов в этой области, в несогласии одних с толкованиями других. Сам Пророк был источником ряда законов и правил; Коран «рекомендует Магомету» пользоваться советом (*улемы*) в управлении, а его подданным — слушаться его. Что касается шариата (дословно: «прямой путь»), то хотя согласно исламу, он является откровением Бога Магомету, в действительности известны 4 источника шариата:

1. несколько стихов Корана, в которых речь идет о законах;
2. законодательные изречения, собранные в Сунне;
3. предания о жизни и поведении Магомета;
4. использование аналогии, то есть расширения какого-нибудь закона в случае отсутствия такового, непосредственно относящегося к данному делу.

Шариат — это не просто свод законов в европейском смысле этого слова. В нем есть правила относительно молитвы, семейной жизни, воспитания детей, отношения к старшим.

Мусульманское государство должно следить за исполнением гражданами всех требований шариата.¹⁴ Пакистан «решил» проблему мусульманской государственности следующим заявлением его *улемы* в 1954 году:

«Исламское государство основывается на власти Аллаха. Поэтому оно не может быть демократическим: демократическое государство ... опирается на волю и суверенитет его граждан. Шариат является законченным уставом

¹¹ Ahmed, Ishtiaq *Указ соч.*, с. 49—51. В XX веке доктрину аналогии разработал кровавый прокурор сталинских чисток Андрей Вышинский, посредством которой на смерть и в концлагеря отправлялись миллионы невинных граждан, вполне невинные деяния, слова или поведение которых приравнивались такими натяжками к той или иной статье Уголовного кодекса.

554

— 27. Ислам и тоталитаризм —

общественного и индивидуального поведения. Он обеспечивает все конституционные и законные структуры, общественные и нравственные нормы ... Бог не упустил никаких граней жизни людей в созданной Им системе мира. ... Следуя процедурам, усовершенствованным имамами, современное мусульманское государство занимается разысканием, а не созданием законов. Шариат, являясь священным законом, охватывает все аспекты жизни, а *фик* (юриспруденция) — его уточнением. ... Исламское государство обладает всем необходимым для разрешения всех сложностей современной жизни».

Однако, как комментирует Ахмед, права законоотправления признаются только за мусульманской *улемой*. Причем все исламские законы, принятые предыдущими поколениями, не могут быть изменены последующими поколениями, ибо согласно правоверным мусульманам все законы основаны на Откровении, «которое всегда верно и изменениям не подлежит»¹⁵. Из всего вышесказанного читателю должно быть понятно, что ислам — это не только и не столько религия, сколько всесторонний закон — закон, до мелочей регулирующий все стороны духовной, гражданской и личной жизни человека, включая и интимную его область.

Около X века исламское право постиг застой: законники пришли к заключению, что существующие законы и правила отвечают на все вопросы и рассуждать больше не о чем. На смену *ижтихада*, то есть независимых рассуждений, пришел *таклид*, то есть «безусловное принятие мнений предшественников»¹⁶. И такое положение в области шариата остается по сей день.

Ислам, как всякая религия, раскололся на множество течений, но подавляющее большинство мусульман мира — сунниты (правда, и внутри суннизма есть внутренние течения). Менее 10% составляют шииты, составляющие абсолютное большинство жителей лишь Ирана, Ирака и Азербайджана. В суннитском исламе в отличие от христианства нет таинств и нет рукоположенного священства. Фактически каждый му-

¹⁵ Ahmed, Ishtiaq *Указ соч.*, с. 84. ¹⁶ Там же, с. 52.

— 27. Ислам и тоталитаризм —

555

сульманин имеет право облечься в соответствующие одежды, объявить себя муллой и возглавить молитвы в мечети. Мулла и прочие «чины» мусульманства — это духовные учителя. А высшими авторитетами в исламе являются мусульманские законники. Вероятно, именно из-за отсутствия высшего духовенства, за которым признавалось бы право возглавителей и толкователей Закона, в мусульманстве нет авторитетной экзегетики, и священные тексты Корана при всей сомнительной их подлинности остаются в первозданном виде и в той непоследовательности и противоречивости, о которых говорилось выше.

Ислам в историческом разрезе

Исламовед Юсеф Чуэйри делит историю ислама на несколько эпох. Первая эпоха начинается деятельностью Магомета и завершается покорением Константинополя в 1453 году. Уже примерно через 1,5-2 столетия после Магомета ислам сталкивается с византийской культурой, греко-римским миром Ближнего Востока и Северной Африки. Занимаясь активным исламским прозелитизмом, арабы вынуждены были познакомиться с греческой философией, воспринять ее понятия, логику и начали оперировать ими в борьбе за обращение завоевываемых народов в ислам. В эту эпоху исламская государственность вобрала в себя персидские административные нормы и турецкую военную структуру. Военизированию исламской государственности способствовали и крестовые походы XI—XIII столетий. Реакцией на эту военщину, на власть насилия было появление мистических суфитских

орденов¹⁷.

В эту эпоху ислам стал мировой религией, охватив собою колоссальную территорию от Балкан до Индонезии и от Северной Африки до Среднего Поволжья, Средней Азии, Сибири и Западного Китая. Наступлению ислама на Европу пришел конец после поражения войск Оттоманской империи у

¹⁷ Этот феномен можно сравнить с появлением пустынножи-тельного монашеского движения в христианстве в IV веке, который был реакцией на огосударствление и обмирщение Церкви.
556

— 27. Ислам и тоталитаризм —

стен Вены в 1683 году. Не имея сколько-нибудь прочной экономической и микрополитической инфраструктуры, держась только на своей военщине и вооруженном захватничестве (наследие традиции племенных набегов для наживы), после венской неудачи Оттоманская империя вступила в эпоху застоя и упадка, продержавшись вплоть до ее распада в итоге Первой мировой войны. Этот процесс так затянулся только благодаря соперничеству европейских держав, искусственно поддерживавших ее, чтобы не допустить усиления какой-либо из европейских держав за счет ее распада.

Все три мусульманские империи — Оттоманская, Индийская (где у власти были мусульмане) и Персидская — вступили в XVIII век в состоянии прогрессирующей технической, научной, культурной отсталости по сравнению с динамически развивающейся Европой. Это сознают наиболее выдающиеся представители исламских империй, и империи поворачиваются лицом к Европе. Это движение известно как *Возрожденчество*. Наиболее известным деятелем той эпохи был Мухаммед ибн Абд аль-Ваххаб (1703-1792), от которого и происходит ваххабизм. Но сегодняшний ваххабизм имеет мало общего со своим прототипом. Дело в том, что хотя мусульманство зародилось на Аравийском полуострове, там оно так и осталось на весьма примитивном уровне. В то время как Оттоманская империя и Персия (которая к тому же обладала собственной древней культурой) впитали элементы греко-римской культуры, а мусульманство в Индии обогатилось индийской философией, в Аравии «процветала» смесь мусульманства с язычеством. И вот выходец из Аравии аль-Ваххаб занялся возрождением ортодоксального мусульманства. Ваххабизм объединил под своими знаменами несколько местных племен и их вождей. В это же время происходят аналогичные процессы в Индии, где представители ортодоксального ислама борются за очищение его от индуистских и буддистских влияний. В Северной Африке и даже далекой Суматре идет очищение ислама от местных языческих наносов. Контактам между мусульманскими деятелями столь отдаленных друг от друга стран способствуют европейская торговля, проникновение англичан в Индию, увеличившие возможности передвижения и переписки.

— 27. Ислам и тоталитаризм •

557

Осознание своей отсталости в результате растущих контактов мусульман с европейцами привело к движению реформизма и модернизма среди мусульманских интеллектуалов XIX века. Наиболее видными реформаторами были индийский мусульманин Сайд Ахмад Хан и египтянин Магомет Абдо. Посетив Францию и Англию в 1869-1870 годах, Сайд Хан пишет оттуда восторженные письма, в которых говорит, что англичане с полным правом могут называть индийцев тупыми хамами: «По сравнению с англичанами и их прекрасными манерами мы напоминаем грязных животных»¹⁸. Оба они преклонялись перед достижениями науки и техники Запада и отказывались видеть в европейцах «неверных». Другой их современник, Джамаль аль-Дин аль-Афгани, оправдывал даже западный империализм и колониализм. Перечислив часть колониальных захватов, он пишет: «На самом деле нельзя винить англичан и французов в этих действиях узурпации, агрессии и захвата... Это наука, которая повсюду демонстрирует величие и силу. Невежеству остается лишь повергнуться ниц перед лицом науки и подчиниться ей»¹⁹.

Почему же после Первой мировой войны и в продолжение всего XX века мусульманский активизм становится столь агрессивно-враждебным по отношению к Западу? Во-первых, окончание войны и Севрский мир с Турцией обманули ожидания арабов. Дело в том, что англичане обещали арабам независимость от Турции за сотрудничество с союзниками в оттоманском тылу во время войны. Вместо независимости арабские земли, отобранные у

Оттоманской империи, были поделены Парижским и Севрским мирными договорами между Англией и Францией, став их мандатными территориями, якобы под протекторатом Лиги Наций. Иными словами, они были отобраны у единоверческой Турции и подчинены «неверным» с мусульманской точки зрения и совершенно чуждым им западно-европейским государствам. Это был главный толчок для появления резко враждебного антиевропейского мусульманского фундамен-

Choueiri, *Islamic Fundamentalism*, p. 36.

¹ Там же, с. 37.

558

— 27. Ислам и тоталитаризм —

тализма, равно как и для уже обсужденного в предыдущей главе секулярного панарабизма. Затем в результате создания Ататюрком националистического турецкого государства, в результате выигранной им войны с Грецией и проведенным обменом населения, а также в результате турецкого геноцида армян во время Первой мировой войны, послевоенная Турция потеряла 90% своей буржуазии, состоявшей почти исключительно из греков и армян. Это отбросило Турцию в промышленно-экономическом смысле лет на 50 назад. Поскольку довоенная Турция была самой экономически динамической страной мусульманского мира, ее послевоенный кризис, принявший почти катастрофические формы с началом мирового экономического спада, подорвал доверие к экономическому и политическому либерализму вообще, а особенно среди арабов, не очень разбиравшихся в тонкостях экономической науки.

Антизападнический фундаментализм: его зарождение, развитие, стратегия, цели

Ислам сегодня это примерно 1 миллиард 300 миллионов человек, причем в 53 странах мусульмане составляют абсолютное большинство населения, очень значительная часть которого весьма фанатична и настроена враждебно по отношению к миру христианской культуры, хотя в Коране о Христе, Деве Марии, апостолах, не говоря уж о ветхозаветных пророках, говорится с огромным почтением. «Об исламе, — пишет Тиби, — можно сказать, что как религия он не опасен, опасен исламский фундаментализм», который не следует путать не только с исламом как религией, но и с мусульманским традиционализмом. Хотя фундаменталисты «опираются на традицию, они ее используют в современном контексте». В виде примера Тиби указывает на то, как фундаменталисты перетолковывают *шуру*, которая на самом деле была неким племенным или клановым совещанием домусульманских бедуинских язычников. Коран отдает должное этой доисламской традиции, указывая, что Пророку следует прислушиваться к «их» советам. «Они» согласно Корану — это люди, «которые избегают тяжелых грехов и неприличных действий

— 27. Ислам и тоталитаризм —

559

даже будучи во гневе, которые готовы прощать, послушны своему Господу, молятся и вершат свои дела, советуясь друг с другом». И вот на основании этих двух замечаний в Коране фундаменталисты толкуют шуру как исламский ответ на демократию и парламентаризм. Тиби подчеркивает, что слово «шура» означает всего лишь совещание, и в тех арабских странах, где она существует, она не имеет законодательного значения. Например, в Саудовской Аравии «шура» — это король и члены его большой семьи,²⁰ с отдельными членами которой он может посоветоваться перед принятием какого-то решения, а может и не совещаться.

Примером эволюции от западничества (того, что называлось мусульманским модернизмом) к фундаментализму является возникновение в 1928 году организации *Братья-мусульмане* (впредь «БМ») (*Ихуан аль-Муслимгин*). Его основатель, Гассан аль-Банна, начал свой путь в качестве ученика исламского модерниста Рашида Рида. Ко времени основания этой организации он был учителем в Измаилии на Суэцком канале, доходы от которого составляли чуть ли не 90 % египетского бюджета. Уровень жизни в зоне канала был значительно выше, чем в остальных областях Египта. Кроме того, ничего не подозревавшая английская администрация канала подкидывала ему денег на школу, школьные принадлежности и на учеников, которых он интенсивно воспитывал в ненависти к англичанам и вообще к Западу, не гнушаясь английскими деньгами, поскольку лозунг «БМ» был: «цель оправдывает средства», то есть все способы борьбы, включая обман и терроризм, оправданы, если они способствуют делу подлинного мусульманства. А в 1941 году в Индии другой фундаменталист Мауляна Абуль Ала Маудуди основал, аналогичное «БМ» по взглядам, целям и стратегии, *Мусульманское сообщество (Джа-маат-и Ислами)*. Отделения «БМ» и «Джамаата» быстро распространились по всему мусульманскому миру.

Общеизвестно, что всемирный экономический кризис 1929-1930 годов породил глубокий кризис

либерализма, принципов нерегулируемого свободного частнопредпринимательского рынка.

Многим казалось, что исполняются пред-

¹ Тиби *Указ, соч.*, с. 29-30.

560

— 27. Ислам и тоталитаризм —

сказания Маркса о неизбежном провале капиталистической хозяйственной системы и конце капитализма. Широко распространились идеи о необходимости сильной централизованной власти, контролирующей и регулирующей экономику. Ошибочно принимая экономический спад за конец либерального капитализма и неизбежность диктатуры, одна часть человечества склонялась к фашизму или нацизму, другая — к советской модели марксизма, тем более, что это была эпоха первых пятилеток, то есть крайне раздутого пропагандой сталинского «экономического чуда». На основании мирового экономического кризиса оба фундаменталистских движения считали, что идеология ислама самодостаточна для мусульман и что им не следует подражать ни капиталистическому Западу, ни советскому безбожному марксизму. «БМ» и «Джамаат» призывали к борьбе против империалистического колониализма, особенно осуждая создание Израиля, который большинством арабов считается колонией Запада, сознательно вклиненной в исконно арабскую Палестину. В Судане, Сирии, Иордании, Саудовской Аравии и эмиратах, в Африке появились отделения «Братьев-мусульман». Отделения братского ему «Джамаата» появились в Индии, Бангладеш, Пакистане, Афганистане и Кашмире. Идеологи аль-Банна, Сайид Котб и Маудуди осуждали западный индивидуализм, либеральный национализм и особенно традиционное арабское политическое руководство за подражание западным моделям, чуждым исламу. Они отвергали деление стран по племенному или национальному признаку, утверждая, что весь мусульманский мир составляет единую общину (*умму*).^{*1} Не случайно идеологи фундаментализма вскоре нашли много общего с фашизмом и нацизмом. Как и в случае с фашистским движением в тех странах Европы, которые находились в более-менее начальной стадии инду-

²¹ По этому пункту, как было указано в предыдущей главе, у арабов с мусульманами расхождение: секулярно-панарабистские движения видят всех арабов, вне зависимости от религии, единой нацией; мусульманские же фундаменталисты, равно как и традиционалисты, единой «нацией» считают весь мир мусульманства, вне зависимости от племенного признака.

• 27. Ислам и тоталитаризм —

561

стриализации, мусульманские фундаменталисты увидели в фашизме, по словам Чуэйри, «идеальный образец для стран и общественных движений, ищущих путей преодоления экономической отсталости и вступления на путь культурного обновления»²². Пронацистские настроения были широко распространены в предвоенном мусульманском мире и в начальной стадии Второй мировой войны, возможно, не столько по идеологическим причинам, сколько из ненависти к англичанам. Так, в Ираке фундаменталист Сайд Мохаммад тщетно пытался организовать пронацистскую партизанскую группу с целью убийства британских граждан. Во время Второй мировой войны некоторые фундаменталистские деятели в Сирии и Ливане, а также в Египте, пытались контактировать с немцами в целях поражения западных союзников. Но вот кончилась война, и перед лицом арабов возникли две силы — США и Советский Союз. Колонии, протектораты и мандатные территории европейских держав одна за другой приобретали полную самостоятельность. Как указывалось в предыдущей главе, арабский мир, как и подавляющее большинство стран «третьего мира», склонялось к той или иной форме социализма. Не только «Баас», но и «Братья-мусульмане», и многие другие мусульманские группировки говорили о соприродности ислама социализму, указывая на такие характеристики ислама, как приоритет коллектива перед личностью, запрет на ростовщичество, племенную солидарность и размытость понятий частной собственности. Так, например, член сирийского парламента, лидер сирийской ветви «БМ» объявил в 1949 году о формировании *Сирийского социалистического фронта* и призвал противопоставить сирийско-советское сотрудничество американской поддержке Израиля. На вопрос о том, как можно совместить социализм с исламом, один из руководителей «БМ» ответил словами аль-Банна, что в мечети осуществляется лучшее соединение демократии, диктатуры, коммунизма и социализма. Коммунизм якобы в том, что даже последний нищий может занять любое место в мечети, и никто его оттуда не может прогнать; диктатура осуществляется имамом, кото-

²² Чуэйри *Указ, соч.*, с. 58.

562

— 27. Ислам и тоталитаризм —

рый диктует, как молиться, в какой позе и как себя вести в мечети; демократия в том, что каждый молящийся имеет право перебить имама и указать ему на ошибку, если тот ошибается, а социализм в том, что «мы проповедуем о необходимости предоставления каждому гражданину приличного жилья, достатка в пище и одежде, предоставления возможности получения образования и обеспечения социальной справедливости»³.

Вот такими неубедительными натяжками исламско-социалистические идеологи пытались оправдать переплетение ислама с социализмом — будь то национал-социализм или коммунистический интернационал-социализм. Естественно, на практике ислам в этом соединении становился лишь весьма просвечивающейся завесой.

Однако центром «Братьев-мусульман» с его главным вождем аль-Банна был Египет. С 1936 года влияние организации начало распространяться далеко за пределами Египта, когда «БМ» сыграли видную роль в палестинском восстании против британских оккупантов и их политики поддержки сионизма и еврейской диаспоры. В Египте собирались пожертвования для палестинцев, писались ноты протеста британскому правительству, организовывались массовые демонстрации в поддержку палестинских братьев. Палестинское восстание и роль египетского отделения «БМ» предоставила аль-Банна наконец возможность выйти за рамки школьного и духовного учительства — двинуться в политику мусульманского реформизма. Его речи и памфлеты этого периода представляют собой попытку примирения ислама с современным миром. Он перерабатывает «под ислам» такие понятия, как национализм, патриотизм, конституционализм и социализм. Чуэй-ри считает его первым мусульманским деятелем, признавшим необходимым создать современную исламскую политическую партию с соответствующей всеобъемлющей программой. Его программа выдвигала идею создания всеарабского объединения, первым шагом к которому должно быть обретение Египтом полной независимости со включением в него Судана. По внутренним вопросам программа «БМ» была гораздо менее

Чуэйри «Исламский фундаментализм», с. 58-59.

— 27. Ислам и тоталитаризм •

563

определенной, выдвигая, однако, идею корпоративного государства (в стиле итальянского фашизма), высказываясь против классовой борьбы и активного профсоюзного движения. Классовые организации и общественные группировки должны подчиняться единому центру. Создав чуть ли не первую политическую партию в исламском мире, аль-Банна, однако, в своей программе называет политические партии элементом, дробящим общество, мешающим реализации национального единства и государственного внедрения учения Корана. Хотя мусульманские политики много и часто говорят о социальном равенстве, программа аль-Банна осуждала иностранный капитал и господство, обходя почти полным молчанием богатства и имени арабов.

Как и в нацистской Германии и фашистской Италии, кадры «БМ» состояли в основном из низших слоев средних классов — лавочников, студентов, мелких служащих, учителей начальных школ. С начала Второй мировой войны аль-Банна прилагал усилия к внедрению членов организации «Братья-мусульмане» в полицию и вооруженные силы. Внутри своей партии он создал *Особую организацию*, обучавшую своих членов пользоваться оружием. Избранные члены этой военной организации составляли группы головорезов-террористов, формировавшихся по модели немецких СА и СС. Их задачей было совершать политические убийства. После убийства ими египетского премьер-министра в 1948 году организация была запрещена, а аль-Банна казнен в 1949 году. Несколько тысяч членов «БМ» попали в тюрьмы.

Идеологическим преемником аль-Банна стал ведущий теоретик фундаменталистов, популярный писатель и религиозно-политический идеолог Сайд Котб. В отличие от самоучки аль-Банна Котб имел законченное высшее образование и даже провел два года в американских университетах. Из США, однако, он вернулся решительным ненавистником Америки и всего Запада — их секулярной цивилизации, которая — по его мнению, совпадающему в данном случае с марксизмом, — неизбежно приведет Запад и западный капитализм к полному загниванию и разложению.

Котб поддерживал офицерский заговор против короля Фарука и пришедшего к власти через некоторое время после

564

— 27. Ислам и тоталитаризм —

переворота Абделя Насера. Однако Котб вскоре разочаровался в диктатуре Насера: она

оказалась слишком секулярной на его вкус, а дружба Насера с атеистическим Советским Союзом его совсем не устраивала. Фундаменталистские идеи Котба были восприняты антибаасистами в Сирии, а в Ираке действовал в том же духе шиит Магомед Бакир аль-Садр. Эти три страны стали рассадником мусульманского радикализма, который является реакцией мусульманства на проводившиеся в этих странах радикальные изменения исключительно светского характера. Речь идет о земельных реформах, индустриализации, принятии платформы территориально-племенного национализма, отрицавшегося панисламистами, социалистической общественно-экономической структуры и о введении госконтроля за религиозными учреждениями — от духовных судов до мечетей и исламских благотворительных организаций. На место некой панмусульманской теократической конфедерации или федерации, о которой мечтали фундаменталисты, приходит национализм, при возглавлении государств харизматическим диктатором (какой бы титул он не носил), подчиняющим религию гражданским целям и управляющим с помощью правительственной партии, как правило, единственно легальной.

Этот путь представлялся Котбу изменой мусульманству. Еще большую угрозу он видел в наступлении марксизма, росте влияния китайского и советского коммунизма, причем местные компартии активно сотрудничали с такими арабскими режимами, как Египет (пока Насер не пересажал их по тюрьмам и концлагерям), Сирия и Алжир, поскольку они якобы отстраивали некапиталистическую модель, ведущую к социализму, а там когда-нибудь — и к коммунизму. Режим аль-Карима Касима в Ираке пришел к власти в 1958 году при помощи компартии. Этот флирт был вскорости прекращен Кассимом, но он предоставил коммунистам достаточно времени для захвата руководства профсоюзами. В далекой, но мусульманской Индонезии в это время, казалось, побеждал маоизм. Но в 1965 году в результате совершенного сверху переворота было перерезано несколько сот тысяч коммунистов, чем и закончился «социалистический эксперимент» в этой стране.

— 27. Ислам и тоталитаризм —
565

Будущий вождь «Братьев-мусульман» Котб в начале 1950-х годов еще не состоял в этой организации. Не неся ответственности за «Братьев-мусульман» на этом этапе, он чувствовал себя свободным в критике режима, и, как он считал, искажений ислама. Послушание правителю, писал он, оправдано и обязательно только, если правитель управляет посредством шариата. Если правитель нарушает требования шариата, его права в отношении мусульманских граждан становятся недействительными.

Еще в монархическом Египте в 1950 году в результате смены правящей партии арестованные члены «БМ» были выпущены на свободу, и в печати появились сообщения о пытках, которым те подвергались в заключении. Котб использовал эти сообщения в своих писаниях для выпадов против демократии, которой прикрывалось правительство Фарука, утверждая, что она неприемлема в исламских странах, и настаивая на восстановлении абсолютной власти Корана и шариата в общественной, духовной и интеллектуальной жизни (признавая, однако, что Коран и шариат не имеют никакого отношения к точным и естественным наукам). Все кары по шариату — ампутация конечностей, публичное сечение плетью и публичные казни — Котб поддерживал. Против демократии Котб выступал, как и другие фундаменталисты, на том основании, что это якобы узурпация Божьей власти, изобретение законодательства человеком, в то время как законы могут исходить только от Бога. По индийскому мусульманскому фундаменталисту Маудуди и египетскому — Котбу — законодатели являются представителями Бога, их постановления ни в коем случае не должны выражать их собственную свободную волю или отражать желания большинства граждан. Создание человеком законов без опоры на Коран Котб приравнивал к идолопоклонству, из чего заключал, что секулярная демократия есть возвращение к языческому невежеству. Отсюда Котб делал вывод, что, поскольку властные структуры ограничивают религию сферой духовной жизни граждан, отрицая ее значимость в качестве социально-экономической и политической системы, все их действия и политика являются нарушением божественного порядка. Все это било не в бровь, а в глаз режиму Насера, который-де, прикрываясь ис-

566
— 27. Ислам и тоталитаризм —

ламом, на самом деле подрывает его. Все это он считал сию-нистско-христианским заговором против ислама, который камуфлируется под некое модернизированное «возрождение» умеренного мусульманства. Он обвинял мусульманскую *улему*, сотрудничающую с насеровским и ему подобными полу-му-сульманскими режимами, в измене Корану. Котб выступал решительно против исламского реформизма таких мыслителей как Абдо, который вводил рациональную логику в восприятие ислама. По мнению Котба, ничто сотворенное не может быть соучастником божественного. Ислам, подчеркивал Котб, есть безоговорочное подчинение Богу и изречениям Пророка как акт веры и послушания.

Индийский аналог Котба, Маудуди, писания которого Котб в значительной степени использовал, но, пойдя дальше в радикализме, писал, что Халифат — это представительство Бога на земле, делегированное Богом исключительно для выполнения воли Божьей. Его предписания и распоряжения являются самой чистой формой демократии. Это единственная политическая система, в которой общество в целом обладает правами и властью Божьего халифата. Маудуди называет подлинное исламское государство *теодемакра-тией*, которое существует по воле граждан-мусульман. Однако поскольку исламское государство есть прежде всего идеологическая структура, полноправными гражданами его могут быть только те, кто полностью разделяют его идеологические установки. Все неверные — коль скоро они лояльны и послушны и чьи мужчины согласны платить особый подушный налог (*жизью*) — получают права граждан второго класса (*дхимми*, то есть защищаемое меньшинство).

Интересно, Маудуди допускал в своем идеальном исламском государстве (*Царстве Божьем по его выражению*²¹) прин-

²¹ Кстати, по исламскому учению Царство Божье начинается уже в этом мире, и такого решительного разграничения между земной и загробной жизнью, как в христианстве, мусульманство не знает, поэтому и Царство Небесное воспринимается в таком «приземленном» понимании, как получение тех радостей и удовольствий, которыми данный верный мусульманин не успел насладиться в этом мире.

— 27. Ислам и тоталитаризм —

567

цип всеобщего голосования по крайней мере для «верных», что было явной уступкой западному либерализму. Но поскольку речь идет об *идеологическом* государстве, и Маудуди постоянно оправдывает свое идеологическое государство ссылками на фашизм и коммунизм, то не надо далеко ходить, чтобы представить себе, что такое идеологическая исламская «демократия» на практике. Женщинам он предоставляет право голоса, но оговаривает, что место женщины — у домашнего очага, цитируя 4-ю суру, стих 34, который называет мужчину опекуном женщины, а также ссылаясь на изречение, приписываемое Магомету, согласно которому государство рухнет, если им будет управлять женщина. Из всего этого Чуэйри делает убийственный вывод:

«Итак, демотеократия Маудуди — это идеологическое государство, в котором законодатели не создают законов, граждане голосуют лишь для утверждения перманентности Божьих законов, женщины не смеют покидать свои жилища, чтобы не нарушить общественное равновесие, а иноверцы могут жить лишь в качестве инородного элемента, от которого требуется доказательство лояльности в виде денежной пени. Однако, когда ему это было выгодно, Маудуди шел на компромисс со своими принципами. Так, в 1965 году он поддержал кандидатуру сестры основателя Пакистана Аюб Хана на пост главы государства»²⁵.

Что касается египтянина Котба, то он был откровенно враждебен либерализму и многопартийности, которую он считал формой политеизма (многобожия). Ислам согласно Котбу самодостаточен и по своей сущности совершенен. Шура, о которой говорилось выше, в глазах Котба — совершенная форма государственного плюрализма. Котб осуждает марксизм за его материализм и атеизм, за то, что он «третирует человека как средство производства», ограничивая его интересы только материальными запросами. Поддерживая промышленное развитие страны, он одновременно осуждает прибыль, рост как противоречащие Корану.

Аллах, пишет другой фундаменталист, пакистанский экономист Муфти

²⁵ Чуэйри «Исламский фундаментализм», с. 111-112.

Магомет Шафи, благословляет торговлю, но не проценты с оборота. Все это превращает фундаменталистскую экономику в утопию.

Виновниками системы получения роста с капитала Котб считал евреев. Как и Гитлер, Котб верил свято в истинность «Протоколов сионских мудрецов» и в их стремление овладеть всем миром, хотя сам, как и прочие фундаменталисты, писал, что исламу как единственному истинному учению предстоит овладеть всем миром. Он считал, что кризисы нового времени — следствие серии глубоких нравственных провалов. Размывание либеральных ценностей и демократических институтов в капиталистическом обществе, считал он, неизбежно приведет к социализму. Хотя сам проповедовал исламский тоталитаризм, Котб предсказывал катастрофу таких тоталитарных доктрин, как марксизм, привлекательность которого уже в прошлом, в частности, из-за неудачи марксистской экономики. Что касается западного либерализма, то он идет на спад не по экономическим причинам, а в результате морального банкротства. В результате образовывается вакуум, который предстоит заполнить исламу.

Котб перенимает от Маудуди обновленную им доктрину *джихада* как священной войны против изменников мусульманству и за очищение мусульманского мира от псевдомусульман. По цели джихада должна стать всемирная мусульманская революция, овладение всем миром (сравни с коммунистической мировой революцией). Для этого, учит Котб, следуя ленинской книге «Что делать?», нужны не массовые партии, а дисциплинированные отряды профессиональных революционеров-террористов. К 1954 году Котб становится редактором газеты возродившихся «Братьев-мусульман» (предположительно он вступил в эту организацию в конце 1951 года, когда она явно была в подполье). В том же 1954 году членом «БМ» совершено покушение на Насера, за что 6 членов «БМ» были повешены, тысячи попали в тюрьмы и концлагеря, в том числе и Котб, получивший в 1955 году 15 лет заключения. По ходатайству президента Ирака аль-Салам Арифа Котб вышел на свободу в 1964 году. Салам Ариф приглашал его в Ирак, но Котб отказался. В 1965 году после очередного покушения на президента Египта он был опять арестован, и в 1966 повешен

в числе многих других «братьев-мусульман». В 1964 году, будучи в заключении, он закончил и опубликовал книгу под названием «Вехи», в которой осуждал существующее мусульманское общество и исламские государства в неверности исламу, называя их *гахили*, то есть язычниками — то состояние, в котором бедуины находились до принятия ислама.

Котб погиб, но дело его живет в терроризме мусульманских фундаменталистов и фанатиков Чечни, Афганистана, Ирака, Ирана, Пакистана, Индонезии да и во множестве терактов в Египте, Палестине и даже в Америке. Для фундаменталистов Котб — не только великий теоретик-идеолог, но и «святой великомученик».

Мы не будем рассматривать каждую мусульманскую страну в отдельности, чтобы выяснять ее отношение к тоталитаризму. В следующих главах мы остановимся только на наиболее ярко выраженных исламско-тоталитарных структурах, а именно на революционном Иране и талибах Афганистана. В этой же главе мы хотели дать лишь общую картину тоталитарных устремлений и тенденций в мусульманском мире в целом, еще раз подчеркнуть проблему тоталитарного соблазна в религии.

Итак, что же, сближающее ислам с тоталитаризмом, мы обнаружили? Во-первых, идею мировой революции, мусульманский интернационал (наподобие коммунистического интернационала) как идеал и цель исламского фундаментализма, вдохновляемого, однако, определенными строками Корана. Во-вторых, в общественном устройстве — приоритет коллектива над личностью. В-третьих, цель оправдывает средства, допустимость террора, убийства неверных. Затем утопия как цель, утопия организации совершенного мусульманского общества, преображение среднего человека в мусульманского борца,

готового на смерть и готового предать смерти любого, смеющего противостоять его идеалам или всего лишь публично заявлять о своем несогласии. И наконец идея полного подчинения мусульманско-правоверному правителю, то есть фактически признание за правителем непогрешимости, если он признан подлинным и правоверным мусульманином. В таком случае за ним признается совершенно неограниченная власть. И более того, извест-

570 — 27. Ислам и тоталитаризм —

ное исламское изречение времен Османской империи гласило: «Лучше много лет под властью несправедливого султана, чем день без правителя».

В этой главе мы говорили о связи тоталитаризма с мусульманским фундаментализмом в целом. Правда, некоторые исламоведы считают, что, поскольку ислам означает полную сдачу личности и полное ее подчинение Богу (а вернее, Корану), фактический отказ от своего «я», следовательно, ислам как таковой является тоталитарным учением. Однако между разными направлениями в современном исламе существуют значительные различия. Так, по существу, шиизм с его учением о 12 безгрешных сокроенных имамах и почти приравняемых к ним по безграничности власти аятолл несет значительно более выраженный потенциал тоталитаризма, чем суннизм, хотя движение *Талибан* в основном суннитское. Так что все очень сложно и не поддается аккуратному раскладыванию по полочкам.

В заключение уместно привести предупреждение покойного профессора Лондонской школы экономических и политических наук Карла Поппера об опасности «ползучего» тоталитаризма в любой попытке идеологизации, опасности подстройки жизни страны, народа, личности под априорно сформулированную идеологическую схему подчинения всего и вся этой схеме-идеологии. Особенно опасна, по словам Поппера, комбинация идеологии и интеллектуализированной религии, религии, превращаемой во всеохватывающую идеологию, как в вышеприведенной цитате из пакистанского заявления²¹¹.

²¹¹ Выдающийся православный богослов, покойный протопресвитер Александр Шмеман считал, что религия как таковая является идеологизацией веры, использованием веры в земных, государственных и политических целях.

— 27. Ислам и тоталитаризм —

571

Аннотированная библиография

Ahmed, Ishtiaq *The Concept of an Islamic State. An Analysis of the Ideological Controversy in Pakistan*. Doctoral Dissertation, University of Stockholm, 1985. Очень основательная диссертация, исследующая вопрос особенностей исламской государственности.

Burman, Edward *The Assassins: Holy Killers of Islam*. London, Crucible, 1987. Это исследование измаилитской секты шиизма и особенно ордена профессиональных убийц в нем, в значительной степени самоубийц, ибо они шли на убийство во имя ислама и с готовностью умирали за него. Ее содержание относится в основном к следующей главе, но, поскольку была цитата из нее в тексте этой главы, мы включили ее в эту библиографию.

Chamieh, Jibril *Traditionalists, Militants and Liberals in Present Islam*. Montreal, the Research&Publishing House.

Очень живо написанная история ислама, начиная с описания быта бедуинов Аравийского полуострова до обращения в мусульманство в VII веке. Автор — по-видимому, сам мусульманин — не скрывает отрицательного отношения к фундаменталистам. Подчеркивая существование и либерального крыла в мусульманстве, он выражает надежду, что «...информация, представленная в книге, поможет исламским либералам сформулировать и распространить современную религиозную идеологию, которая омолодила бы ислам, привлекая к себе мусульманскую молодежь и противопоставляя ее регрессивной идеологии фундаменталистов». С этой целью автор особо выделяет те изречения из Корана, в которых положительно говорится о христианах, несколько затушевывая цитаты противоположного характера. Он обращает внимание читателя на примитивизм населения Аравийского полуострова в эпоху его обращения в ислам и на то, что интеллектуальное и культурное развитие арабов обязано главным образом встрече с Византией и ее христианской культурой по мере наступления арабских полчищ на Запад.

Choueiri, Youssef M. *Islamic Fundamentalism*. London, Pinter Publishers, 1990. О значимости этой небольшой книжки читатель мог уже догадаться по множеству ссылок на этого автора. Чуэйри блестяще анализирует и разъясняет феномен мусульманского фундаментализма, разделяя его на три подгруппы: возрожденчество XVIII века как попытка остановить

572

— 27. Ислам и тоталитаризм —

начало упадка Османского халифата посредством обращения к духовным основам ислама; реформизм XIX и начала XX века — попытка обновления мусульманского мира посредством подражания Западу и западным политическим течениям; радикализм нашего времени — то, что принято называть фундаментализмом, с терроризмом «Братьев-мусульман» и пр. Каждое из этих течений опирается на те или иные тексты Корана, причем фундаменталисты используют Коран в каче-

стве идеологии тоталитаризма нацистского типа. Esposito, John L. *The Islamic Threat: Myth or Reality?* Oxford University Press, 1995. Эспозито — ведущий американский авторитет в области политического ислама, ислама как политики. Как западный либерал он отрицает изначальную угрозу ислама западному миру, подчеркивает наличие в современном исламе либерально-демократических течений. Не преуменьшая значение исламского терроризма, он его как бы уравнивает не менее значительными, как он считает, мирными и эволюционистскими течениями в исламе. Исламский терроризм он считает отчасти реакцией на несправедливость западного империализма и колониализма в прошлом. Jansen, Johannes J. *The Dual Nature of Islamic Fundamentalism*. Cornell University Press, 1997. Автор считает исламский фундаментализм особенно опасным, поскольку «он является одновременно тотальной религией и тотальной политикой». Логика фундаменталистов следующая: «Правители нынешних мусульман являются ренегатами ислама, и законы, по которым они управляют, являются законами неверия. Долг мусульманина — установление исламского государства. Следовательно, долг мусульманина убивать предателей ислама, даже безоружных...». Так террор вменяется мусульманину-фундаменталисту в обязанность.

Lapidus, Ira M. *Contemporary Islamic Movements in Historical Perspective*. Berkeley, University of California Institute of International Relations. Краткий обзор современных исламских движений в контексте истории ислама. Учитывая краткость брошюры (количество страниц), это исключительно информативный справочник, составленный одним из крупнейших американских историков ислама. Moosa, Matti *Extremist Shiites. The Ghulat Sects*. Syracuse University Press, 1988. Подробнейшее исследование шиитской ветви ис-

— 27. Ислам и тоталитаризм —

573

лама со всеми ее сектами и различиями. Автор исключительно систематичен в изложении материала, строг в отношении хронологии, разъясняет многие трудно понимаемые и воспринимаемые места и события. Собственно, книга принадлежит к следующей главе, но поскольку мы были вынуждены кратко остановиться на шиитах, то решили включить книгу в библиографию этой главы.

Moussalli, Ahmad S. *Radical Islamic Fundamentalism: the Ideological and Political Discourse of Sayyid Qutb*. Beirut, The American University, 1992. Книга посвящена личности, мысли и деятельности одного из главных и наиболее радикальных мыслителей и вождей исламского фундаментализма — египтянина Кот-ба, казненного в 1966 году за участие в терактах «Братьев-мусульман», которых он возглавлял после казни его предшественника аль-Банна, и за то, что в своих писаниях он открыто призывал к убийству отступников ислама. Книга вводит читателя в мир современной радикальной мусульманской мысли. Автор подчеркивает новизну фундаментализма, ибо в историческом прошлом мусульманские законники выступали против мятежей и революций, призывая мусульман к подчинению победившему правителю (раз он победил, значит, это воля Божья). Теоретики же фундаментализма — от Маудуди до Котба — утверждают, что все посланники Аллаха были революционерами в этическом, политическом и экономическом смысле слова. «Революция в их толковании приобретает богословский и метафизический ... контекст ... становится [органической] частью ислама»²⁷.

Nuesse, Andrea *Muslim Palestine. The Ideology of Hamas*. Amsterdam, Harwood Academic Publishers, 1998. Если в предыдущей книге речь шла о творцах исламского фундаментализма, в этой книге молодой немецкий исламовед Андреа Нюссе анализирует идеи фундаменталистов в их практическом применении — воинственный палестинский *Хамас*. Она показывает, что на практике идеи Котба и Маудуди часто сильно отличаются от первоначальных высказываний их творцов. Так, несмотря на решительное осуждение демократии и национализма отцами фундаментализма, «Хамас» утверждает, что и то, и другое исконно свойственно мусульманству. Это по

²⁷ Указ, соч., с. 225.

574

— 27. Ислам и тоталитаризм —

преимуществу работа политологическая. Значительное внимание уделено арабо-израильским мирным переговорам и роли «Хамаса».

Piscatori, James, ed. *Islamic Fundamentalisms and the Gulf Crisis*. Chicago, American Academy of Arts and Sciences, *The Fundamentalism Project*. Это сборник из работ 9 специалистов по мусульманству и арабизму; 4 автора — арабы, остальные — арабисты различных западных стран. Все авторы — сотрудники научного центра по изучению исламского фундаментализма при Американской академии наук в Чикаго. Центральная тема книги — война в Персидском заливе и реакция на нее исламского мира. Хотя большинство арабских государств выступило против Саддама Хусейна, слова Саддама о том, почему от него требуют покинуть арабскую территорию (Кувейт), в то время как израильская оккупация Палестины считается в порядке вещей — эти слова вызвали всеобщее арабское одобрение и усилие антиамериканской реакции в арабском мире.

Robinson, Neal *Christ in Islam and Christianity. The Representation of Jesus in the Qur'an and the Classical*

Muslim Commentaries. London, Macmillan, 1991. Автор — британский профессор религиоведения вообще и ислама, в частности, исследует образ Христа в Коране и вообще в мусульманской традиции. Согласно ко-ранической традиции Бог периодически посылал на землю пророков, начиная с Адама и кончая Магометом. Христос согласно этой традиции был одним из самых великих пророков, уступая однако в значении Магомету, уникальное значение которого в том, что он был последним из пророков вплоть до конца летосчисления и Страшного суда, на котором Христос будет свидетелем обвинения против христиан, которых Коран (искажая троичность Бога в христианстве) упрекает в многобожии. Народ каждой религии мира предстанет перед судом со своим пророком — свидетелем обвинения. Автор указывает на разные толкования возникновения ислама. Так, согласно житию Магомета он был венчан христианским священником. И в Мекке, и Медине существовали христианские и иудейские общины, пока мусульмане их оттуда не выгнали (а большую часть перебили). Есть предположение, что Магомет был знаком только с несторианской и монофиситской ересями христианства, отрицавшими единосущность Христа Богу-Отцу и Его двуприродность.

— 27. Ислам и тоталитаризм —

575

Rodinson, Maxime *Islam and Capitalism*. Austin, University of Texas Press, 1981. Перевод с французского. Автор — французский марксист в области социально-экономического анализа (но не в области коммунистических политических систем). Книга рассматривает такие вопросы, как частная собственность и ее пределы в исламской традиции. Автор не в состоянии избавиться от идеологической предвзятости, связанной с его марксистскими убеждениями. Но в фактологическом отношении это весьма доскональное и авторитетное исследование.

Sidahmed, Abdel Salam and Ehteshami, Anoushiravan, eds. *Islamic Fundamentalism*. Boulder, Col., Westview Press, 1996. В этом сборнике под редакцией вышеназванных исламоведов собраны научные статьи 14 специалистов — как «этнических мусульман», так и западных исламоведов — по разным аспектам исламского фундаментализма. Преимущество таких сборников перед книгами одного автора в том, что читателю дается возможность ознакомиться с разными видениями проблемы. Естественно, статья обычно детально исследует какой-нибудь один аспект проблемы, нередко давая возможность читателю понять что-то, что могло бы остаться незамеченным и непонятым в обобщающем томе. Можно сказать, в монографии читатель познает лес, а а статья — отдельное дерево или два. Для настоящего познания предмета нужно то и другое.

Taheri, Amir *Holy Terror. The Inside Story of Islamic Terrorism*. London, Hutchinson, 1987. Исследование природы исламского терроризма. Автор предупреждает, с одной стороны, против отождествления ислама как такового с терроризмом, а с другой — против благодушно-либерального умаления этой проблемы. Он указывает на такие свойства ислама, которыми может оправдываться терроризм: «Царство ислама в отличие от Царства Христа должно осуществляться уже на этой земле и немедленно»; «Ислам не допускает понятия о религии как о частном деле личности»; страх Аллаха и угроза адского проклятия особо подчеркиваются в учении ислама. Цель ислама — захват и обращение в ислам всего мира. Ислам согласно учению фундаменталистов либо побеждает и подчиняет себе, либо терпит поражение, но не может мирно сосуществовать с неверными. Тахери замечает, что ни ирландским, ни южно-американским террористам в голову не придет выступать от имени Католической церкви, в то

576

— 27. Ислам и тоталитаризм —

время участник джихада убивает во имя Аллаха. В первую очередь террор направлен против исламских отступников, ибо надо сначала очистить свои ряды, а затем начинать борьбу за захват мира. Приводятся слова, приписываемые Магомету: «Убей непокорного до того, как он причинит вред тебе». Tibi, Bassam *The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Order*. University of California Press, 1998. Если Та-хери указывает на связи между фундаментализмом и мусульманством как таковым, его единоведец Тиби решительно заявляет: «Угрозой миру является не ислам, а исламский фундаментализм», который осуществляет «агрессивную политизацию религии во имя нерелигиозных целей». В противоположность этому он цитирует Коран: «В религии нет насилия». Тиби настаивает на разделении понятий «фундаментализм» и «экстремизм». Если фундаментализм — это политический ислам, то экстремизм — просто политическая диктатура тоталитарного типа, которая в целях политической конъюнктуры может оперировать и исламскими терминами, как это делали, например, Саддам Хусейн или Абдель Насер. Он предупреждает, что отождествление ислама с фундаментализмом только укрепляет ряды последних. Исламский фундаментализм в такой же степени против се-куляризма, как, например, индуистский фундаментализм, но с той разницей, что стремление индуизма к теократии ограничивается географическими пределами Индии, а исламский фундаментализм стремится завладеть всем миром. Ислам как религия наднациональная, составляя сегодня 20% всего человечества, представляет собой главный религиозный и культурологический вызов западной (постхристианской) цивилизации.

Глава 28 Шиизм и тоталитаризм

«Да ускорит Бог освобождение от страданий через воздвижение имама».

Молитва шиитов.

первые признаки разделения между суннитами (*аал ал-суипа ва ал-джамаа*, то есть народом обычая и общины) и теми, кого вскоре станут называть шиитами (то есть последователей Али — зятя Магомета) появились вскоре после смерти Магомета, когда, как говорилось в предыдущей главе, разгорелась фактически Гражданская война за власть.

Сунниты, а первоначально и будущие шииты, признавали халифат первых четырех имамов после смерти Магомета. Последним из них был Али, убитый в 680 году, которого сунниты признают четвертым и последним из «верно водимых» имамов, а шииты-двенадцатники — первым из 12 священных и непогрешимых имамов, придя к заключению, что все три его предшественника, — хотя они и были соратниками Магомета, — узурпаторы халифата. На вопрос о том, как же в этих условиях взаимных убийств и хаоса гражданских войн обрести Царство Небесное, спастись, эти две главные ветви ислама отреагировали по-разному. Сунниты пришли к заключению, что путь к спасению лежит через преданность и лояльность всех верных своей общине. Коль скоро община остается полностью верной распространению и соблюдению Закона (то есть *шариата*), ее спасение обеспечено вне зависимости от нравственных качеств глав общины (имамов, муджахидов, мулл — как бы они ни назывались). Шииты же, известные также под именем *алидов* (от Али), будучи большими индивидуалистами, отрицали за общиной роль

578

— 28. Шиизм и тоталитаризм •

всеспасительницы. Наблюдая значение индивидуальных качеств вождей воюющих между собой фракций, они пришли к выводу, что все решает харизматическая личность вождя. Харизматическим лидером был Магомет, владевший обоими мечами — физическим и духовным. Иными словами, для распространения ислама, обеспечения благополучия народа и духовного спасения нужен харизматический лидер. Но по какому признаку определять легитимность претендента на руководство народом Божьим? По признаку родства с покойным Пророком. И вот, в отличие от суннитов шииты решили, что ближайшим родственником был Али, приходившийся Магомету и племянником и мужем его дочери — Фатимы¹. Тут началось уже создание мифов о чудесах, связанных с Али и Фатимой, которая в разных шиитских *хадисах* перевоплощается то в Деву Марию, то в Еву, а Али — то в Адама, то во Христа. Али приписываются слова, которыми он то приравнивает себя к Богу, то называет Христа своим дядей. Основное направление шиитов даже признает своеобразную троицу: Бог-Отец, Бог-Дух, он же Христос, и Али (по другой версии — Бог, Магомет и Али) с той разницей, что в обоих вариантах последние два лица троицы являются твар-ными, сотворенными Богом в качестве Своих помощников. Как считают историки ислама, шииты почерпнули этот взгляд на Троицу от таких христианских ересей как ариане, которые отрицали божественную полноту во Христе, называли его богом с прописной буквы как одно из творений Бога-Отца, то есть допускали возможность существования или создания Богом и других таких богов. По-видимому, первых христиан арабы-мусульмане встретили в соседних Ираке и Персии. Это были в основном несториане, которые отрицали возможность рождения Бога от человека — женщины Марии, называя ее Христородицей вместо Богородицы, этим как бы намекая, что Христос обрел божественную при-

Отсюда Фатимидские халифы Египта с 909 по 1171 годы. Их связь с Фатимой чисто мифическая: они относили свое происхождение к Магомету ибн-Измаилу, после которого якобы было несколько сокровенных имамов, от которых якобы и произошла данная династия.

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

579

роду после рождения. Надо сказать, что в Персии, Средней Азии и на территории нынешнего Афганистана распространению ислама предшествовали, помимо христианства, буддизм и зороастризм (огнепоклонничество). Элементы зороастризма вошли в такие секты **Крайних**

шиитов, как *Носэй-риты*, *Шемсииты*, *Кемериты*, о чем свидетельствует их учение, что Али является источником утренней зари, создателем луны, и поэтому следует поклоняться солнцу. От буддизма шииты переняли веру в перевоплощение, что и отразилось на «перевоплощениях» Али, Магомета, Фатимы и пр. По их учению есть 7 категорий переселения душ:

Нэсх — переселение души в другое человеческое тело; **Мэсх** — переселение в тело животного; **Фэсх** — переселение в крупное растение; **Рэсх** — переселение в мелкое растение; **Вэсх** — переселение в грязь или мусор; **Кэшх** — переселение в высохшее растение или солому; **Кэшшеш** — переселение в насекомое. Ближе к перевоплощению по смыслу подходит древневосточное мистическое учение об *окультиции* — возможности человека по воле Божьей исчезнуть, как бы временно раствориться во Вселенной, что, несомненно, унаследовано от Буддизма с его идеей *нирваны*. Отсюда учение шиитов о Двенадцатом имаме², который якобы около 880 года в пятилетнем возрасте исчез из подвала в иракском городе Куфа, где он, по-видимому, находился под домашним арестом, поскольку царствовавшие тогда в Багдаде Аббасидские халифы (750— 945), как и их предшественники Омейяды, правившие с 661 до 750 годы страной со столицей в Дамаске, видели в духовных вождах шиитов, имамах-алидах, потенциальных соперников — кандидатов на халифский трон. Это подтверждается и тем, что почти все они погибли непосредственно или косвенно от руки халифов, Дамасских или Багдадских.

Читателю уже должно быть ясно, что в шиитских верованиях присутствует сильное влияние языческого пантеизма.

² А у *измаилитов* — одной из шиитских сект — таким же образом исчезает Седьмой по их счету имам, Измаил, также превращающийся в Сокровенного имама и будущего спасителя.

580

— **28. Шиизм и тоталитаризм** —

К последнему принадлежит вера и в переселение душ, и в окультицию, в которой якобы находится с 879 или 880 года Двенадцатый имам, который в 5-летнем возрасте перешел в окультицию — исчез из видимого мира, но, по вере шиитов, не умер. Он появится тогда, когда это будет угодно Богу, восстанет из небытия в качестве *Мехди*, то есть мессии-спасителя, и поведет свой народ на последний бой с силами зла; после чего восторжествуют мир, справедливость, всеобщее благополучие и счастье. В конце этого периода придет Христос, и состоится Страшный суд с последующим райским бытием. Тут мы видим явное, хотя и искаженное, влияние христианства и взятые из мистического Откровения Иоанна Богослова образы царства Зверя, борьбы с ним и торжества хилиастического (тысячелетнего) блаженства. Ясно, что и 12 имамов аналогичны 12 апостолам.

Влияние христианства на шиитские секты этим не ограничивается. Так, *носейриты*, например, отмечают многие христианские праздники, в том числе Рождество, Богоявление (Крещение Господне), Вербное воскресенье (Вход Господа в Иерусалим), дни Иоанна Крестителя, святых Варвары, Марии-Магдалины и пр. Есть у них и праздник воспоминания о Тайной Вечери с преломлением хлеба. Правда, в отличие от православных христиан вино они не смешивают с хлебом, а потребляют отдельно, и при этом в освященном вине, по их вере, символически присутствует бог Али. Этот обряд настолько серьезен, что, когда освящается вино для «тайной вечери», носейриты просят христиан, если таковые живут по соседству, удалиться на это время, чтобы не осквернить таинство. Как известно, в ортодоксальном мусульманстве потребление вина вообще запрещено, но не в указанных сектах шиитов. Шииты, однако, не приемлют реальность распятия Христа. На Него они распространяют свою веру в окультицию. Так, в одной из их молитв есть такие слова:

«Молю Тебя, Господи, знанием и пониманием, основанным на священных чудесах ... священных мира и духа, проявившихся в Иисусе ... который явился как Господь, был вознесен ... и был сокрыт в пеленах во время распинания на кресте... Я молю Тебя празднованием Пасхи и Вознесения Иисуса на небеса, анафемами, провозглашенными христи-

— **28. Шиизм и тоталитаризм** —

581

анской православной верой, именем Богоявления и обрызгивания водой, связанной с Богоявлением, и самым глубоким таинством Рождественского сочельника, чтобы в согласии с

[этими праздниками] Ты очистил сердца Твоих святых огнем и духом...».³

Есть мнение, что носейриты и прочие близкие им секты — потомки христиан, обращенных в Средние века в мусульманство под религиозным, политическим и экономическим давлением исламского халифата, облагавшего христиан дополнительным тяжелым налогом, который многим, особенно крестьянам, был не под силу.

Сунниты по-разному относятся к шиитам. VIII-X веках они обвиняют шиитов в антропоморфизме — присвоении Богу человеческих характеристик и даже слабостей, утверждавших якобы, что грехи и преступления совершаются по воле Божьей (а не по попустительству человека, как считают христиане). Шейх ибн-Таймия в XIV веке называл шиитов ббль-шими врагами мусульманства, чем христиане и иудеи. Однако большинство суннитских авторов с XII до XX века признают мусульманами не только шиитов, но и такие их крайние секты, как алавиты со своими подсектами. По-видимому, со временем шииты попали под ббльшее влияние суннитов, отрицающих схожесть человек с Богом, и шиитские богословы XVIII—XIX веков (например, шейх Ахмед аль-Ахсеи и его школа) утверждают совершенно обратное антропоморфизму. Для понимания чего-либо необходима схожесть познавателя с познаваемым. Таковой, утверждают шииты, нет между Богом и человеком, поэтому Бог совершенно непознаваем⁴. Казалось бы, это противоречит их доктрине оккультации и обожествления Али, как и всему учению об архитипах и промежуточных мирах.

«Между физическим и духовным мирами, — учил шейх Ахмад, — существует мир архитипных образов, который в ортодоксальной исламской эсхатологии называется *берзех* (чистилище). Всему, что происходит в физическом мире, есть

Опять зороастровский огонь!

Момен *Указ, соч.*, с. 226. А как насчет создания человека Богом «по образу и подобию Своему»?

582

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

двойник в мире архитипных образов. Каждый человек обладает двумя телами: одно в физическом мире, другое в берсе-хе. Сокровенный, но живой, Двенадцатый имам и города, в которых он проживает, находятся в *берзехе*»,

Как указывает Момен, согласно шейху Ахмаду «Сокровенный имам находится не в каком-то укровище на земле, но в мире архитипных образов. Прямое физическое соприкосновение с ним невозможно, но он может направлять истинно ищущего верующего на путь познания божественных тайн»⁵.

На протяжении почти всей своей истории шииты были в той или иной степени притесняемым меньшинством в странах, управляемых суннитами, за исключением Персии (Ирана), где в X—XI веках правила иранская шиитская династия Бойидов, которую сбросил и турки-сельджуки, захватившие весь район от Средней Азии до восточной Анатолии и Сирии во второй половине XI века, что было ударом для шиитов. Постепенно, однако, положение менялось в их пользу.

Режим сельджуков становился терпимее по отношению к шиитам, шиитская улема активизировалась в области апологетической литературы и проповеди, а в Ираке и Сирии эмирами были шииты. Только в начале XVI века к власти в Персии приходит туркменская династия Сефевидов, исповедовавшая смесь шаманизма с шиизмом. Будучи иноплеменниками, Сефевиды поняли, что им необходимо принять господствующую религию, чтобы ассимилироваться и быть принятыми иранцами. Так они избрали шиизм «двенадцатников», который был гораздо ближе к суннизму, чем туркменская версия шиизма и чем различные секты Крайнего шиизма. К тому времени от первоначального шиизма в Персии осталось очень мало. Сефевидскому правительству пришлось выписывать арабских богословов, чтобы возродить «чистый» ислам в стране. Только к концу XVI века в царствование шаха Аббаса шиизм прочно становится национальной религией Персии, включая Ирак и Азербайджан. Тогда же устанавливаются границы между Персией, с одной стороны, и Афганистаном и Турцией, с другой, которые в основном сохра-

- 'Момен *Указ, соч.*, с. 227.

• 28. Шиизм и тоталитаризм —

583

няются по сей день. Это границы не по национальному признаку, а по религиозному — между шиитами и суннитами. Почти во всем остальном мусульманском мире шиизм остается в меньшинстве, часто преследуемом, а в Османской империи XVI века даже физически уничтожаемом. Это положение развило в поведении шиитов традицию сокрытия своих убеждений и особенностей своей религии. В отдельных сектах шиизма, например у алавитов-носейритов, используется тактика **диссимуляции**. Так, попав в среду суннитов, они подделываются под них, выдают себя за суннитов и симулируют совместную молитву с ними в мечети, но, проделывая все необходимые внешние действия, про себя они вместо произнесения положенных суннитских молитв просят у Бога проклятий на суннитов. Другой характерной чертой коллективного поведения шиитов, вызванной их историческими судьбами,⁶ является шараханье между двумя крайностями — от фаталистического квиетизма до революционных взрывов и мятежей. Пример тому — восстание 1977—1979 годов, приведшее аятолла к реальной власти в Иране.

Самым ранним восстанием шиитов, вероятно, надо считать мятеж против тирании Омейядов 747 года, которым воспользовались Аббасиды, став во главе Дамасского халифата и установив тираническую власть, от которой шиитской умме было не слаще, чем при Омейядских халифах. Затем было много других. Некоторый конфуз в мире шиитов был в отношении дат восстания Мехди, который должен положить конец испытательному сроку шиитов, осуществить «светлое будущее». Согласно **Пятому** имаму аль-Бекиру имам Али говорил, что этот рай земной должен был наступить через 70 лет. Неосуществление этой мечты ал-Бекир объяснял Божьим наказанием за убийство аль-Гусейна (сына Али, в день предполагаемой годовщины которого шииты по сей день устраивают процессии самоистязания), в результате чего Бог скрыл день, когда восстанет Мехди.

Согласно шиизму мир не может существовать без имамов, и оккультация (сокровение) имама Мехди совсем не означа-

⁶ Характерно отражает это положение шиитов следующая молитва: «Да ускорит Бог освобождение от страданий через воздвижение имама [Мехди].

584

— 28. Шиизм и тоталитаризм •

ет его полного исчезновения. От его имени правят его представители или ставленники, тоже именующиеся имамами, непогрешимыми и безгрешными. Мы уже видели, что шииты не признают выборного начала. Откуда тогда берутся имамы? Их назначают их предшественники из числа своих учеников, духовно направляемые в своем выборе сокровенным имамом Мехди. Через них всем миром правит невидимый Двенадцатый имам Мехди. Имамы — муджтахиды, то есть знатоки шариата, будучи воплощением веры, не только знают Закон, но через них миром управляет невидимый Мехди. «В каждом поколении, — пишет исламовед Муса, — один, самый авторитетный, имам правит всей мировой шиитской общиной от имени Мехди, и подавляющее большинство шиитов верит в то, что таким голосом невидимого имама являлся до своей смерти аятолла Хомейни, а после него — назначенный им преемник-аятолла, что в переводе значит **знак Божий**»⁷.

Шииты и политика: шииты, современный мир и Хомейни

В классическом исламе нет иерархии духовенства. В восточно-арабском мире существует градация между муллами и имамами. Муллы — это малообразованные, а часто почти неграмотные священнослужители, проводящие моления в мелких сельских или частных мечетях, знающие только ритуал молений и их тексты, а имамы, как правило, обладают не менее, чем средним духовным образованием, выпускники медресе, а то и высших богословских школ, служат в больших городских мечетях, преподают ислам в школах и университетах, состоят в улемах — духовных советах. В общем, если первых можно сравнить с нашими сельскими батюшками, то имамов — с епископами. Однако в этой структуре в отличие от христианской нет иерархического подчинения. Муллы и имамы существуют сами по себе. Фактически любой грамотный мусульманин, знающий мусульманские молитвенные законы и имеющий представление об учении Корана, имеет право стать во главе мечети или открыть свою мечеть и в ней руководить всем религиозным обиходом. У западных ара-

⁷ Муса Указ, соч., с. 98.

бов (*Магреб*) нет и такого различия. Имам — это и сельский начетчик,⁸ и глава улемы. Некоторые намеки на иерархичность «духовенства» существуют у шиитов, особенно в Иране с его аятоллами. Но это исключение.

Попытка централизовать мусульманскую духовную организацию с неизбежной иерархичностью — главная улема в столице, затем областные духовные управления и т.д. — характерна для XX века с появлением и развитием централизованных мусульманских государств. Характерно, что только в Иране инициатива создания иерархической структуры ислама исходит от духовенства. В остальных странах (в том числе в Советском Союзе и в постсоветской России) инициатива структуризации ислама исходит от правительств этих стран: сильной государственной власти легче иметь дело с централизованной религиозной организацией, в которой руководство отвечает перед государственной властью за действия и поведение всех организаций и молитвенных групп данного исповедания, чем с разрозненным конгломератом молитвенных ячеек, разбросанных по всей стране и ответственных только перед Богом.

Естественно, что в этом процессе иерархизации и централизации религиозных организаций цели духовного руководства радикально отличаются от целей правительства. Там, где инициатива исходит от духовенства (будем этим словом называть и исламских законников — имамов), преследуется теократическая цель. Там, где инициатором является государство, преследуется цель огосударствления религии, подчинения ее государству и исполнения религией государственных задач. Оливье Руа считает, что политический (суннитский) ислам проиграл борьбу за власть с государством, не сумел нигде построить подлинно теократическое государство, поскольку ни одно мусульманское государство, кроме современного Ирана, никогда не возглавлялось мусульманским духовенством. А государство запросто расправлялось с негодными ему и слишком влиятельными муджтахидами и

⁸ Поскольку у мусульман нет таинства рукоположения духовенства, то, пожалуй, правильнее было бы проводить параллель между сельскими муллами и начетчиками старообрядцев-беспоповцев.

586

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

имамами. Даже в первые десятилетия XX века немало их было казнено за критику шаха и его политики. Не имея иерархической структуры и не делая разницы между «мусульманским» государством, «мусульманской» нацией и мусульманской религией, вожди ислама не заметили, что не они управляют государством, а государство ими. При отсутствии у мусульман организации как таковой все «заклинивается» на личностях и разрозненных мусульманских общинах (уммах). Руа указывает на «нищету исламской мысли по вопросам политических институтов, что поразительно, учитывая то значение, которое ислам придает политике», тем более, что такие ведущие идеологи ислама XX века как Маудуди, Ахмед и др. подчеркивают, что «мусульманину невозможно успешно вести исламский образ жизни в государстве с неисламским образом власти». Правда, и при власти, которую исламские идеологи признают исламской, например, при власти Сефе-видов, глава иранского духовенства, *садр*, был придворным чиновником, и улема была придворным учреждением, подчиненным правительству. А вопрос, каким должно быть исламское государство в современном мире, остается без ответа, поскольку в положительном смысле эта тема не разработана (за исключением, быть может, требования соблюдать законы шариата, в том числе ампутацию конечностей, запарывание осужденных до полусмерти и самое широкое применение смертной казни). Идеологи мусульманского фундаментализма отказываются признавать подлинно мусульманскими почти все правительства мусульманских стран нашего времени. Тут следует признать прямо-таки революционный сдвиг, совершенный в Иране Хомейни. По словам Руа, он «впервые определил условия власти мусульманского духовенства в государстве». Правда, у феномена Хомейни есть некоторая предыстория. Как и в истории русского православия, так и в Иране политическая роль и власть религии в стране обратно пропорциональна силе государственной власти. Так, политизация иранского шиитского духовенства начинается в конце XIX века с ослаблением Каджарской династии шахиншахов в связи разделением Ирана (Персии) на сферы влия-

⁹ Roy, Olivier *The Failure of Political Islam*, p. 60-61.

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

587

ния между Великобританией и Россией, против чего раздался голос протеста со стороны

шиитского духовенства. В 1891 году аятолла Ширази протестует против британской табачной монополии. В 1906 году большинство членов улемы активно участвует в конституционном движении Ирана и Ирака, очевидно, надеясь, что национальный парламент окажется оперативнее в защите национальных интересов, чем безвольные шахи. После Первой мировой войны и до 1978 года включительно шиитское духовенство стоит во главе борьбы против западных монополий, против невыгодных для Ирана условий британской нефтяной концессии и т. д.

Победа конституционалистов в 1909 году заставила последнего шаха Кажарской династии Магомета Али отречься от престола, и в стране была создана своеобразная теократическая республика, в которой все решения парламента требовали одобрения комитета пяти муджтехидов. Шиизм «двенадцатников» провозглашен государственной религией. Противники конституционализма были казнены, в том числе один из шиитских авторитетов шейх Нури, реабилитированный Хомейни в 1979 году за его защиту шариата. Но в 1923 году к власти пришел Рида-хан Пехлеви, двумя годами позднее провозгласивший себя шахиншахом. Для него образцом был Ататюрк, следуя примеру которого, он запретил женщинам носить чадру и паранджу, ввел солнечный календарь вместо лунного, открыл первый в стране гражданский университет по западному образцу и начал создавать сеть гражданской системы среднего образования. После свержения Риды-шаха Великобританией и Советским Союзом в 1941 году из-за его прогерманской ориентации, на трон был возведен его сын Магомет Реза-шах, который продолжал реформы западного образца, правда, уступив традиционалистам в том, что разрешил ношение паранджи и чадры, восстановил *Рам-дан*. Однако он явно вел европейский образ жизни, показывал свое, в лучшем случае, безразличие к исламу.

Новая вспышка панисламизма в исламском мире явилась как реакция на секуляризм и государственный национализм шаха Ирана и египетского правительства .

В 1959 году ректор самого авторитетного суннитского богословского научного учреждения — Каирского университе-

588

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

та Аль-Ажар — выпустил *фатву*, признавшую шиизм двенадцатников легитимным исламским законом.

В 1961 году умер самый авторитетный аятолла Ирана, Бу-руджирди. Пользуясь междувластием в улемах, шах совершил государственный переворот: распустил парламент и отменил парламентские выборы. В 1963 году начал свою *Белую революцию*, включавшую в себя земельную реформу с выделением средств на модернизацию крестьянских хозяйств за счет некоторых отчислений из налогов на помещиков; поддержку частного предпринимательства и рыночной экономики; создание широкой сети государственных школ, медпунктов в селах и городах и прочих реформ. Отрицательная сторона этих реформ была в политическом режиме жесткой диктатуры, предоставлении почти неограниченных прав органам безопасности (*САВАК*), применявших жуткие пытки, широком применении смертной казни как официальной, так и неофициальной, исчезновении оппонентов режима шаха. Среди таковых был и сын Хомейни, предположительно уничтоженный САВАКом.

Шах делал упор на иранский национализм вместо исламского интернационализма. Апофеозом этого направления было торжественное празднование мифического 2500-летия Персидской империи в 1971 году с возведением для этой цели макета воображаемой древней столицы Персиды — Перси-полиса. Трата миллиардов долларов на это празднование в стране с преобладанием полунищего населения была бестактным и фатальным вызовом и левым, и правым кругам страны. Пропаганда левых делала упор на социальную несправедливость и возмутительность такого расточительства, пропаганда правых обвиняла шаха в его чуждости и враждебности религиозной культуре страны. Так, это торжество явилось лебединой песней последнего шаха из династии Пехлеви.

Но первыми действиями, приведшими к революции 1978-1979 годов, были бурные демонстрации 1962-1963 годов против секуляризационной политики шаха, организованные руководителями улемы, на что шах ответил арестом четырех аятолл, в том числе, самых авторитетных и популярных аятолл Шериатмедери и Хомейни. Последний отличался осо-

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

589

бенно резкими нападками на шаха, чем завоевал себе сразу колоссальную популярность в

народе. Между прочим, первое открытое письмо с критикой безнравственности государственной жизни, исходящей от Пехлеви, написанное Хомейни, относится еще к 1944 году. В 1963 году Хомейни был приговорен к смертной казни, от которой он был спасен остальными аятоллами, провозгласившими Хомейни аятоллой **аль-Озма**, то есть величайшим знаком Божиим. Духовного вождя с таким уникальным титулом шах казнить не решился и выслал его за рубеж. С тех пор и до переворота 1979 года Хомейни вел из-за границы бескомпромиссную пропаганду против шаха. В течение следующих полутора десятилетий его статьи и листовки ходили по рукам (иранский «самиздат»), а портреты постоянно появлялись на стенах и заборах по всей стране. В этот период шах разворачивает свои реформы, а к концу своей власти пытается остановить революционный процесс некоторыми уступками населению — отменой или сокращением практики пыток, освобождением значительной части политзаключенных, некоторыми послаблениями цензуры, «приручением» части улемы. Одновременно он начинает создавать религиозную структуру, независимую от улемы, подчиненную государственной бюрократии. Также шах ведет переговоры с исламскими кругами о реформировании улемы. В духе реформ Петра Великого и Прокоповича шах находит двух послушных себе муджахидов — аятоллу Мехдеви и Аллема Вехиди. Параллельно с медресе и сельскими школами улемы шах создает *Корпус грамотности Белой революции*, чьи сотрудники преподавают в народных школах версию шиизма, угодную шаху. В исламских кругах в это время обсуждались вопросы осовременивания улемы с тем, чтобы она стала способна противостоять проникновению в исламскую культуру западного материализма. Оппозиционная шаху часть улемы в это время развивала подпольную подрывную деятельность против режима шаха. В 1977 году возродился *Национальный фронт*, который возглавлял в 1950-х годах Мосаддек, протестовавший против невыгодных для Ирана условий концессий британских нефтяных компаний — их налоги британскому правительству значительно превышали суммы вып-

590

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

лат Ирану за выкачивание и продажу его нефти! Открытое письмо Национального фронта шаху, резко осуждавшее его методы управления и, особенно вопиющие нарушения прав человека, стало одним из самых влиятельных и зажигательных документов «самиздата». Шах настроил против себя всех, и революционное движение 1970-х годов объединяло так называемую религиозную оппозицию, которая состояла как из лиц, получивших образование в традиционных шиитских школах, так и из тех, кто получил современное секулярное образование западного типа в Иране или на Западе, выражавших в исламской терминологии вполне современные взгляды, а также леволиберальных ветеранов Национального фронта, социалистически настроенных студентов, начитавшихся Маркса, Ленина, Мао и Режиса Дебре и даже подпольных боевиков, делившихся на исламских муджахедов и боевиков коммунистической партии Тудэ. После опубликования в Париже осенью 1978 года руководителем Народного фронта Санджаби и аятоллой Хомейни совместного заявления о том, что основными принципами движения являются ислам и демократия, Хомейни был признан вождем этой пестрой коалиции.

Правительство пыталось дискредитировать Хомейни, называя его в своей пропаганде 1978 года агентом колониальных держав, пришельцем из Индии, якобы подкупленным британским правительством, чтобы подорвать правительство шаха и привести страну к катастрофе. Но правительство шаха было слишком непопулярно, а авторитет Хомейни — слишком высок, чтобы эта пропаганда имела какое-либо воздействие, кроме отрицательного, для самого же правительства.

Разочарование наступило после изгнания шаха в январе и прихода Хомейни к власти в феврале 1979 года, когда он отказался включить слово «демократия» и в название иранского государства, и в конституцию под предлогом того, что «демократия» — западное понятие, чуждое исламу. Но дело не только в словах. Придя к власти, Хомейни установил жесткую диктатуру с пытками и расстрелами. В 1984 году по его приказу было расстреляно 95 членов шиитской улемы за то, что они сотрудничали с режимом шаха. К 1986 году около двух миллионов иранцев, то есть 5% населения, преврати-

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

лись в беженцев в странах Запада, а если считать, что это была почти сплошь интеллигенция, которая и так является очень небольшой группой в населении страны, то, вероятно, можно считать, что бежало из страны более половины представителей среднего класса. Террор преданной ему *Партии Аллаха* Хомейни оправдывал следующими словами:

«Неверным жить — значит допускать их дальнейшую развращающую деятельность... Если мы убиваем неверных, чтобы положить конец их разлагающим действиям, то [этим] мы делаем им услугу, облегчая им окончательное наказание... Их убийство — это хирургическая операция, исполняемая по велению Аллаха... Тем, кто следует законам Корана, ясно, что мы обязаны применять законы возмездия и должны убивать... Война — благословение миру и каждому народу. Сам Аллах приказывает воевать и убивать. Коран указывает: "Воюй до тех пор, пока не будут полностью ликвидированы разврат и непослушание [божественному закону]"».¹⁰

Итак, Хомейни создал своеобразное теократическое государство. А как насчет его легитимности? Дело в том, что согласно шиитам-имамитам не может быть на земле полностью легитимного правительства, пока Двенадцатый имам находится в сокрытии (в отраженном мире). Все правительства в этих условиях носят временный характер, все они узурпаторы, делящиеся лишь на узурпаторов добрых и недобрых. Однако с победой исламской революции в Иране и приходом к власти Хомейни большинство шиитов считает его подлинным **Викарием имама Махди**. С ним как бы закончилась эпоха узурпаторов. Таким образом, в шиизме вопрос власти является не только политическим, но и религиозным вопросом¹¹. Хотя, согласно исламу не может быть исламского общества вне исламского государства. Сунниты так и не сумели определить, каковым, собственно, должно быть исламское государство, кто вправе определить это понятие и добиться того, чтобы оно стало общепринятым в исламском мире. Для шиизма

¹⁰ Taheri *Holy Terror*. P. 113.

¹¹ Mozaffari, Mehdi «Islamism in Algeria and Iran», in *Islamic Fundamentalism*. Sidahmed, Abdel&Anoushiravan, Ehteshami, eds. P. 237.

Т

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

тов Хомейни нашел ответ на этот вопрос. Поскольку в шиизме в отличие от суннизма существует высшая духовная власть в лице главного аятоллы, ему должна быть подчинена и государственная власть. На языке Хомейни это **власть «доктора» шариатского закона**, что напоминает учение Платона относительно власти философов или Жан-Жака Руссо с его властью мудрецов.

Историческая практика показывает, что это рецепт абсолютного тоталитаризма: отрицание свободы личности, полное ее подчинение авторитету, установленному сверху, и все во имя утопии — царства сокровенного имама и земного рая, который он якобы возведет. XX век дает достаточно примеров, как «земной рай» оборачивается адом.

Аннотированная библиография

Burman, Edward *The Assassins. Holy Killers of Islam*. London, Crucible, 1987. История ордена убийц или самоубийц в Седь-мишной секте шиизма. Это был особый орден джихада в первоначальном значении этого слова, а именно в готовности принести себя в жертву во имя ислама (вернее, данного течения), причем исход этой жертвы в виде собственной гибели или в виде убийства по заказу имама не был обязательно связан с прямой целью победы: главное — быть готовым погибнуть во имя Аллаха, а реальный результат — дело второстепенное. Легко протянуть ниточку логического развития от этого ордена убийц к сегодняшним мусульманским «камакадзе», погибающим вместе со своими жертвами. Автор раскрывает связи, даже сотрудничество и взаимовлияние деятелей этого странного ордена с рыцарскими орденами времен Крестовых походов X—XII столетий. Орден этот назывался *хашиши* (быть может, это название связано с одурманиванием себя гашишем для обретения смелости в совершении «мокрых дел»). От этого слова произошло французское слово *assassin*, то есть убийца.

Cole, Juan R. and Keddie, Nikki R., eds. *Shi'ism and Social Protest*. Yale University Press, 1986. Сборник

научных докладов 11 специалистов по шиизму. Для нашей темы наибольший интерес представляет статья Ричарда Коттама «Иранская революция», по-

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

593

сколько автор сравнивает революцию и режим Хомейни с европейским фашизмом, гитлеровским нацизмом и фашизмом Перона (*Frontajusticialista*) в Аргентине 1940-1950 годов.

Halawi, Majed *A Lebanon Defied. Muja al-Sadr and the Shi 'a Community*. Boulder, CO, Westview Press.

Доскональное исследование истории и нынешнего положения шиизма в многонациональном и полирелигиозном Ливане. К нашей теме имеет косвенное отношение, поскольку герой книги, духовный вождь самой большой религиозной группы Ливана Муса аль-Садр, предательски убитый по приказу Кадафи во время его визита в Ливию, был родом из Ирака, и его деятельность была неразрывно связана с шиизмом Ирана и Ирака.

Halm, Heinz *Shiism*. Edinburgh University Press, 1991. Краткая, но по-немецки добросовестная в научном смысле история шиизма от Али до 1990 года, с колоссальной библиографией. Автор отвергает распространенное среди суннитов обвинение шиитов в монгольском нашествии в Иран и соседние арабские земли. Вопрос нашествия решался Богдыханом, а не шиитами. Однако Аббасидские халифы так жестоко эксплуатировали и притесняли шиитов, что отдельные шииты содействовали свержению Аббасидов монголами, режим которых оказался мягче аббасидского там, где шииты не оказывали им сопротивления. А.В.Карташев «Вселенские соборы». М., Республика, 1994. В этой работе знаменитого церковного историка подробно рассматриваются и объясняются ранние ереси, в том числе, ари-ане и несториане.

N.R. Keddie *Roots of Revolution: an Interpretive History of Modern Iran*. Yale University Press, 1981. Заглавие книги говорит само за себя: «Толковая история современного Ирана». После краткого исторического обзора истории Персии до XIX века автор излагает историю и судьбу Персии/Ирана последних двух столетий с особенно подробным анализом переворота Хомейни и его источников, как и источников антизападных настроений в Иране, в чем он обвиняет колониальные державы, особенно Великобританию и, отчасти, дореволюционную Россию. Интересен его анализ шиизма как религиозно-политической доктрины.

Kramer, Martin, ed. *Shi'ism, Resistance and Revolution*. Boulder, CO, Westview Press, 1987. Сборник научных докладов 16 авторов под такими рубриками как: «Шиизм, Ислам и Запад», «Иран:

594

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

шиизм и революция», «Ирак и Персидский залив: между шиизмом и арабизмом», «Ливан и Сирия: протест обездоленных», «Южная Азия: шиитские рубежи». В последней рубрике рассматриваются Иранская революция и афганское сопротивление Советскому Союзу, шиитское меньшинство в Пакистане и шииты в Индии.

«Мифы народов мира», в *Энциклопедия*. Ред. С.А.Токарев. М., 1992. Статьи о буддизме, нерване и пр.

Momen, Moojan *An Introduction to Shi'ism*. Yale University Press, 1985. Подробнейшее исследование шиизма, в первую очередь главного течения, так называемых «двенадцатников». Рассматриваются также секты так называемых «Крайних шиитов», как то: «седемьерики — измаилиты», алавиты и пр. Книга написана с явной симпатией к исследуемому предмету. Автор, по-видимому, сам происходит из шиитской среды или по крайней мере из того географического района, чувствуется понимание шиитов изнутри.

Moosa, Matti *Extremist Shiites. The Ghulat Sects*. Syracuse University Press, 1988. См. библиографию к предыдущей главе.

Roy, Olivier *The Failure of Political Islam* (перевод с французского). Harvard University Press, 1994. Тема книги ограничена анализом вопроса, что такое мусульманская государственность. Автор утверждает, что, во всяком случае, сунниты, даже крайние фундаменталисты, до сих пор не нашли ответа на этот вопрос. Не имея централизованной и иерархической структуры, политический ислам суннитов не состоялся в отличие от теократии муджтахидов в шиитском Иране Хомейни.

Taheri, Amir *Holy Terror. The Inside Story of Islamic Terrorism*. London, Hutchinsons, 1987. См. библиографию к предыдущей главе.

Tibi, Bassam *The Challenge of Fundamentalism: Political Islam and the New World Order*. University of California Press, 1998. См. библиографию к предыдущей главе.

Sachedina, Abdulaziz Abdulhussein *Islamic Messianism: the Idea of Mahdi in Twelver Shi 'ism*. State University of New York Press, 1981. Подробное изложение шиитского мистицизма, проистекающего из мифа о сокровенном имаме-спасителе, его эсхатологического мессианства, апокалиптического хилиазма.

Sidahmed, Sidahmed, Abdel Salam and Ehteshami, Anoushiravan, eds. *Islamic Fundamentalism*. Boulder, CO, Westview Press, 1996. См. библиографию к предыдущей главе.

— 28. Шиизм и тоталитаризм —

595

Zubaida, Sami *Islam, the People and the State*. London, Routledge, 1989. Эта небольшая книга состоит из 6

глав-докладов автора об идеологических течениях в современном мусульманстве. Автор отвергает теорию, ставшую на Западе особенно модной после революции Хомейни, о том, что исламский фундаментализм и милитаризм «доказали», что ислам по своей природе отличен от европейских культуры и религии и «непробиваем» прививками европейских культуры и политики. Автор берется доказать, что современные мусульманские движения и идеи в своей основе **современны**, и даже, отрицая «чужеродный импорт с Запада», они «опираются на модели и предположения, на которых основываются современные государства-нации».

Глава 29

Мусульманский тоталитаризм афганского Талибана

«Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее».

Еккл 3:15.

Афганистан — многоплеменное государство, исторически переплетающееся с Ираном и с племенами Средней Азии. Однако среди девяти главных его племен ни одно не зовется афганцами, и происхождение этого названия неясно. Около 15% населения страны — шииты. Сплошным шиитским племенем Афганистана являются *хазара* — племя монгольского происхождения, живущее в наименее проходимой высокогорной части Центрального Афганистана, считается одним из самых бедных и отсталых племен страны. Господствующее племя страны — пуштуны — использовали их в качестве рабов и дешевой наемной рабочей силы. Почти все остальное население исповедует афганскую разновидность суннизма. Название «Афганистан», применяемое к большой территории, включавшей в себя современный Афганистан и значительные территории, ныне принадлежащие Ирану, Пакистану, Туркмении, Узбекистану и Таджикистану, появляется в литературе, относящейся к XIV веку. Культурный расцвет мусульманской эры Афганистана, как и остальной Средней Азии, относится к Тимуридской эпохе XV-XVI столетий. Между XVI и XVIII столетиями афганского государства не существовало: оно было поделено между Могольской империей Индии и Сафавидской империей Ирана. Несколько самостоя-

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

597

тельных афганских княжеств появляется на базе племенных конфедераций около 1709 года. Самые крупные из них — княжество пуштунской конфедерации Абдали со столицей в Герате и Гильзайское княжество со столицей в Кандагаре. В 1747 году правящий князь из рода Абдали Ахмед-шах Дуррани¹, родоначальник династии Дуррани, объединяет страну в то, что принято называть Афганской империей. С тех пор идет соперничество между этой и гильзайской династиями за владение Афганистаном. Обе династии — пуштуны, которые являются фактически правящим племенем Афганистана, составляя около 50% населения страны. Государство Ахмед-шаха охватывало помимо нынешнего Афганистана значительные территории Ирана и Средней Азии, весь нынешний Пакистан, Кашмир и Северо-западную Индию вплоть до города Дели, который платил ему дань. В своих походах он освободил мусульманского Могола — императора Индии и восстановил его на престоле. Правил он своими пуштунами как племенной вождь, избранный лойа-джиргой, то есть съездом племенных старейшин, до конца продолжая считаться с ними и с их постановлениями. Остальными народами Афганистана он управлял как восточный деспот-покоритель. Сын Ахмед-шаха, Тимур-шах, в 1773 году перенес столицу в Кабул, на окраину пуштунских племен, чтобы не зависеть от них и их традиционных структур, ограничивавших власть **своего** правителя.

Афганистан Дурранитов был типичным мусульманским государством в стиле Османской Турции, Мавританских государств и прочих, живших военной экспансией и наживой от военных захватов. Поскольку наследники Ахмед-шаха не обладали его военными талантами, Афганская империя начала распадаться уже в конце XVIII века. Этому содействовали и следующие факторы: отсутствие четких границ мусульманских государств и усилившаяся консолидация британских владений в Индии, в результате которой Афганистан лишился своих территорий в Индии, Кашмире и приморском Балучистане.

На пороге XIX века начался распад Афганистана на отдельные княжества в результате династических споров двух

Что переводится как «жемчуг эпохи».

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

ветвей Дурранитов. В 1837 году с благословения русского правительства с запада начали наступать персы, что взволновало Великобританию, опасавшуюся, что через Персию русские проникнут в Афганистан и доберутся до Персидского залива. В союзе с англичанами был заинтересован эмир Дост Магомет, который владел Кабулом и частью Афганистана. Появление в Кабуле в 1830-е годы представителя российского правительства еще больше обеспокоило англичан, которые в 1839 году решили вторгнуться в Афганистан и восстановить на престоле сына Тимур-шаха Шую. Но афганцы его не признали, что и привело к первой Англо-афганской войне 1839-1842 годов. Как и в попытке СССР в 1979 году завладеть Афганистаном, так и при угрозе британского захвата страны афганцы показали свою способность объединяться перед лицом общего и «неверного» врага. Учитывая мощь англичан и крайне примитивное вооружение афганцев, окончание этой первой англо-афганской войны следует считать победой Афганистана: англичане были вынуждены отступить с большими потерями и восстановить независимого Дост Магомета на престоле, сумевшего объединить под своей властью весь Афганистан в почти современных нам границах. В 1873 году было заключено соглашение между Великобританией и Россией о разделении сфер влияния в Средней Азии, по которому крайней южной границей российского влияния была признана река Амударья. Афганцев никто не спрашивал, согласны ли они на фактический контроль их страны англичанами. В 1879 году прибывший в Кабул британский резидент был убит; англичане использовали это убийство в качестве предлога для начала новой войны против Афганистана, окончившейся Гандамакским миром 1880 года, на который афганцы пошли по совету России, несмотря на то, что в решающей битве 1880 года они одержали полную победу над англичанами. В свою очередь, англичане согласились на то, чтобы новым эмиром Афганистана стал Абдуррахман, изгнанный в свое время англичанами за сопротивление их резиденту и затем проведенный 11 лет в изгнании в России. По этому миру Афганистан сохранял за собой внутреннюю независимость, но ведение внешней политики передавалось англичанам.

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

599

По-настоящему единым государством Афганистан никогда не был, разве что при сопротивлении общему врагу. Это очень неопределенный и непрочный союз племен. Шах (король) или эмир управлял страной посредством консультаций со старейшинами главных 9 племен страны. Но по отношению ко всем племенам, кроме пуштунов, он действовал как завоеватель: все они, кроме пуштунов, платили королевской администрации дань, на которую содержались правительство и вооруженные силы. Законодательством страны был *пуштунвали* (закон пуштунов), согласно которому благодать Аллаха нисходит на афганцев через пуштунов, как и все его добродетели.

Но, по-видимому, особым авторитетом эти утверждения пуштунвали не пользовались, ибо из всех королей-шахов Афганистана между XVIII веком и захватом Афганистана коммунистами в 1978 году в своей постели и не в изгнании умер только один шах. Все остальные были убиты, либо погибали во время восстаний, либо оканчивали свои дни в изгнании. Одной из главных причин такой неустойчивости было продолжающееся соперничество между династией Дуррани и династией Гильзаи. Все короли Афганистана после Ахмад-шаха были прямыми или косвенными его потомками, с чем Гильзаи так и не примирились.

Начало «европеизации» Афганистана положил Абдуррахман, прозванный *железным эмиром* за жестокость, широкое применение изощренных пыток и смертной казни. Он начал индустриализацию страны, создал весьма боеспособную постоянную армию, основанную на всеобщей воинской повинности, при помощи которой он подавлял племенные восстания, переселял большие группы населения с целью усовершенствования контроля за населением, смешением племен. Его враждебное отношение к европейцам, однако, сильно ограничивало возможности модернизации страны. В принципе он был изоляционистом. Это он был тем единственным афганским монархом нового времени, который умер естественной смертью и будучи правящим эмиром в момент его смерти.

Взошедший на престол в 1901 году сын Абдуррахмана, эмир Хабибулла-хан, уже был

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

тором страны. При нем были открыты первые средние учебные заведения британского образца, в которых преподавали иностранцы. Было открыто высшее военное училище с турецкими преподавателями, проведена либерализация власти, возвращены в страну политические эмигранты *либо* высланные его отцом, либо бежавшие от него. В правление Хабибуллы появилась небольшая элита «младоафганцев», выпускников новых школ в стране, а также получивших образование за рубежом, которых не удовлетворяла куца либерализация Хабибуллы, и он пал жертвой заговора.

Первая мировая война всколыхнула националистические стремления повсюду, в том числе и в Афганистане, соблюдавшем нейтралитет во время войны. Взошедший на престол в 1919 году, после победы над своим крайне консервативным дядей, король-реформатор Аманулла-хан объявил священную войну (*джихад*) против Великобритании. Это была третья англо-афганская война, закончившаяся через несколько недель мирным договором, освободившим Афганистан от британского протектората, но одновременно лишившим его британских субсидий и гарантии британской защиты страны от внешней агрессии, что развязало руки советскому давлению на Афганистан, окончившемуся, как мы знаем, трагическим для Афганистана и бессмысленным для России советским вторжением в 1979 году.

Образцом для Амануллы служил Ататюрк, которому он подражал в своей внутренней и внешней политике, однако не пошел по крайне секуляризаторскому пути своего кумира. Будучи реформатором и модернизатором во всех отношениях в собственной стране, Аманулла одновременно продолжал политику панисламизма своего предшественника в смысле поддержки течений независимости в мусульманских странах. Пока шла борьба в Средней Азии между отрядами Красной армии и местными повстанцами, Аманулла оказывал поддержку Бухарскому эмиру и туркестанским повстанцам (прозванным официальной советской пропагандой *басмачами*, то есть бандитами). Когда их сопротивление было раздавлено, он предоставил политическое убежище и эмиру, и многим десяткам тысяч беженцев из советской Средней Азии. Но в 1921 году он подписал с Советской Россией

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

мирный договор, включивший взаимное дипломатическое признание.

Во внутренней политике Аманулла-хан, правивший страной с 1919 по 1929 год, сделал больше всех предшествующих ему афганских монархов в области модернизации страны. В 1923 году он ввел либеральную конституцию, которая с некоторыми изменениями сохранилась до захвата власти в 1973 году диктатором Даудом. Следует сказать, что реформы Амануллы крайне раздражали мусульманских консерваторов, которые обвиняли его в измене шариату и Корану, а также и растущую молодую элитарную группу «младоафганцев». Даже реформаторы из непосредственного окружения короля считали его меры слишком быстрыми и радикальными. Племенное восстание пахтийцев Аманулле удалось притушить лишь путем сотрудничества армии с племенем, враждебным пахтийцам, и небольшими изменениями конституции в пользу консерваторов. Однако после своего большого путешествия по Европе (включившего и посещение СССР) в 1927-1928 годах он принял программу самых радикальных реформ, пойдя на прямую конфронтацию с руководствами *улемы* и мистического суфитского движения, арестовывая самых видных мусульманских деятелей, предавая некоторых из них смертной казни, в том числе и самого уважаемого шариатского судью в Кабуле. Ответом были племенные восстания по всей стране, справиться с которыми армия оказалась не в состоянии. Армия была слабым местом Амануллы: она была плохо вооружена и слишком малочисленна. С помощью Великобритании, предоставившей самолет, Аманулла-хан со всей семьей бежал в Италию.

Предшественник Талибана

Победителем Амануллы-хана в этой гражданской войне оказался некий таджикский вольный воин Бача-и Сакао², ко-

² Что значит «сын водоноса». Как указывают Ральф Магнус и Идеи Наби, под такой кличкой он упоминается в Афганистане, чтобы подчеркнуть его низкое происхождение, самозванство. См.:

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

торый взшел на престол под именем эмира Хабибуллы II. За свои девять месяцев у власти он оказывал поддержку антисоветским силам в советской Средней Азии, а в Афганистане развернул преследование коммунистов, запретил женщинам появляться вне дома без паранджи и чадры, разгромил музеи, общественные библиотеки и прочие ново-культурные заведения. Учебные заведения и суды были при нем возвращены под власть *улемы*.

Государственные чиновники и деятели эпохи Амануллы подвергались избиениям на улицах, заключению в тюрьмы и изгнанию за рубеж. Через 9 месяцев сумбурного правления, сопровождавшегося экономическим развалом страны, Хабибулла был повешен. Магнус и Наби считают, что в свержении его были замешаны и англичане, и Советский Союз.

Характерно, что после него афганская армия развернула преследование видных антикоммунистов. По-видимому, отсюда начинается проникновение советского влияния в Афганистан и, как учил в свое время Ленин, для захвата власти революционная партия должна «приручить» армию.

Восстановление династии

Краткое правление Хабибуллы II было единственным случаем пребывания непущтуна на королевском престоле. В конце 1929 года была восстановлена династическая линия Абдали в лице Надир-шаха, происходившего от одной из разветвлений Дуррани. Поскольку он появился из Индии, его считали британским агентом. Гораздо больше оснований считать его советским агентом, поскольку в 1929 году он обманом заманил в советскую ловушку главаря одной из среднеазиатских антисоветских партизанских группировок, а в 1931 году подписал союзнический договор с СССР в честь десятилетия акта взаимного дипломатического признания. Но все это прошло в Афганистане незамеченным; и убит Надир-шах в 1933 году был не за связи с Советским Союзом. Его убийца был сыном видного сторонника Амануллы, казненного Надир-шахом в 1932 году, а соучастниками *были* заговорщики, желавшие ликвидации монархии и провозглашения республики.

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

На трон взшел сын убитого короля, 19-летний Захир-шах. Его 40-летнее правление отмечено самыми смелыми и широкими действиями по европеизации и секуляризму в истории страны, хотя сам Захир-шах не отличался ни особыми талантами, ни вождизмом. Его сила была в большой и гармоничной семье. Он царствовал, а управляли страной на протяжении 40 лет в качестве премьер-министров, а вернее, в качестве «просвещенных деспотов», сначала один его дядя, затем другой и наконец его решительный двоюродный брат и шурин Дауд, который в 1973 году отправил короля и всю его семью за рубеж, а сам захватил власть и провозгласил республику, хотя управлял ею как диктатор, а не как президент.

Все 40-летие было эпохой широкого развития периодической печати³, политических дискуссий, активизации студенчества и последовательного снижения роли ислама в общественной и политической жизни страны. Археологические раскопки, проводившиеся преимущественно французскими учеными в 1950-е годы, обнаружили богатое прошлое Афганистана домусульманской культуры, что способствовало, с одной стороны, укреплению национальной гордости просвещенных афганцев, с другой — повышало престиж европейцев, открывавших Афганистан афганцам и соответственно наносило очередной удар по исламу, подрывало его авторитет, отождествляя его с отсталостью. Поскольку Афганистан сохранял нейтралитет во Второй мировой войне, он стал прибежищем для некоторых беженцев из Европы и СССР (например, застрявших там польских беженцев, родственников военнослужащих армии Андерса), сделавших немалый вклад в техническое и экономическое развитие Афганистана. Тратить накапливаемые средства во время войны было не на что, поэтому после ее окончания у Афганистана оказались достаточно богатые валютные фонды. Этот период до марксистского переворота в апреле 1978 года можно считать самым экономически благополучным и политически прогрессивным периодом в истории страны. В печати даже поднимались воп-

³ Правда, при диктатуре Дауда (1973-1978) свобода печати и слова стала резко сокращаться.

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

росы о решительных конституционных изменениях, включая ответственность правительства перед парламентом. Этому способствовало и появление кадров новых юристов, получивших образование на шариатском факультете Кабульского университета, где в отличие от шариатских судей, выпускавшихся медресе, они изучали не только шариат, но и современное гражданское право. Среди этих новых юристов был и кратковременный премьер-министр Магомед Муса Шафик, выпускник не только Кабульского университета, но и Мусульманского университета в Каире и шариатского факультета Колумбийского университета в Нью-Йорке, где он должен был изучать и сравнительное право, и западную юриспруденцию. Это он был главным составителем и редактором новой либеральной конституции 1964 года. Естественно, что «ша-риатщики», выпускавшиеся медресе, не могли конкурировать с широко образованными выпускниками университета. Благодаря этому шариат отступал, его место занимала подлинная юриспруденция, а неудачливые выпускники медресе из-за этого только озлоблялись и примыкали к реакционным силам, которые расцветут бурным цветом в постсоветском Афганистане и особенно у талибов.

В 1953 году премьер-министром стал двоюродный брат короля, Дауд. Будучи военным, Дауд понимал, что главной слабостью Лмануллы была малочисленная и плохо организованная армия. Поэтому он сразу занялся реформированием, увеличением и модернизацией вооруженных сил, с помощью которых он и совершит свой государственный переворот в 1973 году. Затем он провел решительные реформы в области прав женщин. Будучи по взглядам умеренным социалистом, он считал необходимым ограничить права новых богачей и преодолеть консервативную инерцию правительства. После ухода британских колонизаторов из Индии, а затем и из района Персидского залива, Афганистан перестал быть промежуточной страной, или барьером, между СССР и Великобританией. Надо было искать связи с иными странами. В условиях «холодной войны» это, естественно, были США и СССР. И первоначально Дауд обратился к США, но Америка не проявила интереса к Афганистану. Зато СССР сразу откликнулся и начал снабжать Афганистан

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана •

оружием и специалистами. В 1963 году под давлением общественных сил Дауду пришлось уйти с поста премьер-министра. Предполагалось, что 50-летний монарх сможет продолжать реформы уже самостоятельно. И действительно, новая конституция 1964 года, так и не ратифицированная королем, запрещала близким родственникам короля занимать ключевые должности в правительстве, а также концентрацию власти в одних руках. Однако Захир-шах по-прежнему оставался человеком нерешительным, неспособным быть подлинным национальным вождем.

Афганская республика

В 1973 году Дауд захватил власть и провозгласил республику, отправив своего двоюродного брата со всей семьей за рубеж, а либерального и просвещенного премьер-министра — в тюрьму, откуда марксистский диктатор Амин отправит его на эшафот. Захвату власти Даудом активно содействовали афганские марксисты, хотя сам Дауд марксистом не был. Он был, прежде всего, пуштунским националистом, а примерно половина пуштунов находилась в Пакистане, что и было причиной конфликта Дауда с Пакистаном, в чем его поддерживали Советский Союз и афганские коммунисты. Коммунистическая партия Афганистана (так называемая *Народно-демократическая партия Афганистана - НДПА*) состояла из двух фракций, фактически враждебных друг другу: *Парчам* («Знамя») и *Халк* («Народ»). Дауд оправдывал свой переворот коррумпированностью и недемократичностью свергнутого им режима. Однако его режим был еще дальше от демократии и республиканского правления. Это была весьма жесткая диктатура, которая тем не менее проморгала коммунистический заговор, в ходе которого Дауд был не только свергнут, но и убит со всей своей семьей.

Широкое советское проникновение в научную и государственную жизнь Афганистана началось еще в эпоху афганского либерализма 1963-1973 годов. С Советами пытались конкурировать американцы и европейцы. Так Департамент кинопроизводства Министерства культуры и информации был оборудован американцами, но технический персонал

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

прошел обучение в СССР, и, конечно, не только техническое. Университет курировали западные научные учреждения, а Политехнический институт достался советским экспертам. (Интересно, что Хафизулла Амин, совершивший первый коммунистический переворот в 1978 году и расстрелявший Дауда и всю его семью, получил образование у американских профессоров Кабульского университета, а один из самых видных в будущем вождей моджахедов, Ахмад-шах Масуд, учился у советских профессоров Политехнического института.) Магнус и Наби приводят убедительный пример того, насколько серьезным было проникновение коммунистов в самое «нутро»

даудовского истеблишмента. В 1975 году Дауд побывал в гостях у шаха Ирана, который убедил его примириться с диктатором Пакистана перед лицом советской угрозы и пообещал широкую экономическую помощь. На обратном пути Дауд выступил с очень удачной публичной речью в Герате, в которой резко раскритиковал подрывную деятельность коммунистов и заявил о необходимости решительной борьбы с их проникновением. Выступление было заснято на киноплёнку, и Дауд поручил своему штабу размножить ее, чтобы довести ее содержание до всего народа. Но когда на следующее утро он потребовал фильм для проверки и редактирования, технический работник, обучавшийся в Советском Союзе, принес пустой фильм, оправдываясь, что якобы местной технике часто не удается проявление и распечатка американских фильмов/Примирение с Пакистаном и изгнание из правительственного аппарата коммунистов в 1975 году явилось, по-видимому, сигналом к коммунистическому перевороту с одобрения Москвы. Согласно Магнусу и Наби во время официального визита Захир-шаха в Москву в 1971 году Брежнев в личной встрече с королем (без свидетелей) уговаривал его войти в коалицию с Советским Союзом и Индией против Пакистана, за что обещал вернуть весь пакистанский Пуштунистан Афганистану. Все, что требовалось от короля, это разрешить транзит советских войск через страну. Король отказал Брежневу, заявив, что никогда не согласится на какое-либо участие Р.Магнус, И.Наби *Указ, соч.*, с. 107-108.

• 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —
607

в войне против мусульманского государства.⁵ Если эти сведения верны, то не в этом ли причина советского вторжения в Афганистан в 1979 году? В значительной степени моджахедское^с сопротивление стало причиной неудачи Советского Союза превратить Афганистан в свой военный плацдарм.

Несмотря на то, что, еще будучи премьер-министром при короле Захир-шахе, Дауд начал давать отпор коммунистам, отправив в тюрьму бывшего в добрых отношениях с королем (!) главу коммунистической фракции «Парчам» Кармаля, а Тара-ки (главу коммунистической фракции «Халк») прогнал с государственной службы (что не помешало последнему продолжать работать переводчиком в Американской информационной службе), даудовский переворот 1973 года был совершен при прямом участии и поддержке коммунистов — местных и из Москвы, рассчитывавшей на поддержку Даудом антипакистанской линии. Однако в 1975 году он убедился в глубоком проникновении коммунистов в структуры власти и начал с ними борьбу, одновременно налаживая контакты с лидерами мусульманских стран, в том числе, и с главой Пакистана Бхуто. Известных деятелей «Парчама» он гонит с государственных постов. Решив наконец легализовать свой переворот, Дауд в 1977 году созывает *лаю-джиргу* для утверждения полусоциалистической однопартийной конституции, но не допускает к этому процессу коммунистов. В апреле 1977 года во время официального визита в Москву большой правительственной делегации во главе с Даудом между ним и Брежневым произошла острая стычка из-за требования Брежнева изгнать из страны американцев и прочих натовских работников. Дауд резко ответил, что он не допустит диктата со стороны Советского Союза: «Афганистан останется бедным, если это необходимо, но свободным в своих действиях и решениях».⁷

⁵ Якобы со слов Захир-шаха, сообщившего об этом остальным членам своей делегации и своей семье после встречи с Брежневым. Там же, с. 108-109.

" Магнус и Наби (*Указ, соч.*, с. 122) считают, что слово «муджа-хед» происходит от слова «джихад» и означает «стремящиеся на пути к Богу»

⁷ Р.Магнус, И.Наби *Указ, ст.*, с. 120-121.

608

• 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

Это была его лебединая песня. По требованию Москвы летом 1977 года произошел объединительный съезд обеих фракций НДПА. Нур Магомет Тараки стал секретарем партии, Бабрак Кармаль — секретарем ее ЦК. Хафизулла Амин — главой отдела по работе с армией.⁸

Исламизм, моджахеды и коммунизм в Афганистане

Захват власти Даудом был нелегитимным и, поскольку он был модернистом, проводившим реформы секулярного направления, у него не могло быть опоры в традиционных и исламистских слоях. Свергнув прогрессивного короля, он не мог опереться и на круги реформаторов, окружавших короля. Так он попал в силки коммунистов. Вся служба государственной безопасности была в руках у парчамской фракции НДПА, которая развернула в стране террор против бывших королевских государственных деятелей, а также вообще против и «западников», и исламистов, которые предупреждали Дауда об опасном коммунистическом

окружении и предлагали ему союз для совместной борьбы против коммунистов. Дауд их предложения не принял. Наоборот, будучи дезинформирован «Парчамом» об их якобы заговорах против него, Дауд развернул подлинный террор против исламистов. Когда уже было поздно, он, по-видимому, понял, что коммунистическая петля затягивается вокруг его шеи, и предпринял решительные действия против коммунистов. 17 апреля 1978 года был убит главный теоретик Парчамской фракции НДПА, а в ночь на 26 апреля была произведена облава на коммунистических деятелей, и все пойманные отправлены в тюрьму. Всем им грозила смертная казнь. Поэтому коммунисты, находившиеся на свободе, не медля ни минуты, произвели так называемый Саурский переворот (Саур — апрель), 27 апреля. Два старших офицера, имевших за плечами опыт переворота 1973 года, повели танки на Министерство обороны и на авиационную базу, где сдавшиеся на милость победителей летчики были тут же расстреляны.

⁸ Совсем по-ленински, если мы вспомним его слова о том, что для захвата власти необходимо привлечь армию на свою сторону.

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

609

Последний бой завязался между заговорщиками и гарнизоном президентского дворца. Обстрел дворца из танков и бомбежки с воздуха закончили дело к утру 28 апреля. Дауд, его брат и все члены их семей в составе 18 человек были убиты. Жесткий и жестокий режим Дауда особой популярностью не пользовался, так что переворот был принят довольно спокойно. Во главе переворота и новой Афганской Народной Республики встал Хафисбулла Амин из фракции «Халк» (поскольку объединение обеих фракций в одну партию осталось только на бумаге), хотя формально он занимал лишь несколько министерских постов, а позднее был премьер-министром и называл себя учеником Тараки⁹, а последнего не только своим учителем, но и Великим Учителем всего афганского народа. Это, однако, не помешало ему убить этого самого Учителя 16 сентября 1979 года. Режим Амина был чудовищно кровавым даже по афганским меркам. Энтони Хайман приводит такие данные, как закапывание сотен политзаключенных живьем в ямах, выкапываемых рядом с тюрьмой бульдозерами, в которых связанных по рукам и ногам заключенных тут же засыпали землей и утрамбовывали теми же бульдозерами. В тюрьмы отправлялись целые семьи, где одни расстреливались, другие быстро умирали от голода, пыток и эпидемий. Только в одной главной тюрьме Кабула за три месяца погибло 12 тысяч заключенных.¹⁰ Однако, убив Тараки в сентябре 1979 года и объявив, что смерть была вызвана болезнью, он тут же косвенно свалил свой террор на покойника, произнес несколько мистических слов: «Те, кто видели свое величие в преследовании людей, теперь ликвидированы». Он тут же объявил куцу амнистию, но она касалась лишь уголовников, а не политзаключенных.

Хотя формально правительство Брежнева «поверило» в естественную смерть Тараки и заверило Амина в неизменных отличных взаимоотношениях, на самом деле оно готовило

⁹ По отцовской линии Тараки происходил из клана Гильзаи, соперника Дурранитов, что привлекало гильзаитов во фракцию «Халк»; так что даже в компартии сохранялось клановое и династическое деление.

¹⁰ Hyman, Anthony *Afghanistan under Soviet Domination*, p. 108—127.

610

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

операцию по ликвидации Амина. Еще в декабре 1978 года было подписано Советско-афганское соглашение о дружбе и взаимопомощи, на основании которого в конце декабря 1979 года в Афганистан был введен советский военный контингент из 85 тысяч военнослужащих (позднее увеличенный до 140 тысяч) с танками и авиацией, занявшей кабульский военный аэропорт. В составе советской военной «помощи» была группа «Альфа», которая ворвалась в президентский дворец на рассвете 27 декабря и уничтожила Амина. В тот же день, используя средние и короткие волны среднеазиатского передатчика, настроенного на волну рядом с кабульской, глава Парчамской фракции НДПА Бабрак Кармаль объявил, что он избран премьер-министром вместо «расстрелянного по заслугам предателя Амина». Как указывает Хайман, советская операция по

захвату Кабула и путей к нему была проведена превосходно, и только после зачистки Кабула советскими войсками Кармаль и его парчамисты, запрещенные при Амине, были доставлены в Кабул советскими самолетами. В этот день, как правильно указывает Хайман, закончилась даже видимость независимости Афганистана. С этого же времени, можно сказать, начался джихад, то есть священная война моджахедов против «неверных» — советских оккупантов.

Пожалуй, началом народного сопротивления следует считать 11 января 1980 года, когда Кармаль освободил из кабульской центральной тюрьмы 118 политзаключенных. Ответом на эту меру было не успокоение, а штурм тюрьмы собравшейся толпой, состоявшей из многих тысяч родственников заключенных, исчезнувших за 1978-1979 годы. Тогда в тюрьму делегатом от толпы пошел инженер со списком исчезнувших 134 ученых и представителей интеллигенции. Вскоре инженер вернулся ни с чем: в тюрьме пусто, все заключенные, кроме тех, что только что вышли, были расстреляны. Кармаль тут же номинально ликвидировал тайную полицию, судил и расстрелял наиболее одиозных палачей и пыточников. Следующим его действием, однако, было создание «информационной организации для сбора сведений об антигосударственной деятельности», но уже под советским руководством.

Как известно, с тех пор, как существует афганское государство, ни одна иностранная держава не сумела им завла-

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

611

деть. В таком гибридном государстве, в котором, казалось бы, не может быть национализма, разрозненные племена и кланы становятся единой нацией перед лицом иностранного, а скорее **иноверного** агрессора. Как и в сопротивлении англичанам в трех войнах, воином-моджахедом становится каждый крестьянин. Правда, на этот раз организаторами сопротивления, руководителями во многих случаях стали представители новой молодой афганской интеллигенции — выпускники или студенты новых афганских вузов, организованных по европейским и американским образцам. Многие из них в 1960-е годы были членами различных политических партий (подпольных и полуподпольных) переходного периода — от традиционализма к современному общественному устройству. С другой стороны, они были знакомы с новым исламом или даже были сами представителями такового. Поскольку последние десятилетия правительство внедряло современное образование весьма энергично, и все оно от начальной школы до университета было бесплатным, афганские новые исламисты были в основном выходцами из сельской местности, но благодаря своему образованию «застрявшими» в Кабуле и нескольких других главных городах. Таким образом, они «не принадлежали к политической элите и не зависели от государства, чем, возможно, и объясняется их «радикализм»¹¹, готовность к восстанию, сопротивлению власти, а тем более власти, находящейся в зависимости от «неверных». Как указывалось в предыдущих главах, исламистское движение XX века во многом отличается от традиционного ислама, в структурном плане опиравшегося на *улему*, которая признавала в качестве высшего авторитета ислама на земле оттоманского султана, являвшегося верховным халифом, во всяком случае, для всех суннитов. Новые же исламисты отвергают монархию как институт, чуждый исламу. Они говорят, что, поскольку Магомет умер, не оставив наследников, то наследственная монархия чужда исламу. По учению Кот-ба, авторитет правителя определяется его религиозной верностью исламу, а не каким-либо мистическим небесным про-

¹¹ Kakar *Afghanistan. The Soviet Invasion*, p. 85.

612

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

исхождением. Он теряет право на власть в тот момент, когда отступит от правоверия, и тогда долг мусульманина убить такого правителя.¹² Поскольку истина одна, в исламском государстве не может быть многопартийной демократии или республики. Ислам, говорят исламисты, не нуждается ни в каких добавлениях и изменениях, ибо это религия всеобъемлющая (тотальная), предписывающая поведение мусульманина на все случаи и обстоятельства жизни. Вот в этом и есть источник мусульманского тоталитаризма, который расцветет бурным цветом в Афганистане талибов. Видный французский специалист по Афганистану Оливье Руа считает, что исламский тоталитаризм тождествен ленинской концепции централизованной партии революционного авангарда и сближается с марксизмом через общую веру в мифологию освободительной революции.¹³ Подобно коммунистической идее мировой революции, исламисты-радикалы ставят своей целью распространение исламской революции во всем исламском мире. Непосредственной целью исламского восстания является джихад против атеизма.¹⁴

Как известно, базой афганского сопротивления, как и временным пристанищем миллионов беженцев из Афганистана, стал Пакистан. Пакистан, а в значительной мере большая часть арабского мира, а также беженский отдел ООН, кормили беженцев, открывали исламские школы для детей — будущих талибов («талиб» значит «ученик»). Через Пакистан шло с Запада и оружие для моджахедов. Пакистан также поощрял афганцев к созданию единого союза разрозненных моджахедских партизанских соединений, созданию единого афганского политического центра, который направлял бы антикоммунистическую борьбу в Афганистане, координировал действия. Одновременно Пакистан побаивался того, как

¹² Сравни с учением Иосифа Волоцкого и митрополита Даниила о долге православного христианина не подчиняться указаниям монарха-еретика, царствующего несправедливо.

^{1*} Цит. по: Asta Olesen *Islam and Politics in Afganistan*, p. 243-244.

" Напоминаем, что джихад — это не просто война, а, прежде всего, принесение себя в жертву во имя Аллаха. Отсюда и исламские террористы-самоубийцы в Палестине, например.

• 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

613

бы окрепшие силы афганцев со временем не оттяпали у Пакистана районы, заселенные пуштунами. Поэтому, например, когда на одном из политических съездов в 1980 году победила сторона, предлагавшая признать главой антикоммунистических сил и будущим главой государства Захир-шаха, находившегося в Риме, и король на это согласился, Пакистан не пустил его на свою территорию, опасаясь чрезмерной популярности Захир-шаха, который за 40 лет пребывания на престоле не предал смертной казни ни одного политического заключенного и помиловал многих приговоренных к смертной казни обычных уголовников. Такого гуманизма кровавый Афганистан да и почти весь мусульманский мир не знали ни до, ни после Захир-шаха.

Политическим центром афганской эмиграции был приграничный пакистанский город Пешавар. Там и происходили съезды и переговоры по созданию единого центра, а по возможности, и правительства в изгнании. Так, где-то в середине 1980 года появилось два объединенных центра: *Революционный совет исламского союза освобождения Афганистана*, в который входило 6 исламистских организаций, и *Национально-исламский революционный совет*, состоявший из племенных и общинных старейшин. Если первый поставил своей целью создание идеологически исламской республики, целью второго была исламская национально-демократическая республика, существование каковой, по утверждениям исламистов, несовместимо с исламом. Иными словами, второе объединение фактически настроено было на светское государство с исламским оттенком, то есть на то, которое пыталось построить в Афганистане правительство Захир-шаха. Но все эти центры и объединения вскоре разваливались или существовали только на бумаге, чему способствовал подспудно и Пакистан, не желавший допустить появления у афганцев сильного единого центра.

Не все группы сопротивления оккупации были, условно говоря, «правыми». Было и весьма активное движение афганских маоистов под названием *Новые народные демократы*, занимавшееся индивидуальным террором, а в своей пропагандистской деятельности проникшее глубже всех афганских партий в крестьянскую среду, чему способствовал тот факт, что китайские специалисты работали по созданию в стране

614

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

сети ирригационных каналов. Афганские маоисты приняли активнейшее участие в борьбе против советских оккупантов, используя ту же стратегию терактов против советских военных и гражданских работников. Но, как и все афганское сопротивление, и маоисты раскололись по крайней мере на три различные группировки-организации.

Тем не менее, пока на территории Афганистана оставались советские войска, какая-то видимость единства сил сопротивления сохранялась. Но с выводом советских войск в стране началась междоусобица. Власть, не ограниченная никакими законами, плюс колоссальное количество всех видов вооружения — как советского, оставленного в наследство Наджибулле, который в 1986 году по решению Москвы сменил Кар-маля, — так и американского, которым транзитом через Пакистан щедро снабжались моджахедские отряды. В 1986 году Горбачев предупредил Наджибуллу о намерении вывести из Афганистана советские войска в ближайшие 1,5-2 года. В начале своего правления, пишет Какар, Горбачев форсировал наступательные действия советских войск в Афганистане. По непроверенным слухам, он отдал тайный приказ победоносно окончить афганскую операцию в течение года или решить

проблему дипломатическим путем, если военная операция не удастся.¹³ Советское руководство рекомендовало Наджибулле создать новое правительство национального примирения, введя в него не только мусульманских консерваторов, но и представителей сил, боровшихся против коммунистов. Наджибулла последовал этой рекомендации: в ноябре 1987 года он созвал лою-джиргу, состав которой был тщательно подобран агентурой Наджибуллы. Этот «народный» съезд состоял из представителей обоого пола «общественных организаций», Народного фронта, представителей правительства и НДПА. Двухдневная конференция проходила иод звуки ракетометов, причем несколько ракет попало в здание, в котором проходила лоя-джирга. Была принята новая конституция — первая в истории Афганистана, утверждавшая многопартийную систему. Наджибулла был избран президентом сроком на 7 лет, и правительству было поруче-

¹⁵ Какар *Указ, соч.*, с. 260.

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

615

но развивать племена и народы Афганистана по принципу их полного равноправия. Демократическая Республика Афганистан превратилась просто в республику, поскольку слово «демократическая» отождествлялось в Афганистане с коммунизмом, а коммунистическая партия превратилась *Партию отчизны (Хизб-и-ватан)*. Наджибулла объявил себя мусульманином и по пятницам публично молился в одной из мечетей столицы. Советские советники да, вероятно, и сам Наджибулла верили в возможность такого умиротворения Афганистана и в возможности Наджибуллы управлять страной и после вывода советских войск. По подсчетам Барнетта Рубина, советская операция в Афганистане стоила СССР примерно 5 миллиардов долларов в год плюс дополнительные расходы на снабжение оружием афганского правительства, в том числе, например, 500 баллистическими ракетами стоимостью около 1 миллиона долларов каждая. В одном 1990 году Советский Союз поставил Наджибулле бесплатно 54 военных самолета, 380 танков, 865 БТРов и пр., а также 250 тысяч тонн пшеницы. Факт тот, что советское правительство оставило Наджибулле весь свой арсенал, включая авиацию, бронетехнику, и продолжало финансировать власть Наджибуллы до самого его падения и гибели в 1992 году. Итак, советская поддержка не спасла Наджибуллу от мести. Слишком свежа была память о том, что до 1986 года он был главным палачом страны, возглавляя афганское КГБ. Видя рост сопротивления своей власти и невозможность контролировать положение в стране, в марте 1992 года он объявил о своем уходе в отставку. Предоставив полномочия власти и создание правительства представительству ООН, он просил ООН предоставить ему убежище, чего представители ООН сделать не сумели. Захватив в апреле Кабул, моджахеды под командой Масуда схватили Наджибуллу и после зверских пыток повесили.

Все это порядка в стране не прибавило. Вакуум власти заполнить не удалось. С момента вывода советских войск началась новая фаза Гражданской войны, продолжающаяся до сих пор — между разными моджахедскими «атаманами» и их подчиненными. Даже коммунистическая партия (НДПА), которую советские власти заставили объединиться, распалась снова на составные фракции, как только советские войска

616

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

были выведены из страны. Фактически страна снова вверглась в привычную ей межплеменную резню. И идеологические расхождения уже переставали быть решающими в союзах и конфликтах. Так, бывший министр обороны в правительстве халкистов (Тараки или Амина) в марте 1990 года осаждают Кабул, бомбит президентский дворец и вступает партнером в Революционный совет Хикматъяра, одного из моджахедских атаманов. Разоренная страна, когда-то славившаяся своими фруктами на всю Азию, не в силах восстановить свои традиционные хозяйства, переходит к простейшей форме заработка — разведению опиумного мака. Посткоммунистический Афганистан становится одним из самых крупных в мире поставщиков наркотиков. Этим же начинает заниматься и герой сопротивления Хикматъяр. Повстанческие отряды повсюду одерживают местные победы над войсками Наджибуллы, но это не превращается в общенациональную победу из-за разрозненности отрядов и амбиций их вождей, каждый из которых, вкусив сладость власти за годы сопротивления Советскому

Союзу и неограниченной власти на захваченном им «пяточке», стремится стать царьком в захваченной им области. Все попытки ООН и находящегося за рубежом Захир-шаха найти общеприемлемую формулу объединения страны и выработки легитимной структуры власти оказываются неприемлемыми для той или иной стороны. Идет полная деморализация бывших героев Сопротивления. Нажившиеся на поставках и с Запада, и из Советского Союза, вооруженные до зубов моджа-хедские атаманы превращаются в насильников, разбойников, для которых высший закон — их собственная воля и похоть.

Талибы

На этом фоне появляется новая сила — исламские фанатики — талибы, то есть ученики или школьники мусульманских медресе почти исключительно в Пакистане, в центрах беженцев из Афганистана.

Чтобы понять их суть, следует взглянуть на происхождение движения талибов и его членов.

Очень большой про-

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

617

цент талибов — сироты многолетней войны. Это в основном дети крестьян, хозяйства которых, то есть вся многовековая налаженная жизнь рухнули, родители или часть семьи их погибла. И вот в детском или подростковом возрасте они попадают в беженские медресе, в которых преподают полуграмотные деревенские муллы-фанатики. От них они получают и примитивную политграмоту, которая вся сводится к борьбе против неверных, которыми являются не только и не столько даже европейцы, сколько недостаточно, по мнению их и их мулл, правоверные мусульмане. В них они видят и всю трагедию постсоветского Афганистана, продажность и безнравственность разбогатевших на народном горе полевых командиров муджахедов.

Вот с таким «багажом» подучившиеся и повзрослевшие талибы возвращаются на свою историческую родину. Включаются в бескомпромиссную борьбу со всеми нарушителями шариата. Наслушавшись и навидавшись разврата и насилия моджахедских командиров, связанных с похищениями и изнасилованиями женщин, фанатичные мальчишки с пробудившимися половыми влечениями видят источник зла и соблазна в женщинах, а источник нарушения шариата, ношения соблазнительных нарядов и пр. они видят в европейцах и в их секуляризационном влиянии. Появляется полиция нравов, избивающая женщин, смеющих появляться на улице без сопровождения мужа или близкого родственника мужского пола, и мужчин с недостаточно большой бородой. И все в таком роде.

Свой поход движение талибов начало, естественно, в Кандагаре — ближайшем к Пакистану большом афганском городе. Отсюда они начали победоносное шествие к Кабулу. Дело в том, что среди населения, особенно сельского, они встретили поддержку, так как в отличие от развращенных полевых моджахедских командиров, талибы были дисциплинированными подчиненными своих командиров (в большинстве также молодых воспитанников эмигрантских медресе, но также и из среды бывших муджахедов, не поддавшихся соблазнам). Вместо произвола они несли строгий порядок. Моральный террор Талибана относится почти исключительно к городам. Это в городах они запретили высшее образование и

618

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

вообще школьное обучение для женщин на то время, как они утверждают, пока не откроют специальных женских училищ. Преследование за контакты с иностранцами относится только к городам (в селах иностранцев нет), к ним же относится введение смертной казни за принятие христианства. Афганистан же остается в основном страной сельских жителей, европейская цивилизация их не коснулась, и для них Талибан становится освободителем от произвола и насилия. Секрет победного шествия тоталитаризма талибов отчасти в этом, но по крайней мере не в меньшей степени в интеллектуальном вакууме, который возник в стране благодаря массовой эмиграции из Афганистана ее интеллигенции во время советской оккупации и последовавшего затем внутреннего моджахедского хаоса и самоуправства. Как мы видели, интеллигентская прослойка была вообще еще весьма тонкой и непрочной, но с ее эмиграцией в стране фактически не осталось сил, способных сдерживать стихию, будь то моджахеды или талибы, и направлять страну по пути цивилизации и нормальной

государственности.

Вообще Афганистан являет собою миру ряд парадоксов. Отсталые, плохо вооруженные, разрозненные отряды моджахедов, не имеющих понятия о военной науке, одерживают победу над профессионально обученными, во много раз превосходящими их войсками Советского Союза, а ранее Великобритания не смогла их одолеть в трех войнах. Соединения мальчишек — талибов — одерживают победу над военачальниками, разгромить их не сумели регулярные советские войска.

В отличие от своих взрослых и, казалось бы, закаленных в боях и в политике предшественников, Талибан проявил себя не только в боях, захватив ко времени написания этих строк почти 90% территории страны, но, как и всякая тоталитарная партия, сумел создать так называемый Временный Правящий Совет, состоящий из шести крайне фанатичных провинциальных мулл. Глава правительства, одноногий и одноглазый мулла Омар (инвалид недавней антисоветской войны), захватив власть в Кабуле, сразу же выпустил приказ об отставке всех афганских зарубежных послов и дипломатов и заморозил их банковские счета. На данный момент в Кабуле

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

619

имеются: посольство Пакистана, дипломатические представители Турции и Ирана, хотя аятолла Хомейни назвал Талибан позором Ислама ... и совершенно разрушенная страна: за время конфронтации с Советским Союзом погибло 25 тысяч моджахедов, до 20 тысяч советских военнослужащих и около полутора миллиона (то есть 10%) гражданского населения, а до 5 миллионов бежало в Пакистан."

Когда-то Ленин в своей книге «Что делать?» назвал свою партию **партией нового типа**.¹⁷ По аналогии Талибан можно назвать тоталитаризмом нового типа, имеющим, по словам Руа, очень много общего с ленинской партией. Большинство «ингредиентов» тоталитаризма в нем налицо: тотальная слежка за гражданами и установление режима контроля за общественной и личной жизнью; индивидуальные отступления от этого не допускаются; неограниченное право Талибана вмешиваться в личную жизнь, **религия** тотального контроля и вера в мусульманскую **утопию**, добиваться создания которой допускается любым путем — цель оправдывает средства. Восторжествовал он, как во всех случаях торжества тоталитаризма, в условиях глубокого кризиса афганской государственности. Французский исламовед Руа считает, что мусульманство так и не сумело выработать систему прочной исламской государственности. Афганская же государственность оказалась исключительно нестабильной даже по мусульманским меркам, в значительной степени благодаря огромному разрыву между узким слоем городской новоафганской интеллигенции и темной массой народа, совершенно чуждого этой интеллигенции и ее новым ценностям. Этот разрыв, пожалуй, можно сравнить с Россией XVIII века, когда, по словам Ключевского, отчужденность европеизированного российского дворянства от своего народа было сравнимо с отношением тогдашних европейских

" Margolis, Eric S. *War at the Top*, p. 48.

¹⁷ А западные ученые, в частности Л.М.Шапиро, называют ее *партией-армией*, из-за беспрекословного подчинения ее членов вождю и полной пирамидальности ее структуры, без обратного действия.

620

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

поселенцев в Америке к индейцам. Возмездием за это была пугачевщина. А в современном Афганистане — Талибан.

Аннотированная библиография¹⁸

Huinan, Anthony *Afghanistan under Soviet Domination, 1964-1991*. London, Macmillan, 1992.

Историко-политический анализ предпосылок коммунистического переворота в Афганистане и советского вторжения. Анализу событий периода, указанного в заголовке, предшествует обзор истории Афганистана и изложение особенностей его разных племен от древности до XX столетия. В предисловии приводится цитата из рапорта британского генерала Робертса, посетившего Кабул в 1879 году, которая актуальна и по сей день: «Чем меньше афганцы будут видеть нас, тем меньше они будут нас не любить», и наоборот: рекомендует не мешать русским встречать в Афганистан,

так как это лишь усилит антироссийское сопротивление афганцев.

Kakar, Hassan M. *Afghanistan: the Soviet Invasion and the Afghan Response, 1979-1982*. University of California Press, 1995. Автор -афганец, доктор исторических наук Лондонского университета, крупнейший современный историк. В значительной степени книга является хроникой развития сопротивления афганского народа советским оккупантам. Какар находился в то время в Кабуле и был очевидцем событий тех лет. Он описывает протесты студенчества против оккупации, расстрелы этих демонстраций парчамистами, роль студенческих организаций в движении Сопротивления и появление моджахедской борьбы. Собственно аналитической частью книги является эпилог в 50 страниц, суммирующий события 1982-1994 годов.

Magnus, Ralph H.; Naby, Eden *Afghanistan: Mullah, Marx, and Mujahid*. Boulder, Col., Westview Press, 1998. Добросовестная краткая история Афганистана, вернее, племен, населяющих

'Поскольку все книги, используемые в этой главе, на английском языке, в библиографии они указаны в последовательности латинского алфавита. В случае использования книг на разных языках в библиографии автор указывал их в последовательности русского алфавита.

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

621

Афганистан, от VI века до диктатуры Талибов. Совместный труд специалистки по Афганистану г-жи Идеи Наби и американского журналиста Ральфа Магнуса. Книга написана после их подпольной экспедиции под защитой моджахедов по воюющему Афганистану. Хотя их путешествие происходило в 1980 году, некоторые наблюдения, основанные на беседах с моджахедами, оказались «пророческими», например, что единственное объединяющее афганцев начало было в борьбе против внешней оккупации, в данном случае советской. Результатом этих бесед было то, что авторов впоследствии не удивило, что Советский Союз не смог покорить эту страну, и еще меньше удивила междоусобица после ухода советских войск.

Книга написана очень хорошо и ясно, информативна, читается легко и с интересом.

Margolis, Eric S. *War at the Top of the World: the Struggle for Afghanistan, Kashmir, and Tibet*. N. Y., Routledge, 2000. Автор пишет, что в течение последних 25 лет он исходил этот самый взрывоопасный район мира в качестве политического журналиста, военного корреспондента и «авантюриста старой школы». Книга написана превосходно. Перед глазами читателя встают живые люди — бесстрашные афганские моджахеда, талибы и пр. Ему довелось интервьюировать почти всех лидеров афганского антикоммунистического движения и коммунистических лидеров. Марголис указывает на общепризнанную вероятность, что, если ядерной войне надлежит быть, она скорее всего начнется с конфликта между Индией и Пакистаном. Политический анализ гибели в авиационной катастрофе в 1988 году летевших в Афганистан президента Пакистана Зиа и почти всего его военного штаба, приводит Мар-голиса к версии, что это было подстроено либо КГБ, либо ЦРУ: ни тем, ни другим не нравились ни популярность Зиа среди мусульман этого района, ни его амбиции объединить всю Среднюю Азию в качестве единой мусульманской федерации под его началом.

Roy, Olivier *Afghanistan: from Holy War to Civil War*. Princeton, N.J., The Darwin Press, 1995.

Серьезное исследование мусульманской идеологии, ее разновидностей в прошлом и настоящем, и в конечном итоге мусульманской государственности на примере Афганистана. В свое время Руа увлекался мусульманским возрождением, особенно Афганистаном, и прогрессив-

I

622

— 29. Мусульманский тоталитаризм Талибана —

ными сдвигами в нем, но затем разочаровался и пришел к выводу о неспособности мусульманства выработать собственную стабильную государственность, базирующуюся на исламе. Исламизм как государственность либо ведет к тоталитаризму ленинского типа (с заменой марксистской религии исламом), либо «разводняется» западничеством демократизмом, провоцирующим исламистов к сопротивлению. Руа среди прочих исследователей политического ислама указывает, что мусульманская улема, признав оттоманский наследственный халифат в качестве верховной власти мусульманского мира — одновременно гражданской и духовной, — нарушала Коран, не признающий посредников между Богом и человеком после смерти Магомета и его косвенных наследников —

четырёх халифов (у суннитов). Поэтому нынешние исламисты и слышать не хотят о возрождении халифата, но никакой убедительно-мусульманской альтернативы не придумали. Rubin, Barnett R. *The Search for Peace in Afghanistan: from Buffer State to Failed State*. Yale University Press, 1995. Анализ попыток разрешить афганский конфликт. Автор упрекает и США, и СССР в том, что они бросили в 50 раз больше средств на разжигание афганского конфликта, собственно на уничтожение страны, чем на ее восстановление. Это грустная книга о провале ООН и международной дипломатии в деле умиротворения и восстановления Афганистана, за которым последовало фактически безразличие мира к трагедии целого народа. На этом фоне и появилось фанатически ксенофобское и фантастически реакционное движение талибов.

Часть VII

Вместо заключения

Q

Глава 30

Постсоветская Россия: трагедия несвободного мышления — соблазны тоталитаризма в Церкви и в миру

«...Отрицание свободы... влечет за собой отрицание моральной ответственности, и, следовательно, делает человека существом морально невменяемым. Тогда лишается своей почвы всякая мораль». С.А.Левицкий *«Трагедия свободы»*.

Известный зарубежный русский философ-солидарист, ныне покойный, Сергей Александрович Левицкий посвятил свою последнюю и самую глубокую книгу философско-богословской проблеме взаимоотношения всемогущества Бога, а следовательно, и Его свободы, со свободой человека, неспроста назвав эту книгу *«Трагедия свободы»*. Тут не место излагать суть книги, можно лишь рекомендовать любознательному читателю самостоятельно ознакомиться с ней. Но коротко: **трагедия** свободы в том, что человек, будучи созданным Богом свободным, несет колоссальную ответственность за свои поведение, решения и дела. Как существо свободное, он свободен и от Бога. Иными словами, он волен быть сотрудником Бога или не признавать Его и идти против Бога, быть богоборцем. Ряд западных богословов — от Блаженного Августина до Лютера и особенно Кальвина — фактически отрицают свободу человека, исповедуя божественный детерминизм. Мол, всемогущий и всеведущий Бог, выражаясь современным нам языком, «программирует» человека и его судьбу. Лютер прямо отрицал человеческую свободу, предполагая ее несовместимость со всеведением Бога. Свободу воли он признавал только за Бо-

626

— 30. Постсоветская Россия —

гом. Но до крайности божественного детерминизма дошел Кальвин, утверждавший, что Бог чуть ли еще не до рождения человека определяет его судьбу и в земной жизни, и в посмертной, вне зависимости от его образа жизни. Ауспех человека в этой жизни, в том числе и материальный, является признаком Божьего благоволения, и наоборот: неуспех свидетельствует об отказе Бога от этого человека. Из этого следует, что все усилия человека: добродетель, благотворительность, любовь к ближнему не играют никакой роли в деле спасения или отвержения его Богом. Что касается латинской ветви христианства, то там самый влиятельный западный богослов тогда еще неразделенной Церкви, Блаженный Августин, а за ним и основоположники главных течений протестантизма («вылупившегося» из католичества), вместо богоданной свободы, развивали учения о Божественном предопределении, то есть отрицали изначальную свободу человека.

Православие не приемлет такого механического детерминизма. Вслед за апостолом Павлом и особенно за св. Григорием Паламой православие учит о *синергизме*, то есть о творческом

сотрудничестве человека (созданного по образу и подобию Божьему) с Богом. Но о каком сотрудничестве, казалось бы, может идти речь между всемогущим Богом и весьма ограниченным человеком, о какой свободе, если Бог, так сказать, одним махом может перевернуть все творчество человека?! Левицкий, опираясь на авторитет ряда отцов Церкви, христианских мыслителей, православных богословов — от Оригена и св. Григория Паламы до Николая Лосского — говорит: «Всемогущество [Бога] и свобода [человека] прими-римы лишь при условии, что Бог согласился свободно ограничить свое всемогущество ради сотворения свободных существ». Тут можно добавить, что Христос учит о Боге, бесконечно любящем и прощающем, а любить созданные тобою автоматы невозможно. В свою очередь, абсолютная свобода есть часть всемогущества. И вот Всемогущий Бог, наделяет созданного им человека **свободой**, самоустраниаясь от этой свободы, чтобы человек мог ею пользоваться и распоряжаться, как он сочтет нужным. Только в этих условиях могут быть как отношения любви—гармонии между Богом и человеком, так и свободный бунт человека против Бога, богоборчество

— 30. Постсоветская Россия —

627

и самоуничтожение человека. Из вышесказанного следует, что Бог собственной волей ограничивает Свою свободу и Свое всеведение, чтобы сотворенный Им человек был свободен. Теперь же наблюдается любопытный парадокс: и в католической, и в лютеранской (да, пожалуй, и в кальвинистской) религиях предоставляется несравнимо более широкая свобода религиозного и богословского поиска, чем в современной Русской православной церкви¹, где любая попытка

¹ В то время, как в протестантизме и, даже в католичестве, самостоятельной религиозной и богословской мысли предоставляется широкое поле свободного творчества. Слишком широкое! Например, недавно вышла книга англиканского священника, в которой он повторяет зады иудейской легенды первых веков христианской эры о том, что Христос якобы был всего лишь внебрачным ребенком. На следующий же день после обзора этой книги в самой влиятельной газете Канады «The Globe and Mail» появилось письмо другого англиканского священника, дававшее весьма положительную оценку книге своего собрата, однако с замечанием автора письма, что он «скорее» придерживается традиционного евангельского повествования. Самое поразительное — то, что ни руководство Англиканской церкви, ни оба священника не заикнулись о том, что если священник не верит в истинность Евангелия, ему нечего делать в Христианской церкви. Объединенная церковь Канады — самая крупная протестантская церковь в стране — возглавляется *модератором*. Так вот один из модераторов — некий профессор богословия г-жа Вилсон — после визита своей церковной делегации к Русской православной церкви — в присутствии пишущего эти строки удивлялась, что православные все еще верят в Никейский символ веры. А ее преемник открыто заявил, что не верит в Воскресение Христово. Естественно, с христианской точки зрения - любой разновидности христианства — отрицающим истинность Евангелия, а особенно воскресения Христова, без которого, как писал еще апостол Павел, христианство вообще бессмысленно, нет места в рядах христианских духовенства и учительства. И то, что они сохраняют свои духовные звания и служат в Церкви, в которую не верят, можно сравнить разве что с теми миллионами бывших граждан СССР, которые состояли в КПСС, не веря в коммунизм. Однако, если неверующие коммунисты руковод-

628

— 30. Постсоветская Россия •

священнослужителя или церковной общины идти навстречу современному человеку, сделать богослужение и религиозную жизнь более понятной, хотя бы частично заменить непонятный подавляющему большинству современных россиян устаревший и окаменевший на уровне XVII века, церковно-славянский язык общерусским, воспринимается как ересь. Так в книге «Богослужебный язык Русской церкви», изданной в 1999 году под редакцией архимандрита Тихона (Шевкунова), решительно осуждаются любые попытки приблизить богослужебный язык к литературно-русскому, славянский язык возводится в плоскость богословия, называется **священным** (с. 48), то есть налицо языковое идолопоклонство (языкобесие), ибо язык есть средство, а средство не может быть абсолютным. Материальными или карьерными соображениями, вступая в партию, у неверующих в рядах духовенства нет и этого стимула, ибо духовенство на Западе — за исключением «электронных» проповедников в южных штатах США — принадлежит к одной из самых низкооплачиваемых категорий граждан. Следовательно, этими людьми руководит искреннее стремление служить Богу, как

они это понимают. И беда их в том, что, во-первых, основные протестантские течения и их руководители настолько погрязли в рационализме и потеряли святоотеческие ориентиры, что они отказываются давать какое-либо догматическое направление, сводя все к служению какому-то неведомому Богу, возвращаясь в то состояние, в котором были афиняне до Павловой проповеди. Но между этой крайностью и религиозным тоталитаризмом, практикуемым значительной частью консервативного духовенства и особенно так называемыми «младостарцами» в современной Русской церкви есть «царский путь» золотой середины, допускающий самостоятельные духовные искания и находки, исследование и развитие святоотеческого богословия, переосмысление его в терминах, более понятных современному человеку, нахождение новых путей обращения людей к вере в Бога. Ведь фанатичная узость, не допускающая ничего нового, а тем более пути проб и ошибок в богословии, является лишь прикрытием слабости собственной веры, страхом самому уклониться и желанием прикрыться авторитетом духовника или какого-нибудь старца, боязнью ответственности.

— 30. Постсоветская Россия —

629

лютом.² Вспоминается предупреждение покойного отца Александра Шмемана, что и служение литургии может превратиться в идолопоклонство при абсолютизации обряда, ритуалов, внешней стороны богослужения. Догматизация языка, тем более такого, на котором никто не говорит да и не служит почти никто в православном мире, кроме россиян,³ способствует самоизоляции, отключению от всего мира и недоверию к нему, развитию некой гордыни: мы, мол, последние могики, единственные верные, окруженные еретиками. Не случайно поэтом заключительная статья сборника направлена против Библейских обществ, то есть фактически против распространения Священного Писания на современных языках, против новых переводов, которые облегчают современному читателю восприятие Священного Писания, против межхристианского общения и обогащения христиан опытом друг друга, — иными словами, против христианского миссионерства, что в корне противоречит завету Христа апостолам — идти в мир и обращать в христианство народы. Не может способствовать распространению и внедрению христианства богослужение на непонятном языке. А известный православ-

⁸ Вспомним, что в свое время существовала еретическая по сути школа трехязычия, согласно которой богослужение можно совершать лишь на одном из трех «священных» языков — греческом, еврейском и латинском. На этом основании преследовались свв. Кирилл и Мефодий, за то, что они посмели совершать богослужение на «нелитургическом» славянском языке. Если тогда существовала ересь трехязычия, то в сегодняшней России этому соответствует ересь «четырёхязычия». Беда в том, что эта ересь внедряется не отдельными полубразованными батюшками, а высшим церковным руководством, полностью пренебрегающим реальными нуждами паствы, особенно паствы **потенциальной**. См. также мою рецензию на «Богослужебный язык Русской церкви»: Д.Поспеловский «Ересь языкопоклонства», в *НГ-Религии*, 26 февраля 2000.

³ Сербь и болгарь перевели богослужение на свои языки и славянским пользуются только в особо торжественных случаях; украинцы преимущественно служат по-украински, белорусы начинают переходить на свой язык в богослужении. Тот же процесс идет в Польше, Чехии и Словакии.

630

— 30. Постсоветская Россия —

ный мыслитель и защитник верь советских времен С. Фудель, расплатившийся за веру в Бога десятилетиями ссылок и концлагерей, писал, что для современного русского человека славянский язык почти также непонятен, как латынь.

И вот священники, одаренные миссионерским призванием, привлекающие в Церковь духовно ищущую интеллигенцию, шли ей навстречу, русифицируя богослужебные тексты. Вокруг таких священников образуются общины неофитов, в основном из интеллигенции, идет туда и немало молодежи. При таких приходах создаются курсы подготовки к сознательному крещению. Развивается кипучая миссионерская деятельность. В 1990-е годы, особенно вначале, крещение взрослых было массовым и повсеместным. В большинстве храмов, однако, оно проводилось без какой-либо подготовки крещаемых, без предварительного оглашения. И результат налицо: где сегодня те миллионы массово крещенных в 1990-е годы? Известно из статистических опросов, что, если формально крещенных в России сегодня около 70 % населения, сохраняют связь с Церковью (посещают богослужения не реже одного раза в месяц) менее 3% населения, то есть примерно 5 % из состава крещенных россиян. А вот в тех общинах, в которых практикуется серьезная подготовка к крещению, почти все крещаемые становятся активными прихожанами. В богослужениях таких приходов практикуется всеобщее пение, вемое хором, чтение Священного Писания на русском языке (так было до

недавней волны гонения на русский язык) и обращение чтеца лицом к верующим (как в Греческой и Антиохийской церквях), чтение «Тайных» молитв во всеуслышание (как, учил о. Александр Шмеман, а император Юстиниан приказывал делать это еще в VI веке). В некоторых из этих храмов после молитвы об оглашенных всем некрещеным и неверующим предлагается покинуть храм — литургия **верных** совершается **для верных**, как это и было в ранней Церкви. Вообще это церковное «обновление» является на самом деле возвращением к истокам/ но с применением к современности, использованием современных идиом в учении и обращении к миру.

' Как призывал профессор-протоиерей Георгий Флоровский: «Вперед, к отцам Церкви».

— 30. Постсоветская Россия —

631

Казалось бы, следовало приветствовать этот опыт, изучать его, перенимать его лучшие стороны. Вместо этого началась травля таких общин и их священников. Причин здесь много. Учитывая размеры этих общин, их миссионерскую, педагогическую и благотворительную деятельность, требующую — при недостатке священников, способных к такой деятельности, — колоссальных затрат энергии, личного аскетизма, труда, одобрение ее поставило бы основную массу священников в-требоисполнителей в очень невыгодное положение, ибо миссионерство требует от священника-миссионера большой работы над собой, способности быть всем — для всех, по словам апостола Павла, который с эллинами был эллином, а с иудеями — иудеем. Это значит нести христианство людям в понятных для них идиомах, на языке понятий и культуры данного человека, уметь идти навстречу современному человеку, а не ждать, когда современный постсоветский человек сам разберется с атеизмом, материализмом и христианством и придет к священнику «готовеньким».

Среди обвинений, выставляемых творческим священникам-миссионерам, упреки в том, что, помимо прихода или в составе его, они создают общины, которые якобы существовали только в первобытном христианстве и противоречат приходской структуре. При этом забывают об общине, например, недавно канонизированного о. Алексия Мечёва, унаследованной после его смерти в 1924 году его сыном — иереем Сергием, расстрелянным большевиками в 1941 году. Но в современной РПЦ как раз в консервативных приходах подлинных приходов и приходской жизни почти нигде нет. Ни «двадцатка», ни «десятка» приходом не является, хотя большинство священников да и церковное начальство именно «двадцатку» считают приходом. При такой системе основная масса верующих в жизни своей церкви не участвует и является просто «захожанами» или «прохожанами». При такой системе развивается чуждый православию клерикализм, образуется пропасть между мирянами и духовенством, в то время как понятие приходской общины предполагает тесное сотрудничество духовенства и мирян. В нормальной церковной структуре прихожане несут материальную ответственность за свой храм и берут на себя обязанности по содержанию хра-

632

— 30. Постсоветская Россия —

— 30. Постсоветская Россия —

633

ма и причта. Даже в самой богатой стране — Соединенных Штатах Америки — для нормальной жизни прихода требуется, чтобы приходская семья или община состояла по крайней мере из 30—40 обеспеченных семей. В современной же России содержание прихода вряд ли под силу группе численностью менее 500 человек. Приход является основной ячейкой Церкви,⁵ состоящей из мирян и духовенства в единой общине. Совместно они и управляют приходской жизнью. Приходские собрания, состоящие из всех молящихся, взявших на себя ответственность за церковь (а не только из «двадцатки»), выбирают церковный совет или правление, которое, как и настоятель, подотчетны приходскому собранию. Такое практикуется в современной России лишь в нескольких приходах, на которые наши ультраконсерваторы немедленно наклеивают ярлык — «обновленцы»!¹

Хотя во всех храмах возносятся молитвы за воссоединение Церквей, наши ультраконсерваторы (вместе с их карло-вацкими собратями) боятся любого шага к сближению не только с западными христианами, но даже с нашими восточно-православными собратями — коптами, эфиопами, армяно-григорианами, малабарскими христианами.⁷ Им

невдомек, что богословие коптов признано вполне **православным**, и в большинстве православных церквей коптов и прочих так называемых «монофиситов» причащают ровно так же, как и прочих православных. Делает это уже давно и митрополит Московской патриархии Антоний Сурожский. Упрекают консерваторы миссионерствующих современных священников в том, что они чаще ссылаются на православных богословов

Так он определен и в «Уставе» 1989 года, который почти нигде не применяется.

Кстати, такой же общинно-приходской системы придерживается и зарубежная Карловацкая церковь, которая так по сердцу авторам антикочетковской инвективы.

О которых митрополит Евлогий писал, что на Эдинбургской экуменической конференции 1937 года по его поручению греческие богословы, «проэкзаменовав» малабарских иерархов, пришли к заключению, что их богословие **православное**. См.: Евлогий, митрополит «Путь моей жизни», Париж: ИМКА-Пресс, 1947, с. 595.

и мыслителей нашего времени, чем на отцов Церкви. Даже если это так, то тут нет ничего зазорного. Естественно, для современного читателя понятнее писания своих современников (от Флоренского до Шмемана, от Афанасьева до Мей-ендорфа), чем вещи, написанные тысячу и более лет назад авторами, окруженными совершенно иной культурой и иными понятиями. О восстановлении церковной общины мечтал о. Александр Шмеман и проводил это в жизнь в приходе Свято-Владимирской духовной академии, ректором и профессором литургического богословия которой он был. Он же и другие современные нам православные богословы настаивали на частом принятии Святых таинств. Все это раздражает наших консерваторов прежде всего потому, что этого не было в дореволюционной России, которая для них остается эталоном для подражания во всем, забывая, чем окончились «предания» императорской России и в каком духовно плачевном состоянии была Церковь в императорской России, какой был упадок религиозности в народе накануне революции.⁸

Причину такого пиетета по отношению к «традициям» Синодального периода Русской церкви блестяще проанализировала мать Мария (Скобцова), замученная в нацистском концлагере за то, что спасала евреев.⁹ Одаренный поэт и религиозный мыслитель, монахиня Мария оставила нам в наследство замечательный критический анализ типов русского благочестия, в котором **пророчески** даны характеристики и историко-психологическая подоплека гонителей всего. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать мемуары профессора Санкт-Петербургской духовной академии и члена Императорской Академии наук Е. Голубинского. Многих поразило и даже возмутило, что, канонизируя сонмы мучеников советских гонений, а среди них и такие спорные фигуры, как последний царь или совершенно мифическая Матрена, Архиерейский собор 2000 года обошел молчанием таких подлинно христианских подвижников-мучеников, как слуги царя, в отличие от него добровольно избравшие путь мученичества, оставшиеся с царской семьей в Екатеринбурге, Мария (Скобцова) и отец Павел Флоренский. И тут политические расчеты возобладали над духовностью!

634

— 30. Постсоветская Россия •

— 30. Постсоветская Россия —

635

динамического, свежего, живого в Русской церкви сегодня. Мать Мария видит здесь несколько типов «благочестия»: **синодальный, уставщический, эстетический, аскетический и евангельский**. Коротенько коснемся их, но оставим «устав-щичество» на конец, поскольку оно наиболее профетично, а следовательно, и злободневно сегодня.

О синодальном типе мать Мария пишет, что это восприятие Церкви как «атрибута русской великодержавной государственности, впитавшей в себя идеи, навыки и вкусы власти. Государство ... карало за церковные преступления», а Церковь проклинала «за преступления государственные». За 200 лет синодальной системы духовная жизнь уступила первенство внешнему государственному вероисповеданию, охранению устоев, не допуская новшеств и не нуждаясь в творчестве. «Торжественные ... молебны и освящения воинских знамен вряд ли могут привнести в жизнь общества энергию Духа Христова», — пишет она, и добавляет, что в эмиграции это направление стало «отличительным признаком Карловацкой церковной группировки». " Хотя **эстетическое** благочестие восходит к летописному сказанию о выборе веры князем Владимиром, по которому главным критерием избрания Восточного христианства была красота богослужения. Введение партесного итальянского пения со второй половины XVII века с его

упором на мелодию за счет содержания и текста и писание «икон» по шаблону итальянских натуралистических портретов и духовных картин были той же данью кумиру эстетизма. Эстеты, по словам м. Марии, не творцы, а коллекционеры, охранители и ценители искусства. Они холодны по отношению к живому человеку и его страданиям. Господство эстетов в Церкви, предупреждает м. Мария, создаст духовный вакуум, который заполнят

«лжехристы и лжепророки, ... сектантские проповедники, баптисты, евангелисты, адвентисты, которые преподнесут голодным людям ... какой-то суррогат религиозной жизни... Кое-кто отзовется на это ... простое человеческое внимание, ... не сразу разберется, что ... его потчуют сомнительной смесью неграмотности, прекраснотворения и шарлатанства. Дурман подействует. И это еще углубит пропасть между Церковью и миром. Но, может быть, глаза, имеющие зрение любви, увидят, как из алтаря, огражденного великолепным иконостасом, ... выйдет Христос. Пение продолжает звучать, клубы ладана курятся... А Христос выходит на панель и смешивается с толпой нищих, прокаженных, отчаявшихся, озлобленных, юродивых ... И самое страшное, как бы не оказалось так, что блюстители красоты ... не поймут и не постигнут Его красоты и не пустят Его в храм, потому что за Ним будет следовать толпа, искаженная грехом ... И тогда их пение растает в воздухе, ладан рассеется, и Некто скажет им: "Алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня, был странником, и не приняли Меня..."

К этому приведет идолопоклонство, свойственное и эстетическому типу благочестия... любовь слишком страшная вещь,... — ей не место там, где царит раз навсегда найденная и утвержденная красота. И тут ... от священников ... требуется только одно: чтобы они были служителями культа, жрецами, ... почти в языческом смысле слова. И священник расценивается с точки зрения устава, с точки зрения музыкальности и красоты голоса... и т. д.».

И тут мать Мария задумывается:

«В Советской России ... Церкви запрещено все — разрешено лишь совершать богослужения. А может быть, это ... очень тонкий психологический расчет, основанный на том, что православное богослужение без дела любви, без явлений подвижнической жизни, без слова Божьего ... бессильно явить обмирщенному и обезбоженному человечеству Христову правду? Духовно голодный человек переступит порог храма, ... но на голод свой пищи не получит — потому что он хочет не только красоты, но и любви — и ответа на все свои сомненья. Таким образом, власть... замкнула церковные двери. Может быть, в этом смысле для Церкви было бы полезнее не иметь официального разрешения на богослужения, а собираться тайком в катакомбах...».¹¹

¹ К сожалению, в этом же направлении движется сегодня и Православная церковь в России, на что указывает ее недавно опубликованная «Социальная концепция».

По-видимому, м. Мария все же не совсем ясно представляла себе тотальность советской системы слежки и доноситель-

636

— 30. Постсоветская Россия —

Тип аскетического благочестия, указывает м. Мария, широко распространен во всех религиях и далее в формально безрелигиозных радикальных политических движениях. Например, в русском народничестве двух минувших столетий. Аскетизм в конце концов, как указывает автор, присущ и всякому творчеству, когда человек жертвует многим во имя осуществления своей творческой идеи, будь то музыка, литература или научный поиск. И м. Мария указывает: «Периоды церковной жизни, не пропитанные аскетизмом, являются периодами упадка, бездарности, вялости». Но в своих крайних проявлениях аскетизм вступает в «острое противоречие христианству», особенно аскетизм индуизма, «оккультных учений в теософии, в антропософии ... Задача такого аскетизма определяется принципом накопления природных богатств, ... умения их применять ... никакого наития иной сверхприродной силы он не ждет». Мать Мария признает, что такой тренировкой оккультный аскет может достичь очень многого. «Единственное, что в мире сильнее [такого аскетизма], — пишет автор, — это учение о нищете духовной, о растрате, раздаче, о расточении духовных сил, о предельном обнищании духа. Единственное самоопределение, которое сильнее его, это слова: «се раба Господня»¹², то есть добровольная покорность Богу, готовность со-выполнять с Ним Его план спасения человека, прежде всего — спасения своей души.»¹³ Мать Мария предупреждает, что самодостаточный

ства. Во-первых, рано или поздно почти все катакомбные группы были «вычищены» органами безопасности. Во-вторых, те немногие катакомбные группы, которые дожили до конца советской власти, оказались крайне малочисленными, и большинство из них в своей изолированности и при почти полном отсутствии образованных священников, а тем более богословов, ушли в какую-то смесь христианства с язычеством или оккультизмом. Духовному возрождению в постсоветскую эру они, во

всяком случае, ничего не дали.

¹² Слова Богородицы, когда к ней явился архангел Гавриил с вестью о предстоящем рождении у Нее Иисуса Христа от Духа Святого. Дева Мария могла ответить отказом - в этом вся суть той свободы, которую предоставил человеку Бог.

¹³ Как говорил Серафим Саровский: «Спасись сам, и сотни вокруг тебя спасутся».

— 30. Постсоветская Россия •

637

аскет может «творить милостыню, навещать больных [и т. д.] ... И только очень пристально присмотревшись, вы увидите, что делает это он не по самоотрекающей и жертвенной любви, полагающей душу за "други своя", а по аскетическому заданию ... Человек, человеческая [чужая] человеческая душа ... оказывается не целью, а средством для ... единственно моей собственной души».

Здесь она приводит знаменитые слова апостола Павла:

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я медь звенящая или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру ... а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».

Без самопожертвенной любви «аскетическое мироотречение является утонченным эгоизмом ... духовный эгоцентризм ... делает [аскета] духовным скрягой».

Мать Мария начинает свои размышления о типах благочестия с того, что она называет «уставщичеством». Мы, однако, решили поместить эту категорию ближе к концу ее размышлений, поскольку этот очерк оказался наиболее пророческим и провидческим в отношении современной постсоветской России и ее церковного благочестия. М. Мария указывает, что **уставщический** тип унаследован синодальной эпохой у старой Москвы, в частности, у старообрядческо-иосифлянского буквоедства. Но предоставим слово автору:

«Москва перековала в неподвижную форму ... византийское ... и библейское наследие ... вынула из него облагодатствованную и живую душу ... стала громоздить "заповедь на заповедь, правило на правило". Пышный разлив византийской риторики она восприняла, как некую неподвижную меру вещей, ... ритуализировала всякий порыв.

Максимальным выражением этого косного, неподвижного, охранительного духа было ... старообрядчество. (Далее м. Мария признает заслуги старообрядчества в сохранении подлинной иконописи и древнего пения, гораздо лучше отвечающего ритму и сути литургии, чем италианизированное церковное пение последних трех столетий.) Оно ... смеша-

638

— 30. Постсоветская Россия —

ло иерархию ценностей, ... шло на смерть ... за [букву] ... Тут речь о вере в особую магию ... слова, имени, ... буквы...».

Мать Мария мистически воспринимает дальнейшую судьбу старообрядчества как наказание за такое буквоедство, которое привело к тому, что, сохранив превосходные средневековые иконостасы, они потеряли ту суть, которой иконостасы служили: в беспоповских храмах, во всяком случае, за иконостасом нет содержания, нет престола, нет жертвенника, а лишь глухая стена.

«Все сбережено, кроме живой души Церкви ... осталась одна прекрасная форма... Тут люди получили кару... в самом достижении своей цели ... остались с мертвой оболочкой. Символ безалтарной Церкви зачастую осуществляется в человеческих душах».

И тем не менее:

«Задыхаясь в официальной, ... ведомственно-синодальной церкви, ... человеческая душа из синодального понимания благочестия уходила в уставщичество, противопоставляла его официальной казенщине...

Нравственный облик уставщика — это жажда абсолютной духовной устроенности, полное подчинение внутренней жизни внешнему, разработанному до мельчайших подробностей ритму... Он блюдет посты, живет ... содержанием церковного круга богослужений. В Церкви он не допускает никакого порыва, никакого выхода из раз установленных жестов... Он знает твердо, что от Пасхи до Вознесения преступно опуститься на колени ... он негодует, если что-нибудь в церковной жизни пропущено, потому что это *не полагается* (курсив мой. — Д. П.). И вместе с тем ему почти все равно, если читаемое непонятно... Он, конечно, *фанатический поборник славянского языка*. **Русский язык** в церкви кажется ему почти *кошунством* (курсив мой. — Д. П.)... Многочасовое чтение псаломщика погружает его в атмосферу благочестия... — содержание его не так уж интересует. Молитвы его продолжительны — он имеет ... неподвижное правило для них... Евангелие и Молитва Господня не выделяются им из общего состава этого правила... Если вы скажете, что вам что-либо непонятно, он ответит, ... что и не требуется

понимать...Духовная жизнь такого человека разработана во всех мелочах ... тут и своеобразный

— 30. Постсоветская Россия —

639

дервишизм, и отзвуки индуизма, а главное — страстная вера в магию слова,... жеста и ритма жестов... На этом пути можно добиться ... огромной внутренней дисциплины, огромной власти над собой ...

Единственное, что на этом пути *не* дается, это *любовь*... Уставщик знает, что он должен подать нищему ... он даже может организовать благотворение, ... но основной мотив для такой деятельности — это то, что она предписана,... является частью некоего уставщического понимания вещей» (курсив мой. —Д. П.).

Следующие слова оказались пророческими и имеют прямое отношение к обсуждаемой выше теме да и к теме тоталитаризма. Фактически то, что она пишет о климате официальной дореволюционной Церкви, вполне можно определить как церковный протототалитаризм.

Следует напомнить, что писала это м. Мария во второй половине 1930-х годов, в разгар трех прототипных тоталитарных диктатур — коммунизма, нацизма и фашизма. Вот ее пророческие слова:

«[Уставщический] тип благочестия имеет ... скорее тенденцию расти и распространяться,... если мы учтем всю обездоленность, покинутость, беспризорность и изможденность современной человеческой души. Суровый и разреженный воздух жертвенной любви ей не по силам... Она накидывает на хаос прочное покрывало положенного и дозволенного, и хаос перестает ее терзать. Она знает силу магических заклинаний, ... как дервиш — силу жеста и позы.

Эти особенности уставщического пути определяют его рост в наше время ... перед ним еще долгий путь расцвета ... мир жаждет сейчас авторитетных вождей, ведущих слепую и преданную массу за собою. Мы знаем **самую страшную диктатуру из всех когда-либо существовавших — диктатуру идеи.**»

Непогрешимый центр — партия ... или вождь велит думать и действовать так-то, и человек ... изумительно и непонятно легко перестраивает свой внутренний мир в соответствии с этой директивой... Если ... Церковь станет ... покровительствуемой [или] ...терпимой [со стороны власти],

¹⁴ Это не в бровь, а в глаз современным попыткам создать новую национальную идеологию, то есть снова толкнуть страну на путь тоталитаризма.

640

— 30. Постсоветская Россия —

и в нее придут новые кадры людей, воспитанных на обязательных директивах, то уставщичество сразу научит их, какому пути ... следовать, где ... директивы наиболее ... регламентирующие всю человеческую жизнь ... уставщичество противоположно пророчеству и созиданию... Если оно победит, то это значит... замирание творческого духа и свободы в Церкви...

Христос, отворачивающийся от книжников и фарисеев, ... идущий к блудницам и мытарям, вряд ли является Учителем тех, кто боится запачкать чистоту своих риз, кто целиком предан **букве**, кто блюдет только устав».

Символ глубокого кризиса православия мать Мария видит в том, что два главных духовных центра православия — Афон и Валаам (в то время находившийся в Финляндии) — озабочены не духовным спасением своих братьев, а спором «о новом и старом стиле в богослужении. Это то, что раскалывает их на партии, то, за что они проклинаят инакомыслящих, то, что определяет **меру вещей**».

«Уставщичество, — продолжает мать Мария, — являет себя тут как **рабство субботе**, а не как путь **Сына Человеческого**... Вместо Бога Живого, вместо Христа распятого и воскресшего не имеем ли мы тут дело с **новым идолом**, который в новом язычестве являет себя спорами о стилях — уставами, правилами, запретами — торжествующей над Сыном Человеческим субботой?

Страшно идолопоклонство в миру, когда оно **предает Христа во имя государства, нации, социальной идеи**... Еще страшнее **идолопоклонство в Церкви**, когда оно подменяет любовь Христову блюдением субботы».

Так мать Мария более семи десятилетий назад предрекла наступление на православие «уставщичества», расцветшего сегодня махровым цветом в изданиях типа сборника новопеченных богословов Свято-Тихоновского института «Суд им давно готов», авторов которого профессор Н. А. Струве называет инквизиторами и тоталитаристами, ибо только тоталитарная психология может с таким пафосом набрасываться на инакомыслящего, не признавать за человеком права на творческое мышление, считать Церковь неким совершенно окаменелым институтом, не допускающим и мысли о необходимости подачи вероучения в идиомах понятий человека XX

— 30. Постсоветская Россия —

641

или XXI века. Современные российские инквизиторы от православия, по-видимому, считают, что все ответы на все времена даны в Церкви раз и навсегда, и любое новшество есть ересь.¹⁵ А вот покойный профессор протопресвитер Иоанн Мейендорф говаривал, что в отличие от римско-католичества православие не претендует на обладание ответами на все вопросы. Оно не боится признать, что в Божьем творении и в промысле Его о Церкви, о человеке и о мире много загадок, на которые у Церкви нет ответа, что делает Православную церковь свободной и открытой для дальнейших богословских исканий. Именно поэтому православию более свойственно **апофатическое**, то есть отрицательное богословие, чем **катафатическое**, то есть утвердительное. Легче указать, чем Бог не является, чем дать определение Его качеств, ибо всякое такое определение ограничивает определяемый предмет каким-то числом характеристик, а Бог безграничен, и эту безграничность человеческого ум не в состоянии понять, а язык — выразить. Недаром одним из самых влиятельных богословских трудов XX века является книга Владимира Лосско-го «Мистическое богословие Восточной церкви», которая сделала огромный вклад в ознакомление протестантского и католического мира (да и многих православных) с апофатическим богословием православия.

Тут уместно сказать несколько слов о пятом типе благочестия у матери Марии. Это, конечно, **евангельский** тип духовной жизни. Во-первых, она предупреждает против смешивания евангельского благочестия с евангелическим сектантством, которое, по ее словам, «взяло из Евангелия лишь некоторое количество моральных предписаний, присоединило к этому довольно своеобразную и убогую свою догматику о спасении, о втором рождении, окрылило это ненавистью к Церкви и стало выдавать эту своеобразную смесь за подлинное понимание евангельского учения Христа». Мать Мария далее говорит о необходимости «охристовления» мира, которое, по ее мнению, содержится в словах апостола Павла: «Не я живу, но живет во мне Христос». А квинтэссенцией «охристовления» являются две заповеди Христа: «Возлюби Бога

¹⁵ См.: *Вестник РХД*, № 181, с. 255-261.

642

— 30. Постсоветская Россия —

всем сердцем и всей душой» и «Возлюби ближнего как самого себя». Обезбоженная любовь к человеку «приводит нас в тупик антихристианского гуманизма», который подменяет любовь к человеку любовью к человечеству — абстракции, во имя которой приносятся в жертву конкретные «человеки». Из любви к человечеству рождаются идеологии геноцида во имя создания «нового человека», будь то нацизм, коммунизм или еще какой-то «изм». Но и любовь к Богу без любви к человеку осуждена: «Лицемер, как ты можешь любить Бога, которого не видишь, если ненавидишь брата своего,... который около тебя?» Затем м. Мария рассматривает разные типы любви, которая тоже может быть эгоистическо-эксклюзивной, например такая любовь матери, которая ставит своего ребенка выше всех остальных:

«Только та материнская любовь, которая видит в своем ребенке подлинный образ Божий, присущий не только ему, а и всем людям, но ... как бы порученный на ее ответственность, который она должна развить и укрепить для всей неизбежной на христианском пути жертвенности, — ... только такая мать любит своего ребенка подлинной христианской любовью. От этой любви она будет более зряча к бедам других детей, более внимательна к их беспризорности».

Аналогичные стандарты м. Мария применяет и к любви к родине:

«Можно похотливо любить свою родину, стремясь к тому, чтобы она славно и победно развивалась, подавляя и уничтожая всех своих противников. Можно любить ее по-христиански, стремясь, чтобы в ней наиболее ярко явлен был лик Христовой правды... Можно идею всей своей жизни любить за то, что она моя идея. Можно и в ней видеть дар, данный мне Богом для моего служения вечной Его правде во время моего земного пути».

Крестный подвиг Христа преобразил **крест** из орудия пыток в «символ самоотрекающейся любви», ибо, как сказал Христос, «больше любви никто не имеет, чем тот, кто **душу** свою полагает за друга свои», не просто жизнь, а именно душу, то есть весь свой внутренний мир приносится в жертву за других. Именно так по примеру Христа поступили и мать Мария, и молодой парижский православный священник

— 30. Постсоветская Россия —

643

Дмитрий Клипеннин. Оба они погибли в немецких концлагерях за то, что спасали евреев от нацистских палачей в оккупированном Париже. Оба принесли себя в жертву за, казалось бы, «совсем других» — евреев.

Сила очерка матери Марии в том, что это не просто глубокая и сильная проповедь христианства,

которую каждый из нас слышал не раз от блестящих богословов и проповедников, а в том, что это программа жизни, которую до конца, до мученической смерти она прошла полностью — от божественной и романтической дочери Серебряного века с замужествами и разводами до монашества и самоотдачи без остатка.¹⁶

Прочитав этот замечательный богословский трактат, остается только пожалеть, что она не продлила его на исследование внецерковного христианства. Доживи она до нашего времени, можно с уверенностью предположить, что, например, таких борцов за спасение, человека и его достоинства с безграничной самопожертвованностью вплоть до собственной гибели, как Юрий Галансков, Анатолий Марченко, академик Андрей Сахаров, она причислила бы к евангельскому типу благочестия скорее, чем многих формально правоверных христиан, будь то уставщического, формально аскетического или эстетского типа, хотя вряд ли кто-либо из них был церковным человеком, а Сахаров прямо признавался:

«Я не уверен, где я стою по отношению к религии. Я не верю ни в какие догмы и не люблю официальные Церкви, особенно те, которые связаны с государственной властью... И тем не менее я не могу себе представить Вселенную без какого-то направляющего принципа, без какого-то источника духовного "тепла", которое нематериально и не связано физическими законами. Вероятно, это чувство можно назвать "религиозным"».¹⁷

¹⁶ Есть несколько версий ее смерти в концлагере. Согласно одной из них немцы отделили группу евреек, направляемых, как всем было ясно, в газовую камеру. При перекличке мать Мария назвалась именем одной из евреек, особенно боявшейся смерти, и пошла вместо нее на смерть.

¹⁷ Воспоминания Сахарова — обратный перевод с английского: P. Boobbyer «Religious Experiences of the Soviet Dissidents», in *Religion, State and Society*, vol. 27, September 1999, p. 376.

644

— 30. Постсоветская Россия —

В Евангелии говорится, что вера без дел мертва. У матери Марии с этим проблем не было. Если бы судьба матери Марии была менее трагичной, скептический читатель мог бы сказать: идеального православия нет и быть не может. Но своим подвигом м. Мария показала, что путь «охристовле-ния», проповедовавшийся ею, возможен и реален, а мы можем добавить, что люди вроде Сахарова всей своей жизнью и служением человеку гораздо ближе к «охристовлению», чем многие и многие ортодоксально-церковные христиане и чем сегодняшние российские церковные реалии, о которых один «электронный» батюшка РПЦ в одной из своих «интернетных» бесед заметил, что человек идет в церковь с радостью, «ждет, что тут-то отношения между людьми совсем не то, что в мире ... здесь же братья и сестры! Да и Бога боятся. И вдруг ... можешь оказаться жертвой такой подлости, что и в миру не сыщешь».

Это противоречие он объясняет тем, что в миру действуют законы, может плохие и плохо действуют, но все же они есть и «ты видишь, на что можно наткнуться, а где можешь расслабиться. Где лучше отступить, а где можно и побороться... В Церкви же ... вместо [законов и правил поведения] благодать и закон Божий. [А на практике] что же остается? ... застывшие формулы для оправдания чего угодно. Ты ходишь по этому лицемерному полю, не ведая в темноте, на что наткнешься».

Эти слова могут быть печальным ответом на знаменитое «Слово о законе и благодати» св. Иллариона, митрополита Киевского XI века, который, вслед за апостолом Павлом, отождествляет закон с Ветхим Заветом и грехом. А век Нового Завета — с благодатью, не требующей более закона. Примерно ту же утопию проповедовали наши славянофилы. А на практике получилось, что люди слишком несовершенны, грешны, чтобы общество, государственную систему, основывать на благодати и любви, а не на законе.¹⁸ Там,

¹⁸ Слышатся уже мне голоса осуждающие: как он смеет сомневаться в учении отцов Церкви. Но дело в том, что и они сами, будучи праведниками, ожидали праведности и в других людях. Кстати, в писаниях различных отцов Церкви немало разногласий. Они ведь тоже люди, а не боги. Это только «новые бо-

— 30. Постсоветская Россия —

645

где нет закона, даже в Церкви, господствует произвол и презрение к человеческой личности, созданной по образу и подобию Божьему.

В принятых на Архиерейском соборе в августе 2000 года «Основах социальной концепции Церкви» повторяется один из святоотеческих канонов, запрещающих христианам «судиться у внешних». Но при том вопиющем произволе, который господствует в современной РПЦ, до

сих пор не имеющей своего суда, хотя таковой предусмотрен «Уставом» 1988 года¹⁹, вряд ли будут иметь серьезное значение и принятые в 2000 году «Основы социальной концепции Церкви», утверждающие превосходство христианской совести над государственной политикой, и долг Церкви «отказать государству в повиновении ... если власть принуждает ... к отступлению от Христа, ... а также к греховным душевредным деяниям... Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, понуждающего к тяжкому греху. Священноначалие ... может ... призвать народ применить механизмы народовластия», то есть призвать к неповиновению власти. Было бы очень жестоко здесь задать вопрос церковноначалию, почему оно не отказывало в повиновении коммунистической власти? Наоборот, устами, например, митрополита Питирима (Нечаева) заявляло, что у Церкви с советским государством «разные мировоззрения, но идеология одна».²⁰ Нет и намек на признание вины за такие изречения и за вынужденное замалчивание иерархами гонений со стороны советской власти, а тем более за те дифирамбы, которые изливались церковными иерархами советской эпохи на коммунистическую власть за ее внешнюю и внутренне-гословы» из Свято-Тихоновского института, забывив азы богословия, боялся любого разномыслия да и вообще «мыслил».

¹⁹ Иными словами, церковное начальство пренебрегает постановлениями своих же соборов, номинально имеющими силу закона!

²⁰ А. Кырлежев «Церковь и мир в социальной концепции РПЦ», в *Русская мысль*, 21. Сентября, 2000. Иными словами, митрополиту Питириму Церковь видится в качестве тоталитарного организма, аналогичного богоборческому коммунизму, а следовательно, и системе тотального террора!

646

— 30. Постсоветская Россия •

ную политику на всевозможных конгрессах мира. Хотя любой здравомыслящий человек поймет крайне трудное положение духовенства, а тем более епископата, в советское время. Вряд ли после своего «послушания» советскому богоборческому режиму церковноначалие посмеет призвать народ не повиноваться тому или иному распоряжению демократического правительства, а если и посмеет, вряд ли голос его будет достаточно авторитетным, чтобы народ его послушался. Понимание и соболезнование достигается покаянием, а не молчанием, которое уж слишком напоминает замалчивание террора сталинской эпохи и правления Хрущева брежневским режимом, а затем посмертный провал «в небытие» Андропова и Черненко. Просто изумительно, что 70-летняя кровавая диктатура и гонения за веру и за любые формы разномыслия никак не отражены в основополагающем социальном документе церкви.²¹ Французским революциям XVIII-XIX столетий место в социальной концепции РПЦ нашлось, а для анализа коммунистической власти и позиции церкви при ней и последствий коммунистического террора на нынешнее внешнее и внутреннее состояние церкви да и русского народа места не нашлось. Нет и анализа причин падения авторитета Церкви в российской и общеевропейской истории, приведших к торжеству секуляризма. Вот недавно папа Иоанн Павел II испросил прощения у Православной церкви за кровавые избиения латинскими рыцарями жителей и особенно православного духовенства и монашества в Византии в 1204 году и за прочие исторические грехи Католической церкви по отношению к православным. Небезупречна и история Русской православной церкви: было иосифлянское сжигание жидовствующих, были бессмысленно жестокие гонения на старообрядцев да и участие духовенства в преследовании сектантов. Далеко не всегда добровольно переходили из мусульманства в православие башкиры и волжские татары. В общем, и грехи нашей

— 30. Постсоветская Россия —

647

²¹ Не потому ли, что признание права человека на разномыслие в гражданском контексте может усилить позиции церковной интеллигенции, требующей права на разномыслие и в Церкви (См. слова апостола Павла: «Разномыслию между вами надлежит быть»).

Церкви не ограничиваются лишь советским периодом. Все это требует глубокого анализа, как и покаяния за свои исторические грехи в таком основополагающем документе церкви. Но в «Основах социальной концепции...» нет и намек на самокритику.

Вообще об Архиерейском соборе 2000 года и о принятых им «Основах...», можно сказать: гора родила мышь, во всяком случае, по сравнению с Архиерейским собором 1994 года, когда было признано, что самым острым вопросом Церкви является вопрос образования духовенства. Было

принято решение в ближайшие годы рукополагать лишь лиц с окончанным богословским образованием, удлинив семинарское образование на один год и приравняв семинарии к высшим учебным заведениям. Собор 2000 года обошел этот вопрос молчанием, а на самом деле рукоположение недоучек и людей без богословского образования продолжается и согласно одному «электронному батюшке» епископы даже предпочитают рукополагать малообразованных: такими легче управлять, и они не будут пытаться вносить новшества. Такая позиция в корне противоречит Собору 1994 года, обратившего особое внимание на внутреннее миссионерство, в связи с чем указывалось:

«Миссионерское служение неразрывно связано с задачей восстановления полнокровной церковной жизни, ... необходимостью расширить усилия в области религиозного образования, катехизации и евангелизации... Православная миссия должна учитывать многоликость современного общества... Необходимо особо выделить миссионерскую работу с молодежью, организацию богослужений и религиозных бесед для детей и подростков».

Естественно, выделение вопроса о специальных богослужениях для молодежи, детей, подростков воспринималось читателем как «добро» на создание особых сокращенных богослужений для них, с разъяснениями содержания и смысла и с введением общепонятного русского языка, чтобы суть и смысл богослужения доходили до неопитов и молодежи, не понимающей славянский язык. Собор признал, что совершаемые в России богослужения непонятны современному поколению, и назначил комиссию по литургическим реформам,

648

— 30. Постсоветская Россия —

которые на Великом московском соборе 1917—1918 годов были отложены на 1919 год. Поскольку на том Поместном соборе реформа литургического языка была одобрена подотделом Соборного совета «О богослужебном языке», то определение 1994 года воспринималось как косвенное одобрение реформы богослужебного языка." (Как известно, из-за Гражданской войны и разграбления Церкви в 1919 году созвать Собор было уже невозможно.)

Далее Архиерейский собор 1994 года одобрил экуменическую деятельность Церкви и канонизировал первомученика большевистского антирелигиозного террора о. Александра Хотовицкого, который в годы своей пастырско-миссионерской деятельности в США был горячим участником тамошнего экуменического движения.²⁹ Ко всему прочему говорилось и о новом Поместном соборе в 1996 году; затем Поместный собор был перенесен на 2000 год. И вот вместо всего этого в 2000 году произошел лишь урезанный Архиерейский собор, в «идеологическом» смысле оказавшийся большим шагом назад по сравнению с Собором 1994 года. Но дело даже не в консервативности, а в том, как на фоне таких ожесточенных споров и различий во взглядах в церковных кругах по многим ключевым вопросам церковного строительства на Соборе господствовала «тишь, гладь, да Божья(?) благодать». Даже по такому спорному вопросу, вызывавшему бурные споры среди духовенства всех рангов (не говоря уж о мирянах), как канонизация царя Николая II и царицы Александры Федоровны, все, как в «доброе» советское время, было принято единогласно, вернее, почти единогласно: не согласился признать канонизацию лишь один архиерей — митрополит Нижегородский Николай (ныне уже покойный). Казалось бы, именно

²² См.: «Богослужебный язык Русской церкви». М.: изд-во Сретенского монастыря, с. 336—368.

²³ Св. Александр (Хотовицкий) был также страстным поборником богослужения на русском языке, заявив в подотделе о богослужебном языке Поместного собора: «Перевод, безусловно, необходим. Даже мы, священники, ... часто встречаемся с такими местами славянского текста, которые нам совершенно непонятны, и вместо сознательной молитвы ударяем звуками в воздух».

— 30. Постсоветская Россия —

649

на Соборе собрался форум для дискуссий и достижения консенсуса в спорах. Но нет, Собор оказался калькой съездов КПСС, когда спорные вопросы решались за кулисами, а съезд должен был демонстрировать всеобщее единство, монолит. Правда, один монолит оказался дутым и, пролив реки крови, рассыпался как картонный домик. Неужели и в этом следовать за КПСС, тупо отстаивая неподвижность?

Мы говорили выше о неудовлетворительности и половинчатости юбилейного Архиерейского собора (в августе 2000 года), выразившихся в отказе дать взвешенный анализ советской эпохи, уникального опыта существования Церкви в государстве воинствующего атеизма,²⁴¹

«состязания» веры в Бога с верой в обожествленную материю. Это необходимо, потому что это страшное прошлое начинает уже забываться новыми поколениями россиян, поскольку — в отличие от нацизма в постнацистской Германии — коммунистическая партия не только существует в России легально, но коммунисты занимают ответственные посты, даже в школах и ВУЗах, затуманивая мозги молодежи, создавая коммунистической партии вполне респектабельный образ.²⁵ Кому, как не Церкви, разоблачать эту ложь? Но чтобы иметь моральное право на разоблачение, Церковь должна смело раскрыть свое подсоветское прошлое, раскрыть обстоятельства своего подневольного сотрудничества с безбожной властью, пройти через некий российский «Нюрнберг» — без крови, без тюрем, но покаянием очистив себя и став прозрачной. Православный народ поймет и простит. Только после совершения такого акта покаяния станет возможен

²⁴ До 1917 года в истории не было такого прецедента. Гонения в Римской империи были гонениями от имени одной религии против другой. Это совсем не то, что марксистский атеизм.

²⁵ Например, только что — надо надеяться окончательно, — проваленный аттестационной комиссией декан Исторического факультета Санкт-Петербургского университета коммунист Фроянов, прославлявший Сталина, проповедовавший пресловутую коммунистическую доктрину враждебного окружения и преследовавший преподавателей, не соглашавшихся с ним и смевших получать гранты от зарубежных фондов. (См.: «Нераздавленная гадина», в *Вести.ru*, 18 мая 2001.)

650

— 30. Постсоветская Россия —

подлинный Поместный собор наподобие Великого Московского Собора 1917-1918 годов. Не трехдневка, как принято с советских времен, а такой, который будет заседать столь долго, сколько понадобится для решения всех накопившихся проблем — их, наверное, сейчас не меньше, чем было в 1917 году. Опять же, цитируя слова епископа Сергия (впоследствии патриарха) в 1905 году, для того, чтобы Собор что-либо решил и чтобы решения его были приняты всем церковным народом, он должен быть полностью представительным.²¹ А для этого должна возродиться внутрицерковная демократия: представители от мирян и духовенства должны быть подлинно избираемыми закрытым голосованием, а не назначаться епископом или благочинным.

В начале 1990-х годов Святейший патриарх Алексей II призывал интеллигенцию войти в церковные приходы — с одной стороны, научиться православному благочестию, воцерковиться, с другой — внести в церковную народную толщу понятия демократии, духовного и культурного просвещения. «Смычка» трагически не удалась. За исключением нескольких интеллигентских приходов в самых крупных городах, в церкви оказалось слишком мало священников, готовых «работать» с интеллигенцией и открывших ей двери своих сердец, а большинство интеллигенции не проявило достаточно терпимости и понимания обстановки, не сумело перешагнуть через трудности и влиться в церковную жизнь. Образовавшийся «церковно-просветительский» вакуум начал быстро заполняться переориентировавшимися на христианство вчерашними комсомольцами, разочаровавшимися коммунистами и прочим случайным элементом, спешащим не отстать от «моды». С собой они внесли в Церковь «совковое» тоталитарное мышление: узость миропонимания, догматич-

— 30. Постсоветская Россия —

^{я>} В своем ответе на вопросник Святейшего Синода о желательности реформ в Церкви по вопросу, каков должен быть состав Поместного собора, Сергий писал, что в условиях, когда епископат в отличие от ранней Церкви не избираем церковным народом, а бюрократически назначается, только полностью представительный Собор со свободно избранными депутатами от духовенства и мирян, будет достаточно авторитетным в глазах народа, чтобы его определения были им приняты.

651

ность, в которую быстро обернули клочки урывками подхваченного богословия, перемешанного с национализмом и горечью по поводу развала той империи, в которой они себя чувствовали гораздо комфортнее, чем при непонятной и неустойчивой демократии. Обиду на демократию они быстро превратили в привычный со времен коммунистического воспитания миф о враждебном окружении. Если в былые времена это было «учение» о классовых врагах, точащих ножи против совдеповского пролетарского «рая», то в постсоветской редакции оно превратилось в международный «амери-кано-жидо-масонский» заговор против России. Истина здесь, конечно, не при чем. Но на какую-то часть населения, в том числе и церковного, обездоленного условиями трудного переходного периода, эта

ненавистническая мифология влияет. А церковное руководство, по словам вышеупомянутого «электронного» батюшки, в страхе растерять и так немногочисленное стадо, вместо того, чтобы руководить и наставлять одурачиваемый национал-большевиками народ, плетется где-то сбоку — не впереди и не позади, а именно сбоку, чуть-чуть придерживая паству от крайностей.

Заканчивая наши невеселые наблюдения, процитируем еще раз мысли вышеупомянутого «электронного» батюшки, который дает жестокую, но меткую характеристику современной Русской православной церкви:

«Жив дух иосифлянства, но какого-то нищего.²⁷ Для настоящего нет **своего** естественного богатства, а для "заволжского"²⁸ нет молитвы».

И, как бы это не показалось парадоксальным, батюшка видит в современном русском церковном «истеблишменте»

²⁷ Иосиф Волоцкий был вождем с железной хваткой, так что для современного церковного руководства подлинное иосифлянство — лишь «голубая» мечта.

²⁸ Имеется ввиду современник Иосифа, Нил Сорский, исихаст, основатель скитов Заволжских старцев, проповедовавший нищету для монахов в подражание Христу. Победило в Церкви, как известно, иосифлянство с его проповедью материального богатства Церкви и сращения Церкви с государством (теоретически симфонией равных).

652

— 30. Постсоветская Россия —

дух **обновленчества**, проявляемый в церковном авторитаризме.

В заключение нашего исследования приведем пророческие слова вышеупомянутой матери Марии — ее видения Церкви в постсоветской России:

«Если в Церковь ... [в постсоветской России] придут новые кадры людей, этой властью воспитанные ... в какую-то минуту, почувствовав себя церковными людьми ... по полной своей неподготовленности к антиномическому мышлению, ... они вскоре станут говорить от имени Церкви, воплощая в себе ... знак непогрешимости. Отсюда следует своеобразный фундаментализм, мелочный и карательный. Если под воздействием марксистского миропонимания [адепты марксизма] пылают страстью ересемания и уничтожают противников, то в области православного вероучения они будут еще ббль-шими истребителями [инакомыслящих] и охранителями ортодоксии... За неправильно положенное крестное знамение они будут штрафовать, а за отказ от исповеди ссылают на Соловки. Свободная же мысль будет караться смертной казнью».²⁹

Правда, пока что не ссылают и не расстреливают. Но будь власть в руках «охранителей ортодоксии» карать «неверных» не только церковными карами отлучения, прещения и т.п., но и гражданско-судебными, тоталитарное мышление этих новых «ортодоксов» вряд ли отказалось бы от наказаний, названных матерью Марией.

Предметно-именной указатель

²⁹ Цитата из архивных материалов монахини Марии 1936 года. См.: М. Гаккель, протоиерей «Патриархальные порядки в Русской православной церкви», в *Вестник РХД*, №181, с. 242-243. Абдуррахман 599 Австро-фашизм 271-273 Авторитаризм 20 Александр II 102, 351 Алексей I (Симанский), патриарх 368 Алексей II (Ридигер), патриарх 650 Амшель, Фредерик 35, 53, 69,

76-77 Антоний (Блум),
 митрополит 632-633 Арабская социалистическая
 партия 532 \
 Архиерейский собор^ПЦ 2000
 года 645-651 Архипелаг ГУЛАГ 340 Асад, генерал, президент 535 Афляк, Мишель, Арсузи и Битар,
 лидеры «Бааса» 530-533
 «Баас» («Возрождение»), партия
 529-537
 Бад-Эмский указ 102 «Безбожник» (журнал, газета,
 организация) 364-365 Белая армия 158-162 Бердяев, Николай 114 Берия, Лаврентий 393 Бжезинский,
 Збигнев 22-26, 30-31 Блюм, Леон 389-390 «Боксерское восстание» 471-472 Боннхёфер, пастор 239 Бонч-
 Бруевич В. Д. 357 «Братия-мусульмане» 19, 535 Бухарин, Николай 339
 Ваххабизм 556
 Веймарская республика 178-181
 Великая депрессия
 (экономический спад в 1930-е годы) 190-192
 Вениамин, митрополит
 Петроградский 355 (сн.) Версальский мир 139-140, 531 «Вехи» 113-123, 150, 313 Вильсон, Вудро, президент
 США
 138-139
 Виттфогель К. 38 Власов А., генерал 393 Военный коммунизм 307-308 Восстания крестьянские 335-
 338
 Кронштадтское 335 Временное правительство 149-152 Вышинский А. 28-30
 Гевара, Эрнесто (Че) 504, 508-509 Гегель Ф. 55, 71, 79, 90 Генуэзская конференция 179 Гитлер и его
 религиозная
 политика 33-34, 215-246,
 387-389
 Гитлерюгенд 229-230 Горбачев 334 (сн.) «Государство
 и революция» 307 ГПУ, МВД, МГБ, НКВД, ОГПУ,
 ЧК 360, 361, 364, 392 Гражданская война
 (в России) 344-354, 357 Грин, Томас 71-72, 190
 Деканозов 398
 Джилас, Милован 452, 454-456,
 461-462 Дрейфуса дело 286-287
 Ежов (ежовщина) 393
 Захир-шах 603, 604
 Зиновьев Григорий 338, 339, 392
 Ирак 536 Испания 343, 390
 654
• Предметно-именной указатель —
 Кальвин Ж. 38, 39
 Каменев Л. 305, 319-320, 338, 392
 Кастро, Фидель
 и «Перманентная
 революция» 503, 510 Киров СМ. 342, 386, 388 Китай
 и Коминтерн 475-481
 и Тайпины 468-471 Кодреану К. 278 Коминтерн 374-378 Коминформ 454-455 КПСС 369 Концлагеря
 (ГУЛАГ
 и пр.) 308 КоонХ. 80, 151 Коран 544-545 Корпоративизм 65-67 Красная (советская) армия 344,
 362, 394-395
 Краснов П., генерал 155 Крупская Н. К. 358 Крымская (Ялтинская)
 конференция 415-418
 Лев XIII, папа Римский 54
 Левицкий С.А. 625-626
 Ленин В.И. 148 (сн.), 152, 154, 157, 316-318, 350-351, 354-355, 359, 374-381 и Церковь 323, 327-328
 Луначарский А. В. 364
 Мандельштам Н.Я. 337 Манолеску М. 279 Мао Цзэдун
 и маоизм 491-495 Маркс, Карл
 и марксизм 53, 113-114, 352-
 354, 358, 369 Муссолини Б. 34, 143, 204, 207-
 208, 397
 Мюнхенская конференция 398 Мусульманская государственность и мусульманский фундаментализм
 555, 558-567

Народничество 151 Насер Г. А. 534 Нацизм (левый) 219-221 Национализм 78-80, 98, 100
 Национал-социализм 180-189 Нацистское язычество 221-222 «Ночь длинных ножей» 387 НЭП 314, 334-338,
 358-360, 362, 3940
 Оберпрокуроры 96, 99, 103 Объединенная Арабская Республика 534
 Пан-арабизм 561, 570 Панславизм 100-103 «Парчам» 607-608 Петр I, император 39, 94-95 Петр (Полянский),
 митрополит
 360-361 Платон 42 Поволжье 340 Пол-Пот 13, 19 Польша 395, 397, 414-418 Поппер, Карл 41-42
 Православная церковь
 и советская власть 323-329
 и ВОВ 410-413
 и Хрущев 432
 Протототалитаризм 146-149 Пятилетки 340-341, 346, 408-409
 Рапалло(конференция)144 РатенауВ. 63, 176, 179 Рационализм 95-97 РКП(б),X съезд 310-314 «Рот-Фронт»
 383 Руссо, Жан-Жак 43-47 Рыков А. И. 338
 Садуль, Жак 376 Салаши, Ференц 275-276 Сахаров А. Д. 643-644 Сен-Симон К. А. 47-49 Сергей
 (Страгородский),
 митрополит, патриарх 361-
 363, 367, 410-413 Синдикализм 124 Синезий,
 епископ Ижевский 363 Скобцова, Мария, монахиня
 633-635,639-642,651 Славянофильство 101-102 «Смена вех»
 и сменовеховцы 313 Социальный католицизм/
 — **Предметно-именной указатель** —
 655
 Солидаризм 58-60 Союз воинствующих
 безбожников 364-366, 394 Сталин И. В.
 и Гитлер 403-406
 и репрессии 343-345 Сунниты 577-578 Суэцкая война 534
 Тальмон Дж. Л. 42-45
 Тихон (Белавин), патриарх 355,
 358-362
 Тоталитаризм 21-26, 28-35 Троцкий Л. 320-322, 338, 358,
 374, 380, 392
 и Церковь 328-330 Тухачевский М.Н., маршал 335 Тучков, Евгений 361
 Украина, голод 340 Утопии 22-23, 40 Учредительное собрание 157
 Фашизм 201, 204 Финляндия 345 Флоровский, Георгий,
 протоиерей, профессор 113-
 114
 Франк, Семен Л. 22, 112 Франко, Франциско, генерал
 299-302,390 Франция, Великая французская
 революция 43-47 Фридрих, Карл, профессор 23
 «Халк» 607
 Холодная война 437, 438, 440 Хомейни, аятолла 590-591 Хорти, Миклош 275 Хрущев Н. С. 368-369 Хусейн,
 Саддам 536-537
 Чернов, Виктор, глава партии социалистов-революционеров 150, 162-163
 Чехословацкий корпус 162-164
 Чичерин Г. В. 380
 Шариат 553-555
 Шевкунов Т., архимандрит 628
 Шуленбург, граф, посол
 Германии в СССР 399 Шииты-«двенадцатники» 579-
 583 Шмеман А., проф.,
 протопресвитер 629-630, 633 Шмитт, Карл 21
 Экзистенциализм 78, 91 Энгельс, Фридрих 352-354
 Ягода, Генрих 393
 Язык Церкви 628-631, 648
 Японский национал-социализм
 264-265, 268 Ярославский, Емельян (Миней
 Губельман) 357, 365-366